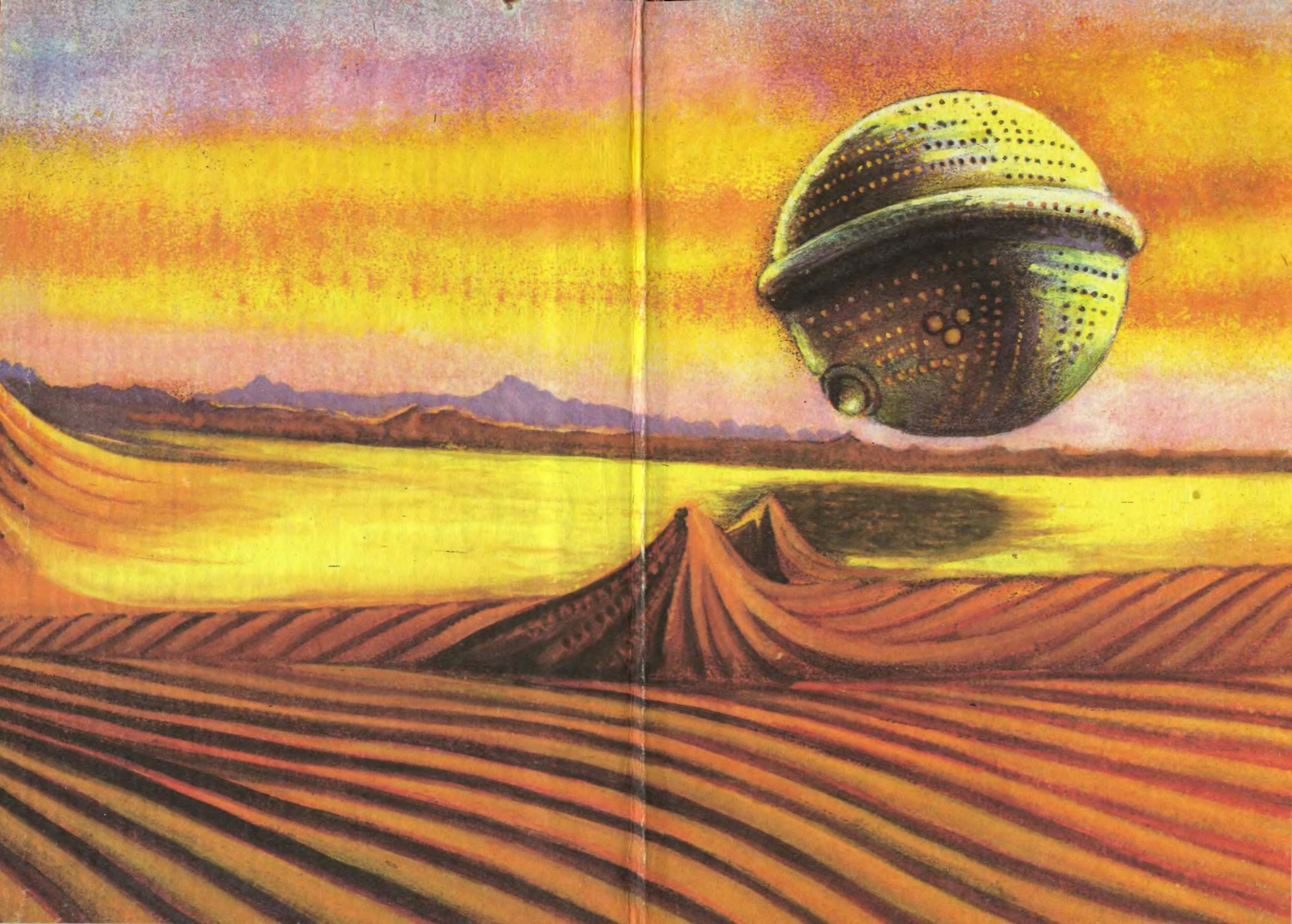

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ
КУРТ МААР
ФАБРИКА ДЬЯВОЛА
КУРТ МААР
ФАБРИКА ДЬЯВОЛА



ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ДЕТЕКТИВ

КУРТ МААР

ФАБРИКА ДЬЯВОЛА

Фантастические романы

ББК 84.4 Г
М 12

Художник **В. КИСЕЛЕВ**

Маар Курт

М 12 Фабрика Дьявола: Фантастические романы/Пер. с англ. В. Полуэктова.— Нижний Новгород, Флокс, 1993.— 495 с.: ил.

ISBN 5-87198-047-3

Курт Маар — один из ведущих фантастов современной Германии, работающий, преимущественно, в жанре приключенческой фантастики.

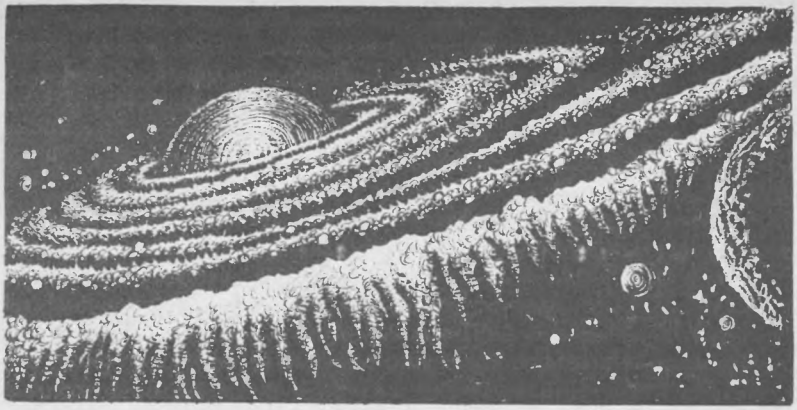
В сборник вошел роман «Туман пожрет их всех», рассказывающий о контакте со странной формой разумной материи, и романы из всемирно известной серии о приключениях Перри Родана: боевик — «Три дезертира», детектив — «Идол Пассы», космический вестерн — «Обелиски не отбрасывают теней», триллеры — «Фабрика Дьявола» и «Телепортеры, внимание!», объединенные общими персонажами и единой сюжетной линией.

М $\frac{4703010100—017}{Д40(03) — 93}$ без объявл. **ББК 84.4 Г**

ISBN 5-87198-047-3

© Составление, оформление, перевод. Издательство «Флокс», 1993

ТУМАН ПОЖРЕТ ИХ ВСЕХ



1

«Корабль ЭУР2002, командир Элф Вишер, цель исследования IGO 164835, Объединенные нации, Европейская ветвь. Старт 28 октября 2158 года с космодрома Штеттин. Бортовое время: 13 ноября 2159 года 15 час. 00 мин. На борту все в порядке. Корабль после второго пространственного прыжка находится в десяти световых годах от границ спиральной системы IGO 164835. Расстояние до Млечного Пути — 1,2 миллиарда световых лет. Через четыре часа корабль совершит второй пространственный прыжок и вторгнется в окраинную область спиральной системы. Конец записи. Диктовал Вишер».

Командир выключил записывающее устройство, взял катушку с записью, положил в одно из отделений ящика и опустился в кресло, стоящее перед пультом автоматики управления. Светящаяся шкала мгновенно показала скорость ЭУР2002 относительно пункта отправления. Однако относительно спиральной зоны чужой спиральной галактики корабль, по оценке красного смещения, двигался только со скоростью 30 000 км/сек.

Вишер осмотрел центр управления. Со времени старта, вот уже больше года, он старался примириться с мыслью, что этот корабль и это помещение — все, что осталось от Земли у него и его экипажа. ЭУР2002 был разобщен с родиной не только расстоянием в 1,2 миллиарда световых лет, но и временной дистанцией, составляющей 1,2 миллиарда лет. На Земле прошло именно столько времени, пока огромный космический корабль с высокой релятивистской скоростью двигался через межгалактическое пространство.

— Это совершенно по-идиотски,— сказал Вишер самому себе.

С тихим гудением открылась дверь, но Вишер не обернулся. Он уставился на огромный носовой экран, светившийся миллионами чужих звезд.

— Что по-идиотски? — спросил мелодичный, но довольно холодный голос главного корабельного врача Жаклин Ромадье.

— Выполнять указания организации, о которой на Земле никто не помнит уже тысячу миллионов лет.

Жаклин остановилась позади него.

— Сегодня на Земле ни у кого нет возможности вспоминать, месье,— сказала она холодно.— Вид хомо сапиенс к этому времени давно уже вымер. Кроме того, если вы считаете идиотским задание, или, по крайней мере, его исполнение, тогда делайте что-нибудь другое.

Вишер вздохнул.

— Смотрите, Жаклин...

— Моя фамилия Ромадье.

— Хорошо. Итак, смотрите, доктор Ромадье, каждый на борту знает, что вы невероятно разумны. Мы также очень хорошо знаем, что вы постепенно можете отказаться читать лекцию при каждой представившейся возможности. У меня есть свои собственные маленькие мысли, и никто не просит вас вмешиваться в них. Если вам не подходит то, о чем я думаю, тогда лучше закройте рот и исчезните.

Жаклин хотела было взорваться, но лишь сжала губы, повернулась и вышла из помещения. Вишер усмехнулся. Возбуждение пошло ему на пользу. Он ничего не имел против Жаклин Ромадье. Напротив, увидев ее в первый раз, он обрадовался возможности работать вместе с ней, так как Жаклин Ромадье была не только красивой женщиной, но и великолепным ученым. К сожалению, она считала, что всегда должна быть настороже с мужчинами, проявляющими настойчивость, поэтому окружила себя энергетическим экраном из холодной, высокомерной недоступности. Тем не менее она проявляла заботу о своих ближних, хотя даже личные беседы вела холодным, строго дозированным тоном, выражаясь иногда резко и прямо.

Вишер не жалел, что накинулся на нее. Цель, которую он хотел достичь в этой экспедиции — не та, что поручили ему Объединенные нации — заключалась в том, чтобы привлечь из резерва Жаклин Ромадье.

Пятью минутами позже дверь снова загудела, и через порог, споткнувшись, шагнул первый офицер Барлетта.

— Тише,— насмешливо произнес Вишер.— Мы еще далеко не на месте.

— Вид нашего прелестного главного врача сильно поразил

меня,— усмехнувшись, сказал Барлетта.— Я хотел пригласить ее выпить кофе, но она не отреагировала на мое предложение.

— Жаклин Ромадье была у меня,— сказал Вишер.

— Ага! Это все объясняет.

Барлетта нагнулся над пультом управления, потом взглянул на экран.

— Десять световых лет,— пробормотал он.— Как невероятно резок край этой гигантской звездной системы. Нет никакого плавного перехода. Абсолютная пустота — и сразу же за ней скопище звезд. Как должно выглядеть ночное звездное небо на одной из планет этой окраинной зоны? На востоке бесчисленные звезды, а на западе темнота?

— Ты можешь увидеть это уже здесь,— ответил Вишер,— только смотри на кормовой экран.

На кормовом экране не было ничего из великолепия носового экрана. Чернота пространства была почти абсолютной и прерывалась только шестью слабыми, размытыми пятнышками света — удаленными звездными островами, такими же, как их родной Млечный Путь или галактика IGO 164835, находящаяся перед ними.

— Когда мы совершим следующий прыжок? — поинтересовался Барлетта.

— В девятнадцать часов.

— Я только что встал! — запротестовал Барлетта.— А через четыре часа снова должен идти спать?

— Чего же ты хочешь? Веселиться, как на празднике?

— Ну хорошо,— вздохнул он, пожимая плечами.— По крайней мере мы скоро будем у цели.

* * *

В 18 час. 45 мин. Вишер приказал всем разойтись по противоперегрузочным камерам. Двигатель ЭУР2002 развил ускорение в 100 G. Технике же до сих пор еще не удалось противостоять такому чудовищному ускорению при помощи искусственного антигравитационного поля, и космической медицине пришлось искать способ выживания людей при таких условиях. Главная трудность заключалась в том, что циркуляция крови при высоком ускорении тормозилась и в конце концов полностью прекращалась. Врачам удалось найти способ поддерживать циркуляцию крови в теле человека почти до 250 G в противоперегрузочных камерах.

Фаза ускорения от нуля почти до скорости света при стократной перегрузке занимала около восьми часов, следующая за ней фаза свободного падения занимала несколько секунд, а длительность фазы торможения зависела от конечной скорости корабля.

Члены экипажа принимали долгодействующее снотворное. Гидромеханика противоперегрузочных баков хотя и поддерживала сердечную деятельность, но от боли не защищала, поэтому использовалось снотворное, которое выключало сознание и тем самым спасало от боли.

Вишер в последний раз проверил настройку автоматики управления. Как и при прошлых прыжках, он чувствовал себя несколько неуютно, подобно любому человеку, вынужденному доверить свою жизнь машине. И при десятом прыжке ничего не изменится. Потом он забрался в противоперегрузочную камеру, которая, подобно камере давно уже спавшего второго пилота Барлетты, была смонтирована в централи управления, выждал, когда за ним закроется входной люк, и сунул в рот капсулу со снотворным. После этого он натянул дыхательную маску, которая закрыла его рот и нос, и нажал на выключатель. Металлические ленты обхватили его лодыжки, плечи и шею, из подводящих трубок, булькая и шипя, потекла вязкая жидкость, которая, как он почувствовал, грея, поднимается по ногам. Несколькими мгновениями позже слабость, подобно серой простыне, накрыла его, и он заснул.

* * *

— Скорость по расходу энергии — 70 мега в сек.,— прочитал Барлетта.— Скорость относительно окраинной зоны галактики, являющейся нашей целью, нуль.

— М-м,— произнес Вишер.— Как глубоко мы погрузились?

— Край системы, как и предусмотрено, находится в тысяче световых лет позади нас.

— Ближайшая звезда?

— В десяти световых годах впереди. Гигант, тип О, как Оскар.

— Планеты?

— Даже если у голубого гиганта есть планеты,— разочарованно произнес Барлетта,— могут ли они нас интересовать?

— Хорошо,— усмехнулся Вишер.— Есть ли что-нибудь интересное?— Ожидая ответа Барлетты, он пробежал глазами данные, которые в это мгновение выдал бортовой компьютер.

Барлетта читал показания приборов.

— Да, туман,— сообщил он через секунду.

Вишер знал то, что в такой ситуации, как эта, он должен сказать своему подчиненному, с которым находился на короткой ноге: «У т е б я т у м а н в г о л о в е!!!»,— однако сообщение, сделанное вторым пилотом вскоре после прыжка, было занесено на ленту. Вишер своевременно вспомнил о том, что неприлично будет передать своим потомкам такой пример неряшливости.

— Что за туман? — проревел он.

Барлетта проявил к записи гораздо меньше уважения.

— Ну, просто туман,— ответил он.

— Где он? — спросил Вишер.

— Один-два-один по горизонтали, два по вертикали.

ЭУР2002 в качестве точки отсчета координат использовал направление своего полета, а компас-гироскоп поддерживал этот вектор в качестве нулевой линии.

Вишер снова уставился на большой экран. То, что он увидел, было феноменом, какого никогда еще видеть не доводилось. На расстоянии двенадцати световых лет находилась звезда, принадлежавшая, судя по ее свету, к тому же типу, что и Солнце. Эту звезду окружал туман, вытянувшийся в форме эллипсоида, и Вишер подумал, что в том случае, если эта звезда обладает планетной системой, что было весьма вероятно,— вся эта система погружена в туман.

— Разве это не туман? — спросил Барлетта.

— Вот наша цель,— сказал он вместо ответа.— Измените курс.

В задание ЭУР2002 входил сбор важнейших сведений, и Вишеру было ясно, что под этим он должен в первую очередь понимать встречу с чужим разумом. Но здесь имелся некий феномен, который Вишер должен был изучить непосредственно. Все взвесив, он решил, что необходимо считать самым важным, и подумал о своей короткой беседе с Жаклин Ромадье. Там, позади, на старой Земле, несомненно, не осталось никого, перед кем он должен был бы отчитаться.

Его задумчивый взгляд во второй раз скользнул по показаниям спектрального анализа.

— Линии поглощения азота, фосфора и углеводородов. Вероятно, они вызваны туманом.

Барлетта ничего не сказал, так как его итальянский темперамент был полностью отдан зрелищу, развертывающемуся перед ним на экране. Оценка увиденного в таких случаях интересовала его намного позже, однако механически, тысячу раз отточенными движениями, он вывел корабль на новый курс, следуя указаниям Вишера.

— Курс изменен,— сообщил он.

— Итак,— Вишер отвернулся от экрана,— четвертый прыжок.

— О, проклятье...— простонал Барлетта.

Тем временем бортовой компьютер сообщил точное расстояние до системы с туманом. Вишер ввел в него данные для четвертого и последнего прыжка. Другими словами, компьютер был запрограммирован управлять двигателями, пока экипаж находится в противоперегрузочных камерах.

Вишер взял микрофон и надиктовал в электронный бортовой журнал все, достойное внимания, что произошло с самого величайшего и захватывающего приключения в земной космонавтике.

— ... бортовое время: 21 ноября 2159 года, 8 час. 50 мин. На бор-

ту все в порядке. Корабль проник в окраинную область галактики GO 164835 на расстояние в тысячу световых лет. Теперь он находится на расстоянии в 12,3 световых годах от звезды типа Солнца, которая вместе с планетной системой — если таковая имеется — окутана туманом, состоящим из азота, фосфора и углеводородов. Командир счел этот феномен достойным изучения, и в двенадцать часов корабль совершит последний прыжок, который приведет его к этой системе.

* * *

— Расстояние до центральной звезды 8,35 астрономических единиц. Пока обнаружено пять планет, однако по другую сторону звезды, вероятно, есть еще.

Барлетта сухо прочитал данные. Другая проблема интересовала его намного больше, чем то, что теперь хотел знать Вишер, и он желал сравнить это с картами и диаграммами, разработанными компьютером.

— Туман исчез,— сказал он наконец.

— Ничего странного,— пробормотал Вишер, не отрываясь от работы, однако не дал никакого объяснения.

Барлетта некоторое время подождал, потом снова повернулся к экрану, на котором, притемненная фильтром, отображалась в виде кольца света центральная звезда с четко обрисованными контурами и световые точки — одна ярче, другая слабее — пяти планет, о которых уже сообщил Барлетта. На заднем фоне было видно усеянное бесчисленными точками звезд небо чужой галактики. Однако туман, который перед последним прыжком окутывал всю систему, как светящаяся мантия, бесследно исчез.

Вишер закончил расчеты и нашел результаты удовлетворительными. Он включил интерком и сказал:

— Ласалье, пожалуйста, зайдите в централь и захватите с собой пару ваших специалистов.

Ласалье — официально доктор Ласалье — руководил отделом химии на борту ЭУР2002. Чисто внешне это был сгорбленный старик, похожий на служащего торговой компании, карьера которого двадцать лет назад завершилась назначением на должность исполняющего обязанности советника по информации. В действительности же это был ученый высшего ранга, «подающий признаки гениальности», как любил выражаться Вишер. Кроме того, у него был весьма острый язык.

Барлетта должен был сдерживать свое нетерпение в ожидании появления Ласалье, ибо только тогда он узнает больше о странном поведении тумана.

— Господа,— начал Вишер, когда пришел вызванный ученый со своими сотрудниками,— мы здесь обнаружили очень интересный феномен.

И Вишер рассказал доктору Ласалье и двум его сотрудникам о том, что они с Барлеттой наблюдали с расстояния двенадцати световых лет.

— Наш первый,— добавил он с усмешкой,— беспокоится, ибо с нашей теперешней позиции он больше не видит тумана. А дело, вероятно, в том, что туман чрезвычайно рассеян. Я вспоминаю известную туманность Ориона, которая в земные телескопы видна в виде огромного плотного облака, а на самом деле ее плотность ограничена парой сотен молекул на кубический километр. Простой наблюдатель, находящийся в туманности Ориона, даже не заметит присутствия тумана — по крайней мере, не обычным оптическим путем. Такое образование вблизи можно обнаружить только чувствительнейшими приборами. Мы находимся в туманности и не можем заметить ее невооруженным глазом. Я же хочу,— он снова повернулся к Ласалье,— чтобы вы провели тщательные анализы...

— Что все это значит? — прервал его химик.— В с е мои анализы тщательны.

— Это моя ошибка,— сказал Вишер.— Я должен научиться выражаться осторожнее. Пожалуйста, извините. Но вернемся к туману. До сих пор мы знаем только то, что его составные части — азот, фосфор и углеводороды. Было бы весьма интересно узнать, какие вещества есть там еще, кроме названных. Но лучше подождите, пока автоматический зонд не сможет собрать достаточное количество этого рассеянного вещества.

— Я благодарю вас за вспомогательные сведения,— насмешливо ответил Ласалье и, поклонившись, удалился.

— Впредь ты должен давать объяснения, трижды подумав,— сказал Барлетта.— В конце концов не обязательно всему экипажу знать, что я иногда ошибаюсь.

— Первый офицер,— улыбнулся Вишер,— продолжайте читать показания приборов.

Барлетта с усмешкой по-военному отдал честь:

— Есть, господин капитан.

Звезда вместе с восемью соседними звездами образовывала созвездие, очертаниями напоминающее покосившийся дом. Оно было образовано четырьмя яркими звездами, поэтому Вишер назвал его Домус, а вышеназванную звезду — Дельта Домус.

Дельта Домус была несколько больше земного Солнца, а температура ее поверхности достигала почти 7 000 градусов. Ближайшая из замеченных Барлеттой планет обращалась вокруг центральной звезды на расстоянии двухсот миллионов километров, а на расстоянии еще двухсот миллионов километров находилась вторая плане-

та, температурные условия которой были близки к земным. Была обнаружена и проанализирована атмосфера, окутывающая планету, которая на сорок процентов состояла из кислорода, на тридцать — из гелия и на тридцать — из азота. Присутствие остальных газов с такого расстояния обнаружить было невозможно.

— Скорость относительно Дельты Домус 39 мега,— прочитал Барлетта.

Расстояние между планетами и небольшие межзвездные расстояния в космонавтике обозначались в метрах, скорость — в метрах в секунду. Для обозначения использовались привычные префиксы: мега (для миллиона), гита (для миллиарда) и тера (для биллиона). Скорость ЭУР2002 в настоящее мгновение составляла около 39 000 км/сек.

— Если мы будем тормозить с перегрузкой 9 G,— просчитал Вишер,— то второй планеты достигнем примерно за пять дней.

Ускорение торможения в 9 G каждый член экипажа на короткое время мог вынести без особого труда. Не было ни одного космонавта, который не доказал бы, что он может вынести перегрузку в 12 G, не теряя сознания хотя бы в течение пятнадцати минут. Но 9 G в течение ста двадцати часов — совсем другое дело, поэтому у Вишера не оставалось другого выбора, как снова послать экипаж в противоперегрузочные камеры.

— К сожалению, я еще раз должен побеспокоить вас,— сказал он в интерком.— Наша цель установлена, в ближайшие пять дней корабль будет тормозиться с перегрузкой в 9 G, и я думаю, что ни одному из вас не хочется так долго таскать на себе девятикратный вес своего тела, поэтому еще раз прошу вас забраться в противоперегрузочные камеры. Включение двигателей через сорок минут. Увидимся снова через пять дней.

Через полчаса на борту огромного звездного корабля воцарилась мертвая тишина, за исключением вечного гудения и щелчков приборов. Через сорок минут после приказа Вишера включились двигатели, которые выбросили в пространство могучие потоки ультрафиолетовых лучей, чтобы погасить огромную скорость ЭУР2002. Корабль каждую секунду уменьшал свою скорость на 90 метров. За пультом управления не было ни одного человека, режим работы двигателей определялся программой, заложенной в бортовой компьютер.

* * *

— Туман! — вскричал Барлетта и всеми десятью пальцами указал на экран.

За центральной звездой медленно двигалось облако — не очень

плотное, но ясно различимое. Вишер смотрел на него со своим обычным холодным, неподвижным выражением лица, на котором не было и следа возбуждения.

— В непосредственной близости от солнца плотность тумана, очевидно, больше, чем где-либо в другом месте,— заметил он деловито.

Барлетта, напротив, не скрывал своего возбуждения.

— Он двигается вокруг солнца по часовой стрелке! — воскликнул он через несколько минут напряженного наблюдения.

Это был первый факт, нарушивший спокойствие Вишера. Он вскочил и замерил медленное движение тумана по шкале экрана.

— Верно! Он движется в сторону, противоположную движению планет.

Астрофизикой было, несомненно, установлено, что планеты, возникшие вместе со своим солнцем из единой протозвездной субстанции, получили единый момент вращения. Из открытия же Барлетты возникал вопрос, как совместить систему Дельты Домус с этим туманом. Из направления его вращения выходило, что он возник не из первоначальной субстанции. Вишер предположил, что его, вероятно, затянуло из открытого космоса и он попал в плен гравитации этого желтого солнца.

Теперь ЭУР2002 находился лишь в 20 млн. км от своей цели. Тем временем Барлетта обнаружил еще три планеты этого солнца, одна из которых находилась между внутренней планетой и планетой-целью, ставшей таким образом третьей планетой этой звезды.

До посадки или выхода на круговую орбиту осталось шесть часов, и Вишер намеревался вывести ЭУР2002 на эту орбиту на высоте 1000 км над поверхностью планеты, чтобы провести подробные наблюдения во избежание ненужного риска при посадке.

Беспокойство среди двухсот членов экипажа заметно возросло. Мужчины и женщины ЭУР2002 в общем и целом были информированы о значении предстоящих маневров корабля — в каждом помещении были экраны, на которых в мельчайших подробностях была показана система Дельты Домус. Кроме того, они знали, что корабль приближался к планете, очень похожей на Землю, а, может быть, самой похожей из всех, какие были найдены за все время космических полетов землян.

Централь управления захлестнули вопросы из всех частей корабля. С бесконечным терпением Вишер предлагал подождать, пока у него не станет больше данных. Но его в первую очередь интересовала не землеподобная планета, а странный туман, удивительно сконцентрировавшийся вблизи солнца.

Тем временем Барлетта сообщил, что центр этой концентрации обращается вокруг солнца на расстоянии 65 гита, то есть 65 000 000 км. Он двигался возле орбиты первой планеты, вне ее.

Туман имел неравномерную причудливую форму. Вишер фотографировал его через равные промежутки времени, чтобы засечь возможные изменения. Снаружи это странное образование превращалось в тонкие нити и шлейфы, тянущиеся далеко в пространство и становящиеся в конце концов невидимыми, как только их плотность опускалась до плотности, с которой туман окутывал остальную часть системы.

Анализы Ласалье показали, кроме уже известных составных частей, значительную примесь кислорода, а также следы почти всех других элементов. Помимо этого была также обнаружена значительная примесь органических веществ, которые на Земле были известны в твердых формах. Здесь же, вследствие сильного рассеивания, они находились в газообразном состоянии.

— Состав тумана не соответствует тому, что мы знаем о межпланетном и межзвездном веществе,— сообщил Ласалье, как с кафедры.— Здесь слишком много следов тяжелых элементов, а обнаруженные нами полимерные углеводородные соединения должны были давным-давно разложиться на составные части под действием мощного солнечного излучения.

— Как вы это объясните? — спросил Вишер.

— Пока никак,— ответил Ласалье, угрюмо покачав головой.— Вышеупомянутая концентрация полимеров может существовать только в том случае, если она постоянно возобновляется и отбрасывает продукты распада в качестве отходов. Но я не могу себе представить, как в открытом пространстве может возникать такое количество углеводородов.

Между тем скорость ЭУР2002 упала почти до нуля. Барлетта при помощи своих инструментов рассчитал орбитальную скорость для предусмотренной высоты в 1000 км. Она составляла 7300 м/с. Благодаря этому стало очевидно, что сила тяжести на чужой планете была очень похожа на земную.

С расстояния 50 000 км этот мир на экранах корабля представлял из себя импозантную, очень знакомую картину. Белые массы облаков двигались над континентами, основные цвета которых были такими же, как и на Земле. Полярные шапки по площади были меньше, чем на родной планете, а распределение воды и суши — пять к трем — очень напоминало Землю.

Вишер медленно снижал ускорение торможения и достиг предусмотренной орбиты в 1000 км высотой без дополнительных маневров коррекции. Наступила невесомость. После долгих месяцев непрерывного ускорения люди чувствовали себя довольно неуютно. У них возникло ощущение бесконечного падения, которое усиливалось видом близкой поверхности планеты.

— Отсюда мы можем посмотреть, есть ли на планете разумные существа, но на посадку пойдем только тогда, когда пять раз обле-

тим вокруг планеты,— проинформировал Вишер экипаж по интеркому.— Теперь я обращаю ваше внимание на то, что после посадки, находясь вне корабля, в любом случае нужно носить скафандры. Хотя сама атмосфера пригодна для дыхания, она, по всей вероятности, пронизана туманом, который окутывает всю систему. Пока мы не знаем, в какой концентрации вещество тумана присутствует в атмосфере планет, поэтому носить скафандры — ваша обязанность. Дальше, я...

Его прервали. Барлетта в диком прыжке подскочил к Вишеру, толкнул его в плечо так, что тот отлетел в сторону, и ударил кулаком по клавише интеркома.

— Мы падаем! — рявкнул он.

Вишер почувствовал комок в горле и одним взглядом окинул показания приборов. ЭУР2002 покинул орбиту и падал по параболе со скоростью 8 м/сек, приближаясь к поверхности планеты.

— Причина? — коротко спросил Вишер.

— Неизвестна,— ответил Барлетта.

— Компенсировать носовыми дюзами.

— Понятно.

Понаблюдав за действиями Барлетта, Вишер снова включил интерком.

— Извините, если я кого-то прервал,— по его голосу не было заметно, что произошло что-то непредусмотренное.— Я должен поставить вас в известность: впредь покидать корабль будут только небольшие группы, составлять которые я буду сам. Мы не знаем, какие опасности поджидают нас на этой планете, поэтому не можем спешить, дабы не наткнуться на что-то, не известное нам. Я прошу всех, у кого есть соответствующие приборы, во время облета держать глаза открытыми, докладывая в централь о каждом сделанном открытии. Конец указаний.

Он поспешно отключился и повернулся к Барлетте:

— Что случилось?

Барлетта пожал плечами с выражением отчаяния на лице.

— Посмотри сам,— произнес он сердито.

Вишер с первого взгляда понял, что носовые дюзы работали на полную мощность, но, несмотря на это, корабль продолжал падать, хотя и немного медленнее, чем прежде, но так же неудержимо.

— Причина уже известна?

— Нет, но я еще пытаюсь обнаружить ее.

Двигатели ЭУР2002 были в состоянии за два дня разогнать корабль до субсветовой скорости. За это время они развивали мощность в семьсот триллионов киловатт, так что неописуемая сила, влекущая корабль к почве и полностью гасящая всю мощность носовых дюз, намного превышала тягу двигателей. Такое огромное

количество энергии нигде во Вселенной вырабатываться не могло незаметно, но на экране не было видно ничего,— абсолютно ничего, что указывало бы на то, кто или что тянуло ЭУР2002 вниз.

— Расстояние до почвы восемь-пять-ноль кило.

Взгляд Вишера упал на электрометр, показывающий плотность поля за пределами корабля. Цифры на шкале бессмысленно и бессистемно прыгали взад и вперед. Нажатие на контрольный рычаг не оказало никакого видимого действия. Прибор вышел из строя.

Вишер действовал молниеносно. Все показания приборов в течение всей экспедиции сохраняются в банке данных, поэтому он открыл кассету электрометра, присоединил ее к видеоэкрану и пустил запись в замедленном темпе. Прошла секунда, и указатель на экране устремился вверх от нулевой отметки. Должно быть, прибор был поражен электротоком чудовищной мощности. Указатель в течение нескольких наносекунд показывал 2000 вольт на метр, потом пошли бессмысленные показания... Электрометр перегорел.

У Вишера на лбу выступили капли пота. Невозможно было, чтобы эта планета обладала электрическим полем, в миллиард раз превосходящим поле Земли. Но не существовало возможности в течение одной секунды войти в поле такой мощности. Электрические поля подчинялись закону, который гласил, что их сила уменьшается пропорционально квадрату расстояния от источника. Будь планета опутана невероятно сильным полем, электрометр зарегистрировал бы его постоянное нарастание. Но поле, в котором находился ЭУР2002 — ничего другого Вишер не мог себе вообразить — было своевременно в к л ю ч е н о.

Он заменил вышедший из строя прибор новым, который отказал, как только были присоединены сенсоры, находящиеся на внешней обшивке корабля.

— Обшивка корабля состоит из диэлектрического материала,— объяснил он,— а диэлектрики притягиваются в область более высокого электрического поля, так что мы движемся в неоднородном поле, которое, вероятно, исходит с поверхности планеты, вытягиваясь в пространство в виде воронки.

Барлетта кивнул.

— Скорость падения больше не увеличивается,— сообщил он через некоторое время.— Теперь двигателям удалось компенсировать притяжение. Скорость снижения — сто в секунду, расстояние до поверхности — семь-восемь-шесть кило.

Вишер удивленно покачал головой. Наивысшие показания электрометра составляли около 2000 вольт на метр. Такую силу поля получали в основном только в лабораториях. И он до сих пор так думал. Однако здесь поле такой чудовищной напряженности было естественным.

Барлетта все еще держал двигатели включенными на полную

мощность. Хотя они не мешали снижению, но препятствовали дальнейшему ускорению падения.

В мучительном беспокойстве прошел час. Вишер проинформировал экипаж настолько, насколько это казалось ему необходимым, и убедился в том, что в данное время им пока еще не грозит никакая опасность.

— Все еще сто в секунду, высота триста километров,— доложил Барлетта, а секундой позже добавил: — Если мы будем снижаться такими темпами, то все будет хорошо.

На высоте 50 км поле, казалось, внезапно немного ослабло, так что двигатели теперь были в состоянии замедлить скорость падения.

— 80 в секунду,— сообщил Барлетта, затаив дыхание.— Скорость падения продолжает уменьшаться.

В голове Вишера созрел авантюрный план. Напряжение поля упало, двигатели корабля давали возможность прекратить падение и совершить плавную посадку. Разве не похоже было, что где-то там, внизу, находятся разумные существа, вынудившие ЭУР2002 пойти на посадку при помощи превосходящей техники?

Под опускающимся кораблем тянулась ровная местность, покрытая густой зеленой растительностью, на горизонте выступали высокие, тянущиеся в дымке горы. Разумные существа, если таковые действительно имелись здесь, никаких следов не оставили. Нигде не было видно ни одного поселения, никаких признаков строений. Равнина была мертвой и неподвижной.

— Высота 20 кило, скорость 50 в секунду.

Скорость продолжала падать. С работающими на полную мощность двигателями, поток ультрафиолетового излучения которых ионизировал воздух и превратил растительность на почве в желто-коричневый трут, ЭУР2002 плавно, словно пушинка, совершил посадку. Вишер выпустил телескопические опоры и по экрану наблюдал, как они под влиянием веса корабля погрузились в почву на метровую глубину. Внешние микрофоны донесли в централь управления шорох сгоревшей травы, треск и скрип. В самом корабле — если только он не сидел перед экраном — никто посадки не заметил. Таинственные неизвестные должны были оценить мастерство чужаков.

* * *

Через пять минут после посадки ЭУР2002 снаружи исчезло электрическое поле, и Вишер возблагодарил небо, что в конструкциях корабля использовалась весьма малая масса металла. Нагрузка на металлические части под влиянием сверхсильного поля

и магнитные колебания, возникшие при его исчезновении, могли иметь серьезные последствия.

У Вишера была привычка в такие мгновения сразу же после посадки на небесное тело, на которое еще никогда не ступала нога человека, обращаться к экипажу с несколькими словами, подчеркивающими значимость этого мгновения.

Но теперь его останавливали странные обстоятельства этой посадки, поэтому ему не хотелось тратить слова, подчеркивая важность такого приземления, ибо не имел намерений садиться на эту планету, и он ограничился указанием:

— Корабль благополучно совершил посадку. Начальников секторов, за исключением доктора Ласалье, прошу ко мне. Доктор Ласалье, пожалуйста, сделайте первые анализы внешнего воздуха, прежде чем прийти в централь. Меня интересует, пронизывает ли межпланетный туман атмосферу планет. Конец.

Шефы секций были руководителями различных научных отделений экспедиции: медицины, биологии, химии, физики, геологии и целого набора гуманитарных наук. За десять минут они собрались в просторной централи управления. Среди собравшихся была доктор Жаклин Ромадье, чьи очки в тяжелой роговой оправе подчеркивали ее неприступность, хотя стекла в них — Вишер готов был поклясться — состояли из оконного стекла. Мебель в централи была подобрана таким образом, чтобы создавать ученым удобство конференц-зала.

Вишер в нескольких словах сообщил о происшествии, которое привело ЭУР2002 к посадке на чужую планету.

— Дамы и господа,— сказал он в заключение,— событие, коснувшееся нас, настолько своеобразно и феноменально, что я ни от кого не ожидаю, что он может дать какие-то объяснения этому. Но, может быть, у кого-нибудь из вас есть какие-то предположения. В таком случае я прошу вас высказать их.

— Я полагаю,— сказала Жаклин Ромадье, вставая,— что объяснение феномену, вынудившему нас совершить посадку, должны дать физики. Мне непонятно, как командир может ожидать теории физических процессов от неспециалистов.

Все взгляды скрестились на Вишере. Барлетта усмехнулся. По лицу командира также скользнула насмешливая улыбка.

— Доктор Ромадье,— сказал он,— основы теории электричества при сегодняшнем состоянии земной цивилизации известны каждому десятилетнему ребенку, а этих основ вполне хватит для понимания возникшей проблемы. Мы попали в сильное неравномерное электрическое поле, которое нас и притянуло. То, что нужно знать для этого, известно даже вам. По крайней мере, я полагаю, вы когда-нибудь посещали школу.

Это замечание остановило доктора Ромадье, и, ничего не отве-

тив, она села. С окаменевшим лицом она просидела до конца дискуссии, не проронив ни слова. В централи послышались звуки, какие издают мужчины и женщины, пытающиеся подавить смех.

Других мнений не было, и собрание ограничилось констатацией того, что произошло удивительное событие и что эту проблему надо попытаться обосновать. В это время в помещение вошел Ласалье.

Сделанные им анализы показали, что туман проник также и в атмосферу планеты, но в значительно большей концентрации, чем снаружи, в открытом пространстве.

— Покидать корабль без скафандра не советую,— сказал Ласалье в заключение.— Хотя ядовитых газов не обнаружено, зато в результате присутствия различных органических примесей тумана снаружи такой отвратительный смрад, что пребывание там без скафандра — весьма сомнительное удовольствие.

Повторив запрет покидать корабль без скафандров, Вишер вместе с начальниками отделов составил экспедиционные группы. Первая группа состояла из биологов, химиков и геологов, в сопровождении отряда защиты из десяти человек, и должна была покинуть корабль в пять часов.

— Я прошу вас быть ответственными и поддерживать с централью непрерывную связь,— напутствовал их Вишер.— Эта планета кажется мне такой невероятной, что я не хочу пренебрегать никакими мерами предосторожности.

Спустя полчаса по общей связи последовало очередное сообщение. Элф Вишер как командир корабля воспользовался своей привилегией дать имя чужой планете.

— При подлете мы видели туман, который выглядел словно гонимый ветром,— донеслось из динамиков интеркома.— В традициях классической мифологии я нарекаю этот мир именем Эол.

Затем в кабинете начальника медицинского сектора раздался громкий смех. Доктор Жаклин Ромадье объясняла каждому, кто этого хотел, что Эол — это греческий бог ветра.

— Кто не может отличить туман от ветра, тот не должен претендовать на должность капитана!

2

Сначала работа оставшихся на борту астрофизиков была более успешной и результативной, чем у высаженных экспедиционных групп. Они установили длительность обращения, наклон оси, климатические условия, магнитное поле и сделали крупномасштабную карту планеты Эол, в то время как высаженные группы всего лишь установили, что обнаруженные растения — в основном трава

и низкие кустарники — хотя и не входили в таксономию земной ботаники (а кто этого ожидал?), обладали такой же биомеханикой, как и земная флора. Высокоразвитой животной жизни найдено не было, кроме живых существ, обнаруженных одной из групп, которых можно было отнести к земным членистоногим. Следовательно, эольская эволюция ничего еще не создала. Геологические исследования также не дали никаких заметных результатов.

Барлетта выразил свое недовольство саркастическими словами:

— Да, стоило из-за этого преодолеть половину вечности и Вселенной! Я, по крайней мере, ожидал, что деревья здесь красные, а реки зеленые или желтые. Но вместо этого все, как дома.

Но Вишер смотрел на все это иначе.

— Наша посадка была достаточно возбуждающей. На этой планете так поразительно много неизвестного, что я каждую минуту ожидаю какую-нибудь неожиданность, которая настигнет нас.

Нужно признать, что он оказался прав в своих предположениях, а пока дни проходили в расслабляющей однотонности. Со времени их странной посадки каждый был убежден, что чужая планета скрывает какую-то тайну, и это держало людей в напряжении, которое сделало их нервными и раздражительными.

Через десять дней Вишер решил отменить запрет на выход наружу в одиночку. Теперь каждый по своему желанию мог покинуть корабль и свободно передвигаться в радиусе километра от места посадки, однако прежде необходимо было отметиться у компьютера в одном из воздушных шлюзов, а по возвращении снова доложить ему, чтобы в любое время было ясно, кто из экипажа находится на борту.

Вишер и Барлетта охотно проводили дни в маленьких стычках с Жаклин Ромадье, которая много раз на дню находила причины для жалоб. И хотя она могла сообщить командиру о своих заботах и претензиях по интеркому, но каждый раз приходила в централь, чтобы лично изложить свои жалобы Вишеру.

Барлетта дальше улыбки и покачивания головой не заходил.

— Или она истеричка,— сказал он,— или ее мучит что-то другое.

— Что именно? — спросил Вишер.

— Возможно то, что есть в одном из нас двоих.

Вишер пораженно посмотрел на него, а потом громко рассмеялся.

* * *

Первую большую экспедицию возглавил сам Вишер. Взяв с собой сто человек и десять наземных машин, он удалился от

ЭУР2002 на 200 км и добрался до цепи гор, окружающих равнину со всех сторон.

В горах они нашли первые деревья. Ботаники были явно рады заняться первыми представителями высокоразвитой растительности. Зоологи собрали червей, улиток, пауков и насекомых, тем самым создав солидный запас объектов исследований, которыми можно было заниматься несколько месяцев. В горном озере они обнаружили животное, обладающее панцирным эндоскелетом и представляющее из себя новую, до сих пор не известную ветвь ксенозоологии. Радость от этой находки была огромной.

Вишер, конечно, не избавился от чувства неудобства. Открытие такого рода можно было ожидать от любого населенного мира. Чего он не ожидал, так это вынужденной посадки, вызванной мощным электрическим полем. Ботаники и зоологи могли находиться на седьмом небе от своих открытий, он же только тогда сможет спать спокойно, когда узнает, что скрывается за странным происшествием, случившимся во время посадки.

В предгорьях они провели два дня, а потом вернулись к кораблю. Но за все время отсутствия на борту ЭУР2002 Вишер находился в почти непрерывной связи с Барлеттой. Исполняющий обязанности встретил его с улыбкой.

— Я уже наслышан о ваших нескольких значительных находках.

— Это ученые,— проворчал Вишер.— А я в такой же неизвестности, как и прежде.

Через час после возвращения Ллев Парселл, начальник секции геологии, сообщил:

— У меня здесь есть человек по фамилии Матиассон, который не принадлежит к моему отделу.

— В таком случае отправьте его туда, откуда он пришел,— ответил Вишер, удивленный такой беспомощностью.

— Он не идет,— ответил Парселл,— и утверждает, что всегда был у меня.

— Вы что, черт побери, не можете установить...

— Уже установлено. Я был прав, а этот человек лжет, хотя не хочет этого признавать. Он упрям и очень странен. Все понимает довольно туго и, кроме того, выглядит, как... Ну, мне лучше быть осторожным в своих высказываниях, хотя я со всей серьезностью спрашиваю себя, где в Европе мог вырасти такой человек.

— Пришлите его сюда,— приказал Вишер.— Мы быстро установим, что с ним такое.

Спустя пару минут в централь вошел Ллев Парселл с человеком по фамилии Матиассон, и Вишер должен был признать, что геолог прав. Мужчина был маленьким, едва ли полтора метра ростом, и с невероятно темной кожей. Черные волосы были гладкими и бле-

стящими, а глаза широко расставлены. Завершал портрет широкий и плоский нос, производивший впечатление, что его расплющил удар кулака боксера. Экипаж ЭУР2002 согласно мандату Объединенных наций состоял исключительно из представителей европейских народов, а Матиассон, напротив, напоминал жителя джунглей Гран Чако.

— Вы с самого начала этой экспедиции принадлежали к секции Парселла? — спросил Вишер.

— Так точно,— ответил Матиассон.

— Как случилось, что Парселл ничего об этом не знает?

— Этого я не знаю.

Вишер повернулся к Парселлу.

— Вы никогда раньше не видели этого человека?

— Так же, как и вы,— ответил геолог.

И он был прав. Вишер тоже не помнил, чтобы человек такой наружности когда-либо попадался ему на глаза. Хотя в экипаже ЭУР2002 было несколько сот мужчин и женщин, хотя было весьма вероятно, что научные отделы вели клановый образ жизни и таились друг от друга, но человека такой нетипичной внешности он давно бы заметил, подумал Вишер.

Дело становилось все загадочнее. На Матиассоне была форма специалиста-техника, но Вишер обратил внимание, что кнопки куртки были металлическими, в то время как у стандартной униформы все кнопки были исключительно пластмассовыми.

— Где вы взяли униформу? — спросил Вишер.

Матиассон ничего не ответил.

— Отвечайте же, черт побери! — потребовал командир.

— Нет,— ответил Матиассон.

Барлетта сухо усмехнулся.

— Великолепно,— сказал он вполголоса.— Этот человек набит и помещен под стекло.

На этот раз Вишер обратился к Парселлу.

— Вы уверены, что этот человек нормален?

— Если говорить честно, нет.

Вишер отстучал на пульте имя и фамилию Матиассона, и компьютер выдал желаемую информацию на экран. Вишер пробежал глазами данные, потом их прочитал Матиассон.

— Это так? — спросил он в заключение.

— Черт побери, вы принадлежите к медицинскому сектору, а не к сектору Парселла! — вскричал Вишер.

— Так точно,— невозмутимо ответил Матиассон.

Вишер громко хохотнул, потом набрал на интеркоме номер Жаклин. На экране появилось изображение главного врача.

— Вы хотите помешать мне именно тогда, когда я завтракаю? — спросила она сердито.

Хорошее настроение Вишера улетучилось.

— Если этого потребует ситуация, я помешаю вам, даже если вы принимаете пищу, доктор Ромадье.— Он втолкнул Матиассона в поле зрения видеокамеры.— К вашей секции принадлежит мужчина по имени Матиассон? — спросил Вишер.— Это он?

— Нет,— ответила Жаклин.

— Вы уверены?

— Когда я говорю нет, то всегда уверена в этом,— двусмысленно ответила Жаклин.

— Хорошо. В таком случае направьте ко мне в централь настоящего Матиассона.

— Он у вас будет,— сказала Жаклин и отключилась.

Через пару минут в централь управления вошел второй Матиассон. Вишер объяснил ему ситуацию и поручил объясниться со своим тезкой.

— Кто ты? — первым спросил пришедший Матиассон.

Тот вообще не отреагировал на вопрос и посмотрел на Вишера.

— Свою форму я получил на складе,— сказал он.

Вишер озадаченно поднял взгляд, но тут же вспомнил, что уже спрашивал человека с расплющенным носом, где он взял свою униформу, но ответа не получил.

— Как долго все это продолжается? — пробормотал он удивленно.

— Около пятнадцати минут,— сообщил Барлетта.

В то время как оба Матиассона пытались доказать друг другу свою подлинность, Вишер провел всеобщий контроль присутствия. Опрос компьютера, который тщательно записывал все данные, поступающие из десяти шлюзов, показал, что в данное время вне корабля никого не было. Были по очереди вызваны все члены экипажа по интеркому, подтвердившие свою подлинность ответами на контрольные вопросы.

Через некоторое время компьютер выдал результат: экипаж был на борту, ответил каждый его член.

Этот результат не был неожиданным для Вишера.

— Дорогой друг,— сказал Матиассону Ллев Парселл,— вы, по всей вероятности, представитель разумного человечества, но недостаточно хитры, чтобы долго водить нас за нос. Скажите нам, как вы проникли на борт. Прилетели зайцем?

Мужчина, открыв рот, пораженно уставился на командира, и из его глаз неожиданно хлынули слезы. Он пошатнулся и, всхлипывая, опустился в одно из кресел. Вишер, Парселл, Барлетта и настоящий Матиассон удивленно уставились друг на друга. Потом Вишер подошел к беспомощно плачущему мужчине и похлопал его по плечу.

— Послушайте, дела ваши не настолько плохи. Безразлично, как вы проникли на борт — мы же не оставим вас на этой планете.

Мужчина поднял от обивки кресла залитое слезами лицо и посмотрел на Вишера.

— Я обманул вас,— сказал он на безупречном английском языке.— Я не человек вашего народа. Я житель этой планеты.

* * *

Жаклин Ромадье была сама профессиональная деловитость — не было больше и следа постоянных придирок, которыми она все прошедшие дни докучала Вишеру.

— Командир, у нас проблема,— сказала она.

Вишер кивнул ей ободряюще.

— Поведайте мне вашу проблему,— попросил он.

— Я исследовала чужака с головы до ног. В психическом отношении он кажется довольно нормальным. Реакции его нормальны, ответы тоже нормальны. Но меня беспокоят только те ответы, которых он не дает.

— Например?

— Все, что важно для нас, он оставляет без ответа. Почему ему пришла в голову идея проникнуть к ним на борт? Где он выучил наш язык? Откуда у него наша униформа? Вот такие дела. Иногда у меня появляется чувство, что он советуется с кем-то, находящимся далеко отсюда, прежде чем ответить на мои вопросы.

— Нечто подобное мы наблюдали при первом его допросе,— сказал Вишер.— Что мы знаем еще о нем?

— Его анатомия,— с готовностью ответила Жаклин Ромадье.— Скелет этого человека совершенно ненормален. У него, выражаясь попросту, не ребра, а сплошная костная скорлупа, как у рыб, привезенных экспедицией с гор. Перенос кислорода кровью основывается на другом принципе, чем у нас, так как красных кровяных телец у этого существа намного больше, чем у человека. Сердце расположено почти в центре грудной клетки. Группы крови, подобной земным, вообще не существует. Кроме того, ноги у него, как у обезьяны. Я убеждена, что пальцами ног он может действовать так же хорошо, как и пальцами рук.

Вишер задумчиво посмотрел на нее.

— Итак, не остается ничего другого...— начал он, однако Жаклин Ромадье тут же прервала его:

— Нам ничего другого не остается,— сказала она,— как принять во внимание его высказывания. Он не человек. Может ли он быть чем-то другим, кроме туземца этой планеты?

* * *

Вишер вызвал к себе чужака.

— Похоже на то, что мы должны поверить твоим словам, хотя мы до сих пор не нашли на Эоле никаких следов разумных существ. Нам интересно больше узнать о тебе и о твоем народе. Так как твое имя, которое ты сам дал себе, фальшиво, я буду называть тебя Джонатаном. Ты согласен на это?

— Да,— ответил невысокий мужчина с расплющенным носом.

— Как тебе пришла в голову идея пробраться на борт нашего корабля? — спросил Вишер.

— Любопытство,— ответил Джонатан.— Это было всего лишь любопытство. Мы видели, как ваш корабль совершил посадку. Нам никогда раньше не приходилось видеть таких огромных машин. Одного должны были направить, чтобы изучить это чудо. Выбор пал на меня.

— Откуда ты знаешь наш язык?

— Мы обладаем ментальной способностью, которую вы называете телепатией,— был ответ.

— Ага. Я думаю, таким образом ты также узнал фамилию Матиассон?

— Да.

— Откуда у тебя эта униформа?

— Ее изготовили мужчины и женщины моего народа.

Вишер не знал, как ему реагировать на этот ответ, так как униформа была изготовлена безупречно. Если бы не металлические кнопки, она ничем бы не отличалась от настоящей. Изготовление такого предмета одежды было возможно только при помощи высокоразвитой техники, а народ, обладающий такой техникой, должен оставить на поверхности планеты следы, которые при облете ЭУР2002 обязательно бы заметил. Все это как-то не связывалось между собой, и недоверие Вишера возросло.

— Где живет твой народ? — спросил он.

— В горах.

— Мы хотим познакомиться с твоим народом,— сказал Вишер.— Готов ли ты проводить нас к нему?

— В любое время,— без колебаний ответил Джонатан.— Разумеется, если у вас нет никаких недобрых намерений.

* * *

Вишер набрал группу из двадцати человек. Жаклин Ромадье тоже согласилась участвовать в этой экспедиции. Они выступили вечером 19 декабря 2159 года по бортовому времени на двух назем-

ных машинах. Барлетта получил указание постоянно держать наготове соответствующе оснащенную вспомогательную группу. Вишер был уверен, что народ, обладающий даром телепатии, чьи представители за короткое время могли выучить английский, может доставить ему и его спутникам немало неприятностей, если у них будут недобрые намерения.

По пути Джонатан сообщил, как ему удалось пробраться на борт ЭУР2002. Он несколько дней непрерывно наблюдал за кораблем. Когда экспедиция Вишера снаряжалась для выхода, ему удалось раздобыть эрзац-скафандр из тех, которые были погружены в машины. В этом скафандре он выглядел точно так же, как и остальные. Кроме того, он установил, что некоторые научные секторы не поддерживали контактов друг с другом. Его никто не заметил. Он ни у кого не вызвал подозрений. При возвращении экспедиции он вместе с остальными без всякого шума прошел внутрь корабля и только благодаря внимательности Ллева Парселла был обнаружен.

В этом чужом существе было нечто, что вызывало у Элфа Вишера чувство беспокойства и неудобства. Джонатан признал, что его послали в корабль ответственные лица его народа, чтобы побольше узнать о пришельцах-чужаках. Они хотели знать, являются ли мирными эти существа, которые могли изменить их мир самым непредсказуемым образом.

Конечно, Вишер понимал, что для такого трудного задания был выбран человек выдающихся способностей и разума, но Джонатан ни в коем случае не производил впечатления человека выдающихся духовных способностей. Его ответы, когда он вообще отвечал, были примитивными. Вопросов он не задавал. Данные, которые он сообщил о своем народе, пока они быстро мчались по равнине в наземной машине, указывали скорее на культуру каменного века, чем на цивилизацию, которая по немногим данным смогла до мельчайших подробностей скопировать униформу. Чудо, которое представляли из себя корабль и наземная машина, больше не вызывало удивления. Джонатан не удивлялся, принимая все спокойно. Ему, как он сказал, понадобилось два дня, чтобы пересечь равнину. А то, что они теперь эту же дистанцию преодолеют всего за несколько часов, его не особенно впечатлило. У Вишера постепенно зародилось ощущение, что земная техника настолько превосходила его духовный горизонт, что мысленно он вообще не мог ее воспринять. Его почти полное отсутствие удивления было реакцией дикаря, которому продемонстрировали прибор для исследования внутриядерных частиц.

Через три часа экспедиция достигла гор и въехала в высокогорную долину, еще неизвестную Вишеру. Чем дальше они в нее углублялись, тем уже она становилась, пока наконец не превратилась в ущелье с неровными крутыми склонами.

— Если туземцы замыслили что-то недоброе, это лучшая возможность покушения на нас,— сказал Вишер Жаклин Ромадье.

Она кивнула.

— Но я не думаю, чтобы они что-то имели против нас,— произнесла она.— Вот, к примеру...— большим пальцем она указала через плечо на Джонатана,— ... мне кажется, он слишком глуп, чтобы вообще иметь какое-то свое мнение. То, что он говорит, звучит так, словно это выучено заранее.

Вишер согласился с ней.

Ущелье впадало в узкую долину, каменные стены в которой поднимались в высоту на сотню метров. Солнечный свет попадал сюда всего на несколько часов в день, поэтому вид у долины был мрачным и угнетающим.

Джонатан вытянул руку, указывая на стену, находящуюся напротив устья ущелья.

— Там, вверху,— сказал он.

Гусеницы обеих машин вгрызались в крупную гальку. Скорость упала.

— Эй, там, в скале, отверстие! — воскликнул кто-то.

Вишер посмотрел наверх. В скальной стене имелась ниша в форме полукруга, метров сорока в диаметре. В этой нише кто-то проложил серпантинообразную тропу, ведущую вверх зигзагами, метров по сто каждый, и заканчивающуюся на каменном выступе площадью около десяти квадратных метров. В стене за выступом виднелись отверстия, тянущиеся в высоту метров на сто пятьдесят. Отверстия казались темными и угрожающими, но никаких следов жизни пока заметно не было.

— Что это? — поинтересовался Вишер.

— Это наши жилища,— ответил Джонатан.

Один из членов экспедиции присвистнул сквозь зубы.

— Пещерные люди,— сказал он разочарованно.

Вишер тоже был удивлен. Он чувствовал, что встреча с разумными туземцами этого мира еще не положит конец тайнам и нелепостям. Хотя он и не отрицал, что пещерные жители, весьма вероятно, могут стоять на такой же высокой ступени развития разума или даже выше, чем люди двадцать второго столетия, но о тех, кто смог сделать униформу Джонатана, он хотел узнать все подробности и получить удовлетворительное объяснение, прежде чем отказаться от недоверия.

Обе машины остановились у подножия стены. Вишер оставил двух человек для охраны, предупредив, чтобы они по возможности держались от скалы на некотором расстоянии, так как жителям скал легко попасть камнем в стоящего у подножья.

Вырубленная в скале тропа предназначалась, по всей вероятности, для головокружительного карабканья. Джонатан начал подъем,

словно прогуливался по пешеходной зоне одного из больших европейских городов. Вишер и его спутники осторожно последовали за ним, прижимаясь к стене и избегая глядеть вниз. Джонатан, сняв украденный скафандр, остался только в униформе, а Вишер и его люди, согласно предписанию, были одеты в космическое снаряжение.

Большую часть своего отряда Вишер оставил вдоль всего серпантинообразного подъема, а сам с пятью своими людьми вышел на маленький выступ. Джонатан встал в позицию и резко свистнул. Эффект был совершенно поразительный. Из отверстий, словно полевые мыши, посыпались маленькие коричневые фигурки, соскользнули вниз по веревкам и молча застыли в нескольких метрах над головами пришельцев, словно намереваясь захватить скальную платформу. Вишер видел, как они меняли свое положение на веревках: обвили их вокруг своих тел и откинулись в петлях так, что казалось, будто они чувствовали себя довольно удобно. По крайней мере, это было не то положение, из которого можно неожиданно напасть, что с большим облегчением отметил Вишер.

Джонатан начал говорить. Язык изобиловал щелкающими и шипящими звуками, и Элф Вишер серьезно усомнился, что человеческое горло сможет когда-либо произнести их.

— Я думал, эти создания — телепаты,— в динамике шлема прозвучал голос третьего пилота Байера.

Сомнение было обосновано. Если жители пещер, как утверждал Джонатан, были телепатами, зачем же им тогда нужен был звуковой язык? И он решил потом спросить об этом Джонатана.

Тем временем тот закончил свою речь, и ему со всех сторон начали отвечать. Ему пришлось дать много объяснений, прежде чем любопытство его сородичей было удовлетворено и он снова повернулся к Вишеру.

— Они приветствуют тебя и твоих спутников,— сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал торжественно.— Они приветствуют вас в своей деревне и приглашают принять участие в собрании в зале.

Вишер ничего не имел против, однако посещение зала представляло некоторую трудность, потому что это место было самым высоким в деревне. Некоторые из спутников Вишера из-за недостатка тренировки были не в состоянии подняться в пещеру по веревке на пятидесятиметровую высоту. Жаклин Ромадье осталась у подножия серпантина.

Однако пещерные люди проявили желание помочь. Каждому, кто по пути беспомощно повис на веревке, приходили на помощь две или три коричневые фигуры с соседних веревок и продвигали его к ближайшему входу в пещеру, где он, тяжело отдуваясь, отдыхал до тех пор, пока не был в состоянии продолжать подъем.

Прошел почти час, пока последний человек достиг зала. Вход в него был не больше, чем в другие пещеры, и в него невозможно было пройти, не согнувшись. Когда Вишер вступил в огромный зал-пещеру, тянувшийся по ту сторону входа вглубь горы, он решил, что здесь, должно быть, поработали подземные воды, вымывшие известняковые включения.

Потолок и стены влажно блестели в свете ярко пылающего костра, горевшего в центре пещеры. У Вишера в первый раз появилось время лучше рассмотреть маленькие коричневые фигуры. Джонатан был самым высоким из своих сородичей. Вероятно, именно поэтому его и выбрали в качестве наблюдателя. Темная фигура любого из его сородичей была бы тотчас же замечена на борту ЭУР2002.

Эолийцы были одеты в кожаную одежду, которая, как заметил Вишер при случайном прикосновении, была очень мягкой. Чисто внешне незаметно было, что это туземцы планеты, удаленной от Земли на 1,2 миллиарда световых лет. С таким же успехом они могли быть из резервации в лесах Итури. Но в общем и целом они казались мирными и безвредными.

Внутришлемная рация давала Вишеру возможность слушать разговоры своих спутников, которые вращались исключительно только вокруг одного вопроса: как эти создания, одетые в кожаную одежду и вообще не знающие ткачества, смогли изготовить так похожую на земную униформу?

Вишера этот вопрос мучил не меньше, чем его людей, но он считал, что пока еще не пришло время искать ответ на него.

* * *

До этого он вместе с экипажем, сопровождавшим его на Эол, совершил экспедицию в систему Полярной Звезды. Там состоялась первая встреча человечества с чужим разумом, где люди тоже натолкнулись на примитивных существ, носителей культуры каменного века, как и эти пещерные жители здесь. Они приняли Вишера и его спутников за богов. Земляне должны были пройти через ритуальную церемонию приветствия, и Вишер предположил, что то же самое будет и на Эоле.

С другой стороны, он заметил отсутствие — и не только у Джонатана — некоторого уважения, с которым существа, стоящие на такой низкой ступени цивилизации, должны встречать технику двадцать второго столетия. Вместо этого жители пещер вели себя так, словно каждую неделю встречали гостей из Вселенной. Казалось, им кто-то нашептал, что земляне были такими же существами, как и они сами, поэтому не заслуживали никакого почтения.

Около трех десятков маленьких коричневых существ, которые забрались сюда вместе с ними, уселись в круг у костра, равнодушно глядя на пламя. Вишер и его спутники тоже оказались в этом кругу. Конечно, они намеревались сесть на пол, так как их европейские лодыжки и колени не были приспособлены для длительного сидения на корточках.

Через некоторое время из находящегося в глубине пещеры хода, который никто из группы Вишера до сих пор еще не заметил, появилась фантастически украшенная фигура. На ней была только набедренная повязка, но зато она была украшена всевозможными подвесками. На совершенно лысом черепе торчал лишь один пучок волос, в котором дрожали пестрые перья. На набедренной повязке болтались когти и хвосты разных животных, а также чешуйчатые куски кожи, похожие на снятую змеиную шкурку.

— Здесь нужен зоолог,— пробормотал третий пилот Байер. Он отключил передатчики своего шлема, так что слова его были слышны только землянам.— До сих пор мы нашли только одно высокоразвитое животное, а этот парень носит на себе останки по меньшей мере десяти различных видов.

Шаман одним прыжком впрыгнул в круг, образованный вокруг костра. Бормоча какие-то слова, он подскочил к пламени, поднял руки вверх. Ладони распахнулись, из них вылетела порошкообразная субстанция и на пару секунд окрасила пламя костра в зеленоватый цвет. Пещерные жители опустили головы и тоже забормотали.

Шаман на несколько минут неподвижно застыл перед костром. Вишер удивленно спросил себя, как он может выносить такой жар, находясь не далее одного метра от жадно вздымающихся языков пламени. Затем, ритмично подпрыгивая, он начал танцевать. Его сородичи снова подняли головы, начали хлопать в ладоши и притопывать ногами в такт прыжкам шамана, а потом запели заунывную, однотонную мелодию.

Вишер забыл о времени, когда шаман внезапно оборвал свой танец и неожиданным прыжком перепрыгнул через сидящих на корточках, чтобы исчезнуть в своем тайном ходе. Оказалось, что с начала церемонии прошло около часа. Эольцы поднялись, и Вишер со своими спутниками сделали то же самое. К ним подошел Джонатан.

— Теперь вы друзья племени,— сказал он.— Наши друзья — ваши друзья, а ваши враги — наши враги. Вы надолго хотите остаться в селении?

Вишер покачал головой.

— Мы должны вернуться назад, в корабль, но завтра снова придем.

Джонатан, казалось, согласился с этим. Они покинули пещеру

и спустились по веревкам вниз. Вишер карабкался за Джонатаном.

— Если вы телепаты, Джонатан,— спросил он,— для чего же вам тогда речь?

Джонатан ничего не ответил, и Вишер не стал повторять вопрос. Они добрались до платформы и начали спускаться по каменному серпантину, чтобы присоединиться к остальной группе.

Внезапно Джонатан остановился и повернулся к Вишеру.

— Телепатическое общение требует очень много сил,— сказал он,— поэтому мы используем его только в исключительных случаях, а так обычно общаемся при помощи речи, как и вы.

Когда Вишер задавал этот вопрос, он посмотрел на часы. С тех пор прошло девять минут. А на вопрос о происхождении своей униформы Джонатан ответил через пятнадцать минут. Вишер спросил себя, почему это так. Должен ли он получить откуда-то ответ или его мыслительные процессы протекают настолько медленно? От чего зависит длина промежутка времени между вопросом и ответом? Может быть, от трудности вопроса? Казалось, что это не так, потому что на вопрос о происхождении униформы ответить, несомненно, было легче, чем объяснить, почему группа естественных телепатов общается друг с другом акустическим способом. Вишер не заходил дальше в своих размышлениях, но у него появилось чувство, что если он сможет найти ответ на этот вопрос, то на шаг приблизится к решению большой загадки.

Джонатан отказался сопровождать группу к кораблю.

— Я останусь в селении,— сказал он.— Буду рад, если вы придете завтра утром.

Когда туземец оказался вне пределов слышимости внутришлемных динамиков, Байер пробурчал:

— Меня удивляет, что он вообще может радоваться.

* * *

На следующее утро Вишер с маленькой группой людей снова посетил пещерное поселение. Его сопровождали Барлетта, Жаклин Ромадье и три техника, тащившие несколько тюков с подарками, которыми Вишер хотел обрадовать эольцев. Но это, конечно, не было актом бескорыстной филантропии. Кроме всего прочего, он хотел изучить реакцию пещерных жителей на это.

Когда они остановили машину у подножья стены, их уже заметили. Наверху, на маленькой платформе, стояли четыре маленьких существа, неподвижно уставившиеся вниз, на прибывших.

— Идемте, доктор Ромадье,— сказал Вишер и подал Жаклин руку.

— Спасибо, но я пойду сама.

Барлетта, который всегда чувствовал себя обязанным сказать последнее слово, пробормотал вполголоса:

— Вчера это тоже было сказано.

Жаклин не нашла нужным отреагировать на его слова и начала подъем. На половине пути она споткнулась. Хотя опасности упасть вниз не было, но она могла весьма чувствительно удариться, если бы Вишер не повернулся и не схватил ее за руку.

— Спасибо,— сказала она.

Пещерные жители встретили их оживленными жестами, которые, вероятно, означали приветствие. Вишер и Жаклин коротко кивнули, а Барлетта театрально сцепил руки на груди и поклонился.

— Мир всем вам,— сказал он.

Жаклин улыбнулась, чем удивила своих спутников, так как ее никогда не видели улыбающейся. Вишер попытался произнести слово, которым Джонатан обозначил свое имя. Один из туземцев указал вверх.

Джонатан соскользнул по веревке вниз. Теперь на нем была не униформа, а мягкая кожаная одежда его сородичей, и он еще сильнее стал походить на жителей Гран-Чако, чем прежде.

— У вас есть предводитель? — спросил Вишер.

Джонатан кивнул и указал вверх.

— Эта женщина не может подниматься по веревке,— сказал Вишер.— Может, мы...

— Не беспокойтесь обо мне,— вмешалась Жаклин.— Я довольно хорошо лазаю по канатам.

Действительно, она делала это лучше Вишера и Барлетты.

Предводитель жил под верхними отверстиями, прямо под входом в зал собраний. Его жилая пещера была большой, стены ее покрывали шкуры животных. Когда больше не останется важных дел, подумал про себя Вишер, нужно будет спросить туземцев, где находятся эти звери, чтобы зоологи не теряли напрасно времени на их поиски. Пол покрывали маты из веток. В задней части помещения находились маленькие кучки шкур, предназначенные для сидения и лежания. Предводитель жестами указал посетителям на сидения. Техники расположились у входа в пещеру.

Джонатан перевел своим сородичам, что Вишер принес с собой подарки. Один из тюков был положен на пол перед предводителем и открыт. Радость была далеко не такой большой, как ожидал Вишер. Хотя вождь обнажил в улыбке свои желтые зубы и обеими руками рылся в куче сверкающих и блестящих подарков, Джонатан, кроме обычного «большое спасибо», не переводил ничего. Потом подарки были снова убраны в тюк и отложены в сторону, а на другие тюки вообще не было обращено никакого внимания. Начались игры в вопросы и ответы, в которых обе стороны пытались узнать друг о друге как можно больше.

Предводитель оказался гораздо умнее Джонатана и, вероятно, поэтому занимал этот высокий пост. Беседа продолжалась уже около четверти часа, когда глава поселения неожиданно подпрыгнул вверх, словно ужаленный, рванул тюк с подарками с пола, прижал к себе и, словно сумасшедший, начал прыгать и кружиться по пещере.

— Что он делает? — удивленно спросил Вишер.

— Он очень рад подаркам,— объяснил Джонатан.— Он только теперь понял это по-настоящему.

Вишер и Барлетта переглянулись.

— Пять минут,— сказал Барлетта, не включая внешней связи, так как не хотел, чтобы Джонатан понял его.

— Верно,— согласился Вишер, посмотрев на часы.

Как только предводитель немного успокоился, беседа возобновилась. Через некоторое время Вишеру, наконец, представилась возможность задать вопрос, уже давно вертевшийся у него на языке.

— Может ли предводитель показать мне, как была изготовлена твоя униформа? — осведомился он у Джонатана.

Когда Джонатан перевел, главарь улыбнулся и сделал несколько жестов, означавших согласие. Они встали и пошли в глубь пещеры, которая сужалась все больше и больше, пока не превратилась в узкий ход, делающий плавный поворот и слегка поднимавшийся вверх. В руках у предводителя и Джонатана были масляные светильники, служащие пигмеям для освещения жилых помещений-камер. Через некоторое время ход закончился в задней части зала собраний.

Еще во время вчерашнего посещения Вишер заметил, что часть стены зала была закрыта занавесом из шкур, но никто не говорил, почему было закрыто именно это место. Предводитель откинул одну из шкур, открывая устье одного из низких ходов. Он улыбнулся, словно ему удалось удачно пошутить, и исчез в ходе. Вишер, Жаклин, Барлетта последовали за ним, а сзади шли техники и Джонатан с масляной лампой. Они оказались в маленьком помещении, где, в отличие от других помещений, стены и пол были тщательно обработаны и выглажены. В центре этого помещения стоял большой примитивный ткацкий станок, а вдоль стен стояли столы, на которых в идеальном порядке были разложены всевозможные инструменты для кройки и шитья: блестящие металлические ножницы, иглы, нитки и много других вещей и предметов.

Барлетта так широко открыл рот, что через стекло шлема был похож на рыбу в аквариуме, из которого выпустили воду. Вишер старался не показывать удивления, а Жаклин вскрикнула и ринулась к ткацкому станку.

— Откуда здесь эта вещь?

— Она упала с неба,— ответил вождь, когда ему перевели вопрос,— а мы ее только собрали.

— Ну ясно,— пробурчал Барлетта, воспринявший невозмутимость вождя как оскорбление своего разума.— Она была завернута в упаковку, а на месте «отправитель» значилось: «Херти Интернейшнл».

— Откуда вы знаете, как ее собирать и использовать? — продолжал спрашивать Вишер.

Но ни вождь, ни Джонатан ничего не ответили, и Вишер счел недипломатичным настаивать, ибо был убежден, что в конце концов он получит ответ. Он осмотрел разложенные инструменты. До сих пор среди пожитков туземцев он не видел ничего сделанного из металла. В том, что они находились на ступени развития, соответствующей земному палеолиту, у него до сих пор не было никаких сомнений. Однако эти ножницы, насколько он видел, вполне могли быть изготовлены на золингеровских заводах. Они были тщательно обработаны, их было удобно держать в руке, и, как Вишер мог убедиться лично, резали они великолепно.

На столе лежали куски оливково-зеленой ткани униформы, остатки материала, из которого была изготовлена униформа Джонатана. Здесь же были нитки соответствующего цвета и тонкие блестящие пластиковые ленты для оборок. Вишер обнаружил инструмент, функции которого он не мог объяснить, и указал на него предводителю, показав жестами, что его интересует.

Эолец улыбнулся, взял инструмент в руки, положил друг на друга пластиковые ленты и сплавил их тонким, как игла, языком пламени.

— Прибор для сварки пластика? — удивился Барлетта.

Вишер осмотрелся. Это было невероятно. Материя и инструменты, находившиеся здесь, были отделены от предметов, находящихся снаружи, в пещере, шестью или семью тысячелетиями развития цивилизации, но они были здесь, и в этом не было никакого сомнения. Их изготовили не эолийцы — может быть, за исключением материи, но самое главное — они знали, как обращаться с этими вещами. Материалы, инструменты, знания — все это упало пигмеям с неба. Если во все это поверить, то не трудно себе представить, как можно изготовить униформу за минимально короткое время. Они допустили только одну ошибку: использовали металлические кнопки вместо пластмассовых.

Джонатан, отставший от них на пару шагов, поспешил к ним, явно возбужденный.

— Мы внезапно поняли, как собрать такую вещь,— произнес он,— а также узнали, как пользоваться этими инструментами.

Вишер посмотрел на часы. Со времени его вопроса прошло пятнадцать минут.

Вишер со своими спутниками пробыл здесь еще пару часов и разными способами снова и снова пытался перевести разговор на странные инструменты и таинственные навыки, которые неожиданно получили эольцы, но вождь и Джонатан продолжали отвечать, что все это внезапно упало к ним с неба и они, словно по вдохновению, начали с этим работать.

— И ты веришь во всю эту бессмыслицу? — спросил Барлетта по-испански.

— Безразлично, в какую бессмыслицу я верю,— возразил Вишер, глядя на него.— Разве я могу поверить, что эольцы сами изготовили ткацкий станок, ножницы, иглы и все остальное? Разве это менее бессмысленно?

Они вернулись назад, на корабль, далеко за полдень. Вишер был сбит с толку.

Ему казалось, что загадку этой планеты разгадать так никогда и не удастся.

3

Бортовой календарь показывал 1 мая 2160 года. Экспедиция провела на Эоле почти полгода.

Было найдено многое, что вызвало у ученых удивление, но тайна, которую хотел разгадать Элф Вишер, все еще существовала, и они к ее разгадке были не ближе, чем в первый день.

Антропологические экспедиции проникли далеко вглубь континента и обнаружили много таких же пещерных поселений, как и то, к которому принадлежал Джонатан. Маленькие коричневые существа внутри своих поселений образовывали замкнутые общества, предводители которых не имели неограниченной власти. Одно поселение очень редко знало о существовании другого. Планета была так мало населена, что каждое общество, за редчайшим исключением, верило, что оно одно на всей планете.

Но что самое интересное, все пещерные общества — хотя между ними не было никаких связей — обладали одной и той же религией. Они верили в одно-единственное высшее существо, которое якобы всеми ими владело, изготавливали изображения этого существа, которые, разумеется, мало походили друг на друга. Общим у них было только одно: все они были в высшей степени абстрактны и не имели четких форм.

Зоологи обнаружили множество животных, которых занесли в общегалактический каталог. Высокоразвитая фауна находилась исключительно в горах, а на равнинах были только черви, улитки и членистоногие.

Открытия и находки отдельных исследовательских групп были

тщательно помечены, каталогизированы и со всеми предосторожностями сложены в хранилища. Объединенные нации отправили около тысячи таких исследовательских кораблей, как ЭУР2002, с тем, чтобы после возвращения основать новое человечество на основе экипажей этих кораблей и полученных знаний.

Джонатан все время оставался на связи с землянами. Вишер с парой сопровождающих часто посещал пещерное поселение. Эольцы стали еще дружественнее и доступнее, однако странным событиям, произошедшим во время посадки ЭУР2002 и сразу же после нее, до сих пор не было найдено никакого объяснения.

Вишер тем временем решил оставить все происшедшее под рубрикой «необъяснимое» и больше об этом не думать, чтобы не терять душевное равновесие. И все же, за исключением необъяснимых вещей, ЭУР2002 достиг такого успеха, какого за такой короткий срок не достигла ни одна из тысячи других исследовательских экспедиций Объединенных наций. Перед началом экспедиции специалисты рассчитали, что, вероятно, не более пяти или шести из посланных экипажей встретят других разумных существ. ЭУР2002 принадлежал к этим немногим счастливчикам!

* * *

— Ты будешь опечален, когда мы улетим отсюда? — спросил Вишер Джонатана, когда они сидели на траве равнины, где полгода назад приземлился ЭУР2002, шар которого, более ста метров в диаметре, тянулся в покрытое облаками небо в двух километрах позади них.

— Да,— просто ответил эолец.

Вишеру тоже было не по себе, когда он думал о возвращении. Кто мог знать, что произошло с Землей за это время? На Земле, когда они вернутся, со времени их отлета пройдет 2,4 миллиарда лет, время, за которое исчезают одни миры и возникают другие. Человеческий разум был не в состоянии осознать такой промежуток времени. Никто не мог представить себе, во что может превратиться Земля за два с половиной миллиарда лет.

Планировщики этого исследовательского предприятия своевременно подумали о том, чтобы подготовить несколько мест встречи возвращающихся экспедиций на случай возможной катастрофы с Землей. Но возможность уничтожения родной планеты в результате космической катастрофы была не единственной потенциальной опасностью, угрожающей возвращающимся. Через 2,4 миллиарда лет Солнце тоже приблизится постепенно к концу своего жизненного цикла и, вероятно, больше не будет в состоянии поддерживать органическую жизнь на своих планетах-спутниках, если Земля боль-

Вишер со своими спутниками пробыл здесь еще пару часов и разными способами снова и снова пытался перевести разговор на странные инструменты и таинственные навыки, которые неожиданно получили эольцы, но вождь и Джонатан продолжали отвечать, что все это внезапно упало к ним с неба и они, словно по вдохновению, начали с этим работать.

— И ты веришь во всю эту бессмыслицу? — спросил Барлетта по-испански.

— Безразлично, в какую бессмыслицу я верю,— возразил Вишер, глядя на него.— Разве я могу поверить, что эольцы сами изготовили ткацкий станок, ножницы, иглы и все остальное? Разве это менее бессмысленно?

Они вернулись назад, на корабль, далеко за полдень. Вишер был сбит с толку.

Ему казалось, что загадку этой планеты разгадать так никогда и не удастся.

3

Бортовой календарь показывал 1 мая 2160 года. Экспедиция провела на Эоле почти полгода.

Было найдено многое, что вызвало у ученых удивление, но тайна, которую хотел разгадать Элф Вишер, все еще существовала, и они к ее разгадке были не ближе, чем в первый день.

Антропологические экспедиции проникли далеко вглубь континента и обнаружили много таких же пещерных поселений, как и то, к которому принадлежал Джонатан. Маленькие коричневые существа внутри своих поселений образовывали замкнутые общества, предводители которых не имели неограниченной власти. Одно поселение очень редко знало о существовании другого. Планета была так мало населена, что каждое общество, за редчайшим исключением, верило, что оно одно на всей планете.

Но что самое интересное, все пещерные общества — хотя между ними не было никаких связей — обладали одной и той же религией. Они верили в одно-единственное высшее существо, которое якобы всеми ими владело, изготавливали изображения этого существа, которые, разумеется, мало походили друг на друга. Общим у них было только одно: все они были в высшей степени абстрактны и не имели четких форм.

Зоологи обнаружили множество животных, которых занесли в общегалактический каталог. Высокоразвитая фауна находилась исключительно в горах, а на равнинах были только черви, улитки и членистоногие.

Открытия и находки отдельных исследовательских групп были

тщательно помечены, каталогизированы и со всеми предосторожностями сложены в хранилища. Объединенные нации отправили около тысячи таких исследовательских кораблей, как ЭУР2002, с тем, чтобы после возвращения основать новое человечество на основе экипажей этих кораблей и полученных знаний.

Джонатан все время оставался на связи с землянами. Вишер с парой сопровождающих часто посещал пещерное поселение. Эольцы стали еще дружественнее и доступнее, однако странным событиям, произошедшим во время посадки ЭУР2002 и сразу же после нее, до сих пор не было найдено никакого объяснения.

Вишер тем временем решил оставить все происшедшее под рубрикой «необъяснимое» и больше об этом не думать, чтобы не терять душевное равновесие. И все же, за исключением необъяснимых вещей, ЭУР2002 достиг такого успеха, какого за такой короткий срок не достигла ни одна из тысячи других исследовательских экспедиций Объединенных наций. Перед началом экспедиции специалисты рассчитали, что, вероятно, не более пяти или шести из посланных экипажей встретят других разумных существ. ЭУР2002 принадлежал к этим немногим счастливчикам!

* * *

— Ты будешь опечален, когда мы улетим отсюда? — спросил Вишер Джонатана, когда они сидели на траве равнины, где полгода назад приземлился ЭУР2002, шар которого, более ста метров в диаметре, тянулся в покрытое облаками небо в двух километрах позади них.

— Да,— просто ответил эолец.

Вишеру тоже было не по себе, когда он думал о возвращении. Кто мог знать, что произошло с Землей за это время? На Земле, когда они вернутся, со времени их отлета пройдет 2,4 миллиарда лет, время, за которое исчезают одни миры и возникают другие. Человеческий разум был не в состоянии осознать такой промежуток времени. Никто не мог представить себе, во что может превратиться Земля за два с половиной миллиарда лет.

Планировщики этого исследовательского предприятия своевременно подумали о том, чтобы подготовить несколько мест встречи возвращающихся экспедиций на случай возможной катастрофы с Землей. Но возможность уничтожения родной планеты в результате космической катастрофы была не единственной потенциальной опасностью, угрожающей возвращающимся. Через 2,4 миллиарда лет Солнце тоже приблизится постепенно к концу своего жизненного цикла и, вероятно, больше не будет в состоянии поддерживать органическую жизнь на своих планетах-спутниках, если Земля боль-

ше не будет существовать или она станет непригодной для жизни, и тогда вернувшимся нужно будет основать родину в другой системе. Было очень много возможностей обезопасить будущее человечества в любом случае.

ЭУР2002 принадлежал к третьему этапу исследовательского предприятия. Первый этап должен был вернуться на Землю через десять миллионов лет. Его целью были галактики сразу же за границами локальной группы. Второй этап должен был отсутствовать сто миллионов лет и исследовать звездные острова, находящиеся на самых дальних расстояниях от границ скопления Вирго, к которому относился Млечный путь. Возвращение третьего этапа было сильно растянуто во времени и должно было занять от двух до двух с половиной миллиардов лет. Вероятно, после старта ЭУР2002 были еще и другие этапы, чтобы заполнить все промежуточные эпохи.

— Вы нас не покинете,— внезапно сказал Джонатан.

У Вишера уже вошло в привычку в таких случаях смотреть на часы. То, что сказал Джонатан, было ответом на его вопрос, будет ли тот опечален, когда ЭУР2002 снова стартует. Со времени этого вопроса прошла двадцать одна минута.

Вишер вздохнул. Это тоже относилось к вещам, которые он был вынужден присоединить к разделу «необъяснимое», но теперь было трудно не думать об этом. Беседы, при которых ответы эольца приходилось ждать много минут, происходили каждый день.

Контакт с землянами принес жителям пещер некоторую пользу. Люди Вишера научили их добывать руду, потом из выплавленного металла изготовлять инструменты, намного превосходящие их каменные орудия, а также показали, как упавший с неба ткацкий станок можно использовать не только для изготовления униформы исследовательских групп корабля Объединенных наций, а для одежды повседневного пользования, используя полученные из льноподобного волокна нити.

Эольцы из поселения Джонатана сообщили, что они не единственные коренные обитатели этой планеты, и указали места обитания других поселений. Потом было совершено первое посещение чужого пещерного общества. В намерения антрополога, которые поддержал Вишер, входило распространение того, что дали земляне племени Джонатана, по всем обществам на Эоле, учитывая при этом отсутствие развитого регулируемого хозяйства. Другие пещерные общества тоже могли построить себе ткацкий станок и изготовить все инструменты, имеющиеся у племени Джонатана. Техники ЭУР2002 прилагали все усилия, чтобы привести эолийцев к этой идее, но никакого успеха не достигли. Пигмеи никак не могли себе представить, что нужно как можно точнее повторить процесс изготовления топора, чтобы он выглядел так же, как и другие. А ткацкий

станок был намного сложнее. Мысль, что он состоит из изготовленных и собранных частей, никак не укладывалась в головах эольцев. И здесь люди наткнулись на ограниченность восприятия, которую можно было преодолеть только в ходе естественного развития.

Все же темнокожие туземцы многому научились, и это позволит цивилизации сделать прыжок через тысячелетия, многие тысячелетия. Все приветствовали этот проект, кроме Жаклин Ромадье, которая не согласилась с ним.

— Мы вмешиваемся в божественный мировой порядок,— высказала она свою точку зрения.— У этих существ скоро появится желание показать другим свое превосходство, и вся планета окажется втянутой в захватнические войны.

Вишер попытался объяснить ей, что высокоразвитое общество из не более пятидесяти членов — включая женщин и детей — даже с ткацкими станками, шерстяной одеждой и стальными ножами не сможет вести одно захватническую войну, тем более по тем же соображениям было решено не давать эольцам в руки что-либо, что может быть использовано как сильное оружие, но Жаклин, обладающая известной всем на корабле твердолобостью, не прекращала ворчать и придираться.

Вишер встал и стряхнул с себя прилипшие стебли травы. Никакой особой тяги к туземцам он не испытывал, и они близко так и не сошлись, но прощаться с Джонатаном ему было все же довольно тяжело.

— Я должен вернуться к кораблю,— сказал он.— Нам необходимо провести еще много приготовлений. А завтра, перед стартом, мы увидимся еще раз.

Джонатан продолжал сидеть, уставившись на далекие горы, где находились пещеры его племени.

— Вы не покинете нас,— сказал он во второй раз.

Вишер постепенно начал терять терпение.

— Мы это еще увидим,— пробурчал он, повернулся и побрел по высокой траве.

* * *

Ни один из эольцев не пришел прощаться с экипажем корабля, но Вишер не стал расценивать это как неблагодарность или неприязнь, так как вспомнил о предсказании Джонатана. Маленькие коричневые существа не пришли прощаться, потому что были твердо убеждены, что корабль не стартует.

Тем временем подготовка к старту была проведена с обычной тщательностью. Барлетта сидел за пультом управления, а Вишер рассчитывал параметры первого космического прыжка.

10 мая 2160 года, 13 час. 59 мин. по бортовому времени. Еще одна минута до старта. Какое значение будет иметь дата, когда они совершат посадку на Земле?

Зашумел таймер обратного отсчета:

— ...39... 38...

— На этот раз мы обойдемся двумя прыжками,— уверенно произнес Вишер.

Но Барлетта был более скептичен.

— Надеюсь, что нам удастся это сделать,— пробурчал он.

— ...30... 29...

— А что, по-твоему, может произойти?

— Много чего. Во-первых, нас может не отпустить тот, кто завлек сюда.

— ...21 ... 20 ... 19...

— Электрическое поле на нуле,— сказал Вишер, взглянув на электрометр.

— Подожди,— предупредил Барлетта.

Голос компьютера сообщал:

— Время минус 10... 9... 8...

Световой указатель электрометра застыл на нулевой отметке, а приборы не улавливали даже слабого естественного поля планеты.

— ...6... 5... Двигатель работает на полную мощность. ...3 ... 2...

Послышалось резкое шипение. Вишер вздрогнул. Световая шкала электрометра погасла, а из маленького ящичка прибора поднималась тонкая ниточка дыма.

— Дьявол...— выругался Вишер.

— Мы даже не поднялись,— разочарованно произнес Барлетта, словно ничего другого не ожидал.

В нижней части ЭУР2002 гремели двигатели, могучий корпус дрожал. Взгляд Вишера уперся в большой экран, ожидая, когда травянистая равнина уйдет вниз и поле зрения расширится...

Ничего!

— Проклятье!

Поле осталось. Невероятная сила прижала корабль к почве.

— Ничего,— сказал Барлетта.— Абсолютно ничего.

Двигатели выплевывали могучие потоки ультрафиолетового излучения, стенки вибрировали от чудовищной мощи работающих двигателей, но ЭУР2002 не мог оторваться.

— Двигатели на нуль! — вскричал яростно Вишер.

Мысль, что кто-то позволяет себе играть с одним из новейших кораблей Земли, как кошка с мышкой, привела его в бешенство. Ему потребовалось несколько минут и насмешливое замечание Барлетты, чтобы восстановить хотя бы часть своего внутреннего равновесия. Он придвинул к себе микрофон и проинформировал экипаж сдавленным голосом:

— У нас, вероятно, нет возможности убраться отсюда, пока не будет найдена причина возникновения этого чрезвычайно мощного поля,— произнес он в заключение.— Существует возможность, что наши двигатели автоматически включают это поле, влияя на неизвестный источник электроэнергии. Но с таким же успехом это может быть неизвестная разумная сила, стремящаяся удержать наш корабль на этой планете.

Когда он вернул микрофон в прежнее положение, ему внезапно вспомнился Джонатан. Боже мой, этот парень оказался прав!

* * *

В следующие дни события развивались очень быстро. На борту ЭУР2002 находилось много флаеров, которые предназначались для исследования поверхности планет, картографирования и других подобных целей. Эти машины в основном состояли из тех неметаллических полимерных материалов, что и сам корабль. Оставив один для собственных нужд, Вишер отправил все флаеры по розе ветров во все стороны для облета планеты. За последние полгода такие облеты проводились довольно часто, но ничего достойного внимания, конечно, обнаружено не было.

Стартовали машины утром одиннадцатого мая. Они поднимались с травянистой равнины одна за другой и почти отвесно устремлялись в небо, гонимые реактивными двигателями.

Около одиннадцати часов Вишер находился в секторе геологии и принимал участие в информационном совещании, когда раздался первый аварийный вызов, о котором ему немедленно сообщила радиорубка:

— Сержант Тирстен попал в сильное электрическое поле, притянувшее его к почве. Он сообщает, что поле тотчас же исчезло, как только машина повернула, и спрашивает, нужно ли ему продолжать полет.

— Он должен засечь свое точное местонахождение, а потом возвращаться,— ответил Вишер.

— Понятно, сэр.

Тотчас же, покинув совещание, Вишер помчался в командирскую централь, прочитал переданные Тирстеном координаты точки, от которой возвращался флаер, и нанес их на большую карту поверхности планеты Эол, составленную картографами за прошедшие месяцы. Он обратил внимание, что отмеченная Тирстеном точка находилась в том месте, где на карте не было почти никаких деталей, кроме отмеченных двух водяных потоков, хотя из фотографий было неясно, есть ли там река на самом деле или нет. Линий высот

или каких-нибудь данных о контуре местности не было вообще, так что создавалось впечатление, что этот регион до сих пор был недостаточно исследован.

Вишер взял в руки карту, на которой были отмечены курсы всех флаеров, стартовавших сегодня, установил связь между банком данных и бортовым компьютером и рассчитал, что этого места на своей машине достигнет капрал Альварец, к тому времени облетевший три четверти планеты.

Через пятьдесят минут поступил аварийный сигнал и от Альвареца.

— Капрал Альварец сообщает о том же феномене, что и сержант Тирстен, сэр,— сообщила радиорубка.— Его машина притянута к почве сильным полем. Он тоже спрашивает, садиться ему или возвращаться.

— Свяжите меня с Альварецом.

— Сейчас, сэр.

Раздался щелчок. Из динамика донеслись шорохи атмосферных помех.

— Говорит Вишер. Ответьте, Альварец.

— Говорит Альварец. Я слышу вас.

— Не позволяйте сажать себя. Сделайте пару снимков местности, над которой вы хотели лететь, потом поворачивайте и попытайтесь облететь ее. Меня особенно интересует, как далеко распространяется электрическое поле по обе стороны первоначального направления вашего полета.

— Ясно, командир. Приказ будет выполнен.

Вишер откашлялся.

— Это был не приказ. Вы баран. Я не могу приказывать вам рисковать жизнью, пока мы не ввяжемся в бой. Рассматривайте это как просьбу.

— Разумеется, сэр.

— Конец связи,— сказал Вишер.

Тирстену потребовался час, чтобы добраться до корабля от места поворота. Альварец возвращается по тому же самому маршруту, и ему потребуется примерно столько же времени, если действительно удастся облететь эту загадочную область.

Вишер надел скафандр. Мысли кружились в его голове. Часть тайны, казалось, скрывалась между обеими точками, от которых вынуждены были вернуться Тирстен и Альварец. Неужели они после полугода напрасных поисков действительно напали на след разгадки?

Если противник не использует ничего другого, кроме как притягивать диэлектрики к почве при помощи мощного электрического поля, тогда его, может быть, удастся перехитрить. Однако Вишер сомневался, что противник, который мог создавать электрическое

поле интенсивности, возможной только в лабораториях, имел в своем репертуаре только этот трюк.

Он вышел из шлюза в тот момент, когда машина Тирстена совершила посадку. Сержант выбрался из кабины пилота на крыло и направился навстречу командиру.

— Вы сделали снимки этой местности, прежде чем вернуться? — спросил Вишер.

— Да, сэр.

— Немедленно отдайте их в обработку.

Вишер некоторое время походил взад-вперед по траве, мучимый мыслями, которые никак не мог привести в порядок. Если бы ему только удалось разглядеть смысл во всей этой неразберихе. Нельзя же было считать, что неизвестный противник пытался удержать экипаж корабля на этой планете только потому, что ему понравился светлый цвет кожи этого экипажа. У него должно было быть какое-то другое намерение, о котором когда-нибудь все равно узнают его жертвы.

Альварец прилетел часом позже и искусно посадил свою машину возле машины Тирстена. Издалека до Вишера донесся гул еще одного возвращающегося флаера.

— Давайте докладывайте,— возбужденно крикнул он капралу, который только что выбрался из кабины на крыло своей машины.— Как там все выглядит?

— Эта местность находится в экваториальной зоне,— сообщил Альварец.— Она гористая, а горы до самых вершин покрыты джунглями. От горизонта до горизонта одна и та же картина. Если кто-нибудь не построит в этой местности хотя бы один небоскреб, выступающий над вершинами деревьев, то я не знаю, как мы будем там ориентироваться.

Разговаривая, они медленно шли к кораблю. Альварец описал неожиданное возникновение электрического поля.

— Я не думаю, что оно существует там всегда,— сказал он.— Меня увидели и включили его, а как только я повернул — снова выключили.

Они прошли через шлюз и очутились в коридоре. Вишер снял шлем, привычно осмотрел его и удивился.

— Черт побери, неужели я от возбуждения так вспотел?

На пластиковом уплотнении смотрового стекла были хорошо заметны капельки влаги. Альварец с любопытством уставился на него.

— Я часто видел это на своем шлеме,— сказал он,— и думал, что это вызвано испариной.

— Вероятно,— кивнув, пробормотал Вишер.

Но он не был в этом убежден полностью и отнес шлем доктору Ласалье.

— Может быть, я напрасно беспокоюсь,— сказал он, указывая на капельки влаги на уплотнении стекла,— но все же хотелось бы узнать, что это такое. Вокруг так много загадочного.

* * *

Изучение снимков, сделанных Тирстеном и Альварецом, не дало ничего нового. Ландшафт на обеих группах снимков казался одним и тем же, за исключением разных контуров гор, хотя сделаны они были с двух точек, находящихся в сотне километров друг от друга. Устные сообщения обоих пилотов тоже ничего интересного не дали.

Вишер и Барлетта изучили фотографии под лупой.

— Даже если ничего не видно,— сказал Вишер,— между этими двумя точками, с которых сделаны эти снимки, находится часть того, что мы ищем.

— И как мы об этом узнаем? — пробурчал Барлетта.

— У меня есть идея,— сказал Вишер.

Барлетта мгновенно повернул голову и уставился на него.

— Так, у тебя есть идея,— сердито произнес он.— Но ты считаешь себя высшим существом, а мы, должно быть, для тебя низкий плебс, да?

— Дело в том,— усмехнулся Вишер,— что подходящая мысль пришла мне в голову всего пару секунд назад.

Барлетта наполовину примирился с этим.

— Электрическое поле уходит в металл. Металлический флаер не будет притягивать к почве. Конечно, поглощение поля вызовет в металле сильные токи, которые нагреют материалы и даже, может быть, расплавят его. Следовательно, мы обязаны учесть существование такого риска.

Глаза Барлетты вылезли из орбит.

— Ты стоишь больше, чем золотой слиток, весом в десять раз превышающий твой вес! — фыркнул он.— А кто полетит?

Вишер все еще улыбался.

— Я думаю, этот корабль может пожертвовать командиром-дилетантом и нервным первым офицером. Мы летим вместе.

— Наконец-то! — воодушевленно фыркнул Барлетта.

* * *

Через четверть часа появился ассистент доктора Ласалье, несший под мышкой шлем Вишера. Он был так близорук, что, несмотря на свои огромные очки, споткнулся на пороге двери и упал бы на пол, если бы его не подхватил Барлетта.

— Не так быстро, молодой человек,— усмехнулся первый офицер.— Хоть стекло шлема и небьющееся, но ваши кости, наверное, могут сломаться.

Ассистент попытался бодро доложить Вишеру обо всем.

— Доктор Ласалье сообщает результаты анализа жидкости, осевшей на уплотнении стекла: фосфор, азот, углеводороды, конечно, только лишенные запаха, небольшой процент кислорода и ряд более тяжелых элементов.

Он стоял так, словно ему было неизвестно значение того, что он только что сообщил.

Вишер прикусил губу и кивнул.

— Туман, да?

— Несомненно, сэр,— ответил ассистент.— Жидкость точно повторяет состав тумана, окутывающего эту систему.

— Вы можете объяснить, как эта штука попала в шлем?

— Даже предположить не могу, сэр. Доктор Ласалье думает, что вы или неплотно пригнали уплотнение, или туман проник сквозь стенки шлема не в виде газа, а в форме отдельных молекул и атомов.

— Это, кажется, единственная возможность,— без колебаний ответил Вишер,— потому что уплотнением пользоваться настолько легко, что неплотно пригнать его совершенно невозможно. Поэтому второе предположение, на мой взгляд, более вероятно. Вам так не кажется?

Лицо ассистента внезапно покраснело, словно его публично уличили в чем-то.

— Я же сразу указал на то, что объяснение не особенно удовлетворительное, сэр, но лучшего ни доктор Ласалье, ни мы, ассистенты, найти не смогли.

— Хорошо,— сказал наконец Вишер, уставившись в пол.— Передайте доктору Ласалье мою благодарность.

Как только ассистент ушел, Барлетта громко и возбужденно фыркнул.

— Это же совершенно невозможно,— сказал он.

Вишер кивнул согласно.

— Состав точно такой же, как и у тумана, за исключением вонючих соединений. Похоже на то, что кто-то тайком протащил туман в шлем и не хотел, чтобы его обнаружили.

* * *

Вишеру не дал отдохнуть Хендрикс, соединившийся с ним по бортовому интеркому, чтобы сообщить о новом, только что открытом зерновом растении.

— Представьте себе, командир,— воскликнул Хендрикс,— мы шесть месяцев находимся на этой равнине, а зерновые растения растут прямо перед нашим люком, и никто из нас этого не замечает. Вы должны прийти и сами взглянуть на них. Доктора Ромадье это также заинтересует.

Вишера злакоподобное растение явно мало заинтересовало, но его задело упоминание о докторе Ромадье. Он обрадовался возможности хотя бы недолго побыть с Жаклин.

— Я иду,— ответил он Хендриксу.— Встретимся в шлюзе А. Я буду там через три минуты.

Когда Вишер добрался до шлюза, Хендрикс и Жаклин уже ждали его. Он спустился по трапу, в конце которого стояла пара стебельков мятлика, о которых говорил Хендрикс.

— Взгляните! — с воодушевлением воскликнул биолог.— Вот они! Это настоящие развитые злаки, хотя выглядят как простая трава.

Вишер и Жаклин с притворным интересом посмотрели на маленькие стебельки. Хендрикс начал соскребать верхний слой почвы, чтобы обнажить корни растений. Он почти свихнулся от радости. Взяв растение в левую руку, он начал возиться с запорами шлема, дрожа от возбуждения.

— Эй, Хендрикс, немедленно прекратите это,— резко приказал Вишер.— Вы же знаете, что одно неверное движение — и шлем...

Фраза так и осталась невысказанной, ибо это произошло мгновенно и так быстро, так неожиданно, что ни Вишер, ни врач не успели ничего сделать.

Всего лишь одно необдуманное движение руки... и шлем Хендрикса открылся. Биолог опустился на покрытую травой почву, его лицо на какое-то мгновение словно застыло, но тут же исказилось гримасой ужаса. Откуда-то донесся жуткий звук, похожий на гавканье, и в ту же секунду Хендрикс завалился на бок, будто пораженный молнией.

Жаклин, сдавленно вскрикнув, подскочила к нему и перекатила его на спину.

— Хендрикс...— выдохнула она.

Так как шлем был уже открыт, Вишер снял его и увидел на краях шлема и на лице Хендрикса следы серого кашеобразного налета. Из носа биолога сочилась тонкая струйка крови.

— Что случилось? — беспомощно спросила Жаклин.

— Это вы должны мне это сказать,— не выдержав, ответил Вишер,— а я не знаю. Лучше осмотрим его.

Хендрикс был мертв, и, чтобы это понять, не нужен был долгий осмотр. Жилка на его шее больше не пульсировала, лицо было смертельно бледным и осунувшимся, с застывшей гримасой ужаса

и боли. Вишер закрыл его глаза, перекинул вялое тело через плечо и потащил в корабль. На лифте они поднялись в госпитальный отсек Жаклин, где она начала исследовать мертвого биолога, а Вишер терпеливо ожидал результатов, сидя возле нее.

Жаклин соскоблила немного массы на предметное стекло и положила его под микроскоп. Взглянув в него, она побледнела.

— Это еще продолжается,— сказала Жаклин.— Я должна сделать трепанацию.

— Продолбить ему череп? — спросил Вишер.— Зачем это?

Жаклин попыталась улыбнуться ему, но улыбка получилась судорожной.

— У меня есть одно предположение,— ответила она,— и я хочу проверить, подтвердится оно или нет.

Вишер кивнул и встал.

— Все в порядке. Сообщите мне, когда все будет готово, в централь управления. Я буду там.

* * *

По дороге Вишер отдал распоряжение покрыть один из флаеров алюминием. Шеф слесарей, выполняющий такие работы, сказал, что машина будет готова на следующий день. Глубоко задумавшись, Вишер вернулся в централь.

— Боже мой, что у тебя за лицо! — удивился Барлетта.

Капитан рассказал о происшествии с Хендриком, и лицо чувствительного Барлетты посерело. Тем временем Вишер сел за интерком и проинформировал о случившемся экипаж. Свою информацию он закончил словами:

— Несчастный случай с нашим коллегой, несомненно, произошел потому, что он неосторожно открыл шлем, тем самым доказав, что здесь открывание шлема смертельно опасно. Пожалуйста, господа, примите это к сведению.

На протяжении получаса Вишер и Барлетта занимались каждый своим делом.

В централи управления царила гнетущая тишина. Никто не произносил ни слова.

Вишер в сотый раз просматривал данные, сообщенные доктором Ласалье после анализирования тумана, но его мысли были далеки от работы. У него из головы не выходила ужасная судьба Хендрикса.

Гудок интеркома заставил Вишера вздрогнуть. Он нажал клавишу приема, и на экране появилось лицо Жаклин Ромадье. Она говорила коротко и сжато, без предисловий и комментариев:

— Хендрикс умер от того, что кто-то высосал у него мозг.

* * *

Рев дюз был едва слышен, скорость машины в полтора раза превышала скорость звука. Тихое гудение наполняло воздух — звук турбин, работающих на восьмидесяти процентах мощности.

На высоте двенадцати километров машина пролетела над берегом и оказалась над водной поверхностью. Вишер и Барлетта изредка обменивались замечаниями. То, что произошло с Хендриксом, лежало на душе тяжелым грузом.

Мозг биолога, несомненно, был высосан, потому что в его черепе в эту секунду было ненормально низкое давление. Почему оно возникло — было загадкой. У Вишера возникло одно предположение, но оно было настолько невероятным, что он сам отбросил его.

— Впереди суша,— меланхолично произнес Барлетта.

Перед ними появился берег континента, ограничивавшего море с юга. Вишер поднял машину выше. Они находились вблизи экватора. Местность до самого берега была покрыта джунглями, а на расстоянии пятисот километров начинались горы.

Вишер сообщил о своем местонахождении на ЭУР2002. Сообщение принял дежурный в централи управления третий пилот Бойер.

— Кажется, до сих пор у вас не было никаких затруднений,— сказал он.

— Нет. Мы ждем их только над горами.

Глайдер был снабжен электрометром, укрепленным на стержне вне металлической обшивки, между корпусом и левой несущей плоскостью. Близость металла сильно искажала показания прибора, но Вишер не придавал никакого значения точности измерений. Он хотел знать только одно: когда появится чужое поле. Указатель электрометра был смонтирован в верхней части приборной доски. Чем ближе они подлетали к горам, тем чаще взгляд Вишера скользил по странно угловатым, светящимся оранжевым цифрам. Сначала они колебались возле нулевой отметки, чуть дрожа от статических воздействий, но, если его теория верна, это скоро изменится.

Барлетта вел себя пассивно. Для него, впечатлительного южанина, смерть Хендрикса была шоком, который так поразил его, что он — в конце концов Вишер знал его уже несколько лет — ничего не мог делать, пока не произойдет что-то особенное.

На лице Вишера появилась горькая гримаса. Его первый офицер очнется достаточно быстро, когда появится неизвестный противник и заставит глайдер совершить посадку.

Горы приблизились. Самые высокие вершины поднимались на шесть тысяч метров. До высоты трех с половиной тысяч метров тянулись леса. Снег был только на некоторых из самых высоких вершин.

Машина перевалила через первую горную цепь на высоте пятнад-

цати километров. Она приближалась к той точке, откуда сержант Тирстен был вынужден повернуть. Вишер включил автопилот и стал напряженно наблюдать за показаниями электрометра.

Оранжевые цифры замельтешили. Они двигались так быстро, что их невозможно было прочитать, но показания были несомненными.

— Поле! — воскликнул Вишер.

Барлетта вздрогнул.

— Сильное? — спросил он.

— Вероятно. Я не могу прочитать показания.

Барлетта через корпус машины оглянулся назад. Электрическое поле угасало в алюминиевом покрытии и порождало блуждающие токи. Надо было рассчитывать, что они нагреют металлическую обшивку, может быть, даже докрасна.

— Ничего не видно,— коротко сказал он.

— Еще слишком рано,— пробурчал Вишер.— Подожди еще пару минут.

Никакого действия поля пока не ощущалось. Глайдер не терял высоту. Через некоторое время Вишер слегка опустил нос машины вниз.

— Температура оболочки двести градусов,— сообщил Барлетта.

— Не так плохо,— отозвался Вишер.

Он затормозил скорость при помощи тормозных заслонок, и рев двигателей стал громче. Теперь машина двигалась со скоростью меньше тысячи километров в час.

— Два двадцать,— сказал Барлетта.

Они скользили над долиной, протянувшейся между двумя горными цепями. Джунгли, казалось, были вездесущими. Вишер наугад описал кривую, повернул вправо и полетел вдоль долины на запад, действуя чисто интуитивно. Через несколько часов в их поле зрения появилась заросшая травой поляна. Вишер не поверил своим глазам: на поляне, расположившись двумя прямыми рядами, стояло много хижин.

— Посмотри на это! — крикнул он Барлетте.

Его второй пилот недоуменно уставился в указанном направлении.

— Черт побери! — с удивлением произнес он.— Кажется, мы напали на верный след, не так ли?

Вишер передал сообщение на корабль, а машина тем временем снизилась до высоты трех тысяч метров. Справа круто вверх поднимались горы, которые они только что преодолели. Вишер услышал характерное звонкое погромыхивание стабилизаторов, когда на глайдер налетел шквал, пытаясь сбить машину с курса. Он испуганно осмотрелся. Позади него, с востока, надвигалась гроза. Черные влажные облака тяжело нависали над долиной, хотя всего семь или восемь минут назад, насколько помнил Вишер, когда они пересекали

горную цепь, в небе не было ни облачка. Черные облачные массы приближались с захватывающей дух скоростью. Это не было естественным процессом, решил Вишер. Должно быть, это был второй защитный маневр неизвестного противника, который он использовал, когда электрическое поле перестало оказывать влияние на вторгшихся.

— Температура обшивки триста градусов,— сообщил Барлетта.

— Неплохо. Мы садимся.

На удивленный взгляд первого офицера Вишер указал назад. Стабилизаторы выли, от ветра волновалась трава внизу, на поляне.

— Я не хочу встретить это в воздухе,— сказал он.

Ни одного обитателя хижин не было видно. Строения казались примитивными. Очевидно, у чужой цивилизации не было высокоразвитой технологии.

Вишер уменьшил скорость машины почти до нуля, автоматически включились дюзы, сверкнула молния и на долю секунды залила поляну мертвенным, сернистым светом. Гром был так силен, что без труда заглушил звук двигателей.

Долину окутала тьма. Глайдер медленно опустился недалеко от одной из хижин. Из волнующейся, кипящей массы облаков ударила вторая молния, которая попала в дерево на западном краю поляны и разнесла его на куски.

Барлетта отстегнулся и открыл дверцу маленького шлюза. Обеими руками он взялся за шлем, пытаясь герметически пристегнуть его к шейному манжету. Внезапно Вишеру в голову пришла идея. Если его предположение оправдается, это может привести к смерти, но он был почти уверен в успехе и должен пойти на риск.

— Оставайся здесь,— крикнул Вишер сквозь рев шторма и грохот грома.

— Ты сошел с ума?— неуважительно спросил у него второй пилот.— Машина первое, что притянет к себе молнию.

— Но не такую! — прокричал в ответ Вишер.

Барлетта остался сидеть на месте. Из кокпита машины казалось, что гроза бушует только над поляной и узкой ограниченной ленточкой деревьев леса. Кусты и скальные обломки, находящиеся вблизи глайдера, были поражены молниями, раздроблены и подняты в воздух. Шторм, бушевавший во тьме, был похож на грохочущий орган, но ни единой капли дождя не выпало.

Уверенным движением руки Вишер вдвинул края шлема в воротник и запер защелки.

— Один из нас должен обязательно остаться в машине,— сказал он по радио.

Барлетта сначала ничего не ответил, так как был слишком поражен. Для каждого, кто располагал знаниями хотя бы физики, было совершенно ясно, что машина с металлической обшивкой и

многочисленными краями и остриями является превосходной целью для молний, но вместо этого гроза разбивала деревья, кусты и скалы.

— Что же это за гроза? — спросил озадаченный Барлетта.

— Управляемая,— ответил Вишер.— Разве ты не слышал, что я сказал?

— Один из нас двоих должен остаться в машине,— повторил первый офицер.— Почему? Это значит, что ты хочешь выйти?

— Именно так. Пропусти меня.

Вишер протиснулся в маленькую камеру шлюза, в которой было место только для одного. Воздух из камеры был отсосан, ее наполнил наружный воздух, люк открылся, и Вишер покинул глайдер.

Все было совершенно не так, как он предполагал. Гроза продолжала бушевать с неослабевающей силой, и ему пришлось несколько раз испуганно отпрыгивать в сторону, когда молнии ударяли в землю в нескольких метрах от него. Все зависело теперь от того, верно ли он понял тактику неизвестного противника. Согласно его гипотезе, гроза была инсценирована для него, Барлетты, и вообще для каждого члена экипажа ЭУР2002. Он схватил их, но решил не убивать, по крайней мере, до тех пор, пока не овладеет их мозговой субстанцией. Очевидно, он не может использовать мозг мертвых.

Борясь со штормом, Вишер добрался до первой хижины и при свете молний увидел многочисленные спальные лежанки — грубо сделанные двух- и трехъярусные нары, о которых на Земле двадцать второго столетия из людей, живущих в мире и благосостоянии, мало кто знал. В хижине никого не было, и Вишер опустил пистолет.

В поселении насчитывалось десять хижин. Одна из них была примерно вчетверо больше других, в ней находились столы и скамьи. Здесь, по мнению Вишера, обедали. А остальные девять строений предназначались для сна.

Вишер задумался. Примитивное поселение напоминало ему рабочий лагерь, и он только спросил себя, где работали его обитатели и какая это была работа.

Между тем гроза постепенно стихала. Молнии, ударявшие вокруг него все реже и реже, больше его не беспокоили. Он был уверен, что находится вне опасности, пока шлем его закрыт. Оглядевшись вокруг, он заметил множество тропинок, ведущих от края поляны в сторону джунглей, и выбрал одну из них наугад.

— Я только посмотрю, куда ведет эта тропинка,— сообщил он Барлетте по радио.

— Понятно,— пришел ответ.— Только будь осторожен!

Тропинка была утоптанной, и на ней не было никакой растительности. Кроме того, он обнаружил следы колес. Подтвердилось наблюдение, сделанное из кокпита: в пятидесяти метрах от края поляны гроза внезапно кончилась. Еще пара шагов, и он увидел золотые отблески солнца на листве растений.

Метров через двести он достиг другой поляны, намного большей, чем первая, и расположенной на склоне горы. На краю джунглей стояла пара дюжин грубых четырехколесных повозок, а в склоне горы зияло огромное черное отверстие. Вишер стал ждать.

Через пару минут он услышал скрип колес, голоса, и из темноты отверстия появилась повозка, вытащенная на дневной свет двумя маленькими темнокожими фигурами. Повозка была нагружена камнями. Эольцы потащили ее по поляне — удивительная сила, если принять во внимание субтильное сложение их тел — и исчезли на туннелеподобной тропе, ведущей в джунгли на северо-восток. Вишер осторожно последовал за ними. Появился ряд пятикилометровых строений из глины, похожих на ульи. Над ними от жара дрожал воздух, а деревья покрывала пыль.

— Домны,— пробормотал про себя Вишер.

Оба темнокожих создания разгрузили повозку у кучи камней возле группы домен. Возившиеся возле печей другие эольцы перекинулись парой слов с теми двумя, притащившими сюда повозку.

Увидев более чем достаточно, Вишер вернулся к хижинам. Гроза к тому времени прекратилась полностью. Неизвестные, по всей вероятности, решили, что таким образом своей цели они тоже не достигнут. Теперь он решил выбрать тропу, ведущую в джунгли на запад. Барлетта наблюдал за ним из кокпита глайдера.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Я ищу,— ответил Вишер.

Пройдя по лесу пару сотен метров, он обнаружил стоящий под деревьями плоский, приземистый, двухсотметровой длины ангар, состоящий из двух рядов стальных опор и легкой металлической крыши. Пространство между опорами было пустым, и Вишер смог легко заглянуть в ангар. Там стояли машины различных видов, но ни одна не работала. Не было видно ни одного рабочего.

Неожиданно из динамика донесся голос Барлетта.

— Кто-то забрасывает двигатель камнями,— сообщил он поспешно.— Но я не вижу кто.

— Ты это серьезно? — спросил Вишер.

— Обломки довольно большие.

Пока Барлетта говорил, послышался удар.

— Для машины это опасно?

— Несомненно.

— Стартуй, побудь некоторое время наверху, а потом снова садись.

Вишер услышал раскатившийся по джунглям грохот двигателей, а секундой позже голос Барлетта.

— Я благополучно ускользнул,— сообщил он.

— Великолепно. Побудь минут десять на безопасной высоте, а потом спустись на то же самое место.

— Понял.

Вишер осмотрел вблизи пару машин. Свет постепенно тускнел, за горами уже давно исчезло солнце, день клонился к концу. Машины, осмотренные Вишером, оказались прессами, выштамповывающими прямоугольные металлические части.

Довольный увиденным, Вишер отправился в обратный путь. Внешние микрофоны шлема передавали глухой вой дюз, с которым Барлетта кружил над джунглями. Туземцы, работающие в штольне и у печей, должны были слышать этот вой, и Вишер охотно бы узнал, что они об этом думают. Если они такие же равнодушные, как Джонатан и его товарищи, то, возможно, ничего.

По изменившемуся звуку двигателей Вишер понял, что Барлетта пошел на посадку. Тем временем совсем стемнело. Когда Вишер добрался до места посадки, глайдер уже приземлился и ждал его с открытыми люком и шлюзом. Вишер через люк протиснулся в шлюз, а полторы минуты спустя — в кокпит. Вздохнув с облегчением, он отстегнул застежки шлема.

— Быстрее,— поторопил его Барлетта.— Сейчас нападет один из них и бросит большой камень.

— Откуда берутся камни? — спросил Вишер.

— Оттуда, из джунглей, к югу от нас. Правда, я ничего не смог различить даже на инфракрасном экране.

— Там тоже никого не было,— сказал Вишер.

— Что? — спросил Барлетта.

Вишер не ответил.

— Мы стартуем,— сказал первый офицер.

* * *

— Что ты нашел? — поинтересовался Барлетта, когда машина легла на нужный курс.

Вишер перевел управление глайдером на автоматику и подробно рассказал об увиденном.

— Не происходят ли ткацкий станок и ножницы, которые мы обнаружили в пещерах клана Джонатана, отсюда? — спросил Барлетта.

— Но как они попали...

Резкий вой стабилизаторов оборвал его слова. Машину швырнуло в сторону, она встала на дыбы, а потом сорвалась в штопор. Молниеносными движениями рук Вишер снова выровнял ее.

— Шторм,— лаконично произнес он,— и такой мощный, что преодолел действие стабилизаторов.

— Триста километров в час,— удивленно сказал он, прочитав показания приборов.— Это же настоящий ураган!

— Взгляни! — обратил его внимание Барлетта.

На маленьком экранчике виднелось радарное изображение окружающего. Четко, хотя и в ложных цветах, были видны ветви деревьев и кустарников. Из-за убийственного урагана все это должно было находиться в диком движении, но вместо этого листва едва шевелилась. Шторм не достигал поверхности.

— Такое впечатление, что ураган создан специально для нас,— сказал Барлетта.

— Само собой разумеется,— ответил Вишер.

Второй пилот удивленно уставился на него.

— Ты имеешь в виду...

— Что же еще? Шторм — это такой же маневр, как электрическое поле, гроза и бросание камней. Кто-то очень интересуется нами или содержимым наших мозгов.

Для дальнейших разговоров возможности больше не было. Шторм с чудовищной силой подхватил машину и погнал ее к скальной стене, поднимающейся отвесно вверх. Вишер попытался набрать высоту, но мощности двигателя не хватило, чтобы преодолеть мощный шквал. И он вынужден был признать, что невидимый враг изменил тактику. Раз прежние его трюки не удались и он не смог захватить двух людей, ему ничего другого не оставалось, как только их убить. Из ненависти? Из мести? Потому что они обнаружили среди гор его тайну? Кто может знать!

Скальная стена приближалась.

— Мы должны остановить его,— сказал Вишер.

— Кого? — спросил Барлетта, но ответа не получил.

— Прыгаем,— приказал Вишер.

Они закрыли шлемы и проверили парашюты, пристегнутые к спинам их скафандров.

— Готов?

— Готов.

Вишер одним движением откинул колпак кокпита, в результате этого автоматически включился радиосигнал, передающий СОС и указывающий точное местоположение машины во время его передачи.

— Я включаю! — крикнул Вишер, перекрывая вой ветра.

Резкий, звонкий треск на долю секунды перекрыл яростный рев бури. Жесткий кулак гиганта вдавил Вишера и Барлетту глубоко в мягкую обивку двойного сидения. На мгновение они ощутили под ложечкой отвратительное чувство, как во время свободного падения, потом — могучий рывок и... раскрылся большой парашют.

Впереди, в темноте, возник желто-оранжевый огненный шар, но рев бури поглотил грохот взрыва.

— Конец нашему старому доброму коню,— с сожалением произнес Барлетта.

Чем ниже они опускались, тем больше терял интенсивность шторм, и было неясно, происходило ли это потому, что они вышли из зоны шторма, или потому, что невидимки прекратили бурю, так как их жертвы ускользнули во второй раз. Вишеру вспомнилось радарное изображение, которое он видел незадолго до катапультирования. Если он не просчитался, они опустятся где-то в нижней трети горного склона — еще в джунглях, но не далее тысячи метров по вертикали от границы леса.

— Мы будем карабкаться вверх, пока деревья не останутся позади,— сказал он Барлетте.— Может быть, мы даже доберемся до того места, где находятся обломки глайдера. Мы пометим это место маркировочной краской, и Байер, я думаю, подберет нас в ближайшее время.

Он скорее почувствовал, чем увидел изучающий взгляд Барлетты.

— Великий Неизвестный, устроивший этот театр, оставит ли он нас в покое?

— Я на это не рассчитываю,— ответил робко Вишер.— Для него важны мы или, вернее, что скрывается в наших телах. Нам нужно быть очень предусмотрительными, чтобы уцелеть.

— Тонкое замечание,— пробурчал Барлетта.

Двойное кресло с треском проламывалось через кроны деревьев и сучки, ветви стучали по шлему и защитным щиткам, но переплетение этих ветвей затормозило падение. Парашют застрял в ветвях, сиденье повисло в двух метрах над почвой и вяло покачивалось взад и вперед. Они отстегнули ремни и спрыгнули. Мшистая почва была такой мягкой, что они погрузились в нее почти по колени.

— Мы должны терять как можно меньше времени,— сказал Вишер,— так что вперед!

Им не надо было ломать голову, чтобы выбрать направление: вверх и к горам — значило найти разгадку. Лес был почти непроходим, но они пробирались через него. Стянув двойное сидение, они сняли с него кое-какие приборы и инструменты, имевшиеся там на случай необходимости. Барлетта показал себя мастером в обращении с топчете, чем-то средним между топором и мачете.

Было уже около пятнадцати часов бортового времени — и, может быть, полночь по местному эольскому времени, когда джунгли поредели.

— Мы пробились! — задыхаясь, произнес Барлетта.

Неизвестный противник пока оставил их в покое. Вишер предположил, что одна из спасательных машин подберет их, но он, вероятно, понадеялся на это еще до того, как самолет с двумя потерпевшими крушение разбился.

Вишер посмотрел на светящиеся цифры подачи кислорода. Запаса его хватит еще на шесть часов, у Барлетты он был таким же.

Деревья, наконец, полностью исчезли, их заменил низкий кустар-

ник, поднимающийся дальше, в гору. Внешний термометр показывал 4°С, но это им не мешало. Скафандры были снабжены обогревом.

Вишер наконец остановился.

— Мы останемся здесь,— решил он,— а завтра утром сможем найти обломки машины.

Барлетта упал, где стоял. Вишер тоже смертельно устал, но ему надо было еще кое-что, что, казалось, было жизненно важным. Он взял в рот один конец всасывающей трубки, сунул другой ее конец во внутренний карман, где находились таблетки масквитила, и всосал одну из них на язык.

Пока таблетка медленно растворялась во рту, усталость постепенно проходила. В свете звезд он довольно хорошо видел окрестности — во всяком случае, так четко, как ему было нужно в данное время.

4

Вишер прошел длительный курс обучения, прежде чем его назначили командиром ЭУР2002. Ему не было и сорока лет — по биологическому времени, но он прошел самое жесткое и полное обучение, чем все, кого он когда-либо знал. Один из всех он проштудировал два курса йоги в космической академии в Женеве и ничего из них не забыл.

Вишер уставился на папоротник, росший из почвы возле его правой ноги, такой же нежно-зеленый, как и все другие папоротники, и силой духа заставил себя поверить в то, что этот папоротник красный. После нескольких безуспешных попыток это ему удалось, тем самым он возвел в своем сознании блок, позволяющий ему предаться мыслям, никак не связанным с реальностью,— бесполезным мыслям, но с пылкостью и убеждением. И пользовался он этой возможностью до тех пор, пока блок в его подсознании не растаял.

Прошли часы, а Вишер продолжал тренировать свой мозг, и скоро для него не представляло никакого труда представить, что сейчас ясный день, и синапсы его мозга восприняли это как непреложный факт.

Вишер был убежден в том, что невидимый противник может читать его мысли. Слишком многое указывало на то, что он обладал способностью к телепатии так же, как к перманентному внушению или даже к гипнозу. Джонатан и невероятные вещи, которые изготавливали его соплеменники, были несомненным свидетельством его ментальных сил, но теперь Вишер был полностью в этом уверен и вооружен против них. Борьба вступила в свою завершающую фазу.

Незадолго до восхода солнца на восточном горизонте — при

отсутствии единонаправленного магнитного поля планеты востоком можно было неопределенно и ненаучно назвать направление, в котором восходило солнце — появилось туманное пятно, первый раз наблюдавшееся полгода назад при подлете к системе. Это была зона наибольшей концентрации материи тумана, которая окутывала центральную звезду вблизи орбиты внутренней планеты, поэтому туман был виден только непосредственно перед восходом солнца.

Туман был рассеянным и лишенным очертаний, но Вишер со своим тренированным сознанием без труда представил себе добродушное улыбающееся лицо, смотревшее на него из светящегося облака.

— Великий Мастер,— подумал он с таким пылом, на какой был способен только его тренированный мозг.— Мы скоро придем.

* * *

Барлетта проснулся, когда солнце начало светить ему в лицо. Он заморгал, а потом бросил свой первый взгляд на манометр.

— Уже на резерве,— фыркнул он.— Еще полчаса — и все.

Вишер давно уже обдумывал эту проблему, произнося что-то вроде молитвы:

«Мне нужен этот человек, Великий Мастер. Только вместе с ним я могу управлять огромным космическим кораблем».

Он думал со всей интенсивностью, на которую был способен, потом погрузился в ожидание и прождал двадцать минут.

— Я постепенно начинаю потеть,— пожаловался Барлетта.

Вишер отвернул запоры шлема.

— Ты сошел с ума! — в ужасе воскликнул Барлетта и схватил его за руку.

— Оставь меня! Со мной ничего не случится. Я нахожусь под могучей защитой.

Барлетта отступил и пораженно уставился на него.

— Боже мой, он спятил!

Вишер отвернул запор. Его лицо исказилось при мысли, что Великий Мастер мог принять не то решение, которое он ждал. Однако ничего не произошло, и он впервые вдохнул болотный газ и пахнущий навозом воздух планеты. Смрад душил его, вызывая в желудке неприятное чувство, но больше он не испытывал никаких неудобств.

— Ты можешь тоже снять шлем,— сказал он Барлетте.

Итальянец покачал головой. По его лицу было видно, что он не знает, что думать о душевном состоянии своего командира.

— Я хочу, по крайней мере, прожить еще столько, сколько мне

позволяет запас кислорода,— донеслось из внешнего динамика его скафандра.

— Не будь дураком,— сказал Вишер.— Со мной же ничего не случилось. Великий Мастер нуждается в нас.

— Кто? — непонимающе спросил Барлетта.

— Великий Мастер, всемогущий туман, окутывающий эту систему.

Лицо первого офицера исказилось в вопросительной гримасе.

— Всемогущий туман?

— Да,— кивнул Вишер,— Великий Мастер, превосходство которого мы в своем безграничном невежестве до сих пор не признали. Могучий дух тумана, который настолько расширил свои знания о процессах во Вселенной, что принял наши бедные души. Хозяин живой и неживой природы, поднимающий камни, влияющий на погоду и выстраивающий электрические поля едва представимым образом. Хендрикс не понял его и умер ужасной смертью, но мы объединились с ним в единую гармонию и продолжаем жить.

Барлетта был из таких людей, чьи мысли шли по пути наименьшего сопротивления, но он был совсем не глуп. Ужасная мысль ошеломила его. Но прежде чем он смог ее додумать до конца, в его ушах прозвучал резкий звонок кислородного прибора.

Кислорода осталось только на три минуты!

Эта идея была слишком невероятной, чтобы он мог ее принять, но она объясняла многое, что до сих пор никто не понимал.

Разумный туман!

Разумный туман мог порождать электрические поля, беря энергию из атмосферного электричества, мог также вызывать бури — просто своим собственным движением. Он мог вызывать разрежение и с его помощью высасывать мозг или поднимать камни.

На часах мигал красный предупреждающий сигнал. Запас кислорода был полностью исчерпан. Барлетта почувствовал, что воздух стал хуже, и вопросительно посмотрел на Вишера. Тот кивнул.

Решительным движением Барлетта отстегнул запоры и откинул шлем назад. В нос ему ударил смрад... и больше ничего. Великий Мастер до сих пор вел себя пассивно.

Были факты, подтверждающие теорию разумности тумана. Туземцы из племени пещерных жителей отвечали на некоторые вопросы лишь через небольшие промежутки времени. В дни первого контакта с людьми ЭУР2002 им на это обычно требовалось пятнадцать минут, так как центр тумана тогда находился в самом близком положении по отношению к Эолу. Расстояние между ними составляло сто тридцать пять миллионов километров, и электромагнитным волнам требовалось семь с половиной минут, чтобы преодолеть расстояние от Эола до ядра тумана — и еще такое же время, чтобы вернуться на Эол.

Тем временем планета и туман все больше удалялись друг от друга. В это мгновение электромагнитным волнам требовалось чуть больше двадцати минут, чтобы достигнуть тумана и вернуться назад — именно такое время нужно было сейчас Джонатану и его соплеменникам, чтобы ответить на наиболее трудные вопросы.

Не хватало только доказательства, что мысли — какими бы физическими характеристиками они ни обладали — движутся со скоростью света, тогда объяснение было бы полным: туман поддерживал контакт с сознанием жителей этой планеты. Он знал, о чем они думают, узнавая это, как только ментальные колебания туземцев достигали его центра. Кроме того, он был в состоянии влиять на мысли туземцев. Он давал им информацию, например, ответы на вопросы чужаков, и отдавал им приказы. Он передавал им знания, может быть, даже знание английского языка, а также то, как пользоваться ткацким станком, иглами, ножницами и нитками. Он был учителем, который знал все, Божеством, которому они слепо доверяли и беспрекословно повиновались.

Барлетте понадобилось несколько секунд, чтобы понять все это. Сначала идея разумного тумана, который на расстоянии управляет цивилизацией туземцев и при этом на самом деле блюдет только свои собственные интересы,— всего лишь расплывчатая, авантюрная концепция — показалась ему такой чудовищной и невероятной, что представлялось, будто он спит и видит кошмар, от которого его может спасти только быстрейшее пробуждение. Но чем дольше он над этим раздумывал, чем яснее становились подробности, тем лучше складывались в единое целое фрагменты и происшествия. Одновременно с этим он понял, что поведение Вишера было запретным мероприятием. Он знал, что Вишер закончил два семестра по изучению йоги в Женевской космической академии и был мастером искусств Дальнего Востока, поэтому доверял командиру. И это доверие овладело его мыслями. Он опасался, что Вишер наткнется на полное непонимание экипажа своего корабля.

О последних богатых событиями днях есть исчерпывающие записи в дневнике Барлетты.

Дневник первого офицера (Джанкарло Барлетты) ЭУР2002

Утро 17 мая, 8 часов по бортовому времени. В том месте, где мы находились в это время, была, конечно, уже вторая половина дня. Мой запас кислорода кончился уже четырнадцать часов назад, когда Байер нашел нас при помощи одной из своих поисковых машин.

Он был удивлен, что его ничто не остановило, но еще больше удивился, увидев нас бредущими без шлемов, так как потерял всякую надежду найти нас живыми.

— Вы не испытываете никаких затруднений? — спросил он, пораженный.

Мы оба покачали головой. Тем временем я понял, что говорить, отвечать и объяснять большей частью придется мне, так как Вишер сконцентрировался на своих собственных мыслях. Он должен был следить за тем, чтобы туман не выкинул какой-нибудь трюк.

— Кроме запаха,— добавил я.

Но это Вишеру было слишком мало.

— Мы чувствуем себя великолепно в воздухе Великого Мастера,— произнес он.

Я хотел избавить Байера от вопросов и постучал себе по лбу пальцами. На лице третьего пилота появилось выражение страха, но он, казалось, все же быстро примирился с тем, что командир спятил. Вероятно, это произошло из-за вонючего воздуха.

Мы беспрепятственно добрались до корабля. Хотя со мной — за исключением дурноты от непрерывной вони — ничего не произошло, у меня камень свалился с души, когда за нами закрылась дверь шлюза. Я знал, что туман в форме отдельных молекул и атомов имеет возможность проникать даже сквозь толстые стены, но только в такой незначительной концентрации, что внутри корабля он едва ли мог прочитать наши мысли, не то что высосать мозг через нос.

По указанию Вишера я немедленно созвал совещание. До сих пор я все видел в черном свете, но это было еще хуже, чем я себе представлял.

Вишер взял слово. Это не отвлекло его от сконцентрированности, потому что он говорил об объекте своего мнимого почитания — Тумане, только еще более патетически и вдохновенно, чем говорили мы сегодня утром.

— Я поведу этот корабль вместе с экипажем в центр Тумана,— воскликнул он с пророческим усердием,— и там открою шлюз! Мы сдадимся на милость Всемогущего духа и будем жить в нем вечно.

Экипаж во время длинной и исчерпывающей речи имел достаточно времени, чтобы преодолеть шок неожиданности. Едва Вишер закончил, как поднялся дикий крик сотен голосов.

Байер первым завопил своим громовым голосом:

— Прошу на минутку обратить на меня внимание!

Остальные присутствующие не издавали и одной десятой доли шума, какой производил вахтмейстерский голос Байера, и им не оставалось ничего другого, как выполнить его просьбу.

— Первый офицер заверил меня,— прогремел Байер,— что капитан потерял разум, и надолго. Я прошу вас подтвердить это, Барлетта.

Конечно, он извратил мои слова, поэтому я встал и покачал головой.

— Я должен вас разочаровать, Байер. Я постучал пальцем

по лбу для того, чтобы избежать тогда долгих объяснений. Может быть, я сам считаю идею командира необычной, а его манеру выражаться иногда гротескной, зато ни на секунду не сомневался в правильности его намерений и планов.

На мгновение мне показалось, что глаза третьего пилота вот-вот вылезут из орбит, но он быстро взял себя в руки и попросил слова.

— Все слышали? — проревел он, как на плацу.— Я делаю следующее предложение. Во-первых, собрание всех членов экипажа должно решить, что планы командира Вишера и его первого офицера Барлетты бессмысленны и противоречат обязанностям обоих вышеназванных лиц заботиться о благе корабля и его экипажа. Во-вторых, собрание должно снять обоих вышеназванных лиц с их постов, потому что их воззрения и намерения общественно опасны. В-третьих, пусть психиатры корабля изучат душевное состояние Вишера и Барлетты, и, независимо от результатов, необходимо взять их под арест до возвращения на Землю.

Собрание признало предложение разумным. Единственное возражение последовало с той стороны, с какой я и ожидал.

— Для чего нужно психиатрическое исследование, если Вишер и Барлетта будут заперты независимо от результатов? — спросила Жаклин Ромадье.

Байер отнюдь не был плохим офицером, но если его во время дискуссии загоняли в угол, он терял свое тевтонское достоинство и дополнял недостаток логики силой голоса.

— Это оправдывает наши действия еще больше, чем опасные намерения обоих этих людей! — прогремел он.— Или, может быть, вы сомневаетесь в том, что Вишер и Барлетта сошли с ума?

— Конечно, я сомневаюсь,— ответила Жаклин Ромадье.

Ее внешность действовала, как бомба. Даже Вишер на десятую долю секунды забыл, что он должен играть роль. Выражение его лица было таким беспомощным и печальным, что я слегка улыбнулся.

Потом последовала неожиданность. Поднялся доктор Ласалье.

— Тогда мы должны присоединить к ним также и доктора Ромадье,— сказал он.

— Пожалуйста,— она кивнула и подняла голову.

Мы отступили назад и теперь втроем стояли в десяти шагах от переднего ряда сидений участников собрания. На моем лице в это мгновение не было никакого особого выражения, поэтому Жаклин прошептала мне:

— Не смотрите так тупо, Барлетта!

Собрание было едино в том, что нас нужно немедленно запереть. Но в то мгновение, когда Байер подошел к нам, Вишер шепнул мне:

— Быстрее из корабля. Снаружи они нас больше не достанут.

Байер встал в позу.

— Я должен просить вас отдать мне ваше оружие.

Никто, казалось, не рассчитывал на сопротивление, поэтому не взяли в руки оружия, и нам удалось легко ускользнуть. Собрание, включая Байера, сначала замерло, когда мы выхватили пистолеты и начали водить стволами направо и налево.

— Ведите себя тихо, друзья,— произнес Вишер.— У нас нет намерения кого-нибудь ранить, но в данный момент нет другой возможности избавить вас от непонимания. По крайней мере, мы можем приказать вам беспрепятственно пропустить нас,— и тут же тихо шепнул мне: — Нам нужны продукты.

Жаклин наклонилась ко мне.

— Шлюз А,— прошептал я Вишеру.

Он только кивнул.

Перед лицом угрожающего дула моего пистолета начальника склада продуктов — одного из немногих, кто не принимал участия в собрании — не пришлось просить дважды наполнить два мешка различными продуктами. Мы заперли его, вывели из строя интерком и наконец отступили к шлюзу А, где нас ждал Вишер. Между тем в корабле было спокойно.

Они не знали, где мы прячемся.

— Машина Байера все еще снаружи,— сообщил Вишер.— Мы заберем ее себе.

Никто не помешал нам выйти. Самолет Байера стоял слишком близко к кораблю, чтобы обстрелять его из бортовых орудий. Кроме того, я сомневался, что даже такой человек, как Байер, может отважиться на такое решительное действие. Тем временем снаружи стемнело.

Мы миновали друг за другом корабельный шлюз и шлюз самолета и за короткое время добрались до кабины пилота. В то же мгновение Вишер стартовал. Я чуть было не потерял сознание, так мощно вдавило меня в сиденье, а когда в глазах у меня снова прояснилось, я заметил насмешливый взгляд Жаклин Ромадье. Эта стройная француженка была решительна, а действия ее все время были спонтанными. После того, как она на протяжении полутора лет не упускала ни единого случая уязвить Вишера, теперь неожиданно выступила против всего экипажа на его стороне! Кто бы мог это объяснить?

Через несколько секунд ЭУР2002 исчез во тьме, только красный мигающий фонарь на вершине его шарообразной оболочки все еще был виден нам.

— Куда? — спросил я.

— К хижинам.

Он настроил курс и включил автомат.

* * *

Мы мчались под великолепным звездным небом чужой галактики, так невероятно далеко находящейся от нашей родины. Машина летела со сверхзвуковой скоростью, и шум двигателей оставался далеко позади. Говорить было не о чем, и каждый задумался о своем. Вишеру было не позавидовать. С одной стороны, он постоянно должен был концентрироваться на мыслях о Тумане, Великом Мастере, а с другой — он пытался понять образ действий Жаклин. Я не услышал ни единого слова ни от Вишера, ни от Жаклин, но мне казалось, что я знаю, как у них там было.

Я призвал себя к порядку, так как наступило самое время позаботиться о своем душевном равновесии. Все дело было в тумане. Вишер дал мне о нем первичные сведения, а дальнейшие детали предоставил выяснять мне своими собственными силами, и он почти не помогал мне в этом.

Я был убежден, что мог беспрепятственно думать о тумане. Во-первых, я избегал появления враждебных мыслей даже в самых тайных уголках своего сознания, а во-вторых, то, что я примкнул к Вишеру, давало мне достаточно свободы.

Тут, в первую очередь, имел место тот факт, что окружающий эту систему туман был разумным существом — факт совершенно удивительный и трудно представимый даже для нас, кто во время службы в космическом флоте повидал уж бог знает сколько невообразимого. В этой ситуации нам помогла аксиома, вдолбленная в наши головы с семнадцати лет, когда мы были еще только космическими кадетами: удивляйся как можно меньше и — прежде всего — ничего не считай невозможным! К этой же категории относились аксиомы теоретического естествознания: все, что в принципе не запрещено, где-нибудь и когда-нибудь произойдет.

Во-вторых, туман ни в коем случае не был гомогенной массой. Его концентрация, простирающаяся на расстояние шестидесяти пяти миллионов километров от центральной звезды, очевидно, представляла из себя нервный центр, мозг. Туман перерабатывал мысли только там — как свои собственные, так и те, которые он принимал от своих подданных. Остальную часть субстанции тумана можно было сравнить с человеческим телом, в котором заключен мозг. В нем находились механизмы восприятия и чувств — пока еще неопределенные — эффекторы, при помощи которых туман мог порождать электрические и механические процессы.

В-третьих, было ясно, что туман властвовал над душами всех жителей этой планеты, а также всех остальных, находившихся здесь. До сих пор я интенсивно раздумывал над этим. Странное и необъяснимое поведение обитателей пещер вообще можно было объяснить только при помощи гипотезы Вишера. И больше никак!

В-четвертых, не было никакого сомнения в том, что туман одержим невероятной жаждой знаний. То, на что наткнулся Хендрикс, указывало, что он мог усваивать новые знания, которые высасывал из чужого мозга. Нет сомнений, что его целью было воспринять всю мозговую субстанцию, а с ней и все знания, которые мы, на ЭУР2002, принесли с собой на Эол.

Было опасно предполагать, что туман мог реагировать на внешние стимулы только при помощи центральной концентрации, его мозга. Мы уже пару раз убедились в том, что он вполне в состоянии реагировать мгновенно. Например, Хендрикс или электрическое поле, при помощи которого он заставлял поворачивать поисковые глайдеры. Погода, град камней, шторм... Так что пять этих фактов доказывали, что именно туман при помощи своих эффекторов немедленно предпринимал оборонительные или наступательные действия, которые не требовали долгих размышлений, и мог действовать без усилий мозга.

Было несомненно, что для достижения своих намерений туман имел в распоряжении огромное количество возможностей. Самым сильным его оружием, очевидно, было электрическое поле, которое он, по-видимому, продуцировал при помощи накопленного атмосферного электричества. Он мог создавать в нем более или менее протяженные отверстия как вверху, так и внизу, чтобы всасывать в них или выдувать — смотря по тому, что ему требовалось.

Над шестым пунктом я долго ломал голову, так как не понимал, зачем туману скрывать какие-то тайны. Почему он заставил вернуться Альвареца и Тирстена? Почему он не давал мне и Вишеру найти рабочий лагерь всеми возможными способами? Мы же находились в его власти. Почему нам не разрешалось видеть хижины, горные выработки и плавильные печи? И был еще один вопрос. Как могло существо, парящее во Вселенной в изоляции от всех других культур, разработать такие знания, которые требовались для постройки ткацкого станка, создания ножниц и изготовления ниток? Я предположил, что еще до нас — черт знает, как давно это было — в ловушку тумана уже попадал экипаж космического корабля, но это, как я уже сказал, было только предположение. Может быть, один из нас на борту ЭУР2002 знал устройство ткацкого станка, кройки и шитья? А Великий Мастер прочел его мысли?

Если мои предположения правильны, то туман не в состоянии создавать электрическое поле в свободном пространстве. Для этого ему нужно атмосферное электричество. Его собственная субстанция в свободном пространстве слишком тонка и не может заменить атмосферу. Возможно, он может создавать поле в воздушной оболочке планеты, силовые линии магнитного поля которой тянутся на пару тысяч километров в космос, но на известном растоянии от планеты туман, очевидно, бессилен.

И, наконец, самое важное: туман, проникнув в наш корабль и в наши шлемы на молекулярно-атомном уровне, уже давно мог читать наши мысли. Теперь он мог еще более беспрепятственно влиять на наше мышление. Единственный из нас, кто почти равнодушно отнесся к этой его способности, был Вишер. Отрезвляющим знанием было то, что все мы трое в настоящий момент были потеряны, и Вишеру больше не удастся поддерживать свой блок йоги.

Однако все опасения насчет этого казались необоснованными. Мы беспрепятственно пролетели над той областью, которая обычно была огорожена полем. Вишер с уверенностью, граничащей с чудом, посадил машину не более, чем в десяти метрах от того места, где день назад стоял наш глайдер.

У меня возникло чувство, что им руководил туман.

— Мы зайдем в хижину, возле которой совершили посадку,— объяснил Вишер.— Сделать это приказал мне Благородный Мастер.

Итак, туман действительно забрался в его мозг.

Хижина выглядела именно так, как Вишер описал мне ее вчера. В ней были кровати примерно для двух десятков рабочих. Отодвинув в сторону несколько двухэтажных кроватей, чтобы иметь побольше места, из остальных мы соорудили стенку, разделяющую хижину на две части. Нам не хотелось заставлять Жаклин спать с нами в одной комнате.

— Сейчас мы будем отдыхать,— сказал Вишер,— так как завтра нам предстоит очень многое.

Мне совсем не хотелось спать.

— Вы не будете против, если я выйду наружу и осмотрюсь? — спросил я командира.

— Нет,— ответил Вишер.— Только смотри, чтобы завтра утром ты был свежим и отдохнувшим.

Я взял с собой фонарик, так как под пологом джунглей царила абсолютная темнота.

* * *

В других хижинах, вероятно, спали рабочие, но они меня не интересовали. Я хотел в общих чертах ознакомиться с производством и посмотреть, какую силу имеет здесь туман.

Мой фонарик обладал яркостью вольтовой дуги средней мощности. Его можно было использовать как оружие против животных всех видов. Я нашел все места, которые описал мне Вишер: горную выработку, машинный зал, плавильные печи. Работа замерла, лишь пара эольцев была занята у печей.

Далеко в джунглях, у северной скальной стены, я обнаружил вход во второй рудник. Осмотрев почву поблизости от глубоких

следов колес, я нашел кусочки твердого черно-коричневого вещества. Уголь! Туману необычайно повезло: обычно рудные и угольные залежи не находятся так близко друг к другу.

Тем временем надвигалась гроза. Я слышал постепенно приближающиеся раскаты грома. Вероятно, это была обычная тропическая гроза — не та, что производил туман, чтобы прогнать незваных пришельцев.

Я не нашел того, что искал. Или это было хорошо спрятано, или это вообще не существовало: ядерный реактор. Мое ночное предприятие базировалось на древнем принципе логики: трудно доказать, что чего-либо вообще н е с у щ е с т в у е т. У меня на сердце было бы значительно легче, если бы я наверняка знал, что туману неизвестны принципы ядерной энергии.

Я обыскал все боковые дорожки, отходящие от нашей поляны, нашел другие машинные залы, литейный и бокситовый рудники, силовую установку, работающую на угле. Если бы я не был подготовлен, у меня перехватило бы дыхание. На планете, где разум находится еще на уровне пещерного палеолита, туману — при помощи нескольких наиболее одаренных пещерных жителей — удалось создать свою собственную маленькую Рурскую область. Не было никакого сомнения: именно здесь был изготовлен ткацкий станок, отсюда были взяты нитки и ножницы, при помощи которых был выкроен и сшит комбинезон, которым воспользовался Джонатан, чтобы незаметно проскользнуть на борт корабля. Туман доставил им домой все инструменты и при помощи гипновнушения проинструктировал, как с ними обращаться. Какой невероятный процесс! Как можно заглянуть в сознание существ, которые за несколько дней научились пользоваться машинами, принципы устройства и действия которых ушли на тысячелетия вперед от их уровня развития, и производить продукцию, о целях и использовании которой они не имели никакого представления?

Гроза уже была надо мной и по силе несравнима с той, что мы пережили здесь вчера. Я надел шлем и некоторое время прислушивался к стуку капель, все еще занятый своими мыслями.

Луч моего фонарика пробивал сверкающе яркую дорожку в стене дождя. В это мгновение я был не уверен, откуда я только что пришел. С того места, где я стоял, ответвлялось много дорожек. Занятый своими мыслями, я бесцельно бродил взад и вперед и теперь не имел никакого представления, какая из тропинок ведет к поляне с хижинами.

Я наугад выбрал одну из них. Меня ни в коей мере не заботило мое положение, так как в любое время я мог связаться с Вишером по аварийной связи. Я прошел метров пятьдесят, когда стволы деревьев начали сближаться, и тропа, казалось, вот-вот исчезнет в чаще.

Я хотел было уже вернуться, когда заметил темную массу, лежащую под деревьями сбоку от тропы. Это могла быть скала, но мне захотелось узнать все наверняка. Свет фонаря освещал только папоротники и лианы, опутавшие поверхность темного предмета. Почва леса опускалась. Темная масса находилась в центре плоской воронки, которую она, без сомнения, продавила в верхнем слое. Я остановился перед этой таинственной штукой и очистил ее от лиан, затем перчаткой соскреб землю. Обозначился ржавый металл, сталь, настолько проеденная коррозией, что я мог пробить ее ударом кулака. За ней, кроме тьмы, не было ничего. Свет фонарика терялся в отверстии значительных размеров. Я засунул в отверстие руку по самое плечо. Внутри было пусто, пальцы хватали воздух.

Я был уверен, что имею дело с объектом, изготовленным в мастерских тумана. Меня впечатлили размеры этго объекта. Я хотел знать, для чего он был изготовлен и почему его бросили здесь, чтобы жара и влажность джунглей уничтожили его. Я соскоблил еще немного лиан, счистил землю, и передо мною обнажилась ржавая поверхность площадью около двух квадратных метров. Я уперся в нее плечом. Проржавевший металл подался почти без сопротивления. Я проломил его, и внутри глухо громыхнуло. Тогда я проделал отверстие, достаточно большое, чтобы оно послужило мне входом.

В старых заброшенных домах обычно обитали змеи или другие неприятные животные, поэтому я взял в руку пистолет и протиснулся в отверстие. Свет фонарика справа и слева освещал только ржавый металл стен и больше ничего. Эта штука лежала здесь, должно быть, несколько сотен лет.

Форма этого предмета, насколько я мог понять, в целом была почти цилиндрической, а его диаметр равнялся примерно десяти метрам. Я мог идти, выпрямившись во весь рост. Конечно, при каждом втором или третьем шаге я проваливался сквозь проржавевший пол, упираясь в болотистую почву леса. Так я прошел метров двенадцать и оказался перед переборкой, которая была не так сильно повреждена коррозией, как внешние стенки. В центре находились прямоугольные очертания, напоминавшие дверь.

Я ударил в нее. Дверь со скрипом распахнулась и провалилась внутрь, поднимая клубы пыли и ржавчины. Несмотря на свет фонаря, я не смог видеть дальше, чем на два шага. Снаружи бушевала буря, и через отверстия во внешней стенке проникали зеленоватые отсветы молний. Грохотал гром. Я чувствовал себя не в своей тарелке, поэтому покрепче сжал в руках фонарь и пистолет, стараясь не выронить их.

Но даже с фонарем шок был почти невыносим, когда конус света выхватил космический скафандр странного покроя, висевший

на ближайшей стене или стоявший вертикально прислоненным к ней. Тонкий слой осевшей пыли покрывал большой круглый шлем. Отражение света фонарика сначала ослепило меня, но, когда я сдвинулся в сторону, за стеклами шлема увидел два широко раскрытых глаза, уставившихся на меня с искаженного ужасом и смертельно бледного лица.

В моих жилах застыла кровь. Рука с оружием непроизвольно поднялась. И было от чего: лицо гуманоида! Как могло человекообразное существо в космическом скафандре попасть в эти проржавевшие распадающиеся обломки?

Ответ находился у меня в руке, но в то мгновение он ускользнул от моего совершенно запуганного разума. Я вскрикнул. Чужак не пошевелился. Я неуверенно шагнул к нему, ткнул фонариком в его руку, но на его искаженном лице не шевельнулся ни один мускул. Неожиданно он скользнул вбок вдоль стены и рухнул на пол. Раздался глухой удар, прозвучавший в моих ушах выстрелом из крупнокалиберной пушки, и поднявшаяся пыль окутала неподвижное тело.

Чужак упал лицом вперед, и я, схватив его за плечи, перевернул на спину — весьма нелегкая задача, потому что я не хотел выпускать из рук ни пистолет, ни фонарик, а кроме того, он был довольно тяжел. На меня уставилась та же гримаса безымянного ужаса, не изменилась ни единая черточка чужого лица.

И только тут, наконец, до моего сознания дошло, что он мертвый. Такой же мертвый, как и его цилиндрический корабль, бог знает сколько столетий ржавевший в джунглях Эола.

Мне стоило немалых усилий обрести, по крайней мере, часть своего внутреннего равновесия. Моим первым импульсом было — бежать отсюда, сломя голову, как можно быстрее покинуть это средоточие ужаса. Но я вынудил себя успокоиться, потом систематически обыскал корабль. Стенки и двери с незнакомыми замками вообще не являлись для меня препятствием, так как поддавались нажиму плеча. Я нашел еще шесть трупов. Их скафандры были изготовлены из синтетического материала, который по прочности, казалось, далеко превосходил стальные стенки корабля, так как они остались такими же герметичными, как и в день их изготовления. Свободный от микробов воздух внутри сохранил трупы в их первоначальном состоянии.

Я нашел и другие предметы из синтетического материала, выдержавшие время лучше металлических стенок. Некоторые из них казались знакомыми: выключатели, световые карандаши для видеографии (сама аппаратура давно уже превратилась в пыль), стулья, чашки и тарелки. Другие были совершенно незнакомы, и мне было, следовательно, неясно их назначение.

Этот корабль не был послан с Земли, потому что имел слишком

много незнакомых мне вещей. Но гуманоидная внешность экипажа заставляла задуматься. Были ли гуманоиды на самом деле идеальным произведением природы, как утверждают многие антропологи Земли, склонные к философии? (Утверждали, поправил я себя. В конце концов все это осталось в прошлом на 1,2 миллиарда лет.)

Постепенно приходя в себя, я медленно ощупывал все вокруг. Теперь, когда я проделал отверстие, растения вторглись сюда, оплели своими прочными усиками все, что можно, и наконец разорвали скафандр чужака, растворив его тело.

Я все еще был не в себе, когда пролез через отверстие во внешней стенке и остановился, ослепленный ярчайшей вспышкой молнии. Только со временем ко мне вернулась способность ясно мыслить.

Я побрел по тропе назад, к тому месту, от которого расходилось много дорожек. Гроза между тем продолжалась. Капли дождя, падая, шелестели в листве джунглей. Когда я достиг поляны с хижинами, над кронами деревьев постепенно светлело.

* * *

Когда я вошел, Вишер проснулся.

— Ну? — тихо спросил он.

За всю ночь я не произнес ни слова, а теперь шлюзы моего рта открылись, и я потерял над ними всякий контроль. Невероятные и ужасные события прошедшей ночи полились наружу. Мне так хотелось рассказать обо всем кому-то, чтобы он понял мой ужас.

И все же я достаточно овладел собой, чтобы говорить приглушенным голосом, а то и шепотом, чтобы не будить Жаклин, но мои предосторожности были напрасными; до меня донесся голос врача:

— Вам не нужно шептать, Барлетта. Я уже не сплю.

Вскоре она присоединилась к нам, и я рассказал всю историю еще раз с самого начала, хотя Вишер уже слышал ее. Когда рассказ был окончен, командир задумчиво кивнул, и мне показалось, что все самое чудовищное, происшедшее со мной, он принял слишком спокойно, почти разочарованно. Это, должно быть, было потому, что его мысли, как и прежде, сконцентрировались на тумане.

— По-видимому, конец экипажа космического корабля, отважившегося не подчиниться Великому туману, был ужасным: они или задохнулись, или умерли от голода,— сказал он.

Во всяком случае, это было не такое начало дня, которого бы мне хотелось. Куда бы я ни взглянул, меня преследовал призрак широко раскрытых глаз мертвого чужака. И если бы я не был занят этим видением мертвеца, меня бы удивила Жаклин, но не своей красотой, а той готовностью, с которой она приняла наше положе-

ние. Вишеру не нужно было объяснять мне слишком многое, когда в прошлые дни он пришел к сумасшедшей идее насчет блока йоги, потому что я знал его, и поэтому мне было нетрудно понять основные черты его тактики. Но для Жаклин Ромадье это, напротив, была неисследованная область. Она впервые встретила Элфа Вишера в тренировочном лагере, где мы готовились к этой экспедиции. Это было — сейчас подсчитаю — примерно два с половиной года назад. Вишер не мог объяснить ей своего плана. Слова возникают из сознания, поэтому, если бы он объяснил ей свои намерения, туман тотчас же обнаружил бы запланированное предательство. Ну, может быть, и не сразу, может, через десять или через одиннадцать минут. Другими словами: Жаклин Ромадье играла ва-банк. Она знала, что у Вишера есть что-то на уме, но не знала, что именно, поэтому положилась во всем на него. И этим меня удивила.

Вишер вывел нас во двор, образованный хижинами. Маленькие коричневые рабочие, казалось, не особенно удивились нашему присутствию. Как нам было известно, их вообще ничто особенно не впечатляло. Кроме того, туман, вероятно, уже давно телепатически сообщил им о трех чужаках, поселившихся в их деревне.

Около полудня мы поели в рабочей столовой, что произошло довольно примитивно. Шесть эольцев готовили пищу. Вместе с маленькими темнокожими мы прошли к длинной стойке, и каждый из нас получил миску, наполненную желтоватой кашей. Это было не Торо Со на Виа Венето — и, прежде всего, здесь не хватало соли — но, по крайней мере, мы были сыты. Кроме того, эта штука странным образом утолила и нашу жажду. Я предположил, что каша была приготовлена по идеальному рецепту, который сообщил эольцам туман.

Сытость улучшила мое настроение, улеглось внутреннее беспокойство, и я перестал непрерывно думать о трупах в древнем космическом корабле.

Вонючий воздух больше нам не докучал. Сначала, правда, было довольно скверно, но чем больше мы им дышали, тем меньше ощущали запах навоза и болотного газа.

Вернувшись в хижину, мы стали ждать.

— Нам необходимо вернуть себе корабль,— сказал Вишер.— Мне нужна любая подходящая идея.

Но ни я, ни Жаклин пока ничем не могли помочь ему.

— Конечно, Великий Мастер в любое время может доставить сюда наш корабль,— продолжил Вишер,— перенеся его при помощи мощного электромагнитного поля, но что мы выиграем в результате этого?

Он прав — ничего. Байер строго предупредил, что воздушные шлюзы будут герметически закрыты. Кроме того, он обещал, что в пух и прах разнесет из корабельных орудий хижины, печи, литейные и машинные залы.

Самым простым было бы проинформировать третьего пилота о наших намерениях, но тогда наш план, конечно, потерял бы всякую ценность. И еще хуже: для Жаклин, Вишера и меня дело приняло бы совсем другой оборот. Мы и без того судорожно старались не думать о блоке йоги Вишера.

— Мы должны вернуть себе корабль в ближайшие пять дней и отправиться в путь,— сказал Вишер.

— Почему? — удивленно спросила Жаклин.

— Через пять дней терпение Великого Мастера кончится,— серьезно ответил Вишер.

* * *

Что или кто мог знать, что могло произойти через пять дней? Я без труда мог поверить, что туману известны такие фундаментальные чувства, как любознательность или властолюбие. Однако таких чувств, как терпение и нетерпение, в репертуаре его эмоций найти не ожидал. Терпение можно идентифицировать только в связи с индивидуальным ощущением времени, а не с тем клиническим чувством времени, которым обладал туман, иначе он не смог бы успешно использовать свои плавильные печи, литейки, генераторы и машины. В то, что он интуитивно чувствует ход времени, как и человек, от настроения и темперамента которого зависит, будет ли он терпелив или проявит нетерпение, я просто не мог поверить. Как он мог развить такое чувство? Он крутит вокруг местного солнца бог знает сколько миллионов лет, и единственным, что могло служить ему часами, было движение планет и, может быть, течение жизни маленьких темнокожих существ, которых он держал под своим психическим ярмом.

Нет, я не верил, что Великий Мастер знал, что такое нетерпение. А Вишер намеревался показать нам — и туману... Пока только он один знал, почему так важно выдержать срок в пять дней.

— У меня, кажется, есть одна мыслишка,— внезапно сказала Жаклин.

Я не показал своего удивления, хотя еще день или два назад доктор Ромадье говорила: «Вот моя идея». И никто не мог ее обсуждать или критиковать без того, чтобы она в своей неподражаемой манере не посоветовала ему держать язык за зубами, а теперь «У меня, кажется, есть одна мыслишка». Я не мог поверить своим ушам!

И ч т о за мыслишка была у нее! Сначала она звучала настолько фантастично, что мне захотелось просто отмахнуться от нее, но потом я увидел, что Вишер слушает ее очень внимательно, и начал взвешивать все за и против. Именно так, как себе представляла это Жаклин, нам сделать, вероятно, не удастся. Если мы выгоним

экипаж из ЭУР2002 и захватим корабль, ни один член экипажа больше не захочет вернуться на борт. Они все знают, что мы намереваемся направить корабль к центру тумана, и скорее будут благодарны нам, что мы прогнали их еще до старта.

— Так не пойдет,— сказал я с некоторым колебанием, потому что привык к тому, что Жаклин Ромадье не терпит никакой критики своих предложений.— Мы должны нейтрализовать людей, не прогоняя их из корабля.

— Но как? — спросила Жаклин, и я чуть было не задохнулся. Она серьезно восприняла мою критику! — Я уже думала об этом, но другого пути не вижу.

— Можно чуть помедленнее,— попросил Вишер.— Начало вашего плана великолепно. Идея ценна, только ее воплощение мы должны немного изменить.

Прошла пара минут напряженного размышления, когда заговорила Жаклин, от звука голоса которой я даже вздрогнул.

— Двери шлюзов реагируют на электромагнитные сигналы,— сказала она.— Чтобы держать их закрытыми, нам понадобится мощный передатчик, излучающий кодовый сигнал — и настолько сильный, чтобы импульсы из централи с приказом открыться не подействовали.

Мы с Вишером уставились на нее.

Это был выход!

5

О происшедшем на борту ЭУР2002 мы узнали позже. Эти сведения были примерно такими:

В этот период времени на борту царило возбуждение. Вся команда надежно находилась в руках третьего пилота Байера.

— Завтра на рассвете мы предпримем новую попытку старта,— пообещал он.— И пусть все летит к черту, если это нам не удастся.

Возможно, остальные считали Байера чокнутым — с тех пор, как доклад Вишера убедил многих членов экипажа в том, что туман в действительности является разумным существом, но тем не менее они недооценивали таинственного противника, имеющего в распоряжении возможности помешать старту.

Оптимизм заполнил корабль за несколько часов до старта. Каждый почему-то был убежден в том, что эта попытка будет удачной.

С восхода солнца вахту в рубке управления приняли Байер и Тирстен. Старт был назначен на 13 час. 00 мин. по бортовому времени. Все приготовления были закончены. Следуя старой привычке, Байер и Тирстен в двенадцатый раз просмотрели показания прибо-

ров. Все было в порядке. Байер посмотрел на хронометр. 12 час. 50 мин. Внезапно массивный корпус корабля потряс слабый толчок. Байер подскочил на месте.

— Что случилось? — воскликнул он.

Оказалось, что ЭУР2002 уже находится метрах в двадцати над поверхностью планеты и удалялся от нее со все возрастающей скоростью. Взгляд Байера пробежал по шкалам приборов. Связанный с радаром тахометр, ориентированный на детали поверхности, показывал скорость 40 км/час, которая все увеличивалась, а скорость по потреблению энергии — ноль.

Только спустя некоторое время Байер понял, что тот, кто смог прижать к поверхности космический корабль таких размеров, как ЭУР2002, был в состоянии поднять его с этой поверхности.

— Полную мощность на вертикальные дюзы секторов от «А» до «Е»! — прозвучал его приказ.

Тирстен произвел серию переключений, но запланированный тормозной маневр был тем, на что туман ответил молниеносной реакцией. Внешнее поле усиливалось в той же мере, в какой усиливалась мощность двигателей. ЭУР 2002 поднялся еще выше, а потом взял курс на юг.

Байер был бессилен. Корабль не реагировал ни на один из его задуманных маневров. Спустя десять мнут он сдался, о чем поставил в известность экипаж.

— В данный момент я ничего не могу сделать,— объяснил он.— Корабль вышел из-под моего контроля, однако заверяю, что сделаю все, чтобы не допустить серьезной угрозы ни самому кораблю, ни его экипажу.

Это были содержательные слова, которые некоторые могли и переоценить. Только к о г д а Байер подумал о своей ответственности в качестве временного командира корабля и третьего пилота, это привлекло его внимание.

Они видели на экранах, как под кораблем приближались огромные горы большой равнины. ЭУР2002 пролетел над берегом экваториального моря. Его горизонтальная скорость была около 500 км/час. Время от времени Байер пытался повлиять на полет при помощи двигателей, но электрическое поле настолько надежно держало корабль в своих объятиях, что не последовало никакой реакции.

Восемью часами позже ЭУР2002 пролетел над южным берегом экваториального океана. Всю сушу покрывали джунгли. Еще дальше на юг, в часе полета, поле зрения пересекла могучая горная цепь. Корабль пролетел над первым рядом частично покрытых снегом вершин.

— Мы опускаемся,— сообщил Тирстен некоторое время спустя.— Расстояние до поверхности три тысячи метров.

Джунгли приблизились. Байер в последний раз попытался взять корабль под свой контроль, но это ему не удалось. ЭУР2002 неумолимо опускался в первобытный лес. Третий пилот со стоном упал в кресло и стал покорно следить по экранам за посадкой корабля. Внешние микрофоны ясно донесли хруст и скрежет, с которыми корабль проламывался через кроны деревьев, дробя под собой растительность.

— Что теперь? — с детской непосредственностью спросил Тирстен.

— Вы думаете, я знаю? — раздраженно пробурчал Байер.

Вскоре снаружи стемнело, и Байер включил инфракрасный прожектор, чтобы осмотреть окрестность. Много пользы он им не принес, так как джунгли подступили к самым стенкам корабля, а густая масса растительности была почти непрозрачна для самого мощного прожектора.

Ничего не было видно. Неизвестность заставляла людей на борту дальнего космического корабля чувствовать некоторую неуверенность. Нервозность команды возрастала. Байер вызвал в рубку управления дополнительную смену, однако они с Тирстеном отказались смениться и остались в рубке. Спали они попеременно — если только эту дрему можно было назвать сном.

Спустя удивительно короткое время вновь стало светать. В результате быстрого вращения этой планеты дни и ночи были намного короче, чем на Земле.

— Что нового? — спросил Байер, очнувшись от дремы.

— Ничего,— покачал головой Тирстен.

Они стали ждать. Солнце поднялось над кронами деревьев. Прозвучали вызовы. Члены экипажа хотели знать, что им делать.

— Подождем,— пробурчал Байер.— Нас зачем-то перенесли сюда, значит должно что-то произойти.

Солнце ползло по сапфировому небу.

— Дьявольски жарко,— пожаловался Тирстен и указательным пальцем провел по внутренней стороне воротника рубашки, а потом бросил взгляд на термометр.— 28 градусов,— сказал он.

— Сколько?

Термометр был настроен на номинальную шкалу в 22°. Байер был озадачен. А температура тем временем неумолимо поднималась, и минут через пятнадцать столбик термометра перешагнул отметку в 55°. Весь корабль потел. Система охлаждения работала на полную пощность, но снизить огромное поступление тепла не удавалось.

Когда температура внутри корабля достигла 45° и не было видно конца этому необъяснимому нагреву, Байер отдал приказ надеть скафандры и покинуть корабль, хотя многие уже надели скафандры по собственному почину. Вделанные в них климатиза-

торы приносили некоторое облегчение, но никто не знал, как долго они выдержат.

— Снаружи все спокойно,— сообщил Байер.— Насколько я мог видеть, временно покидая корабль, мы никакому риску не подвергаемся.

Между тем секция метеорологии пыталась выяснить причину внезапного нагрева. То обстоятельство, что лесная растительность в окрестностях корабля в радиусе более пятидесяти метров за последние часы заметно увяла, доказывало, что эффект этот действует не только на корабле.

Байер нажал на клавишу открывания шлюзов. Первые группы членов экипажа уже стояли в шлюзовых камерах, готовые к выходу. Увидев, что контрольные лампочки продолжали оставаться красными, третий пилот удивился. Приказ шлюзам открыться не зажег ни единой зеленой лампочки. А секундой позже пришло сообщение из шлюза А:

— Люк не открывается.

В последующие минуты подобные же сообщения пришли и из других шлюзов. Температура внутри корабля достигла 82°. Байер почувствовал, что жара проникает и внутрь скафандра, хотя это ни в коем случае не было следствием его бессильного гнева.

— Вскрыть люки! — прозвучал его приказ.

Теперь нужно было позаботиться о резаках. Никто не мог рассчитывать на такое развитие событий. А тем временем температура продолжала подниматься. Поступили первые сообщения о тепловых ударах и потерях сознания. Жара на борту корабля перешагнула предел сопротивляемости скафандров. Люди ломались. Байер с нетерпением ждал сообщений об использовании резаков.

Вместо этого поступило сообщение от метеорологов.

— Мы нашли причину,— задыхаясь, произнес чей-то голос.— Линзообразные образования из плотного воздуха... в трех тысячах метрах над кораблем! — человек явно говорил из последних сил.— Действует, как стеклянная линза...

Затем послышался хрип, и передача прервалась.

— Проклятье, где же резаки? — хрипло выдохнул Байер.

Последнее, что он услышал, прежде чем потерять сознание, было сообщение из шлюза С:

— Мы больше ничего не можем сделать. Все... потеряли... сознание...

* * *

Вот какова была фантастическая идея Жаклин: туман должен быть в состоянии создать в определенной части атмосферы об-

ласть мощного избыточного давления, имеющую геометрическую форму линзы. Линза была помещена между солнцем и ЭУР2002 таким образом, чтобы корабль оказался почти в ее фокусе. Остальное было детской забавой. ЭУР2002 нагреется, как печка. Первоначальный план Жаклин предусматривал, что жара выгонит экипаж из корабля. Как только это произойдет, мы все трое взойдем на борт, займем рубку управления и сможем стартовать.

Согласно моему предложению, экипажу нужно было любыми способами воспрепятствовать покинуть корабль. В результате эффекта линзы температура на борту корабля на строго ограниченное время превзойдет возможности охлаждающих систем скафандров. Мужчины и женщины из экипажа потеряют сознание, а как только это произойдет, линза будет ликвидирована. Никому не будет причинено серьезного вреда. В этом случае, когда начнется последний акт этого грандиозного спектакля, экипаж останется на борту. Нам не нужно оставлять наших людей на Эоле.

Жаклин Ромадье разрабатывала идею, как нам не позволить открыться внешним люкам шлюзов. Вишер оценил, что температура в фокусе линзы в течение нескольких минут поднимется до 2000°. Обшивка ЭУР2002 столько выдержит, а все, что сверху, поступит внутрь корабля. Байер отдаст экипажу приказ надеть скафандры, а их конструкция нам известна. Они защищают от конвекционного нагрева, пока окружающая температура не превысит 100°. Была опасность, что воздух на борту нагреется много выше этой точки.

Вишер мысленно связался с центром тумана и рассказал ему о нашем плане. Через двадцать минут он получил ответ и улыбнулся.

— Великий Мастер заинтересовался нашей идеей и сделает все, чтобы помочь нам. У меня было тайное подозрение, что часть заинтересованности Великого Мастера связана с тем, что мы обучили его новому трюку. Он еще не знал фокуса с воздушной линзой, зато в будущем он сможет действенно использовать это.

Мы обсудили план во всех подробностях. На тот случай, если пара членов экипажа все же останется в сознании, с нашей стороны было бы неразумно сажать корабль на открытой местности. ЭУР2002 должен совершить посадку в таком месте, где у нас было бы укрытие до самого шлюза. Об этом тоже было сообщено туману.

Во-вторых, нам нужен был мощный передатчик, при помощи которого мы могли бы держать люки закрытыми, пока это было необходимо. Этот пункт доставлял мне особое беспокойство, однако оказалось, что Вишеру без труда удалось сообщить туману сведения о конструкции простейшего импульсного передатчика, а тот, в свою очередь, передал их нескольким талантливым рабочим. Через десять часов у нас был передатчик, при помощи которого мы

могли излучить приказ не открываться всем шлюзам; а к нему еще был подсоединен и мощный генератор.

Мы договорились с туманом о месте посадки корабля. Коричневокожие рабочие пришли сюда, казалось, по собственному почину и вручили нам тяжелые мачете, которыми мы пробили брешь в джунглях. Незадолго до захода солнца туман сообщил Вишеру, что ЭУР2002 только что пошел на посадку. После наступления темноты мы отправились в путь.

Вишер сказал, чтобы мы не приближались к кораблю ближе чем на двести метров, потому что нельзя было предсказать зоны нагрева, и нам легко было бы поджариться, будучи в неведении по этому поводу.

Я попытался представить себе, как все это выглядит внутри корабля. Надеюсь, Байер не допустит ошибок, так как было столько вещей, которые он мог сделать не так. Когда жара станет невыносимой и обнаружится, что внешние люки шлюзов открыть нельзя, он может отдать приказ вырезать их, и тогда туман проникнет внутрь, и все наши труды пропадут даром.

Взошло солнце. Мы лежали у подножия одного из лесных гигантов и видели только крошечные кусочки внешней обшивки ЭУР2002, проблескивающие сквозь листву, да лишь намеки на шлюзы В и С.

Когда началось действие жары, мы включили импульсный передатчик. Я и Жаклин сменяли друг друга у генератора. Мощность сигналов была рассчитана таким образом, чтобы без труда перекрыть сигналы об отпирании люков, исходящие из рубки управления. Расчет был сделан верно. Люки остались закрытыми, хотя в это время Байер, вероятно, давно уже с дикой яростью нажимал на клавиши.

Мы тоже чувствовали себя неуютно. Джунгли начинали дымиться. Густая листва сначала пожелтела, потом стала коричневой. Вверх поднимался чад. Действие воздушной линзы вдоль окраинной зоны было не таким сильным, как в центре, иначе возник бы лесной пожар. К нашему счастью, джунгли были насыщены влагой, и, пока не испарится вся вода, никакого постоянного пламени быть не могло.

Вишер попытался определить, как долго нам придется использовать линзу, чтобы достичь своей цели, но это было не так-то легко. При любых обстоятельствах надо было избежать серьезного вреда людям. С другой стороны, все наши труды пошли бы насмарку, если бы нам не удалось заставить потерять сознание по меньшей мере девяноста процентов членов экипажа, поэтому мы могли только надеяться, что Вишер рассчитал верно.

— Еще двадцать минут,— сказал он.

Это значило, что туман отключил воздушную линзу, растворил

ее, или как там это еще назвать. По нашим оценкам, понадобится еще двадцать минут, чтобы почва в окрестностях корабля охладилась настолько, что по ней можно было бы пройти без опасности.

Десять минут спустя мы отправились в путь, закрыв шлемы скафандров. Пару дюжин метров мы пробивались сквозь сочные зеленые джунгли, пока не достигли зоны завядшего леса. Хотя здесь мы пошли быстрее, я почувствовал, что мои подметки постепенно нагреваются. Вишер перекинул через плечо передатчик, я нес генератор. Мы остановились перед возвышающейся массой корабля, пластиковая обшивка которого излучала так сильно, что это ощущалось даже сквозь стекла шлемов.

Я включил генератор, а Вишер дал команду шлюзу С открыться. Створка люка скользнула в сторону, из отверстия выдвинулся трап и упал вниз, коснувшись почвы.

Мы поднялись вверх. В большой шлюзовой камере без сознания лежал человек, а возле него резак. Итак, Байер действительно хотел вскрыть люк. Мне стало гораздо хуже, чем было на самом деле, когда я подумал, что мы были на самой грани провала.

По ту сторону внутреннего люка мы натолкнулись на группу потерявших сознание людей. Температура на борту все еще была около 60°, и мы убедились, что люди часа через два снова придут в себя. Потом мы пошли дальше.

— Охлаждение работает,— отметил Вишер.— Если сейчас здесь 60°, то до этого температура, вероятно, достигала градусов 130.

Вопрос заключался в том, какой вред нанес этот поток жара. Вся вода в открытых емкостях вскипела и испарилась.

— Мы займем рубку и машинное отделение,— решил Вишер.— На большее рассчитывать мы не сможем. Этого должно хватить, чтобы долгое время держать экипаж в руках. Стартуем немедленно.

Он был прав. Пока мы не стартовали, нас можно было достать в обоих вышеназванных помещениях, можно было выгнать из этих укрытий при помощи оружия средней мощности, но, когда корабль будет находиться в космосе, каждый, кто нападет на нас, подвергнет опасности свою жизнь, потому что управление ЭУР2002 будет находиться в наших руках.

— Я займу рубку управления,— произнес Вишер,— а вы с Жаклин возьмете на себя машинное отделение.

Несмотря на странную роль, которую играл Вишер, он все еще был командиром, и я повиновался ему, даже если задание, придуманное им, казалось мне довольно рискованным.

Мы не потеряли ни секунды. Каждый их членов экипажа в любое мгновение мог прийти в себя. Если они поймут, что мы хотим сделать, то, вероятно, будут действовать самостоятельно, не ожидая никаких приказов.

Когда Вишер направился в рубку управления, Жаклин озабоченно посмотрела ему в спину. Я осторожно взял ее за руку и потянул за собою.

— Ему уже ничем не поможешь,— попытался я ее утешить.

Помещение, в котором были размещены батареи фотонных двигателей, было впечатляющих размеров и имело только два входа, которые мы могли легко охранять и защищать. Аппараты загудели. Из интеркома раздался голос Вишера.

— Я удалил из рубки Байера и еще двух потерявших сознание, закрыл и запер люк в рубку, включил прогрев двигателей. Мы стартуем через несколько минут.

Обычно в машинном отделении никого не было, поэтому здесь отсутствовали экраны. Мы слышали, как нарастает грохот фотонных двигателей, потом ощутили легкий толчок. ЭУР2002 оторвался от грунта.

Я уловил испуганный взгляд Жаклин.

— Я знаю, что я надменная упрямица,— сказала вдруг она, очень удивив меня,— но это из чистого страха, что другие заметят, что я... что я...— она не закончила фразу, но мне было известно, что она хотела сказать.— Теперь,— продолжила она,— мне хочется приложить все усилия, чтобы все пошло хорошо.

Я кивнул ей, понимая, что сейчас страх и снобистское жеманство больше не были нужны ей. Не так уж много человеческих знаний надо было иметь, чтобы понять, что происходило между командиром и врачом. Они прилагали все усилия, чтобы скрыть это не только от себя, но и от остальных, но обмануть кого-либо на самом деле вряд ли смогли.

— Все будет хорошо, Жаклин,— сказал я ей.— В рубке управления находится отнюдь не идиот.

Ей еще раз показалось, что старый тупица хочет пойти на прорыв. Когда я назвал ее по имени, глаза девушки сердито блеснули, но потом лицо ее расслабилось и она улыбнулась, как бы давая понять, что наш главный врач уже в полном порядке.

Но для ЭУР2002 началась самая необычная часть полета, наполненная приключениями.

* * *

Теперь отношения больше не были такими ясными и безоблачными, как прежде. На борту корабля находились частички субстанции тумана, проникшие в корабль на поверхности и принесенные в шлемах скафандров. Я предполагал, что концентрация субстанции вполне достаточна, чтобы информировать центр тумана о наших мыслях, и, напротив, считал в высшей степени невероятным, что

туман может влиять на наше мышление. Итак, нужно было, как и прежде, соблюдать величайшую осторожность. Дневные мечтания и свободный ход мыслей были недопустимы, так как могли выдать туману наши истинные намерения. Соблюдение мер предосторожности, разумеется, касалось только Жаклин, Вишера и меня, кто был связан с туманом, остальные же члены экипажа могли думать, о чем хотели. Великий Мастер уже давно знал, что они рассматривают его как врага.

Мы с Жаклин не заметили беспокойства, которое должно было подняться на палубах и в коридорах корабля. Мужчины и женщины, приходя в себя, отправлялись в свои каюты и другие помещения, обнаруживали, что система охлаждения за это время преодолела убийственную жару, и в первый раз узнавали, что ЭУР2002 находится в открытом пространстве. Они видели на экранах свободно парящий шар планеты, которую мы только что покинули.

Вишер продолжал вести корабль, пока, по его оценке, все не пришли в себя. На экранах интеркома рубки управления он видел все общественные и технические помещения корабля.

По всеобщей связи он проинформировал экипаж:

— Я снова беру на себя командование кораблем. Мы будем действовать по плану, разработанному мной, первым офицером Барлеттой и главным врачом Ромадье. Прошу сообщить, соблюдается ли спокойствие, так как мы находимся в критической фазе нашего мероприятия. В случае необходимости я вправе принять жесткие меры для подавления бунта на корабле.

Это были жестокие слова, однако я ни секунды не сомневался — и Вишер тоже не страдал наивным оптимизмом,— что такие люди, как Байер, будут подкладывать нам свинью за свиньей, так как были слишком опытны, чтобы устраивать открытое восстание. Они будут планировать, разрабатывать тактику и искать пути и средства, чтобы доставить нам трудности.

* * *

Через десять часов после старта на борту погас свет. Всеобщее оповещение и интерком отключились. Было нетрудно понять, что произошло. Байер со своими людьми захватил силовую установку и произвел на ней соответствующие переключения.

Однако он мало чего достиг этим. В каждом помещении корабля находился аварийный источник питания от батарей, и уже через секунду после того, как в агрегатном отсеке погас свет, вспыхнули лампы аварийного освещения. Мы попадем в бедственное положение тогда, когда истощится заряд батарей, но до этого в Тибре утечет много воды. Я рассчитывал на то, что интеркомсвязь с рубкой

управления, а значит и с Вишером, вскоре будет восстановлена, но, к сожалению, ошибся. Байер, вероятно, позаботился, чтобы коммуникационная связь была отрезана. Нельзя было надеяться, что третий пилот ограничится отключением тока, иначе вся эта акция не имела бы никакого смысла, а Байер не тот человек, который делает что-то бессмысленное.

Мы ждали.

Отсутствие связи с Вишером действовало нам на нервы. В любое мгновение я ожидал вторжения Байера, хотя понимал, что время теперь было на нашей стороне. Если в скором времени он не предпримет что-нибудь, времени нам хватит. Не то, чтобы я знал, какова наша настоящая цель, потому что Вишер, по вполне понятным причинам, не распространялся об этом, но был уверен, что она находится где-то в области центра тумана, иначе какая цель могла быть у нашей акции? Я также не имел никакого представления о том, что хочет предпринять Вишер, достигнув цели, но мог себе представить, что, если это удастся, нам нечего больше будет бояться тумана.

Кто-то попытался открыть одну из двух дверей. Я ударил рукояткой пистолета по внутренней поверхности двери, чтобы показать, что мы начеку.

Но Байер придумал новый трюк. Он восстановил проводку системы оповещения, по крайней мере, ведущую в агрегатный отсек, что мы заметили только тогда, когда из динамиков внезапно раздался его громыхающий голос:

— Барлетта, сдавайтесь, если у вас сохранились хотя бы остатки чувства долга!

— Не говорите мне о чувстве долга,— сердито ответил я.— Вы же слышали Вишера. Вы...

— Мы даем вам десять минут,— прервал он меня, словно вообще не слышал.— За это время вы должны открыть дверь агрегатного отсека и впустить нас, иначе все помещение по моему приказу будет разнесено на кусочки.

Я хотел было возразить ему во второй раз, но Жаклин успокаивающе положила свою руку на мою. В динамике щелкнуло. Байер отключился.

— Это была симплекс-связь,— сказала она.— Он вас не слышал.

— Почему симплекс? — спросил я удивленно.— Его что, не интересует мой ответ?

— Вероятно, он не совсем уверен в своих людях,— предположила Жаклин.— Мы можем сказать что-нибудь, что заставит их задуматься. Он помнит о том, как вы и я опровергли его, когда Вишер делал свой доклад.

Это было вполне возможно, но нам нечего было ломать над этим голову. Байер дал нам десять минут. Его угроза, что он

разнесет агрегатный отсек на куски, показалась нам в высшей степени несерьезной. С таким же успехом он мог пустить себе пулю в лоб. При взрыве фотонного двигателя никто не уцелеет. Но он намеревался что-то предпринять. Я чувствовал себя покинутым и беспомощным. Вишер должен быть здесь. Он, вероятно, смог бы определить, что планирует Байер. Цель, которую преследовал третий пилот, была мне ясна. Если он захватит агрегатный отсек, то сможет устроить здесь временную рубку управления, а потом, захватив линии командной связи, ведущие в централь, будет в состоянии отсюда управлять кораблем. Но каким образом он намеревается выгнать отсюда Жаклин и меня?

Медленно тянулись минуты.

— Что нам делать? — спросила Жаклин.

— Мы будем защищаться.

На ее красивом лице появился испуг.

— Но вы же не думаете об этом всерьез? — запротестовала она.— Мы не можем стрелять в невинных. Байер и его люди не знают, что делают!

Конечно, она была права. Я бы лучше откусил себе кончик языка, чем стал бы стрелять в людей, вместе с которыми проделал долгое путешествие от Земли до IGO 164835. Это была неприемлемая альтернатива. Я не знал, как далеко мы уже улетели от Эола, а также понятия не имел, как далеко туман может протягивать в космос электрические поля, порождаемые им в атмосфере планеты.

Если бы мне кто-нибудь достоверно сообщил, что мы удалились в открытый космос более чем на миллион километров, я, не задумываясь, открыл бы дверь. Больше никто не смог бы нас остановить. Корабль будет спасен, когда ловушка на Эоле останется далеко позади.

Но так ли это?

— Нам никто не может помочь, Жаклин,— сказал я.— Мы д о л ж н ы стрелять.

Тем временем я убедился, что туман читает далеко не каждую мысль, которая возникает на борту ЭУР2002 — это превосходило его возможности. Кроме того, ему надо было еще надзирать за маленькими темнокожими внизу, на поверхности Эола. Он, по-видимому, ограничился одним или несколькими лицами, которых держал под постоянным контролем. В нашем случае наиболее вероятным кандидатом на это был Вишер. Иногда, в моменты возбуждения и почти паники, я терял контроль над своим сознанием и продуцировал мысли, за которые туман давно бы наказал меня, если бы их прочел.

— Еще три минуты,— сказала Жаклин.

В динамике щелкнуло.

— Еще три минуты,— произнес Байер.— Мы уже готовы, Барлетта. Будьте разумны и не делайте глупостей.

Губы Жаклин дрожали, и мне захотелось утешить ее.

— Спокойнее! — это звучало не совсем вежливо, не говоря уже о том, чтобы утешительно.— Все будет не так плохо!

— Будет не так плохо? — воскликнула она.— Они взорвут нас!

— Не верьте всему, что говорит Байер. В настоящее время он пытается выгнать нас без того, чтобы повредить агрегаты, находящиеся в отсеке. Он знает так же хорошо, как вы и я, что весь корабль разлетится на куски, если взорвется двигатель. Окажите мне лучше любезность и стреляйте до тех пор, пока не обнаружите, что мы вне опасности. Стреляйте по ногам, под ноги, над головами, но, ради всего святого, стреляйте!

Жаклин плотно сжала губы и кивнула. Я считал ее способной на многое. Хотя ее профессией было лечить, а не ранить, но от этого зависела жизнь двухсот человек.

— Может быть, Вишер каким-нибудь образом придет нам на помощь,— сказал я, чтобы подбодрить девушку.

Но Вишер, по всей вероятности, не знал, как обстоят дела у нас. Кроме того, что он мог сделать в одиночку против двухсот членов экипажа? Рубка управления находилась прямо над нами, но, чтобы оттуда добраться до нас, нужно пройти пешком пару дюжин метров, а потом еще проехать на лифте. Коридоры же, несомненно, внимательно охраняются.

В это время неожиданно увеличивалось ускорение. По тому, как сжался мой позвоночник, я определил, что Вишер разгоняет корабль на двух G.

— Еще одна минута,— услышал я голос Байера.

Через шестьдесят секунд бризантная граната сорвала правую дверь, а мгновением позже вылетела и другая. Но мы уже давно укрылись за группой агрегатов.

— Огонь! — крикнул я Жаклин.

О снаряжении мы своевременно позаботились, поэтому у нас не было недостатка в зарядах. Я присоединил к карабину магазин с сотней маленьких разрывных пуль и поставил его на автоматический огонь. Моим заданием было защищать правую дверь. Я прикрывал ее короткими, быстро следующими друг за другом очередями, и никто не отваживался врываться внутрь.

Зато стена поблизости от двери поддавалась. Под градом пуль от нее отваливался кусок за куском, отверстие становилось все больше. Я оглянулся на Жаклин. Девушка вела себя храбро, держа под обстрелом другую дверь. Заметив мой взгляд, она улыбнулась мне через стекло шлема.

Бац! — послышалось во время короткой паузы между очередями, и на пол отсека упал прямоугольный пакет.

— Осторожно, ядовитый газ! — предупредил я врача.

Но предупреждение было излишним, потому что скафандры защищали нас от любой неожиданности. Я заметил, что Жаклин не испугалась, и обратил на эту вещь внимание только тогда, когда она взорвалась.

Взрыв разнес пакет на тысячу кусочков и поднял зеленые клубы газа. Хлор! Итак, Байер был настроен серьезно. Этот газ, если вдохнуть достаточное его количество, был смертелен. Я думал, что наши осаждающие более разумны. Они что, действительно думали, что мы в таком положении, как это, сидим с открытыми шлемами?

Может быть, газовая атака была актом отчаяния? И идея эта исходила от Байера? Я не знал, были ли мои предположения верны, но одно я знал точно. Байер не отваживался обстреливать агрегаты, поэтому использовал любую возможность, чтобы выставить нас отсюда безопасным способом.

Но, несмотря на это, я не питал никаких иллюзий. В любую минуту Байер или кто-нибудь другой мог потерять голову и закидать нас мощными гранатами. Тогда конец игре — для всех!

Разум мой работал изо всех сил. Должна же быть возможность вразумить Байера и его людей. При этом необходмо учитывать, что туман может обратить внимание на то, что происходит в корабле, и постарается прослушать мысли всех непосредственно участвующих в этой заварушке. Я больше не должен надеяться на то, что он не обратит на меня никакого внимания, и поэтому должен быть очень осторожен, думая о чем-либо.

Я подумал о том, что хочу провести Байера. Чудовищным усилием воли мне удалось сконцентрироваться на этой мысли. В моем мозгу начала зреть идея, но надо мной внезапно что-то зашипело. В паузе между очередями я услышал шорох, пригнулся как можно ниже и только тогда повернул голову.

Надо мной отслоилась часть потолка и с грохотом рухнула вниз, а из отверстия повалил синеватый дым и показались две болтающиеся ноги. Третий фронт Байера! — мелькнуло у меня в голове, и я инстинктивно поднял вверх ствол карабина.

— Не стреляй! — в ужасе крикнула Жаклин.

Это был Вишер. Он прорезал толстое перекрытие между рубкой управления и агрегатным отсеком, спрыгнул в него и, чуть не упав, стал отряхиваться.

— Прекратить! — крикнул он как никогда громко.

Микрофоны и динамики донесли до нас его приказ. Вишер все еще был командиром.

И произошло чудо. Снаружи, перед дверью, прекратилось всякое движение. Жаклин тотчас же перестала стрелять. Зеленоватые клубы хлора медленно плыли к всасывающему отверстию климатизатора.

— Третий пилот Байер, войдите в агрегатный отсек! — прогремел голос Вишера.— Даю вам свое честное слово, что с вами ничего не произойдет. Вы сможете вернуться к своим людям в любое время.

Я сам почувствовал убедительность обещания Вишера, отрицать которую Байер тоже не мог. Он помедлил с четверть минуты, а потом медленно, но уверенно вошел, держа в руке карабин, ствол которого был направлен в пол. И только теперь я обратил внимание, что Вишер был безоружен.

— Байер, подойдите ближе,— обратился он к третьему пилоту,— и постарайтесь пару секунд послушать меня внимательно и спокойно. Обращайте внимание на каждое мое слово.

Когда Байер подошел, рука Вишера скользнула к маленькому пульту, вделанному в рукав его скафандра. Я не мог видеть, какое переключение он сделал, но, когда заговорил вновь, голос его звучал намного тише прежнего.

— Подумайте над тем, что я вам скажу.— Он переключил динамик своего шлема на минимальную громкость.

Теперь его не мог слышать никто из тех, кто стоял дальше пяти метров. Никто, кроме Байера, Жаклин и меня. Его голос звучал завораживающе. Я понимал, что он намеревается сделать, так как незадолго перед тем, как услышал шипение резака над своей головой, мне пришла подобная же мысль.

Байер зачарованно уставился на него, поняв, что происходит что-то, чего он не может уразуметь. Может быть, он думал, что Вишер совсем не спятил.

— Вы помните комикс, который смотрели на Земле при помощи читального аппарата?

Я понимал, что он имеет в виду. Байер был фанатичным читателем стрип-комиксов. Незадолго до старта с Земли он собрал все стрип-комиксы, имеющиеся у него, и взял их на борт корабля. В свободное от вахты время он просматривал свое сокровище — один стрип за другим, в десятый, пятидесятый, сотый раз. Очевидно, они доставляли ему такое же наслаждение, как и в первый раз, потому что я слышал, как он вполголоса хихикает, сидя у аппарата для чтения.

Он кивнул в ответ на вопрос Вишера.

— Подумайте о совершенно определенной серии, Байер,— произнес Вишер.— Подумайте о доске с острыми гвоздями и о человеке, который сидит на этих гвоздях. Попытайтесь вспомнить особо смелые случаи, связанные с этой темой, и посмейтесь над этим.

Вот так это было! Байер был офицер — он посещал космическую академию. Он знал, что ему предстоит, по меньшей мере, один семестр йоги, если не хочет на всю жизнь остаться третьим

пилотом. Вишер внушал ему понятие ФАКИР, не объясняя, что он при этом имеет в виду. Теперь заданием Байера было развить возникшие мысли и найти необходимое понятие.

Какой гениальный ход!

* * *

Лицо Байера превратилось в экран, на котором отражались его мысли. Сначала казалось, что к третьему пилоту снова вернулось сомнение в душевном здоровье Вишера, но потом он, очевидно, выделил из всего услышанного понятие ФАКИР, и на его лице появилось выражение беспомощности, словно он не знал, с чего ему начать. На его лбу появились морщинки. Внезапно глаза его вспыхнули догадкой. Он нашел понятие ЙОГА и понял, что Вишер имел в виду под этим словом. Закрыв глаза, он скривил лицо в гримасе, но я знал, что он хотел этим выразить. Байер продумал чуть больше, чем нужно, и, если туман в данное мгновение прочтет его мысли, это будет фатальным.

Он вспомнил о последнем задании, которое дал ему Вишер, и подумал о стрип-комиксах, убедив себя, что они представляют для него удовольствие. Мы слышали, как он хихикает.

— Попытайтесь объяснить все это своим людям,— сказал Вишер после того, как Байер успокоился,— и не забывайте: Великий Мастер, Всемогущий туман сможет прочитать любую вашу грязную мыслишку!

Байер усмехнулся, но веселость быстро улетучилась еще до того, как он повернулся, чтобы выйти наружу. Возможно, ему подумалось, что будет довольно трудно убедить мужчин и женщин в необходимости сложить оружие после того, как совсем недавно он призывал их к борьбе. Опасность заключалась в том, что они могли счесть его таким же сумасшедшим, как Вишер, Жаклин и я, и просто продолжить сражение.

Мы напряженно ждали.

Тем временем Вишер снова переключил внешний динамик шлема на полную мощность. Мы услышали, как Байер говорит со своими людьми, и должны были признать, что делает он это весьма умело.

— Командир корабля Элф Вишер решил сделать самое лучшее,— объяснил он.— Мы возвращаемся на Землю.

— А почему мы должны доверять Вишеру? — воскликнул кто-то.

— Потому, что это сказал тебе я, ты, дурак! — взревел

Байер.— Или ты считаешь, что я позволю так легко водить себя за нос?

Мужчины и женщины рассеялись, в том числе и те, кто слушал по внутришлемной связи сообщение Байера на другой стороне агрегатного отсека. Некоторое время спустя снова заработала силовая установка, были восстановлены система всеобщего оповещения и интерком, связывающие рубку управления с остальным кораблем. У экипажа было время проследить за полетом ЭУР2002 в межпланетном пространстве по видеоэкранам в каютах и общественных помещениях. Простым наблюдением за видеоэкраном невозможно определить курс корабля. Байер в этом гротескном театральном спектакле был для своих подчиненных фигурой, настолько пользующейся доверием, что не было никаких оснований сомневаться в его искренности. На борту воцарилась уверенность. ЭУР2002 находился на пути домой!

То, что экипаж думал о нас — Вишере, Жаклин и обо мне — нам было совершенно безразлично. Со временем все снова войдет в свою колею. Прежде всего было важно, чтобы нам никто не мешал управлять кораблем.

Положение станет критическим, если в течение ближайшей пары дней Вишер не поместит экипаж в противоперегрузочные камеры, потому что они могли понять, что на самом деле все обстоит совсем не так, как должно было быть.

* * *

Я попытался представить себе, что сейчас происходит в центре тумана. Мысли, которые он принимал от Вишера и Байера, когда они беседовали о стрип-комиксах, должны были поразить его. Было вероятно, что он пытался анализировать произнесенные слова. То, что он мог говорить на нашем языке, мы знали со времени появления Джонатана. Он овладел английским при помощи исчезающе малого количества субстанции, которое проникло на корабль сразу же после посадки, без труда освоил его и в самое короткое время обучил этому языку примитивных существ, слуховой аппарат которых был уже приспособлен для произношения звуков английского языка. Он был настоящим лингвистическм гением, наш Великий Мастер. Как он переносил акустические звуки, которые собирал на борту ЭУР2002, через вакуум космоса в свой центр, чтобы обработать их там, я не знаю, но у него были соответствующие методы, например, электромагнитный перенос.

С тех пор, как туман абсорбировал мозг Хендрикса, он, кроме английского, овладел всеми языками, которые были известны биологу. Это отнюдь не облегчило наше положение, и то, что мы

говорили на итальянском или испанском, нам больше не могло помочь.

Итак, какую реакцию вызвала в центре тумана беседа Вишера и Байера? Были ли теперь мысли Великого Мастера перепутаны и направлены на разгадывание этой загадки или он сравнил разговор с мыслями и счел не заслуживающим внимания и то, и другое? Никто этого не знал, но было ясно только одно: если он что-то заподозрил, мы об этом скоро узнаем.

После того, как Байер и его бойцы отступили, Вишер оценил вред, причиненный во время боя в агрегатном отсеке, и нашел его минимальным. Мы вместе отправились в рубку управления. Коридоры были пусты, и никто не стоял у нас на пути. Все было похоже на то, что тактика Вишера привела к успеху, и я облегченно вздохнул.

В рубке Вишер задумчиво посмотрел на дыру в полу. Иззубренные края почернели от жара, а переносной резак лежал в паре шагов от края, равнодушно отброшенный в сторону.

Мы удалились от Эола на значительно большее расстояние, чем я до сих пор предполагал. Перед нами висел гигантский шар Дельты Домус, сияющий через толстое кобальтовое стекло. Справа находился центр тумана, но мы летели не прямо на него. Наш курс пролегал мимо, к той точке его орбиты, которой он достигнет только через несколько дней. Мне очень хотелось спросить Вишера, как долго он рассчитывал утаивать от экипажа свои истинные намерения, но я как можно быстрее изгнал эти мысли из своего сознания, ибо любые размышления — особенно касающиеся подробностей нашего плана — были опасны.

Через несколько минут я поймал себя на том, что раздумываю над замечанием Вишера, что через пять дней туман потеряет терпение, и тотчас занялся расчетами. С тех пор прошло больше полутора дней. Я подумал, что этот срок имеет какое-то особое значение. Если это была ловушка и мы мчимся в нее со все увеличивающейся скоростью, то окажемся возле центра Великого Мастера слишком рано. Но если Вишер намеревался сделать именно это, то меня еще больше удивило, когда некоторое время спустя он увеличил ускорение до четырех G. Ускорение утомило меня, поскольку прошло уже много времени с тех пор, как я спал по-настоящему. То, что Жаклин и Вишер тоже почти не спали, мало утешило меня, и я зевнул.

— Ложись спать,— сказал Вишер.— И ты тоже, Жаклин.

— Нет,— ответила врач и бросила на Вишера умоляющий взгляд.— Я хочу остаться здесь.

Они молча обменялись доверительными взглядами.

— Мне очень жаль,— сказал я,— но перед таким геройством я капитулирую и принимаю ваше предложение.

Для вахтенных в рубке в нишах вдоль стены находились маленькие подвесные койки, на которых они отдыхали. Я лег на одну из них и через несколько секунд заснул.

Меня разбудили резкие звуки. С онемевшим телом и закрывающимися глазами я поднялся на койке, но понадобилась пара секунд прежде, чем я смог соображать. Сначала мне показалось, что это звонит телефон.

— Тревога,— сказал Вишер, увидев мой озадаченный взгляд.

Эти слова мгновенно подняли меня на ноги, а Вишер тем временем взял в руки микрофон.

— Неполадки в агрегатном отсеке,— сказал он.— Техническая вахта, пожалуйста, проверьте.

— Что вышло из строя? — пробормотал я.

Вишер пожал плечами.

— Вышел из строя один из агрегатов, электронные датчики отметили повреждение. В настоящее время он не работает.

Мы стали ждать. Мои руки и ноги словно онемели, и каждое движение вызывало боль. Неполадки в агрегатном отсеке могли сделать нас неспособными к маневрированию на полгода, но их, возможно, можно было устранить без особых затрат и за несколько минут.

Я смотрел на экран. Перед нами находилась небольшая планетка, а Дельта Домус переместилась вправо и появилась на правом экране — значительно больше в размерах, чем тогда, когда я видел ее в последний раз. Ужасное подозрение грызло мой мозг.

— Как долго я спал? — спросил я.

— Тридцать часов,— ответил Вишер.

Боже мой! Это объясняло мое окоченение. Вероятно, я все это время лежал на койке неподвижно. Сбоку, свернувшись калачиком, в удобном кресле спала Жаклин.

— Где туман? — поинтересовался я.

— Он скрыт планетой. Я должен пролететь таким образом, чтобы экипаж не узнал о моих замыслах.

Я понял. Предупреждение достигло моего мозга: много не спрашивать, долго не размышлять. Но я должен знать еще кое-что.

— Эта планета ближайшая к Солнцу?

— Да,— ответил Вишер.

Итак, ЭУР2002 не летел прямым курсом. Может быть, туман обиделся на нас и что-то сделал в агрегатном отсеке? Нет, это было невозможно. Находящаяся на борту его концентрация была слишком мала.

— Вышел из строя дублирующий агрегат тормозного сектора, сэр,— доложила техническая вахта.

— Причина?

— Пока еще неизвестна, сэр, но мы продолжаем поиски.

— Процентов тридцать маневренности у нас есть еще? — спросил Вишер.

— Тридцать пять, сэр,— последовал ответ.

— Спасибо,— он отключился.— Мы идем на посадку,— сказал он мне.

— Это могу сделать и я, а ты должен хоть немного отдохнуть. У тебя уже черные мешки под глазами.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде было сожаление учителя, который капитулирует перед безмерной глупостью своего ученика. Потом он достал из кармана таблетку месквитила и бросил ее в рот.

Я прошел пару шагов взад и вперед, распрямился и потянулся, чтобы ликвидировать онемение, а затем, так как не было ничего лучшего, снова стал смотреть на экран. Мы были ближе к Дельте Домус, чем маленькая планетка, поверхность которой, пустынная и изъязвленная оспинами и шрамами, была обращена к нам. Мы наискось летели к ней. Если центр тумана на самом деле находился прямо на ней, тогда...

Эта мысль электризировала меня, и я хотел уцепиться за нее, однако вспомнил о запрете на размышления и как можно равнодушнее осведомился:

— Великий Мастер скоро оживит тьму Солнца, не так ли?

Вишер кивнул.

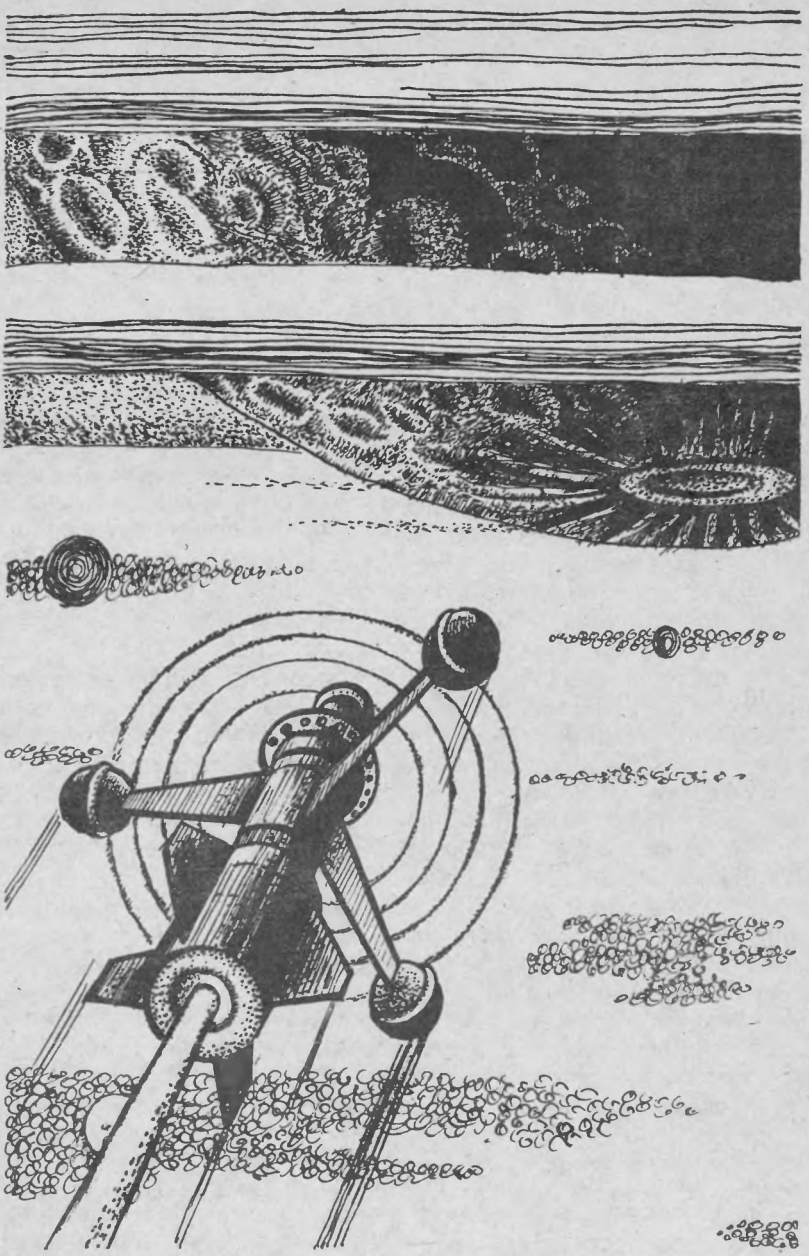
— Через пятьдесят часов тень Сперансы на десять минут заслонит Мыслительный центр Великого Мастера.

Сперанса — надежда. Ну и название он подобрал для этой планеты-ублюдка. А почему пятьдесят часов? Через пятнадцать часов истечет пятидневный срок, который, очевидно, играл важную роль в планах Вишера...

6

На расстоянии десяти тысяч километров Вишер уравнял скорость корабля с движением поверхности планеты. Маневрировать было трудно, потому что у нас не было дублирующего тормозного агрегата, но в конце концов ЭУР2002 начал опускаться с постоянной скоростью. Мы приблизились к месту, где хотели выполнить посадку. Оно находилось в нескольких километрах от линии терминатора на ночной стороне. Нас там ожидала температура-180°.

Сперанса была двойником Меркурия, видимая часть поверхности которой была усеяна кратерами. Приливные силы давно привели к тому, что Сперанса постоянно была повернута к своему солнцу одной и той же стороной — день планеты равнялся ее году. Атмос-



феры не было, она давно улетучилась, а то, что осталось на холодной ночной стороне, существовало только в виде снега и льда.

Лицо Вишера было странно застывшим. Вероятно, он находился в телепатической связи с туманом, пытаясь объяснить Великому Мастеру, что промежуточная посадка для ремонтных работ неизбежна, иначе корабль нельзя будет направить к центру. Я, по крайней мере, пытался поступить таким образом, и мне стало ясно, что туман не слишком разбирается в астронавигации и двигательных системах.

Между тем я немного посчитал в уме. Через пятьдесят часов, о которых упоминал Вишер, на борту будет 9 час. 11 мин. 25 мая 2160 года. Я напряженно ожидал, что произойдет в это время.

23 мая в 16 час. 37 мин. тарелки телескопических посадочных опор коснулись поверхности планеты Сперанса. На Вишера можно было положиться: ему везло. Если бы не произошла эта неприятность с тормозным агрегатом, у экипажа давно бы возникли подозрения относительно нашего курса, но посадка на Сперансу, чтобы отремонтировать агрегат, была самым естественным маневром в мире, поэтому все остались спокойными.

— Ремонт может продлиться несколько часов,— сказал мне Вишер,— а я хочу быть при этом. Сделай мне любезность — положи Жаклин на койку, чтобы она спала удобнее, а потом можешь делать что угодно.

Это было не в его манере. Он никогда так со мной не говорил. Я разместил Жаклин как можно удобнее, стараясь не разбудить ее, и последовал за Вишером в агрегатный отсек, где механики немедленно взялись за работу. Они сняли защитный кожух с дублирующего агрегата и начали изучать машину.

Вишер бросил на меня неодобрительный взгляд.

— Мне не особенно хочется, чтобы ты был здесь,— сказал он.— Не можешь ли ты заняться чем-нибудь другим?

Я подчинился. Боже мой, как мне хотелось знать, что там у Вишера на уме! Возможно, он не доверял дисциплине мысли, и это меня немного рассердило. Я проверил функционирование своего скафандра и закрыл шлем. Из шлюза Ф, как и полагалось по инструкции, я связался с третьим пилотом Байером, который в отсутствие Вишера нес вахту в рубке управления. Байер открыл шлюз, и я спустился на поверхность чужой планеты.

Скафандр, как я убедился, выдерживал холод космического пространства. Обогрев функционировал безупречно, изоляция свела потерю тепла до минимума. Я был в безопасности.

Передо мною простиралась усеянная скалами, освещенная неверным светом звезд равнина. В двух километрах от ЭУР2002 возвышался кольцевой вал кратера, похожий на мрачную призрачную стену. Я направился к нему, время от времени оборачиваясь,

чтобы посмотреть на очертания корабля. Тяготение на этой планете составляло 0,3 G, и я быстро продвигался огромными, как кенгуру, прыжками.

Неожиданно я наткнулся на круглое отверстие, ведущее отвесно вниз. Меня заинтересовало его происхождение, и я направил туда свет нашлемного фонаря, который высветил дно, находившееся метрах в тридцати. При небольшом тяготении планеты я мог спокойно спуститься вниз без дополнительной страховки, что и сделал, не раздумывая.

Я начал осторожный спуск в отверстие, используя выступы, которыми были усеяны каменные стенки, и минут через десять был уже на дне. Диаметр колодца был около пяти метров. В каменные стены во многих направлениях уходили штольни. Это совершенно не походило на естественное помещение. Но тогда что же это было? Смешно и думать, что в этой безатмосферной пустыне, лишенной растительности, могли жить разумные существа.

Я проник в одну из штолен. Серый камень стен был испещрен отвесными желтыми полосами. Я потер перчаткой желтую субстанцию — и вниз посыпалась пыль. Несмотря на низкую гравитацию, она удивительно быстро осыпалась на пол, так как здесь не было атмосферы, тормозящей падение.

Ф о с ф о р! — вспыхнуло у меня в мозгу.

Я стал осматривать желтые жилы с внезапно возросшим интересом и заметил, что поверхность фосфорного слоя находилась в постоянном движении, словно по ней полз отряд невидимых муравьев. Мучнистая субстанция обламывалась крошечными комочками, которые падали вдоль стены, рассыпались и... исчезали!

Манометр на моей руке никакого заметного давления газа не показывал, но это не значило, что в штольне не было никакого атмосферного давления. Очевидно, туман проник и сюда, но только в очень незначительной концентрации, поэтому этот не особенно чувствительный прибор не мог уловить его наличие. Зато термометр показывал температуру минус двадцать градусов. Так что внизу было на сто шестьдесят градусов теплее, чем наверху, на поверхности!

Но мое ошеломление было недолгим. Я некоторое время смотрел, как желтые комочки отлетали от фосфорной жилы, падали на пол и исчезали. Не нужно было никаких напряженных раздумий, чтобы понять происходящее здесь. Туман снабжает себя субстанцией, необходимой его рассеянному телу, так как он постоянно терял материю своего тела. При массе газа, свободно действующей в космосе и не связанной силами тяготения, это было неизбежно. Каждый час, каждый день терялись многие дюжины, а может быть, и сотни различных элементов химических соединений, поэтому он должен был восполнять потерю, если не хотел с течением времени

сократиться в объеме. Здесь я увидел, как он удовлетворяет свою потребность в фосфоре. Обнаружив фосфорную руду, он обнажил жилу, создав шахты и штольни, и, используя химическую реакцию, откалывал фосфор, превращал его в газ, нагревая стены штольни. Именно это и объясняло удивительно высокую температуру.

Внезапно подо мной задрожал грунт. Скосив глаза, я увидел поднявшееся облако пыли и вздрогнул. Позади меня бесшумно обрушилась часть штольни, отрезая путь к отступлению.

* * *

Туман продемонстрировал мне, что не позволит безнаказанно совать нос в свои тайны.

Я в задумчивости опустился на пол. Позже мне еще будет нужно время, чтобы попытаться разгрести завал руками, а сейчас было важнее кое-что другое. Здесь немного нелогично функционировал чей-то разум, и я хотел узнать, чей это разум — мой или тумана.

Он должен быть убежден в том, что корабль вместе с экипажем будет доставлен к нему. Почему же тогда его обеспокоило то, узнаю я одну из его маленьких тайн или нет? Он должен считать, что через один или два дня я объединюсь с ним, буду составлять часть его существа, разделив с ним свои знания. Тогда какой же смысл гневаться и закрывать мне путь к отступлению только потому, что я увидел, каким образом он пополняет содержание фосфора в своей субстанции?

Не было никакого сомнения, что туман не делал логических выводов, действуя инстинктивно, необдуманно. Ему и на разум не приходило, что в результате его действий будет потерян человеческий мозг, потому что до сих пор наши скафандры каждый раз препятствовали утолению его ненасытности к субстанции мозга разумных существ.

Нужно было рассчитывать на то, что со временем он поймет свою ошибку. Я попытался достигнуть его своими мыслями, сказав, что моим самым заветным желанием было явиться к нему вместе с остальными членами экипажа и представить в его распоряжение все наши знания для обогащения его и так необъятных знаний. И несмотря на то, что я был самым бездарным из всех, посещавших курс йоги, мне удалось сделать это довольно хорошо, что не раз давало мне возможность обращать это себе на пользу. Я так напряг свой разум, что в конце концов сам себя почти убедил, что мой череп излучает.

Туман отреагировал точно и в срок. Импульсы моих мыслей достигли центра за несколько секунд, потом понадобилось еще немного времени для раздумий, но менее чем через минуту завал

позади меня начал двигаться. Температура, судя по термометру, поднялась. Туман начал проплавлять штольню.

Я стал отступать назад, зная, что на плавку камня понадобится высокая температура, которую не выдержит скафандр, и, отойдя метров на сто от завала, стал ждать. Прошло два часа. Я не делал никаких попыток связаться с кораблем по радио. Мне не нужно было бояться, что они улетят без меня, так как ремонт должен был занять много времени.

Я медленно двинулся вперед и, чем ближе подходил к устью штольни, тем быстрее поднималась температура. Там, где был завал, стены светились темно-красным цветом, а термометр показывал плюс сто пятьдесят градусов. Пока что никакая опасность мне не грозила, так как лучевой нагрев такой интенсивности без труда нейтрализовывал защитный слой скафандра. Единственное препятствие представлял из себя участок длиной в два метра, стены вдоль которого были раскалены. Я разбежался, прыгнул и перелетел через опасное место благодаря небольшому тяготению планеты. Как торнадо, я миновал устье штольни и закончил свой великолепный прыжок, ударившись руками в противоположную стенку шахты.

Я повернулся и осмотрелся. Краснота постепенно гасла. Температура внутри скафандра была нормальной!

* * *

На обратном пути к кораблю меня занимали мысли. Нет, не опасные, а только такие, которые ничего не могли дать туману.

В сравнении со всеми приключениями, происшедшими во время полета ЭУР2002, мои ранние переживания были просто мелкими, незначительными случаями, значение которых состояло только в том, что от них я кое-чему научился.

Сначала тот отрадный факт, что туман, видит Бог, не был таким уж безупречным мыслителем. Он напоминал мне неуклюжего медведя, который не знает, что ему делать со своей огромной силой. Он пользуется своей ментальной энергией без разбора, а логическое мышление не является его сильной стороной. Ничего странного! Чему он мог научиться в своем одиночестве?

Во-вторых, теперь я видел, что ошибался, когда пару дней назад пришел к заключению, что туману неизвестен принцип ядерной энергии. Расплавить многие тонны камня за несколько минут можно было только при помощи ядерной энергии. Я не имел никакого представления, почему Великий Мастер использовал в установках по производству энергии на Эоле уголь. Для этого должно было быть какое-то основание. Может быть, он опасался, что про-

цесс расщепления или слияния атомных ядер выйдет из-под контроля и приведет к катастрофе? Но как бы там ни было, ясно одно: обладание знаниями ядерной физики делало туман намного более опасным противником, чем мы считали до сих пор.

Эту последнюю мысль я тотчас же перекрыл страстным желанием получить стаканчик виски с содовой, в котором плавает кусочек льда. Это было самоубийством! Если туман узнает, что я считаю его опасным, дело для меня примет дурной оборот.

Тем временем ремонтные работы на борту в агрегатном отсеке все еще шли полным ходом. На пути туда мне встретился один из механиков с весьма угрюмым лицом.

— Нашли причину? — спросил я.

Он сердито кивнул.

— Какой-то идиот разбил камеру сгорания,— сообщил он.— Просто расколотил ее кувалдой. Мы ее удалили и теперь можем заменить новой, но на это понадобится по меньшей мере один день.

Он ушел, а я остался стоять, как вкопанный. Мне в голову пришла идея, которую я быстро подавил. У фотонных двигателей камеры сгорания изготовлены из надежного синтетического материала. В этих камерах происходил квази-холодный процесс ядерного синтеза, в результате которого получался мощный поток ультрафиолетового фотонного излучения, приводящий в движение ЭУР2002. Геометрия камер была оптимальной, и малейшее изменение их форм было неисправимо. А теперь кто-то разбил молотом одну из этих ценных камер. Какой в этом был смысл? На этом месте меня и посетила идея. Может быть, Вишер имеет к этому...

Дальше я думать не стал.

Когда я вернулся в рубку управления, Вишер сидел за большим пультом, уставившись в пустоту.

— Почему ты не спишь? — поинтересовался я.

— Не могу,— ответил он сонным голосом.— Великий Мастер ждет меня.

Я взглянул на него. Он производил жалкое впечатление, так как уже больше шести дней не спал. Существовало предписание, запрещающее использование таблеток москвитила для подавления потребности во сне более пяти раз в течение двадцати четырех часов, и я понадеялся, что медики предусмотрели какой-нибудь защитный фактор.

Я поведал ему, что со мной произошло. Несмотря на свое подавленное состояние, он внимательно меня выслушал, а потом кивнул.

— Я знаю. Всемогущий туман располагает знанием ядерной физики. Должно быть, эти знания ему дала найденная нами пара гуманоидов в древнем корабле. Однако он также знает, что использование ядерной энергии на населенной планете не всегда безопас-

но, поэтому использует ее только там, где она абсолютно никакого вреда не причинит.

— Ну, видите? Я тоже не был так глуп. Мне это уже известно!

* * *

В 23 час. 30 мин. 24 мая механики из агрегатного отсека сообщили, что новая камера сгорания установлена и агрегат снова готов к работе. ЭУР2002 вновь был совершенно исправен. Пятью минутами позже Вишер сломался. Поскольку Жаклин спала, я не стал тревожить ее, ибо она этот отдых заслужила, и вызвал одного из ее коллег.

В рубку вбежал доктор Северин.

— Что случилось? — прежде всего спросил он.

— Вишер потерял сознание.

Уложив командира на койку, Северин начал его осматривать.

— Пульс ускорен,— сообщил он,— явные симптомы переутомления, слабое отравление москвитилом, но для потери сознания совершенно никакой причины нет,— он покачал головой.— Я не знаю, почему это произошло. В его состоянии обычно происходят припадки бешенства.

Я подавил усмешку, так как понял, что Вишер устроил спектакль, выигрывая время. Я не думаю, что туман что-то заподозрит. Похоже, земная медицина его мало интересовала, поэтому он ничего в ней не понимал.

— Хорошо, доктор, я за ним послежу.

Между тем Вишер оставался без сознания целый час, а потом медленно открыл глаза.

— Что случилось? — спросил он.

— Ты был без сознания,— ответил я.

— Сколько сейчас времени?

— 00 час. 40 мин.

Он вскочил — слишком быстро для того, кто три минуты назад был еще без сознания.

— Стартуем! Стартуем немедленно! — поспешно воскликнул он.— Иначе Великий Мастер потеряет терпение.

Несмотря на это опасение, он двигал руками так же бессвязно и неуверенно, как кадет академии на первом семестре.

— Экипажу на протяжении следующих часов на ускорение больше 1,2 G не рассчитывать. Всем занять свои места!

ЭУР2002 устремился в усеянную звездами черноту неба, и вскоре после старта над сильно изогнутым горизонтом планеты появился светящийся центр тумана. Экипаж охватило беспокойство. Люди и раньше неохотно принимали то, что путь к Земле лежит мимо

ближайшей от местного солнца планеты, а теперь начали по-настоящему серьезно сомневаться в истинности данных, положивших конец восстанию Байера.

Тем временем Байер, полностью разгадавший план Вишера, сообщил нам о повороте в настроении экипажа корабля.

— Долго так продолжаться не может, командир,— сказал он.— Мне они больше не доверяют и вот-вот взбунтуются.

— Удержите их любыми путями,— потребовал Вишер.— Организуйте против меня совет, создайте комитет для жалоб на меня, но следите за тем, чтобы канониры оставались на своих местах и выполняли любое мое указание. Все остальное в данный момент не так важно.

— Ясно, сэр.

Вишер провел рукой по лбу.

— Всемогущий дух Тумана,— услышал я его бормотание,— прости им эту глупость. Скоро они будут повиноваться тебе.

По моей спине пробежал холодок. Это звучало как жуткое заклинание. Можно было свихнуться, если представить себе, что Вишер произносил эти слова на полном серьезе, все время обманывая и Жаклин, и меня, а впоследствии и Байера.

Но я не должен об этом думать. Туман слишком близко.

25 мая 2160 года, 8 часов 14 минут по бортовому времени.

Хвала и честь разуму нашего экипажа! По неизвестным каналам распространился слух, что капитан Вишер, возможно, был не в таком уж бессознательном состоянии, как это хотел показать. Каждый ребенок мог высчитать, что Вишер должен был разогнать корабль намного сильнее, если бы хотел как можно быстрее добраться до тумана. Кроме того, пара сотрудников сектора астрономии сообщила, что примерно через час произойдет полное солнечное затмение центра тумана — именно в то мгновение, когда мы, при нашем теперешнем ускорении, достигнем цели.

В коридорах и рабочих помещениях собирались маленькие группки людей, шепотом обсуждая самые последние слухи. Люди складывали два и два, и им казалось, что они знают дальнейшие намерения Вишера. Постепенно их беседы становились все опаснее. Туман легко мог подслушать их мысли! Если его подозрение падет на командира, нам всем конец.

Тут Байер по своей инициативе издал знаменитый приказ, вошедший в анналы космических полетов землян.

— Я всем запрещаю размышлять! — прогремел его голос по всеобщей связи.

Первой реакцией на этот запрет был оглушительный смех, но люди, как говорится, разумны. Они подумали над тем, что имел в виду Байер, и вспомнили, что туман обладал телепатическими способностями. Этого было вполне достаточно, чтобы сделать

заключение, что в их же интересах было поверить Байеру и исполнить его приказ как можно тщательнее.

Сам Вишер сконцентрировался. Проснувшаяся Жаклин сидела около него, у пульта, время от времени нежно поглаживая его по руке, но Элф, казалось, ничего не замечал.

— 8 часов 34 минуты,— сказал я, потому что тишина постепенно становилась все мучительнее.

— Точно через тридцать девять минут мы объединимся с Великим Мастером,— ответил Вишер.

Итак, я не ошибся. 9 часов 13 минут были таинственной секундой X.

Концентрация тумана теперь была видна в полном объеме и составляла около ста тысяч километров в диаметре, но точнее я не мог сказать, потому что края его постепенно становились все более разреженными. Четкие границы отсутствовали.

Я вынудил думать себя о вещах, не имеющих ничего общего с туманом. Вспоминал женщин, которых знал раньше — двенадцать сотен миллионов лет назад: Лину из Рима, Аннету из Реймса, Дейдру — смешное имя — из Гелвея, и еще... Ох, черт побери эти воспоминания! Я не мог отвлечься от загадки тумана. Мои мысли с неохотой отходили от этой темы, никак не желая расставаться с ней, потом диким галопом возвращались назад.

В окраинной зоне тумана появилась планета, а точнее, ее тень, что немного отвлекло меня. Она была похожа на черное отверстие, вырванное в светящейся субстанции неизвестной силой, и с заметной скоростью двигалась к центру концентрации.

Теперь я знал, почему Вишер ждал солнечного затмения. Это было настолько просто, что я давно уже должен был бы сообразить. Нет, я не должен об этом думать! По крайней мере, не теперь.

8 часов 49 минут.

Теперь туман образовывал просто бесформенное облако. Он был дико иззубрен и местами напоминал мне изображение большой туманности Ориона. С тех пор, как туман впервые появился перед нашими глазами, он не изменялся. Вероятно, его внешняя форма была как-то связана с мыслительными способностями и так же не переносила большемасштабного изменения формы, как и человеческий мозг. Я спросил себя — озабоченно внушил себе,— почувствует ли туман боль, когда мы на ЭУР2002 проникнем в его центр?

Неожиданно я встретил испуганный взгляд Жаклин и подбадривающе подмигнул ей. Она, по всей видимости, все еще не поняла план Вишера и не задумывалась над тем, что будет с реакцией и мыслительными способностями тумана, когда тень Сперансы падет на центр и температура...

Не думать об этом!

9 часов.

Создатель, очевидно, находился в дурном настроении, творя это существо, которое парило в космосе с незапамятных времен и не имело никаких понятий о таких вещах, как дружелюбие, сотрудничество, искренность, доверие. Мне очень хотелось бы знать, была ли у него вообще способность воспринимать и знать физическую боль, например, возвышенное чувство — гордость от успеха в выполненной работе и т. д. Другие разумные существа для тумана были, видимо, только источником пополнения знаний, не окрашенных эмоциями, как у людей. Никто не знал, скольких ничего не подозревающих космических путешественников он уже проглотил, сколько разумных существ истлело на Эоле и других мирах этой системы? Туман пожирал их всех и будет продолжать пожирать, пока существует.

Я поднял взгляд. Тень маленькой планетки, пустынной планетки двигалась в центральной зоне тумана.

9 часов 07 минут.

Вишер так резко вскочил со своего кресла, что я испугался.

* * *

Он улыбался! Я едва мог этому поверить: он действительно улыбался — в первый раз с тех пор, как мы прыгнули с парашютом в ночь.

— Сейчас это произойдет! — с воодушевлением воскликнул он.

Это снова был старый, меняющийся с секунды на секунду Вишер, уверенный в том, что тень планеты так сильно снизит температуру ядра тумана, что скорость мышления монстра сильно замедлится, если он вообще сможет мыслить. Это был трюк, о котором в прошедшие полтора часа я вообще не должен был думать!

Команда снова стала единой и сплоченной, как и раньше.

— Канонир... Канонир! Это рубка управления. Подготовить к старту пять водородных ракет. Заряд шесть — ускорение четыре ноль-ноль G.

Из динамика донеслись звуки из орудийного отсека.

— Сообщить об исполнении! — прозвучал приказ Вишера.

— С Н-один до Н-пять — подготовить к пуску!

— Зажигание 3,5,0 секунд.

— Зажигание 3,5,0 — установлено!

— Цель — точно в направлении полета.

— Цель точно в направлении полета — установлена!

Вишер посмотрел на хронометр горящими глазами, но секундная стрелка ползла невыносимо медленно. 9 часов 8 минут и 40 секунд.

— Внимание всем шахтам: огонь!

Корабль содрогнулся. Водородные ракеты, несущие заряд шесть, были объемистыми штуками, а заряд их в десять раз превышал заряд обычных ракет.

Мы увидели мчащиеся прочь, освещенные солнцем ракеты, а через одну пятую секунды они исчезли с экранов, так как их ускорение было 400 G, за которым человеческий глаз не мог уследить.

— Ускорение — полные 10 G — через пятнадцать секунд! — крикнул Вишер.— Времени в обрез. Каждый защищается, как может!

Я откинулся на спинку своего кресла. Тело переносит ускорение лучше, если во время его действия оно лежит на мягкой обивке. Убийственное ускорение навалилось мне на голову и грудь, когда мощность двигателя увеличилась почти скачкообразно. Я заблаговременно повернул голову таким образом, чтобы видеть экраны.

Звезды поплыли. По экранам скользили с огромной скоростью незнакомые созвездия. ЭУР2002 описывал крутую дугу, отклоняясь от прежнего курса. Вишер установил курс почти вертикальный к плоскости эклиптики системы Дельты Домус.

Расплющенные легкие были едва способны вобрать в себя воздух, пульс сильно ощущался в моем черепе, огненная пелена, фантастическое порождение мучимого мозга и деформированных давлением глаз, застилала поле зрения. Мне стоило огромных усилий достаточно четко и ясно видеть происходящее на экранах.

Тень Сперансы начала освобождать центр тумана, подходило к концу полное затмение. В это мгновение возобновляли свою активность мыслительные процессы тумана, освобождаясь от парализующего холода космоса. Сейчас он должен заметить, что мы его обманули.

С момента пуска ракет прошло пять минут. Сцена, казалось, окаменела. Несмотря на убийственное ускорение, мы вроде бы и не двигались — теперь, когда уже было проведено изменение курса.

Туман...

Полыхнула яркая вспышка. Пять взрывов, происшедших в ту же секунду, во много раз усилили первый. Море звезд исчезло, словно смытое, и даже Дельта Домус превратилась в крошечную мутную лампочку на фоне сияющего, голубовато-белого потока света, исходящего с места взрывов. Тумана больше не было видно, а там, где находился его центр, сияло искусственное солнце, порожденное водородными ракетами, которое распухало, пожирая черноту пространства...

Я хотел воодушевленно воскликнуть, но перехваченное горло издало только беспомощный хрип, которого никто не услышал.

Возбуждение быстро прошло. Ускорение требовало жертвы. У меня перед глазами потемнело, могучим водопадом обрушился на меня шум, стал громче, понес меня...

Я потерял сознание лишь на несколько секунд, а когда снова пришел в себя, плита исчезла с моей груди и можно было свободно дышать, несмотря на ощущение колющей боли в легких. Я осторожно привел кресло в нормальное состояние и осмотрелся.

Вокруг было тихо. В контурном кресле без сознания лежала Жаклин, а Вишер, находившийся в полном сознании, сидел за пультом управления, уставившись на экран.

Искусственное солнце давно уже преодолело высшую точку своего развития и теперь медленно сжималось, светя мрачным оранжевым светом. Звезды опять вернулись на свои места, а Дельта Домус снова превратилась в ярчайшее светило.

Туман изменил свою структуру. Зона вокруг центра была окутана сотнями вуалеподобных контуров. Вся его форма свидетельствовала об огромном, направленном вовне ускорении, но и только из-за слишком большого расстояния. На самом деле глаз не мог видеть никакого движения, но одно было ясно: туман-монстр, ловушка для космических кораблей, больше не существовал. Горстка отчаявшихся людей победила и уничтожила его.

Вишер обернулся и посмотрел на меня.

— Я думаю,— сказал он вполголоса,— мы это сделали.

Конец дневниковых записей
первого офицера (Джанкарло Барлетты).

* * *

Они вернулись на Эол и совершили посадку — на этот раз по своей воле — на том же самом месте, где более полугода назад ЭУР2002 совершил свою первую посадку.

Вишер попытался объяснить Джонатану и его соплеменникам, что теперь они свободные существа. Правда, никто не будет нашептывать им, как пользоваться ткацким станком или ножницами, зато развитие пойдет без помех, естественным путем.

Было видно, что, по крайней мере, глава этого пещерного общества понял часть его объяснений. Он отвел Вишера и Джонатана в сторону и что-то прошептал своему соплеменнику. На лице Джонатана появилось выражение испуга, потом он повернулся к Вишеру.

— Он сказал, что Великий дух мертв,— произнес он.— Это так?

— Он был не великим, а злым духом,— серьезно ответил Вишер.— Он обманывал и использовал вас, поэтому радуйся, что его больше нет.

Вождь сказал еще что-то.

— Он видел это прошлой ночью,— перевел Джонатан.— Великий Свет теперь не так силен, как раньше.

Вишер кивнул. Изменения, произведенные взрывами водородных ракет в центральной зоне тумана, и в самом деле были хорошо видны. Центра больше не было, субстанция тумана разлетелась во все стороны, а значительная его часть падала на солнце.

Барлетта направил ЭУР2002 на юг, а Вишер тем временем позволил себе давно заслуженный отдых. Корабль совершил посадку вблизи индустриального района, чтобы взять на борт самолет, оставленный там Вишером, Барлеттой и Жаклин. Правда, Барлетта хотел сделать рабочим, занятым здесь, то же самое сообщение, которое сделали племени Джонатана, но из-за отсутствия переводчика сделать это было значительно труднее. И нигде не было видно ни одного разумного существа.

Когда туман погиб и управление всей этой индустрией прекратилось, темнокожие гуманоиды, очевидно, ударились в панику. Тут и там были следы, доказывающие, что они бежали в джунгли сломя голову.

13 июня 2160 года в 18 часов 00 минут ЭУР2002 отправился в обратный полет на родину. Экспедиция закончилась, а в невообразимой дали их ждала Земля.

— Туман был тщеславным типом,— сказал Вишер во время одной из многочисленных информационных бесед, проводимых им на обратном пути.— Во всяком случае, когда я называл его Великим Мастером или Всемогущим духом тумана, чувствовал его удовлетворение. Он был очень охоч до лести, у него вообще было много других человеческих черт.

— И нечеловеческих тоже много,— с отвращением произнесла Жаклин.

— Разумеется. Все же у нас не было другого выбора, кроме как уничтожить его, иначе мы никогда не смогли бы покинуть Дельту Домус. Кроме того, у нас был долг перед поколениями других космических путешественников, которые в будущем могут попасть в эту систему.

Байер откашлялся.

— Я рад, что вовремя понял вас, Вишер, иначе все могло бы закончиться катастрофой.

— Несомненно,— подтвердил Вишер.— Это был порыв отчаяния. Когда мы с Барлеттой в ту ночь оказались на склоне горы, я стал ломать себе голову, но мне на ум не пришло никакой идеи, кроме одной: нужно обмануть туман. Как уже было сказано, порыв отчаяния охватил меня. Через пару часов наш запас кислорода подойдет к концу, и мы будем вынуждены открыть шлемы. Если до

тех пор мне не удастся убедить туман, что с моей помощью он быстрее овладеет умами членов экипажа, чем если бы он действовал собственными методами, тогда...

Окончание фразы повисло в воздухе, и он сделал беспомощный жест.

На некоторое время воцарилось молчание.

— С момента начала моей игры,— продолжил наконец Вишер,— я часто и надолго телепатически связывался с Ве...— он смущенно улыбнулся,— ... с Туманом, много узнал о нем, о его привычках и намерениях. До сих пор он поглотил экипажи десяти космических кораблей. Он не знал меры времени, так как оно было ему безразлично, но первый корабль попал в его ловушку где-то около двух миллионов лет назад.

— Это длительный промежуток времени,— заметил Барлетта.— А сам он знал свой возраст?

— Нет. Он ничего не знал о своем происхождении. Сказал только, что до того времени, как был поглощен экипаж первого космического корабля, он уже существовал долгое время. Его полный возраст я оцениваю в двадцать, а возраст самостоятельного мышления — в три миллиона лет.

— В любом случае, это чудовище,— заметила Жаклин.

— Он не имел никаких моральных качеств. Откуда им взяться? По его твердому убеждению, все, что приходило к нему извне, принадлежало ему, и он мог поступить с этим по своему желанию. А его самым настойчивым желанием было собирание знаний. Туман, несомненно, был существом, с которым можно было ладить, если в каждом случае потакать его желаниям и если он видел выгоду в таком существовании. У него не было никакого опыта, достойного упоминания, несмотря на его разумность. Но на опыте зиждется часть логики, а он был не очень логичен и, кроме этого, не мог делать выводов, поэтому его было довольно легко обмануть. Человек, например, давно бы разоблачил меня, увидев, как я разбиваю камеру сгорания агрегата фотонного двигателя, хотя это необходимо было сделать, чтобы выиграть время, так как решающее солнечное затмение должно произойти лишь через пятьдесят часов.

— И о предстоящем солнечном затмении он тоже не имел никакого представления? — поинтересовался Барлетта.

— Вот именно. Со своего места он видел Сперансу узким серпом, поэтому и представить себе не мог, что от нее может быть огромная тень, способная затмить его мыслительный центр.

— Несмотря на то, что он, вероятно, пережил не одну тысячу таких затмений.

— Верно,— Вишер довольно усмехнулся.— Я уже сказал, что логика не была его сильной стороной.

* * *

Обратный путь ЭУР2002 проделал за два пространственных прыжка без всяких инцидентов, и в конце второго прыжка оказался в половине светового года от тусклого красного карлика.

— Это что, наше старое доброе Солнце? — недоверчиво поинтересовался Барлетта.

— Радуйся, что оно вообще еще здесь — после 2,4 миллиарда лет! — ответил Элф Вишер.

С расстояния орбиты Урана красный карлик все еще существенно не отличался от прочих звезд на черном небосводе.

— Каким оно видится с Земли? — озабоченно пробормотал Барлетта.

— Скоро мы это узнаем,— в голосе Вишера не было никаких эмоций.

День спустя, сильно уменьшив скорость, корабль пересек орбиту Марса, но Луна исчезла. Земля больше не представляла из себя привычного зрелища. Континенты сдвинулись, изменив свои очертания, океаны сократились, даже диаметр планеты уменьшился.

— Два с половиной миллиарда лет — долгий срок,— произнес Барлетта, стараясь взять себя в руки.

По кораблю пронесся возглас воодушевления, когда стали видны первые признаки того, что Земля обитаема. Особенно бросалось в глаза квадратное пятно в экваториальной зоне. Оно было светло-серого цвета, четко выделяющегося на фоне зелени поднимающейся вокруг растительности. На нем не было заметно никаких делений или маркировок. Кроме того, на этой огромной плоской поверхности, похоже, не было никаких неровностей. Площадь его была около десяти тысяч километров.

Между тем возбуждение возросло еще больше, когда чуть позже было принято радиосообщение, вероятно, переданное с Земли.

— Робот космической вахты. Сектор Сол. Отделение Терра. Исследовательский корабль ЭУР два ноль ноль два, ответьте!

Голос говорил на безупречном английском, однако еще поразительнее было то, что корабль опознали без всякого труда.

Элф Вишер передал ответ.

— Садитесь на базе пятнадцать,— сообщили с Земли.— Это квадратное пятно в экваториальной зоне, которое вы, несомненно, уже видели.

— Понял,— произнес Вишер.— Нам очень интересно. Можете вы ответить на наши вопросы?

— Разумеется, сэр,— ответил вежливый голос.— Задавайте ваши вопросы, пожалуйста.

— Как там на Земле — при таком Солнце?

— Искусственный разогрев внутренней части планеты, медлен-

ная термоядерная реакция делает ее обитаемой, и даже климат здесь приятен. Выровнены и улучшены температурные условия везде... Климат планеты полностью в наших руках.

— Наших? — спросил Вишер с легким налетом недоверия.— В руках роботов?

— Не беспокойтесь, сэр,— ответил ему голос.— Роботы сегодня — составная часть повседневности. Мы лишены честолюбия. Наше существование подчинено одной задаче — служить человечеству.

— И сколько здесь жителей? — спросил Вишер.

— Миллиард.

— А где остальные люди?

— Когда вернулись корабли первого этапа исследовательских экспедиций, первоначального человечества уже больше не существовало. Найденные следы показали, что на Земле оно пережило закат цивилизации, погрузилось в первобытный образ жизни, а потом тихо вымерло. Однако во многих местах Млечного Пути тем временем были обнаружены колонии, основанные первым человечеством в период его технического расцвета.

Экипажи кораблей ООН начали строить новую культуру. Используя знания, приобретенные во время экспедиций, они сумели сделать это в кратчайшее время. Новое человечество тоже проникло в космос и исследовало Млечный Путь и галактики Локальной группы. Негуманоидная разумная жизнь была найдена лишь в немногих местах, и все эти существа, без исключения, находились на нижних ступенях развития. Сегодня вся Локальная группа — область обитания земного человечества.

Вишер сглотнул. Он, казалось, и представить себе не мог такого грандиозного успеха продукта хомо сапиенс (человека разумного). Жаклин подошла к нему и взяла его руки в свои.

— Мой вам комплимент,— сказал Вишер, приходя в себя от удивления.— И на каком же языке сейчас говорят?

— Спасибо, сэр. В результате заселения Млечного Пути и соседних галактик возникло около сотни новых языков. Однако существует всеобщий язык общения, основанный на английском, который понимают везде. Кроме того, изучение языков сегодня не представляет никакой проблемы. При помощи дидаскалографа, работающего на базе гипнотического внушения, любой, даже самый неспособный к языкам человек, может освоить чужой язык за несколько часов.

— Фантастика! — воскликнул Вишер.— Откуда вы так хорошо знаете английский?

— Робот космической вахты знает даты возвращения всех исследовательских кораблей Объединенных Наций. Мы также знаем обо всех языках общения на каждом корабле и владеем ими.

— А сколько всего кораблей вернулось?

— Все, сэр. Никаких потерь не было.

— Это невероятно! — фыркнул Вишер.

— Это на самом деле так, сэр,— вежливо сказал ему голос робота.

Вишер осмотрелся. Глаза его блестели.

— Мы идем на посадку,— сказал он в микрофон.

— Спасибо, сэр. И сердечно приветствуем вас на Земле!

Вишер отключился и посмотрел на Жаклин.

— Нас здесь неплохо встретили, моя дорогая,— сказал он ей.— Мы еще нужны Земле, даже если у нее это смешное маленькое красное солнышко.

У несгибаемого Вишера по щекам бежали слезы! Чтобы скрыть их, он притянул к себе Жаклин и спрятал лицо на ее плече.

Тем временем ЭУР2002 опускался вниз, на серо-белый квадрат, называющийся Базой-15.

ТРИ ДЕЗЕРТИРА

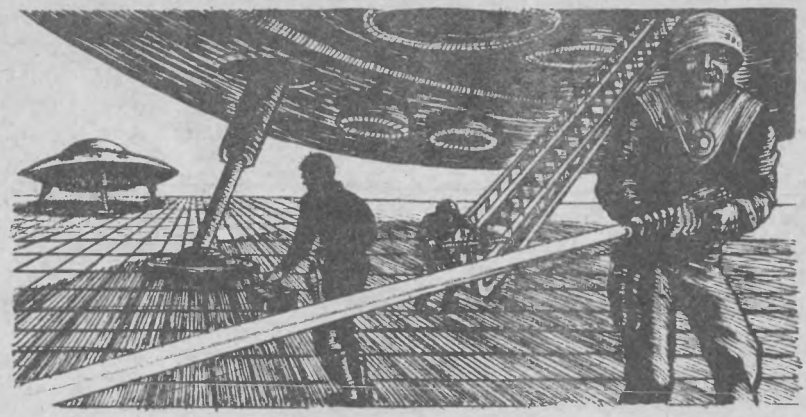
ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ПЕРРИ РОДАН — триста кораблей флота Солнечной Империи готовы к бою

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ЧЕЛЛИЖ — он зарабатывает себе «Голубую комету»

ГОРАС О'МУЛЛОН — когда он проснулся, кризис уже миновал

УОЛТЕР САТТНИ, РОНСОН ЛАУЭР, ОЛИВЕР РОАНЕ — в результате их дезертирства Галактика оказалась на грани войны



На Сером Чудовище, седьмой планете солнца Митра, вдали от всех межзвездных путей сообщения, живут восемь тысяч человек с Земли.

Изгнанные по политическим мотивам, после множества первоначальных трудностей, они доказывают, что, будучи свободными поселенцами, способны противостоять самым грозным обстоятельствам.

Однако, когда расчеты показали, что солнце Митра примерно через десять месяцев по земному времени будет стерто с временного уровня Дрруф, для многих колонистов, которые уже считали планету Серое Чудовище своей родиной и родиной своих будущих детей, настал час прощания.

Одна часть поселенцев эвакуируется на Венеру, первую колонию землян, в то время как другая часть остается нести службу на вновь основанной базе Солнечного Флота на Сером Чудовище.

Однако специалисты Перри Родана, кажется, недостаточно проверили добровольцев, иначе у трех дезертиров едва ли появились бы шансы осуществить задуманное.

1

«Террания Дейли Ньюс», газета, издаваемая Министерством информации и общественного мнения, 3 октября 2042 года сообщила:

«На Митре-7», недавно основанной базе земного космического

флота, трем дезертирам удалось ускользнуть на корабле — дальнем разведчике типа «Газель». Дезертиры покинули систему Митры в неизвестном направлении. Начаты широкомасштабные поиски.

На борту разведчика кроме дезертиров, вероятно, находится старший лейтенант Челлиж, имя которого недавно упоминалось в связи со злостным превышением власти при эвакуации расы гуманоидов с Митры-7. Очевидно, старшего лейтенанта вынудили лететь на этом корабле.

От руководства флота стало известно, что этому инциденту не придано большого значения. Ни в информационном банке «Газели», ни у старшего лейтенанта Челлижа, ни у трех дезертиров нет никаких ценных сведений».

* * *

Гюнтеру Челлижу приснился скверный сон. Он ворочался в постели, потел, затем наконец вскочил и широко открыл глаза. Прямо ему в лицо смотрело дуло пистолета.

Сначала он подумал, что это продолжение кошмарного сна, но через некоторое время, необходимое для адаптации зрения, увидел то, что находилось за стволом оружия. Это была волосатая кисть руки, крепко сжимавшая рукоятку. И рука эта, казалось из того положения, в котором находился Челлиж, тянулась на невероятную высоту, к плечу, принадлежавшему прайсрингеру. Лицо же мужчины было едва различимо в свете ночника, но все же по невероятной ширине плеч Челлиж догадывался, что это мог быть Роане, один из поселенцев, которые недавно были приняты на службу во флот. Челлиж изо всех сил пытался понять, что же могло быть на уме у Оливера Роане. Проскользнуть среди ночи в «Газель» и выдернуть из сна единственного на борту человека, держа лучевой пистолет. Вряд ли это было проделано ради шутки. Но еще раньше, чем Челлиж успел додумать свою мысль до конца, Роане сказал:

— Встать, быстро! У нас нет времени! И не делайте глупостей. Или вы сомневаетесь, что я умею обращаться с этой штуковиной?

Нет, Челлиж этого не думал. Он со стоном спустил ноги с низкого ложа, скосил глаза кверху, вяло уперся ногами в пол и попытался встать. Все это он проделал с медлительностью и неловкостью человека, который все еще плохо воспринимает действительность. Поэтому для широкоплечего Роане было совершенно неожиданно, когда Челлиж внезапно, как стрела, метнулся вверх. Левым плечом он ударил Роане по правой руке. Тот издал удивленный и яростный вскрик и выронил пистолет.

Челлиж услышал, как тот стукнул об пол, и понял, что наполовину

выиграл. Он слабее Роане, но, во-первых, сейчас Роане должен преодолеть шок от неожиданного удара, во-вторых, Челлиж прошел во флоте суровую школу. Выбросив кулак вперед, он нанес Роане удар в шею. Роане отшатнулся и издал захлебывающийся звук. Челлиж незамедлительно продолжил атаку. Он слышал, как Роане ударился о стену и, упруго оттолкнувшись обеими ногами от пола, Челлиж нанес Роане удар чуть выше желудка.

Роане, охнув, тяжело повалился на пол. Челлиж, сдерживая дыхание, остановился, прислушиваясь, действительно ли он сумел вывести Роане из игры, или тот разыгрывает его. Но прежде чем он успел установить это, в его черепе что-то взорвалось невыносимой болью и вспыхнуло ярким снопом огненных искр. Удара об пол он уже не почувствовал.

* * *

Придя в себя, он услышал, как кто-то негромко сказал:

— Этот придурок совсем отупел на службе.

И хотя в жестоко гудящей голове, просверленной яростной болью, мысли еле шевелились, он понял, что имел в виду говоривший.

Голос, который он услышал, принадлежал Роане. Второй голос ответил:

— Все могло быть намного хуже, задержись я еще немного. Надеюсь, он скоро очнется. Мы не можем оставаться здесь до самого утра. Солнце взойдет, самое большее, через полтора часа.

Челлиж окончательно понял, что у захватчиков все было продумано заранее. Пока он возился с Роане, незаметно подкрался кто-то другой и нанес ему удар. Но кто бы это мог быть?

Челлижу показалось, что он уже слышал когда-то раньше этот голос, но, как он ни напрягал память, он никак не мог представить себе лицо говорившего. Он осторожно приоткрыл глаза и сразу же увидел Оливера Роане, стоявшего спиной к нему. Второго говорившего не было видно. Оказалось, что Челлиж снова лежит на постели, в которой он спал, и широкая фигура Роане закрывает ему все поле зрения. Тем временем кто-то включил свет. Челлиж рискнул бросить быстрый взгляд в сторону и увидел, что в каюте все уже приведено в порядок. Итак, Роане со своим сообщником пришли сюда не для того, чтобы что-то стянуть. Но зачем же тогда?

Гюнтер Челлиж стал усиленно копаться в своей памяти, стараясь найти ответ на все, происходящее сейчас, в прошлом.

Пару недель назад старший лейтенант Силерман с тремя крейсерами космического флота совершил посадку здесь, на Сером Чудовище, или просто Митре-7. Здесь обитали восемь тысяч поселенцев, доставленные сюда депортационными транспортами с Земли.

Посланцам объявили, что по веским и действительно существующим причинам на Митре-7 теперь будет находиться база космического флота. Поселенцам же, большинство которых было сослано сюда по решению Суда Земли за контрреволюционную деятельность, предлагалось бесплатное переселение на Венеру, в ближайшие окрестности Земли, и размещение там. Большинство из них согласились и были переправлены более чем за шесть тысяч световых лет отсюда, на Венеру. Оставшуюся часть — примерно тысячу человек — людей, в отношении которых было решено, что проведенные здесь годы изгнания погасили их недовольство режимом, установленным Главным администратором,— предполагалось взять на службу в космический флот. Присяга на верность была принята всего пару дней назад.

Сам он, лейтенант Челлиж, принял командование «Газелью», на которой месяц назад, под командованием капитана Бленди, совершил посадку на Сером Чудовище, чтобы наблюдать за развитием колонии поселенцев.

Теперь Бленди командовал полуэскадрой космических разведчиков, которые базировались на Сером Чудовище.

Экипаж корабля имел обыкновение проводить ночь во вновь возведенных капонирах. На борту же любого транспорта, если он был не больше «Газели», постоянно должен был находиться лишь один человек. Челлиж с горечью подумал об этом, так как надеяться на чью-либо помощь не приходилось. Правда, капониры находились на таком расстоянии, что экипажи могли добраться до своих транспортов почти мгновенно, и, если бы только удалось поднять тревогу, он был бы спасен. Вся сложность была в том, что Роане и его сообщник не дадут ему такой возможности.

Он осторожно перевалился на бок, но Роане все же услышал шум и заметил, что его пленник пришел в себя. Челлиж успел бросить быстрый взгляд на сообщника Роане. Это был Саттни. Челлиж мгновенно вспомнил, что Саттни принадлежит к тем, кто четыре месяца назад под предводительством Холландера пытался разжечь недовольство среди поселенцев. Холландер был приговорен к смерти. Члены же его банды, потеряв своего предводителя, снова примкнули к остальным поселенцам.

Присутствие Саттни придавало делу новый оборот. Челлиж понимал, что ему не стоит ждать ничего хорошего от приверженца Холландера, так как он сам руководил охотой на Холландера и его людей.

Роане давно уже держал пистолет наготове и, когда заметил, что Челлиж открыл глаза, сразу же отступил на пару шагов и направил ствол оружия ему в грудь.

— Я еще посчитаюсь с тобой,— прошептал он.— Но не теперь. У нас для этого будет еще много времени.

Челлиж приподнялся и оперся на локти.

— Что вы делаете? Разве вы пару дней назад не приносили присяги? — спросил он и с удивлением обнаружил, что его собственный голос, прозвучавший для него как гром, едва не расколол его страшно гудевший череп.— Вы предстанете перед военным трибуналом, и, весьма вероятно, вас расстреляют.

Оливер Роане не принадлежал к особенно сообразительным людям и довольно-таки медленно находил слова для ответа, но зато он был наделен недюжинной силой, и, как впоследствии признался Челлижу Саттни, Роане сам удивлялся, как ему удалось уговорить Саттни, чтобы тот не расправился с Челлижем немедленно. Сейчас же Саттни отошел в сторону таким образом, чтобы Челлиж мог его видеть, и сказал:

— У нас нет никакого намерения позволить им поймать нас. И вы нам в этом поможете.

— Чего вы хотите? — удивленно спросил Челлиж.

— Я думаю, что мы не дадим вам проявить свою инициативу еще раз,— холодно ответил Саттни.— Для вас самое главное сейчас — делать именно то, что вам скажут. Иначе я могу гарантировать вам только неприятности.

Некоторое время он смотрел на Челлижа, словно ожидая, когда сказанное им достигнет сознания лейтенанта. Потом, сделав повелительный жест, сказал:

— Вставайте и следуйте за мной!

Челлиж решил подчиниться. Он встал, проклиная страшную головную боль. Тем временем Саттни открыл люк и вышел в коридор. Челлиж последовал за ним, а сзади шел Роане с наведенным на него пистолетом.

Саттни вошел в централь управления. Челлиж с первого взгляда понял, что все без исключения главные агрегаты «Газели» уже были выключены. До него стало доходить, чего же от него хотят Саттни и Роане, но он все же никак не мог представить, какую конечную цель они преследовали.

Саттни остановился возле кресла пилота.

— Вы поняли, что должны делать только то, что вам прикажут?— спросил он, словно читая мысли Челлижа.— Вы должны поднять корабль с Серого Чудовища в открытый космос, и это пока все...

— Да что вы говорите? — насмешливо переспросил Челлиж.— И это все?

Саттни серьезно кивнул.

— Пока, как я сказал.

— И не подумаю! — гневно ответил Челлиж.

И в то же мгновение получил удар сзади. Удар не был сильным, но пришелся в самое чувствительное место — затылок, который

и так уже пылал болью. На пару секунд перед его глазами не осталось ничего, кроме полной искр пустоты, а когда он снова пришел в себя, оказалось, что он лежит на полу возле кресла пилота.

Роане глупо улыбался.

— Хотите получить еще? — хохотнул он.

Челлиж с трудом подавил в себе желание вскочить и броситься на Роане, но никакого особого смысла бросаться на направленный в его сторону лучевой пистолет не было.

— Итак?..— начал Саттни.

— Вы перепили! — вскричал Челлиж.— Разве вы не знаете, что произойдет, если я стартую теперь? Через две-три минуты за нами устремится весь флот Серого Чудовища. Или вы намерены просить разрешения на старт законным путем?

Он поднялся и увидел, как окаменело лицо Саттни.

— Сейчас не место и не время для шуток,— сказал тот тихо, но с угрозой в голосе.— Вы хорошо знаете возможности этого корабля и можете произвести мгновенный старт, а еще через минуту включить маршевые двигатели. И не пытайтесь рассказывать мне сказки. Я знаю возможности «Газели».

«Ну хорошо же,— яростно подумал Челлиж. Ты знаешь ее возможности, и я должен выбросить из нее в первую очередь именно тебя. Видит небо, что всю свою жизнь я был неважным солдатом, иначе давно бы уже был капитаном, а, может быть, и выше. Но этого, Саттни, ты от меня не добьешься».

Он обошел кресло пилота. Ощущение безысходности положения терзало его, но все же не настолько, чтобы протест против бесчестности Саттни полностью угас.

— И куда же мы теперь отправимся? — язвительно осведомился он.— Если я должен лететь на маршевых двигателях, то должен знать куда.

— Это вовсе не обязательно,— тотчас же возразил Саттни.— Наш план мы можем осуществить в любой части Галактики. Поэтому держите курс, куда хотите, только остерегайтесь залетать в пределы Андромеды. Это все!

Гюнтер Челлиж усмехнулся. Потом кивнул.

— Как вам будет угодно. Вся ответственность за это лежит на вас.

— А это уж не ваша забота. Я перенесу это,— язвительно парировал Саттни.

Челлиж со всей медлительностью, на которую только был способен, приступил к священнодействию за пультом. Он протянул руку, чтобы нажать одну из кнопок, но со стоном убрал ее и схватился за голову. Стараясь выиграть время, он сдавленно захрипел, словно ему стало дурно. Так он выиграл еще полторы минуты, чтобы окончательно прийти в себя и обдумать тысячи пришедших

ему в голову вариантов. Он обдумал и отбросил эту тысячу вариантов и набрал пятьсот новых. Все они никуда не годились — это он понял быстро. Не было никакой возможности, которую он мог бы использовать. Все идеи содержали огромный риск для него самого. Но после раздумья он понял, что должен пойти на этот риск.

Все теперь зависело от того, знает ли Саттни назначение одной из кнопок на огромном пульте управления. Кнопка эта не была подписана. Зато она была большой и ярко-красной, и каждый, кто хоть раз сидел за пультом «Газели», знал ее назначение. Это была кнопка включения бортовой тревоги. Бортовая тревога, пока корабль находился на посадочном поле, поднимает всех, кто находится на этом поле. С того мгновения, когда Челлиж нажмет на красную кнопку, и до того, когда на поле появятся отряды спасателей, пройдет самое большее двадцать секунд. Потом старт станет уже невозможен, и Саттни с Роане попадут в свою собственную западню.

У Гюнтера Челлижа, однако, было подозрение, что в таком случае они предпочтут умереть и убить его, чем сдаться. Это был риск, на который он должен был решиться.

Кнопка располагалась на самом верху пульта таким образом, чтобы никто не мог нажать на нее по неосторожности. И для того, чтобы добраться до нее, Челлижу нужно нагнуться далеко вперед. Он не сделал этого, потому что, даже не оглядываясь, был уверен, что Роане стоит позади него, направив ствол пистолета ему в спину. Он стал нажимать ряд клавиш, которые находились под кнопкой тревоги и пока не выполняли никаких функций, так как приборы, которыми они управляли, не были еще включены. Рука его продвигалась все дальше и дальше, а сам он все больше и больше наклонялся вперед.

Он не решался оглядываться, боясь, что, если обернется, они могут заметить его неуверенность. Но он сделал паузу, когда головная боль стала сильнее, и прислушался. Позади него ничего особенного не было слышно. Все, что он мог слышать,— это тяжелое дыхание Роане.

Он снова упал в кресло, чтобы выиграть еще немного времени. Теперь он, наконец, будет работать с кнопками наверху пульта, и ни у кого не вызовет подозрения, если он нагнется еще дальше вперед.

Наклонившись вперед и нажав еще пару переключателей, он внезапно выбросил руку в направлении желанной кнопки.

То, что было затем, произошло настолько быстро, что позже он не мог припомнить последовательность событий. Боль словно кипятком захлестнула руку, пронзила его всего прежде, чем он успел нажать кнопку. Сразу же послышалось шипение, а на панели возле экрана начали вздуваться пузыри. Пара капель расплавленного металлопластика, сбегая вниз, застыла прежде, чем достигла панели пульта.

Все это Челлиж увидел с поразительной четкостью, до мельчайших подробностей, хотя чудовищная боль в руке уже начала угнетать его сознание. Он понял, что Саттни переиграл его, разгадал его намерения и выстрелил ему в палец в то самое мгновение, когда он хотел уже коснуться кнопки тревоги.

Гнев и отчаяние от неудавшейся попытки были столь же велики, как и боль от раненой руки. На пару мгновений Челлиж потерял способность мыслить, и только резкий голос Саттни вывел его из этого состояния.

— Вы имели возможность убедиться, Челлиж, что мы не потерпим никаких шуток! А теперь принимайтесь за работу и делайте то, что от вас требуется!

Челлиж был сломан и раздавлен и не мог теперь оказать какого-либо сопротивления.

Он раньше так часто проводил подготовку «Газели» к старту, что теперь его руки словно во сне сами двигались по пульту. Ему не нужно было задумываться над своими действиями, и это было весьма кстати, потому что рассудок его был переполнен мыслями об унижении и поражении и гневом на Саттни и Роане, так что для чего-либо другого у него просто не оставалось времени.

Включив системы подготовки, он откинулся на спинку кресла. Как ни горько ему было, приходилось признать свое поражение. Ведь «Газель» теперь, не встречая никаких препятствий, готова была незамедлительно покинуть стартовую площадку, и ни у кого не оставалось возможности не только для ее преследования, но и для атаки.

Саттни был прав: сорок секунд максимального ускорения — и можно будет провести гиперпрыжок. А так как корабль был снабжен не только структурными компенсаторами, но и новейшими поглотителями собственных частотных колебаний, не было никакой нужды в подготовке маршевых двигателей.

Итак, все же проиграна игра или нет?!

Внезапно у Гюнтера вновь появилась надежда на спасение. Ну, конечно же, Саттни, а может быть, и Роане могли что-то знать о возможностях «Газели», но в галактонавтике они все же были полными профанами. А это значило, что они никогда не смогут понять, в каком направлении движется корабль. И может случиться так, что ему удастся вывести «Газель» на оживленную трассу, и если там поблизости окажутся корабли космического флота, то, вполне естественно, Саттни и Роане предпочтут сдаться, не ожидая обстрела из тяжелых дезинтеграторов. Да, да, конечно же, так и надо сделать. Ведь среди людей, которые всего несколько дней назад были приняты на службу в космический флот, только Ронсон Лауэр знал галактонавтику. Его на борту не было, хотя, конечно, Челлиж не мог полностью поручиться за то, что тот не мог быть сообщником

Саттни и Роане. И то, что его до сих пор не было видно, было важнее всего. Это значило, что курс «Газели» мог определить только он, а Роане и Саттни оставались в роли статистов, которых целыми днями можно было водить за нос. Эта мысль настолько вдохновила его, что все его существо наполнили новые силы и желание борьбы.

— Теперь садитесь,— сказал он Саттни и Роане.— Я стартую.

— Зачем? — удивленно спросил Саттни.— Корабль оснащен поглотителями ускорения. С нами и так ничего не произойдет, не так ли?

Челлиж пожал плечами. Не было смысла объяснять им что-либо, они не должны были спускать с него глаз.

Он потянул на себя стартовый рычаг. Затем осторожно перевел его на первое деление и задумчиво проследил по экрану, как «Газель» отреагировала на это. Потом он напряг мускулы и перевел рычаг до упора.

Внутри корабля ничего не чувствовалось. Но на экране внезапно вспыхнул яркий свет. С ускорением, которое было достаточным, чтобы молекулы воздуха при столкновении с защитным экраном ионизировались и начинали светиться, «Газель» прошла через плотные слои атмосферы планеты, оставляя за собой пылающий огненный шлейф. Челлиж внимательно наблюдал за приборами. Он видел, как давление воздуха за бортом корабля внезапно упало, и световой указатель скорости пополз по шкале. Когда он достиг ее конца, шкала сменилась. Она показывала новую область скоростей, и указатель, на этот раз гораздо медленнее, начал отклоняться влево. Справа от этой шкалы тикал маленький хронометр, отсчитывая время, прошедшее после старта. Где-то был прибор, который контролировал и указатель скорости, и курсограф, и хронометр, все вместе; при помощи позитронного мозга производил подсчет и обозначал путь, пройденный со времени старта. После сорока секунд полета пройденное расстояние составляло четыреста тысяч километров. За сорок секунд «Газель» на максимальном ускорении проделала путь, который был больше, чем расстояние от Земли до Луны.

Настало время включения маршевых двигателей. У Челлижа не было времени, чтобы рассчитать точные данные прыжка. Он запрограммировал корабельный мозг для прыжка в двести световых лет. Теперь он не имел никакого представления, где они окажутся. Но он сможет установить это, когда корабль снова вернется в нормальное пространство.

Он сказал Саттни:

— Теперь я прыгаю!

Затем, быстро нажав на кнопку, совершил гиперпрыжок. Он почувствовал короткую тянущую боль дематериализации, и на секунду у него появилось ощущение, что ему закрыли глаза рукой.

Когда он снова смог видеть, картина на экране дальнего обзора изменилась. Светящийся туман миллиардов далеких звезд остался таким же, но созвездия соседних солнц, которые, как большие жемчужины, висели на темном, мерцающем фоне, стали другими. Прыжок был удачным, и никто на Сером Чудовище или где-нибудь еще не знал, куда исчезла похищенная «Газель».

Челлиж расслабился. В то же мгновение Саттни спросил:

— Где мы?

— В двухстах световых годах от Серого Чудовища,— ответил Челлиж.— Больше я пока тоже ничего не знаю.

«Но сейчас,— подумал он,— я это узнаю. Двести световых лет от Серого Чудовища, этого тебе мало, а, Саттни, здесь ты еще не чувствуешь себя в безопасности. Мы сделаем второй прыжок, и еще один. Будет, например, свыше шестисот световых лет. И я хочу знать, как ты по моим вычислениям узнаешь, где прыжок закончится? Галактоматематика — сложная штука, Саттни. Ты не понимаешь ее, не так ли? Я скажу тебе: этот прыжок приведет нас не в центр Галактики. Ты мне поверишь и сделаешь большие глаза, когда увидишь, что солнце, которое внезапно появится перед нами — наше собственное Солнце».

Он внезапно обнаружил, что больше не чувствует никакой боли от удара Роане, который тот недавно нанес ему. Он чувствует себя сильным и способным действовать. Он хотел отправить Саттни туда, куда он заслуживал: в камеру тюрьмы службы безопасности. И как можно быстрее.

Он услышал, как Саттни сказал:

— Двести световых лет — это, как мне кажется, слишком мало. Так что мы должны сделать еще один прыжок, чтобы оказаться в безопасности. Но до этого я хочу вам кое-что показать, чтобы вы отказались от своих иллюзий.

Челлиж был удивлен. Он посмотрел на Саттни, и тот указал на входной люк. Челлиж проследил за его жестом и увидел, что люк открылся. Его глаза расширились, когда он узнал человека, который вошел в централь управления. На мгновение все мысли покинули его, а когда Челлиж снова пришел в себя, рот его пересох, словно он целый день проблуждал в пустыне.

Человек, вошедший через люк, был Ронсоном Лауэром, человеком, который кое-что понимал в галактонавтике.

* * *

История планеты Серое Чудовище была короткой, но бурной. В анналах земного космического флота упоминание об этой планете появилось более двух лет назад, когда транспортный корабль,

который должен был доставить восемь тысяч приговоренных революционеров на Ригель-3, вследствие бунта осужденных и множественных повреждений двигателя совершил здесь аварийную посадку. Этот корабль «Адвенчурс» после посадки превратился в обломки. Экипаж вынужден был поселиться на Сером Чудовище вместе с колонистами.

Сначала у колонистов возникли трудности в общении между собой. Поселенцы разделились на два лагеря, соперничающие друг с другом: стойкие демократы под предводительством Гораса О'Муллона и натурфилософы под предводительством Уолтера С. Холландера. Быстро стало очевидным, что Холландер стремится к единоличной авторитарной власти. В первом наступлении ему удалось прижать к стенке О'Муллона и его людей, но после ответного удара О'Муллон вновь захватил город Гринвич — единственный, который они до сих пор построили — и взял в плен Холландера и его парней. Суд, который представлял из себя собрание всех жителей Гринвича, приговорил Холландера к смерти. Его товарищи были приговорены к принудительным работам, но вскоре произошло событие, которое прервало наказание и сделало его невозможным.

О'Муллон и пара поселенцев, интересующихся наукой, обнаружили, что Серое Чудовище уже населено двумя видами достойной внимания органической жизни: мунго, полуразумными обезьянами, которые жили высоко в горах, и Голубыми Карликами, совершенно не похожими на человека созданиями, похожими на голубые кусочки вещества, и когда они собирались единой массой, у них проявлялись значительные парапсихические и парамеханические способности. Проводя искусную политику, О'Муллону удалось установить дружеские отношения между поселенцами и обоими местными видами.

Беда в конце концов пришла извне. В системе Митры, насчитывающей сорок девять планет всех видов и размеров, была вторая планета с разумной жизнью: Митра-12. Она была маленькой планетой, похожей на Марс, на которой жили гуманоиды своеобразного вида. Пипси, как их позднее назвали поселенцы, были в среднем около двух метров ростом и при этом ужасно худые. Они пользовались речью, состоящей из свистящих, щебечущих и шипящих звуков. Поэтому их и назвали пипси. На этой планете жило около трех миллиардов пипси. Там им было тесно, у них была соответствующая техника, и, осмотрев окружающее пространство, они прибыли на Серое Чудовище. Восемь тысяч поселенцев были порабощены. У них не было ничего, чем они могли бы защититься от пипси. Они вынуждены были обрабатывать землю при помощи машин, которые пипси выгрузили из своих кораблей, и засевать, и собирать определенное количество зерна. Корабль пипси снова покинул

Серое Чудовище, но осталась охрана из двухсот пипси, чтобы наблюдать за продвижением работ. Один из бывших приверженцев Холландера, человек по фамилии Пашен, ради собственной выгоды завел с пипси совместное дело.

Гюнтер Челлиж, который еще до смерти Холландера наткнулся на поселенцев — член экипажа одной из «Газелей», которая по приказу Перри Родана тайно совершила посадку в горах западнее Гринвича — без всякого предупреждения обнаружил, что сельскохозяйственные машины пипси приводятся в действие маленькими реакторами. Он разобрал пару реакторов и сделал из расщепляющегося материала атомную бомбу. Двести наблюдателей были побеждены, и когда четыре месяца спустя корабль пепси вернулся снова, он попал в огненный шар взорвавшейся бомбы.

Челлиж, который тем временем дал о себе знать, не сомневался в том, что рано или поздно на Сером Чудовище появятся все военные силы пипси, если поселенцы ничего против этого не предпримут. Посадочный бот «Адвенчурса», который вполне благополучно перенес аварийную посадку и был пригоден для полета на расстояние до пятисот световых лет, был быстро подготовлен. Боевая группа из тринадцати человек отправилась на Митру-12 и сыграла там роль послов с далекой планеты под названием Ауригель. Челлиж, идя на это, сфабриковал доказательства, которые быстро убедили пипси, что раса с Ауригеля планирует нападение на Митру-12 и порабощение пипси. Все их внимание было поглощено этой проблемой, и Серое Чудовище на некоторое время было забыто. План Челлижа, казалось, удался. Однако в последний момент из-за ряда несчастных случаев игра его была проиграна. Он и его спутники были захвачены, и их казнили бы, если бы в последнюю секунду не свершилось чудо.

Чудом было прибытие тройного крейсера земного флота под командованием подполковника Сикермана. Земные ученые обнаружили, что в области Митры в течение ближайших десяти месяцев ожидается пересечение двух временных плоскостей, какое впервые произошло в 2040 году в системе Мирсал, и Перри Родан попал там в бедственное положение. Ситуация на Сером Чудовище требовала создания здесь базы флота и проведения приготовлений, чтобы проникнуть в чужую временную плоскость.

Сикерман был великолепно информирован о политическом положении в системе Митры. Он знал, что на Сером Чудовище не удастся создать базу в тишине и спокойствии, если пипси не будут утихомирены. Это задание он выполнил, продемонстрировав впечатляющую мощь землян. При этом Челлиж и его спутники были освобождены и снова вернулись на Серое Чудовище. Опасность была ликвидирована, но Серое Чудовище больше не было независимым поселением: Земля захватила его.

В следующие недели развернулась необычайная активность. Весь транспортный флот занимался доставкой необходимых для создания базы материалов. Появилась юридическая комиссия и предложила поселенцам создать себе новую родину на Венере, в окрестностях Земли. Поселенцы согласились. Те из них, которые принимали участие в многочисленных преступлениях Холландера — и среди них Пашен, как наиболее активный,— были снова арестованы и отданы под суд. Отправка остальных была осуществлена в течение нескольких дней. «Попутчиков» оставили в покое.

Около тысячи поселенцев, которые раньше называли себя свободными поселенцами, остались на Сером Чудовище. Был разработан план, согласно которому все они были приняты во флот. Поселенцы согласились с этим — остальное было всего лишь формальностью. Новая база сама себя обеспечила персоналом.

Перри Родан наконец появился на Сером Чудовище, чтобы проконтролировать продвижение работ. За одну ночь Серое Чудовище превратилось в одну из важнейших баз в Галактике. Отсюда должен быть проведен решающий удар против друуф, чужой расы, которая жила на другой временной плоскости и использовала пересечение обеих плоскостей для грабительских набегов на Галактику. То, что раньше происходило на Сером Чудовище, было забыто. Пипси, которые теперь боялись восьми тысяч переселенцев больше, чем чумы и огромных сине-серых чудовищ, по названию которых они назвали этот мир, были больше не интересны.

Никто не позаботился о том, чтобы проверить надежность новых членов флота. Прошло только два года с тех пор, как они были приговорены к изгнанию с Земли за революционную деятельность, участие в тайных союзах и другие подобные же преступления. Конечно, большинство из них, таких, как Горас О'Муллон, давно уже раскаялись в своем преступном поведении. Но были еще некоторые, и, прежде всего, бывшие приверженцы Уолтера С. Холландера, которые судорожно цеплялись за старые идеи.

Они также были безоговорочно приняты во флот, как и остальные. И как только они надели на себя мундиры, они решили, что настало наконец время для выполнения их планов.

* * *

Старт «Газели» поднял большую тревогу. Полуэскадра капитана Блейли и космический крейсер сообщили о готовности к старту через несколько минут после первого сигнала тревоги.

Однако сейчас едва ли можно было использовать стартовую готовность, так как до сих пор никто не знал, куда направилась так неожиданно стартовавшая «Газель».

Перри Родан появился во временной централи посадочного поля. Вахтенный офицер, молодой капитан, отдал честь и пустился в долгие объяснения. Родан дружеским жестом отверг их и сказал, что он уже обо всем проинформирован.

— Я полагаю, вы еще не провели никакой всеобщей переписи? — спросил он наконец.

— Нет, сэр,— ответил капитан.— Я еще не сделал этого.

— Хорошо. Тогда сделай это теперь. Мы должны знать, кто воспользовался этой «Газелью»... Впрочем, кто должен был находиться на борту этого корабля?

— Старший лейтенант Челлиж, сэр.

— И «Газель» до сих пор ничего не сообщила о себе?

— Нет, сэр.

Родан сдвинул брови. Старший лейтенант Челлиж. Он хорошо помнил сообщение, которое передал ему непосредственный начальник Челлижа, капитан Блейли, во время их высадки на Сером Чудовище. Челлиж был сорви-головой особого типа, человеком, в котором были сосредоточены непредставимые резервы духовных и физических сил — незаметные до тех пор, пока он не оставался один и ему неоткуда было ожидать помощи. Челлиж, как выразился бывший изгнанник Горас О'Муллон, «в одиночку спас Серое Чудовище от пипси». Челлижу был тридцать один год. Человек с его способностями давно уже дослужился бы до капитана или даже стал бы офицером штаба. Перри Родан счел этот случай особым и достаточно важным, чтобы заглянуть в личное дело Челлижа. Он нашел ряд жалоб на него от его бывшего начальника, в которых говорилось, что он страдает «излишней самоуверенностью». Это значило, что он не мог держать рот закрытым, если он что-то знал лучше, чем люди, которые были выше него по рангу. Родан знал много таких случаев. «Излишняя самоуверенность» не всегда была обвинением. В отношении Челлижа это показывало, что капитан Блейли не выказывал ни малейшей склонности к тому, чтобы чем-то мешать своему старшему лейтенанту. Блейли и Челлиж, очевидно, были двумя типами людей, гармонировавших друг с другом.

Нет, Челлиж не мог быть человеком, которого похитила «Газель». Его, должно быть, вынудили к этому или он был мертв!

Перри Родан задумчиво покинул централь и вернулся назад, к плоскому строению, в котором устроил свою резиденцию полковник Сикерман и в котором ему отвели пару комнат. Сикерман сидел в своем кабинете и болтал о погоде с Реджинальдом Буллем. Огромный экран над массивным письменным столом мерцал светло-серым светом — признак того, что он в любую минуту мог включиться и связать кабинет Сикермана с каким-либо другим важным пунктом Галактики.

Когда Родан вошел в помещение, Реджинальд Булль вскочил. Сикерман тоже хотел встать, но Перри Родан сделал успокаивающий жест.

— Пока еще ничего нового,— тихо сказал он.— Мы знаем только, что «Газель» исчезла. И больше ничего. Ни куда, ни почему, ни с кем. Но последнее мы скоро выясним. Централь проводит перекличку.

Как только он это произнес, экран ярко вспыхнул и на нем появилась верхняя часть тела молодого лейтенанта. Он приветственно поднял руку и произнес:

— Лейтенант Рэдклифф. Согласно данному мне приказу, производится перекличка. Я должен попросить вас назвать себя.

Сикерман, насмешливо улыбаясь, ответил:

— Подполковник Сикерман. Шеф базы.

Реджинальд Булль прокартавил:

— Вице-администратор Булль.

— А вы, сэр? — спросил лейтенант, поклонившись Родану.

— Перри Родан,— ответил Родан и тоже улыбнулся.

Рэдклифф во второй раз отдал честь и поблагодарил. Потом его изображение исчезло с экрана.

Родан засмеялся. Лицо Сикермана, напротив, было смущенным. Казалось, что этот инцидент был ему неприятен.

— Я привлеку к ответственности этого молодого человека,— гневно пробурчал он.— Будет еще утверждать, будто он не знает, сколько будет дважды два. А вы, сэр, после того, как он спросил ваше имя, это превосходит все...

Родан откровенно развлекался.

— Оставьте это,— со смехом сказал он.— Мне на его месте это тоже доставило бы удовольствие. Впрочем, он прав. Он должен убедиться сам. Ведь может же быть так, что на мое место проберется робот. Сам он обнаружить этого не сможет. Ему нужен звук моего голоса, чтобы провести его анализ и установить личность.

— Ну, хорошо,— пробурчал Сикерман.— Но больше он этого не повторит.

Шли минуты, но никто больше не произносил ни слова. Перри Родан постарался обдумать ситуацию, сложившуюся в результате похищения «Газели», но ему не удалось создать достаточно четкую картину.

Прошло полчаса. Потом экран снова засветился, и на нем появился капитан, находившийся в централи.

— Докладываю о результатах, сэр,— сказал он, повернувшись к Родану и отдав ему честь.— Кроме старшего лейтенанта Челлижа, который находился в «Газели», исчезли три человека: Оливер Роане, Уолтер Саттни и Ронсон Лауэр. Эти трое — недавно принятые во флот поселенцы.

— Что вам известно об этих трех лицах? — спросил Родан.

— Ничего, сэр, кроме того, что они — бывшие приверженцы Холландера.

Перри Родан задумался над этим. Потом он поблагодарил капитана и дал понять, что у него нет никаких дальнейших указаний. Экран погас.

Потом Перри Родан встал и сделал пару шагов к окну. Там он остановился, устремив взгляд в пол.

— Это ставит нас в затруднительное положение,— наконец глухо произнес он.— И даже в весьма затруднительное.

Реджинальд Булль прищурил глаза.

— Майор Остал,— продолжил Родан,— достиг значительного успеха. Он направил по ложному следу робота-регента на Арконе, который вот уже пару лет пытается обнаружить настоящее местоположение Земли в Галактике. Мы направили его флот кораблей-роботов к планете, которая в записях, найденных ими на борту корабля Остала, помечена как Земля. Эта планета находится где-то далеко в недрах Млечного Пути. Но регент в конце концов поймет, что его водят за нос.

Он закончил, увидев удивление на лице Сикермана, который не мог понять, каким образом операция майора Остала связана с исчезновением «Газели».

— Но это не самое важное,— опять продолжил Родан.— Самое важное то, что нам известно, когда регент узнает об истинном местоположении Земли и мы тотчас же ударим, когда он получит эту информацию.

Сикерман больше не владел собой.

— Прошу вас, сэр,— начал он, когда Родан сделал паузу,— я не вижу никакой связи между похищением «Газели» и любопытством арконидского робота-регента.

Перри Родан поднял брови.

— Но это же совершенно ясно,— удивленно ответил он.— Вы же знаете, что это за люди, приверженцы Уолтера С. Холландера. Большинство из них не хотят ничего другого, кроме как побыстрее обогатиться. Революция кажется им подходящим путем для этого. Среди натурфилософов лишь немногие привержены какой-либо идее. И эти немногие уже поняли, как они были неправы. Парни, с которыми мы имеем дело, принадлежат к первому типу. Они ищут свою выгоду и ничего больше. Вы можете себе представить где?

Сикерман, казалось, понял это. Но прежде чем он успел ответить, Родан сказал:

— «Газель» старшего лейтенанта Челлижа — тот самый корабль, который мы два года назад отправили на Серое Чудовище, чтобы держать поселенцев под наблюдением. В его позитронном

мозге содержится все, что может быть важным для любой силы в Галактике, включая и координаты Земли!

Не было никакого сомнения в том, что Саттни и его спутники находились на пути в Аркон, чтобы выдать роботу-регенту местоположение Земли.

2

5 октября 2042 года «Террания таймс», независимая, находящаяся в оппозиции, газета сообщила:

«Мы продолжаем появившееся 3 октября в «Террании Дейли Ньюс» сообщение о бегстве трех дезертиров с базы флота на Митре-7». В дополнение к сообщению вышеупомянутой газеты, наши доверенные люди установили, что находящийся в это время на Митре-7 главный администратор Солнечной империи мистер Родан придает этому инциденту огромное значение. Очевидно, положение, сложившееся в результате похищения дальнего разведчика типа «Газель», настолько серьезно, что даже даю повод наложить запрет на сообщение с базы. Поэтому следует ожидать, что общественность теперь будет получать только сфабрикованные успокаивающие сообщения Министерства информации и общественного мнения.

Наше собственное мнение об этом инциденте таково: если нам действительно угрожает опасность, тогда люди Земли и Солнечной империи должны иметь достаточно крепкие нервы, чтобы с открытыми глазами встретить ее. Нужно избегать распространения сообщений, которые насквозь фальшивы и специально сфабрикованы. Информация такого рода делает людей недоверчивыми и приводит их в замешательство именно в то мгновение, когда опасность, несмотря на ее сокрытие, становится очевидной и все ясно осознают ее.

* * *

Человек, прошедший через люк, был Ронсоном Лауэром. Гюнтер Челлиж понял, что он проиграл.

Постепенно хладнокровие вернулось к нему. Он перевел взгляд с Лауэра на Саттни, все еще стоящего возле кресла, и внезапно понял его тактику. Саттни знал, что он будет стараться не делать того, что ему прикажут. Но он также знал, что Челлиж будет полагаться на их, Саттни и Роане, неосведомленность в вопросах галактонавтики и рассчитывает на то, что сможет водить их за нос, прокладывая курс «Газели», вместо того чтобы оказывать сопротивление двум вооруженным людям. Поэтому Саттни держал

Лауэра на заднем плане, чтобы старт прошел без помех. Он представил его в нужный момент, чтобы показать Челлижу, что тот должен отказаться от своих планов.

Лауэр уселся у кресла Челлижа, когда тот рассчитывал данные для второго гиперпрыжка. А Лауэр был не тем человеком, которому можно было втереть очки.

— Вы будете делать то, что прикажет вам Саттни,— начал он.— Включите считывающее устройство и отыщите сектор, в котором мы будем в безопасности. Быстрее, чего же вы еще ждете?

Ронсон Лауэр был худым подвижным человеком. Его возраст было трудно определить — где-то между тридцатью и пятидесятью. Он выглядел развязным и не лишенным чувства юмора, даже если юмор не особенно нравился Челлижу.

Он решил игнорировать требование Лауэра и посмотрел на Саттни, который был вожаком этой банды.

— Правильно,— кивнув, ответил Саттни.— Лауэр прав. Мы не должны терять времени. Начинайте рассчитывать новый прыжок. Теперь у вас есть ассистент,— он указал на Лауэра.— Таким образом, это можно сделать очень быстро, не так ли?

Челлиж почувствовал себя неспособным дать ответ на это. Он снова повернулся к пульту и нажал на кнопку включения считывающего устройства. Экран над пультом прибора замерцал. У Челлижа было время мгновенно прочесть данные курса «Газели», пока на экране проявлялось изображение.

«Газель» двигалась со скоростью пятнадцати тысяч километров в секунду относительно системы Митры. Ее курс лежал в противоположную от Митры сторону. В районе корабля, в радиусе десяти световых часов, не было никакой твердой материи, которая была бы достаточно массивной, чтобы датчик засек ее. Ближайшая звезда, как показали не особенно точные данные измерения ее параллакса, находилась на расстоянии около трех световых лет.

На экране тем временем появился титульный лист галактического каталога. Челлиж еще раз повернулся в сторону и спросил Саттни:

— У вас вообще нет никакой определенной цели? Куда же мне тогда лететь?

Саттни бросил взгляд на Лауэра. Лауэр равнодушно пожал плечами и быстро ответил:

— Совершенно безразлично. Главное, чтобы это не было горячим местом. Земные корабли нам не нужны. Я предлагаю область вблизи центра Галактики.

Челлиж кивнул. Он придвинул к себе нечто вроде настольной счетной машинки с множеством рядов цифр, нажал на ряд клавиш, а потом на красную кнопку. Титульный лист каталога исчез с экрана. Появилось другое изображение. Оно в основном состояло из

путаного скопища точек, цифр и букв. Между некоторыми точками были проведены линии, в большинстве своем штриховые. Наверху, у края экрана, стояло: «Обзорная карта сектора от десяти до двенадцати тысяч парсек, от нуля до одного градуса и от восьмидесяти девяти и до девяноста градусов».

— Хорошо,— сказал Ронсон Лауэр, не задавая никаких вопросов.— Это то, что надо. Найдите часть карты от одиннадцати тысяч до одиннадцати тысяч трехсот парсеков, от нуля градусов до нуля градусов десяти минут и от восьмидесяти девяти градусов пятидесяти минут до девяноста градусов.

Челлиж повиновался. Кончиками пальцев он напечатал указание на маленькой машинке и, нажав на клавишу, включил процесс поиска. Через несколько мгновений на экране появилась новая карта, в верхней части которой были обозначения, известные Ронсону Лауэру. Челлиж увидел, что на карте, кроме белого фона и черных точек и линий, не было больше никаких цветов. Это сделало его еще более неуверенным. Область, которую разыскал Лауэр, не принадлежала никому. Казалось, три дезертира хотели найти местечко действительно такое, где они могли бы без помех провести остаток своей жизни.

Он уставился на экран и стал ждать, что скажет Лауэр. Взгляд его скользнул по цифрам, которыми были помечены черные точки звезд; он почти не видел их, с напряжением ожидая, к какой из этих более чем двух тысяч точек Лауэр решит лететь.

Галактический каталог был арконидского происхождения — все галактические каталоги, использовавшиеся на земных кораблях, были такими же. Прошло более двух тысяч лет, прежде чем была проведена полная и тщательная картография этих высоких широт Галактики. Чтобы собрать все эти сведения, были отправлены тысячи исследовательских кораблей.

Это не означало, что в каталоге была каждая звезда, имевшаяся в Галактике. По земным понятиям он содержал в себе семьдесят пять—восемьдесят процентов звезд. И только около семисот шестидесяти звезд когда-либо посещались. Остальные были помечены цифрами и буквами — и этого было достаточно, чтобы офицеры-галактонавты могли пользоваться этим каталогом.

Земля репродуцировала арконидский каталог. Арконидские названия были сохранены, и только долготы и углы измерений были переведены, чтобы не пользоваться арконидской математикой. Единицей расстояния была параллакс-секунда, сокращенно парсек, или пс, а единицей угла — градус. Отправной точкой системы координат, лежащей в основе каталога, был Аркон. Многие люди на Земле считали, что это нужно изменить. Земля как возвышающаяся молодая сила не должна была использовать каталог, центром которого был Аркон. И на самом деле, пересчет данных каталога

с новым центром, Землей, не был особо трудным делом, только на эти расчеты ушло бы огромное количество средств.

На самом деле основания для оставления прежних координат с центром на Арконе были совершенно иными. Галактические координаты Земли должны были оставаться тайной, если Солнечная империя и дальше хочет развиваться без помех. Принимая во внимание то огромное количество средств обнаружения, которым располагал противник, сохранение тайны этих координат было весьма трудным делом. Оно требовало целого ряда совершенно невозможных средств защиты, если будет существовать каталог, в котором Земля или одно из множества солнц Солнечной империи будет играть роль точки отсчета координат. Тем, кто захочет обнаружить местоположение Земли, нужно будет только сравнить пару данных арконидского каталога с соответствующими земными. Так что Аркон должен был оставаться центром координат.

Система координат была шаровидной. Вектор радиуса показывал расстояние от объекта до центра координат, а именно, до Аркона. Измерение велось в парсеках. Угол тета образовывал вертикальную, а угол фи — горизонтальную оси координат. Эта система была построена так, что геометрический центр Галактики находился при тета, равной 90 градусам, а точкой пси считалась нулевая точка. Длина радиуса вектора до центра Галактики составляла десять тысяч девятьсот восемьдесят шесть парсек.

Некоторые страницы каталога демонстрировали отдельные срезы Галактики. Эти срезы были подобраны так, чтобы охватить содержимое почти всего пространства. Микрофильмы каталога показывали только двухмерное изображение, и высоты отдельных звезд, поднимающихся над плоскостью, обозначались цифрами, означающими парсеки.

Кроме того, точки звезд имели и другие обозначения, а именно: координаты, которые были необходимы для фиксации определенных звезд в гиперпространстве. Эти дополнительные координаты основывались на постоянном факторе счисления производства энергии, которую должен был вырабатывать двигатель космического корабля, чтобы при помощи переноса или гиперпрыжка достичь той или иной звезды. Поэтому на жаргоне галактонавтов они назывались «данными прыжка».

Тем временем Ронсон Лауэр принял решение. Он взял небольшой прибор, похожий на счетную линейку, повернул одно из колесиков и поместил одну из более чем двух тысяч звезд в центр экрана. Когда черная точка звезды застыла на перекрестке нитей в центре экрана, Лауэр нажал одну из кнопок, включающую прибор, увеличивающий часть каталога у центра экрана. Крошечные цифры данных, нанесенных вблизи точки звезды, стали читаемы.

— Это,— коротко сказал Лауэр,— звезда типа Солнца.

Гюнтер Челлиж отметил, что Лауэр повернулся к Саттни. Саттни кивнул и ответил:

— Если ты так считаешь.

Лауэр быстрым движением руки указал на экран.

— Начинайте считать, Челлиж,— приказал он.— Вы же знаете, как это делается. Разница между нашим настоящим местоположением и целью, масса корабля, рассчетные координаты. Начинайте... чего же вы еще ждете?

Челлиж понял, что Лауэр хочет показать ему, как хорошо он разбирается в этом. Но старший лейтенант знал об этом и раньше и счел эту демонстрацию немного смешной.

Отстраненно и механически занимаясь вычислениями, Челлиж думал о том, что хотят найти три дезертира, которые похитили «Газель», в окрестностях безымянного солнца, в семи с половиной парсеках или двадцати четырех световых годах отсюда, в области, которую никогда не посещали ни земляне, ни аркониды.

Но он так и не понял этого.

* * *

— Совершенно ясно, что мы должны сделать,— сказал Перри Родан.— Мы будем искать исчезнувшую «Газель». Она должна быть найдена прежде, чем этой тройке удастся причинить нам вред. Я полагаюсь на их неуверенность, которая раньше или позже заставит их сделать ошибку, и мы сможем их переиграть. Я полагаюсь на старшего лейтенанта Челлижа, если только он еще жив. Он найдет способ дать нам знак.

В настоящее время нет ничего более важного, чем поиски пропавшего корабля. До пересечения обеих временных плоскостей у нас еще много месяцев. Поэтому в данном случае нам некуда спешить. Мы можем использовать весь флот для поисков «Газели».

Кроме того, мы можем дать задание двадцати тысячам микромехаников расы свун, которые живут на Земле, чтобы они разработали и сконструировали прибор, который сделает возможной пеленгацию корабля, несмотря на установленные на нем поглотители колебаний.

Он некоторое время помолчал, потом улыбнулся.

— Таким образом, это доказывает, что изобретение поглотителя, по поводу которого мы так торжествовали, пошло нам в ущерб. Мы снабдили украденный корабль аппаратурой, которая делает невозможным обнаружение следа этого судна. Теперь мы должны изобрести контроружие против нашего собственного оружия, чтобы выбраться из этого затруднительного положения.

Он замолк во второй раз. Взгляд его скользнул по шеренге офи-

церов, стоявших перед ним, и остановился на подполковнике Сикермане.

— Я должен отозвать некоторых из ваших людей, Сикерман,— продолжил он.— Базирующиеся на Сером Чудовище корабли должны быть полностью укомплектованы экипажами. А вы продолжайте возведение базы. Не думайте, что ваша работа теперь стала совершенно ненужной!

Его взгляд переместился на майора Ван Аафена—Тельдье, как называли его его люди.

— Ван Аафен, вы полетите к Земле. Вам дадут записи, в которых Маршалл Фрайт будет проинформирован о новом положении вещей, и вы получите все необходимые указания, среди них и приказ, который вы должны будете передать лично в руки самому Маршаллу. В качестве курьерского корабля в вашем распоряжении будет крейсер.

Пока Ван Аафен подтверждающе кивал головой, Перри Родан перенес свое внимание на человека возле него, капитана Аурина.

— У вас будет почетное задание, Аурин,— сказал Родан,— поднять по тревоге весь флот. Вы получите приказ к выступлению... скажем, через сорок минут. За это время проведите все необходимые приготовления.

Роудс Аурин выступил вперед, отдал честь и вышел.

— Это все, господа,— в заключение произнес Родан. — Я благодарю вас.

Тут же послышался скрип сапог и топот бегущих ног. Через пару секунд после того, как Перри Родан произнес свое последнее слово, маленький зал был уже пуст.

Огромные силы пришли в движение. Земля поручила им сохранить в тайне свое местоположение. Земля вооружалась против врага, который нападет, как только узнает, где находится Земля. Земля приготовилась доказать свою мощь. Мощь, которая была развита менее чем за семьдесят лет и все же осмеливалась соперничать с насчитывающей более чем десять тысяч лет Империей Аркона.

* * *

Они оставили его наедине с Оливером Роане. Они отключили интерком и позаботились о том, чтобы он, Челлиж, не мог установить с места пилота, где они находятся. Саттни сказал ему, что он должен провести прыжок в ближайшие полчаса, и у Челлижа возникло жгучее желание покончить с Саттни и Лауэром именно в эти ближайшие полчаса. Но у него для этого не было ни малейшей возможности.

Оливер Роане сидел позади него почти в центре помещения, в

кресле, все еще держа пистолет в руке. Он все время держал ствол оружия, направленным в спину Челлижа. Пульт с телекомаппаратурой находился в пределах досягаемости Роане, а не Челлижа. Челлиж закрыл глаза и мысленно проделал движения рукой, которые были необходимы, чтобы передатчик излучил короткий пеленгационный импульс. Их было только два: нажать на большую клавишу включения передатчика и надавить на кодовую кнопку, которая передаст уже сформированный сигнал в механизм передатчика. Опытный человек мог проделать все это за полсекунды.

Но если на это понадобится всего лишь сотая часть секунды, и необходимо будет только одно движение руки, Челлиж все равно не смог бы это сделать. Роане был начеку, и он уже два раза доказал, как великолепно он подходит для этого.

Гюнтер Челлиж находился в состоянии дикой ярости.

Он стал играть переключателями на пульте. Ронсон Лауэр, войдя, заметил это, но, присмотревшись внимательнее, отметил, что этим Челлиж не мог причинить никакого вреда. Главный рычаг, который отправлял корабль в гиперпространство, был блокирован после того, как данные прыжка были введены в корабельный мозг. Он будет освобожден в то мгновение, когда истекут назначенные полчаса.

Итак, Оливер Роане ничего не мог возразить против того, чем занимался Челлиж. Челлиж от скуки сначала полистал каталог и просмотрел лист, на котором находилась звезда, являющаяся их целью. На этой раскрытой странице он не нашел ничего особенного и уже открыл следующую, когда обнаружил, что ему стало еще скучнее.

Следующая страница частично была желтой. Этот цвет означал, что данная часть Галактики находится под протекторатом Империи Аркона. Желтая часть листа выступала в виде языка к нижнему краю каталога, почти до самого центра экрана. Челлиж включил увеличение среза этой части, и перед его глазами возникли точки звезд вместе с данными им названиями.

В зоне влияния арконидов все звезды имели названия. Челлиж читал: Гальта, Ооне, Софрин, Лованн, Хайреко, Миннити и ряд других названий, о которых он никогда раньше не слышал. С мыслями о том, как могут выглядеть планеты этих солнц и что за существа живут на них, он задремал.

Но потом он снова проснулся, нажал на кнопку счетной машинки и вышел из окрашенной в желтый цвет части листа каталога. Названия звезд стали более редкими. Вне зоны своего влияния аркониды не прилагали особых усилий, чтобы давать названия всем звездам. Челлиж читал: Наайвун, Джоплат, Хожан, потом на расстоянии пары сантиметров не было ничего, кроме точек без названий, а потом: Латин-Оор.

Он остановился, Латин-Оор. Он недавно где-то слышал это название. Латин-Оор... В какой же связи он его слышал?

Латин-Оор... Челлиж напряг свою память: Латин-Оор, это звучало как «латинское золото». Он вспомнил, о чем он подумал тогда, когда впервые услышал это название.

Он вернулся к началу своей мысли. Спросил себя, действительно ли на Латин-Оор было золото, хотя арконидское название, конечно, не могло иметь ничего общего с переводом Челлижа. Он подумал о том, что, если на Латин-Оор действительно имеется драгоценное золото, там нужно основать базу, если же нет...

Вот что это было! Ведь именно к Латин-Оор стартовал арконидский флот кораблей-автоматов, чтобы превратить планеты этой звезды в пылающий ад.

Внезапно картина снова прояснилась перед его глазами. Он вместе с несколькими другими офицерами провел множество часов инструктажа, на которых от внутренней информационной службы узнал, что майору Клайду Осталу удалось направить арконидский киберфлот по ложному пути и заставить робота-регента поверить, что Землю надо искать где-то вблизи центра Галактики. Латин-Оор была именно тем солнцем, вокруг которого, по ложной информации Остала, вращалась планета, которая должна была сыграть роль Земли. Латин-Оор была именно тем солнцем, которое, судя по имеющимся данным, обладало двумя земноподобными, но не населенными планетами. В обеих из них робот-регент должен был увидеть Землю.

Так что план Клайда Остала удался. Регент проглотил приманку и отправил туда огромный флот. Челлиж не мог вспомнить, на которую из двух вышеупомянутых планет указывали данные Остала, на Латин-Оор-3, или на Латин-Оор-4. Но он был уверен, что одна из них будет окружена киберфлотом и от ее жителей потребуют безоговорочной капитуляции. Они тогда, во время инструктажа, от всей души посмеялись над тем, что арконидский флот, не получив ответа на свое требование, в конце концов совершит посадку и установит, что ни на Латин-Оор-3, ни на Латин-Оор-4 нет ни единого разумного существа. И спрашивали себя, будет ли шок от этого открытия достаточным, чтобы внутри робота-регента перегорела парочка электронных ламп.

А теперь? Что, если они столкнутся с Латин-Оор и флотом роботов, и что им делать?

Гюнтер Челлиж перелистал каталог назад. Он сравнил данные звезды, которую указал ему Ронсон Лауэр, с данными Латин-Оор. Звезда, являющаяся целью Лауэра, находилась почти на уровне плоскости микрофильма. Латин-Оор, напротив, была высоко над уровнем листа и почти вдавалась в предыдущий лист. Звезда, являющаяся целью Лауэра, находилась в районе углов тета восемьдесят

девять градусов пятидесяти минут и девяноста градусов ноль-ноль минут. Промежуточный лист охватывал область от тета девяноста градусов ноль-ноль минут до девяноста градусов десяти минут. К нему примыкал лист, на котором находилась Латин-Оор, с тета от девяноста градусов десяти минут до девяноста градусов двадцати минут. Вертикальное расстояние между обеими звездами составляло не более десяти световых лет. Но горизонтальные данные немного отличались друг от друга и составляли в общем и целом шестьдесят световых лет или около пятнадцати парсеков.

Внезапно у Челлижа словно пелена упала с глаз. Он вспомнил, какой ответ дал ему Лауэр, когда он спросил, нет ли у того какой-нибудь определенной цели.

—... главное, что это не горячая звезда. Земные корабли нежелательны...

Вот что это было. *Земные* корабли были нежелательны. Он должен был заметить раньше, что Ронсон Лауэр особо подчеркнул это условие.

Арконидские корабли, напротив, были желанными. Лауэр еще до этого изучил каталог и знал, что выбранная им звезда находится всего в шестнадцати световых годах от Латин-Оор. Он выбрал ее потому, что хотел, чтобы арконидские корабли прибыли туда, когда Саттни начнет осуществление своего плана.

Теперь не было никакого сомнения в том, что это был за план. Саттни искал сближения с арконидами. Аркониды, напротив, не желали его, боясь осложнений.

Данные о местоположении Земли!

Гюнтеру Челлижу не нужно было больше никакого интеркома, чтобы установить, где в это время были Саттни и Лауэр и что они делали. Они находились в информатории и старались найти среди находящихся там сведений данные о галактических координатах Земли. Это было непросто. Благодаря мерам предосторожности, данные о галактических координатах Земли нигде не были зарегистрированы. В галактическим каталоге тоже нигде нельзя было найти звезды под названием Солнце. Но, конечно, существовала возможность определить точное местоположение Земли и данные о координатах соседних звезд. Но для этого нужна была уйма астрономических знаний. Челлиж не сомневался в том, что Ронсон Лауэр обладал такими знаниями; но он был слаб в экстраполяции оценки позиции, и, даже если он узнает данные всех соседних с Солнцем звезд, ему понадобится пара часов, чтобы разработать программу для позитронного мозга.

«Итак, сколько у меня осталось времени?»— спросил себя Челлиж. Полтора часа, пока он все соберет, и еще около трех часов, пока он подготовит программу. Остальное произойдет в течение пары секунд; позитронный мозг быстро решает такие задачи.

Таким образом, всего четыре с половиной часа — если Саттни не решит вызывать арконидские корабли вместо того, чтобы беспрерывно излучать в пространство координаты Земли. Он будет ждать прибытия арконидов, на это уйдет еще пара часов. А может быть, даже четыре или пять.

В целом, это была уйма времени. Несмотря на это, Челлиж начал нервничать. Он должен что-то предпринять, чтобы сорвать план Саттни. Он должен дать знать людям на Сером Чудовище, где им искать похищенную «Газель». Но он не знал, как ему это сделать. Четыре с половиной часа или, может быть, даже еще больше были слишком небольшим промежутком времени, чтобы подобрать подходящий образ действий.

Он оглянулся на Роане. Оливер Роане все еще сидел на прежнем месте, держа пистолет в руке и тупо уставившись на него. Челлиж улыбнулся, но лицо Роане словно окаменело.

— Вы не боитесь, Роане?— спросил Челлиж.

Он ничего не имел в виду. Он должен найти способ, как ему при помощи счетной машинки выдать Саттни фальшивый результат, и у него появилось странное ощущение, что это легко удастся ему, если он будет при этом с кем-то беседовать.

— Может быть, вас? — пробурчал Роане.

— Нет. Быть взятым в плен или убитым.

На лице Роане появилось неприятное выражение, когда тот понял, что имел в виду Челлиж.

— Глупости,— грубо ответил он.— Никто нас не поймает.

Разум Челлижа работал на полную мощность.

— Вы считаете правильным то, что хочет сделать Саттни?— спросил он в то время, когда его мозг начал вырабатывать новый план действий.

На лице Роане появилась улыбка.

— Это способ задавать людям вопросы, не так ли? Вы же не знаете, что намеревается сделать Саттни!

«Мне повезло,— подумал Челлиж,— он действительно туп».

— Конечно, я это знаю,— сказал он.

— Хе-хе!— хихикнул Роане.

— Он намеревается,— очень серьезно сказал Челлиж,— опуститься на неизвестной планете и поработить какой-нибудь примитивный народ. Что же другое может прийти ему в голову?

Глаза, казалось, вот-вот вылезут с бараноподобного лица Роане. Он нагнулся вперед и недоверчиво уставился на Челлижа. Потребовалась пара секунд, прежде чем он понял, что сказал Челлиж, и за эти секунды Челлиж решил, что хотя его идея и не гениальна, но ее можно использовать.

Оливер Роане засмеялся. Он буквально заходился от смеха. Он смеялся над глупостью Челлижа. В централи управления все гре-

мело. Челлиж использовал эту возможность. Он отклонился в сторону и мгновенно нажал на две находящиеся рядом друг с другом кнопки.

Роане заметил это быстрое движение. Он оборвал смех и, прищурив глаза, уставился на Челлижа.

— Что вы тут сделали? — произнес он и встал.

— Ничего особенного,— равнодушно ответил Челлиж.— Я слегка подрегулировал климатизатор. Мне что-то стало жарковато.

* * *

Распределителю номер двести двадцать пять, контрольный пункт семнадцать в отсеке управления, который связывал структурный компенсатор с гравидвигателем, как обычно, были скормлены точно сформированные импульсы напряжением в два вольта и базисной длительностью от 5 до 10,8 секунд. Только их он мог переработать, распределить и пустить в двадцать исходных каналов, которые отходили от него.

Существовал только один-единственный случай, в котором он мог перерабатывать другой импульс, а именно, коробчатый импульс в десять вольт, базисной длительностью в 10,7 секунды. Это был так называемый аварийный импульс, который он должен не распределять, а заключить в себе самом и заблокировать все двадцать исходных каналов. Но, восприняв этот импульс, распределитель номер двести двадцать пять должен был изменить потенциал на катодной сетке первой лампы так, как это ему предписывалось.

Это изменение не было осуществлено, несмотря на то, что распределитель номер двести двадцать пять получил аварийный импульс. Он не хотел воспринимать его, потому что у него был некий электронный инстинкт насчет того, что было опасно. Но в те наносекунды, когда импульс ждал у входа, потенциал на катодной сетке первой лампы в конце концов был изменен, и распределителю не оставалось ничего другого, как только снизить опасно высокий скачок напряжения. К несчастью, у него не было времени, чтобы заблокировать все двадцать исходных каналов. Импульс быстро устремился на выход, прежде чем распределитель успел среагировать.

Часть из двадцати исходных каналов вела к выключенным в настоящее время приборам, которым двадцатикратно распределенный импульс не причинил никакого вреда. К примеру, механизм управления структурным компенсатором попросту был мертв, потому что компенсатор был заблокирован с другой стороны. Но все же была пара мест, обладающих высокой индуктивностью, в которых он вызвал заметную неразбериху. Он же был в пять раз мощ-

нее нормальных импульсов, исходящих из централи управления, поэтому он вызвал индукцию, превосходящую нормальную в пять раз. Пластиковая пленка на запечатанной катушке расплавилась.

Цепь управления была прервана. Хотя это произошло только в одном-единственном месте, но так как это место было одним из важнейших, одного-единственного нарушения было достаточно, чтобы вывести из строя всю систему управления.

* * *

Оливер Роане не доверял ему. Челлиж видел, что тот напряженно раздумывает над тем, что ему делать.

— На самом деле климатизатор? — глуповато спросил он.

Челлиж кивнул.

Роане все еще не принял никакого решения. Ему было ясно, что он должен был немедленно доложить Саттни о том, что здесь произошло. Но для этого ему нужно покинуть централь управления, ведь интерком был отключен.

Роане неуверенно огляделся и попытался понять, работает ли климатизатор в другом режиме. Но здесь все еще было так же жарко, как и раньше.

Тем временем Гюнтер Челлиж снова повернулся к пульту, спиной к Роане, и, как казалось, сделал он это совершенно равнодушно. «Ну да,— подумал Роане,— я же могу сказать об этом Саттни, когда он вернется».

Но Гюнтер Челлиж уставился на маленькую светящуюся надпись, которая замерцала под двойной пестрой кнопкой на пульте.

«ИМПУЛЬС ВКЛЮЧЕНИЯ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОТДЕЛЕНИЯ С-КОМПЕНСАТОРА. ОБЕ КНОПКИ НАЖАТЬ ОДНОВРЕМЕННО!»

Он этого не сделал. Он нажал сначала на левую, потом на правую кнопки. Он знал, что этим он вызовет разлад в системе управления, но он не знал, какой эффект вызовет такое неправильное нажатие кнопки.

* * *

Флот Земли отправился в путь. Корабли образовали в пространстве крупноячеистую сеть, а «Газели» и «Головастики», находящиеся на борту кораблей, старались заполнить ячейки этой сети. Генерал Дерингхаус, оставшийся вечно молодым ветераном зарождения Солнечной империи, руководил маневрами гигантского флота с борта «Барбароссы», боевого суперкорабля имперского класса.

Был только один корабль, который не подчинялся командованию Дерингхауса: «Друзус», новейший корабль того же класса, флагманский корабль земного флота, которым командовал сам Перри Родан.

План, по которому велись поиски, был разработан математиками. Существовал целый ряд возможностей найти след исчезнувшей «Газели», и все приборы наблюдения регистрировали выбросы энергии, анализировали остатки продуктов сгорания горючего и засекали структурные колебания эйнштейнова континуума. Они работали беспрерывно.

Только одно, казалось, было исключено: что исчезнувший корабль будет обнаружен по структурным колебаниям во время прыжка. Прыжок вызывал энергетический шок. Сама энергия, которая при этом высвобождалась, имела сложную структуру, однако распространялась она согласно простым законам пятимерного континуума. Она могла быть зарегистрирована структурными детекторами практически на любом расстоянии от места прыжка. Но не теперь. Этого не происходило в том случае, когда совершающее прыжок транспортное средство было снабжено структурным компенсатором, который улавливал энергетический шок и гасил его в одном из специально приспособленных для этого агрегатов, так что наружу не прорывалось ничего — или почти ничего. Но для пеленгации оставалось еще остаточное поле, которое было в десять тысяч раз слабее самого шока. Это был особый вид колебаний, порожденный транспортным средством, компенсатор которого распространял в пространстве импульсы определенной частоты. Чтобы зарегистрировать это остаточное поле, был необходим высокочувствительный детектор, прибор, который разработала раса микротехников со Свуна. Но земные транспортные средства могли обезопаситься и от этих остаточных полей, если они были оснащены поглотителями энергетических частот, которые назывались гасителями.

Эти приборы не упускали и остаточных полей. Они обнаруживали и поглощали их, так что внешние наблюдатели не могли засечь ни малейших признаков прыжка.

Исчезнувшая «Газель» была снабжена обоими этими приборами: структурным компенсатором и поглотителем энергетических частот. Это значило, что можно было полагаться только на чудо, ожидая, что удастся зарегистрировать исходящие от похищенного корабля структурные колебания.

И эта надежда все еще не покинула окончательно Перри Родана. Потому что, если старший лейтенант Челлиж все еще был жив, при определенных обстоятельствах могли произойти такие вещи, для которых в нормальном, предсказуемом процессе поисков не было места.

3

Восьмого октября 2042 года «Террания таймс» сообщила:

«Кажется, наше сообщение от пятого октября об исчезновении космического разведчика типа «Газель» с новой базы на Митре-7 и наши замечания о безответственной информации для общественности, исходящей от Министерства информации и общественного мнения, вызывали заметное и частично непонятное беспокойство.

Конечно, это происшествие гораздо значительнее, чем его пытается представить Министерство информации и общественного мнения. Разумеется, общественность заслуживает гораздо более полной информации, особенно в момент опасности. Но, с другой стороны, кажется нелогичным верить, что из-за того, что одна из «Газелей» потерялась где-то среди звезд Галактики, может вспыхнуть война, и что выступление большей части флота Солнечной империи может иметь что-то общее с бегством трех дезертиров. Можно проделать простое вычисление: «Газель» стоила государству сорок пять миллионов соляров. Столько же оно должно списать, если почему-либо один из таких кораблей вдруг потеряется. Маневры флота, проводимые в это время, стоят уже около пятидесяти миллиардов соляров, что тысячекратно превышает цену «Газели». Мы, как и множество других сограждан, считаем, что не все то, что делается в министерствах нашей столицы, правильно и нужно, но мы не думаем, что нам стоит подозревать правительство в отсутствии у него знаний по математике и опыта в торговле. Ни один глупец не будет проводить маневры стоимостью, может быть, сто миллиардов соляров только для того, чтобы отыскать объект стоимостью самое большее пятьдесят миллионов соляров.

Как мы узнали из надежных источников, эти грандиозные маневры флота предприняты для того, чтобы провести мероприятия по усилению защитной готовности кораблей, и эти мероприятия в дальнейшем должны стать обычными. О стоимости общего количества таких мероприятий могут быть разные мнения. Не нужно впадать в панику, прибедняться, беспокоиться и верить слухам».

* * *

— Что-нибудь случилось? — спросил Саттни, войдя в централь управления.

Оливер Роане, забурчав, поднялся.

— Я не знаю,— угрюмо ответил он.— Он однажды что-то повернул и сказал, что это был климатизатор.

Ронсон Лауэр стоял у входа. Челлиж, наблюдавший за ним и

за Саттни, заметил, как Лауэр вздрогнул и, пригнувшись, застыл, словно кошка перед прыжком.

Он самый опасный из них, подумал Челлиж. Быстрый и беззастенчивый, Уолтер Саттни тоже повернулся, угрожающе посмотрев на него.

— Что это было, Челлиж?— спросил он.

Гюнтер Челлиж ничего не ответил.

Саттни приблизился на пару шагов.

— Отвечайте, Челлиж! — с нажимом приказал он.— Это был климатизатор?

— Нет,— тихо ответил Челлиж, не спуская глаз с Ронсона Лауэра.

— Что ж это тогда было? — спросил Саттни.

— Я этого не знаю,— тихо ответил Челлиж.— Я просто нажал на две кнопки.

Уголком глаза он заметил, как Ронсон Лауэр схватился за оружие, висевшее в кобуре у него на поясе.

— Почему? — спросил Саттни.

— Чтобы выиграть время,— ответил Челлиж и встал.— Что вы намереваетесь делать?

Лауэр молча подошел. Оружие в руке, во взгляде жажда убийства.

— Чем дольше мы здесь останемся, тем лучше для меня, не правда ли? Это вполне достаточное основание,— ответил наконец Челлиж.

На лице Уолтера Саттни появились первые признаки замешательства. Он не понимал, как кто-то, полностью находящийся в его власти, может действовать против его воли и еще открыто признавать это. В паре метров от него стоял Оливер Роане, неуклюжий, с открытым ртом и, очевидно, совершенно ничего не понимающий. Ронсон Лауэр, напротив, кошачьими шагами приближался к ним.

Гюнтер Челлиж почувствовал, что это действует ему на нервы. С остатками внутреннего спокойствия, все еще остававшимися у него, он сказал:

— Берегитесь Лауэра, Саттни! — Саттни обернулся, и Челлиж продолжил: — Он хочет убить единственного человека, который может управлять этим кораблем.

Уолтер Саттни посмотрел на приближавшегося Лауэра и увидел в его взгляде то, что тот готов был сделать.

— Тише! — проревел он.— Лауэр, оставайтесь на месте! И уберите оружие!

Ронсон Лауэр испуганно подчинился.

— Он нас предал,— прошипел он.— Теперь мы должны пару дней висеть в пространстве.

— Я могу вас за это убить,— спокойно сказал Саттни.

Челлиж наслаждался триумфом.

— Нет, вы не сможете этого сделать,— возразил он.— Ведь не хотите же вы остаться здесь навсегда? Хотя вы немного разбираетесь в технике, а Лауэр в галактоматематике, но и вместе вы не сможете управлять «Газелью».

Саттни, очевидно, уже сам подумал об этом. Поэтому он не удивился. Кивнув, он произнес:

— Так, значит, об этом вы подумали.— Он осмотрелся и спросил: — Что нам теперь с ним делать?

Ронсон Лауэр сделал быстрое движение рукой.

— Оливер! Давай, уделай его!

Саттни отступил на шаг назад. Челлиж увидел, что он улыбается.

— Да, это, возможно, правильно,— согласился он.— Отложи пистолет, Оливер, и покажи ему, что ему не стоит с нами шутить.

Оливер Роане бросил пистолет в кресло. Потом он выпрямился и подошел поближе.

Гюнтер Челлиж был уже на ногах.

— Иди сюда, малыш,— усмехнулся Роане.— Иначе ты можешь упасть на пульт и вывести его из строя.

Челлиж не пошевелился.

— Возьми меня! — пробурчал он.

Ронсон Лауэр отступил в сторону. Казалось, что Челлиж сосредоточил все свое внимание только на Роане, но на самом деле он видел, как Лауэр скользнул мимо двух кресел ему за спину.

— Я сказал, иди сюда! — прогремел Роане.

Почти в то же мгновение Лауэр с триумфом воскликнул:

— Я направляю его к тебе!

Челлиж услышал позади себя быстрые шаги. Он мгновенно отступил в сторону, и Ронсон Лауэр, который хотел изо всех сил толкнуть его вперед, полетел в пустоту. Челлиж подхватил пролетающего мимо него Лауэра и ухватил его за воротник мундира. Этим он наполовину достиг своей цели. Схватив Лауэра за ворот и пояс брюк, он сделал два быстрых шага к Роане и швырнул в него свою ношу. Все это произошло молниеносно. Оливер Роане держал кулак наготове, чтобы ударить Челлижа, когда Лауэр толкнет его. Теперь он отреагировал слишком медленно. Когда Лауэр полетел в него, он нанес первый удар. Кулак со всей мощью врезался в него. Лауэр провернулся вокруг своей оси и упал на пол.

Челлиж увидел шанс. Прежде чем Роане опомнился от замешательства, он оказался возле него и стал обрабатывать его кулаками. Роане испуганно и удивленно отступил на пару шагов назад. Челлиж двинулся за ним, не переставая молотить его. Роане отступил назад еще больше и, только упершись в металлическую плиту большого пульта, снова обрел равновесие. Челлиж прижал его

там, намереваясь как можно быстрее закончить бой, и тут он допустил большую ошибку.

Он больше не думал о своих пальцах, которые Оливер Роане сильно повредил хорошо нацеленным выстрелом из термопистолета. Они больше не болели; под воздействием регенерирующей мази на ранах уже наросла тонкая кожица. Но теперь, когда Челлиж схватил за мундир своего наполовину потерявшего сознание противника, чтобы вытащить его и нанести ему последний удар, его правая рука наткнулась на металлическую магнитную застежку, и рана открылась снова.

Некоторое время жгучая боль пронизывала все его тело. Он пошатнулся. Из-за бегущих слез, застилавших его глаза, он почти ничего не видел перед собой. Роане почувствовал, что противник оставил его, и услышал вскрик Челлижа. Он не знал, что произошло, но увидел свой шанс. Роане оттолкнулся от плиты. Челлиж увидел, как он бросился на него. Он хотел защититься, но боль отняла у него все силы. Оба удара Роане попали в его неприкрытую голову. Третий удар он едва почувствовал. Он чувствовал, как боль, исходящая от пальцев, словно окунула его в море огня.

Все было кончено.

* * *

Желание выиграть время так сильно воодушевило его, что он не утратил его, даже находясь без сознания. Когда он снова пришел в себя, он тотчас же понял, что произошло, и что он ничего не смог поделать с этими глупцами. Если он сразу же откроет глаза, кто-то, может быть, увидит, что он снова пришел в себя.

Он услышал возле себя шорох, но в черепе его гремело так сильно, что сначала он ничего не мог разобрать. Потом он услышал голос Саттни. Тот произнес:

— Почему ты вмешиваешься? Кто это тебе позволил?

Ответ Лауэра:

— Мне не нужно никакого разрешения. Я сам сделаю все, что нужно. Безразлично, расплатимся мы с этим парнем или нет. Теперь он нам больше не нужен.

— Ты должен успокоиться, Ронсон! — спокойно, со сдерживаемым гневом, сказал Саттни.— У нас есть и другие заботы, кроме убийства людей.

Прошло некоторое время, потом Лауэр ответил:

— Ты так думаешь? Ты считаешь, что ты мне указ? Лучше уж наблюдай за своими овечками, если не хочешь больше ничего подобного.

Саттни ничего не ответил. Челлиж услышал, как кто-то сделал

пару шагов, удаляясь, а потом сел в кресло. Вероятно, это был Саттни. Казалось, что последний инцидент нарушил взаимопонимание между тремя дезертирами.

Челлиж услышал, как Саттни внезапно сказал:

— Если он не придет в себя в ближайший час, мы выльем ему на голову ведро воды.

Челлиж решил хорошенько использовать оставшийся у него час. Ввиду его жалкого состояния, ему нетрудно будет заснуть.

* * *

«Друзус» крейсировал в запланированной области пространства, бедного материей, в сорока пяти световых годах от голубого карлика Воллалл. Семьдесят пять процентов ботов были выпущены и барражировали в том секторе, куда направил их «Друзус». Остальные транспортные средства оставались на борту, чтобы в случае необходимости можно было воспользоваться ими.

На борту «Друзуса» находилась часть тех людей, которые несколько дней назад были приняты во флот: поселенцы с Серого Чудовища, которым неожиданно слегка перестали доверять, потому что в конце концов все трое, которые похитили разыскиваемую «Газель» вместе со старшим лейтенантом Челлижем, тоже были поселенцами с Серого Чудовища.

К бывшим поселенцам на борту относился также Горас О'Муллон, бывший предводитель Настоящих демократов, которого Холландер в конце концов затолкал в шахту. На Гораса О'Муллона существовало сильно распухшее после приговора суда личное дело, которое, пока О'Муллон руководил созданием колонии поселенцев, согласно указаниям Челлижа и капитана Блейли, было извлечено из архива, и Перри Родан нашел его очень интересным. Кроме того, О'Муллон был едва ли не единственным, кого исключили из этого всеобщего недоверия: никто не мог поверить, что убежденный противник Холландера когда-либо мог иметь дело с этими его приверженцами.

Благодаря интересу Перри Родана, который тот испытывал к нему — или, лучше сказать, благоразумию, которое проявил Родан к его способностям, О'Муллон занял далеко не самый низкий пост во флоте. Его назначили кандидатом в офицеры с условием, что, согласно предписаниям, он сможет получить звание лейтенанта, если будет доказано, что он вне всяких сомнений порвал со своими социал-критическими идеями. Он в свои тридцать с небольшим лет мог бы уже быть и старшим лейтенантом, и его быстрое возвышение в результате его организаторских способностей не вызывало никакого сомнения.

Горас О'Муллон, получив вместе с другими приказ погрузиться на борт «Друзуса», подумал, что теперь настало время показать себя. Вместе с почти всеми другими соединениями, находящимися на Сером Чудовище, «Друзус» стартовал, и, судя по множеству признаков, готовился к дальнему прыжку. Все признаки указывали на то, что предстояли великие события. Горас О'Муллон решил принять в них участие и отличиться.

Потом, днем позже, он узнал, что все это значило. Была похищена «Газель». Ее похитили Саттни, Роане и Лауэр, три человека, ранее принадлежавшие к группе приверженцев Холландера, служившие в его отряде по обеспечению безопасности, когда Холландер установил в Гринвиче диктатуру страха. Кроме того, на борту «Газели» отнюдь не по своей воле находился Гюнтер Челлиж, друг О'Муллона, вместе с которым они взяли в плен Холландера и задали жару пипси.

Поэтому все планы О'Муллона были спутаны. Больше не было и речи о том, чтобы отличиться. Не приходилось и думать о том, чтобы как можно быстрее стать лейтенантом. Он представлял себе, в каком положении сейчас находится Челлиж. Он достаточно хорошо знал ту тройку, которая похитила «Газель», чтобы понять, что Челлижу нечего ждать от них ничего хорошего.

Гюнтер Челлиж погибнет, если не удастся найти «Газель» прежде, чем дезертиры воплотят в жизнь свои планы. Их *должны* найти, это было единственной мыслью О'Муллона.

Взятые во флот поселенцы образовали на борту «Друзуса» пятнадцатый взвод. Команду, которая до сих пор не получила еще ни одного задания. Люди проходили обучение на борту флагманского корабля. Служба их была суровой, но до сих пор у нее не было никакой другой цели, кроме, как выразился сержант Делакомб, ждать и надеяться. Горас О'Муллон запросил разрешение у сержанта Делакомба нести службу в централи пеленгации. Он под руководством Челлижа уже обучился обращению с пеленгационными приборами и получил такое разрешение. Он занял место в секторе обнаружения материи и теперь почти ни на секунду не отрывался от своего прибора.

Мысль о том, что он должен найти Челлижа, сверлила его мозг и заглушала все его физические потребности. Из семидесяти часов О'Муллон спал едва пять. Когда его силой хотели уложить в постель, он настоял на том, чтобы принять стимуляторы и остаться на своем месте. Они в течение трех с половиной дней вели поиск структурных энергетических волн в этом секторе. Разработать их прием на структурном датчике было просто.

О'Муллона перевели, чтобы предотвратить срыв. Никто до сих пор не представлял себе, сколь желанным для О'Муллона было это перемещение.

* * *

Гюнтер Челлиж внезапно очнулся, когда поток ледяной воды окатил его. Он мгновенно откатился в сторону в ожидании того, что Ронсон Лауэр сейчас опустит на него огромное ведро. Его быстрая реакция рассердила Лауэра. Он сделал шаг назад и, когда Челлиж вскочил, выронил ведро, чтобы выхватить оружие.

— Ну, иди же,— выдохнул он.

После короткого сна Челлиж чувствовал себя значительно лучше, чем прежде. Головная боль почти полностью прошла, а пальцы слегка чесались — верный признак того, что раны начали заживать.

Увидев Ронсона Лаэура, он рассмеялся. Лауэр попал под первый удар Роане, и признаки этого всё еще были видны.

Презрительный смех Челлижа еще больше разъярил Лауэра. Он поднял пистолет.

— Сейчас тебе будет не до смеха, друг мой,— прошептал он.

— Прекрати! — из задней части централи управления донесся резкий голос Саттни.— Я же тебе сказал, Ронсон, что ты должен укротить свое бешенство!

Челлиж принужденно-задумчиво улыбнулся и повернулся; нацеленное на него оружие Лауэра вовсе не касалось его. Он увидел Саттни, приходящего в себя, и в следующее мгновение заметил Оливера Роане, который, широко расправив плечи, откинувшись, сидел в кресле. Он шумно дышал, и его лицо на три четверти было скрыто бинтами, которые он, вероятно, наложил себе сам.

— Для вас это тоже означает конец, Челлиж,— снова сказал Саттни.— Теперь у вас больше не будет никакой возможности нанести вред нашим планам. Садитесь-ка на свое место и выясните, какой вред вы причинили кораблю!

Челлиж повиновался. Идя к креслу пилота, он посмотрел на часы. Без сомнения, он спал почти три часа. Но, казалось, трех часов было недостаточно, чтобы позволить поисковым кораблям найти изчезнувшую «Газель».

Напряжение, которое он смог сдержать лишь с огромным трудом, наполнило его, когда он опустился в кресло перед пультом управления и произвел переключения, необходимые для прыжка. Он нажал две кнопки в обратной последовательности. Это все, что ему было известно. Он не имел ни малейшего представления, какой вред он этим причинил — и даже не знал, причинил ли он вообще какой-либо вред. Единственное, что он знал, это то, что система управления была весьма сложным механизмом. Эта система не была похожа на радио, где нажатие на две противоречащие друг другу кнопки не приносит никакого вреда. Если использовать систему управления кораблем не так, как это изложено в инструкции, в ней могло что-нибудь выйти из строя.

Вопрос заключался вот в чем: что вышло из строя?

Руки Челлижа дрожали, когда он произвел проверку. Лампочки на небольшом световом табло — а там их было более двухсот — загорались, показывая, что в общем-то все было в порядке. В целом. Но две лампочки не горели. На маленьком табло, помещенном под этими лампочками, Челлиж прочитал: «Распределитель номер двести двадцать пять, контрольный пункт семнадцать, индуктивность пятнадцать микрогенри на с-компенсатор».

Он вздохнул — медленно, чтобы никто этого не слышал. План его удался. Ремонтные работы продлятся часа полтора или чуть меньше. Саттни не будет недоверчивым и не станет подозревать, что он пытается выиграть время. И прежде всего: распределитель номер двести двадцать пять и вышедшая из строя катушка с индуктивностью пятнадцать микрогенри находились в той же шахте, что и поглотитель энергетических частот.

— Ну, что там? — спросил Саттни. Челлиж указал на две негорящие контрольные лампочки.

— Распределитель и катушка вышли из строя.

— Их трудно отремонтировать?

— Катушку вообще нельзя отремонтировать. На ремонт распределителя уйдет два часа, не меньше.

Глаза Саттни расширились.

— Вы хотите сказать, что мы вообще не сможем двинуться с места, пока катушка не будет отремонтирована?

Челлиж, улыбнувшись, покачал головой.

— Нет, я этого не хотел сказать. Катушка состоит из цельного металла. Так что ее нельзя отремонтировать. Но можно поставить новую катушку. На складе запасных частей у нас их достаточно, если только вы случайно не выбросили все за борт.

Саттни недоверчиво и зло уставился на него.

— Оставьте ваши шутки! — резко сказал он.— Как долго продлится весь ремонт?

— Два часа,— ответил Челлиж.— Я уже говорил вам это.

— А катушка?

— На это потребуется две минуты — одна для извлечения старой, а другая, чтобы поставить новую.

— Хорошо, тогда принимайтесь за работу. Вам нужны приборы?

— Много,— усмехнулся Челлиж.

— Берите их. И не думайте, что вам удастся еще раз выкинуть подобный фортель. Ронсон будет наблюдать за вашей работой. Ронсон, иди с ним!

— С большим удовольствием,— хрипло прокаркал Ронсон.

Челлиж взял со склада измерительные приборы, а также осциллограф, который он велел нести Лауэру. Кроме того, он взял маленький паяльник, набор проводов, пинцетов, припой, массу для напол-

нения внутренности автомата и многое другое. Собирая все это, он двигался медленно и осторожно. Он не будет стараться закончить ремонт как можно быстрее.

Со склада запасных частей Челлиж взял только одну катушку типа вышедшей из строя и пару переключателей, которые он хотел использовать для ремонта распределителя.

Потом он открыл люк, ведущий из главного коридора в шахту, и спустился по лестнице. Ронсон Лауэр следовал за ним на расстоянии пяти ступенек. Люк он оставил открытым.

Вдоль стены шахты проходил ряд проводов и кабелей. Челлиж пока что еще не знал, как ему выполнить остальную часть плана так, чтобы Лауэр не заметил этого. Внезапно его осенила идея. Большая часть проводов находилась под напряжением более двух тысяч вольт постоянного тока. Если бы ему удалось заставить Лауэра двигаться так, чтобы тот прикоснулся к неизолированному месту, тогда...

В семи метрах ниже люка провода заканчивались. Отсюда из к-шахты отходило нечто вроде штольни, которая шла параллельно внешней стенке корабля. Челлиж на мгновение остановился у того места, где кончались провода. Он увидел маленький черный ящичек распределителя, который он должен был отремонтировать и отыскать место, где находится неисправная катушка. Одновременно он увидел тонкий светящийся цилиндр поглотителя энергетических частот, который он, собственно, и хотел отключить. Поглотитель теперь находился всего лишь в полушаге по ту сторону ящичка рапределителя.

— Идите дальше,— с беспокойством приказал Лауэр.

Челлиж повиновался. Он прошел мимо ящичка распределителя и опустил пластиковую сумку с инструментами и запчастями на пол между черным ящичком и серебристым цилиндром поглотителя.

— Я должен кое-что сделать здесь, тут и вон там,— с готовностью объяснил он Лауэру, указав сначала на распределитель, потом на некое место где-то поблизости от поглотителя и наконец туда, где, как он предполагал, находилась катушка.— Ищите себе место, с которого вам будет лучше всего наблюдать за мной, и устраивайтесь поудобнее.

Ронсон Лауэр удивленно моргнул. Когда он понял, что Челлиж насмехается над ним, лицо его покраснело от гнева.

Челлиж начал раскладывать инструменты. Он незаметно для своего спутника бросил взгляд на то место, где расположился Лауэр. Тот отодвинул осциллограф на метр от себя и сел, вытянув ноги на полу. Пистолет он держал в руке.

Первое, что сделал Челлиж — это отсоединил главный провод в красной изоляции. Он работал кусачками с изолирующей обмот-

кой и действовал так уверенно, что у Лауэра не появилось никакого подозрения, что он работает с высоким напряжением. Результаты удовлетворили его. Он освободил десять сантиметров кабеля толщиной в палец, и в решающее мгновение ему будет нужно только снять изоляцию и конец кабеля, который он освободил, присоединить туда, откуда высокое напряжение может попасть на Лауэра.

Потом он услышал шум распределителя. Он тотчас же увидел, что произошло. Осциллограф не показал никакого импульса, да и вообще никакого напряжения в распределительной системе. Распределитель замкнуло, когда катушка расплавилась, и теперь он действовал как предохранитель. Три пайки были сорваны, и одна из маленьких ламп, казалось, не функционировала. Челлиж принялся за работу. Он сделал новую пайку, вынул лампу и установил ее на место наименьшего сопротивления. Потом он произвел новую проверку и установил, что распределитель все еще не функционирует.

Гюнтеру Челлижу не оставалось ничего другого, кроме как проверить всю систему проводов распределителя, сантиметр за сантиметром.

Время шло. Челлиж пару раз оглянулся на Лауэра, который, казалось, чувствовал себя не особенно удобно. Челлиж заметил, как тот беспокойно крутил головой, чтобы осмотреться. Через равные промежутки времени он вздрагивал и бросал быстрые взгляды в направлении Челлижа, словно опасался хоть на секунду упустить его из поля зрения.

Но он не сделал ничего из того, чего ожидал Челлиж: он так и не коснулся кожей оголенного проводника.

Затем Челлиж обнаружил, что возле Ронсона Лауэра отвесно через шахту проходит одна из труб системы охлаждения. Она была сделана из неизолированного, великолепно проводящего ток материала. Если бы Лауэр хоть раз схватился за эту трубу, чтобы удержаться... там были металлические крепления, связывающие трубу со стеной и подходящие к ящичку распределителя, с которым работал Челлиж.

Челлиж начал проявлять признаки нетерпения. Прошли уже три четверти часа. Он решил придумать другой план, если на протяжении следующего получаса Лауэр так и не коснется трубы системы охлаждения.

Тем временем он продолжал ремонт распределителя. Он непрерывно думал о том, что это был последний шанс, который мог ему представиться. Если он не использует его, он пропал. И еще хуже: никто больше не сможет остановить галактическую войну, которая разразится, если робот-регент на Арконе узнает галактические координаты Земли.

Он вспотел при этой мысли и начал молча проклинать Ронсона

Лауэра. Он все чаще оглядывался на него, пока тот не заметил этого и не сказал:

— Не вертите головой! Мы должны спешить. Я выстрелю, если вы обернетесь еще раз.

— Ага,— усмехнулся Челлиж, полный ярости.— И этот выстрел расплавит парочку проводов здесь, внизу, да? Тогда вы увидите, где окажетесь!

Ронсон Лауэр недоверчиво посмотрел на него.

— Вы спекулируете на этом? Да? — яростно прошипел он.— На том, что я не отважусь застрелить вас из опасения повредить здесь что-нибудь? Подождите, я покажу вам, на что я способен!

И тут внезапно у Челлижа появился шанс! Ронсон Лауэр встал. Он держал термопистолет в руке стволом вниз и искал подходящее место, чтобы выстрелить в Челлижа, не повредив при этом проводов.

Встать было нелегко. Лауэр схватился за трубу, подтянулся вверх и не отпустил ее даже тогда, когда оказался на ногах.

Гюнтер Челлиж воскликнул:

— Не стреляй! Не стреляй!

Но на самом деле в его голосе звучал настоящий триумф. Пока Лауэр тщательно прицеливался, Челлиж скользнул в сторону и одним движением изолированных кусачек перекусил свободно лежащий провод высокого напряжения. Он схватил провод за изолированную часть и бросился вместе с ним вниз, под защиту ящичка распределителя. Лауэр был ошеломлен. Ствол пистолета следовал за целью: но теперь между целью и пистолетом вдруг оказался ящичек распределителя. Ярость Лауэра была велика и всеобъемлюща, но он знал, что они потеряют, если его выстрел случайно уничтожит один из важнейших агрегатов.

Он заколебался — и это было звездное мгновение Гюнтера Челлижа. Быстро, но осторожно он поднял руку с проводом за ящиком распределителя и прижал оголенный конец провода к поперечному креплению, поддерживающему трубу.

В то же мгновение Лауэр вскрикнул и дико затрясся в ужасе. Он кричал до тех пор, пока Челлиж не убрал провод от крепления трубы. Несколько секунд Ронсон Лауэр не мог убрать руку с трубы. Затем он отпустил ее и обессиленно упал на пол.

Челлиж подождал с полсекунды. Затем уверенным движением снова вложил провод туда, откуда взял. Потом он занялся поглотителем энергетической частоты.

Он отсоединил от клемм провода, ведущие к поглотителю и от него, соединил их куском проволоки, перерезал проволоку в середине и добавил сопротивление, которое, как он думал, будет так же велико, как и внутреннее сопротивление поглотителя. Потом он взял новый кусок проволоки, обвязал им поглотитель и спрятал его в стену позади себя.

На все это ему потребовалось меньше минуты. Когда все было готово, он встал и прислушался. Он рассчитывал на то, что крик Ронсона Лауэра услышат в централи управления и Саттни тотчас же появится наверху, в люке. Но пока что не произошло ничего подобного.

Челлиж бросил на Лауэра недоверчивый взгляд, потом прислушался к происходящему наверху: там все было тихо.

Осторожно, но быстрыми движениями Челлиж связал два конца провода высокого напряжения куском пластметалла. Потом намотал на это место изоляцию, которую снял раньше. Когда все было готово, он осмотрел то, что сделал, и с удовольствием отметил, что здесь никто никогда ничего не найдет, если только не будет знать, что искать.

Ронсон Лауэр все еще был без сознания.

Челлиж перешагнул через неподвижно лежащее тело и полез вверх по лестнице. При этом он непрерывно кричал:

— Эй, Саттни! Роане! Лауэр потерял сознание!

Его никто не слышал. Он пролез через люк в главный коридор и побежал вперед, к централи управления, все еще продолжая кричать. Люк был закрыт, но открылся, когда Челлиж приблизился к нему на пару метров. Он увидел Саттни, который накладывал новую повязку на лицо Роане.

— О, святые небеса, вы что, оглохли? — задыхаясь, произнес Челлиж.— Лауэр свалился вниз. Он, должно быть, где-то схватился за провод высокого напряжения. Да помогите же ему!

Уолтер Саттни стоял неподвижно, недоверчиво смотря на него.

— Вы уверены,— спросил он,— что сами не работали с высоким напряжением до тех пор, пока Лауэр не получил удар?

Челлиж превосходно разыграл удивление.

— Я не смог бы этого сделать,— произнес он все еще тяжело дыша.— Как бы я это сделал? Сказал бы Лауэру: дорогой Ронсон, коснись пальцем вот этого места?

Не произнеся больше ни слова, Саттни прошел мимо Челлижа в главный коридор. Челлиж последовал за ним.

* * *

Горас О'Муллон был словно в трансе. Движения, которые он делал, больше не контролировались его сознанием. Он действовал бессознательно и держался за рукоятку так, как его учили, не задумываясь над этим.

Он не спал уже четыре дня, за исключением тех пяти часов, когда поспал в самом начале; и ел он очень мало. Он держался, собрав последние остатки сил. Было заметно, что через пару часов

О'Муллон в конце концов сломается и угодит в госпитальный отсек.

Несмотря на это, его оставили на посту. Было чудом, что он все еще держался.

Он обслуживал пеленгатор компенсатора. Это значило, что он обслуживал антенну пеленгатора, которая, вращаясь, каждые четверть часа ощупывала пространство во всех направлениях. Он разбирался в принципе действия таких антенн. Ему объяснили это, и эта информация глухо отдавалась в его голове: действие антенны было основано на улавливании пятимерных колебаний энергетического поля, хотя сама она не была связана с этим полем. Точность показаний колебалась между тридцатью и ста процентами. Тридцать процентов, если антенна была направлена в противоположную сторону и, так сказать, была повернута спиной к сигналу, и сто процентов, если она была повернута в том направлении, откуда шел сигнал. От человека, который сидел за этим прибором, ждали, что он тотчас же повернет антенну в нужном направлении, как только будет принят первый сигнал, так что второй сигнал, полученный в конце прыжка, появится на экране пеленгатора с полной интенсивностью, и пеленгация будет осуществлена со всей возможной точностью.

Горас О'Муллон сидел перед пеленгатором уже десять часов, но пока что не произошло ничего особенного. Темно-зеленое матовое стекло с плотной сеткой координат, находящееся перед ним, светилось. Только однажды, пару минут назад, мгновенно вспыхнула и тут же погасла искорка. О'Муллон знал, что это были всего лишь космические помехи.

Но ярко светящийся зубец, который он внезапно увидел, несомненно, был сигналом! О'Муллон мгновенно вышел из своего транса. Он видел, что зубец достигает верхнего края экрана, и одним движением, несмотря на верньер, перевел антенну в нужное положение. Зубец полностью исчез. Но через пару секунд появился снова. Еще более яркий, чем прежде, и такой большой, что заполнил весь экран.

— Пеленг! — вскричал О'Муллон в напряженной тишине.— Пеленг на к-пеленгаторе! Мы нашли их!

Потом он вывалился из своего кресла, упал на правый бок и остался неподвижно лежать на полу.

4

Десятого октября 2042 года «Террания Дейли ньюс» сообщила: *«Почти весь земной флот, совершая один огромный маневр, обыскивает сектор пространства вблизи центра Млечного Пути. Маневр этот производится в целях испытания боеготовности флота.*

По мнению главного администратора флота, это мероприятие имеет огромное значение, и это первый маневр, предпринимаемый всем флотом одновременно. По плану прежде всего испытывается взаимодействие между боевыми соединениями и отрядами обеспечения. Мы готовы проинформировать наших читателей о дальнейшем ходе этих маневров».

А днем позже «Террания таймс» сообщила:

«...вместо того, чтобы сообщать о маневрах, которые меньше всего интересуют гражданское население, Министерство информации и общественного мнения должно, наконец, сообщить что-нибудь о пропавшей «Газели» и трех дезертирах. Флот вполне можно понять, если он через некоторое время откажется от дальнейших попыток обнаружить беглецов. Это будет разумное решение, не обращая внимания на ту важность, которая, по-видимому, придается этому событию, и не нужно набрасывать на это пелену таинственности».

* * *

Все шло хорошо. Они нашли Ронсона Лауэра, когда он уже почти пришел в себя. Он ничего не мог вспомнить из того, что происходило незадолго до того, как он потерял сознание. Конечно, он пытался свалить вину за свой промах на Челлижа. Но Челлиж правдоподобно объяснил, что Лауэр хотел выстрелить в него и что ему пришлось укрыться. Саттни, казалось, больше поверил объяснениям Челлижа, чем яростным обвинениям Лауэра: конечно, он ничего не заметил. Ронсону Лауэру после всех треволнений стало дурно. Саттни и Челлиж подняли его вверх и положили в одной из кают.

Потом Челлиж вернулся, на этот раз под наблюдением Саттни, снова взялся за работу и закончил ее за четверть часа. Саттни был очень доволен этим. Хотя он осмотрел все, пытаясь обнаружить доказательства вины Челлижа в несчастном случае с Лауэром, но так как Челлиж снова восстановил провод высокого напряжения, ему это не удалось. Саттни не стал задавать никаких вопросов.

Когда Челлиж снова произвел проверку, все лампочки горели, «Газель» снова была готова к полету, Челлиж произвел необходимые переключения и совершил второй прыжок.

Этот прыжок длился дольше, чем первый, и был довольно неприятен. Челлиж наполовину потерял сознание, когда дематериализация закончилась и рвущая боль наконец прошла. Но когда он осмотрелся, то обнаружил, что Саттни и Роане чувствуют себя немного хуже, чем он. Саттни только теперь начал медленно приходить в себя, а Роане, вероятно, еще на некоторое время останется без сознания.

На экране хорошо было видно пылающее темно-желтое пятно звезды, которую Лауэр выудил из каталога. «Газель» находилась в двадцати пяти астрономических единицах, или в 3,75 миллиардах километров от него и приближалась к нему с остаточной скоростью почти в две тысячи километров в секунду.

Челлиж сообщил эти данные Саттни и получил приказ увеличить скорость. По спектральному типу звезды можно было с высокой вероятностью сделать вывод, что у нее есть планеты, и Саттни, вероятно, намеревался совершить посадку на одной из них и воплотить в жизнь свой план.

Когда Челлиж увеличил скорость «Газели» на две тысячи километров — это была именно та скорость, которую требовал от него Уолтер Саттни — Оливер Роане вновь пришел в сознание. Саттни, казалось, ждал этого. Он не дал Роане собраться с мыслями, как ему хотелось, и вспомнить все происшедшее. Он схватил его за плечо, потряс и крикнул:

— Приди в себя, дурак! Вставай, возьми в руки пистолет и наблюдай за Челлижем!

Челлиж был удивлен. До сих пор он не замечал, что Саттни был возбужден. Но теперь голос того звучал лихорадочно. Он, казалось, боялся, что он может что-то пропустить, если ему не удастся как можно быстрее поставить Роане на ноги. Он казался чрезвычайно нервным, и когда он на мгновение отпустил плечо Роане, Челлиж увидел, что руки его дрожат. Что-то в нем сломалось, и это произошло так внезапно, что Челлиж не мог понять, что же случилось.

Оливер Роане тяжело поднялся. Его опухшие глаза смотрели из-под толстой повязки; казалось, они ничего не видят. Видно было, что Роане еще не совсем пришел в себя. Он с трудом стоял на ногах и недоверчиво смотрел на пистолет, который Саттни сунул ему в руку.

Саттни повернул его так, что Челлиж оказался под прицелом.

— Там Челлиж! Наблюдай за ним!

Роане пробормотал что-то, что можно было принять одновременно за выражение согласия и несогласия. Но теперь он твердо стоял на ногах, направив оружие на Челлижа. Челлиж чувствовал себя не особенно хорошо. Пока Роане еще не стал полновластным хозяином своего крошечного умишки, могло случиться так, что он нажмет на спуск вопреки своему желанию.

Саттни постоял возле Роане пару минут. Увидев, что Роане понял, что от него хотят, он пересек централь управления и подошел к пульту гиперпередатчика.

Челлиж внезапно осознал, что тот намеревается делать. Он хотел сообщить арконидскому киберфлоту, находящемуся поблизости от Латин-Оор, о том, что он хотел бы, чтобы его подобрали, и что у него с собой есть очень важная информация. Челлиж вздрог-

нул от ужаса, хотя ему и раньше уже было известно, что Саттни решил предать Землю.

Но именно *теперь* начиналось это предательство.

Все, что происходило до сих пор, было второстепенным. *Сейчас* Саттни передаст арконидам сообщение о том, что он прибыл, чтобы сообщить им, где находится родина землян и где они могут найти ее самое уязвимое место.

Саттни включил передатчик. Он сделал это быстрым, целеустремленным движением руки, словно ему очень часто приходилось это делать. Когда прибор загудел, он остановился и посмотрел на Челлижа.

Челлиж не мог больше сдержать свой гнев.

— Вы, предатель всего и всех!..— вскричал он.— Что вы делаете?

Саттни ничего не ответил. Он поспешно отвернулся, словно ему было больно смотреть на Челлижа. Зато Роане угрожающе сделал шаг вперед. Челлиж молчал, снова смотря на свои приборы.

«Иди же! — мысленно молил он.— Иди и застрели нас всех, прежде чем Саттни...»

Он оперся локтями о пульт и положил голову на руки. Закрыв глаза, он услышал щелчок переключателя, когда Саттни позади него включил микрофон. Зашелестел листок бумаги. Саттни написал на нем свое сообщение.

Потом Саттни откашлялся. Челлиж услышал, как он глубоко вдохнул воздух и начал:

— Всем арконидским кораблям! Говорит Уолтер Саттни, беглец с Земли,— его арконидский язык был беден, но аркониды должны были понять его.— Я должен сделать сообщение. Важное сообщение, касающееся галактических координат планеты Земля. Вы должны поспешить, чтобы завладеть этой информацией. Мое сообщение также слышат и земные корабли, и они попытаются уничтожить меня, прежде чем я сообщу вам. Как только я совершу посадку — дам вам пеленг. Повторяю: всем арконидским кораблям! Говорит Уолтер Саттни...

Он повторил это пять раз. Потом замолчал; он тяжело дышал, испытывая чудовищное напряжение.

Гюнтер Челлиж знал, о чем теперь думает Саттни. Он знал, что арконидские корабли находились сейчас на расстоянии шестнадцати световых лет от них. Шестнадцать световых лет были расстоянием, которое гиперимпульс преодолевал мгновенно. На расстоянии шестнадцати световых лет можно было запеленговать местоположение гиперпередатчика с точностью почти до километра. Арконидские корабли были соединением роботов. Они тотчас же отреагируют на это со скоростью, свойственной роботам, и немедленно отправятся в путь.

Все было в порядке — если только земные корабли не находились на меньшем расстоянии от «Газели», чем арконидские. Уолтер Саттни рассчитывал на это, но у него не было никакой уверенности. Его расчеты основывались на том, что земные корабли находились на расстоянии по крайней мере ста световых лет. На расстоянии ста световых лет запеленговать такой слабый передатчик, как у «Газели», можно было лишь с большим трудом. Кроме того, точность пеленгации была не больше пяти или шести процентов от расстояния, а это означало пять или шесть световых лет. Земной наблюдатель, уловив гиперпередачу с расстояния ста световых лет, не мог сказать с уверенностью, находится ли этот передатчик в той или соседней системе.

На это Уолтер Саттни и рассчитывал. Земные корабли должны прибыть слишком поздно или все будет потеряно.

Он некоторое время рассматривал пол перед собой, словно ему было стыдно смотреть кому-либо в глаза. Потом он поднял голову и подошел к Роане. Он вздрогнул, когда Челлиж твердым голосом спросил:

— *Почему* вы это сделали, Саттни? Какая вам от этого польза?

Саттни остановился. Казалось, его удивил вопрос Челлижа.

— Какая польза? — напряженным голосом переспросил он.— Разумеется, никакой. Я действовал, не заботясь о выгоде. Вы же знаете, что я думаю о форме правления в Солнечной империи. Этот режим должен пасть, и если мы не можем устроить это собственными силами, тогда нам придется прибегнуть к чужой помощи.

— И вас не беспокоит, сколько человек, кроме вас, придерживаются этой точки зрения? Я имею в виду, вас не заботит, что вы почти единственный, кто верит в подобную чушь?

Саттни снисходительно улыбнулся.

— Конечно, нет. Если что-то является истинным и правильным, оно не нуждается в том, чтобы в него верили многие. Вспомните Галилея.

— Оставьте Галилея! — оборвал его Челлиж.— Это совсем другое. Вы не могли выдать Землю арконидам только потому, что вы не согласны с правлением Родана.

— Нет, я могу сделать это,— ответил Саттни. Дискуссия, казалось, придала ему уверенность в себе.— Вы же видите, что я уже на пути к этому.

— Вы знаете, к чему это приведет? Аркониды нападут на Землю. Земля будет защищаться. Это будет война, какой до сих пор еще не знала Галактика. И безразлично, кто выйдет из нее победителем: ущерб будет слишком большим.

— Но на Земле снова воцарится свобода,— ответил Саттни; глаза его пылали.

Челлиж вздохнул.

— О вы, глупец с разжиженными мозгами! Вы же просто больны! Представьте себе, что будет, если аркониды захватят Землю, или вы предпочитаете быть подданным робота-регента?

— Как я слышал, он не отнимает у людей личную свободу,— равнодушно ответил Саттни.

Челлиж махнул рукой и снова повернулся к приборам. Он знал, что бессмысленно говорить с Саттни о вещах, о которых он знал пять или даже больше лет. Он не стал ввязываться в дискуссию, потому что верил в то, что он сможет в последнее мгновение сорвать план Саттни, а также потому, что гнев переполнил его.

Он прочитал показания детектора материи и установил, что тот за это время обнаружил три планеты. Они находились на расстоянии 0,8; 2,8 и 10,3 астрономических единиц от местного солнца. Челлиж испытал удовлетворение от мысли, что ни одна из них не может быть подобной Земле, хотя эта звезда имела такую же светимость и плотность излучения, как и земное Солнце. Внутренняя планета должна быть раскаленным шаром, более жарким, чем Венера; обе внешние планеты, напротив, были холоднее Марса.

В этой системе не было места, где хотелось бы сделать посадку. А чем дольше «Газель» будет оставаться в открытом пространстве, тем больше будут шансы на то, что земные корабли отыщут их прежде, чем Саттни успеет совершить свое предательство.

* * *

Земной флот переформировался.

Через три минуты после открытия Гораса О'Муллона была зарегистрирована точка выхода из прыжка, от которой исходили энергетические волны. Никто пока не знал, что это был за корабль. Один тот факт, что о прыжке сообщил пеленгатор компенсатора, а не структурные детекторы «Друзуса», достаточно четко указывал на то, что это был земной корабль, потому что у арконидов еще не было поглотителей энергетических частот.

Этого доказательства было достаточно, чтобы ввергнуть весь флот в лихорадочную деятельность. Перри Родан объявил общую тревогу по телекому и приказал командирам кораблей как можно быстрее отправляться к запеленгованной цели.

У самого «Друзуса» не было времени взять на борт все свои вспомогательные корабли. Он немедленно стартовал; «Газелям» было приказано как можно быстрее следовать за ним. Другим кораблям, на которых не было гиперпространственных двигателей, было приказано оставаться на месте и ждать возвращения корабля-матки.

Спустя примерно четверть часа после того, как были запеленгованы сигналы, «Друзус» вынырнул из гиперпространства в десяти

световых минутах от запеленгованного места. Это произошло как раз вовремя, чтобы перехватить радиосообщение, которое Уолтер Саттни отправил арконидскому киберфлоту, находящемуся в районе звезды Латин-Оор. Огромная махина корабля, снабженная могучими двигателями, преодолела остаток пути в течение нескольких секунд. «Друзус», влекомый только притяжением желтой звезды, почти неподвижно завис в пространстве.

В корабле царило лихорадочное возбуждение. Перри Родан сообщил, что прибытия арконидского флота можно ожидать в любую секунду.

В районе цели один за другим появился целый ряд земных кораблей. Они давали знать о себе короткими пеленгационными импульсами, из которых Саттни и его спутники, если бы у них случайно был включен гиперприемник, ничего не смогли бы узнать.

Сама похищенная «Газель» лишь совершенно случайно не была обнаружена. Когда Саттни послал свой радиосигнал, о ее местоположении стало известно. Но не было известно, в каком направлении она движется. Объект был слишком мал, чтобы его можно было обнаружить при помощи детектора материи. Гравитационные поля звезды и ее планет перекрывали гравитационное поле «Газели».

Перри Родан надеялся на то, что Уолтер Саттни подаст пеленгационный сигнал, как он и обещал, как только «Газель» совершит посадку. Хотя сигнал этот должен быть остронаправленным, так как Саттни выбрал это место потому, что знал о том, что флот арконидов находится всего в шестнадцати световых годах отсюда, у Латин-Оор. Но каждое остронаправленное излучение порождало окраинное, рассеянное поле, которое при помощи чувствительных приборов можно было засечь на большом расстоянии и использовать его для пеленгации.

Корабли земного флота были распределены таким образом, что в любом месте, где бы ни появились арконицы, они будут окружены землянами. Перри Родан решил, что такая позиция благоприятна; он знал, что арконидский флот состоял примерно из четырех тысяч кораблей. Это значило, что их численность была четыре арконидских корабля на три из земного флота. От превосходящего по мощи и числу кораблей противника ожидали, что он не будет рассеиваться в пространстве. Нужно было расположить корабли таким образом, чтобы, по крайней мере, в первые мгновения суматоха, вызванная неожиданностью, компенсировала превосходство в силе.

Если бы Перри Родана в это мгновение спросили, рассчитывает ли он на победу в борьбе за обладание «Газелью» и сохранение в тайне галактических координат Земли, он не смог бы дать ясного ответа. Он не знал, насколько ценными для робота-регента на Арконе были сведения о местоположении Земли. Возможно было, что он горел желанием совершить нападение на земной флот.

В любом случае его флот должен быть хорошо вооруженным. Во время всей этой суматохи, царящей в чреве «Друзуса», сначала никто не обратил внимания на Гораса О'Муллона. Он лежал возле своего кресла, потеряв сознание от усталости. Он отдал все силы, которые у него были. Только когда «Друзус» завис в пространстве, санитары подобрали потерявшего сознание человека и доставили его в госпитальный отсек. Горасу О'Муллону сделали инъекцию, которая снова привела в порядок энергетическое равновесие его тела, и бессознательное состояние перешло в глубокий сон.

Это произошло в то мгновение, когда была зарегистрирована первая серия структурных колебаний, исходивших от кораблей арконидов. Колебания возникли на расстоянии шестнадцати световых лет и были едва заметны, но тут же была зарегистрирована — на этот раз в непосредственной близости — вторая серия колебаний, и структурные детекторы отметили возмущение, похожее на возмущение от тропического урагана. Каждое энергетическое колебание порождало в динамике детектора громовой удар, и находящиеся в навигационном отсеке вынуждены были приглушить звук, чтобы грохот, треск и звон не были непереносимы.

Спустя двадцать минут шум прекратился. Зарегистрировано было четыре тысячи триста пятнадцать отдельных всплесков энергии. Столько же кораблей было в киберфлоте арконидов. Они великолепно среагировали на зов Саттни.

На экранах «Друзуса» на фоне сверкающего моря звезд появилась пара желтых точек. Это были те корабли арконидов, которые находились ближе всего к боевому суперкораблю Перри Родана.

Та же картина должна была появиться и на экранах арконидов. Какой же неожиданностью должно было это быть для них или для вспомогательной группы чужой расы, которая находилась на борту их кораблей, вдруг оказаться среди готового к бою флота землян!

Может быть, теперь они считают зов Саттни ловушкой?

Теперь на борту земных кораблей началось напряженное ожидание, а Горас О'Муллон, изнуренный до последней крайности, спал и набирался сил.

* * *

Гюнтер Челлиж по приказу Саттни увеличил скорость «Газели» в пятнадцать раз. Космический корабль со скоростью сто тысяч километров в секунду приближался к внутренней планете системы, которую Саттни выбрал для посадки. Челлиж указал ему на то, что это должно быть довольно неуютное местечко со средней температурой 70 °С.

Но Саттни, так же как и Челлиж, великолепно знал, что открытое пространство представляет для космического корабля самое худшее из возможных укрытий. Он предпочел бы совершить посадку на нагретой почти до точки кипения воды планете, чем позволить захватить себя земным кораблям.

Челлиж решил дать названия системе и планетам. Но он ничего не сказал об этом, потому что Саттни был явно не в настроении принять предложение своего пленника окрестить систему. Но сам Гюнтер Челлиж назвал местное солнце Калигулой, а внутренней планете дал название Тантал. Он сам не заметил, что, называя звезду Калигулой, он думал о Ронсоне Лауэре, который совмещал в себе ряд характерных черт этого римского императора, и что название Тантал есть выражение желания не встретиться в будущем с новоявленным Калигулой, который сейчас лечил свои раны в каюте. Его именем и была названа эта планета.

Побеседовав с Челлижем о причинах своего предательства, Уолтер Саттни погрузился в странное оцепенение. Челлиж не надеялся, что в конце своих напряженных размышлений тот решит отказаться от этого плана предательства. По мнению Челлижа, Саттни находился в состоянии человека, твердо решившего покончить с собой, однако чудовищность этого действия останавливает его. И несмотря на это, он все же кончает с собой — или, в случае с Саттни, несмотря ни на что, он предает Землю.

Оливер Роане вел себя так же, как и его хозяин. Роане, конечно, ни о чем не задумывался. Он мало о чем был способен раздумывать. Самым любимым его занятием было сидеть и ничего не делать.

Челлиж сохранял спокойствие. Никто не обращал внимания на пеленгационные системы «Газели». Они были отключены и не могли сообщать о том, что происходило вокруг. Может быть, показания приборов вызывали у Саттни подозрения, что, кроме флота арконидов, поблизости может находиться и парочка других кораблей.

Чтобы не быть в полном неведении, Челлиж попытался заметить на экранах какие-нибудь изменения. В первый раз это ему удалось, когда он начал тормозить, а Тантал находился в пятидесяти миллионах километров от них. Его опытный глаз различил среди других звезд маленькие желтые точки, внезапно появившиеся на экране. Даже Челлиж не мог с уверенностью сказать, в чем заключалось их отличие от остальных звезд. Но он был уверен, что это корабли (земные или арконидские — он пока не мог установить).

Он заметил, что они почти неподвижно повисли в пространстве, и решил, что они не заметили крохотную «Газель». Обнаружение такого небольшого объекта в межпланетном пространстве — трудная задача; слишком много помех. Корабли там, снаружи, кому бы они ни принадлежали, были привлечены передачей Саттни и хотели найти их корабль.

Челлиж насчитал всего тридцать пять точек. Это были корабли, находящиеся не более чем в полутора миллионах километров от «Газели», и расположились они так, что Калигула освещал их. Их должно было быть больше, чем тридцать пять — позади них, перед ними, возле них. Казалось невероятным лететь сквозь огромное формирование кораблей, воспринимая их лишь как тридцать пять точек света.

Тантал сдвинулся в их поле зрения. Он из-за высокой скорости корабля в течение нескольких минут вырос из точки в кружок, из кружка в шарик, а из шарика в огромный сернисто-желтый шар. Это было фантастическое зрелище: Мгновение спустя этот шар заполнил собой весь экран.

Цвета поверхности планеты заставили Челлижа задуматься. Если смотреть издали, каждая планета отражает свет своего солнца. Если солнце желтое, то и планета кажется желтой. Но вблизи она приобретает свои собственные краски. Земля, например, кажется зелено-голубой, если смотреть на нее с той высоты, на которой сейчас находилась «Газель» над поверхностью Тантала. То, что поверхность Тантала все еще была желтой с грязно-серым оттенком, указывало, что у поверхности этой планеты мало общего с поверхностью Земли.

Гюнтер Челлиж повел корабль в верхние слои атмосферы. Он изменил курс, и корабль заскользил под острым углом к поверхности. Во время этого спуска он наблюдал за тем, что находится под ними, и первое, что бросилось ему в глаза, это то, что поверхность Тантала не имела почти никаких контрастов. Внизу от одного горизонта до другого все было грязно-желтым. Были отдельные места, где преобладало серое, и некоторые другие, где царило желтое. Челлиж не знал, почему это так. На протяжении первых десяти минут наблюдения он только один раз заметил черную прямую полоску, которая тянулась поперек экрана на пару сотен километров — вероятно, это была цепь плоских гор.

Внезапно он почувствовал, что кто-то стоит рядом с ним... Уолтер Саттни. Он не слышал, как тот подошел. Он, как и Челлиж, уставился на экран, и в его взгляде была подавленность.

— Пустыня,— пробормотал он.— Ничего, кроме пустыни!

Челлиж подтвердил это. Другого объяснения этой однотонности поверхности не было. Тантал был сплошной гигантской пустыней — чудовищным морем песка, над которым бурлил раскаленный воздух.

Тем временем автоматические приборы выдали новые данные о Тантале: диаметр его составлял десять тысяч километров, так что он был намного меньше Земли, время оборота вокруг оси — двадцать один час пять минут, и его орбитальная скорость составляла 38,7 километра в секунду. Его атмосфера состояла на шестьдесят

процентов из азота, двадцать девять — из кислорода, две и три десятых — из аргона и по ноль целых семь десятых — из углекислоты, водорода и гелия. Так что воздух был пригоден для дыхания — это вытекало из состава атмосферы. Могли ли легкие человека вынести температуру, до которой безжалостное солнце нагревало воздух, было другим делом. Датчик термокома показал температуру песка на поверхности, над которой летела «Газель»,— девяносто пять градусов по Цельсию.

— Там! — внезапно сказал Саттни.— Садитесь вон там!

На экране появилась вторая черная полоска. «Газель» теперь летела на высоте тридцати километров. Было хорошо видно, что черная полоска была длинной цепью гор — довольно низких гор. Это было одно из немногих мест на Тантале, где имелась тень.

Гюнтер Челлиж все еще смотрел туда. Он видел, что граница ночи находилась всего лишь в паре сотен километров от гор. Пройдет не больше часа — и там стемнеет.

Космический корабль под управлением Челлижа описал широкую кривую и приблизился к цепи гор с запада. В крутом скольжении он снизился до высоты пятисот метров, и Челлиж установил, что самые высокие горы имеют именно такую высоту. Он почти полностью остановил корабль и дал Саттни возможность найти место для посадки.

— Мне все равно,— пробормотал Саттни.— Влетайте вон туда, в ту щель!

Щель была маленькой, похожей на ущелье долиной, разделявшей две горы. Вход в долину был достаточно широк для того, чтобы «Газель» могла пройти в него. Челлиж с удовлетворением отметил, что местность как нельзя лучше подходит для его планов. Саттни знал, с какого направления должны появиться корабли арконидов, и передавал пеленгационные сигналы остронаправленным лучом, чтобы избежать возможного риска. Однако, если он будет передавать сигналы из ущелья, они будут отражаться от его склонов и гор, и эффект остронаправленности полностью исчезнет. Это было важно в том случае, если земные корабли уже находятся поблизости.

Челлиж повел корабль в ущелье на высоте около двухсот метров, потом осторожно посадил его. Он сделал это, как обычно. Не было заметно ни малейшего толчка при касании о грунт.

Саттни обернулся.

— Роане! — резко крикнул он.— Наблюдай за ним!

Роане поднялся и взял пистолет.

Саттни во второй раз подошел к пульту управления гиперрадиосвязи и несколькими движениями пальцев включил передатчик.

* * *

Как уже говорилось, флот арконидов вынырнул из гиперпространства плотным формированием. В пространстве внезапно появился новый центр гравитации, создававший притяжение именно такой силы, какую могли создать четыре тысячи военных кораблей, летящих вплотную друг к другу.

Быстро проделанные позитроникой сложные расчеты показали, что флот состоял из обычных соединений арконидских кораблей. Корабли двигались по внешнему полю шара, который был не более двухсот тысяч километров в диаметре. При обычных обстоятельствах это было бы очень удачным формированием. Но здесь, где рассредоточенные корабли земного флота ждали арконидов, оно не было таковым.

Центр шара находился в шести астрономических единицах от центральной звезды системы. Арконидские корабли со скоростью около десяти километров в секунду двигались по направлению к желтому солнцу. Было нетрудно понять, что они находятся в смятении. Они не знали, что происходит вокруг них. Они видели отдельные световые точки земных кораблей на своих экранах так же, как земляне видели летящие вплотную друг к другу арконидские корабли. Но у арконидов не было возможности оценить размеры флота противника. Земные корабли находились слишком далеко друг от друга, чтобы породить заметное гравитационное поле, и любая попытка эхолокации при помощи гиперрадиосвязи терпела неудачу из-за поглощающих энергию защитных экранов земных боевых кораблей.

Прошло два часа, но не произошло ничего выдающегося. Перри Родан решил оставить арконидов в неведении насчет сложившегося положения. Это вызвало замешательство среди экипажей арконидских кораблей и ничего не сообщило командующему роботу флота о том, каким будет новый план противника.

Необычной была и радиотишина, царившая в пространстве в течение этих двух часов. Земные корабли должны были хранить молчание, чтобы противник не мог догадаться о силах земного флота. На арконидских кораблях, напротив, тишина была обычной, потому что роботы действовали по строго разработанному и отрежиссированному плану. Экипажам этих кораблей нечего было сообщать друг другу. Они были лишь приемниками и исполнителями приказов, от «руководителей» до простых слуг.

После более чем двухчасового ожидания тишина, наконец, была нарушена. Уолтер Саттни начал подавать пеленгационные сигналы. В радиорубках земных кораблей облегченно вздохнули.

И не только там. То, что Саттни подал условный сигнал, означало, что он не знает о присутствии земного флота. Он дождался

благоприятного момента и теперь не опасался выдать себя. Это очень упрощало задачу Перри Родана. Ему больше не нужно было ждать. Перри Родан облегченно вздохнул.

Он и дал кораблям своего флота условный сигнал. Широко рассредоточенные корабли двинулись вперед, стягиваясь к центру системы. Передатчик находился на внутренней планете, которая вращалась вокруг своего солнца примерно на расстоянии ноль целых и шесть десятых астрономической единицы, или девяноста миллионов километров.

Картина на экранах мгновенно изменилась. Теперь Перри Родан не хотел отказываться от того, чтобы в решающее мгновение продемонстрировать врагу свою силу. Двигатели кораблей заработали, испуская корпускулярное излучение. Яркие фонтаны пламени выбрасывались из могучих дюз, приводя в движение гигантские корабли флота. Производительность излучателей частиц была чудовищной: на экранах появились тысячи сверкающих точек.

Аркониды начали действовать. Шар, который они до сих пор образовывали, распался. Широким, плоским строем флот арконидов тоже устремился к внутренней планете системы.

Перри Родан предоставил им свободу действий. Но когда его собственный корабль, «Друзус», оказался в десяти миллионах километров от цели и пятнадцати от передовых кораблей флота арконидов, он передал обращение к командирам арконидских кораблей. Он был уверен, что там были живые командиры; но там могло не быть никаких командиров, лишь выполняющие приказы роботы.

Очевидно, аркониды ждали такое обращение, потому что скорость, с которой они ответили, трудно было переоценить. Предположение Перри Родана о том, что на борту арконидских кораблей находятся вспомогательные группы, оказалось верным: то, что появилось на экране через несколько секунд после его обращения, было полутораметровой верхней частью тела гигантского наата, трехглазого существа с пятой планеты системы Аркон. Наат всеми своими тремя глазами уставился на Перри Родана. Его безволосый шарообразный череп блестел в свете люминисцентных ламп, а большой тонкогубый рот, казалось, кривился в постоянной усмешке. Но Родан знал, что на самом деле это была не усмешка. Различить эмоции по выражению лица наата было так же трудно, как и по морде белого медведя.

Наат ждал, когда Родан начнет говорить. Родан начал по-арканидски и без предисловий:

— Конечно, я не могу запретить оставаться вам вместе с вашим флотом в этой системе. Но я обращаю ваше внимание на то, что на внутренней планете совершил посадку экипаж в составе трех дезертиров, укравших космический корабль. Я ожидаю, что вы будете держать свои руки подальше от них.

Наат повернул голову в сторону и посмотрел на что-то, чего Родан не мог видеть. «Держать свои руки подальше» на арконидском языке было таким же расхожим выражением, как и на английском. Тем, что рассматривал наат, были его руки, пальцы которых заканчивались когтями. Перри Родан знал о комплексе неполноценности, которым страдали другие расы империи Аркона. Они говорили: «У меня волосы становятся дыбом!» — и говорили это по-арконидски.

У них самих не было никаких волос, и каждый мог заметить, что они пользуются не своим собственным языком, а языком своих хозяев.

— Нас позвали сюда на помощь,— ответил наат, посмотрев на свои руки.— Мы всегда приходим на помощь, когда нас об этом просят.

В его ответе чувствовалось смущение. Очевидно, наат еще не получил указаний от своего робота-хозяина.

— Перестаньте болтать чушь! — грубо произнес Родан.— Я сам слышал этот зов о помощи. Это зов трех дезертиров. Я хочу узнать у вас, готовы ли вы держаться подальше от этих людей или нет?

Наат снова посмотрел вниз. Хотя ничего не было видно, но Перри Родан был уверен, что теперь из какого-нибудь отверстия перед наатом выскользнула карточка, на которой робот-хозяин сообщал, что должен ответить его слуга.

— Мы поступим соответственно сложившемуся положению,— сказал наат.

— Прекрасно,— пробурчал Родан.— Тогда я хочу объяснить вам еще кое-что. Если один из ваших кораблей приблизится к внутренней планете на расстояние менее десяти ее диаметров, мы откроем по нему огонь. Надеюсь, вы это поняли. Мы не намереваемся позволять вам вынюхивать возможности нашего флота. Конец.

Он отключил связь прежде, чем наат успел что-либо сказать.

Корабли продолжали стягиваться к цели. Перри Родан приказал капитанам своих кораблей задержаться на той же линии, которая была указана арконидам в качестве ближайшей границы. В ста тысячах километрах над поверхностью планеты-пустыни образовалось облако из кораблей, земных и арконидских, перемешавшихся друг с другом.

Снова началось ожидание. Пеленгационные сигналы Уолтера Саттни прекратились.

На борту «Друзуса» была подготовлена «Газель», которая должна была отправиться к поверхности планеты на поиски трех дезертиров и старшего лейтенанта Челлижа.

* * *

Уолтер Саттни передавал пеленгационные сигналы на протяжении часа, и Гюнтер Челлиж дрожал от возбуждения. Он каждую секунду надеялся увидеть падающий с высоты земной корабль, совершающий посадку перед входом в ущелье.

Потом он снова все просчитал и пришел к выводу, что такая быстрая реакция была совершенно невозможна. Если энергетические колебания были засечены одним из земных кораблей, то в мгновение пеленга он находился, наверное, на расстоянии не менее пяти тысяч световых лет, и хотя систему звезды, которую «Газель» выбрала своей целью, было нетрудно отыскать, но еще долго не будет известно, где именно в этой системе находится «Газель». При расчетах тысяч или даже сотен световых лет часто упускаешь из виду, что площадь «всего лишь» в четыре триллиона квадратных километров является почти бесконечно большой областью, в которой такое небольшое суденышко, как «Газель», может скрываться как угодно долго. Поэтому, как только земные корабли прибудут в систему Калигулы, они должны будут провести тщательный поиск, чтобы найти исчезнувший космический корабль. И если даже они уловят пеленгационные сигналы Уолтера Саттни, пройдет некоторое время, пока они подойдут к Танталу и совершат посадку.

Нет, было еще слишком рано рассчитывать на спасение. Не говоря уже о том, что земные корабли, если они вообще прибудут, наткнутся на флот арконидов, который будет препятствовать им, чтобы не упустить возможность узнать что-нибудь о галактических координатах Земли.

Это навело Гюнтера Челлижа на новые мысли. Что, если земные корабли, идущие на помощь, почувствуют себя слишком слабыми? Что они смогут предпринять, чтобы не позволить опасной информации попасть в руки врага, несмотря на его превосходство в силе?

Ответ был таким простым и недвусмысленным, что немедленно пришел бы на ум каждому командиру космического корабля, которого касалось все это: один из земных кораблей должен опередить арконидов. Он должен подойти к Танталу, попытаться найти «Газель» и уничтожить ее.

Так просто! Бомба или залп из дезинтеграторов — и все!

Челлиж почувствовал, что на лбу у него выступил пот. Он непроизвольно посмотрел вверх, на потолок централи управления, словно мог сквозь металл видеть земной корабль, который теперь, в это мгновение, готовится нанести бомбовый удар или сдвигает защитный кожух с одного из своих мощных дезинтеграторов.

Нет. Боже милостивый, для этого было еще слишком рано. Было еще немного времени, может быть, час или два. И тот, кто за это время не покинет «Газель», будет мертв.

Пока Челлиж думал об этом, Уолтер Саттни развил бешеную активность. Он был где-то снаружи, Челлиж слышал гудение механизма шлюза. Теперь он вернулся назад, держа под мышкой пластиковую кассету из оборудования информатория. Челлиж тотчас же понял, что в ней было: микрофильмы, из которых можно было узнать галактические координаты Земли. Кроме того, Саттни надел на свой мундир скафандр. Он готов был покинуть корабль.

Позади него шел Ронсон Лауэр. На Лауэре тоже был скафандр.

— Иди и возьми себе скафандр, Роане,— приказал ему Саттни.

Роане встал и вышел. Челлиж постарался выглядеть удивленным.

— Вы хотите покинуть корабль?

Саттни только кивнул.

— Почему же?

Лауэр рассмеялся блеющим смехом.

— Не задавай глупых вопросов, Челлиж. Если случайно поблизости появится земной корабль, что он сделает, как только обнаружит нас?

Челлиж пожал плечами.

— Взорвет нас,— продолжал Лауэр.— Чтобы мы ничего не смогли выдать. Поэтому мы и хотим выйти наружу и немного осмотреться.

— У вас сдали нервы, да? — насмешливо спросил Челлиж.

Лицо Ронсона Лауэра исказила гримаса высокомерия.

— У меня всегда есть вот это, Челлиж,— сказал он.— Неплохая штука!

Он быстрым движением вытащил оружие. Челлиж отскочил в сторону, потом заметил, что Лауэр покушается не на него. Словно на сцене театра, Лауэр повернулся на каблуках и направил раскаленный добела луч энергии из пистолета на пульт управления на другой стороне рубки. Шипя и кипя, металл испарился, вяло улетучился и сконденсировался на стенах. Стеклянные циферблаты лопнули с громким треском, поток расплавленного стекла и металла затопил приборы управления на пульте. Небольшое помещение наполнила жара и вонь. За полторы минуты пульт управления был искорежен так, что никто больше не смог бы отремонтировать его.

Ронсон Лауэр снова повернулся. На его лице была усмешка. Он, казалось, получил большое удовольствие от своих действий и все еще держал пистолет в руке.

— Вы что же, думали, что мы позволим вам улететь отсюда?— рассмеялся он.

Челлиж понял, что он имеет в виду. Он посмотрел на Саттни, но тот отвел взгляд.

— Трус,— презрительно сказал Челлиж. Потом снова обратил все свое внимание на Лауэра.

— Это конец вашего пути, Челлиж,— произнес Лауэр, явно

смакуя свои слова.— Вы доставляли нам довольно много неприятностей. Но теперь с этим покончено. Нет, не думайте, что я хочу вас убить. Я предоставлю сделать это вашим друзьям из земного флота. Думаю, что они позаботятся об этом. Они же не знают, что вы находитесь здесь, в корабле, не так ли? И я, конечно, должен помешать вам шпионить за нами. Вы это понимаете?

Челлиж этого почти не слышал. Он знал, что произойдет, и его мозг лихорадочно искал выход из сложившегося положения. Поблизости от него не было ни оружия, ни чего-либо еще, что он мог бы использовать в качестве оружия. Саттни стоял возле люка, а Ронсон Лауэр благоразумно держался метрах в пяти от Челлижа. Медленно, с видимым удовольствием он поднял пистолет и направил его на Челлижа.

Челлиж задержал дыхание и напряг мускулы. Он увидел, что Лауэр целит в верхнюю часть его тела, и когда понял, что тот вот-вот нажмет на курок, огромным прыжком отскочил в сторону. Выстрел Лауэра, шипя, прошел мимо него и ударил в стену помещения. Пораженный Лауэр секунду помедлил, и за эту секунду Челлиж сумел изменить направление и прыгнуть на него. Человека, с опытом меньшим, чем у Лауэра, он, вероятно, мог бы опрокинуть при этом прыжке. Но Ронсон Лауэр сделал большой шаг и выстрелил во второй раз, прежде чем Челлиж успел его схватить.

Гюнтер Челлиж увидел яркую вспышку вокруг себя. Он не почувствовал боли. Что-то подняло его мягкими руками, и он поплыл, паря, в безграничную, полную света даль.

5

Тринадцатого октября 2042 года «Террания таймс» сообщила: *«Сегодня у нас появился повод подробно рассмотреть сообщение, касающееся концентрации земного флота вблизи центра Млечного Пути. Нам пытаются представить эти действия как маневры. Но теперь из достоверных источников мы узнали, что одновременно с земным флотом в этом секторе появился также и флот арконидов. Все указывает на то, что дело тут не в маневрах, а в совместных действиях обоих флотов против общего врага. Мощь участвующих в этом сил позволяет предположить, что это отнюдь не галактическая перестрелка обычных размеров; кажется, в этой части Млечного Пути возникла какая-то чудовищная опасность — опасность, которая в равной мере угрожает обеим галактическим империям — и нашей, и Аркона. Можно предположить, что Министерство информации не хочет нарушать наше спокойствие и неведение, поэтому сообщения о том, что происходит в центре Галактики, не достигают общественности. Но мы уже несколько раз сообщали об этом и де-*

лаем это еще раз: кто ожидает от землян хладнокровия и готовности к защите, должен сообщать населению обо всем самом важном, что происходит во Вселенной».

* * *

Его сознание судорожно цеплялось за последние мысли, словно хотело удержать его от беспамятства. Но он все же потерял сознание.

Снова придя в себя, Челлиж удивился тому, что он все еще жив. Слепящий, бесшумный взрыв, падение в невесомости, полет сквозь наполненное светом, лишенное ориентиров пространство, которое, казалось, было смертью, устремившейся к нему из дула термопистолета Лауэра. И внезапно не стало ни света, ни невесомости, ни парения. Было темно, он лежал на чем-то жестком, а правый бок его горел жгучей болью.

Он медленно выпрямился. Боль была такой сильной, что слезы непрерывно катились из глаз Челлижа.

Он удивился, почему было так темно. Потом он вспомнил, что Ронсон Лауэр разрезал на две половинки пульт управления. Когда он стрелял по нему, снаружи еще был дневной свет и с экрана, который не был связан с пультом управления, словно через широкое окно, падал свет. Теперь же была ночь. Только серый, едва заметный отсвет показывал, где находится панорамный экран.

Гюнтер Челлиж знал, что с ним произошло, но потребовалось некоторое время, прежде чем он вспомнил, что происходило до этого. И еще он знал, что Саттни, Лауэр и Роане хотели покинуть корабль; но потребовалась пара минут, чтобы вспомнить, зачем это им понадобилось.

Опасность! Грозящая кораблю опасность! Первый же земной корабль, который увидит «Газель», без колебаний тут же уничтожит ее.

Эта мысль полностью привела его в себя. Он попытался забыть о боли, которая бушевала в бедре, и поднес часы на левой руке поближе к глазам, чтобы различить светящиеся цифры. Он знал, что было восемь часов сорок минут по земному времени, когда Лауэр выстрелил в него. Теперь было девять часов пятнадцать минут. Он пролежал без сознания больше получаса. Сейчас было самое время покинуть бот.

Люк был открыт: после того, как Лауэр разрушил главный пульт управления, больше не было энергии для того, чтобы закрыть его. Челлиж подумал, что обе двери шлюза тоже должны быть открыты. Так что он сейчас дышал воздухом Тантала. Странно, он не заметил никакой разницы и, казалось, было не особенно жарко.

«Ничего странного,— подумал он в следующее мгновение.— На Тантале должен быть сильно континентальный климат. Ночью отвратительно холодно, а днем невыносимо жарко».

Он, спотыкаясь, пошел по коридору и остановился перед шкафом, в котором должны были находиться скафандры. Шкаф был пуст. Скафандры лежали в паре метров от него на полу, и, осмотрев их, Челлиж обнаружил, что все они были повреждены. В каждом из них была по меньшей мере одна дыра, по размерам достаточная, чтобы просунуть в нее голову. Они не оставили ему ни одного шанса.

Его охватил душащий гнев, и он, шатаясь, направился дальше по коридору, к шлюзу.

Нижний край внешней двери находился на высоте метра над почвой. Челлиж выпрыгнул наружу и упал. Правая нога не выдержала удара. Он ткнулся лицом в песок. Затем перевернулся на бок и, перенеся всю тяжесть тела на левую ногу, встал. Это ему удалось.

Песок был теплым. Он еще не успел рассеять в пространстве все тепло, полученное за день от местного солнца. Пару часов после захода он играл роль аккумулятора тепла, но не было никакого сомнения, что под утро будет очень холодно.

Челлиж осмотрелся. По небу расплывалось молочное сияние, которое позволяло ему видеть окружающее.

Он посмотрел вверх и вниз. Правое бедро превратилось в твердый, хрупкий конгломерат из расплавленной пластмассы, жженой материи и горелого мяса. Выстрел Ронсона Лауэра, казалось, лишь вскользь задел его. Боль была ужасной, но ее можно было выносить.

Челлиж осмотрел почву и через некоторое время нашел следы Саттни и его товарищей. Какое-то странное удовлетворение охватило его, когда он увидел, что они повернули в глубь ущелья, чтобы укрыться в горах, где была тень.

Челлиж пошел по этим следам. Он старался как можно меньше нагружать правую ногу. Волоча ее за собой, он уже через пару минут заметил, что левая нога не привыкла к такому способу передвижения. Она начала болеть. Так что он двигался вперед не особенно быстро. Во всяком случае, не так быстро, как Саттни, Лауэр и Роане.

Но его ярость за это время достигла такой степени, когда разумные соображения больше не принимаются во внимание. Он должен был догнать этих троих — безразлично, сколько бы это ни продолжалось.

* * *

В восемь часов пятьдесят пять минут по бортовому времени пеленгационная станция боевого корабля «Барбаросса» обнару-

жила, что от одного из находящихся поблизости арконидских кораблей отделилась крошечная посадочная шлюпка, которая пересекла установленную Перри Роданом границу и приблизилась к планете, несомненно намереваясь обыскать ее поверхность или совершить посадку.

Генерал Дерингхаус, под командованием которого находилась «Барбаросса», не колеблясь ни секунды, убежденный, что аркониды угрожают земному флоту, решил, что они пропустили мимо ушей предупреждение Перри Родана.

Когда был произведен первый выстрел, посадочная шлюпка находилась в семнадцати тысячах километров от «Барбароссы».

Орудия «Барбароссы» заговорили, и поток энергии ударил в маленькую шлюпку.

Через десять секунд шлюпка перестала существовать. Она исчезла в ярком, беззвучном взрыве. Орудийные башни «Барбароссы» снова смолкли. За пультами гиперсвязи сидели люди, пытаясь что-нибудь узнать о реакции арконидов. Но ничего не происходило.

Через полчаса после обстрела шлюпки, когда стало ясно, что от арконидов больше нечего ожидать, Перри Родан сам решил отправиться с флагманского корабля «Друзус» на планету на одной из «Газелей» с полным экипажем. Генерал Дерингхаус принял на себя командование всем земным флотом, включая и флагманский корабль.

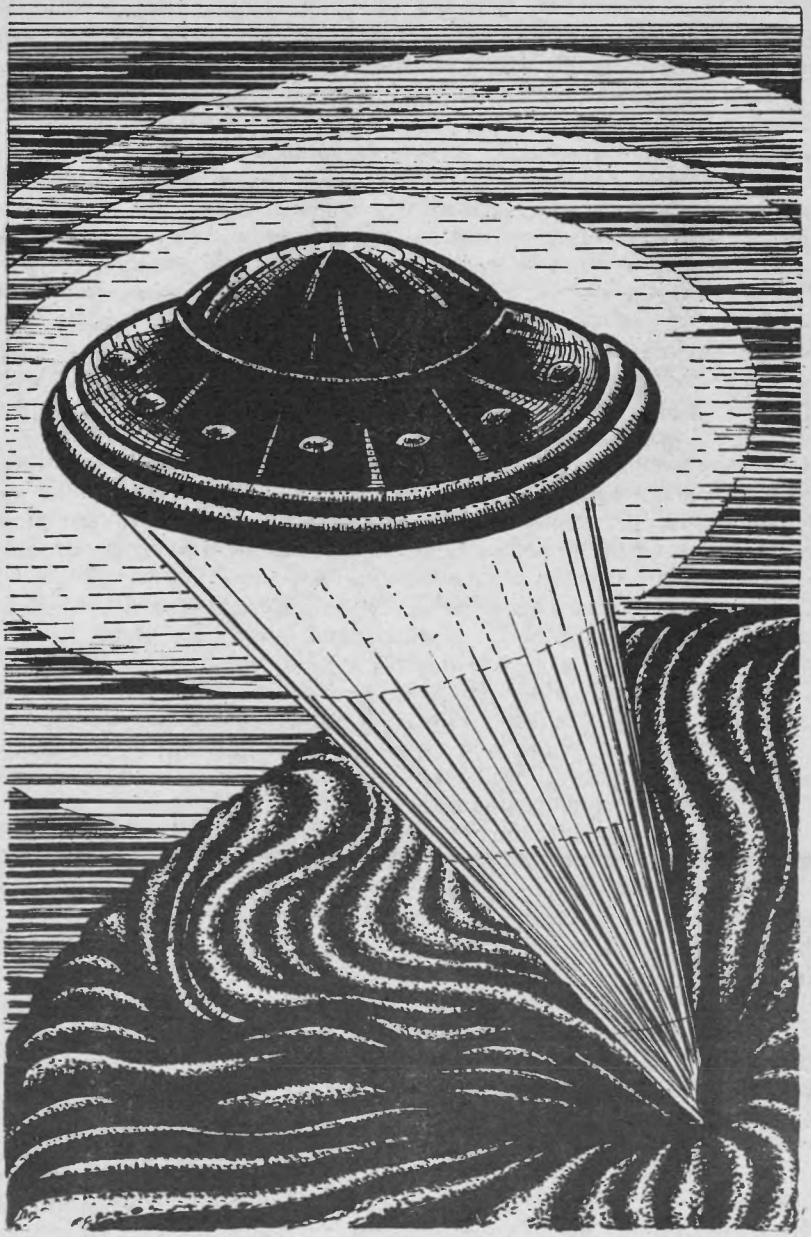
* * *

Сначала казалось, что от задней стенки ущелья не было дороги дальше. Ронсон Лауэр направил широкий луч фонаря на камень. И только тогда, когда они уже хотели отказаться от своей попытки пройти дальше, он обнаружил узкую расселину, начинающуюся на высоте полутора метров от почвы и ведущую внутрь стены. Он подошел ближе и увидел, что дно расселины поднимается вверх. Казалось, этот путь ведет на плато.

Он вопросительно посмотрел на Саттни. Саттни кивнул Роане. Тот первым вошел в расселину. Оказавшись наверху, он повернулся, чтобы помочь Саттни, которому было довольно тяжело нести кассету. Последним шел Ронсон Лауэр. Несмотря на передатчик микрокома, висевший на нем, он делал это довольно проворно. Поднявшись по расселине, он снова вышел вперед и осветил путь фонариком.

Внезапно Ронсон Лауэр услышал, как климатизатор его скафандра изменил звук, и по наручному термометру увидел, что температура снаружи поднялась до сорока градусов Цельсия.

Встав покрепче и всматриваясь в поисках опасных животных —



хотя он давно уже не верил, что на этой планете есть вообще что-нибудь живое,— он подумал: а было ли разумным вообще покинуть «Газель». Он признавал правоту Саттни, когда тот говорил, что любой земной корабль, обнаруживший «Газель», тотчас же уничтожил бы ее. Вопрос заключался только в том, а появится ли вообще здесь когда-нибудь земной корабль. Никто не мог знать, что они находятся именно здесь. То, что какой-нибудь земной корабль находился на расстоянии менее ста световых лет, когда Саттни отправлял сообщение арконидам, казалось ему таким маловероятным, что он даже не хотел принимать это во внимание. Конечно, передача Саттни была засечена земными кораблями, но они находились так далеко, что должны были не менее двух суток заниматься поисками системы, к которой улетела «Газель».

Почему же они ударились в бегство? Было бы удобнее сидеть в кресле и ждать прибытия арконидов.

Он остановился и повернулся к Саттни, чтобы посоветовать ему вернуться назад, когда вверху над ними что-то произошло. Сначала он не увидел ничего, кроме яркой вспышки, сверкнувшей на небе и осветившей расселину. Лауэр уставился на небо и увидел дождь светящихся точек, исходящий из области вблизи зенита, разлетающихся во все стороны и падающих вниз.

Он забыл то, что хотел сказать, и побежал. Он, задыхаясь, взлетел вверх по расселине, не обращая внимания на Саттни и Роане, и наконец добрался до плато, откуда открывался отличный обзор.

Тем временем сверкающие точки приблизились. А потом что-то со свистом пронеслось мимо него и с глухим треском ударилось о песчаную почву в паре сотен метров от них. Лауэр в полутьме увидел взметнувшееся вверх и теперь медленно оседающее облако пыли. Мощный толчок сотряс камень, на котором они стояли.

Когда он снова посмотрел вверх, светящиеся точки исчезли. Вероятно, они упали на поверхность планеты в других местах. Ронсон Луаэр услышал позади себя тяжелое дыхание. Он не стал оглядываться, чтобы посмотреть, был ли это Саттни или Роане. Он бегом устремился к тому месту, где вонзился в грунт предмет, упавший с неба.

Плато было совершенно ровным. Поэтому кратер, оставленный предметом, нельзя было пропустить. Лауэр увидел, что он был круглым и имел около четырех метров в диаметре. Он был довольно глубок, но предмета, который сделал его, он не обнаружил. Тот, казалось, погрузился в дно кратера.

Лауэр спустился вниз. Песок пришел в движение, и спуск превратился в скольжение. Когда Лауэр оказался внизу, его окутало облако пыли. Он сорвал с плеча микроком и равнодушно отбросил его в сторону. Потом начал раскапывать песок.

Это была утомительная работа, потому что песок был довольно

горячим. После получасовой работы, во время которой руки Лауэра, несмотря на перчатки, покрылись пузырями ожогов, он достиг места, где песок был оплавлен в ком. Он вытащил этот ком и отложил его в сторону. За ним последовал кусок пластика, изъеденный и искореженный. Его острый конец был направлен на Ронсона Лауэра.

Лауэр осторожно взял этот кусок, потянул за острие, чтобы вытащить его, но, едва коснувшись, вскрикнул от боли. Кусок пластика был раскален по меньшей мере градусов до пятисот. Лауэр отошел назад, включил фонарик, поводил ярким лучом взад и вперед по куску. Этот предмет что-то напоминал ему. Он был уверен, что тотчас же вспомнил бы это, если бы эта штука была перед ним в первоначальном виде, не погнута и не деформирована от жара.

Внезапно он услышал голос Саттни, донесшийся из внутришлемного динамика:

— Рулевая колонка посадочной шлюпки арконидов...

Лауэр тотчас же понял, что Саттни был прав. Это была рулевая колонка! Он видел ее изображение во время гипнообучения: трубообразный кусок пластика с многочисленными отростками, связанный с механизмом управления арконидского посадочного бота. Теперь отростки отсутствовали, а сама колонка оплавлена и деформирована. Но Саттни был прав.

Ронсон Лауэр снова вылез наверх, перекинул микроком через плечо. Он был поражен, не имея никакого представления о том, каким образом рулевая колонка арконидского посадочного бота могла попасть на поверхность этой пустынной планеты.

Уолтер Саттни стоял наверху, у края воронки. Оливера Роане все еще не было. Лауэр увидел, как он направляется через плато к ним.

— Итак, они уже здесь,— сказал Саттни так тихо, словно говорил сам с собой.

— Кто? — спросил Лауэр.— Аркониды?

— И они тоже. Нет, я имею в виду землян.

Лауэр резко втянул в себя воздух.

— Ты имеешь в виду... они обстреляли арконидский бот?

— А что же еще?

Лауэр все еще недоверчиво смотрел вниз, в воронку. Потом посмотрел вверх, на темное небо, словно где-то там он мог увидеть земные и арконидские корабли.

— Приготовь микроком к передаче! — внезапно крикнул Саттни.

Лауэр вздрогнул.

— Зачем? — спросил он.— Не хочешь же ты...

— Давай! — настаивал Саттни.— Мы не должны терять времени. Через пару часов земляне найдут нас.

Лауэр рассердился.

— И что, черт побери, мне делать с этим микрокомом? — вскричал он.

— Мы должны рассказать арконидам обо всем, что знаем о галактических координатах Земли — пока еще не поздно!

Лауэр на мгновение утратил дар речи. У Роане тоже, казалось, перехватило дыхание.

— Ты что пьян, Уолтер? — наконец произнес Лауэр.— Как только передатчик пикнет хоть раз, нас тут же запеленгуют, и через три минуты нас уже не будет в живых.

— Трех минут,— серьезно ответил Саттни,— достаточно, чтобы сказать арконидам, где находится Земля.

— А *мы?* Что будет с *нами,* когда аркониды это узнают, а Перри Родан сбросит бомбу нам на голову?

В голосе Саттни внезапно послышалась насмешка.

— Ты же революционер, Ронсон, не так ли? Ты поклялся уничтожить Перри Родана... так делай то, что хотел. Ну, вот и хорошо: Родан *будет* уничтожен, когда аркониды найдут Землю. Почему ты колеблешься? Разве твоя несчастная жизнь стоит больше, чем благоденствие человечества?

Ронсон Лауэр со свистом втянул в себя воздух.

— Без меня! — прошипел он.

Саттни сунул кассету с микрофильмом под мышку левой руки. Неподвижно стоя, он ответил:

— Ты же обещал подчиняться указаниям, Ронсон. Именно это ты и должен сейчас сделать. Приготовь микроком и дай его мне!

— Нет! — крикнул Лауэр.

— Делай, что я сказал, или...

— Или?..

Уолтер Саттни недооценил ситуацию. Он думал, что у него достаточно времени, чтобы осторожно положить кассету и вытащить оружие. Это до смешного упростило ситуацию для Ронсона Лауэра. Он взял пистолет в руку и выстрелил. Саттни не успел еще выпрямиться. Затем прищурил глаза и тихо сказал:

— Ты дурак с выжженными мозгами!..

И выстрелил во второй раз.

* * *

Гюнтер Челлиж наблюдал взрыв в космосе с места, находящегося в паре сотен метров от задней стенки ущелья. Он спокойно отметил этот факт, и знание того, что земные корабли наконец-то прибыли, придало ему новые силы, чтобы продолжить утомительный марш.

Спустя некоторое время он достиг задней стенки ущелья и обнаружил щель. Хотя он не мог сказать наверняка, пользовались ли этой щелью Роане, Саттни и Лауэр, чтобы пройти дальше, но их следы заканчивались именно у расселины и нигде не появлялись снова, поэтому он решил, что дело обстояло именно так. Он подтянулся и остановился, тело его напряглось, и боль в бедре вспыхнула снова, пока он несколько минут лежал на дне расселины.

Когда дыхание его стало более спокойным, он вслушался в темноту. Конечно, Саттни и его товарищи ушли далеко вперед, если они шли без отдыха. Но могло быть и так, что они надолго задержались перед щелью, чтобы выждать.

Но он ничего не услышал. Потом встал и пошел дальше. В расселине было удушающе жарко. Уже после первых шагов пот ручьями бежал по его лицу. Он хотел облокотиться о камень, чтобы немного отдохнуть. Но камень был еще горячее, чем воздух. Он побрел дальше, смотря в глубь расселины в надежде, что она где-нибудь снова выйдет на открытую местность.

Тут он внезапно услышал позади себя гул и свист. Звук этот возник так неожиданно и был так хорошо знаком Челлижу, что сердце его сжалось радостной болью, и он упал. Звук усилился, и скалы задрожали. Челлиж закричал от радости в сумасшедшем экстазе и надежде, что его заметят. Но его крик утонул в громком шипении, которое внезапно смешалось с чистым пением двигателей. Секундой позже щель наполнил яркий бело-голубой свет, и на Челлижа обрушился грохот чудовищного взрыва.

Тени «Газели», которая скользнула над плато, он уже не видел. Он был ослеплен. Яркий свет взрыва корабля, в котором он еще час назад лежал без сознания, вызвал пестрые танцующие точки-мурашки перед глазами. Он ощупал пространство вокруг себя, нашел маленький горячий выступ скалы и подтянулся вверх.

Они уничтожили маленький космический корабль — как он и ожидал. Он почувствовал горечь от того, что они не подумали о нем. Если бы Ронсон Лауэр связал его там, в централи управления, его бы уже не было в живых.

Конечно, они могли не обратить на него никакого внимания. Ведь когда речь шла о существовании всей земной цивилизации, что тут значила одна человеческая жизнь. Может быть, они рассчитывали на то, что он будет достаточно хитер, чтобы заранее подыскать себе безопасное убежище?

В любом случае они были здесь! Они пролетели низко над ним, и, если бы у него был радиопередатчик, он смог бы обратить на себя их внимание.

Они совершили посадку где-то поблизости и пытаются выяснить, не покинули ли Саттни, Лауэр и Роане «Газель» перед взрывом. Если повезет, завтра утром он обнаружит их корабль.

Он пошел дальше с колотящимся сердцем, счастливый и печалящийся одновременно. Через пару часов он снова окажется в безопасности — в постели, и его будет бережно осматривать опытный врач. Через пару часов...

Он добрался до плато и подумал, не лучше ли опуститься на песок и подождать, или ему стоит пойти по следам Саттни, Лауэра и Роане. Освещаемое светом звезд, перед ним простиралось хорошо просматриваемое высокогорное плато. Он мог видеть на полкилометра.

Наконец он решил пойти по следу. Может быть, находящиеся в «Газели» люди не имеют никакого представления, где находятся три дезертира. Когда они обнаружат его, он сможет им это сказать.

Через пару минут перед ним появились два темных пятна — большое и маленькое. Большое было похоже на кратер, а маленьким был Уолтер Саттни. На груди его была ужасная глубокая рана, и он застывшими глазами уставился через стекло шлема вверх, в ночное небо.

Гюнтер Челлиж не мог представить себе, что здесь произошло. Хотя он и подозревал, что Ронсон Лауэр мог застрелить любого из своих друзей, если это только поможет ему достичь цели, но он не мог понять, почему Лауэру показалось выгодным убить Саттни.

Он сдвинул неподвижное тело Саттни к краю кратера, и оно соскользнуло вниз. По крайней мере, кратер станет ему чем-то вроде могилы, когда его однажды занесет песком.

Потом он пошел дальше.

* * *

Внезапно ночь вскипела эллипсообразными «Газелями». Перри Родан вызвал их после того, как обнаружил исчезнувший корабль и уничтожил его.

Обнаружить его не составило труда. «Газель» Саттни, так сказать, была единственным металлическим образованием на поверхности этой планеты. Там, где микроволновый локатор уловил отражение, Перри Родан совершил посадку и сразу же обнаружил то, что искал.

Однако он счел весьма возможным, что Уолтер Саттни был достаточно умен, чтобы своевременно покинуть корабль. И он, вероятно, убрался из опасной зоны не с пустыми руками. Вся информация о галактических координатах Земли великолепно умещалась в кубическую кассету с длиной ребра в десять сантиметров. Саттни, вероятно, подготовил микрофильм и взял его с собой. По крайней мере, с этим нужно было считаться.

«Газель» находилась в ущелье, вдававшемся в западную часть

гор на глубину двух километров. Если Саттни и его спутники покинули бот, они, скорее всего, пошли на восток, в глубь гор. На восток от ущелья находилось хорошо просматриваемое плато, на котором беглецы не смогли бы укрыться. Значит, они или уже пересекли его, или на краю плато повернули на север или на юг.

Осмотрев эту часть предгорий, Перри Родан вызвал эскадрилью «Газелей» и приказал ей совершить посадку у подножья горы. «Газель» Родана укрылась на восточном краю плоскогорья. Все эти маневры продолжались до рассвета. Только тогда появилась уверенность, что Саттни, Лауэр и Роане находятся в ловушке — живые или мертвые.

Перри Родан попытался связаться по телекому с Саттни. Он стал вызывать его:

— Говорит Перри Родан, отзовитесь! Говорит Перри Родан...

Это непрерывно звучало в эфире до самого рассвета.

* * *

— Сюда, вниз! — задыхаясь, произнес Лауэр.— Проклятье, да быстрее же!

Слепой гнев на тяжеловесного Роане охватил его. Он толкнул Роане в спину так, что огромное тело идущего впереди него мужчины скользнуло в каменное углубление быстрее, чем он рассчитывал. Роане застонал.

Лауэр поспешно последовал за ним. Кроме микрокома, он теперь нес и кассету с микрофильмом. Несмотря на это, он двигался легко.

Они видели вспышку взрыва, жертвой которого стала похищенная «Газель». Они видели из своего надежного укрытия на восточном краю плоскогорья космический корабль Перри Родана, летящий над плато, и через несколько минут заметили эскадрилью «Газелей», спустившуюся с ночного неба и исчезнувшую по ту сторону горных вершин.

Ронсон Лауэр верно оценил положение: они находились в ловушке. Восточный край плоскогорья круто обрывался каменистым склоном в уже занесенную песком долину. Склон представлял из себя превосходное укрытие. Ронсон Лауэр знал, что не было никакого толка идти дальше.

Теперь они сидели и смотрели на медленно светлеющее небо. Люди Родана скоро начнут искать их. Они будут искать там, где скалы образуют укрытие, и им понадобится по меньшей мере три дня, чтобы найти его и Роане.

Так обстояли дела. Их путь закончился на покрытой песком планете, у которой, как он думал, еще не было своего названия.

Ронсон Лауэр рассердился. Проклятые дураки эти аркониды!

Почему они не прибыли раньше? Сейчас они и Роане сидели бы в удобной каюте, с ними обращались бы с почтением, и они разрабатывали бы с каким-нибудь командиром план, как им изловить Перри Родана.

Но вместо этого они прятались среди серо-коричневых скал и ждали, пока взойдет солнце и их найдут люди Родана.

И это будет...

Тут Лауэру в голову внезапно пришла идея. У него была кассета с микрофильмом. Правда, у него больше не было никакой возможности передать ее арконидам. Но он может сделать то, что намеревался сделать Саттни. Он может сообщить по микрокому, что земное Солнце находится на таком-то расстоянии отсюда и искать его нужно в таком-то направлении. Это не было полноценной информацией, но арконидам ее было вполне достаточно, чтобы найти Землю не позже чем через два года.

Не то что он действительно намеревался дать арконидам эту информацию. Но он мог угрожать этим Перри Родану!

* * *

На протяжении часа никто ничего не сообщал. Перри Родана это уже начало удивлять. Он твердо рассчитывал на то, что Саттни и его спутники покинули «Газель» прежде, чем она взорвалась после обстрела дезинтеграторами. Но молчание в эфире опрокидывало все его предположения. Уолтер Саттни, если он еще был жив, не мог быть настолько глуп и думать, что у него есть еще шанс.

Родан не знал, что Ронсон Лауэр уже сформулировал свой ответ.

Только спустя час после восхода солнца, около двадцати часов по бортовому времени, в динамиках Перри Родана раздался нервный, торопливый голос:

— Это Ронсон Лауэр, Родан. Саттни больше нет. Я занял его место и предлагаю вам сделку...

* * *

Когда взошло солнце, Челлиж преодолел уже половину плато. За два последних часа он ужасно замерз. Но едва солнце появилось над горизонтом на ширину ладони, стало так жарко, что он пожалел о ночном холоде.

Острия скал на восточном краю плоскогорья приближались невыносимо медленно. Челлиж снова и снова останавливался, чтобы стереть пот со лба. Ему показалось, что он не двигается с места.

Следы Лауэра и Роане протянулись по желтому песку. Они были ровными, словно проведенными по линейке. Челлиж видел место, где они достигали края плато, но до него была еще пара километров — жарких, пыльных километров; много, слишком много для человека, который не может ни секунды простоять на правой ноге и целую вечность ничего не пил.

Ни одной из «Газелей», шум двигателей которых наполнял воздух последние полчаса ночи, не было видно. Очевидно, никто не выбрал для посадки эту песчаную равнину.

Челлиж, шатаясь, побрел дальше. Он начал сомневаться, что когда-нибудь доберется до края плато. Его охватил страх, и ему пришлось собрать всю силу воли, чтобы удержаться, не упасть на песок и не остаться лежать.

* * *

— Есть два способа, Родан,— сказал торопливым голосом Лауэр,— какие вы можете дать указания своим людям: по телекому или по обычной радиосвязи. Я могу слышать и то, и другое. Заверяю вас, я начну передавать информацию арконидам в то мгновение, как только вы воспользуетесь передатчиком для чего-либо другого, кроме разговоров со мной. Хорошенько обдумайте мое предложение!

Перри Родан знал, что Лауэр говорит это серьезно. Он начнет передавать арконидам галактические координаты Земли, как только кто-нибудь попытается сообщить на ожидающие сигнала земные корабли местонахождение его передатчика, чтобы выяснить, куда нужно сбросить бомбу!

Они оба, и Родан, и Лауэр, находились в ситуации, из которой был только один-единственный правильный выход. Все другие вели к гибели.

Ронсон Лауэр заявил, что он оставит при себе все, что ему известно, если в его распоряжение предоставят «Газель», на которой он сможет улететь после отбытия земного флота.

Конечно, это предложение было неприемлемо. Лауэр поспешит на «Газели» на Аркон и совершит там предательство.

Лауэр дал три часа на раздумье. Если после этого его предложение не будет принято, он начнет передавать координаты. Руки у Перри Родана были связаны. Он ничего не мог предпринять без того, чтобы не поставить под угрозу раскрытия самую важную тайну человечества.

Желтое солнце размером с голову ребенка поднималось все выше и выше на бело-голубом небе. На бортах «Газелей» проводился конкурс на лучшую идею.

* * *

...левой, подтянуть правую... левой... подтянуть правую...

Не смотреть на солнце! Не думать о воде! Прямо! Здесь след!

В глазах Челлижа песок был ярко-белым, и отпечатки ног перед ним казались черными дырами. Мир черного, белого и жары.

Он больше не знал, как далеко ему еще идти, пока не достигнет тени скал. Он не разрешал себе поднять голову, потому что тогда он должен будет смотреть на огромное солнце. Он не хотел его видеть.

Он также не поднял взгляда, когда позади него послышался рев. Его не интересовало, что там ревет. Он знал, что звук становится все громче и приближается к нему сзади, но он не остановился и не повернулся из страха, что не сможет идти дальше, если хоть один раз остановится.

Он увидел, как контуры следов перед ним внезапно смазались. Они исчезли на его глазах, их просто больше не было тут. Он прикрыл горящие глаза веками, чтобы прогнать галлюцинацию, но это была не галлюцинация. Следы действительно исчезли. Перед ним был только песок, который какая-то необъяснимая сила гнала на север длинными огромными полотнищами.

Когда вокруг него потемнело, он остановился и осмотрелся. Но ничего не увидел. Его окутало темное коричневое облако, песок залепил ему глаза, нос, рот, рев, который он слышал, был звуком песчаной бури.

Он заслонил лицо рукой и пошел дальше. Ему казалось, что он знает, в каком направлении вели следы, прежде чем их не стало. Он также совершенно автоматически подумал, что он, если бы у него было больше сил, пошел бы по широкому кругу, но правую ногу из-за ранения нельзя было отставлять так же далеко, как и левую. Так что он постепенно поворачивал направо, гонимый штормом.

Он ничего не видел дальше двух шагов. Когда он стискивал зубы, на них громко хрустело. Но ему было все равно, горит это или хрустит.

Он, пошатываясь, брел вперед, потеряв чувство времени. Мозг его автоматически отдавал команды ногам... левой... подтянуть правую. Гюнтер Челлиж ничего об этом не знал. Он был как машина, которая ползет вперед, потому что кто-то забыл ее выключить.

Внезапно он обо что-то споткнулся. Это могли быть его собственные ноги. Потом он упал на мягкий песок и остался лежать. Но он упал отнюдь не мягко. Головой он ударился обо что-то твердое, и это привело его в себя. Он осмотрелся и обнаружил перед собой скалу в рост человека. Сначала он не поверил своим глазам, но потом провел руками по угловатому камню и порезал в кровь пальцы. Кровь окончательно убедила его в этом. Он смог это сделать. Он добрался до края плато. Когда буря кончится и снова выглянет

солнце, он сможет укрыться за этими скалами, найдет там тень.

Он ползком обогнул камень и прислонился к нему с подветренной стороны. Затем он увидел, что в паре шагов от него плато круто обрывается вниз. Вероятно, отреагировал его усталый мозг, где-то там, внизу, есть долина.

Он прижал ладони ко рту и сквозь приоткрытые пальцы глубоко втянул в себя воздух. Ему нужен был воздух — даже такой горячий и пыльный, как этот.

Он почувствовал, как буря сотрясает скалу.

* * *

Ронсон Лауэр видел коричневое песчаное облако, поднявшееся над краем скалы, и услышал вой бури. Он чувствовал себя весьма неуютно. Буря дала Родану дополнительную возможность незаметно выследить его.

Они должны сменить место!

— Идем, Роане! — крикнул он, с трудом перекрикивая вой бури. — Туда, наверх!

Роане не понял зачем, но повиновался. Они поползли по склону между скалами. Лауэр включил микроком, но Родан ничего не говорил.

Из трех часов прошли два с половиной.

* * *

Коричневое облако посветлело, рев бури стих. Челлиж сидел в пещерке и пытался увидеть солнце. Оно мутным пятном просвечивало сквозь песок и пыль. Из тех, кто видел его только таким, никто не мог бы поверить, что оно может сжечь человека заживо.

Поле зрения Челлижа стало шире. Парой метров дальше он увидел крутой склон, уходящий вниз. Но там были только серые и коричневые скалы. И не было ничего, на что стоило бы смотреть.

Потом буря внезапно кончилась. Челлиж со всей возможной скоростью двинулся вперед. Плотное клубящееся облако песка и пыли уплывало на восток.

Гюнтер Челлиж внезапно услышал позади себя какой-то звук. Он поспешно упал на бок и приблизился к краю откоса. Буря подгоняла его.

Челлиж увидел Ронсона Лауэра и Оливера Роане, пробиравшихся между скалами и карабкавшихся по склону. Они были слева от него, метрах в тридцати, и пробирались вправо и вверх.

Челлиж отступил назад. Он испугался. Ему совсем не хотелось, чтобы Лауэр обнаружил его. Он застрелит его, как только увидит. Челлиж перебрался на другую сторону подножья скалы. Он так и так должен был сделать это, потому что на другой стороне была тень.

Он плотно прижался к камню и почувствовал, как тот подался. Челлиж слегка наклонился. Камень не был прочно связан с почвой. Челлиж внезапно вспомнил, что камень и до этого, в бурю, сильно содрогался.

В голову ему пришла идея. Здесь шатающийся камень, там крутой склон, по которому ползут вверх Лауэр и Роане.

Он поднялся, опираясь руками о камень, уперся в него и попытался пошевелить. Затем бросил быстрый взгляд через край склона и увидел, что Лауэр и Роане приблизились метров на десять. Он опустил руки и уперся в камень левым плечом. Затем использовал правую ногу, чтобы создать противовес массе камня, и резкая боль в бедре придала ему новые силы.

Он почувствовал, что камень стал наклоняться. Он слышал, как Лауэр и Роане карабкались вверх по склону, как звякнул о камень металлический предмет, и понял, что они сейчас находятся прямо под ним. Он испугался, что будет слишком поздно, и это придало ему еще больше сил, которые были необходимы, чтобы сдвинуть камень с места. Камень высотой в рост человека сдвинулся с места, скользнул к краю склона, перевалился через край, перевернулся и с грохотом полетел вниз. Гюнтер Челлиж упал на песок. Он услышал дикий крик ужаса, оперся на руки и пополз вперед, к краю склона.

Далеко внизу он увидел подпрыгивающий камень, катящийся в долину и волокущий за собой облако пыли. На половине высоты склона среди коричневых камней были видны два темно-синих пятна: Лауэр и Роане. Камень задел их и проволок за собой пару сотен метров вниз.

Но микроком, который Лауэр выронил в мгновение смертельного ужаса, лежал всего лишь в паре метрах вниз по склону.

Челлиж пополз вниз, не обращая внимания на солнце, которое теперь сияло над ним в полную силу. Казалось, прошли часы, прежде чем он добрался до этого небольшого прибора. Он увидел, что тот был включен, и слышал, как знакомый голос сказал:

— ...что мы можем предложить вам, Лауэр: безнаказанность и свободную жизнь на Земле. Но вы не должны больше покидать Землю. Я жду вашего ответа, Лауэр. Это мое последнее предложение.

Челлиж улыбнулся, и слезы побежали по его лицу. Он глубоко вдохнул воздух — жгучий, опаляющий воздух Тантала — и произнес в микрофон:

— Это... старший лейтенант Челлиж, сэр. Я думаю... опасность

устранена... Будет очень любезно... если вы теперь... сможете подобрать меня...

Потом он упал лицом вниз и лбом выключил микроком.

* * *

Этот разговор Перри Родан вел с арконидом Атланом получасом позже на борту «Друзуса» после того, как арконидский киберфлот давно уже отступил и робот-регент признал свое двойное поражение. Блеф с Латин-Оор и тот факт, что Перри Родан прибыл на Тантал раньше него, принудили его к этому.

— Мы в любое мгновение должны рассчитывать на то, что подобные случаи могут быть и в дальнейшем,— задумчиво произнес Перри Родан.— Ты знаешь, как это бывает, лорд-адмирал: плохой пример заразителен... даже тогда, когда все кончается неудачей.

Атлан согласился.

— Я удивляюсь,— произнес он,— что тебе вообще удалось так долго сохранять эту тайну. Ведь каждому, кто хочет безбедной жизни, достаточно только сесть в «Газель» и отправиться на Аркон. Я уверен, что мой справедливый господин и император,— лицо его скривилось в насмешке,— выразит ему благодарность звонкой монетой. Он запрограммирован достаточно по-человечески. Впрочем, почему Саттни не отправился прямо на Аркон или, по крайней мере, к Латин-Оору? Это было бы наиболее безопасно, не так ли?

Перри Родан покачал головой.

— Ни в коем случае. До Аркона нужно преодолеть расстояние более тридцати тысяч световых лет. «Газель» не может покрыть его за один прыжок. Вероятно, Саттни боялся риска. Ты же знаешь: *один* прыжок — это *один* шанс быть обнаруженным. *Пять* прыжков — это *пять* шансов. Саттни хорошо знал, что он не может положиться на Челлижа. Любая секунда свободы у Челлижа означает для них увеличение риска.

И Латин-Оор тоже совершенно не подходила им. Там находился киберфлот. Первое, что он сделал бы, если бы там неожиданно появилась нежданная земная «Газель»,— это уничтожил бы ее.

Нет, для них лучше всего было лететь к неизвестной системе и связаться оттуда с арконидами. Там у них было время подготовиться ко всему этому. Когда Саттни передавал сообщение по гиперсвязи, он рассчитывал на то, что в радиусе ста световых лет нет ни одного земного корабля. Арконидский же флот, как ему было известно, находился всего лишь в шестнадцати световых годах оттуда. Это составляло огромную разницу в точности пеленгации. Саттни ведь не знал, что мы уже давно засекли их, потому что поглотитель энергетических частот был отключен.

Атлан встал, повернулся в сторону и посмотрел на экран.

— И, кроме того,— тихо сказал он,— ты должен быть благодарен своему старшему лейтенанту. Без него...

— Какому старшему лейтенанту? — с наигранным удивлением прервал его Родан.

— Я имею в виду Челлижа. Какой же еще старший лейтенант сыграл такую роль в этой истории?

— А, Челлиж,— произнес Родан.— Он капитан... хотя он еще не знает об этом.

* * *

Уолтер Саттни и Ронсон Лауэр были мертвы. Оливера Роане судьба пощадила: когда его нашли, оказалось, что он всего лишь потерял сознание. Камень только раздавил его правую ногу. Ее пришлось ампутировать, но Роане остался жив, чтобы принять участие в процессе, который должен был состояться на Земле.

Гюнтер Челлиж тоже был почти мертв. Врачи на борту «Друзуса» никогда еще не сталкивались с таким случаем почти полного истощения.

Потребовалось три дня, чтобы Гюнтер Челлиж снова пришел в себя. За это время «Друзус» давно уже вернулся на Серое Чудовище.

Проснувшись, Челлиж увидел, повернув голову в сторону, в кровати возле себя лицо, выступающее из подушек. Оно показалось ему знакомым.

— О'Муллон! — слабо пробормотал он.— Как ты попал сюда? Ты тоже был на Тантале?

О'Муллон засмеялся.

— Нет. Для этого я слишком слаб. Но они рассказали мне, что ты своими действиями на этой Тантале заслужил Голубую Комету. Капитан, примите мои сердечные поздравления!

* * *

Пятнадцатого октября 2042 года «Террания Дейли ньюс» в завершение своих исчерпывающих репортажей о событиях в секторе Тантала, сообщила:

«Еще раз доказано, что существуют разные виды сообщений. Настоящий журналист не будет, не задумываясь, представлять общественности всю информацию, которая к нему поступает. Он рассортирует ее по важности содержащихся в ней сведений и по ее предполагаемому воздействию на общественность. Прежде всего, он

не будет передавать сообщения, которые служат только для того, чтобы возбудить общественность и чтобы придать этим сообщениям серьезность; говорить, что они получены из «достоверных источников». Этими достоверными источниками являются люди, удобно устроившиеся в своих маленьких кабинетах рядом или над редакцией и высасывающие сообщения из своих карандашей, шариковых ручек и тому подобных приборов.

Именно тот случай, о котором мы недавно сообщали, дает представление о деятельности такого «журналиста», который хочет сделать сенсацию из того или иного сообщения. Мы же, как и раньше, против такого вида подачи информации и противопоставляем ему тщательный, ответственный подход к этому наших журналистов».

* * *

В Террании ожидали, что «Террания таймс» после этой статьи ясно и недвусмысленно выскажет свое мнение о последних событиях.

Но «Террания таймс», никак не отреагировав на это, перешла к другим событиям дня.

ИДОЛ ПАССЫ

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

НАЙК КВИНТО — шеф, вызванный к жизни Интеркосмической службой развернутой Социальной Помощи

РОН ЛЭНДРИ И ЛАРРИ РЭНДЕЛЛ — два офицера из отдела Найка Квинто

ЛОФТИ ПАТТЕРСОН — старый поселенец-землянин, который лучше любого знает планету Пасса

АИАА-ОООИ — его вид внушает ужас

В конце двадцать первого века — начале двадцать второго для человечества началась новая эпоха.

Арконид Атлан при поддержке человечества удалось утвердиться в качестве императора — союз между Арконом и Солнечной империей принес свои плоды. Особенно для землян, многие из которых уже сами заняли ключевые позиции на Арконе.

Атлан вынужден терпеть это, потому что он не может положиться на большинство своих подданных.

Солнечная империя стала самой значительной торговой и военной силой на окраине Млечного Пути. В течение двадцати двух лет не иссякает поток переселенцев на подходящие для освоения миры.

Кроме того, на многих населенных другими разумными существами планетах существуют земные посольства и торговые миссии.

Несмотря на это, положение отнюдь не блестящее, потому что из тайных источников становится известно, что в Млечном Пути есть сила, не испытывающая симпатии ни к арконидам, ни к землянам: это акониане из Голубой системы, которые уже дважды наносили неожиданные удары.

Но в Галактике есть еще одна сила, которая рассматривает быстро прогрессирующих землян как своих противников. Это доказывает таинственное происшествие на планете Пасса, которая заставляет Третий отдел тайной разведки разработать план...

1

АИАА-ОООИ, ТЫ ПОВЕЛИТЕЛЬ, И МЫ СЛАВИМ ТВОЕ ИМЯ, МЫ ПОВИНУЕМСЯ ТВОЕЙ ВОЛЕ, АИАА-ОООИ, ПОВЕЛИТЕЛЬ!

Энди Левье вспомнил, что два часа назад на этом месте не было еще никакого дерева. Но теперь оно здесь было, более пяти метров высотой, со стволом, который утоньшался книзу.

Энди осмотрелся. Это был странный час сумерек, промежуток между заходом красного солнца и восходом голубого, когда небо окрашивается в коричневые и фиолетовые тона, а над горизонтом на западе образуются большие красные, а на востоке маленькие голубые врата.

Местность была темной и молчаливой, за исключением своеобразных звуков, доносившихся из-за стеклянной стены, в которые Энди вслушивался так пристально потому, что они без всякого сомнения доказывали, что величайшее приключение в его жизни стало действительностью: что он покинул Землю и живет на чужой, невыразимо чужой планете.

В сумерках маленький домик казался огромной черной глыбой, которая прижалась к теплой земле и, казалось, была готова к прыжку, ожидая чего-то. Энди тогда удивился странному впечатлению, которое производил на него дом. В полутьме вечера он казался мирным и распространяющим вокруг себя спокойствие. Потом Энди снова подумал о том, что было неправильно ожидать от своего дома мира и спокойствия, когда он сам наполнил его беспокойством и жаждой действия.

Нет, дом был таким, как надо.

На коричневом небе вспыхнула маленькая яркая искорка. Энди смотрел на нее, на то, как она поднимается вверх, двигаясь все быстрее и становясь все ярче. Затем он увидел, как она внезапно погасла, а мгновением позже над равниной прокатился громовой гул стартующего космического корабля.

Энди втянул в себя тяжелый аромат равнины и подумал о городе Модесса, возле которого находился большой космопорт. Нет, он не хотел жить в Модессе, не хотел, чтобы город окружал его. Он был удовлетворен тем местом, где он находился и которое было удалено от Модессы на пятьсот километров. Другие называли Энди глупцом, но он предпочитал быть глупцом, чем подолгу жить в большом городе, где не было даже ощущения, что находишься в чужом мире.

Он отвлекся от этих мыслей и вернулся к тому, что произошло сегодня. Такого, по крайней мере, никогда еще не случалось. Эвер-

грины не пришли, чтобы отдать свои шкуры. Это значило, что на главную площадь пришло только восемь из них, а обычно их каждый день бывало по меньшей мере раз в десять больше. Энди не мог припомнить ничего подобного. За шкуры с Пассы он получал твердый заработок всего за полдня работы. И он получит свои деньги независимо от того, принесут эвергрины свои шкуры или нет. Нет, что-то было не так. Он только удивился.

Наконец он снова подумал о дереве, которого еще два часа назад здесь не было. Он подошел к нему поближе. Но в темноте не смог различить никаких подробностей. Он поостерегся прогонять эту штуку. Он знал, что может произойти на Пассе с неопытными людьми, когда они касаются чего-нибудь, о чем не знают наверняка, что это безопасно. В сущности, он не сомневался, что на Пассе за два часа может вырасти толстое пятиметровое, лишенное ветвей, дерево. Здесь уже были всякие чудеса. Теперь... хотелось бы ему знать, что это такое было.

Он повернулся, чтобы достать из кармана фонарик. В это мгновение дерево пришло в движение.

Оно просто нагнулось вперед. Энди услышал над собой шорох и мгновенно обернулся. Но это ему не помогло. То, что он считал деревом, со шлепком упало на него, бросило его вниз и прижало к земле.

Страх лишь на полсекунды парализовал Энди. Потом он дико уперся в навалившееся на него тяжелое дерево. На гладкой поверхности ствола не было никакой зацепки для рук. Они соскользнули, и дерево, несмотря на сопротивление Энди, увеличило свое давление.

Энди больше не мог вдохнуть воздух. Казалось, что маленькие огненные палочки болезненно барабанят о ребра, а в ушах дико звенят колокольчики. Энди внезапно понял, что ему никогда не удастся освободиться из-под этой убийственной тяжести. Он также понял, что́ лежало на нем и что против этой неотвратимой беды нет никакого способа защиты.

Он закричал. Но здесь не было никого, кто мог бы услышать его.

Сознание Энди исчезало в ярком, сверкающем, трещащем фейерверке, вспыхнувшем перед его глазами.

* * *

Найк Квинто выглядел так, словно он не имел представления ни о чем. Он стоял, словно пораженный громом, и, вероятно, первое, что он собирался сказать, было то, что его так поразило.

В этом не было ничего странного. Полковник Квинто был малень-

ким, полным мужчиной с одутловатым красным лицом, на котором даже в самое холодное время всегда проступала пара капелек пота. Над пухлыми губами находился маленький нос, а над носом были два маленьких глаза; его узкий лоб делила надвое растрепанная прядь бесцветных светлых волос. Полковник Квинто еще ни разу в жизни не вызвал ни у кого даже следов симпатии.

Рон Лэндри и Ларри Рэнделл ждали, пока за ними закроется дверь. Потом они отдали честь с точностью, сильно контрастирующей с их неряшливой летней гражданской одеждой.

— Праведное небо! — воскликнул Найк Квинто высоким напряженным голосом.— Я же сказал, что мне нужны два наших самых способных человека. А теперь приходите вы! Боже мой, кажется, весь мир отказывается предоставить мне как можно быстрее то, что мне совершенно необходимо! Что мне с вами делать? Ну ладно, раз уж вы тут. Садитесь! Вы прокручивали ленты? Боже мой, да не будьте же так скучны! Скажите же что-нибудь: да или нет?

— Да,— спокойно ответил Рон Лэндри.

— Что да?

— Да, сэр, мы прослушивали ленты.

— Ага. Ну и что?

Рон Лэндри откашлялся и украдкой бросил взгляд на Ларри, сидевшего рядом с ним. Найк Квинто стоял за своим письменным столом и буквально жаждал ответа.

— Мы не уверены, сэр,— осторожно начал Рон,— не сыграл ли здесь кто-нибудь скверную шутку.

Несколько мгновений казалось, что Найк Квинто вот-вот подпрыгнет вверх. Он обеими руками провел по волосам, откинул голову назад и уставился в потолок. При этом он испустил такой вздох, словно ему пришлось отказаться от давно лелеемой драгоценной надежды, и наконец произнес:

— Кто-то позволил себе скверную шутку? Со мной? Лэндри, вы действительно вбили гвоздь в мой гроб? С каждым словом, которое вы произносите, мое кровяное давление поднимается на один процент! — Он схватился руками за голову и посмотрел на Лэндри.— Вы действительно думаете, что кто-то может позволить себе сыграть со мной скверную шутку?

Рон Лэндри подумал, что он знает по крайней мере пару человек, которые охотно сделали бы это. Имело бы это успех — это был уже другой вопрос. Он ответил:

— Сэр, пожалуйста, вспомните, какие задания выполняет наш отдел. Мы созданы для выполнения заданий определенного рода. Извините меня за мою глупость... но я при всем своем желании не могу себе представить, что могут искать два специалиста на планете джунглей, на которой туземцы два дня назад принесли только четыре или пять шкур вместо обычных восьмидесяти. Я...

— Ни слова больше! — фыркнул Найк Квинто.— Вот последнее сообщение.

Рон Лэндри махнул рукой.

— Ну, хорошо, вы больше не получаете этих шкур. Что делают из них? Парфюмерию и ароматные изделия из кожи для всевозможных целей. Можно ли из них построить космический корабль? Нет. Можно ли их использовать для создания энергетического экрана? Нет. Можно ли из них изготовить какое-нибудь секретное снадобье? Нет. Итак: почему же мы должны беспокоиться о таких пустяках?

Найк Квинто наконец сел. На его лице была напряженная улыбка.

— Со мной так и так покончено,— заявил он.— С моим высоким давлением ничто больше не сможет удержать меня на ногах. Я должен разговаривать с вами спокойно, Лэндри. Может быть, мир для вас кончается на кораблях с пушками и чудесных лекарствах, а? Вы вообще ничего не хотите слышать о том, что Земля ведет ожесточенную тотальную войну против шпрингеров, которые думают, что их любимый бог создал торговлю только для них. И вам совершенно безразлично, что на одном из миров, на который претендует Земля, внезапно начинают происходить таинственные вещи, которые мгновенно сводят к нулю всю пользу, которую этот мир приносит в хозяйство Земли. Что это за вклад? Хорошие шкуры. Можно ли из них делать космические корабли? Нет. Пушки? Нет. Снадобья? Нет. Следовательно, это нас не касается. Поселенцы на этой планете? О, да. Четырнадцать миллионов? Черт побери, об этом я и не подумал. Что... Десять тысяч из них уже убиты таинственным образом или исчезли в отравленных лесах? Ну так что! Но из мертвых поселенцев тоже ничего нельзя сделать, а? Ни космических кораблей, ни снадобий, ни...

Рон Лэндри резко выпрямился в кресле.

— Об этом мы ничего не знали, сэр! — выдохнул он.— Этого же нет на лентах!

Найк Квинто махнул рукой.

— Все равно. Именно поэтому я и вызвал вас сюда. Теперь вы отправитесь в соседнее помещение и выслушаете то, что вам там скажут. Вы все хорошенько запомните, а завтра утром, в семь часов сорок пять минут по земному времени, отправитесь на Пассу на рейсовом грузопассажирском судне линии Пассы. Понятно?

Рон и Лэндри поднялись. Они не видели, что Найк Квинто коснулся переключателя на своем столе; когда они повернулись, дверь в соседнее помещение была уже открыта. В сумеречном красном свете они увидели ряд удобных мягких кресел и большой экран гипнопроектора.

— Впрочем,— снова начал полковник Квинто,— вы представ-

ляете себе, какой доход ежегодно приносят фирмы, находящиеся на Пассе?

Рон остановился и оглянулся на Квинто.

— Тогда я скажу вам это: пятнадцать миллиардов соляров. Этого достаточно, чтобы построить пятьсот тяжелых крейсеров Солнечного флота.

* * *

Пасса была планетой двойной звезды Антарес, девятой по обычному счету. Планета эта была теплым кислородным миром, ненамного больше Земли, но с меньшей гравитацией. На Пассе существовала раса разумных туземцев. Они не были гуманоидами, и первые земляне, которые увидели их, испытали языческий страх, несмотря на свое великолепное оружие. Потому что туземцы Пассы были ни чем иным, как четверорукими змеями шестиметровой длины и отличались от земных змей не только тем, что были разумны, но и тем, что ходили выпрямившись. Точнее, они не ходили. Они держались, выпрямившись, на гибком, сильном хвосте и двигались странными прыжками, довольно быстро и элегантно. Руки служили им только для хватания или балансировки. Вверху змеиное тело заканчивалось круглой головой червя, и на этой голове был ряд дырообразных отверстий, о функциях которых у космобиологов были самые различные мнения. Земные поселенцы, которые вели на Пассе почти райскую жизнь, назвали этих змей эвергринами * из-за преобладающего зеленого цвета их кожи.

Эвергрины были не только местными разумными существами планеты Пасса, они были также поставщиками товара для торговли, который был довольно важен для Земли: копра Пассы. У эвергринов были свойства других змей. Они меняли кожу. Механизм смены кожи, частота, с которой это происходило, также были почти неизвестны. Однако было известно, что эвергрины могли поставить огромное количество этих шкур.

Шкуры эти обладали чудесным запахом и, кроме того, легко перерабатывались в кожаные изделия всех видов. За изделия из пассианской кожи на Земле и Арконе платили цену, равную цене золотых изделий того же веса. Парфюмерия Пассы высоко ценилась в любом известном дамском салоне.

Раса шпрингеров, родственников арконидов, беспокойных существ, которые на своих кораблях бороздили Галактику, жила только торговлей и была убеждена, что никто, кроме нее, не имеет права вести торговлю в крупных размерах, но ее убеждение было

---

* Эвергрин *(англ.)* — весь зеленый.

довольно быстро развеяно золотым дном, которое они обнаружили на Пассе. Эта раса попыталась включиться в дело. Однако земной флот, охраняющий Пассу, отогнал шпрингеров в их границы и дал понять, что ни один шпрингер — за исключением специально приглашенных — не был желанным на Пассе.

Развитие планеты-поставщика копры было направлено на мирные рельсы. Были созданы приборы, которые сделали возможным перевод состоящей почти из одних согласных речи эвергринов на английский и обратно. Эвергринов убедили собираться группами с определенным количеством особей в определенном месте и там обычным образом сбрасывать кожу. При сбрасывании кожи эвергрины цеплялись кончиками хвостов за ветви деревьев, и в результате энергичных движений тела старая кожа сбрасывалась через голову. Земляне позаботились о том, чтобы в местах сбора находилось достаточное количество подходящих деревьев, и они расплачивались с эвергринами за их товар предметами, которые выбирали сами змеи.

На протяжении года все было в порядке. Поселенцы разрабатывали Пассу, не притесняя туземцев. В этом не было никаких особых сложностей, потому что змеи жили в стеклянных зарослях, очень похожих на бамбуковые. Деревья были твердыми, как стекло, и почти лишенными ветвей. Они достигали тридцати метров в высоту, и их стволы были прозрачными. Поселенцы, напротив, селились на мирных травянистых равнинах, на берегах больших рек и на побережье моря. Они не имели с эвергринами никаких особо интенсивных связей, за исключением мест сбора. Хотя эвергрины понимали речь людей, они казались слишком робкими и скрытными, чтобы рассказывать о жизни в стеклянных лесах. Поэтому земляне и их соперники на Пассе не слишком много знали о том, как местные жители меняют кожу. Гармония на Пассе была более тесной, чем просто при совместном обитании.

Но недавно эта гармония была нарушена. Никто не знал, когда и почему. Эвергрины больше не появлялись в местах сбора. Они больше не доставляли шкур. Двое поселенцев, живших вдалеке от города, были найдены мертвыми поблизости от своих домов. Исчезло также огромное количество других поселенцев. А также исчезли почти все люди, которые отправились в стеклянные леса, чтобы самим забрать то, что им не приносили. Те немногие, кому удалось вернуться живыми и здоровыми, не проникали в леса слишком далеко. Они вернулись, так ничего и не найдя, потому что у них было слишком мало провианта (трудности были слишком велики) или еще почему-либо.

Предполагалось, что ко всему этому приложили свою руку шпрингеры. Ни у кого, кроме шпрингеров, не было достаточно оснований оказывать сопротивление землянам именно на малонаселенной планете Пасса. Потому что, хотя Пасса и приносила

пятнадцать миллиардов соляров в год, в конце концов она была далеко не тем объектом, в результате уничтожения которого можно было надеяться нанести противнику в лице Солнечной империи ощутимый вред или даже уничтожить его.

Шпрингеры, напротив, могли счесть это достаточно весомым аргументом и даже не быть заинтересованными в том, чтобы навредить Земле — или отодвинуть ее на задний план (они в конце концов шли к единой цели — лишь искали выгоду для себя).

Это предположение, хотя оно и было обосновано, тоже не давало разрешения загадки: каким образом шпрингеры могли повлиять на туземцев? Как они вообще попали на Пассу, так что их не заметили сторожевые корабли земного флота? Не могли же они всем своим флотом совершить посадку на Пассе. Самое большее, что могло просочиться через барьеры землян — это один или два корабля. Как могло хватить таких незначительных сил, чтобы переубедить население целой планеты и сделать озлобленными врагами тех, с кем день назад земляне еще успешно сотрудничали?

Это был больной вопрос, и множество вещей, может быть, даже существование колонии на Пассе, зависело от того, будет ли своевременно найден ответ на него.

* * *

Именно столько было известно майору Лэндри и лейтенанту Рэнделлу, когда они ранним утром седьмого октября две тысячи сто второго года поднялись на борт грузопассажирского судна «Ларамье», чтобы отправиться на Пассу. Они ни в коем случае не путешествовали инкогнито. Каждый на Земле и множество людей вне Солнечной империи знали Интеркосмическую службу социальной развернутой помощи и могли себе представить, что эта организация послала своих наблюдателей на Пассу, потому что Пасса, по определению Министерства колоний, не была высокоразвитой колонией. О том, что внутри Интеркосмической службы социальной развернутой помощи (ИССРП) был отдел номер три, который занимался чем угодно, только не содействием хозяйству малоразвитых колоний на других планетах, конечно, не знал никто. Никто также не знал, что Рон Лэндри и Ларри Рэнделл имели воинские звания и должности.

Рон Лэндри и Ларри Рэнделл были также великолепно информированы о круге своих задач, а также о том, что со времени основания колонии на Пассе — и особенно в последние недели и дни — разворачивалось там. Все это никогда больше не сотрется из их памяти, если только какие-нибудь непредвиденные события не заставят предпринять особые шаги. Потому что эта информация была

введена в их память при помощи ускоренного курса гипнопедии и теперь была глубоко запечатлена в их подсознании.

2

О, ЧУДЕСНЫЙ АИАА-ОООИ, НАШИ ТРУБЫ ИГРАЮТ В ТВОЮ ЧЕСТЬ, И МЫ ПРИНОСИМ ТЕБЕ ЖЕРТВЫ, КАКИХ МИР ЕЩЕ НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ СО ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ ЕГО ТОБОЙ, ВЕЛИКИЙ АИАА-ОООИ!

Фройд Коулмен почувствовал, что на него нахлынула досада. Не только досада, задумчиво поправился он, но и много работы. Но какая разница?

Плоский дом Фройда Коулмена находился на южном краю обширного посадочного поля. Все, кому нужно было уладить какие-либо формальности, прежде чем выйти с поля космопорта через таможню на территорию колонии планеты Пасса, должны были иметь дело с Фройдом Коулменом. Фройд обычно ограничивался тем, что выслушивал дело и передавал его дальше по своим каналам. Потому что, по его мнению, инспектор не должен детально заниматься всеми этими делами, вполне достаточно лишь общего взгляда.

Фройду Коулмену было сорок шесть лет. Находясь на службе, он растолстел, что было вызвано спокойствием его жизни до самого сорокалетия. Фройд с огромным достоинством носил свою лысину, окруженную венчиком рыжих волос, и большую часть рабочего дня проводил с таким же достоинством, смотря из большого окна наружу, на посадочное поле и подъездные пути, по которым двигались такси с пассажирами.

Он увидел в окно двух подходящих к зданию мужчин.

У них обоих не те фигуры, которые могли бы привлечь внимание Фройда. Его внимание привлекло то, что они все время осматривались, и серьезность, с которой они разговаривали друг с другом, убедила Фройда, что это приближается к нему его работа.

Он вздохнул, поднялся и надел свой форменный китель. Потому что по инструкции каждый служащий Солнечной империи во время службы должен носить полную форму — и это была инструкция, которую Фройд успешно обходил во время своей службы девяносто девять часов из ста.

Однако он знал, при каких посетителях нужно вспомнить о правилах.

* * *

— У вас затруднения?

«Как он это сказал,— подумал Фройд.— Словно выстрелил из пистолета».

Это были первые слова, которые произнес высокий светловолосый чужак в ответ на его приветствие.

Фройд, вздохнув, кивнул.

— Можно сказать и так,— ответил он.— Это больше, чем мы можем вынести.

— Это значит?..

Фройд сделал большие глаза.

— Это значит, что мы потеряли около десяти тысяч человек. Это, как мне кажется, больше, чем мы можем себе позволить.

— С чем вы связываете эти события? — спросил блондин, назвавший себя Роном Лэндри.

— С туземцами,— мгновенно ответил Фройд.

Лэндри улыбнулся.

— Да, все ясно. Но почему туземцы внезапно повели себя так странно?

Фройд осел в кресле и пожал плечами.

— Я этого не знаю,— ответил он.

«Чего, собственно, хотят эти двое? — спросил он сам себя.— Оказать помощь в развитии или чего-то еще?»

Светловолосый внезапно сменил тему.

— Вы высший государственный служащий города Модессы, мистер Коулмен, не так ли?

— Да,— просто ответил тот.

— Это не инквизиция,— улыбаясь, сказал Лэндри.— Нам хотелось бы знать, какие меры вы приняли до сих пор, чтобы успокоить народ и защитить поселенцев?

Фройд скривил лицо.

— У вас великолепная манера задавать вопросы. Но я сначала отвечу на второй вопрос: я приказал всем живущим отдельно поселенцам переселиться в города. Города безопасны, люди исчезают только в сельской местности. Модесса — не город для туристов. Здесь есть только два отеля. У нас нет коек для беженцев. Мы разместили их в церквях и кегельбанах, и постепенно прибывает продовольствие и снаряжение с Земли, Надеюсь, что «Ларамье» тоже что-нибудь привез с собой. Поселенцы, конечно, подчинились моему приказу после того, как увидели, что происходит снаружи. Модесса в нормальных условиях — город с трехсоттысячным населением, а теперь там от семисот до восьмисот тысяч человек. Но вся окружающая местность пуста, и нам теперь по крайней мере не надо беспокоиться за жизнь людей.

Что же касается первого вопроса, то я вчера отправил экспедицию, которая разыщет туземцев в стеклянных лесах и все у них выяснит. Если эвергрины не дадут нам объяснений, мы поступим с ними так же, как они до сих пор поступали с нами.

Когда Фройд упомянул о карательной экспедиции, оба чужака подскочили. Лэндри тотчас же спросил:

— Ваши люди уже добрались до цели?

Фройд сердито усмехнулся.

— Нет еще, конечно, нет. Они отправились на глайдерах. Глайдер летит над открытой местностью со скоростью сто километров в час. Стеклянные леса находятся на расстоянии около пятисот километров отсюда, край их называется краем леса. Итак, люди вчера вечером разбили лагерь на краю леса, а сегодня утром попытались проложить себе путь. Вещество, из которого состоят эти стеклянные деревья, настолько твердо и вязко, что даже термобластеру требуется несколько мгновений, чтобы размягчить его. Я думаю, что люди продвигаются вперед со скоростью не более трех километров в час... а эвергрины, конечно, не так глупы, чтобы прятаться на краю леса. Они живут далеко в его глубине.

Лэндри кивнул.

Потом он будто случайно сунул руку в карман пиджака. Фройд не обратил на это внимания. Он заметил это только тогда, когда в руке Лэндри что-то блеснуло. Он мигнул и присмотрелся внимательнее.

Это было для него шоком.

Он знал все жетоны, которые существовали на свете. Он знал их все, от простых зеленых жетонов хозяйственной полиции, красных галактической криминальной полиции, до серебристых военной службы безопасности. На всех них было одно и то же изображение: маленький земной шар, а под ним две буквы: С и Л. Цвет жетона означал размер помощи, которую его владелец мог ожидать от властей.

Серебро было высшим из того, что Фройд видел когда-либо в своей жизни.

Он никогда по-настоящему не верил, что существуют фиолетовые жетоны, которые намного превосходят по рангу серебристые. До сих пор.

То, что Лэндри держал в руке, было именно фиолетовым жетоном.

— Вы видите это, Коулмен,— серьезно сказал он,— эту вот штуку? — После этого жетон снова исчез в его кармане.— Я, конечно, могу дать вам его для проверки. Но, прежде всего, отзовите назад вашу экспедицию! Она должна вернуться как можно быстрее и снова прибыть в Модессу.

* * *

— Это он,— сказал Фройд и указал в чад.

Рону Лэндри пришло в голову, что никто не может ожидать найти на одном из этих «новых» миров пивную, которая носит в себе запах и следы столетий. Но здесь, несомненно, была такая.

Рон Лэндри и Ларри Рэнделл в сопровождении Фройда Коулмена посетили ее после того, как Фройд после второй их беседы в кабинете офицеров земного флота получил заверение, что существует человек, который знает стеклянные леса лучше всех, и что его, скорее всего, можно найти в этом шинке.

Лофти Паттерсон, для Рона и Ларри пока что маленькая худая фигурка в чаду и шуме, был лучшим знатоком планеты, единственным выжившим из первой группы поселенцев, которые высадились на Пассе пятьдесят четыре года тому назад.

Рон приглашающе махнул рукой. Фройд шагнул в чад, а Рон и Ларри остановились около двери. Рон увидел, как Фройд похлопал по плечу пожилого человека и заговорил с ним. Лофти пару раз кивнул, и Фройд, наконец, указал на дверь. Потом они оба подошли.

Рон открыл дверь и выпустил Лофти. Он секунду изучал его, когда тот проходил мимо. У Лофти было веселое, хитрое лицо с тысячами морщинок. Его маленькие глазки довольно блестели, руки были засунуты глубоко в карманы, а его костюму, наверное, было столько же лет, сколько и самому Лофти. Лофти, по оценке Рона, было шестьдесят — шестьдесят пять лет. Он, должно быть, был еще маленьким мальчиком, когда прибыл на Пассу.

Он остановились снаружи. Машина, которую городские власти предоставили в распоряжение Рона и Ларри, была припаркована у тротуара.

— Фройд рассказал мне о вас,— начал Лофти голосом, который великолепно подходил к его внешности.— Это делает вас достойным доверия. Итак... что случилось?

— Нам нужно где-нибудь побеседовать,— дружески ответил ему Рон.— Разве Фройд вам не сказал?

— Да, сказал, но...

— В кабинете майора Бушнелля, это вас устроит?

— О да,— заверил его Лофти.

* * *

— Почему вы не отправились с экспедицией?— был первый вопрос Рона Лэндри.

Кабинет майора Бушнелля был довольно большим неуютным помещением.

Майор Бушнелль, офицер земного флота на Пассе, сам при этом не присутствовал. Рон Лэндри сообщил ему, что это дело не входит в сферу его деятельности. Бушнель охотно предоставил свой кабинет для необходимых переговоров. Для Рона Лэндри особенно важным было то, что о каждом повреждении стен, а также о попытках установить подслушивающие устройства автоматически сообщалось в центральный пост наблюдения.

Лофти, казалось, чувствовал себя в этом окружении не особенно уютно. Прежде чем ответить, он огляделся, прищурив глаза.

— Потому что я знаю, что им не добиться никакого успеха.

— Разве вы не сказали им об этом?

— Сказал. Но они не захотели меня слушать. Они все время смеются надо мной. Они считают, что я слишком стар. Но с тех пор, как я высадился здесь, в стеклянных лесах не изменилось ничего.

Рон внимательно слушал его.

— Почему вы думаете, что эта экспедиция не добьется никакого успеха?

Лофти рассмеялся блеющим смехом.

— Очень просто! Прыгните в воду и попытайтесь уплыть от акулы. Что тогда произойдет?

— Ничего, Лофти. Это звучит убедительно. Вы имеете в виду, что стеклянные леса — родина аборигенов, они могут там передвигаться. А наши люди нет. Хорошо, это звучит разумно. Я поверю вам на слово. Почему же другие смеялись над вами?

— Остановимся на нашем примере,— продолжил Лофти.— Они думают, что акула нападет на них и у них будет шанс.

— Но это не так, да?

Лофти горячо закивал.

— Конечно. Эвергрины нападают только тогда, когда они полностью уверены в успехе. Я никогда еще в своей жизни не видел ни одного эвергрина, который пошел хотя бы на малейший риск. Даже в таком деле. И таким образом, если экспедиция покажется им слишком сильной, они просто позволят ей пройти по лесу, пока людей будет достаточно много, а потом позволят им снова вернуться домой.

Рон на некоторое время задумался над этим.

— Вы пойдете вместе с нами обоими в стеклянные леса, Лофти? — наконец спросил он.

Лофти уставился прямо перед собой, потом ответил:

— Вы кажетесь мне разумными. Да, я пойду с вами.

В это время Фройд Коулмен подскочил на месте. Он поднял левую руку, а правой указал на маленький аппаратик у себя на запястье. Рон кивнул. Он услышал тихое гудение вызова.

Фройд поднес левую руку ко рту и отозвался. Голос на другой стороне был таким слабым и нечетким, что Рон ничего не смог по-

нять. Но он увидел, что рот Фройда внезапно сжался, а на его лбу появились морщины.

Фройд произнес всего несколько слов. Человек на другом конце, очевидно, сообщил что-то очень важное. Наконец Фройд опустил руку и посмотрел на мужчин, стоявших перед ним.

— Эвергрины, кажется, сочли свое дело сравнительно безопасным,— громко произнес он.

— Что это значит? — резко спросил Рон.

— Это значит,— с трудом ответил Фройд,— что из ста двадцати человек, которых мы послали, в живых осталось только пятнадцать... и они, конечно, спешат вернуться в Модессу!

* * *

Эвергрины использовали один из самых простых методов. Они разделили экспедицию, сделав множество рядов следов, по каждому из которых последовала группа людей. И в конце концов каждый из десяти глайдеров, в каждом из которых было по двенадцать человек, был предоставлен самому себе.

Как сообщили оставшиеся в живых люди с одного из глайдеров, эвергрины обрушились на экипаж в то мгновение, когда машина опустилась и люди вышли из нее. Они не думали о нападении, и стволы их оружия поднялись вверх слишком поздно, чтобы внести существенные перемены в исход боя. В нападении участвовало около двухсот эвергринов.

Они с невообразимой скоростью устремились со всех сторон, хотя пилот, выискивая место для посадки, нигде не заметил никаких их признаков.

В суматохе кровавого боя трем членам экипажа удалось ускользнуть в чащу стеклянного леса.

Однако нападения эвергринов избежали не только уцелевшие с этого глайдера, но еще и полный экипаж другой машины, пилот которой был слишком осторожен, чтобы совершить посадку где-либо в лесу.

Трое ускользнувших несколько раз видели вдали этот глайдер, прежде чем он наконец появился достаточно близко, чтобы заметить их.

Глайдер опустился достаточно низко, и трое уставших людей смогли подняться вверх по тросу. Двое из них потеряли сознание, как только оказались в безопасности, а третий рассказал, как сумел, об ужасной судьбе своей группы.

Пилот последнего уцелевшего глайдера, должно быть, был весьма предусмотрительным человеком. Но он не воспринял это сообщение как повод для того, чтобы как можно быстрее покинуть лес

и укрыться в городе, хотя знал, что даже малейший дефект в двигателе сделает их беспомощными жертвами эвергринов; он прочесал лес в поисках других групп. Он уже в течение некоторого времени не мог установить связь ни с одной из них, и еще до того, как он подобрал трех уцелевших, у него зародилось подозрение, что все остальные глайдеры совершили посадку и экипажи покинули их, чтобы найти своих противников.

В течение шести часов он обнаружил в глубине стеклянного леса обломки девяти глайдеров.

Но как он и его команда ни напрягали зрение, они не видели нигде следов экипажей этих глайдеров.

Змеи, должно быть, забрали с собой всех, и живых, и мертвых. Зачем — этого никто не знал. Но, по крайней мере, еще существовала надежда, что удастся спасти тех, кто попал в руки эвергринов живым.

Только после этого последний уцелевший глайдер направился домой.

По пути было отправлено предварительное сообщение о неудаче экспедиции.

Первое, что сделал Рон Лэндри, это попытался воспрепятствовать распространению информации об этой неудаче. При этом он наткнулся на упорное сопротивление Фройда Коулмена. Фройд знал многих людей, которые участвовали в экспедиции и чьи семьи остались в городе.

Он подумал, что женщины и дети погибших и пропавших без вести не должны оставаться в неведении.

Рон Лэндри, напротив, считал, что сообщение о неудаче экспедиции еще больше усилит гнев поселенцев по отношению к эвергринам, а при подобных обстоятельствах у поселенцев будет повод отправить вторую карательную экспедицию, даже без одобрения властей.

— Этого не должно произойти ни в коем случае,— холодно произнес Рон.— Вы должны перенести потерю этих десяти тысяч человек, не поднимая слишком большого шума. Поселенцы перенесут потерю еще ста человек, не совершая никаких поспешных действий. Против эвергринов не должно быть отправлено больше никаких карательных экспедиций. Единственная экспедиция, которая позаботится обо всем этом, будет состоять из трех человек: Ларри, Лофти и меня!

Фройд, наконец, сдался. Он хотел уже было распорядиться подготовить все необходимое для экспедиции из трех человек. Но Рон просто и ясно сказал ему:

— Не нужно никаких приготовлений. Мы отправимся завтра рано утром, сразу же после восхода голубого солнца.

3

МЫ ВЫИГРАЛИ БОЛЬШУЮ БИТВУ В ТВОЮ ЧЕСТЬ, О ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ! МЫ ПРИНОСИМ ТЕБЕ ВЕЛИКУЮ ЖЕРТВУ, ЧТОБЫ ДОБИТЬСЯ ТВОЕЙ БЛАГОСКЛОННОСТИ, О ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ АИАА-ОООИ!

— Это дом Энди Левье,— печально сказал Лофти.— Бедный юноша. Он был одним из первых, на кого они напали.

Ларри остановил глайдер вплотную перед дверью низкого широкого дома. Рон выглянул из окна кабины.

— Довольно далеко от обжитых мест, да? — спросил он.— Там, внизу, начинается лес.

— Да,— пробормотал Лофти.— Я довольно часто предупреждал юношу. Но он не хотел ничего слушать. Он чувствовал себя здесь, в отдалении, хорошо и не верил, что с ним может что-то случиться.

— Вы его предупреждали? — спросил Рон.— Почему? Вы предполагали, что эвергрины могут взбунтоваться?

Лофти удивленно посмотрел на него.

— Нет, конечно, нет,— ответил он.— Но дело вот в чем: тот, кто живет снаружи один,— полностью находится во власти эвергринов. Их в лесу десятки тысяч, а может быть, и сотни. Или миллионы, и даже с самым совершенным оружием один-единственный человек не может долго выстоять против них. Ну, хорошо, эвергрины всегда были мирными и добрыми. Но все дело в том, что мы никогда не знали, как они мыслят. Мы не знаем, существует ли у них мораль и такая ли она, как наша, или нет. Мы не знаем, считают ли они нас друзьями, или врагами, или мы им совершенно безразличны. Мы, собственно, вообще ничего не знаем о них кроме того, что они приносят благовонные шкуры и время от времени сбрасывают с себя кожу. Нет ли риска в том, что отваживаешься находиться очень близко к ним? Это то, о чем я предупреждал Энди Левье!

Рон кивнул.

— Итак, его нашли мертвым? — спросил он.

— Да.

Рон некоторое время помолчал. Лофти охотно узнал бы, о чем тот думает, но за те полдня, которые он пробыл с этими людьми, он уже убедился, что задавать им вопросы совершенно бесполезно.

Ларри Рэнделл, который до сих пор молчал, уставившись на низкий дом, внезапно поднял голову.

— Да, они изменили свое отношение к нам на протяжении одного дня,— сказал он Рону.

— Это довольно странно. Хотелось бы мне знать, что они сделали с убитыми, которых утащили с собой.

— А меня также интересует,— добавил Ларри,— почему они изменили к нам свое отношение.

Рон внезапно улыбнулся.

— Лофти почти не оставил нам шансов когда-нибудь понять логику эвергринов,— ответил он Ларри.— Почему мы должны ломать голову над вопросом, ответ на который, может быть, заключается только в том, что эвергрины мыслят иначе, чем мы. А если это не так... мы, вероятно, так этого никогда и не узнаем.

Ларри пожал плечами и ничего больше не сказал.

— А что произошло с Энди? — спросил Рон.

— Соседи похоронили его,— ответил Лофти.— Его могила находится за домом.

— Нет никакого врачебного освидетельствования?

— Нет, откуда? На него упал, или, как мы поняли позже, напал эвергрин. Ясно были видны следы змеи. А грудь Энди... ну, да не будем больше говорить об этом. Я имею в виду, что не оставалось никакого сомнения в том, что он был действительно мертв.

Лофти нажал на одну из кнопок на подлокотнике, на который он опирался рукой. Одно из стекол бокового окна скользнуло вниз.

Рон повернулся в его сторону.

— Я, вероятно, покажусь вам смешным, Лофти,— сказал он,— но я не хочу, чтобы вы еще раз сделали это, не поставив меня в известность. Здесь, может быть, еще безопасно, но в лесу, возможно, наша жизнь будет зависеть от того, откроем мы окно или нет.

Лофти виновато посмотрел на него.

— Да, ясно,— неуверенно ответил он.— Вы совершенно правы. Я сам должен был подумать об этом. Может быть, это произошло потому, что я уже...

В это мгновение он вздрогнул. Он даже не обратил внимания на Рона. Повернув голову к окну, он на несколько мгновений застыл, словно парализованный, потом высунул голову из окна.

— Что случилось? — тихо спросил Рон.

— Один из них находится поблизости,— выдохнул Лофти.

— Один... что?

— Один из эвергринов,— прошептал Лофти.— Я чувствую его запах.

Он снова повернулся к окну.

— Там, внизу,— указал он.

Рон в первый раз пристально всмотрелся в блестящий край стеклянного леса. Голубое солнце теперь казалось ярко-белым и находилось почти в зените. Воздух дрожал над чащей своеобразных растений. Снаружи было жарко и царила мертвая тишина. Все звуки леса словно умерли.

Стволы отдельных деревьев в лесу достигали двухметровой толщины. Это были странные образования, частично пропускающие свет, частично отражающие его. Тому, кто пристально вглядывался в лес, он казался одним гигантским, пронизанным тысячами и тысячами трещин куском стекла, остро иззубренным по краям. На расстоянии было трудно разглядеть, что находится внутри леса. Множество отражений образовывало причудливый узор из света и полутеней. Глаза переставали видеть отдельные предметы, если долго всматриваться в эту стеклянную путаницу.

Воздух снаружи был полон множества запахов, и большинство из них были приятными. Рон не мог решить, какие их компоненты принадлежали эвергринам, которых учуял Лофти. На Земле он знал запах кожи с Пассы; но его невозможно было различить здесь, где он смешивался со множеством других запахов.

Рон скользнул взглядом вдоль края леса и попытался разглядеть, где же находится эвергрин. Но не увидел ничего — ни тени, ни движения. Несмотря на это, его не покидало напряжение, которое в нем нарастало. Он нащупал оружие, которое было при нем на поясе.

Лофти все еще сидел неподвижно.

Ларри сделал вид, что все это его совершенно не касается. Он устремил взгляд на пульт управления и положил руку на рычаг.

Проходили минуты.

Внезапно Лофти поспешно отодвинулся от окна.

— Теперь он идет,— прошептал он.— Смотрите направо, мимо дома, и вы сможете увидеть его.

Он освободил Рону место у открытого окна. Рон, полный лихорадочного волнения, уставился в указанном направлении. Он устремил взгляд на мерцающую поверхность стеклянного леса и попытался что-нибудь увидеть. Но чем больше он напрягал зрение, тем больше расплывалась картина перед его глазами, и он видел одно лишь сплошное мерцание, в котором больше не мог различить никаких подробностей.

Рон на секунду закрыл глаза, чтобы снова восстановить зрение. Сразу же после этого он раскаялся в содеянном. Потому что, когда он снова открыл глаза, эвергрин уже стоял перед стеклянной стеной леса, высоко выпрямившись, расставив для баланса все свои четыре конечности...

Рон уставился на него. По его спине поползли мурашки. Он увидел массивную круглую голову червя с темными вздрагивающими отверстиями, которые венчали эту голову. Под ней он увидел гибкое, переливающееся змеиное тело, кожа которого отсвечивала металлической зеленью, усеянная яркими пятнами красного, желтого и голубого цветов. Его конечности были неподвижны. Четыре тонких длинных пальца, которыми заканчивалась каждая конечность, были широко расставлены.

Тело наклонилось вперед и вниз. Но даже там, где оно покоилось на грунте, опираясь на длинный, тонкий конец, оно было таким же великолепно пестрым, как и наверху.

И теперь Рон тоже почувствовал этот неописуемый запах, исходящий от чужого существа, аромат, равного которому Галактика еще не знала.

Теперь, когда противник появился, к Рону вернулось холодное спокойствие. Рука его скользнула на пояс и вытащила оружие. Осторожно, чтобы не напугать эвергрина резким движением, Рон положил ствол на край окна, нагнулся и тщательно прицелился.

Лофти позади него озабоченно и испуганно вздохнул. Рон нажал на курок. На долю секунды оружие громко загудело. Но не было видно никакого огненного луча, а эвергрин внизу не повернулся к краю леса. Лофти громко хрюкнул от ужаса.

Рон снова выпрямился.

— Порядок, Ларри,— тихо сказал он.— Осмотрись! Мы некоторое время побудем здесь.

В это мгновение эвергрин двинулся с места. Его длинное могучее тело метровой толщины внезапно взметнулось вверх и, когда оно снова опустилось, приняв удар на тонкий, эластичный конец хвоста, оно оказалось на три метра ближе. А затем тотчас же совершило второй прыжок. Лофти рванулся с места.

— Да стреляйте же! — крикнул он.— Возьмите другое оружие! Он убьет нас!

Рон, не поворачиваясь, взял его за плечо и подтолкнул ближе к окну.

— Только спокойнее,— сказал он.— Ничего не случится.— Он почувствовал, что Лофти дрожит. Тем временем Ларри Рэнделл покинул свое место за пультом управления и придвинулся к окну. Он с интересом следил за элегантными прыжками, которыми приближался эвергрин.

Он приблизился к глайдеру метров на пять. Потом его тело над верхней парой рук внезапно согнулось. Более чем две трети змеиного туловища свернулись кольцом на земле, однако остальная часть, неподвижно замерев, поднималась вверх, и пара вздрагивающих темных отверстий на шарообразной голове чужого существа была направлена на глайдер.

— Боже мой,— произнес Лофти.— Оно расположилось так, словно хочет поговорить с нами! Как вы это сделали, Лэндри?

* * *

Рон откатил дверь в сторону. Он давно уже убрал назад, на пояс, оружие, которое, казалось, никогда не делало ни одного выстре-

ла. Он вышел из глайдера, подошел к эвергрину и остановился перед ним.

Лофти большими округлившимися глазами наблюдал за этой сценой.

— Он... он не должен этого делать,— заикаясь, произнес он.— Не хочет же он, чтобы...

Ларри Рэнделл тоже вышел. В правой руке он нес маленький прибор, к поверхности которого были прикреплены два крошечных микрофона. Лофти знал назначение этого прибора. Это был трансек, чудесный прибор, который мог выучить чужой язык в тысячу раз быстрее, чем самый способный к языкам человек.

Ларри выказывал к эвергрину так же мало уважения, как и к Рону Лэндри. Он поставил трансек на почву перед собой, вытащил оба микрофона из держателей и на длинном тонком проводе поднес один из них прямо к голове червя, а другой микрофон взял в руку.

Лофти от любопытства забыл о своем страхе и тоже выбрался из глайдера.

— Мы приветствуем тебя,— сказал Рон в микрофон.

Эвергрин издал гудящий, поющий звук. В него вплелся единственный чавкающий призвук — единственный согласный, содержащий ответ. Сразу же после этого включился динамик трансека и сообщил:

— О нет, не сегодня. Я скоро должен вернуться домой.

Рон уставился сначала на микрофон, потом на эвергрина.

— Мы рады будем снова встретиться здесь с тобой,— заверил он его.

И эвергрин высоким, поднимающимся и опадающим голосом-свистом и тремя щелкающими звуками в нем ответил:

— Если бы не было так дьявольски холодно, я сегодня получил бы хороший урожай.

Рон обернулся. Лофти рассмеялся.

— Чего же тут смешного? — гневно спросил Рон, выключив микрофон.— Что за глупости говорит этот парень?

Лофти фыркнул от удовольствия.

— Это их манера,— объяснил он.— У эвергринов существует обычай некоторое время говорить о совершенно неважных вещах, прежде чем перейти к сути дела. У них это считается вежливостью, и каждый говорит то, что ему придет на ум, и не слышит, что говорят другие.

На лбу Рона появились морщины.

— А как нам перейти к делу?

— Я бы не советовал вам делать это теперь,— сказал Лофти.— Он может счесть это очень невежливым. Вы скажите ему пару фраз или, лучше, три. А потом скажите: твоя глупая болтовня доставила мне удовольствие... И он тут же перейдет к делу.

Морщины на лбу Рона углубились.

— Лофти,— с угрозой сказал он,— если вы считаете меня дураком, тогда я вам покажу!

— В самом деле нет, сэр! — заверил его Лофти.— Это единственно возможное, что мы можем сделать.

Рон снова включил микрофон и поднес его ко рту.

— Обычно дома четырехугольны,— совершенно серьезно сообщил он,— но, конечно, их можно сделать и круглыми.

Эвергрин ответил:

— Да, и если я добавлю к этому еще пару листьев, тогда получится чудесный салат.

— Я только что вчера упал с неба,— объяснил Рон.

— Не спрашивайте меня,— ответил эвергрин.— Я уже больше трех лет не был на озере.

— Если бы не было гусениц,— снова начал Рон,— не было бы и маленьких бабочек.

После этого эвергрин заверил его:

— Самое противное — это гнилые деревья. Если к ним прислониться, они просто упадут.

Рон сосчитал. Он знал, что теперь сказал достаточно бессмыслицы, чтобы не показаться эвергрину невежливым.

— Твоя глупая болтовня доставила мне удовольствие,— сказал он, как научил его Лофти. И эвергрин ответил быстро и с готовностью:

— Твоя мне тоже, мой друг. Я охотно буду в твоем распоряжении.

— Почему вы нападаете на поселенцев и больше не приносите нам шкур? — спросил Рон, и по твердости его голоса было заметно, что он хочет добраться до цели как можно скорее.

— Пришел Великолепный,— ответил эвергрин,— который... сссст... Мы посвятили ему праздник. Он отдает нам приказы, и мы выполняем их.

Шипящий звук в центре предложения означал, что слово было непереводимо или то, что в человеческом языке для него не было эквивалента, а также то, что у трансека не хватало словарного запаса.

Рон задумался над тем, что могло значить это сссст.

— Откуда он пришел? — спросил он.

Эвергрин покачал головой.

— Как я могу знать, откуда пришел... сссст... Он всегда здесь и нигде. Если ему захочется, он на некоторое время появится где-нибудь.

— Как он выглядит?

— Могучим и великолепным. Его великолепие ослепляет наши глаза.

— Где он живет?

— Там, в лесу. По ту сторону гор... сссст... в пещерах... сссст... Мы поклоняемся ему там.

Рон с недоверием посмотрел на него. Чего стоят все их усилия, которые они приложили, если трансек не может перевести наиболее важные слова?

— Что вы делаете с пленными? — Рон сделал очередную попытку.

— Мы жертвуем их... сссст...— невозмутимо ответил эвергрин.

— А с мертвыми землянами?

— Мы показываем их ему, чтобы он узнал, что мы захватываем для него жертвы в бою.

По телу Рона пробежала дрожь.

— В каком направлении живет Великолепный? — закончил он допрос.

Эвергрин кивнул в сторону леса. Этим жестом он описал угол в тридцать градусов, по земным меркам на северо-восток, ближе к востоку.

— Может быть, там,— ответило чужое существо, и ответ этот был не хуже, чем то, что Рон слышал от него до этого.

Рон задолго до этого разговора составил каталог вопросов, которые он хотел задать первому же эвергрину, которого он встретит. Теперь же он задал только часть этих вопросов, но видел, что остальные он задать уже не сможет. Он упустил из виду две вещи: чуждый образ мышления эвергринов и тот факт, что поселенцы на Пассе никогда не старались получше изучить места обитания и обычаи местных жителей.

Так что он выразил эвергрину свою благодарность. А потом сказал кое-что, что повергло Лофти Паттерсона в глубокое удивление.

— Теперь ты будешь лежать здесь,— объяснил Рон чужому существу,— пока солнце не исчезнет за крышей дома. Потом ты встанешь и пойдешь туда, куда захочешь. Но ты забудешь о нашей встрече и о том, что я задавал тебе вопросы. И...

На этом месте он замолчал. Пару секунд казалось, что он хочет сказать еще что-то. Но потом он повернулся к Ларри и Лофти и произнес:

— Мы поедем дальше!

Ларри взял трансек и отнес его назад, на свое прежнее место. Он уже снова сидел за пультом управления машины, когда в глайдер забрался Лофти, пораженный и немного ошеломленный. Рон сел рядом с ним. Ларри поднял глайдер на высоту крыши, под которой еще пару дней назад жил Энди Левелье, и направил его в облет дома, к стеклянному лесу.

Лофти оглянулся назад. Внизу лежал эвергрин, отвесно подняв вверх первые два метра своего змеиного тела. Он не шевелился.

— Как вы это сделали, сэр? — внезапно вырвалось у Лофти.

Рон равнодушно пожал плечами.

— Земная техника располагает рядом возможностей,— ответил он.— И среди прочего такими, которые могут влиять на мысленную субстанцию и делать ее обладателя зависимым против его воли. Такое оружие называется психоизлучателем. Действие, которое оно оказывает, называется механогипнозом. Мы не были полностью уверены, по тому ли принципу, что и другие, функционирует чужеродный мозг эвергрина... но вы сами видите, мы убедились в этом. Когда этот парень там, внизу, примерно через час снова придет в себя, он полностью забудет о нашей беседе.

Лофти молча смотрел перед собой.

— Вы, кажется, хотели сказать ему в заключение что-то еще, не так ли? — тихо спросил он через некоторое время.— Вы закончили на «и».

Рон улыбнулся.

— Вы очень наблюдательны, Лофти. Да, я хотел еще сказать ему, чтобы он никогда больше в своей жизни не нападал и даже не касался ни одного землянина, не говоря уже о том, чтобы взять его в плен или убить.

— Это очень хорошая идея,— согласился Лофти.— Но почему вы этого не сказали раньше?

Рону понадобилось некоторое время, чтобы подыскать ответ.

— Ссссст — очень умное существо,— ответил он.— Оно выразит недоверие, если один из его подчиненных не будет участвовать в принесении ему в жертву землян. А такого недоверия мы должны избежать, пока это чудовище не окажется в наших руках.

4

НЕ СЕРДИСЬ НА НАС, О БЛАГОРОДНЫЙ. НЕСРАВНЕННЫЙ, ЖЕРТВ СТАЛО МЕНЬШЕ, И НАШИ ВОИНЫ ЕДВА ЛИ МОГУТ ЗАХВАТИТЬ БОЛЬШЕ. НЕ СЕРДИСЬ НА НАС, О БЛАГОРОДНЫЙ. МЫ ПОСТАРАЕМСЯ ПРИНЕСТИ ТЕБЕ ЕЩЕ ЖЕРТВ. ВЫТЕРПИ НАС, О НЕСРАВНЕННЫЙ АИАА-ОООИ!

Этот глайдер не был таким, как остальные. «Ларамье» доставил его с Земли, и когда он при помощи своих мощных генераторов создавал вокруг себя защитный экран, он был неуязвим, если только кто-нибудь не будет палить по нему из десяти корабельных орудий одновременно.

К заходу солнца маленькая экспедиция оставила позади себя границу леса и продвинулась более чем на триста километров.

Лофти доказал свою превосходную память тем, что сам рассказывал о малейших подробностях топографии прежде, чем их можно было увидеть из глайдера. При этом он уже больше десяти лет не видел леса изнутри, а именно в этой части местности он был в последний раз более двадцати лет назад.

— Теперь скоро должна появиться река,— сказал он, когда голубое солнце уже собиралось исчезнуть за стеклянистым горизонтом.— В направлении с северо-запада на юго-восток и не особенно широкая. В двух местах вершины деревьев, растущих по эту и по ту сторону реки, касаются друг друга над водой.

Рон удовлетворенно кивнул.

— Хорошо, мы совершим там посадку.

Лофти неуютно поерзал на своем сиденье.

— Вы совершенно уверены, что ваш защитный экран выдержит все, что на него обрушится, а?

— Да, конечно. Но почему вы это спрашиваете?

— Я имею в виду, что такие маленькие твари, как, например, клопы Пассы, не могут проникнуть вовнутрь?

Рон покачал головой.

— Ни одна молекула воздуха не проникнет внутрь, Лофти. Вас это успокоит?

— Да, конечно. Но все же иногда у меня появляется чувство, что вы не всегда верно можете оценить опасность, которая подстерегает нас здесь, в лесу. Здесь существует множество отвратительных животных. Многие из них так малы, что вы их и не заметите. До тех пор, пока они не заберутся вам под одежду и не начнут блуждать по телу. Тогда вам повезет, если своевременно найдется врач, который хоть немного разбирается в медицине Пассы. Иначе с вами будет покончено.

Рон ничего не ответил. Далеко впереди появилась вышеупомянутая река в виде темной линии на голубом фоне леса. Яркая белизна дня исчезла, бирюзовый шар висел низко над горизонтом, заливая все вокруг неверным светом. Но на противоположной стороне, где должна была подняться ночь, на небе появилось красное пятно, с каждой минутой становившееся все ярче и ярче, и игра красок приобрела новый оттенок. Это были первые признаки красного гигантского солнца, которое должно было взойти, когда голубое в ближайший час исчезнет за горизонтом.

Ларри поднял глайдер немного вверх, чтобы расширить поле обзора. Пару минут спустя река оказалась прямо под ними, тонкая лента, словно многократно уменьшенный червь, и вода ее была непроницаемо темной среди этого бирюзового великолепия.

В качестве места для посадки Рон выбрал маленький полуостров,

образованный изгибом реки. Ларри повел глайдер вниз по такой крутой дуге, что Лофти горячо запротестовал. В то мгновение, когда голубое солнце коснулось горизонта, заработал маленький термоизлучатель, которым был оснащен глайдер, пожирая все, что находилось в странной стеклянной растительности на полуострове, пока, наконец, не образовалось свободное место, на котором глайдер совершил посадку.

Первая забота Ларри после того, как он вышел из машины и встал на ноги, было защитное поле, которому он, совершенно очевидно, не совсем доверял. В теплом воздухе над рекой реяли тучи маленьких насекомых, и, когда в темноте пришлось включить лампу, они попытались добраться до источника света, как это свойственно почти всем насекомым. Лофти был полностью удовлетворен, когда увидел, что маленькие громко жужжащие насекомые в полете внезапно натыкались на что-то невидимое, некоторое время танцевали, словно пьяные, предпринимали новое наступление, но не дальше того места, где посреди воздуха находилось нечто невидимое и неосязаемое. Несмотря на это, он опустился на колени и недоверчиво ощупал невидимую стену.

— Хорошо,— похвалил Лофти,— Этот защитный экран действительно чудесное изобретение.

Тем временем Ларри занялся приготовлением ужина. Он открыл несколько банок с консервами, которые разогрелись сами собой и теперь распространяли призывный аромат.

Они ели много и спокойно. У берега их маленького полуострова шелестела и журчала вода реки, и воздух, все еще теплый, был полон мягкой коричневой полутьмы, так как голубое солнце уже исчезло, а красное еще только медленно появлялось.

Лес позади них и по ту сторону реки был наполнен странными звуками. Ларри вздрогнул и сглотнул, когда, по его мнению, не далее, чем в метре позади него, внезапно раздался громкий смех. Лофти веселыми, сверкающими глазами с удовольствием наблюдал за страхом своих необычных спутников, потом, наконец, объяснил:

— Это лесной смехач. Вы удивитесь, если увидите его. Он не больше моей ладони и выглядит так ужасно, словно Бог специально создал для этого такое существо, полулягушку-полусаранчу. Конечно, он издает звук не пастью. Он трет друг о друга передние лапки.

Через некоторое время воздух внезапно наполнился шелестящим грохотом, словно позади них, в лесу, низко над почвой пролетел древний реактивный самолет. По утверждению Лофти, это был не более чем боевой клич стеклянного буйвола, а стеклянный буйвол, как он объяснил, несмотря на свое воинственное название, по размерам не больше земного кролика.

Можно было часами разговаривать об этом, слушая звуки леса и объяснения Лофти, откуда они берутся.

До тех пор, пока внезапно не раздался барабанный бой.

Собственно, никто, кроме Лофти, не был в состоянии идентифицировать этот звук. Он начался низким гудением, словно где-то вдали зазвонил массивный колокол. Лофти внимательно прислушался к этому звуку. Ларри хотел что-то спросить, но старик быстрым движением руки призвал его к молчанию.

Гул нарастал. Потом тон его внезапно изменился, и теперь он звучал немного выше. Скоро он снова понизился, но не до первоначальной высоты. Так продолжалось и дальше. Звук менял силу и тон через неравные промежутки времени.

Внимание Лофти все еще было безраздельно поглощено этим странным звуком.

Звук наконец прекратился, но только затем, чтобы через некоторое время возникнуть снова, только на этот раз он был гораздо тише, словно доносился с большого расстояния.

Лофти готов был объяснить, что это такое.

— Эвергрины подают сигнал,— сказал он голосом, в котором слышалось возбуждение.— Они используют для этого нечто вроде барабанов. На самом деле это длинные, высокие стеклянные стволы, лежащие на подставках.

— Я немного понимаю их барабанный язык,— продолжал Лофти.— Различные понятия они выражают при помощи звуков различной силы и тона. Конечно, это примитивный язык. При его помощи нельзя сказать многого. Но для эвергринов этого достаточно.

Рон кивнул.

— Ну, хорошо, Лофти. Что же вы поняли?

Лофти почесал затылок.

— Если бы я не слышал этого собственными ушами, если бы мне рассказал это кто-то другой, я счел бы его сумасшедшим. Но эвергрины, кажется, действительно нашли себе какого-то идола, которому они поклоняются где-то далеко в глубине леса. Барабаны говорят, что идол не потерял терпения и продолжает ждать. Но они должны постараться принести ему как можно больше жертв.

Рон и Ларри были не особенно удивлены.

— У него есть имя? — спросил Рон.

— Этого я не могу сказать,— ответил Лофти.— Этот барабанный язык отличается от того, на котором обычно говорят эвергрины. То, что, к примеру, значит юууухи, здесь обозначается каким-то другим тоном звука. Можно уловить понятия, но не слова.

— Ага, я понимаю,— задумчиво сказал Рон.— Барабанный язык не имеет никакого отношения к фонетике повседневного языка.

— Может быть, так оно и есть,— согласился Лофти.

Рон на мгновение прислушался к странному звучанию далеко раздающегося барабанного боя и наконец спросил:

— О нас ничего не было сказано?

Лофти покачал головой.

— Нет, ничего.

— Еще один вопрос,— вмешался Ларри.— Упомянули бы эвергрины в своей барабанной передаче о нас, если бы знали, что мы вторглись в их лес?

Лофти без колебаний ответил:

— Да, несомненно.

— А то, что они ничего не сказали,— продолжил Ларри,— означает, что они ничего о нас не знают?

— Да, я в этом уверен.

Ларри удовлетворенно кивнул.

— Это хорошо,— пробормотал он.— Я не хотел бы, чтобы этот странный идол слишком рано обратил на нас внимание. Иначе он может доставить нам кучу неприятностей.

Он подмигнул Рону, и у Лофти внезапно появилось впечатление, что между ними существует какая-то тайна, о которой он ничего не знал.

* * *

Эвергрин, с которым говорил Рон, все еще сидел на земле позади дома Энди Левье, когда голубое солнце начало постепенно заходить, а красное готовилось взойти.

Он не видел никакого смысла в новой красоте своего мира, когда мутный свет огромного красного солнца залил его и громадный диск, скорее похожий на Луну, чем на Солнце, поднялся по желтому небу. Во-первых, он привык к этому миру; ведь Пасса была его родиной, и за всю свою жизнь он, кроме голубого солнца, не видел никакого другого, за исключением этого гигантского красного диска на фоне желтого неба. И, во-вторых, его мозг был измучен.

Он должен что-то сделать, вспомнилось ему. Он должен встать и пойти. Почему он этого не сделал? Он попытался выпрямиться, но это ему не удалось. Что-то было не так, как должно было быть. Он, должно быть, о чем-то забыл. Что это было?

* * *

На следующее утро глайдер, на этот раз под управлением Рона, еще до восхода голубого солнца поднялся вверх с маленького полуострова. Лофти сказал, что он никогда раньше не проникал дальше этой реки и что теперь они попали в местность, где еще не ступала нога ни одного землянина.

По ту сторону реки не было также никаких названий. Река называлась Ветреной рекой. Почему — этого не знал ни один землянин. В восточном направлении это был последний участок местности, носящий земные названия, который земляне на протяжении всей истории колонизации Пассы видели не только из безопасных глайдеров.

Дальше на восток местность была совершенно незнакомой. Горы, которые поднимались на востоке в часе полета, не имели названия. Двадцать четыре года назад картографическая служба земного флота пролетела над ними и удовлетворилась тем, что нанесла их на главную карту планеты. Название им должны были дать поселенцы, имеющие на это больше прав. Но до сих пор поселенцы никогда не забирались сюда.

Объяснение Лофти побудило Рона Лэндри высказать пару мыслей о продолжении экспедиции. У него в ушах все еще звучало замечание Найка Квинто о том, что после того, как шпрингеры высадились на Пассе, они провели с туземцами какой-то трюк, которых они знали тысячи, побудивший тех отказать в дружелюбии землянам. Если это было так, тогда им, троим землянам в маленьком глайдере, придется иметь дело с весьма достойным противником, как только они достигнут цели.

По ту сторону гор, на расстоянии более тысячи километров, находился ближайший город Модесса. Конечно, расстояние не играло большой роли, если речь шла о том, чтобы передать сигнал о помощи. Фройд Коулмен и майор Бушнелль в Модессе тотчас разобрались бы в том, что произошло далеко в глубине неисследованной лесистой местности. Но Бушнелль именно теперь так перегруппировал наблюдательный флот, что мог бы отправить часть его на оказание помощи, если бы кто-нибудь попал бы в беду. Может быть, пройдет пять-шесть дней, прежде чем он вышлет на помощь пару истребителей, если Рон Лэндри попросит его об этом. А пока они должны были рассчитывать на то, что может сделать Фройд Коулмен, а это, вероятно, не более чем посылка двадцати или тридцати глайдеров с двумя или тремя сотнями человек, которым понадобится полтора дня, чтобы добраться до места, и пары самолетов, которые в этой гористой местности мало чем могут помочь,

Ждать, пока Бушнелль закончит свою перегруппировку, было невозможно. Каждый день, прошедший без событий, давал шпрингерам возможность укрепить свои позиции. Они должны напасть на них как можно быстрее.

И, кроме того, Бушнелль и его проворные истребители — действительно последний из ходов, потому что туземцев не следовало пугать зря. Важнейшей частью колониальной психологии было требование никогда не показывать туземцам разрушительного превосходства земной техники. Опыт научил, что в результате этого туземцы

испытывают к землянам больше страха, но никак не дружелюбия.

Так что, как ни глянь, перспективы маленькой экспедиции были отнюдь не радужными.

Они, собственно, добились только одного-единственного успеха, на который могли рассчитывать в этом случае: идол, вероятно, был каким-то созданием шпрингеров, и он не имел никакого понятия о том, что они находятся в пути.

Может быть, неожиданность поможет быстро разрешить эту задачу.

* * *

Когда голубое солнце снова поднялось на небе, эвергрин все еще лежал там, где Рон Лэндри и Ларри Рэнделл оставили его. Он испытывал голод и жажду, и его кожа начала зудеть, потому что наступило время сбрасывать ее. Но он не мог ее сбросить, так как для этого нужна была ветка стеклянного дерева, он должен был зацепиться за эту ветку хвостом, повиснув вниз головой.

Но как же ему это сделать, если он не может двигаться?

Он ломал голову, чтобы вспомнить, что он забыл и почему его мышцы больше не повинуются ему. Чувство паники охватило его, когда он обнаружил, что он умрет в этом месте от жажды, голода или будет задушен своей собственной кожей, если к нему в самое ближайшее время не вернется то, что он утратил. Но от этого его дела были не лучше. Мысли его кружились друг за другом, вращались вокруг бедственного положения, в котором он оказался, а также вокруг того, что он забыл, и тех, кто обошелся с ним так жестоко.

Что это было?

* * *

Когда они оказались над горами, Рон Лэндри включил трансек и проиграл запись разговора, который он вел с эвергрином. Вот то место, где эвергрин сказал:

— Там, в лесу. По ту сторону гор... сссст...— Рон остановил ленту. При помощи селектора он стер шипение с записи и вместо этого произнес в один из двух микрофонов слово «Мидленд». После этого он снова проиграл ленту, и на этот раз механический голос произнес без запинки:

— Там, в лесу. По ту сторону гор Мидленд...

Затем Ларри Рэнделл нанес новое слово на карту, где до сих пор была обозначена только горная цепь, и теперь картография Пассы пополнилась еще одним новым названием. Больше никто из

тех, кто будет теперь беседовать с эвергрином о горах Мидленда, не должен будет задумываться, где они находятся. Потому что все трансеки на Пассе ежегодно обмениваются новыми выражениями, согласовывая их между собой. А о том, чтобы новое название было нанесено на карты, позаботится сам Рон Лэндри.

Название «Мидленд» не было выбрано произвольно. Судя по карте, горы находились довольно точно в середине большого экваториального континента.

Рон все еще держался низко над скалами и трещинами гор. Только это давало шансы продвинуться дальше на восток так, чтобы их не встретили шпрингеры.

Стеклянный лес поднимался на удивительную высоту. Даже на высоте пяти тысяч метров горы покрывала густая растительность. Здесь не было переходной зоны, поросшей неприхотливыми растениями, тянущейся к каменистым пустошам высокогорья. Здесь голые скалы начинались прямо от края леса.

Картина не изменялась и дальше. Здесь все еще тянулось стеклянистое покрывало, которое они видели внизу.

В этот день глайдер проник в восточное предгорье.

На этот раз найти место для посадки было значительно труднее, чем в прошлый вечер. Нужно было по возможности избегать яркого свечения термоизлучателя, освобождающего почву от всякой растительности, могущей стать помехой. Любой звук мог привлечь внимание эвергринов; Лофти сказал, что они обладают чрезвычайно тонким слухом и, к примеру, могут услышать звук спокойно сказанных слов на расстоянии двухсот метров.

Поэтому Рон продолжал поиски до тех пор, пока не нашел в стеклянной чаще леса место, которое, казалось, поросло меньше, чем другие. Он осторожно опустил глайдер, и эластичные ветви сцепившихся деревьев при этом медленно изогнулись в разные стороны.

В конце концов они оказались довольно глубоко под пологом леса, погрузившись в сумерки у грунта, чтобы воспользоваться термоизлучателем. Они включали его импульсами, делая длинные паузы. Прошел почти час, прежде чем они освободили от поросли достаточно места, чтобы спокойно разбить лагерь.

В этот вечер они гораздо меньше ощущали романтику джунглей, чем в предыдущий на речном полуострове, где они так были ею захвачены. Они находились в области, бывшей их целью. Их здесь повсюду мог подстерегать враг.

И нельзя было узнать, когда он нападет.

* * *

Когда наступил час сумерек, эвергрин все еще думал. Теперь его мысли, конечно, были заняты почти исключительно мрачной

картиной того, что его ожидало, когда его могучее тело ослабеет от голода и жажды и истомится от жары, окончательно сломается отставшая кожа и перекроет дыхательные поры. Он едва вспомнил о том, что забыл нечто очень важное и что он будет спасен, если снова вспомнит это. Но он утратил всякую надежду.

В этом состоянии незадолго до восхода красного солнца и нашли его трое людей. Они летели над лесом на машине, в принципе похожей на глайдер Рона Лэндри. Но они летели не наобум и оказались в этом месте совсем не случайно. Они знали, что одно из племен эвергринов в глубине леса потеряло одного из своих членов. Они нашли пропавшего за домом Энди Левье.

Мужчины эти были высокорослыми и широкоплечими. Когда они говорили, они делали это громкими, громыхающими голосами и так беззаботно, словно не было никакого сомнения в том, что весь лес принадлежит только им одним. Они много смеялись. Они громко смеялись даже тогда, когда обнаружили бедного эвергрина в его жалком положении.

У них был прибор, который действовал примерно так же, как и трансек. Они спросили несчастного, почему он находится здесь, почему он не двигается и кто ему сказал, что он должен оставаться тут, никуда не уходить и никогда не вставать снова. Они попытались заставить эвергрина подняться, но им это не удалось. В его мускулах, казалось, было несколько узлов, которые невозможно было развязать. Единственное, что они в конце концов смогли сделать, это при помощи подъемника погрузить его на борт своего глайдера и отправиться в обратный путь.

В обратный путь в глубь стеклянного леса.

У них, казалось, сложилось вполне определенное впечатление о том, что могло произойти с эвергрином, и это представление, очевидно, было настолько неприятным, что смеялись они теперь намного реже, чем прежде. Они думали, что при помощи приборов и медикаментов, которые были спрятаны где-то в лесу, они смогут вывести несчастного эвергрина из его бедственного положения, вернуть ему память и узнать от него, кто подверг его такой опасности.

Но природа внесла в их расчеты свои коррективы. По пути эвергрин начал линять, а люди не заметили этого. Наполовину отставшая кожа мешала находящейся под ней новой коже дышать, и когда глайдер, наконец, совершил посадку, трое людей с громкими голосами и громким смехом стали еще и обладателями драгоценной шкуры эвергрина и намного менее ценного трупа самого эвергрина.

Бедное создание с планеты Пасса умерло от того, что не знало, что такое «дом».

«Ты будешь лежать здесь до тех пор,— гласил приказ,— пока солнце не исчезнет за крышей дома...»

Но он не знал, что такое дом, у него не было никакой возможности узнать это, он не знал, когда он должен встать и уйти. И таким образом, он лежал там до тех пор, пока голод и жажда не ослабили его, а его кожа не начала отпадать. Он умер от своего собственного незнания.

5

НЕСЧАСТЬЕ НАД НАМИ, О ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ. УУУЙИ-ИИИО, КНЯЗЬ ТЬМЫ, ОПУСТИЛ НА НАС СВОЮ ТЕНЬ, НА НАС, ТВОИХ БЕДНЫХ СЛУГ. ПОМОГИ НАМ, МОГУЩЕСТВЕННЕЙШИЙ АИАА-ОООИ! ПОМОГИ СВОИМ ДЕТЯМ, МУДРЕЙШИЙ!

Рон Лэндри пролистал страницы своего блокнота. Ларри внимательно наблюдал за ним. А Лофти Паттерсон в это время изучал одну консервную банку за другой, не найдется ли где пригодных для употребления остатков.

— Флот Бушнелля,— наконец сказал Рон и снова убрал блокнот в карман,— только за последние месяцы дважды получал так называемые ложные показания, а именно, пеленгационные сигналы, не исходящие ни от какого материального объекта.

Ларри потер подбородок.

— Что они делали в таких случаях?

— Оба раза это были станции на поверхности Пассы, которые и сообщали об этом. У них на экране появлялось световое пятно, которое через пару мгновений исчезало. Они запрашивали орбитальные станции в космосе и получали ответ, что там ничего не заметили. Они все же составили отчеты на каждый из этих случаев.

— Н-да,— произнес Ларри.— Если предположить, что что-то прибыло снаружи, из космоса, корабельные станции должны были это заметить, не так ли?

— Да, это весьма убедительное предположение.

— Если забыть, что существуют пилоты, способные провести гиперпрыжок с точностью до метра и выйти, к примеру, в трех километрах над поверхностью планеты с не особенно высокой скоростью. Такие люди существуют. В нашем флоте тоже есть пара таких.

Рон кивнул.

— Все верно. Но тогда станции должны были засечь структурные искажения, которые возникают каждый раз, когда корабль начинает или заканчивает прыжок, не так ли?

— Конечно,— согласился Рон.— Именно об этом я и хотел спросить. А как насчет структурной пеленгации? Не были ли замечены структурные сотрясения в то мгновение, когда... ну, скажем, были приняты фальшивые сигналы?

Рон внезапно улыбнулся.

— Теперь будет кое-что удивительное,— ответил он.— Оба так называемых фальшивых сообщения последовали друг за другом с интервалом в пятнадцать дней Пассы. Одно из них было рано утром, другое в час сумерек.

Он посмотрел на Ларри.

— Да, и?..

— Оба раза в то мгновение, когда возникал фальшивый сигнал, недалеко от поверхности Пассы в направлении Земли уходил грузовик.

* * *

Красное солнце уже стояло высоко в небе, и Ларри вместе с Роном был готов совершить исследовательскую вылазку.

Лофти получил ручной термоизлучатель, обладанием которым он гордился. Он долго не хотел затыкать его за пояс. Рон вооружился подобным же образом и, кроме того, взял еще прибор, который он называл психоизлучателем. Таким образом, они были уверены, что эвергрины ничего не могут поделать с ними. Они ничуть не беспокоились о шпрингерах, потому что если предположение о том, что оба фальшивых сообщения на пеленгационных станциях майора Бушнелля идентифицировались с двумя космическими кораблями шпрингеров, которые совершили головоломную посадку на Пассе, тогда оба корабля, вероятно, надо было искать среди гор на западе. Рон не был склонен предположить, что шпрингеры открыто действовали среди эвергринов. Вероятно, они держались на заднем плане и влияли на туземцев через существо, Ссст, что было также весьма возможно.

Рон решил первым делом узнать, была ли эта местность, в которой они совершили посадку, действительно так богата пещерами, что заслужила название «Пещеры»... Это, думал он, легко выполнимое и безопасное задание.

Но в конце концов все пошло не так, как он себе представлял. Но в то мгновение, когда он вместе с Лофти отправился на экскурсию, он не мог знать об этом.

При помощи небольшой рации они поддерживали постоянную связь с Ларри Рэнделлом, который остался охранять глайдер. Рон, конечно, объяснил, что эту связь можно использовать только в по-настоящему неотложных случаях. Потому что, если шпрингеры

находятся где-нибудь поблизости, у них, может быть, есть подобные же приборы и они перехватят что-нибудь из их разговора.

Лофти сначала придерживался северо-восточного направления, так как местность там была более неровной. С ловкостью, которой Рон в нем и не подозревал, он проскальзывал между плотно стоящими стволами стеклянных деревьев и останавливался там, где Рон собственными силами не мог пробраться дальше, открывая для него проход, с невероятной физической силой раздвигал ветви и держал их до тех пор, пока Рон не находил дорогу.

Таким образом они продвигались вперед быстрее, чем Рон сначала представлял себе. Высоко над ними сияло большое красное солнце, по силе света — карлик в сравнении с бело-голубой звездой, которая создавала на Пассе настоящий день. Листья и стволы леса, хотя и были из прозрачной стекловидной субстанции, тем не менее задерживали часть слабого света, и на почве стеклянных джунглей царила полутьма, в которой с трудом можно было читать газету. Кроме того, красный свет, проходя через верхние этажи леса, тысячекратно преломлялся гладкими стволами. Рон повсюду видел сумасшедшее мерцание, в котором было видно очень мало четких очертаний и от которого быстро уставали глаза.

Лофти внезапно остановился. Рон, который только что протиснулся сквозь чащу молодых, гибких стволов, слишком поздно заметил это и наткнулся на узкую спину Лофти.

Реакция Лофти была удивительной. Он тотчас же отпрянул в сторону, вытянул руку, уперся ею в ствол поблизости и так сильно оттолкнулся назад, что со своей стороны отбросил Рона и опрокинул его, пока тот колебался.

Рон выругался. Но Лофти обернулся, поднял руку и зажал ему рот. Рон тотчас же понял, что, должно быть, произошло что-то особенное. Он тотчас же успокоился и отнял руку Лофти от своего рта.

Лофти молча указал на что-то, что находилось перед ним за упавшим деревом. Рон посмотрел через его плечо. Сначала он ничего не увидел, кроме обычного красного мерцания и посреди него черного отверстия, представлявшего собой клочок чистой лесной почвы. Но потом отверстие внезапно обрело контуры и движение. Рон увидел животное величиной с крысу и выглядевшее примерно так же. И когда его глаза еще немного привыкли к темноте, он увидел, что это была не целая крыса, а только ее половина. Задняя ее часть отсутствовала, но, несмотря на это, животное еще двигалось.

Это удивило его. Он осторожно нагнулся вперед рядом с Лофти, пока не почувствовал руку, схватившую его за воротник. Он уставился на половину крысы и увидел, что то, что заставляет ее двигаться, является кучкой жуков. Они, казалось, были черными, величиной чуть больше половины большого пальца. На самом же деле

они не двигали половину крысы, они пожирали ее. Они уничтожали труп с такой скоростью, что казалось, что крыса уползает куда-то внутрь, так что видимая ее часть становится все меньше и меньше.

Теперь Рон понял, чего боялся Лофти. Если бы под влиянием толчка Рона ему пришлось бы сделать еще шаг вперед, его нога ступила бы на кучку жуков. И при той скорости, с какой они пожирали крысу, легко можно было себе представить, что им понадобится всего лишь пара секунд, чтобы прогрызть пластиковые сапоги Лофти и добраться до его ног.

По-видимому, они были очень чувствительны к шуму. Когда Рон отставил свою ногу немного в сторону, чтобы удобнее было смотреть, они, казалось, услышали шорох и тотчас же замерли неподвижно. Но так как оттуда больше ничего не доносилось, они снова повернулись, чтобы продолжить свое ужасное пиршество.

Рон почувствовал, как в нем нарастает отвращение. Он осторожно вытащил из-за пояса психоизлучатель и направил его на кучку пожирателей падали. Как только он нажал на курок, их движения прекратились. Пара из них подскочила вверх. Они упали на спины и остались лежать неподвижно. Доза энергии, заставляющая разумное существо подчиняться чужой воле, была вполне достаточной, чтобы уничтожить маленьких жуков.

— Едва ли что-нибудь могло быть хуже,— тихо объяснил Лофти,— для того, кого они поймают. Конечно, они не пожирают жертву зубами или чем-нибудь подобным с огромной скоростью, как вы это видели. Они впрыскивают сок, растворяющий ткани тела, так что им остается только всасывать раствор. Сок этот дьявольски ядовит, если он попадет в кровь.

На мгновение Рон почувствовал себя ужасно беспомощным. Он представил себе, как он, если бы рядом не было Лофти, просто наступил бы на этих жуков. Рон встряхнулся, когда Лофти двинулся вперед, и осторожно последовал за ним.

Местность внезапно стала круто подниматься. По непонятной причине стеклянные деревья здесь стояли менее плотно, чем прежде, и оба мужчины, несмотря на крутой подъем, пошли вперед быстрее, чем прежде. Потом Лофти внезапно остановился. Рон поднял взгляд и увидел, что они стоят на маленькой круглой площадке. Он тотчас же вспомнил о том, что они, пролетая на глайдере над этой холмистой местностью, нигде не видели ни одной полянки. Он посмотрел вверх и увидел, что стеклянные деревья со всех сторон склонились над полянкой и сомкнулись над ее центром лесным пологом, который был так же плотен, как и везде. Пара стволов, скрывающих полянку, стояла слева, возвышаясь на маленьком каменном выступе. Рон несколько более внимательно осмотрел этот выступ и обнаружил, что в центре него находится отверстие двухметровой ширины и почти такой же высоты.

Они остановились перед входом в пещеру. Одну из пещер, которые они искали.

Рон хотел пройти мимо Лофти, чтобы осмотреть вход вблизи, но Лофти вытянул левую руку и не позволил ему этого сделать.

— Тише, тише! — прошипел он.— Вы же не знаете, что там скрывается.

Он нагнулся и тщательно изучил почву, прежде чем подобрать пару небольших камней и бросить их в темное отверстие пещеры. Рон слышал, как камни ударяются о стены внутри.

Это был единственный звук. Кроме него он ничего не слышал.

— Так,— удовлетворенно сказал Лофти,— а теперь осветите ее отсюда, с того места, где вы стоите. Если и тогда оттуда ничего не выберется, не вылетит, не выпрыгнет и не выползет, у нас будет достаточная уверенность, что в пещере действительно никого нет.

Рон последовал его указанию. Он включил фонарь и направил его яркий луч во вход пещеры. Он увидел неровные, иззубренные стены, блестевшие и сверкавшие в падающем на них свете. Он также увидел, что луч света теряется где-то далеко в темноте, не достигая конца пещеры. Но он не увидел ничего из того, чего боялся Лофти. Пещера была пуста.

— Хорошо,— пробурчал Лофти.— Теперь вы можете заглянуть внутрь. Что вы вообще хотите найти там?

Рон и сам этого не знал. Он рассчитывал найти в этой местности пещеры. А в них тайну странного идола Сссст, связанную с пещерами. Простейшим способом раскрыть эту тайну было: пойти в пещеры и осмотреть их изнутри. Для этого был хороший повод. Но Рон чувствовал, как что-то из глубины пещеры притягивает его с магической силой, так что он всего лишь наполовину по доброй воле сделал шаг в мрачный вход, и Лофти с неохотой последовал за ним.

Лофти держался позади, вплотную к нему. Теперь, после того, как он увидел, что пещера пуста, он, очевидно, больше не ощущал неудобства. Он шел выпрямившись и оглядывался по сторонам.

Рон прошел внутри пещеры метров десять, прежде чем включил фонарь во второй раз и направил луч света в заднюю часть пещеры. Результат был прежним: конец пещеры был слишком далеко, чтобы свет фонаря мог достигнуть его. Они пошли дальше.

Стены пещеры из блестящего камня, на которых сверкала пара водяных капель, не представляли из себя ничего особенного. Только магическое колдовство, исходящее из задней части пещеры, казалось чуждым. Рон остановился и, обернувшись, посмотрел на Лофти. Тот казался спокойным и заинтригованным одновременно. Очевидно, он не чувствовал этого колдовства, наполняющего пещеру.

Это рассердило Рона. Почему этот глупец ничего не чувствовал, спросил он себя. Я один подвергся этому?

В это мгновение Лофти сказал:

— Я думаю, мы можем вернуться. Здесь мы больше ничего не найдем.

Рон с трудом подавил свой гнев.

— Что нам делать, решаю я, Лофти! — прошипел он.— Запомните это!

Лофти удивленно посмотрел на него, лицо его изменилось. Дружеские, веселые мóрщинки исчезли, сменившись гримасой насмешки и гнева.

— Вы так думаете? — с ненавистью усмехнулся он.— Тогда спокойно идите дальше. Что же касается меня — я возвращаюсь. И когда вы после этого будете возвращаться по лесу один, не забывайте моих добрых советов, ни одного из них. Иначе может произойти всякое...

Он сделал слабое движение рукой, чтобы показать, что может произойти.

— Ты что показываешь мне, негодяй! — проскрежетал Рон.— Бросаешь меня на произвол судьбы, да?— Он вытащил оружие.— Нет, мой дорогой, с этим вы ничего не сделаете. Вы останетесь здесь, со мной!

Что-то во взгляде Лофти предупредило его. Направленное на него оружие, казалось, нисколько не впечатлило Лофти. Он посмотрел мимо Рона, словно увидел в глубине пещеры что-то новое.

И Рон попался на этот древний трюк.

Он обернулся и в то же мгновение раскаялся в этом. Могучим прыжком Лофти бросился на него. Получив сильный удар рукояткой термоизлучателя по черепу, Рон упал. Он ударился плечом о какую-то из стен, и боль от удара заставила его вскочить.

Лофти был гибок. Рон увидел его перед собой через туман дурноты и боли, увидел, как к нему устремилась рука со сжатым кулаком. Он молниеносно отпрянул в сторону. Лофти ударил по иззубренной стене пещеры и издал яростный крик.

Рон все еще был слишком медлительным. Разбитый кулак, казалось, не повлиял на действия Лофти. Он поднял руки, согнул их и ударил Рона сверху по голове. В то же мгновение он подставил колено, и Рон, пошатнувшийся после удара спереди, получил мощный удар в солнечное сплетение.

Он во второй раз упал на грунт. На этот раз его ярость достигла такой степени, что он больше не обращал внимания на боль и дурноту. Он снова мгновенно оказался на ногах и, как таран, пошел на Лофти. В нем — где-то в глубине мозга — раздался голос, который попытался объяснить ему, что все это была бессмыслица. Что на самом деле он не испытывает ненависти к Лофти и что у него нет никаких оснований нападать на него. Что Лофти тоже ничего не имеет против него и что они ведут себя, как последние дураки.

Но он не слушал его. Он был вне себя. Он просто сбил Лофти с ног. Он услышал, как Лофти издал резкий, громкий вскрик — и через полсекунды он сам ударился головой о темную стену пещеры.

На этот раз этого с него было достаточно. С мощным колокольным звоном в голове, словно череп его разлетелся на части, он упал на колени и потерял сознание.

6

ТРИУМФ, О ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ, ВЕЧНАЯ РАДОСТЬ ДЛЯ ТВОИХ ДЕТЕЙ. ТРИ НОВЫХ ЖЕРТВЫ МЫ ТЕБЕ ПРИНЕСЛИ, И ТЫ ВОЗНАГРАДИШЬ НАШУ ВЕРНОСТЬ, ПОТОМУ ЧТО ЖЕРТВАМИ БУДУТ КОРОЛИ ИХ РОДА И НЕВЕРОЯТНЫЕ НАЗОВУТ ИХ ИМЕНА. ТВОЯ МИЛОСТЬ ВЕРНЕТСЯ К НАМ, О МОГУЩЕСТВЕННЕЙШИЙ, МЫ ДАДИМ ИХ ТЕБЕ, АИАА-ОООИ!

Ларри с большим трудом восстанавливал частички своих воспоминаний и одну за другой складывал их, чтобы получить еще одну картину.

Он делал это с закрытыми глазами. В нем было что-то, что хотело, чтобы он держал глаза закрытыми и не видел окружающего. Но у него не было никакого повода поддаваться этому желанию.

Он сидел перед глайдером и смотрел на красный лес, на странное мерцание множества стеклянных стволов. Он спросил себя, можно ли сделать из Пассы туристскую планету, которую будут посещать земляне, чтобы провести свой отпуск в весьма экзотических условиях. И он в конце концов настроил себя на философский лад. Он задумался над тем, что Земля два столетия назад еще по-настоящему не знала, что уже существует самолет. Путешествие к звездам все, за исключением небольшого числа людей, считали невозможным, а исключения эти были смехотворными.

Семьдесят лет спустя, сто тридцать лет назад, Перри Родан разыграл свой дебют на сцене Истории, и с тех пор положение быстро улучшилось коренным образом. Теперь Земля дошла до того, что была вынуждена защищать свои колонии от орд искателей приключений. Свои колонии и примитивных туземцев, которые в некоторых случаях жили на колониальных планетах.

Ларри почувствовал, что его внезапно охватила странная злоба на землян, хотя он, в конце концов, сам был одним из них. Что делали земляне? Они носились в космических кораблях по Галактике

и порабощали одну планету за другой. Они не оставляли примитивным племенам никаких шансов жить своей жизнью.

Что это за раса, к которой он принадлежит сам? Нет, и еще раз нет! Злоба Ларри стала убийственной. Он готов был убить Рона или Лофти, если бы они были здесь. Так что глайдер, продукт земной технологии, был единственным объектом, на котором он мог сорвать свой гнев.

Ему вспомнилось также на секунду, только на короткое мгновение, что он сам вел себя, как сумасшедший, как он забрался в глайдер и рукояткой своего оружия начал крушить пульт управления. Он срывал кнопки и рычаги — и наконец, должно быть, получил удар током из какой-то поврежденной проводки, потому что его воспоминания на этом обрывались.

«Что за сумасшествие? — подумал он.— Как это я пришел к такому нелепому решению?»

Он хотел повернуться на бок. Но это ему не удалось. Его плечо уперлось во что-то твердое, что не хотело поддаваться. Он стал спрашивать себя, где он вообще находится. И наконец его любопытство стало сильнее, чем желание не видеть того, что его окружает.

Он открыл глаза.

Первое, что он почувствовал, был сильный бело-желтый свет. Он был ярким и ослепил его. Ларри прикрыл глаза, оставив только узкие щелки, чтобы привыкнуть к внезапной яркости.

Второе, что он заметил, был теплый воздух вокруг него, наполненный очаровательным ароматом. Запах казался ему знакомым; но его путаному сознанию потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить, что шкура эвергрина пахнет так же, как и воздух здесь.

Он лежал на чем-то твердом, судя по всему, на каменном полу. Если он поднимется, то увидит что-нибудь еще кроме этого света. Он поднялся.

То, что он увидел, не было таким же дружественным, как этот яркий свет, и приятным, как запах косметики Пассы. Он увидел зал удивительных размеров, у боковой стены которого он лежал, а на полу зала по меньшей мере тысячу фигур, которые, казалось, находились не в лучшем положении, чем он сам. Большинство из них лежало неподвижно, уставившись в потолок, находящийся на высоте не менее восьми метров от пола. Пара из них приподнялась на локтях и проявляла чуть больше интереса к окружающему. Наконец, были еще двое, которые стояли у стены и, казалось, беседовали.

Ларри не знал ни одного из тех, кто лежал на полу, неподвижно или приподнявшись на локтях. Но он мог заложить голову за то, что это были люди или, по крайней мере, часть людей, которых похитили эвергрины, людей, которые входили в карательную экспедицию против туземцев и которые были так внезапно разбиты. А те

двое, стоящие у стены и беседующие, были Роном Лэндри и Лофти Паттерсоном.

Ларри что-то толкнуло, когда он их узнал. Он встал и пошел к ним. Один человек из тысячи, который внезапно встал и куда-то пошел, был заметной фигурой среди всей этой летаргии. Рон и Лофти прервали разговор и посмотрели на Ларри. Ларри увидел в их взглядах удивление и ужас.

Он понял, что они подумали. Каким-то образом они попали в руки эвергринов или шпрингеров. Они не знали, что он тоже находится в этом зале. Они не могли разыскать его среди тысячи других. Они надеялись, что он придет к ним на помощь. А теперь он стоял перед ними, такой же пленник, как и они.

— Мне очень жаль,— это было первое, что сказал Ларри.— Но похоже на то, что меня тоже схватили.

Рон потребовал сообщить, что с ним произошло, и выслушал это очень внимательно. Затем он повернулся к Лофти и сказал:

— Тот же эффект, вы заметили? Он внезапно разгневался и не знает почему.

Лицо Лофти скривилось в гримасе.

— Вы должны знать,— сказал он Ларри,— что мы тоже приложили немало усилий, чтобы разбить друг другу черепа.

Рон коротко объяснил, как они нашли пещеру и что произошло потом. Ларри удивился. Было несомненно, что кто-то эффективно и целенаправленно использовал совершенно новое оружие: оружие, действие которого заключалось в том, что оно заставляло людей гневаться друг на друга или на находящиеся поблизости приборы и нападать; ими овладевала жажда разрушения, подавляющая разум, и они совершали действия, которые в нормальном состоянии были бы просто дикими и аморальными, а потому и не могли совершиться.

Лофти поднял глаза и встретил взгляд Рона.

— Кто?..— тихо спросил он. Рон ожидал этого вопроса.

— Мы этого не знаем,— ответил он.— *Пока* не знаем,— поправился он.

Ларри хотел что-то спросить. Но в это мгновение в другом конце пещеры возникло движение. Ларри увидел фигуры трех эвергринов, которые, подпрыгивая, двигались среди множества людей, апатично лежащих на полу. Было непонятно, откуда так внезапно появились эти эвергрины. В стенах пещены, казалось, нигде не было никаких дверей. Но, во всяком случае, внешний вид змеевидных существ всколыхнул безучастность пленных землян. Крича и вопя, они вскочили на ноги и разбежались. Ларри почувствовал, как в нем поднимается отвращение. Вид людей был жалок. Он хотел броситься, чтобы задержать поток бегущих и крикнуть им, что они жалкие трусы, если будут бежать от трех эвергринов. Но не успел он сделать и первого шага, как почувствовал руку на своем плече.

— Спокойнее, молодой человек,— сказал Рон странно слабым голосом.— Это не имеет смысла. Где-то за стенами прячутся другие эвергрины, о которых мы не имеем никакого представления. И пощупай свой пояс.

Рука Ларри скользнула вниз, туда, где было его оружие... Каким он был глупцом! Они, конечно, не забыли отобрать у него излучатель, когда несли сюда.

Рон был прав. Они ничего не могли противопоставить эвергринам, по крайней мере, в данный момент.

Три подпрыгивающих змеевидных существа добрались до последнего ряда беглецов, когда первый из них добежал до стены и остановился. Ларри увидел, что каждый из эвергринов двумя руками схватил по человеку, держа их высоко над головами других, потом они повернулись и тронулись с пленниками в обратный путь. Все произошло так быстро, что Лэндри осознал эту сцену тогда, когда эвергрины уже снова достигли противоположного конца пещеры и там, где никто не мог предположить наличие двери, внезапно появилось широкое темное отверстие.

Они взяли жертвы! Жертвы для своего убийственного, нечеловеческого идола!

Трое пленников в руках эвергринов, казалось, хорошо знали, что им предстоит. Они кричали так громко, что их крики перекрывали шум, наполняющий пещеру. Ларри видел, как они бились в крепких захватах змей, отбиваясь от них. Он видел их лица, кроваво-красные от напряжения и страха, и слышал жуткие крики последнего, когда того унесли и отверстие снова закрылось.

* * *

В это мгновение холодное самообладание покинуло Ларри. Он готов был задушить голыми руками всех эвергринов и тех, кто заставил совершить их это преступление.

Лофти пришел в себя, и его морщинки больше не казались веселыми. Он не отвечал, когда с ним заговаривали.

Рон был единственным, кто еще был в состоянии размышлять так, как это было необходимо в данное время. Он установил, что множество пленников снова побрели по залу, равномерно распределяясь по всему помещению, и снова опустились на пол. Они, казалось, уже забыли об этом ужасном происшествии. Радуясь тому, что взяли не их, они снова погрузились в прежнюю апатию.

Рон знал, откуда взялась эта апатия. Он знал также, что найдет, если пойдет вдоль стен зала и начнет искать выход из него. Точнее, то, что уже обнаружили эти люди, каждый в отдельности или в группах из нескольких человек: выхода отсюда не было. По край-

ней мере, такого, какой они могли бы обнаружить. И даже если бы они его обнаружили, было несомненно, что снаружи находилось достаточно эвергринов, чтобы сделать бессмысленной любую попытку бегства. Еще один аргумент, вероятно, прибавлял безнадежности: этот зал находился где-то в глубине чащи стеклянного леса. Западный край этого леса, даже если он находится в пятистах километрах от ближайшего города, отсюда удален по меньшей мере на тысячу километров. Кто мог отважиться предпринять такое путешествие?

Несмотря на это, Рон изучил стены; он сделал это потому, что, во-первых, больше доверял своим глазам, чем чьим-либо другим, так они были у него великолепно тренированы, а во-вторых, потому, что он был убежден в том, что лучше делать что-нибудь, пусть бессмысленное, чем сидеть без дела, погрузившись во всеобщую безучастность.

Итак, он отправился в путь. Зал был около ста метров в длину и вполовину меньше в ширину. Так что ему нужно было пройти метров триста. Перед ним было триста метров серой неровной каменной стены, которую он хотел обследовать метр за метром. Это была нелегкая работа. Он оставил Лофти и Ларри. Они не выказали никакого желания идти вместе с ним.

Он сделал пару шагов, и ему внезапно стало ясно, почему эта экскурсия может быть полезной: он мог предаваться своим мыслям, и его больше не отвлекало ни гневное бурчание Ларри, ни печальное лицо Лофти. Была пара вещей, над которыми обязательно следовало подумать.

* * *

Например, освещение зала. К стенам крепился ряд газовых ламп. Было видно, что все они укреплены там в спешке. Пара из них висела косо. Провода на некоторых участках тянулись по необработанной скале и исчезали в каком-то отверстии.

Да, эти лампы были смонтированы поспешно: эвергрины не знали электрического освещения и не могли установить их. Так что лампы были первым неопровержимым доказательством того, что к игре на Пассе действительно приложили свою руку шпрингеры. Другим доказательством были выходы, которые открывались и закрывались бесшумно, никто не поворачивал ручки и не нажимал на кнопки. Этот подземный лагерь-тюрьму соорудили шпрингеры.

Почему? Почему они позаботились о том, чтобы у эвергринов было куда помещать своих пленников? Почему они так тщательно соорудили надежный лагерь-тюрьму, если у них была только коммерческая выгода, которую могла принести им Пасса?

«Ответа нет,— подумал Рон.— Для этого я знаю слишком мало».

Кроме того — Лофти Паттерсон из барабанного сообщения эвергринов узнал, что туземцы пытались успокоить своего идола, ведь у них больше не было жертв для него. Здесь была примерно тысяча человек, и каждый в зале знал, что тех троих, которых утаскивали отсюда с интервалом в полтора часа, пару минут спустя гнали на алтарь ненасытного идола. Было ли тысячи жертв слишком мало? Что это было за чудовище?

На это тоже не было ответа.

Существовал и третий вопрос, над которым Рон, конечно, думал и прежде и который до сих пор оставался без ответа: как эвергрины так быстро обнаружили их маленькую экспедицию? Бесшумное нападение на Ларри и еще более странная ссора, в которую ввязались они с Лофти, закончившаяся тем, что он потерял сознание и снова пришел в себя уже в этом зале, указывали на то, что за ними следили и, когда настало благоприятное мгновение, захватили их.

Как эвергрины пришли к этому? Сами или это было заслугой колонистов? Как они могли договориться со шпрингерами в этом гордом уединении?

Было еще кое-что, о чем Рон думал во время своего кругового обхода: шпрингеры должны знать, что Земля не будет смотреть сквозь пальцы на это бессмысленное уничтожение поселенцев. Воззрения землян насчет чувствительности психики примитивных туземцев имели определенные границы. Кровавое колдовство, которое шпрингеры разожгли вокруг идола эвергринов, далеко перешагнуло эти границы.

Шпрингеры знали, что рано или поздно придется иметь дело с флотом землян и что торговая война может перерасти в войну настоящую.

Войну, в которой такой ценный мир, как Пасса, будет для шпрингеров потерян окончательно.

Почему же они отважились на такое? Почему они не пытались применить один из своих обычных бессовестных, но не кровавых трюков, чтобы обеспечить себе часть прибылей от этой планеты?

Рон подумал, что знает ответ на это. Он был достаточно ясен, чтобы повергнуть его в ужас.

Шпрингеры разыграли весь этот спектакль, чтобы втянуть землян в ограниченную войну.

Если это было так, тогда они должны были иметь в руках какой-то козырь, который, как они думали, поможет им выиграть эту войну. Но что это был за козырь? Рон напрасно ломал над этим голову.

Но он понял, что положение было серьезнее, чем он считал еще пару часов назад.

7

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК МЫ ХОТИМ УСТРОИТЬ ДЛЯ ТЕБЯ, О НЕСРАВНЕННЫЙ! ТРОИХ КНЯЗЕЙ ТЬМЫ МЫ ХОТИМ ПРИНЕСТИ ТЕБЕ В ЖЕРТВУ, О ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ, И ТЫ ОСТАНЕШЬСЯ С НАМИ НАВСЕГДА. ТЫ УЗНАЕШЬ ВЕРНОСТЬ СВОИХ ДЕТЕЙ И ЗАЩИТИШЬ ИХ ОТ ВСЕХ ОПАСНОСТЕЙ, АИАА-ОООИ!

Во время второго долгого дня они не достигли никакого успеха, пытаясь заставить двигаться пару своих соплеменников, но слышали от них только: «Ах, оставьте меня в покое», когда заговаривали с ними и пытались снова пробудить у них мужество и жажду жизни.

Рон вернулся после своего кругового обхода, не достигнув никакого успеха. Он нашел то место, где исчезли три эвергрина вместе со своими пленниками. Но он и не пытался открыть выход. Он знал, что это бессмысленно.

Жизнь в зале отнюдь не отличалась разнообразием. Через полтора часа снова появились эвергрины, трое, чтобы забрать трех человек.

Дважды в течение двадцати часов появлялся большой отряд эвергринов и приносил несколько тонн продуктов и воды. Пленники мало говорили за обедом. Они не испытывали голода, а еда, специально приготовленная для них, была не такой уж вкусной.

Конечно, в пещере не было никаких санитарных устройств. Следствием этого была вонь, постоянно наполняющая воздух, так что даже благоуханный аромат кожи эвергринов, когда они входили, не мог больше подавить этот смрад. Рон боялся, что нечистоты могут вызвать заболевания, и попытался поговорить об этом с пленниками. Но тем было совершенно безразлично, умрут ли они от тифа или на алтаре идола.

Таково было положение, когда Рон по своим часам увидел, что со времени их пробуждения теперь прошло почти пятьдесят часов. Рон почувствовал, как всеобщая апатия охватывает и его.

Он не осознавал, что Ларри и Лофти находятся в подобном же состоянии духа. Они почти не разговаривали друг с другом. Почему так? Это было бесполезно. По их лицам можно было понять, как им плохо.

Рон видел, что что-то должно произойти, если под давлением времени и безнадежности их положения они не потеряют остатки своей активности. В конце концов ему удалось понять, что лучше делать что-нибудь совершенно бессмысленное и отчаянное, чем и

дальше лежать тут, уставившись в потолок, загипнотизированным всеобщей бездеятельностью.

Он разработал план. Если сказать одним словом, план был смертельным. Но он был достаточно ясным, чтобы Ларри и Лофти согласились принять в нем участие. Потому что у смертоносности этого плана была альтернатива. У них был выбор. И этот выбор гласил:

Или мы... или шпрингеры!

Рон посмотрел на часы.

Эвергрины не всегда были пунктуальны. Иногда до полутора часов не хватало нескольких минут, иногда они приходили немного позднее. На этот раз было второе.

Для тех, кто их ждал, это было мучением.

Рон подумал, что он еще может сказать. Но ему не пришло в голову ничего нового, а старое он говорил им уже дважды: держите глаза открытыми, не допускайте, чтобы шанс ускользнул от вас! Это было все. Лучшего совета у него не было.

«Мы сделали все возможное»,— подумал он и попытался отбросить эту безутешную мысль.

Слабая вибрация пола внезапно привлекла его внимание.

Он смотрел прямо в широкое, слабо освещенное отверстие в стене зала, через которое сюда входили три эвергрина, уже расставив руки, нижнюю пару, чтобы сохранить баланс во время прыжков, и верхнюю, чтобы поймать жертвы для своего идола.

В зале раздались крики. Люди вскочили и побежали. Рон тоже встал и уголком глаза увидел, что Ларри и Лофти поднялись одновременно с ним и, повернувшись, приготовились бежать.

Рон внезапно заметил, как тяжело было оставаться на месте, ему казалось что он должен от чего-то бежать. Сначала ему действительно не удавалось себя контролировать. Это привело к тому, что он широкими шагами догнал последний ряд бегущих, хотя и не хотел этого делать. Потом он начал делать маленькие и медленные шажки, оглядываясь на эвергринов, которые не ускоряли темпа своего движения. Они продолжали прыгать в том же ритме, опираясь на хвосты. Знали они, что и без спешки получат то, что им надо.

Рон изменил направление движения: слегка свернул направо, потому что увидел, что прямо позади него не было эвергринов. Затем секунду поискал Ларри и Лофти. Но он увидел только Ларри. Ларри бежал перед одним из эвергринов — не более чем в пяти метрах от него. Роун увидел, как он споткнулся и упал на пол. В следующее мгновение змеевидное существо схватило его и подняло вверх.

Это была идея! Просто и незаметно Рон зацепился правой ногой за левую и тоже упал. Он немного прокатился вперед, словно хотел выбраться из зоны захвата опасных змеевидных рук. Но на самом деле он облегченно вздохнул, когда увидел, что две зелено-

кожие руки опустились сверху и взяли его жестким захватом.

Он, как и намеревался, закричал. Ларри тоже закричал.

Они напрягли свои легкие, перекрывая шум суматохи, царящей в зале. Они барахтались и били вокруг себя руками и ногами, ведя себя, как и другие жертвы.

Рон оглянулся на третьего эвергрина. Он находился далеко позади бегущих пленников и только теперь схватил свою жертву. Когда он повернулся, чтобы отправиться в обратный путь, Рон увидел, что Лофти вел себя достаточно искусно, чтобы его тоже схватили. Лофти тоже кричал, словно он против своей воли попал в эту адскую команду.

Эвергрины выволокли наружу кричащих людей. Когда они оказались снаружи, в полуосвещенном, узком, но высоком ходе, их крик теперь был другого тона, и звук преломлялся в мягких телах отряда змеевидных существ, стоявших в этом коридоре на страже. Рон подумал, что их здесь около двух сотен. Это было так, как он и ожидал: они внимательно охраняли выход, чтобы задушить в зародыше всякую попытку бегства.

Эвергрины прыгающей походкой вместе с пленниками прошли по коридору и вышли в нечто вроде камеры. Рон, который все еще кричал, теперь мог понять, откуда исходил этот слабый свет. В стены камеры были воткнуны чадящие факелы. Шпрингеры не старались осветить это помещение газовыми фонарями. Эвергрины освещали его своим древним способом: при помощи горящих молодых веток стеклянных деревьев. Камера была круглой, а на противоположной ее стороне Рон увидел два темных выхода.

В это мгновение эвергрин, несший его, нагнулся и опустил его на пол.

Рон мгновенно вскочил. Он знал, что другие пленники делали то же самое, когда их высаживали здесь. Он повернулся и попытался убежать. Он собрал все силы, еще оставшиеся в его теле, и почти уже вбежал в высокий ход, через который его принес эвергрин, прежде чем был снова пойман, поднят и посажен на то же самое место, с которого он только что убежал.

На этот раз он остался сидеть там. Теперь он перестал кричать, с любопытством ожидая того, что должно было произойти.

Три эвергрина остались поблизости. Они образовали нечто вроде кольца вокруг трех землян. Ларри, который хорошо сыграл свою рольс новой попыткой бегства, после того, как пару минут простоял неподвижно, снова сделал два шага.

У Рона появилось время, чтобы изучить трех эвергринов. Как только три их пленника стали вести себя спокойно, они тоже успокоились. Они встали на свои тонкие, но мощные хвосты и приоткрывали одно или несколько отверстий, украшавших их круглые головы. Их органы зрения всегда смотрели в одном и том же направлении.

Шли минуты. Лофти снова начал кричать. Он размахивал руками и, казалось, готовился бежать, после чего эвергрины стали заметно внимательнее. Он сделал все, чтобы сыграть роль испуганного, боящегося за свою жизнь пленника. То, что он кричал, гласило:

— Как долго, черт побери, мы будем торчать здесь! Почему ничего не происходит?

Рон в ответ на это только пожал плечами. Откуда ему это знать?

Все же крик Лофти, казалось, был чем-то вроде вызова. Потому что из обоих темных отверстий на противоположной стороне секундой позже появились еще два эвергрина. Аромат их шкур присоединился к аромату трех других, которые находились в камере, и наполнил воздух почти оглушающим благоуханием.

Чего хотели эти двое вновь пришедших, в первое мгновение было не совсем ясно. В верхней паре рук они несли множество пестрых предметов, которые, казалось, были сделаны из какой-то материи. Но каждому, конечно, было известно, что эвергрины ничего не понимали в искусстве ткачества. Они не знали тканей.

Несмотря на это, материя выглядела как ситец. Рон с удивлением увидел, когда эвергрины сложили свой груз на пол, кричаще пестрые, безвкусные штампованные узоры, которые, несомненно, были сделаны на одной из фабрик империи арконидов. Итак, эту материю изготовили шпрингеры. А какое отношение к ней имели эвергрины?

Ответ на этот вопрос появился быстро. Сильная рука схватила Рона за плечо и повернула его. Вторая рука, более мягкая, чем первая, коснулась его сзади. Что-то с шелестом было надето ему на голову и на пару секунд закрыло ему поле зрения. Когда он снова смог видеть, на нем была уже пестрая безвкусная накидка ужасающего покроя.

Он оглянулся на двух своих спутников, но те выглядели не лучше.

— Помогите! — закричал Лофти.— Что они из нас сделали? Кто должен принять нас в таком виде? Примет ли он нас всерьез?

«Мы сами,— горько подумал Рон.— Хотя все это очень странно. Но кто сомневается в том, что они вырядили нас так красиво только для своего идола?»

* * *

Из камеры их стали выносить. По мнению эвергринов, они должны были сами пройти остаток пути. Три эвергрина, которые принесли их из зала пленников, остались позади них, чтобы предотвратить любую попытку бегства.

Рон и оба его спутника двигались медленно, не зная, что их ожидает. Ход был узок и высок, как и все, построенные эвергринами,

и совершенно темен, когда желтый свет факелов из круглой пещеры позади них окончательно исчез. Однако эвергрины подгоняли их, как только продвижение вперед становилось слишком медленным. Сильными руками они подталкивали пленников вперед, и те были вынуждены делать быстрые шаги.

Эвергрины не были грубы. Рон сожалел об этом. Что было нужно в их жалком положении, так это постоянно поддерживать ярость внутри себя. Не было никакого смысла думать о том, что эвергрины, в сущности, являлись неплохими парнями, с которыми можно было хорошо ладить, если бы не было шпрингеров — и что, собственно, они сами эвергрины, не виноваты в этой неразберихе; в ней виноваты были шпрингеры. Но это ничем не могло помочь. Перед ними были не шпрингеры, а эвергрины. Они должны бежать от эвергринов. И если они только на одну-единственную секунду поддадутся чувству сострадания к эвергринам, это может означать их собственную смерть.

Ход казался бесконечно длинным. В темноте было довольно трудно оценить расстояние. Рону казалось, что они прошли по крайней мере километр, когда в первый раз услышали странный звук. Он, казалось, донесся из недр земли. Сначала он был похож на звук чужого колокола, в котором не хватало глубины. Звук был жутким и наполнил сердца пленников примитивным страхом. Они остановились, но эвергрины погнали их дальше. Странный звук стал четче.

Перед ними вспыхнул красный свет. Он, казалось, исходил из маленького отверстия где-то далеко впереди, в темноте, и по мере того, как они приближались, звук становился все четче и четче.

Наконец они поняли, что это были те же барабаны, которые издавали жужжание и звон, когда они находились в лесу.

Лофти заговорил. Рон ждал этого. Потому что Лофти был единственным среди них, кто понимал язык барабанов.

— Радость среди них, говорят они,— шепнул он, преодолевая жуткий страх, который охватил их всех,— в этот великий день, когда они приносят самые священные жертвы из всех своему идолу. Эти жертвы — мы, в этом нет никакого сомнения.

Рон непроизвольно кивнул. Он сощурил глаза и попытался рассмотреть, что является источником этого красного света. Он увидел, что его яркость, дрожа, изменяется, и пришел к заключению, что это, должно быть, факелы особо изготовленные, давали цветной свет.

Рон мгновенно обдумал то, что увидел с тех пор, как их унесли из зала. Если там впереди, во время церемонии, которая, несомненно, предстояла им, появится возможность для бегства, тогда у них останется только два пути попытать счастья: два пути, которые вели из круглой камеры. Они не имели никакого представления,

куда ведут эти ходы. Но они знали, что в одном из них, через который они прошли сюда, стоят наготове сотни эвергринов, чтобы снова поймать их.

Конечно, было возможно, что там, откуда исходит этот красный свет, был еще один выход. Но Рону хотелось как можно быстрее выяснить, верны ли его предположения о предметах, о которых он ничего не знал точно.

Красный цвет приблизился. У Рона появилось странное чувство.

— Держите глаза открытыми! — еще раз предупредил он обоих своих друзей.— И если вам самим будет что-либо непонятно, глядите на меня. Ясно?

— Ясно,— почти одновременно ответили Ларри и Лофти.

Это были последние спокойные слова, которые они сказали друг другу. Через пару шагов ход кончился. Уже незадолго до этого Рон мог видеть, что он ведет в зал, который тоже был круглым, но намного большим, чем камера, из которой начинался ход для жертв. И в одном он существенно отличался от всех помещений, которые пленники видели до сих пор. Вверху, под самым потолком, на равных расстояниях друг от друга, находились овальные отверстия, через которые сюда проникал яркий солнечный свет.

В голове у Рона появилась мысль. Там, наверху, была свобода! Овальные отверстия были достаточно большими, чтобы землянин нормального телосложения беспрепятственно пробрался через них. И если они доберутся до них, им больше не надо будет заботиться о том, чтобы найти выход, в котором их не ждало бы несметное количество эвергринов. Однако он отверг эту идею. Отверстия находились более чем в восьми метрах над полом. Им нужно было вскарабкаться на голову одного из эвергринов, чтобы добраться до них.

Это было безнадежно!

То, что испускало жуткий красный свет, действительно было факелами. В центре зала было оставлено свободное место, но вокруг него столпилось примерно пятьсот эвергринов. Рон испугался. Он ожидал зрителей во время жертвоприношения, но не такого их количества.

На свободном месте в центре зала лежала пара стволов, тщательно укрепленных на козлах. Перед каждым из стволов на корточках сидел эвергрин, вооруженный двумя барабанными палочками, и извлекал из стеклянных стволов глухую, монотонную дробь, которую пленники слышали уже в течение четверти часа. Когда земляне появились в устье входа, из рядов эвергринов справа и слева от музыкантов, играющих на стволах, выскочила пара змеевидных существ, и тон барабанной дроби тут же изменился.

Кроме того, в центре зала был также четырехугольник, казалось, нарисованный на полу кусочком угля. Он темнел в красном свете, магически притягивая к себе все взгляды. Внимание эвергри-

нов, казалось, тоже было приковано к четырехугольнику, это было видно по тому, как они вытягивали головы вперед.

Там, где ход открывался в зал, зрители открыли проход, когда появились пленники. Ларри, идущий впереди, задержался. Среди стоящих эвергринов раздалось свистящее, шипящее бормотание, и трое из них, идущие позади землян, как и прежде, сильно подталкивали их и препровождали вперед.

Пленники, пошатываясь, добрались до свободной середины зала. Рон, чье любопытство пробудилось снова, хотел изучить черный прямоугольник. Но прежде, чем он приблизился к нему на достаточное расстояние, чтобы получше рассмотреть, один из эвергринов схватил его за пеструю одежду и оттащил назад.

Четырехугольник означал что-то совершенно особенное. Теперь Рону это стало совершенно ясно.

Он испугался, когда в зале прогремел громкий удар гонга. Действующая на нервы музыка барабанов тотчас же смолкла. Шипение и свист, при помощи которых эвергрины беседовали между собой, прекратились. После удара гонга зал наполнила глубокая тишина, изредка прерываемая шелестом змеиной кожи, наполняющей зал оглушающим ароматом.

Рон почувствовал опасность, подбирающуюся к ним. Он с каждой секундой терял уверенность, и все сомнения, которые до сих пор одолевали его, нахлынули с новой силой. Он неподвижно стоял метрах в трех от края четырехугольника, все его чувства были обострены.

Внезапно вверх поднялся дым. Он, казалось, исходил из четырехугольника, хотя там не было никакого отверстия, из которого он мог бы появиться. Это была тонкая полоска синего дыма, пахнущего древесными углями, и плотность его быстро увеличивалась. Этот дым напомнил Рону дом, и здесь, в жертвенном зале эвергринов, казалось, было так мало места, что Рон на несколько мгновений поверил в эту галлюцинацию.

Потом снова прозвучал громовой удар. На этот раз он действительно исходил из пола. Черный четырехугольник исчез под непрерывным потоком густого подземного дыма, вытекающего в зал. Гром стал сильнее и смешался с резкими, высокими звуками.

Рон внезапно понял, что это значит: появление идола! Как и все идолы, он разработал особые методы, которые повергают верующих в страх и благоговение.

Рон понял также и еще кое-что: теперь пришло время действовать! Теперь внимание всех приковали поднимающийся дым и грозные звуки, и они едва ли обращали внимание на пленников.

— Внимание! — крикнул Рон достаточно громко, чтобы перекрыть шум.— Туда, внутрь, люди!

Он надеялся на то, что Ларри и Лофти последуют за ним. У него

не было времени беспокоиться о них. Он мощным рывком устремился с того места, на котором стоял, и исчез в столбе синего дыма.

8

МЫ ГРЕШНЫ... ЗАБУДЬ НАС; ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ВЛАСТЕЛИН ТЬМЫ ПОБЕДИЛ НАС... МЫ ЗАСЛУЖИЛИ ТВОЙ ГНЕВ... ЗАБУДЬ НАС, АИАА-ОООИ... ВСЮ НАШУ ЖИЗНЬ МЫ БУДЕМ ИСКУПАТЬ... ЕСЛИ ТЫ СНОВА БУДЕШЬ МИЛОСТИВ К НАМ, О ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ!..

Чад перехватил его дыхание. Он инстинктивно закрыл глаза и упал вперед. Он вытянул руки, чтобы ощупать пол под собой.

Но здесь больше не было пола. Смертельный страх пронизал его. Он падает!

Его охватил парализующий ужас, но не успел достигнуть максимума, потому что падение прекратилось. Он упал на что-то мягкое. У него создалось впечатление, что это нечто покрыто волосами. Во всяком случае, оно завизжало, зачавкало и молниеносно освободило дорогу. Он еще раз потерял равновесие и провалился еще глубже. Но на этот раз он ударился о твердый пол.

Он инстинктивно откатился в сторону. Затем услышал над собой два следующих друг за другом громких хлопающих удара. Визг и чавканье повторились, на этот раз с нотками ужаса и паники. Что-то упало рядом с ним на пол и сразу же после этого еще одно что-то. Оно застонало и выругалось. Секундой позже он услышал наверху громкий шелест. Звук был угрожающим. Он отступил еще дальше в сторону, хотя глаза его были все еще закрыты и он не видел, что происходит вокруг него. С грохотом и треском в паре метров от него что-то упало на пол, и раздался человеческий крик, резкий и полный ужаса:

— Беги! Это ужасное... оооо!

Быстрые шаги приблизились. Что-то отбросило Рона в сторону с силой удара летящего пушечного ядра. Рон ударился о стену и открыл глаза, а звуки шагов позади него прекратились.

К его удивлению, вокруг было довольно светло. Он увидел перед собой тень, имевшую контуры Ларри Рэнделла. Тем, кто закричал и побежал прочь, был Лофти. Влево, как заметил Рон, под полом зала шел длинный ход, и Лофти давно уже исчез из виду.

Впереди, оттуда, откуда пришел Рон, из пола все еще поднимался синий дым. Он исчезал в отверстии в углу хода. Отверстие было четырехугольным, и можно было легко понять, что оно открывается в черный четырехугольник в зале. Теперь некоторая часть дыма

терялась в коридоре и застилала вид там, где Лофти, должно быть, увидел что-то ужасное. Рон попытался понять, что это было. Ларри стоял у него на пути. Он отодвинул его в сторону, почувствовав при этом, что тот дрожит. Теперь Рон мог свободно заглянуть в заднюю часть хода. Среди дыма, поднимающегося с пола, он увидел движущуюся тень.

Кровь застыла у него в жилах. Пару секунд он испытывал только одно желание: повернуться и как можно быстрее бежать вслед за Лофти. То, что ворочалось в дыму, по-видимому, было оглушено падением на него сверху; это был трехметровый монстр, массивный и тяжеловесный, с четырьмя руками, которыми он опирался на стену хода, чтобы удержать в равновесии свое тяжеловесное тело. Тело это, казалось, было покрыто мехом и, если отбросить две лишние руки, слегка напоминало гигантского, вставшего на дыбы медведя.

От могучего черепа исходил пар и уходил в свободную от дыма часть хода. Что это был за череп! Безволосый, гладкокожий, блестящий. Гигантская тонкогубая пасть занимала половину его объема, и вытаращенные глаза величиной с два кулака взрослого человека выступали из-под костяных надбровий; казалось, что они вот-вот вывалятся. Общими очертаниями голова напоминала череп лягушки.

Вид этого чудовища очаровывал и парализовывал одновременно. Рон, недолго думая, предположил, что шпрингеры выгрузили здесь одного из своих боевых роботов и предложили его эвергринам в качестве идола. Роботы шпрингеров были арконидского производства, и во Вселенной было мало вещей, к которым примитивные существа испытывают симпатию больше, чем к этим металлическим существам, которые сами движутся и могут думать самостоятельно. Но здесь был не робот! Лягушко-медведь был органическим существом.

Невероятное существо вышло из дыма и направилось по ходу к двум землянам, которых страх приковал к месту. Лягушко-медведь, вероятно, был готов к подъему в шахте; он поднимался в неземных звуках и потоке дыма, появлялся из темного отверстия в полу зала и демонстрировал эвергринам свою сверхъестественную силу. Когда трое землян бросились вниз, в шахту, они упали на идола эвергринов. Это затормозило их падение, и они не разбились об пол. Лягушко-медведь выдержал падение первого землянина, а именно Рона, но удары Ларри вывели его из равновесия, и он снова упал в шахту. На некоторое время его оглушило, или он даже потерял сознание. Но теперь он снова собрал силы, которые были подорваны в результате этого происшествия.

Огромные косолапые ноги шлепали по полу. Рон размахнулся, чтобы показать Ларри, что он должен отступить. Сам он отпрянул в том же ритме, в каком лягушко-медведь приблизился к ним.

И тут он увидел предмет, лежащий на полу между ним и чудовищем и слабо поблескивающий в свете, падающем из хода. Он с магической силой приковал к себе его взгляд и пробудил в нем желание прыгнуть вперед и схватить его, прежде чем тот попадет в лапы лягушко-медведя. Это был массивный предмет величиной с большую кувалду, и, он, конечно, будет мешать им во время бегства. Но это было единственное вещественное доказательство, которое он мог захватить с собой из этого кошмарного приключения — и поэтому он просто *должен* был подобрать его.

Тем временем Ларри поддался его уговорам и побежал прочь. Рон, напротив, остался стоять, в последний раз оценивая расстояние между собой и лягушко-медведем, а потом прыгнул.

В то же мгновение существо издало пронзительный шипящий рев. В нем звучал гнев. Рон сконцентрировал все свое внимание на блестящем молотообразном предмете, который он хотел подобрать, но услышал, как шлепающие шаги вдруг стали более быстрыми, словно лягушко-медведь был против того, чтобы кто-то завладел этим молотом.

Рон внезапно понял, что молот, вероятно, был инструментом, которым идол убивал свои жертвы. Это был атрибут его сана, и эвергрины больше не будут признавать его, если он утратит этот атрибут.

Он потянулся к рукоятке молота, схватился за нее обеими руками и поднял инструмент вверх. Он выпрямился и хотел уже бежать, но в это мгновение увидел, что лягушко-медведь стоит перед ним и протягивает обе пары рук, чтобы задушить его в своих смертельных объятиях.

Рон в отчаянии взмахнул молотом. Он размахнулся так широко, что массивный инструмент почти сбил его с ног. Мускулы и сухожилия напряглись. Рон почувствовал колющую боль в плече, но молот уже двигался вперед, на лягушко-медведя, неудержимый, со смертельной силой. Рон закрыл глаза. Он услышал сильный удар, его руки почувствовали, что молот обо что-то ударился. Он услышал, как чудовище закричало, испустив болезненный вопль, и в дикой ярости стало лупить по стенам когтистыми лапами. Рон еще крепче сжал молот, повернулся и побежал, побежал, побежал...

Ход казался бесконечным. Молот был тяжелым, и, если бы у Рона не было твердого намерения захватить его с собой, чтобы предъявить его Найку Квинто в качестве доказательства, он давно бы уже выбросил его, чтобы бежать как можно быстрее. Он не оглядывался, но слышал шлепающие шаги и знал, что лягушко-медведь, который прежде казался ему неуклюжим, приближается все быстрее и быстрее.

Где же Ларри и Лофти? Внезапно свет вокруг него изменился, стал ярким и теплым. Свежий ветер подул ему в лицо. Яркий свет лился со всех сторон. Он выбежал из хода. Он вернулся в верхний

мир. Он бежал по чему-то вроде тропы. Справа и слева поднимались пустынные склоны, на которых росла лишь пара стеклянных деревьев. Сверху лилось ослепительное сияние бело-голубого солнца, преломляющееся на гладкой поверхности склонов и наполняющее тропу впереди невыносимой, ослепляющей жарой.

Рон знал, что он не сможет выдержать долго этого бега. Позади него, все приближаясь, слышались шлепающие шаги чудовищного лягушко-медведя, и, хотя он так ни разу и не оглянулся, он знал, что расстояние между ним и его преследователем теперь не больше десяти метров. Он мог вскарабкаться на один из склонов, но это существо, вероятно, лазает так же искусно, как и бегает. И, кроме того, над краями склонов выставили свои бедные ветвями кроны стеклянные деревья. За этими склонами начинался лес, а в лесу, это Рон хорошо знал, он не пробежит и сотни метров, как лягушко-медведь поймает его.

Его разум все еще функционировал хорошо, чтобы сказать ему, что он должен остановиться, прежде чем израсходует все свои силы. Все же у него был молот, при помощи которого он уже один раз заставил лягушко-медведя уважать себя.

Рона охватил безумный гнев. Ему не хотелось больше бежать. У него в руках было оружие, каким бы примитивным оно ни было. Он хотел остаться человеком и посмотреть в глаза тому, чего он не смог избежать.

Легкие его горели, на лбу выступил пот, заливая глаза, раздражая их и застилая поле зрения. Было очень жарко. Рон остановился. Он повернулся и поднял тяжелый молот, чтобы нанести удар, как только чудовище достаточно приблизится к нему.

Вот оно и приблизилось — с широкой ухмылкой на лягушачьей морде, руки широко растопырены, чтобы поймать жертву и раздавить ее о покрытое мехом тело.

Внезапно в воздухе раздался громкий, полный жажды боя крик. Оба вздрогнули. И Рон, и лягушко-медведь. Крик донесся с одного из склонов, и вверху, на краю правого склона, за барьером из каменных блоков, появились Ларри и Лофти, махая ему руками.

Он не понимал, что они кричали. Но он видел, как они внезапно нагнулись, и барьер пришел в движение. Был освобожден только один-единственный камень. А в отверстие, которое он оставил, покатились другие камни. Поднялась пыль, и наконец вся лавина, гудя и громыхая, устремилась вниз по склону. Рон видел, как отдельные камни подскакивают вверх и падают обратно.

Он знал, что ему нужно делать. Огромным прыжком он отскочил в сторону и прыгнул вверх, на склон. Он свернул немного вправо, чтобы избежать лавины. Он почувствовал ветерок от нее, и пара небольших камней пролетела мимо.

Впереди него было свободно. Когда он оставил позади себя

первую треть склона, лавина с грохотом обрушилась на тропу. С этим грохотом смешался резкий, мучительный вопль чужого существа, которое не сумело вовремя уклониться от камней.

Рон сделал еще один спотыкающийся шаг, потом упал на склон. Он, тяжело дыша, лежал на горячих камнях, все еще крепко сжимая в руке блестящий молот, и легкие его наполнялись свежим воздухом. Облегчение и усталость нахлынули на него. Ему хотелось здесь и уснуть. Но он достаточно хорошо знал, что с исчезновением лягушко-медведя опасность еще далеко не устранена. Они все еще находились в центре скалистой местности. Где-то поблизости были шпрингеры, которые не потерпят, чтобы трое землян проникли в их тайны, а потом беспрепятственно вернулись бы в город и сообщили о том, что они здесь увидели.

Нет, борьба продолжается! Нет никакого смысла лежать здесь.

Рон поднялся. Только теперь он почувствовал, как много событий произошло за последние часы и минуты. Пестрые круги танцевали перед его глазами и мешали ему видеть то, что он хотел видеть.

Однако он увидел две делающие ему знаки фигуры на краю склона — Ларри и Лофти. Он видел, что они направляются к нему, и внезапно почувствовал, что его поддерживают сильные руки.

— Великолепно! — крикнул Ларри.— Мы сделали это! Медведь лежит под камнями, и сверху видна его шкура, по крайней мере, часть ее. У эвергринов больше нет идола, и после этого все безобразие полностью прекратится. Лофти уже осмотрелся. Он приблизительно знает, где мы находимся. Место, где мы оставили глайдер, примерно в двух километрах отсюда.

Рон понимал не все. Он был слишком слаб для этого. Но он понял, что у них снова появилась надежда. Он слышал, что Ларри говорит о глайдере. Глайдер этот был новейшей конструкции. Даже шпрингерам потребуется пара дней, чтобы понять, как он работает. Вероятно, они оставили его лежать там, где нашли, пока не поймут, как включить двигатель машины и привести ее в движение.

Он освободился от поддерживающих его рук. Боже милостивый, он же только что бежал прочь, ускользал, просто удирал... Откуда же у него право быть таким слабым?

— Где находится машина? — спросил он.

— В том направлении,— сказал Лофти и указал рукой.— Не лучше ли вам пару минут отдохнуть, сэр? В лесу вы должны полностью собраться, иначе...

Конец предложения повис в воздухе. Рон знал, что имел в виду Лофти. Он все еще не забыл эпизод с жуками. Но он также знал, что они не должны терять времени. Шпрингеры были отнюдь не тугодумами.

— Ни секунды,— сказал он Лофти.— Мы должны сейчас же отправиться в путь. Нам нужно убраться отсюда как можно быстрее!

Они перевалили через край склона.

Затем начали молча прокладывать себе путь через лес. Лофти шел впереди. Они быстро продвигались вперед — быстрее, чем они двигались сквозь враждебную чащу в прошлом. Страх перед шпрингерами глубоко засел в них. Все они знали, что им нельзя терять времени.

Тут Рон Лэндри вдруг обратил внимание на то, что до этого постоянно ускользало от него. Им не нужно было прокладывать путь к глайдеру. Теперь он был всего лишь обломками.

9

МЫ БЛАГОДАРНЫ ТЕБЕ, О ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ, И ВОСХВАЛЯЕМ ТВОЮ НЕСРАВНЕННУЮ ДОБРОТУ. ТЫ УЗНАЕШЬ ЛЮБОВЬ СВОИХ ДЕТЕЙ И НЕ БУДЕШЬ НАПОМИНАТЬ ИМ ОБ ИХ ГРЕХАХ. МЫ ХОТИМ ВЕЧНО ВОСХВАЛЯТЬ И ПРЕВОЗНОСИТЬ ТЕБЯ, АИАА-ОООИ!

— Нет, я не имею никакого представления, какие повреждения я причинил,—пробурчал Ларри.— Я был безумен, когда обрушился на пульт управления, и я почти ничего больше не помню.

Они сидели на краю поляны, которую выжгли термоизлучателем, прежде чем подойти к глайдеру. Перед ними, метрах в десяти, была машина, внешне невредимая. Они укрылись в чаще стеклянного леса, не зная, наблюдают за ними или нет, уставившись на свой глайдер, словно с такого расстояния могли увидеть, сможет ли он подняться вверх, когда они заберутся в него и попытаются взлететь.

Они лежали уже пару минут. Рон чувствовал, как его охватывает беспокойство. Каждая минута, которую они проводили здесь, уменьшала их шансы и давала шпрингерам возможность сделать еще плотнее защитный барьер вокруг гор Мидленд.

Рон попытался сконцентрировать все свои мысли только на цели, стоящей перед ним: бегстве из леса. Его пальцы бессознательно играли рукояткой молота, которую он все еще не выпустил из рук; он хотел показать молот Квинто, если они когда-нибудь вернутся на Землю.

Пальцы его нащупали какую-то неровность. Его разум, все еще сконцентрировавшийся на том, что находится перед ним, не воспринял нервный импульс. Пальцы должны были трижды скользнуть по одному и тому же месту и трижды нащупать маленькую кнопку, прежде чем сознание зарегистрировало это.

Рон удивленно поднял молот вверх и рассмотрел рукоятку. Только теперь он увидел на ней ряд маленьких кнопок и с любопытством подумал, что бы это они могли означать. Положение лягушко-медведя, одного среди примитивных туземцев, почитаемого как бог, готового совершить новое чудо, открылось теперь ему в новом свете. Как это чуждое существо совершает чудеса? До сих пор он не задумывался над этим, предполагая, что за его спиной находятся шпрингеры и делают все сами, чтобы сохранить и укрепить репутацию импортированного ими идола; но ему внезапно показалось, что это не совсем так. Может быть, молот был инструментом, при помощи которого лягушко-медведь сохранял честь своего имени?

Рон, поколебавшись, нажал самую нижнюю кнопку. При этом он поднял молот высоко над головой, чтобы обезопасить всех от последствий своего любопытства. Но он недооценил способности молота, которые он ощутил в то же мгновение. Череп его вдруг загремел, он почувствовал вибрацию в мозгу, и Ларри с Лофти, забыв обо всех предосторожностях, в ужасе вскочили.

Рон поспешно нажал на эту же кнопку во второй раз. Боль тотчас же прошла. Он удивленно поднес молот к лицу и недоверчиво осмотрел его. Он был абсолютно уверен, что только что включил мощный источник ультразвука, который, видимо, был предназначен для того, чтобы угнетать эвергринов в присутствии их идола или прививать грешникам уважение к нему. В этом не было никакой загадки. Вопрос был в том, какое действие могут вызвать остальные кнопки. Может быть, шпрингеры подумали также и о том, что однажды лягушко-медведь может встретиться с по-настоящему смертельной опасностью, и снабдили его оружием, которое убивает само и без промедления. Что, если следующая кнопка приводит в действие это оружие?

Рон некоторое время колебался. Он задумался над этим, и ему стало ясно, что у него нет никакого выбора. Молот был единственным оружием, которое у них было. Они должны знать, как он функционирует, иначе они не смогут его использовать.

Он встал и попытался представить себе, как лягушко-медведь будет держать молот, если захочет защититься от врага. Высоко над головой, поднятым для удара? Едва ли. Тогда ему будет очень трудно прицелиться. Или небрежно, словно на уме у него нет ничего недоброго, держа одну из рук ближе к головке молота? Это было более вероятно. Это больше соответствовало манере идола

ударить неожиданно, когда он заметит какую-то враждебность по отношению к себе.

Рон взял молот за основание рукоятки, так что длинный ее конец, словно меч, косо свисал вдоль его бедра. Теперь ему было трудно добраться до кнопок; для этого он должен был пропустить левую руку под правую. Но у лягушко-медведя было четыре руки, две на каждой стороне. Он, конечно, мог без труда дотянуться обеими правыми руками до того места, где находятся кнопки.

Рон нажал вторую нижнюю кнопку, и его отшвырнуло в сторону, словно головка молота разрядилась с чудовищной силой. Концентрированный пучок ослепительного энергетического выброса ударил наискось вверх и бесполезно погас в воздухе. Рон едва осознал, что он машинально сразу же нажал на эту кнопку во второй раз и поэтому оружие больше не стреляло.

Не было никакого сомнения: молот, кроме всего прочего, был еще и великолепным термоизлучателем.

Третья кнопка включила дезинтегратор, который при помощи зеленоватого луча разрушал силы кристаллизации в твердом веществе и превращал его в газ. Четвертая кнопка, когда он ее нажал, не произвела никакого видимого действия, что заставило Рона обратить на нее особое внимание. Пятая кнопка, очевидно, включала небольшой генератор антигравитации, потому что, нажав ее, Рон мгновенно почувствовал, что вес его тела уменьшился. Слабый толчок ноги поднял его вверх, и, когда он снова захотел опуститься вниз, ему пришлось оттолкнуться от ветвей стеклянного дерева.

Вот каким образом лягушко-медведь совершал свой чудесный подъем по шахте в жертвенный зал с черным четырехугольником.

Шестая кнопка снова не оказала никакого заметного действия. Это вызвало недоверие Рона. Он решил не нажимать ее во второй раз, пока не узнает, как она действует.

Ему было достаточно знать, что, обладая этим молотом, они имеют весьма действенное оружие. Он не имел никакого представления о радиусе его действия, но, пока шпрингеры не нападут на них сверху на глайдере или на посадочном боте, его должно хватить, чтобы справиться со всеми опасностями, пока они будут ремонтировать свою машину.

Лофти и Ларри с большим интересом наблюдали за его действиями. Его приказ был для них неожиданным.

— Теперь вперед! Мы должны снова отремонтировать глайдер.

* * *

Начало было многообещающим.

Похоже было, что Ларри, когда он впал в ярость и начал кру-

шить глайдер, вовремя получил удар током и не смог причинить серьезного вреда. Сильнее всего был поврежден боковой пульт, обслуживающий стабилизаторы полета и искусственное поле тяготения во время мгновенного старта и подъема на большую высоту. При нужде он мог летать и без этого пульта. Но Ларри нашел также несколько повреждений на главном пульте управления, и прежде всего он разбил оба передатчика глайдера.

Ларри и Рон занялись ремонтом, а Лофти, почти не разбирающийся в этом, остался снаружи и держал глаза открытыми.

Незадолго до захода солнца ремонтные работы продвинулись настолько, что глайдер мог уже стартовать и при особо благоприятных обстоятельствах, без лишних трудностей, летя на приемлемой высоте, добраться до Модессы. До сих пор все было спокойно, и поэтому Рон решил продолжить восстановительные работы.

Едва он принял это решение, как в лесу загремели барабаны эвергринов. Их звук казался лихорадочным и нервным; высота звука менялась по меньшей мере через три секунды, и сила звука нарастала в чудовищном ритме.

Рон прервал работу и стал наблюдать за Лофти Паттерсоном, который стоял снаружи на поляне и пытался понять барабанное сообщение. Внезапно он повернулся и побежал к глайдеру. На его лице было выражение беспомощности.

— Они благодарят своего идола,— задыхаясь, произнес он.— Потому что он милостив и прощает им их грехи. Но при этом я все время думаю о том, что ведь мы же убили его.

В первое мгновение Рон удивился не меньше, чем Лофти. Разве мог лягушко-медведь выбраться из-под завалившей его лавины? Это казалось невозможным. Каменные осколки должны были убить его, прежде чем погребли под собой.

Потом ему вдруг все стало ясно. Он удивился, почему он раньше не подумал об этом. Шпрингеры были не настолько недальновидны, чтобы просто привезти сюда идола, с которым в любую минуту может что-нибудь случиться, в результате чего они потеряют власть над эвергринами. Поэтому у них было несколько экземпляров лягушко-медведей, и, если один из идолов выходил из строя, для него сразу же подготавливается замена, так что в суеверном почитании эвергринов нет никаких пробелов.

Рон понял, что это значило: они не должны рассчитывать на растерянность эвергринов и на то, что руки у шпрингеров будут заняты тем, чтобы снова привести эвергринов в подчинение. Для шпрингеров все давно уже было в порядке. Они заменили убитого идола на живого, и он заверил эвергринов в своем благорасположении к ним. Теперь руки у них были свободны, чтобы выступить против главного врага: трех землян, которые вместе с полуразбитым глайдером находились в пустыне стеклянного леса.

Рон махнул Лофти рукой.

— Быстрее внутрь! — приказал он.— Мы стартуем немедленно!

* * *

Покачиваясь, машина поднялась над стеклянным сводом леса. Голубое солнце, исчезнувшее за деревьями пару минут назад, появилось снова.

Рон сидел на месте пилота. Взгляд его скользил по рядам приборов справа налево и снизу вверх, всегда готовый уловить ошибку в работе бортовой аппаратуры. Но двигатель работал спокойно и уверенно, маленький антиграв поднял машину на достаточную высоту, и кормовые дюзы развили расчетную тягу, когда Рон переключился на горизонтальный полет.

Рон был удовлетворен. Он облегченно вздохнул. Все шло лучше, чем он ожидал. Он хотел повернуться и сказать пару ободряющих слов своим спутникам, когда Ларри воскликнул:

— Внимание! Справа по борту чужая машина!

Рон повернулся. Справа находилось заходящее солнце. Враг нашел отличную позицию для нападения. Его машина была всего лишь маленькой полупрозрачной тенью, видимой на фоне слепящего океана света.

Рон вынудил себя сохранять спокойствие. Он не изменил курс. Глайдер продолжал лететь на запад, низко над деревьями леса. Он двигался с наивысшей скоростью, которую был способен развить его двигатель.

— Позволим им подойти! — крикнул Рон.— Они не знают, что мы вооружены. Вероятно, они хотят поиграть с нами в кошки-мышки.

Это предположение оказалось верным: чужая машина, тоже глайдер, с превосходящей скоростью приблизилась и пару раз облетела машину землян. Сквозь стекло кабины Рон увидел две массивные, широкоплечие фигуры шпрингеров.

Они впервые ввязались в бой на Пассе. В первый раз они не скрывали того, что именно они были теми, кто вызвал суматоху на этой планете. Рон горько усмехнулся, когда ему пришло в голову, что они решились на открытое нападение, потому что считали земную машину вместе с ее пассажирами легкой и доступной жертвой, которая, несомненно, не сможет улизнуть от них.

Ларри позади него пробурчал:

— Они у меня на прицеле, Рон. Если я нажму на спуск, у их машины образуется огромная дыра.

Рон покачал головой.

— Пока еще нет, Ларри. Если мы обстреляем их здесь, через пару минут вся их армада будет у нас над головой.

Рон летел на запад, к горам. Он знал, что им предстоит встретиться с еще одной огромной опасностью, потому что корабль шпрингеров, если только он еще не стартовал, должен быть укрыт где-то в ущельях гор Мидленд. Он предполагал, что этим и объясняется беззаботность шпрингеров, находящихся в глайдере.

Горы вздымались все выше. Наступил час коричневых сумерек, когда верхний край диска голубого солнца уже исчез за горизонтом, а красное пятно света на востоке становилось все ярче.

Вражеская машина все еще не изменила свою тактику. Она неустанно кружила вокруг земного глайдера, и на лицах обоих членов ее экипажа были видны самоуверенные улыбки.

Рон держал курс на выступающие горные пики и изменил его только тогда, когда до горной стены осталось около сотни метров. Он повернул вправо, на юг, пристально наблюдая за машиной врага. От него не ускользнуло, что шпрингеры занервничали. Круги, которые они описывали, стали у́же.

«Они забеспокоились,— весело подумал Рон.— По-видимому, мы выбрали правильное направление. Я думаю, их люди находятся на севере!»

Шпрингеры начали открыто выказывать враждебность. Очевидно, в их планы не входило уничтожение земного глайдера вместе с его экипажем. Они дали один залп из термопушки, заряд пришел довольно далеко от носа машины Рона.

Рон прекратил горизонтальный полет. Антиграв без труда удерживал машину над деревьями и круто вздымающимися склонами.

— Теперь внимание, Ларри,— тихо сказал он.

Шпрингеры, очевидно, поняли этот маневр так, как и должны были понять: земляне уже готовы сдаться. Они приблизились не слишком быстро и довольно осторожно. Рон увидел грозные дула пушек в борту и на носу вражеской машины.

— Оставь их, оставь! — сказал Рон Ларри, услышав шорох позади себя.— С пяти метров, конечно, ты попадешь увереннее, чем с двадцати.

Ларри что-то пробурчал про себя. Шпрингеры приблизились. Один из них открыл люк и быстро начал жестикулировать. Рон понял: он хочет указать ему новое направление. Но он оставил глайдер на месте, сделав вид, что ничего не понял.

Шпрингеры тем временем приблизились вплотную. И когда острый нос их машины почти уже коснулся земного глайдера, Ларри Рэнделл выстрелил. Дикий, раскаленный луч ударил из головки молота. В тихом воздухе над лесом внезапно раздался громкий, жесткий треск. Что-то разлетелось на куски в ослепительном языке пламени. Пылающие обломки разлетались во все стороны.

Когда Ларри выключил молот и глаза привыкли к полутьме, они увидели только серую ниточку дыма, отвесно поднимающуюся снизу, и ужасную черную дыру в море сверкающих стеклянных деревьев. Рон отбросил все мысли, которые захлестывали его, и снова включил двигатель. Часом позже глайдер преодолел горы и взял курс на запад, к городу Модесса.

* * *

— Это вы? — спросил Найк Квинто с необычайной серьезностью указывая на невзрачную, потрясенную фигуру Лофти Паттерсона.— Из прошедшего ясно, что этот человек должен пройти специальную подготовку, как только мы покончим со всем этим делом, не так ли? Вы не можете прийти в отдел простым чужаком-дикарем и требовать от нас, чтобы мы снова использовали вас, такого неподготовленного.

Рон Лэндри улыбнулся.

— В опасных ситуациях у вас поднимается кровяное давление, сэр,— ответил он, использовав один из контраргументов,— и я предлагаю отделу оставить этого человека своим постоянным представителем на Пассе. Нет никого, кто бы знал эту планету лучше него.

Найк Квинто поднялся из кресла.

— И в самом деле,— произнес он резким голосом,— вы необычайно подняли мое кровяное давление. С каких это пор вы назначаете новых сотрудников? Неужели вы думаете, что я слишком стар и глуп для этого? Нет, молодой человек, вы ошибаетесь.— Его затянутое в мундир тело снова опустилось в кресло. Уже более спокойным голосом Квинто продолжил: — Ну хорошо, мы обдумаем это предложение. Но сначала мы должны завершить более важные дела.

Рон облегченно вздохнул. Он увидел, что Ларри бросил на него веселый взгляд. Теперь он был уверен, что Лофти Паттерсон станет постоянным представителем Интеркосмической службы социальной развернутой помощи, ее Третьего отдела. По мнению Рона и Ларри, он более, чем кто-либо другой, подходил для этого.

— Ваш доклад,— начал Найк Квинто новым, на этот раз деловым тоном,— будет проанализирован во всех деталях, Вы узнаете, какие из этого будут сделаны выводы.

Во-первых, ваше предположение, майор Лэндри, что шпрингеры хотят развязать войну на Пассе, подтвердилось. Все признаки указывают на это. Итак, у шпрингеров должно быть новое оружие, при помощи которого они надеются выиграть эту войну. Какое это оружие, нам до сих пор не известно.

Во-вторых, тот факт, что эвергрины сначала оставляли лежать на месте убитых ими поселенцев и только во второй стадии восстания начали утаскивать их, чтобы приносить в жертву своему идолу, по мнению экспертов, позволяет заключить, что шпрингерам в начале их действий самим не был ясен план нападения. Через пару дней они почему-то существенно изменили его, стремясь заполучить в свои руки и трупы землян, а не только живых пленников.

В-третьих, молот изучен. Функции кнопок номер четыре и номер шесть известны. Номер четыре действует как нервный тонер, когда кнопка нажата и молот занесен — но *только* одновременно,— Найк Квинто сделал короткую паузу и посмотрел на своих собеседников.— Значит ли это для вас что-нибудь?

У Рона появилась мысль.

— Это свидетельствует,— ответил он,— что идол даже не убивал своих жертв. Он взмахивал молотом, и эвергрины видели, как пленники падают. Они считали, что жертвы мертвы, но они все еще были живы.

Найк Квинто одобрительно кивнул.

— Вот именно. Нам не нужно бояться, что многие из исчезнувших землян уже убиты. Шпрингерам зачем-то они нужны были живыми.

В-четвертых, кнопка номер шесть приводит в действие весьма своеобразный прибор. В сущности говоря, это передатчик на редкость небольшой мощности. Поэтому на больших расстояниях его сигнал можно принять только в том случае, если он работает остронаправленным лучом. Поэтому предусмотрены предосторожности. Остронаправленный передатчик работает автоматически. При помощи фотошаблона, пока передатчик находится в сфере действия этого шаблона, луч его направлен на совершенно определенное место. По мнению экспертов, этим местом является база шпрингеров.

Он еще раз обвел всех взглядом и остался доволен впечатлением, произведенным его объяснениями. Рон подскочил от удивления. У Ларри и Лофти на лицах застыло напряжение.

— Это, конечно, означает конец базы,— спокойно продолжил Найк Квинто.— В настоящее время на Пассу направлена боевая команда, вооруженная этим передатчиком, и она уже разыскала шпрингеров.

Но есть еще кое-что более важное: существа, которых вы описали как лягушко-медведей, в Галактике неизвестны. И еще: эксперты пришли к мнению, что такие существа не могут иметь естественного происхождения. В них слишком много противоречащих друг другу черт. По их мнению, лягушко-медведь, хотя и органического, но искусственного происхождения.— На этот раз, казалось, никто не хотел терять времени на то, чтобы высказать свои собственные

заключения, поэтому он поспешно продолжил: — Это дает нам очень четкий след, господа. В Галактике существует только один народ, который может изготавливать искусственные существа так быстро и с таким качеством: арасы, потомки арконидов, которые всегда без зазрения совести продают свои научные достижения. Мы не в первый раз видим, что они заключили пакт со шпрингерами, причем для шпрингеров он приносит прибыль, а для арасов научную выгоду. Поэтому мы должны предположить, что планета Пасса желанна не только для шпрингеров, но и для арасов. Совместная работа обеих рас и привела к несогласованности, которая возникла в начале осуществления плана. Она также затруднила наши действия на Пассе. Арасы — намного более серьезные противники и именно потому, что они не вступают в открытый бой, они предпочитают оставаться на заднем плане, используя неизвестное оружие.

Найк Квинто на некоторое время замолк, чтобы его слова подействовали на слушателей. Он спокойно наблюдал, как Рон Лэндри опустил голову, уставившись в пол, и на некоторое время задумался. Лэндри Рэнделл, откинувшись, сидел в кресле, глаза его были полузакрыты. Лофти Паттерсон, выпрямившись, сидел на своем месте и смотрел на полковника Квинто. Но у Найка было ощущение, что он его не видит.

— До сих пор еще нет ответа на один вопрос,— через некоторое время снова начал Квинто.— Как противникам удалось сделать так, чтобы эвергрины начали поклоняться идолу? Я предполагаю: довольно несложно поместить какого-нибудь великолепно функционирующего робота под нос примитивным туземцам и заверить их, что это бог или что-либо подобное. Но я не уверен, будут ли эти примитивные туземцы испытывать к роботу такую преданность и несокрушимую веру, как эвергрины к лягушко-медведю. Я уверен, что тут кроется еще какая-то маленькая тайна, и я...

В это мгновение впервые заговорил Лофти. Он прервал Найка Квинто и сказал:

— Вероятно, я смогу объяснить это, сэр. В прежние годы я много занимался эвергринами и неплохо знаю их. У них нет собственной литературы. Они не имеют письменности. Но они из уст в уста передают ряд саг; и среди них есть одна, в которой говорится, что с неба спустился могущественный бог и встал на защиту народа эвергринов. Бог описывался как могучее четырехрукое существо, и он должен был быть в состоянии совершить ряд неслыханных чудес.

Найк Квинто кивнул, словно и не ожидал ничего другого.

— Это хорошо подходит к лягушке-медведю,— ответил он.— Чудеса он, конечно, совершал, но только... Эвергрины, сами шестиметрового роста, вдруг сочли могущественным всего лишь трехметровое существо?

Никто не знал ответа на этот вопрос. Рон и сам задумывался над этим, и ему казалось, что здесь в планах противника допущена ошибка.

— Мы воспользуемся этим,— внезапно сказал Найк Квинто. Он встал, показывая, что совещание закончено.— Последние приготовления проводились в большой спешке. Будьте в моем распоряжении, господа. Вероятно, послезавтра вам снова придется отправиться — у вас будут все средства, которые только вам понадобятся, чтобы положить конец всему этому хаосу на Пассе.

Больше он не сказал ничего. У Рона появилось чувство, что он дал им невыполненное задание и что ему доставляет удовольствие наблюдать, как они будут ломать над ним голову.

10

СОМНЕНИЯ В НАШИХ СЕРДЦАХ, О МОГУЩЕСТВЕННЫЙ! МЫ, БЕДНЫЕ, НЕ ОЖИДАЛИ УВИДЕТЬ ДВУХ БОГОВ. УСТРАНИ НАШИ СОМНЕНИЯ, О ВЕЛИКОЛЕПНЕЙШИЙ! ЭТО ТОЛЬКО В ТВОИХ СИЛАХ, И МЫ ВСЕГДА ХОТИМ ВИДЕТЬ ТЕБЯ САМЫМ МОГУЩЕСТВЕННЫМ!

Чудовище пробиралось через красный полумрак стеклянного леса, восьми метров в высоту, покрытое косматой шерстью, шестью руками убирая с дороги ветви. Монстр с ревом переваливался, когда стеклянные деревья оказывали ему сопротивление, и его рев был слышен в лесу на целый километр.

Взревели барабаны эвергринов, чтобы успокоить чудовище. И чудо произошло: гигантское существо поняло язык барабанов и пощадило тех, кто ему поклонялся. Но другие, которые оставались верными идолу, которому они теперь строили загон по ту сторону гор Мидленд, были уничтожены, беспощадно и с чудовищной силой.

Известие о новом боге распространилось по всей местности. Доказывало ли это, что маленький бог Мидленда, бездеятельно наблюдавший за гибелью своих приверженцев, уже признал свое поражение? Как можно узнать, кто является настоящим богом, когда новое гигантское создание громовым голосом оповещало, что именно оно настоящий Аиаа-Ооои, а тот, кому за горами строили новый замок, лишь маленький второстепенный идол, который из-за своего сходства с настоящим богом — хотя он и был намного меньше — пытался использовать это для своей выгоды.

Кому из них можно верить? Конечно, маленький бог за горами

подал свой голос, когда узнал о чудовище. Но голос его был далеко не таким могучим. В лесу его можно было слышать лишь на расстоянии пары шагов, и он не произносил ни одного понятного слова.

В болезненных спорах со своей совестью бедные дети обоих идолов упорствовали и в конце концов положились на своих богов, спорящих друг с другом о том, кто из них является настоящим.

И все же маленький бог за горами, казалось, не собирался сдаваться. Тех, кто жил поблизости от него, он пытался убедить, чтобы они пошли против чудовища и убили его. Однажды он собрал группу людей. Они поднялись в горы и напали на большого бога, чтобы заманить его в ловушку. Но большой бог метнул молнии из глаз и из рук и уничтожил их — быстрее, чем можно дважды взмахнуть хвостом. С тех пор больше ни один эвергрин не отваживался идти в бой за маленького бога.

Большой бог пришел с северо-запада, и через полтора дня после того, как он появился в первый раз, он достиг подножия гор. Эвергрины со страхом наблюдали за ним издали и видели, как он поднялся в горы, не снижая скорости. Они удивлялись его размерам и силе и были почти уверены, что именно он настоящий бог, а не тот малыш по ту сторону гор.

Но внутри большого бога, примерно на той высоте, где должны были находиться кишки, в одном из кресел сидел капитан Ларри Рэнделл и вкладывал новую ленту в воспроизводящее устройство. Он включил аппарат, и через несколько секунд громкоговоритель тысячекратно усиленным голосом из лягушачьей пасти чудовища начал выкрикивать новое сообщение на языке эвергринов.

Ларри недовольно покачал головой.

— Несмотря на то, что это срабатывает великолепно,— пробурчал он,— все равно это остается детской забавой!

* * *

У Рона Лэндри кресло было наверху, прямо в голове чудовища. Оттуда он управлял его движениями и мощным атомным двигателем, который находился там, где должны были располагаться легкие. У Рона была своя собственная кабина со звуконепроницаемыми стенками. Иначе он не мог бы дольше получаса выносить громовой голос большого бога.

И, наконец, в одной из могучих ног, у подслушивающего устройства присел Лофти Паттерсон. Там, внизу, он слушал барабанные сообщения эвергринов, и если он услышит что-нибудь важное, то по интеркому должен был сообщить об этом Рону Лэндри.

21 октября 2402 года, примерно в пятнадцать часов по бортовому времени, большой бог оставил позади себя горы Мидленд, так

ни разу и не остановившись на пути. Он уже выполнил главную часть своего задания. Но он прибыл на Пассу не только затем, чтобы обратить внимание шпрингеров и арасов на то, как он идет по стеклянному лесу, и отвлечь их внимание, чтобы майор Бушнелль вместе со своей боевой командой имел возможность приблизиться к тому месту, где автоматический остронаправленный передатчик указывал местонахождение тайной базы противника.

Тактический план предусматривал, что Бушнелль со своими двумястами людьми должен окружить базу в пятнадцать часов тридцать минут по земному времени так, чтобы шпрингеры больше не могли двинуться с места. Потому что даже большому богу будет, вероятно, неприятно, если он столкнется во вновь построенном замке не только с фальшивым идолом, но и с боевым патрулем шпрингеров.

Подошло критическое время, но ничего не случилось. От майора Бушнелля поступило короткое, исчерпывающее радиосообщение, гласившее, что он может приступить к выполнению плана. Шпрингеры еще не знали о том, что их окружили. Они узнают об этом, когда захотят прийти на помощь своему атакованному в замке идолу. Бушнелль, впрочем, также сообщил, что, как и ожидалось, на базе находились два шпрингеровских корабля средних размеров.

Большой бог тем временем, меча молнии из глаз и выкрикивая приказы могучим голосом, вступил в область пещер Восточного Мидленда, как они окрестили эту местность, и замолчал только тогда, когда Рон услышал сердитый голос Лофти, находящегося в ноге чудовища:

— Там снова слышны барабаны! Выключите эту дьявольскую иерихонскую трубу, чтобы я смог разобрать это сообщение!

* * *

Незадолго до захода голубого солнца бог достиг места, на котором эвергрины начали возводить замок своему богу Аиаа-Ооои. Они выкорчевали участок леса и возвели из стволов деревьев высокую стену. Большего они сделать не успели, потому что местность потрясло сообщение о прибытии нового, более могущественного бога.

Рон Лэндри сверху, из шеи чудовища, хорошо видел пространство перед собой. Поляна и замок были тихи в свете заходящего солнца. Нигде не было видно никаких следов искусственного существа арасов, а эвергрины, вероятно, давно уже убрались отсюда.

Рон остановил чудовище. Огромный колосс, отбрасывая густую тень, стоял на поляне, поворачивая голову, словно осматриваясь. И его голос гремел:

— Где фальшивый идол? Он должен выйти и показать мне, на что он способен. Тогда я посмотрю, могу ли я пощадить его!

Рон почувствовал легкое беспокойство, услышав за стенками кабины запись на магнитной ленте. Предложения эти были начитаны на Земле, и ленты тщательно помечены. Но никто не мог понять, что ревел голос, даже Лофти. Что, если Ларри ошибся, поставив не ту ленту, и большой бог говорил нечто, совершенно не подходящее к данной ситуации? По мнению Рона, было бы лучше, если бы они подождали, пока трансек не будет настроен таким образом, чтобы иметь на выходе достаточно мощный импульс для использования его через динамик. Тогда любая ошибка была бы исключена. Но, по мнению Найка Квинто, нельзя было терять ни секунды. И все всегда считались с мнением Найка Квинто.

Рон решил как можно быстрее покончить с этим театром масок. Он снова двинул чудовище вперед, направив его вдоль стены здания. При этом оно непрерывно ревело, требуя у маленького бога показаться и отстоять свои права.

Стена не была грозным препятствием для чудовища. Он один-единственный раз ударил по стволам; они сломались, сдвинулись в сторону или были вырваны из земли. При втором ударе вся стена с треском развалилась.

Он высохшей почвы поднялось густое облако пыли, а в центре этого облака было видно косматое лягушко-мордое чудовище, топтавшее остатки стволов.

Это было своеобразное зрелище. Выкрикивая дикие проклятия, управляемый людьми искусственный монстр бушевал на обломках святыни, которую возвели в знак почитания другого искусственного монстра. Рон бросил лишь короткий взгляд на эту картину разрушения. Все его внимание было направлено на окраину леса, и наконец он увидел легкое движение на северном краю поляны.

Его поле зрения не было связано с движением головы гигантского лягушко-медведя. Пока тот вращал своим черепом взад и вперед, Рон мог сконцентрировать свое внимание на подозрительном месте на краю леса. В сверкании стеклянных деревьев он увидел две худые высокие фигуры, манипулирующие двумя приборами, похожими на древние пушки. Это были низкие, пустые трубы, направленные на поляну. Рон не столько заинтересовался этими аппаратами, сколько двумя фигурами, манипулирующими ими. Их хорошо было видно всего секунду, но даже этого хватило, чтобы развеять последние сомнения Рона: это были арасы, представители расы «галактических врачей», как их называли. Они прибыли сюда, чтобы защитить свое создание.

Рон поднял одну из рук чудовища и тщательно прицелился. Оба араса, казалось, были полностью поглощены своей работой и те-

перь присели на корточки за пушками. Слепящий шипящий термовыстрел Рона прошел точно между ними. Нагревшийся за долю секунды воздух расширился, как при взрыве. Рон видел, как обе высокие худые фигуры отшвырнуло в противоположные стороны, и они остались лежать неподвижно. Одна из пушек взлетела высоко в воздух, проломила сплетение ветвей стеклянного дерева, а потом с треском рухнула вниз вверх основанием, и Рону на мгновение показалось, что он видит зеленоватую ниточку дыма, поднимающуюся из ее дула. Но он не стал больше обращать на нее внимание. Он повел лягушко-медведя в лес по следам двух арасов.

Несколько минут спустя он достиг второй, более маленькой, поляны. Он с первого взгляда увидел рыхло насыпанную кучу грунта на другом ее краю и темное отверстие, зияющее в этой куче. На долю секунды он заметил мелькнувшую коричневую косматую шерсть, сразу же исчезнувшую. Этого ему хватило. Он выстрелил во второй раз, и в то же мгновение по лесу разнесся болезненный, гневный вопль.

Маленький бог выбрался из своего убежища и вступил в борьбу. В его шерсти было обгорелое отверстие, там, где выстрел большого медведя попал в него, и он неуверенно держался на ногах. Но он размахивал своим молотом, испускающим слепящие молнии.

Рон колебался недолго. Он взмахнул рукой большого бога и выстрелил, направив ее в центр живота маленького бога. Энергетический удар разорвал маленького бога.

Путь в отверстие был свободен. Это отверстие было не настолько большим, чтобы большой бог мог без труда воспользоваться им как входом. Но у него было множество суставов. Он мог нагнуться и, испуская яркий свет из обоих глаз, освещать себе путь в темноте.

Штольня, казалось, вела внутрь. Она была так высока, что эвергрины, слуги фальшивого идола, могли свободно передвигаться по ней, и поэтому большой бог не испытывал особых затруднений. Внизу, в глубине, горел слабый красный свет, который можно было различить только тогда, когда глаза большого бога перестали испускать яркий свет. Большой бог направился на этот красный свет.

В то же мгновение Рон принял сообщение от майора Бушнелля.

— Все в порядке! Мы взяли базу! Захвачено сто тридцать шпрингеров. Они сдались без сопротивления, когда увидели, что их окружили. Их машины обезврежены.

Рон двинул большого бога вперед еще быстрее, потому что он знал, что теперь его противниками были только арасы.

Красный свет горел перед дверью из толстых досок стеклянного дерева. Большой бог проломил ее одним-единственным могучим пинком. Ход за ней вел в зал, а зал был наполнен зеленовато светящимся газом. Большой бог не обратил на это внимания. Он прошел через зал и проник в другой ход. Ход внезапно заполнился

ярко светящимися вспышками, и большой бог получил мощный удар, который почти вышвырнул его назад, в зал. Но в следующее мгновение он сам метнул мощную молнию, которая с шипением пролетела по коридору, и с другого его конца донесся дикий рев, который через некоторое время смолк. Большой бог устремился дальше и через некоторое время нашел лежащие посреди хода трупы еще трех маленьких богов, бывших последним резервом арасов, и неподвижные тела четырех арасов, которые использовали здесь свое искусство, чтобы выстоять в борьбе, хотя они никогда не вступали в открытый бой.

После этого путь был свободен. Ход закончился еще одной дверью из толстых досок, и, когда мощный пинок большого бога проломил ее, Рон Лэндри наконец увидел, что он нашел то, что искал: огромный, освещенный лампами зал, в котором на полу лежали тысячи погруженных в апатию людей, покорившихся своей ужасной судьбе, уже уверовавших в то, что они будут жертвами нечеловеческого идола и что их поведут на вивисекцию к арасам, и для них не будет никакого спасения.

Снова прогремел голос большого бога, уже на другом языке:

— Вы свободны, земляне! Вставайте и выходите! Фальшивый идол мертв!

* * *

Найк Квинто потирал руки. Никто до сих пор не видел его в таком хорошем настроении, как сейчас.

— Итак, к нашему удовольствию, все кончено, да? — хихикнул он.— По сравнению с тем, что мы боялись сначала, наши потери незначительны. Восстание эвергринов стоило жизни в целом тремстам пятнадцати землянам. При этом триста два человека были убиты эвергринами, а остальные тринадцать погибли во время экспериментов, которые арасы ставили над ними. Впрочем, знает ли кто-нибудь из вас, что именно они делали?

Рон Лэндри покачал головой.

— Нет, сэр. Во всяком случае, они намеревались провести большой эксперимент. Они собрали десять тысяч землян при помощи идола эвергринов.

Найк Квинто кивнул.

— Да, тут вы правы. Ну, хорошо, мы нашли их подземную лабораторию, теперь двое из них попали к нам в руки живыми, и при правильном допросе они будут рады выложить нам всю правду. Во всяком случае, большой бог снова вразумил эвергринов, и никогда больше они не будут думать, что могут быть счастливы только в том случае, если будут бороться с землянами.

Рон Лэндри улыбнулся. Он посмотрел на Ларри и Лофти, сидящих возле него, потом, повернувшись к Найку Квинто, сказал:

— Если честно, сэр, мы не верили в успех вашей... гм... такой смелой и авантюрной идеи. Мы хотели бы сделать вам комплимент за ваше предвидение, которое было гораздо более широким, чем нам казалось.

Лицо Найка Квинто покраснело. Он сглотнул, с трудом подбирая слова.

— Вы снова хотите поднять мое кровяное давление, да? — пропыхтел он.— Смелая и авантюрная — какая чушь! Если какой-то дикарь на каком-нибудь из отсталых миров сочтет маленький автомобиль за бога, тогда, черт побери, по логике вещей он сочтет большой автомобиль за большого бога. В этом вся мудрость. И предвидение или предсказание — чушь... конечно, я более дальновиден, чем вы, иначе вы сидели бы на этом месте и были бы полковником, а я сидел бы там и был бы просто майором. Отстаньте от меня с такими разговорами, я чувствую, что моя кровь снова начинает закипать.— Он захрипел и поднял руку к воротнику.— Ох, вы вгоните меня в гроб, Лэндри, и вы, Рэнделл. Не говоря уже о нашем новом человеке на Пассе. Да не смотрите вы на меня, как дурак! Иначе мне будет еще хуже.

Лофти беспокойно ерзал в кресле. Он еще недостаточно привык к Найку Квинто, чтобы воспринимать его жалобы так, как их нужно было воспринимать.

— А что произошло со шпрингерами? — спросил Рон, чтобы перевести разговор на другую тему.

— Что вы имеете в виду? — встрепенулся Найк Квинто.— Вы уже получили необходимую информацию, в том числе и о двух пленных арасах. Я не сомневаюсь, что эти нелюди рассчитывали свои работы лет на двадцать. А мы сделаем так, что об их делишках стало известно всей Галактике. Может быть, шпрингерам стоило бы подумать, прежде чем ввязываться в такую авантюру.

Рон задумчиво спросил:

— Должно быть, они многое поставили на карту, не так ли? Иначе они не отважились бы на подобное.

Найку Квинто удалось сохранить спокойствие. Он деловито кивнул и ответил:

— О да, вы правы. Но они преследовали не только эту цель. Конечно, с самого начала они поставили перед собой только одно задание — прибрать к своим рукам торговлю копрой Пассы. Они задумались, как им удобнее начать это дело, и втянули в него арасов. Вероятно, они пообещали арасам, что если они помогут им, то для них на Пассе найдется какая-нибудь научная выгода... например, десять тысяч землян в качестве подопытных кроликов.

Потом смешанный отряд высадился на Пассе и осмотрелся.

Вероятно, он уже тогда заметил, насколько великолепны были шкуры эвергринов, и взаимодействие между шпрингерами и арасами укрепилось. Теперь они даже отважились очертя голову броситься в это дело и, в случае необходимости, ввергнуть в войну все планеты, потому что, как только арасы заполучили в свои руки первую дюжину змеиных шкур, они получили своеобразное оружие, подобного которому еще не было в Галактике... по крайней мере тогда.

Рон подскочил.

— Змеиные шкуры... оружие?..— пораженно спросил он.

Найк Квинто спокойно кивнул.

— Мне кажется, они задумались над этим немного раньше,— произнес он.

Потом он выдвинул ящик своего письменного стола и достал оттуда ампулу. Он поднял ее, держа против света, чтобы Рон мог увидеть, что она заполнена зеленоватым переливающимся газом. Цвет газа что-то напомнил ему, но сначала он не понял, что это было.

— Наши ученые назвали эту штуку авертидином. Они знают, как он действует на нервную систему человека. Арасы пустили его в пещеру, которую вы изучали вместе с Паттерсоном. Они также протащили его сквозь защитное поле, которым был окружен глайдер, находящийся под охраной капитана Рэнделла. Газ этот чрезвычайно активен. Он проходит через защитный экран почти без задержки. И того, кто его вдохнет, охватывает неудержимая ненависть ко всему, находящемуся вокруг него. Может быть, разгадка заключается в том, что арасы хотели разрешить на Пассе проблему, как сделать действие авертидина управляемым, направить его на определенне существа или предметы. Но заверяю вас, что так может быть. Мы узнаем это точно, когда допросим арасов и изучим их подземную лабораторию.

Он задумчиво посмотрел на Рона.

— Арасы были в этом быстрее наших ученых,— продолжил он.— Наши взялись за это только тогда, когда восстание уже началось. И все же вот это,— он взмахнул ампулой,— получено в наших собственных лабораториях.

Рон Лэндри внезапно побледнел.

— Боже мой,— пробормотал он.— Если...

— Если бы вы не были герметически заперты в супербоге, хотите сказать? — улыбнулся Найк Квинто.— Да, тогда вы в вашей кабинке довольно сильно разгневались бы. Именно поэтому, как я уже сказал, арасы наполнили этим газом зал перед лабораторией.

Рон поспешно покачал головой.

— Я имел в виду не это,— с трудом выдавил он из себя.— Но пленники... десять тысяч которых мы нашли внизу, в зале. Если

бы они слишком ослабли и не смогли бы сразу же подняться и выбежать наружу, они оказались бы посреди газа, и между ними началась бы кровавая бойня...

Найк Квинто снова кивнул, на этот раз серьезно.

— Да, это так. То, что этого не произошло, не наша заслуга. Нашему третьему отделу, несомненно, крупно повезло, мой мальчик.

Он встал, затем последний раз поднял ампулу к свету и внимательно посмотрел на нее.

— Впрочем, я кое-что забыл,— сказал он.— Важнейшая составная часть авертидина получается из шкур эвергринов. Поэтому и возникла вся эта заваруха.

* * *

Но Большой Бог, лишенный своей подвижности, уже снова был на пути к Земле. Он внушил примитивным туземцам на Пассе уважение к землянам, а большего ему было не надо. Его задание было выполнено.

В час коричневых сумерек в стеклянном лесу звучали барабаны эвергринов; змеевидные существа пели:

— ВЕЧНО ВОСХВАЛЯЕМ МЫ ТВОЕ ИМЯ, О ВСЕМОГУЩИЙ И ВСЕВЛАСТНЫЙ! ВЕЛИКАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ЦАРИТ СРЕДИ ТВОИХ ДЕТЕЙ, КОТОРЫХ ТЫ ЗАЩИТИЛ ОТ ОГРОМНОГО ЗЛА И ОСВОБОДИЛ ОТ ФАЛЬШИВОГО ИДОЛА. МЫ ВЕЧНО БУДЕМ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ СЛУЖИТЬ ТЕБЕ, О НАСТОЯЩИЙ АИАА-ОООИ!

ФАБРИКА ДЬЯВОЛА

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ПЕРРИ РОДАН — главный администратор Солнечной империи и руководитель экспедиции в Андромеду

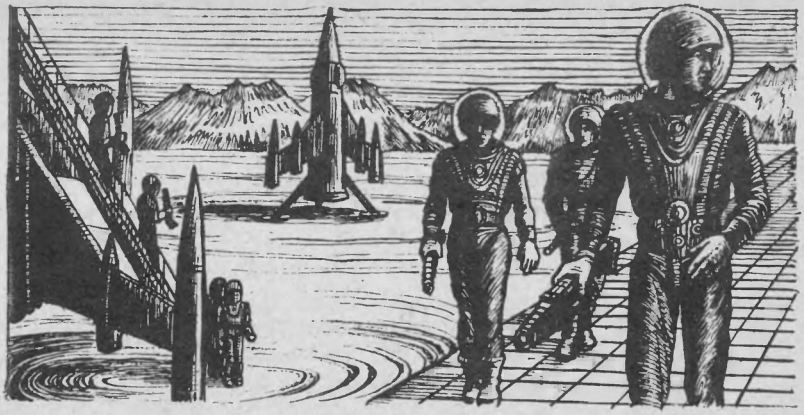
ИХО ХОЛОТ — халютер, устанавливает связь со стражами Центра

КАПИТАН ЭРНИ ЛОГАН — землянин, которого размножают

СПИК СНАЙДЕР — лейтенант, делает себя непопулярным у начальства

КРАД ХОППЕ и *ПОЭМ ЛАНГРАЖ* — друзья и товарищи по каюте Спика Снайдера

МАЙОР ЛУККА — руководитель боевой группы, которая обнаруживает «Фабрику людей»



На далекой Земле 9 апреля 2404 года

Никто на борту «Креста-3» не знает, какие выводы сделали таинственные хозяева Андромеды из внезапного появления земного боевого сверхкорабля в их самых исконных владениях. Перри Родан опирается лишь на предположения и теории.

И все же ему и другим руководителям земной экспедиции в Андромеду известно, что для «Хозяев Острова» местоположение Земли не тайна с первобытных времен, потому что они или их подручные создали на планете История резерват, в котором в безвременье находились люди всех эпох.

Один из таких пленных с Истории — майор Солнечного Флота, чей корабль был уничтожен в бою на западном краю Галактики — смог ускользнуть и попасть на борт «Креста».

Но что происходит с другими людьми на планате без времени и что ожидает землян на «Мультике», ФАБРИКЕ ДЬЯВОЛА?..

«В историческом музее Элис Спрингс, Австралия, есть странная книга, переплетенная в блестящий пластик. Эта книга, сделанная из труднораздираемой бумаги, отпечатана, как указано в выходных данных, в 2399 году. Тема этой книги: «ОПАСНОСТЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ», а написал ее человек по имени Огюст Э. Бленхайм, который уже давно канул в неизвестность.

Книга лежит в стеклянном ящичке и раскрыта на страницах

274—275. Именно на странице 274 находится то, что делает эту в общем-то малоценную книгу музейным экспонатом.

Огюст Э. Бленхайм выделяет в ней напечатанный курсивом абзац:

«Если развитие технологии будет продолжаться прежними темпами, мы вскоре увидим, особенно в области биологии и кибернетики, которые сольются в новую ветвь науки под названием БИОНЕТИКА, вещи, которые можно будет назвать гротескными и отвратительными».

На краю страницы возле этого абзаца находится сделанная от руки надпись: «SAY IT AGAIN, CHARLIE»*.

Надпись сделана обычным в третьем тысячелетии динокарандашом. Исследование давно высохшей пишущей жидкости показало, что углерод — главная составная часть жидкости — состоит почти из равного количества изотопов С-12 и С-13. На Земле и на всех других известных до сих пор планетах Галактики углерод, напротив, почти на девяносто процентов состоит из изотопа С-12, в котором изотопа С-13 чуть больше одного процента. Анализ позволяет сделать только один вывод: что этот динокарандаш изготовлен на одной из планет Андромеды, где содержится такая необычная пропорция изотопов углерода.

Эта надпись, поспешно нацарапанная на краю листа, и является тем, что делает эту книгу ценной редкостью. Мы должны предположить, что надпись была сделана тогда, когда книга была еще довольно новой. Нам неизвестно, кто автор этой надписи, но мы знаем, что он должен принадлежать к тем, кто отважился на первое проникновение в звездную даль чужого млечного пути. Наша фантазия выходит за всякие рамки, когда мы пытаемся представить себе, какие вещи видел и в каких ситуациях побывал этот неизвестный комментатор, прежде чем сделал запись в книге».

Из передовицы в «Североавстралийской газете» от 20 апреля 3677 года. Позднее автор признавался своим друзьям, что написал эту статью потому, что не знал, чем ему заполнить свободное место.

1

«Крест-3», самый могучий корабль из когда-либо построенных человечеством, находился в пяти световых годах от Истории, самой странной планеты из всех, виденных когда-либо человеком.

Спик Снайдер сидел в своей крошечной пеленгационной кабинке и читал. Кабинка была так мала, что Спик, откинувшись в кресле, опирался плечами о заднюю стенку, а слегка согнутые в коленях

---

* Скажи мне это еще раз, Чарли *(англ.)*.

ноги залезали под пульт. Эта поза, однако, утомляла мышцы бедер, поэтому Спик постоянно страдал мышечными спазмами.

Он уже дошел до того места, где автор в крепких словах распространялся о ценности некоторых новейших открытий, когда вдруг заметил бледную вспышку, скользнувшую по стенкам крошечной кабинки. Он мгновенно выронил книгу и нагнулся в кресле. Световой эффект был нечетким. Несколько мгновений Спик сидел в нерешительности, действительно ли он что-то видел, так как после пятичасового дежурства его глаза иногда играли с ним шутку. Потом его взгляд упал на рефлексный экран датчика энергии. Несколько минут назад там виднелась маленькая, резко очерченная световая точка солнца Исто, а рядом размытое пятнышко планеты История. По мнению ученых и по мнению самого Спика Снайдера, размытость пятнышка вызывала чудовищное энергетическое поле, окружающее планету. На самом деле это поле было тем, что давало странным жителям Истории вечную молодость и, в качестве компенсации, незатуманенную память.

Пятнышко исчезло. Блестела лишь одна точка солнца.

Спик знал, почему это так. Внезапное исчезновение пятнышка было связано со вспышкой, чье бледное отражение от стен он видел.

Спик сжатым кулаком ударил по клавише сигнала тревоги. После пяти часов однообразия было настоящим наслаждением услышать вой сирен тревоги, наполнивший палубные коридоры научно-технического сектора. Пару секунд Спик слушал его, представляя себе, как в других кабинках, таких же маленьких, как и его, дюжина молодых офицеров и техников облегченно вздохнула, наслаждаясь тревогой, которая нарушила однообразие часов одинокой вахты.

Потом он взял трубку интеркома, нажал красную аварийную клавишу и в следующее мгновение увидел возбужденное лицо старшего офицера вахты.

У капитана Эрни Логана был огромный, массивный череп, и казалось, что этот человек постоянно страдает от повышенного кровяного давления. Его редко можно было видеть без капель пота на лбу, и почти всегда казалось, что рядом с ним вот-вот вспыхнет молния.

— Что случилось? — проревел он Спику.

Спик нагнал на лицо скучающее выражение и объяснил ему свои наблюдения.

— И вы сразу же включили тревогу? — фыркнул Логан.— Великое небо, что за пустяки вы тут наблюдали?

— Служебная инструкция, параграф пятнадцать, раздел второй,— со стоическим спокойствием ответил Спик.— Во время частичного или полного состояния тревоги дежурный офицер должен

сообщить старшему офицеру обо всем, что он наблюдал и что показалось ему необычным. Этот корабль, сэр, находился в состоянии частичной тревоги.

— Не надо было включать тревогу,— пробурчал Логан.

— Параграф восемнадцать, раздел...

— А, пустяки! Оставайтесь на своем месте. Распорядитесь, чтобы записи ваших приборов были немедленно переданы в измерительную лабораторию.

— Будет сделано, сэр.

Потное лицо Эрни Логана исчезло. Спик с насмешливой гримасой начал сматывать ленты с катушек автоматически записывающих инструментов и запечатывать их в капсулы пневмопочты. Затем он сунул капсулы в трубопровод, устье которого находилось на правом конце пульта. Возле него находилась пластинка примерно с двадцатью различными адресными кнопками. Спик нажал на одну из них и услышал, как капсула с сосущим, чмокающим звуком исчезла в трубопроводе. И на этом для него все закончилось.

Он, лейтенант Спик Снайдер, двадцати двух лет, по своим наблюдениям не знал, что произошло. Его знания о планете История ограничивались такими маловажными вещами, как название, приблизительная величина и радиус орбиты чужого мира. Кроме того, Спик по некоторым слухам знал, что на Истории должны существовать странные создания, которым была дана вечная молодость, и что, вероятно, существовало защитное поле, окутывающее планету и препятствующее старению жителей Истории.

У Спика было живое воображение, и ему нетрудно было связать странное мерцание на рефлексном экране энергодатчика с таинственным защитным полем. Теперь же, когда это мерцание внезапно исчезло, он спросил себя, чем же оно могло быть в действительности? Потом он спросил себя кое о чем еще. Спик спросил себя, как он, будучи уже офицером в течение года, оказался на расстоянии полутора миллионов световых лет сидящим в маленькой кабинке огромного корабля, окруженного врагами, и имеющим шансы вернуться когда-либо домой 1 к 10. Но так и не смог ответить, почему пошел на это.

Конечно он знал, что Солнечная империя по соображениям безопасности должна была проникнуть в туманность Андромеды и основать там базу. Каждый знал это, даже школьники на Земле. Но какую особую цель преследовало настоящее задание, где находился «Крест», как далеко отсюда был противник и что будет сделано дальше — об этом лейтенант не имел никакого представления.

Он удивлялся самому себе, как легко это возбуждает его. До сих пор он был терпеливым и послушным офицером. Его отец был полковником и руководил маленьким флотом охраны на границе

восточного сектора родной Галактики. Дядя служил в генеральном штабе, занимая в Террании влиятельный пост. Даже его брат, на три года старше Спика, уже был адъютантом одного из маршалов Солнечной империи.

Спик пошел следом за ними. По духу он был отнюдь не солдат, поэтому до сих пор его мало заботило, что ему позволено знать, а что нет. Теперь же, после того, как он сделал первое важное наблюдение, Спик изменил свое мнение. Ему захотелось узнать, в чем тут дело, и он сердился на то, что ему никто этого не сказал. Ведь он же был офицером, черт подери! Как он может справляться со своей работой, не зная, что делает?

Спик решил спросить об этом у капитана Логана, как только сменится с вахты. Он был уверен, что Логан знает ненамного больше его, но, может быть, знает кого-то, кто может ему это рассказать. Он должен попытаться выяснить. С каждой секундой он все больше убеждался, что нет ничего хуже, чем блуждать в темноте и трудиться во имя неизвестной цели.

Позже, вспоминая об этих минутах, проведенных в кабинке пеленгатора, Спик не был уверен, не лучше ли ему было остаться незначительным, ничего не знающим лейтенантом, одним из многих. Во всяком случае, волосы у него не так поседели бы.

* * *

Спик сменился в восемнадцать часов по бортовому времени. Человек, заступивший на его пост, был младшим офицером. Началась вторая смена. Спик передал сменщику приборы и стал наблюдать, как он нажимал на клавишу, нанося на главные ленты маркировку, из которой следовало, что во время смены все приборы были в порядке.

После этого Спик отправился на поиски Логана, который заканчивал свою вахту в то же время, что и он. Спик не знал его привычек, но предполагал, что сможет найти капитана за ужином. Он прошел по узенькому ходу, ведущему из пеленгационной кабинки к коридору главной палубы. Ему встретились два человека, тоже сменившиеся, с усталыми и недовольными лицами.

Главный коридор, широкий, как загородное шоссе первого класса, был оснащен двумя лентами эскалатора. Люминесцентные лампы распространяли с потолка, находящегося на двенадцатиметровой высоте, пестрый свет такого же вида и яркости, как и на ночных улицах больших городов Земли. Движение здесь было оживленным. Главный коридор отделял это место научно-технического сектора от сектора логистики. Логистики с ярко-желтыми нашивками на рукавах здесь были повсюду. Их служба была легче, чем служба

механического персонала, поэтому, сменившись, им было нечего делать, кроме как слоняться повсюду и шуметь. Спик убедился, что кроваво-красная повязка на рукаве, которую он носил как член научно-технического штаба, была хорошо видна, когда он встал на самую быструю ленту скользящего перед ним эскалатора.

Проехав восемьсот метров по палубе, он покинул главный коридор и снова вернулся в тишину технического отдела. Шум движения в главном коридоре смолк позади него. Ход, которым он воспользовался, был всего лишь трехметровой ширины, а потолок находился на высоте четырех метров. Освещение было обычным. По обеим сторонам на равномерном расстоянии друг от друга находились двери, за которыми скрывались общественные помещения, предоставленные в распоряжение сменившихся с вахты членов научно-технического сектора,— кинотеатр, плавательные бассейны, спортивные залы, библиотеки, казино. В некоторые часы здесь бывало оживленное движение, но в настоящее время освободившиеся от вахты освежались, стряхивая с себя усталость шестичасового монотонного дежурства.

Спик миновал перекресток коридоров и нашел на противоположной стороне дверь с вывеской «Офицерский клуб». Сюда заходили после дежурства те, кому это разрешалось по рангу и по должности. До сих пор Спик избегал посещать его, потому что в клубе за еду и напитки нужно было платить, а жалованье молодого лейтенанта было не настолько велико, и Спик предпочитал посещать общественное казино, где предлагался ограниченный выбор напитков за счет государства.

Войдя в помещение, он с первого взгляда понял, что инстинкт не подвел его. Огромный зал клуба, пересеченный ровными рядами столиков, был почти пуст. Возле бара в глубине зала находились пять официантов, которым почти нечего было делать, а шестой официант стоял за стойкой бара. Там было два посетителя, один из которых — Эрни Логан. Он в одиночестве сидел за столиком и с удовольствием посвятил себя неестественно огромному бифштексу из натурального мяса.

Спик подошел к его столику и остановился. Через некоторое время Логан заметил его. Когда он наконец поднял глаза, Спик отдал честь.

— Разрешите мне подсесть к вам?— вежливо спросил он.

На полном лице Логана появилась недовольная гримаса. Он не любил, когда ему мешали. Проглотив кусок бифштекса, он неохотно кивнул.

— Садитесь,— пробурчал он.— Места хватит.

На этом беседа временно прервалась. Логан снова углубился в ужин, а Спик заказал блюдо из нижнего конца меню и кружку пива. Когда заказ принесли, Логан уже покончил с бифштексом.

Спику теперь хотелось говорить с Логаном меньше, чем когда-либо прежде, но он сидел и смотрел на него. Возраст Логана было трудно определить. Ему было где-то между тридцатью и сорока. Он был огромным человеком, но большую часть его объема, казалось, занимал жир. Его водянистые глаза смотрели на мир с выражением постоянного недоверия.

— Ну, что еще? — грубо осведомился он.

— Что ч т о? — спросил Спик в ответ, неожиданно засомневавшись в разумности прихода сюда.

— Иначе вы бы не сидели за моим столом,— объяснил Логан.— Что вам угодно?

Спик взял кружку с пивом и сделал огромный глоток.

— У меня есть к вам просьба,— серьезно сказал он.

— О, нет! — усмехнулся Логан, глядя на Спика с опаской.

— Мне кое-что непонятно,— продолжил Спик,— поэтому хотелось бы знать, что это за предприятие.

— Зачем?

Спик рассчитывал на любой вопрос, только не на этот, поэтому секунду недоверчиво смотрел на Логана.

— Зачем? — повторил он.— Я офицер и выполняю свой долг. Как же я могу всем сердцем быть преданным делу, если не знаю, что оно из себя представляет?

На лице Логана появилось надменное выражение.

— Вам известен Устав безопасности. Мы находимся в зоне влияния противника, которому вынуждены доверять. Если каждый пленный, которого врагу удастся взять из наших рядов, сможет в деталях объяснить ему все наши планы и намерения, мы долго не проживем.

— Я это знаю,— поспешно ответил Спик.— Я не желаю знать весь боевой план, мне нужны лишь общие сведения, а именно: что мы здесь делаем.

Логан улыбнулся улыбкой, в которой заключалось все его самомнение.

— Вы молодой лейтенант, Снайдер. Почему бы вам не подождать четыре-пять лет, пока не станете капитаном? Тогда вам обязательно скажут, в чем тут дело.

Спик откинулся на спинку стула.

— Вы меня неправильно поняли, сэр,— резко сказал он.— Я не собираюсь выкачивать из вас информацию, ибо убежден, что вы знаете так же мало, как и я, и что вы, в сущности, тоже копаетесь в дерьме, потому что всегда делаете только то, что вам говорят, безразлично, знаете ли вы, какой план кроется за этим, или нет. Все, что я хочу от вас, сэр, это чтобы вы поговорили с майором Олсоном о предоставлении младшим офицерам некоторой основополагающей информации. Если мы будем знать, что происходит на

самом деле, нам будет легче выполнять свой долг. Устав Безопасности необходим, но без известного минимума доверия к членам младшего офицерского состава, находящегося в непосредственном контакте с экипажем, по моему мнению, ничего сделать не удастся. Мне очень жаль, сэр, если я чего-то недопонимаю.

Позже он сам не понимал, почему так горячо говорил с капитаном. Может быть, из-за жеманства капитана Логана.

Вне себя от гнева, Логан медленно поднялся со стула. Лицо его было неестественно красным, и пот блестящими каплями покрыл лоб. Спик тоже поднялся, как это полагалось младшему офицеру.

— У вас была возможность высказать свое мнение,— прогремел голос Логана так громко, что официанты в баре вздрогнули и стали прислушиваться.— Теперь моя очередь. По моему мнению, вы должны немедленно покинуть бар. Как только время вашего отдыха закончится, немедленно доложите мне. Ясно?

Спик вытянулся в струнку.

— Ясно, сэр,— ожесточенно ответил он.

— Вон! — крикнул ему Логан.

Спик отдал честь и, по уставу щелкнув каблуками, повернулся. Не оглядываясь, он направился к двери, открыл ее и вышел в коридор.

Таким образом, между капитаном Логаном и лейтенантом Спиком Снайдером возникла враждебность, сыгравшая не последнюю роль на протяжении операции «Инкубатор».

Из-за стычки с Логаном Спик вынужден был оставить свою еду, поэтому он пошел в одно из невзыскательных казино и что-то проглотил. Потом вернулся в свою каюту, которую делил с двумя другими лейтенантами, принял душ и лег в кровать. Его товарищей по каюте не было.

Такой гигантский корабль, как «Крест», в отсутствие тревоги представлял возможность экипажу в значительной мере самому искать развлечений, поэтому двое других не вернутся, прежде чем в казино и клубах не сыграют отбой для первой смены экипажа. Он увидит их на следующее утро.

Научно-технический штаб был небольшим и состоял не более чем из двухсот человек. Люди здесь находились в более тесном контакте, чем в других секторах корабля. Крад Хоппер и Поэм Ланграж уже слышали о его разногласиях с Эрни Логаном. Когда Спик встал и попытался проскользнуть в душ, они понимающе улыбнулись ему.

Крад Хоппер был среднего роста, но мощного телосложения. На первый взгляд казалось, что ему настоятельно необходим курс похудания, но это, как он сам утверждал, только казалось. На самом деле то, что казалось излишним жиром, было мускулами и сухожилиями. Широкое плоское лицо с низким лбом казалось вялым

и ничего не выражающим, а длинные волосы, свисающие прядями, только усиливали это впечатление. Каждый разумный человек, увидев его в гражданском, не советовал бы ему вступать в космический флот, потому что там он не продвинется дальше ефрейтора. Но внешнее впечатление было обманчивым. После профессоров Крад был самым способным специалистом по роботам из всех, кого когда-либо знал Спик.

Поэм Лангграж, напротив, был совсем иным: изящным и немного ниже Крада, а ум можно было прочитать у него на лице, узком с высоким лбом и голубыми глазами. Его светлые волосы рассыпались, и Крад часто заверял его, что лет через пять Поэм обзаведется лысиной, если ничего не предпримет против этого.

Впервые Спик встретил Поэма и Крада на космической станции КА-малая, когда составлялся экипаж «Креста», примерно четырнадцать дней назад. С тех пор он жил с ними в общей каюте. Спик, возвышавшийся над Крадом более чем на голову, был худ и мускулист и имел внешность человека, который каждое утро совершает пробежку по краю леса. Но они быстро стали друзьями.

Итак, Спик остановился перед дверью в маленькую душевую, услышав, что Крад и Поэм поднялись, и повернулся к ним.

— Я знаю, что теперь последуют острые замечания,— произнес он с выражением сожаления.— Так что у вас на уме?

Поэм с упреком покачал головой.

— Ни в коем случае, друг,— ответил он голосом, странно контрастировавшим с его внешностью.— Мы чувствуем сожаление.

— Да,— прогремел Крад,— именно. Но мы не хотим вмешиваться в твои дела.

Спик скривился.

— Я бы не прочь спихнуть это кому-нибудь, если бы сам не заварил эту кашу.

— Но, в таком случае, мы сочувствуем тебе,— заверил его Поэм.

— Можешь на это положиться,— добавил Крад и снова улегся в постель.

Спик поспешно закончил туалет и направился к кабинету Логана, так и не позавтракав. Его восьмичасовой отдых закончился. Он чувствовал себя посвежевшим, выспавшимся, но таким же возбужденным, как и восемь часов назад.

Кабинет Логана находился на перекрестке двух коридоров. Спик вошел в прихожую и стал терпеливо смотреть на робота, который выполнял функции ординарца.

— Лейтенант Снайдер,— прокартавил робот,— капитан вас ждет.

Дверь в задней части маленького помещения открылась, и Спик вошел в большую комнату, в которой капитан Логан восседал за

пластметаллическим столом, и отдал честь. Логан ответил на это с наигранной небрежностью и усмешкой, показывающей, что он наслаждается этой ситуацией.

— Встаньте поудобнее, лейтенант,— предложил он Спику.— Это вам понадобится.

Он подался вперед и скрестил руки на письменном столе, словно хотел ухватиться за его передний край. В его глазах сверкал триумф и злорадство, он пару раз провел языком по губам. У него было красное индюшачье лицо, он почти вслух предвкушал то, что должно было произойти, и пот выступил у него на лбу. Казалось, его вот-вот хватит удар, и у Спика непроизвольно сжались мускулы.

Неожиданно загудел интерком.

Логан вздрогнул и бросил на аппарат гневный взгляд. Потом он нажал на клавишу и, как только на экране появилось изображение, сел в кресле прямо, как положено. Спик не видел экрана, он также не понял, что сказано Логану, только слышал, как Логан горячо заверил:

— Так точно, сэр... разумеется... сейчас, сэр.

Отключив интерком, он одарил Спика взглядом, содержавшим странную смесь ненависти и подавленности. Спик начал постепенно расслабляться.

— Я не знаю, какого черта вам снова так везет,— хрипло произнес Логан,— но на этот раз майор Олсон хочет видеть вас как можно быстрее. Доложите мне, как только получите задание от майора Олсона. Понятно?

Спик отдал честь и вышел. Он был доволен как человек, который во время приема у зубного врача узнал, что тот уехал.

Кабинет Олсона в административном центре научно-технического сектора находился в главном коридоре палубы. На пути туда Спик ломал голову, что же хочет от него майор. В прошлый вечер он умолял Логана связаться с ним, чтобы младшие офицеры могли узнать истинное положение вещей, но казалось невероятным, что после всего происшедшего за это время Логан мог выполнить эту просьбу. Нет, здесь что-то другое. Спик размышлял над этим, но не нашел никакого решения.

Прихожая Олсона отличалась от прихожей Логана тем, что там сидел настоящий сержант. Он восседал за письменным столом и смотрел на четырех простых солдат, которые сидели по обеим сторонам на неудобных скамейках и ждали, когда он даст им задание. Сержант отметил имя и звание Спика и отправил его в рабочий кабинет Олсона.

Майор Олсон стоял перед экраном, вделанным в стену обширной комнаты, наподобие окна. Его заполняли сверкающие звезды чужой галактики. С потолка лился мягкий желтый свет, и пестрые точки звезд ярко светились на фоне пустоты космоса.

Услышав шорох открывающейся двери, Олсон не спеша повернулся. Встав по стойке «смирно» и подняв руку, чтобы отдать честь, Спик увидел маленького, немного полноватого мужчину с дружеским, снисходительным выражением глаз, с совсем невоенным жеманством и, вообще, совсем не такого, каким Спик представлял себе непосредственного начальника капитана Логана.

Предложив Спику сесть, он угостил его сигаретой, сам взял другую, и только тогда заговорил:

— Из вашего дела я узнал, что вы специалист по технике гиперполей. У меня для вас есть важное задание, лейтенант. Там, внизу, на Истории недавно произошло что-то, что может иметь значение для планов корабельного руководства. С такого расстояния мы ничего не можем узнать, поэтому необходимо кому-то посмотреть все это на месте. Для этого я в а с и вызвал.

2

Спик ничего не знал о событиях, которые разыгрывались в последние два дня на внешнем уровне — вернее, до него доходили лишь кое-какие слухи.

За четыре дня до этого на Истории были высажены два мутанта, Ракан и Тронар Вулверы, чтобы исследовать эту планету. Они обнаружили мир, на котором жили люди с Земли — из всех времен. Планета управлялась с подводной базы тефродеров. Тефродеры заметили высадку близнецов и стали охотиться за Вулверами. Из последних сил двум мутантам удалось ускользнуть с Истории. Когда они оказались на борту «Креста», их сопровождал майор космического флота Бари Стаундер, затянутый на Историю неизвестной силой семьдесят семь лет назад во время космического боя против флота Синих.

Вопрос, почему в сердце чужой галактики, в полутора миллионах световых лет была планета, на которой оказались собранными люди всех времен развития человеческой цивилизации, постоянно занимал Перри Родана и его доверенных сотрудников.

Ответ на этот вопрос найти было бы легко, будь у «Креста» полная свобода передвижения. Но вместо этого они со всей тщательностью должны были следить, чтобы корабли тефродерского флота не напали на их след. По этой причине вот уже два дня они неподвижно висели в космосе с работающими вхолостую двигателями и минимумом рассеянного излучения, которое можно было бы запеленговать.

Потом Спик Снайдер сделал открытие. Странное энергетическое облачко, до сих пор окутывавшее Историю, внезапно исчезло. Ученые, которые исследовали издали это трудно наблюдаемое

образование, пытаясь разгадать его структуру, вернулись и снова заступили на свои посты.

Однако Перри Родан видел в исчезновении оболочки нечто большее, чем просто физический феномен. До сих пор не было объяснено, почему люди на Истории были почти бессмертны. И пока эта проблема не была разрешена, предположение, что энергетическая оболочка как-то связана с выключением процессов старения, имело такую же вероятность, как и другие объяснения. При таких обстоятельствах было весьма вероятно, что людям на Истории предначертана ужасная судьба.

Перри Родан был вынужден принять решение. Он должен был найти компромисс между своим долгом обеспечить безопасность корабля и ответственностью за жизнь людей на Истории.

Он взвесил все и принял решение.

Нужно направить на Историю одного-единственного человека. Только у маленького, верткого бота были шансы совершить посадку незаметно для тефродеров. Этот человек должен быть специалистом во всех вопросах техники гиперполей. Его задачей является выяснить, какое влияние оказало на невольных обитателей Истории исчезновение силовой оболочки — если такое влияние вообще было,— исследовать причины вечной жизни, приведшие к тому, что на этой странной планете одновременно жили и неандертальцы, и современные люди.

Перри Родан просмотрел списки людей, которые были пригодными для этого дела, и остановил свой выбор на молодом лейтенанте, имени которого он никогда прежде еще не слышал. Судя по записям в картотеке, у него были великолепные профессиональные способности и стабильность характера.

Спик Снайдер.

И, если подумать, возможно, ему было бы легче выслушать тираду Эрни Логана о себе, чем быть спасенным майором Олсоном таким образом.

Он находился на пути к ангару-15 на внешнем краю палубы «Н». Все должно произойти очень быстро. Каждая минута была на учете. Пораженному Спику стало ясно, что через пятнадцать минут гигантский корпус «Креста» останется далеко позади и его жизнь повиснет на пугающе тонкой ниточке.

Из всех тысяч людей, находящихся на борту огромного космического корабля, именно его выбрали для того, чтобы попытаться высадить на Истории. По иронии судьбы майор Олсон выполнил его желание и объяснил, о чем идет речь. В опасности были десятки, а может быть, и тысячи человек. Нужно было о них позаботиться. Спик это понимал, но был бы счастлив, если бы никогда об этом не услышал, оставался в таком же неведении, как прошлым вечером, и у него не было бы на шее этого убийственного задания.

В ангаре-15 все уже было готово. Посадка должна быть совершена на одноместном истребителе, у которого, однако, был лишь один обычный двигатель. Чтобы сэкономить часть из пяти с половиной часов, которые понадобятся ему для покрытия расстояния между кораблем и Историей, истребитель погрузят на борт корвета и приблизятся к планете на минимальное расстояние. Корвет должен лететь к Истории курсом, при котором красноватое солнце Исто будет находиться точно между ним и планетой. Таким образом, пеленгация с Истории будет невозможна. В непосредственной близости от солнца одноместный истребитель Спика будет выпущен с корвета, и он останется один. Это значит, что он должен сделать так, чтобы тефродеры запеленговали истребитель, как только он выйдет из тени солнца, и приняли его за метеорит.

Шансы на то, что это удастся, были относительно невелики.

От одного из младших офицеров, которым было поручено снаряжение истребителя, Спик получил скафандр и оружие. Он надел скафандр, откнув шлем за спину, а оружие сунул в предназначенную для него кобуру.

Истребитель с опознавательным знаком П-211 на носу был высокого аэродинамического качества. Корпус его имел вид тонкой гранаты, а несущие плоскости были короткие и сильно скошенные назад. Рули высоты и поворота были довольно небольшими, а для большей эффективности управления можно было воспользоваться комплектом коррекционных дюз, находящихся на корме.

Спик забрался в кабину и закрыл фонарь. Прямо перед ним возвышался корпус корвета. Антигравитационная платформа, на которой стоял корвет, поднялась и поднесла истребитель к шлюзу грузового отсека корвета. Всасывающее поле втянуло истребитель в ярко освещенное помещение шлюза. Спик следил за происходящим по экранам кругового обзора пилотской кабины.

Спустя несколько минут корвет стартовал. Спик, видевший на обзорном экране лишь внутреннее помещение шлюза, представил себе, как корабль вынырнул в усеянную звездами черноту, оставив позади себя огромное тело флагмана, который из блестящего шара быстро превратился в сверкающую точку и через секунду исчез совсем.

Он не почувствовал, что корвет перешел на линейный полет, осталось незамеченным и возвращение в эйнштейново пространство. Потом из динамика внезапно раздался голос, давший ему разрешение на старт. Пока из шлюза откачивался воздух и открывались огромные створки внешнего люка, Спик закрыл шлем и проверил функционирование скафандра.

От вида, открывшегося перед ним, у него захватило дыхание. Прямо перед люком, так невероятно близко, что он побоялся вонзиться в нее, как только его истребитель начнет полет, находилась

ячеистая поверхность красного солнца Исто. Ясно были видны процессы, происходящие на его поверхности. Потоки раскаленных газов мощными фонтанами выбрасывались вверх и снова опадали. Вокруг темных пятен гротескной формы, словно шрамы от оспы, усеивающих лик солнца, дрожали и пульсировали пылающие точки, крошечные зоны повышенной активности, температура которых была на тысячу градусов выше, чем окружающего их пространства.

Спик стартовал. Истребитель вынырнул из открытого шлюза. Спик описал пологую кривую, чтобы не упасть в кипящий ад поверхности солнца. Корвет остался позади него и быстро исчез из поля зрения.

Спик был опытным пилотом и за пятнадцать минут вывел истребитель на курс, направив его к Истории. Планета находилась чуть больше, чем в тридцати миллионах километров от своего солнца. Чтобы покрыть это расстояние за разумный промежуток времени, Спик, еще находясь в тени солнца, развил скорость в восемь с половиной тысяч километров в секунду. Эта скорость позволяла ему без особых маневров долететь до Истории за час.

Он знал, что пеленгаторы тефродеров засекут его, как только он появится из тени солнца, чтобы возникнуть на рефлекторном экране как объект, оторвавшийся от поверхности солнца. Там повсюду были концентрированные газы, которые чудовищными взрывами выбрасывались из могучего поля тяготения звезды и застывали в пустом пространстве твердыми образованиями, мчащимися со скоростью многих тысяч километров в секунду. Вопрос заключался в том, были ли тефродеры на Истории достаточно беззаботными, чтобы без сомнений принять гипотезу об извержении с поверхности солнца, или они будут недоверчивы и подвергнут приближающийся объект тщательному изучению.

Скоро на этот вопрос будет дан ответ. В двадцати миллионах километров от Истории на пеленгационном экране Спика появилась крошечная точка, со значительной скоростью приближающаяся к центру перекрестья линий. Спик позволил ей приблизиться на расстояние десяти миллионов километров. Сила отражения доказывала, что это очень небольшой объект, вероятно, оптический зонд. Его назначением было сделать снимки истребителя с близкого расстояния и передать их на Историю. Спик понимал, что пропадет, если позволит зонду приблизиться к себе, так как тот был в состоянии сфотографировать истребитель во всех подробностях с расстояния около двухсот километров. Даже с расстояния в тысячу километров он мог передать изображение, которое избавит тефродеров от всех сомнений насчет того, естественный это объект или искусственный.

Спик подождал, пока зонд приблизится на расстояние пяти тысяч километров, потом включил маленький корпускулярный из-

лучатель и выстрелил из него в направлении зонда. Это оружие было предназначено, в основном, для воздействия на позитронные и подобные им приборы. Оно испускало поток частиц, обладающих высокой энергией, подобных космическому излучению, который вносил хаос в чувствительную структуру позитронного управления и прекращал функционирование приборов.

Через несколько секунд точка на пеленгационном экране начала перемещаться. Зонд, очевидно, неуправляемый, двигался по странной траектории. Поток корпускул вывел из строя механизм дистанционного управления.

Спик остался на прежнем курсе, поддерживая постоянную скорость, хотя у него чесались руки совершить маневр уклонения. Он не был уверен, не отправил ли зонд идентификационные снимки на Историю прежде, чем он его подстрелил. И ему было совершенно неясно, как тефродеры воспримут внезапный отказ своего инструмента. Было в порядке вещей, что выплюнутый солнцем кусок вещества распространяет вокруг себя корпускулярное излучение всех видов, но существовала большая разница между распространяемым во все стороны излучением естественного метеорита и остронаправленным лучом корпускул, поразившим зонд.

Через десять минут стало ясно, что тефродеры пока не собираются ничего предпринимать. Это могло быть потому, что чужой объект не вызывает у них подозрений, или потому, что они ждали подходящего момента, чтобы действовать наверняка. Но Спик этого не знал. Истребитель под его управлением мчался к Истории, пронесся в десяти тысячах километров от нее и в молниеносном маневре повернул на сто восемьдесят градусов. Теперь он не должен терять ни доли секунды. Даже если тефродеры до сих пор думали, что перед ними метеорит, то теперь, когда он совершил поворот, они, должно быть, поняли, что ошибались. Но сейчас он действовал наперегонки со смертью. Судя по информации, базы тефродеров на Истории располагались довольно редко: вопрос заключался в том, успеет ли он спуститься ниже пеленгационного горизонта, прежде чем его поразит дистанционно управляемый снаряд, или нет.

С головоломной скоростью он нырнул в верхние слои атмосферы планеты. Под ним, в гигантском, отсвечивающим фиолетовым океане, тянулся продолговатый, многократно разветвляющийся континент странной формы. Когда он спустился ниже, защитный экран под воздействием атмосферы начал раскаляться, закрыв ему поле зрения, и теперь он летел по указателю рельефа.

Его быстрый взгляд снова и снова пробегал по пеленгационному экрану, но тот был чист. Не было никакой предательски блестящей точки, быстро приближающейся к центру экрана, и с каждой секундой его шансы на то, что такой точки никогда не будет, все возрастали.

Это было потому, что место, которое он выбрал для посадки, находилось в непосредственной близости от базы тефродеров. Но он был вынужден пойти на этот риск.

На высоте пятидесяти километров он перешел на горизонтальный полет и уменьшил скорость до трех «М»*. Мерцание защитного экрана погасло. Теперь Спик снова мог видеть окружающее пространство. Глубоко под ним тянулась изрезанная береговая полоса чужого континента, болотистая местность с сотнями извивающихся рек. Нигде не замечалось никаких признаков поселений.

По данным ему описаниям Спик знал, что он находится далеко от той зоны, в которой высадились близнецы Вулверы. Он не был уверен, были ли здесь вообще человеческие существа. Было весьма возможно, что тефродеры поселили всех обитателей космического «зоопарка» на другие континенты. В этом случае ему нужно лететь дальше, но тогда риск обнаружения увеличивался.

Он снизился до трех километров и направил истребитель в глубь суши. В восьмидесяти километрах от побережья местность начала подниматься. В поле зрения ряд за рядом тянулись плоские холмы, а далеко на заднем плане в небо поднимались вершины крутых гор. Местность эта была покрыта травой и редкими рощицами деревьев. Реки, по большей части, были небольшими.

Спик пролетел сто километров, почти добравшись до подножия гор. Он был уверен, что в горах тоже нельзя найти никаких человеческих поселений. Холмистая местность также была пустой и заброшенной. И он понял, что выбрал не тот континент.

Он уже собрался поднять машину вверх, чтобы, пролетев над горами, достичь противоположного берега, как вдруг увидел деревню.

Это было овальное скопление круглых хижин, крытых соломой. Вокруг них тянулась ограда, выглядевшая для Спика тонким, черным кольцом. Деревня находилась недалеко от одной из рощиц во впадине между двумя холмами. С одного из холмов стекал небольшой ручей, исчезал под оградой и снова появлялся с другой стороны.

Спику не пришлось долго раздумывать, где он мог видеть такие деревни. В каждой книге по истории изображались такие поселения. Именно так выглядели подобные деревни пятьсот лет назад в Того или Верхней Вольте.

Он направил машину вниз, на высоте пятисот метров поставил ее на корму, и та, поддерживаемая излучением двигателя, начала опускаться. Он совершил посадку в двухстах метрах от деревни.

Прежде чем выйти, он тщательно проверил оружие, открыл шлем

---

* Число «М» — отношение скорости полета к скорости звука в земных условиях. В данном случае скорость равна примерно 1000 м/сек.

и откинул его за плечи. Быстро и осторожно раздвигая высокую траву, он направился к ограде. Ни из деревни, ни из других мест не доносилось ни звука. Местность, казалось, вымерла. Хотя солнце стояло почти в зените, оно слабо светило красноватым светом, утомляющим глаза.

Нервы Спика были напряжены до предела, когда он оказался перед оградой. Он прошел три четверти ее длины, прежде чем нашел ворота. Они были открыты. Спик заглянул внутрь и обнаружил человека, неподвижно лежавшего на земле в центре круглой площадки между хижинами.

Он быстрым шагом подошел к нему и с первого взгляда понял, что тот мертв. Он, казалось, спал, но волосы его были снежно-белыми, глаза открыты, а из ноздрей и полуоткрытого рта выбежала испуганная шумом пара жуков, уже приступившая к своему жуткому обеду.

Человек этот был негром. На нем была грязная одежда, а вокруг верхней части черепа была повязана лента из пестрой ткани. Спик с отвращением коснулся ленты, и она, раскрошившись под его пальцами, превратилась в пыль.

Спик пошел дальше. В хижинах никого не было, но примитивная мебель и утварь, валявшаяся повсюду, указывала, что еще совсем недавно они были обитаемы. Спик спросил себя, куда же делись люди. Он подумал о человеке, лежащем посреди деревенской площади, который, очевидно, умер от старости. В голову ему пришла идея. Внезапное отключение поддерживающего жизнь поля могло вызвать в организмах людей ускоренные процессы старения. За столетия или тысячелетия, которые они провели в безвременье, пленники тефродеров расплачивались теперь ускоренным старением. За несколько часов в их организмах происходило то, что в нормальном времени проходит за годы и десятилетия, и существа, которые в начале дня были пятилетними детьми, к вечеру умирали от старости.

Так вполне могло быть, подумал Спик. Жители деревни, почувствовав приближение своего конца, покинули свои хижины и спрятались снаружи, в открытой местности, чтобы умереть в одиночестве — так же, как они делали это на Земле пятьсот лет назад.

Он был вполне уверен в этом. Конечно, нужно найти и осмотреть еще два или три поселения, чтобы знать это наверняка. Но теперь он уже знал, что увидит, и эта мысль потрясла его. Он не знал, сколько человек было затянуто на Историю, но, судя по описаниям близнецов Вулверов, их должно быть по меньшей мере сто тысяч. Он представил себе, что в результате простого отключения генератора поля сто тысяч человек были обречены на смерть, и в нем вспыхнула холодная ярость.

Он был так занят своим гневом, что услышал тихий жалобный

скулеж, когда тот был уже довольно близко. Спик испуганно выхватил оружие. Его средний палец автоматически нажал на кнопку предохранителя. Бластер загудел и завибрировал, пробуждаясь к жизни.

Из тени одной из хижин вышла собака. Она неуверенно держалась на ногах, словно кто-то напоил ее спиртным. Большими жалобными глазами она посмотрела на Спика и, шатаясь, из последних сил придвинулась к нему. Она легла у ног Спика и спиной прижалась к его грубому сапогу.

Спик нагнулся и погладил ее. Сам не понимая почему, он успокаивающе заговорил с животным бессмысленными тихими словами, которые должны были облегчить ее смерть. Он говорил долго и настойчиво, и слезы катились по его лицу. А собака лежала тихо и умиротворенно, закрыв глаза и чувствуя себя удобно.

Впоследствии Спик так и не смог понять, как долго он сидел так. Собака уже давно была мертва, а он гладил мертвое животное, и гнев на тефродеров все рос и рос в нем. Наконец он поднялся и, не оглядываясь, пошел к открытым воротам деревни. Поднимаясь по лестнице в кабину истребителя, он все еще сжимал в руке гудящее оружие. Ему в голову пришла мысль о том, что он сможет снова отыскать подводную базу тефродеров, которую обнаружили Ракал и Тронал Вулверы, и сбросить на нее бомбу с часовым механизмом, но он быстро отверг это. Такого не было в его задании, и для этого, вероятно, были веские основания, потому что иначе задолго до того, как он оказался бы на месте, тефродеры были бы уничтожены прицельным залпом. Двигатель взревел. С ускорением, почти ломающим кости Спика, истребитель устремился в мутно-фиолетовое небо. Спик в ярости включил двигатели на полную мощность.

Это его и спасло.

Едва он поднялся на пару километров, как возле деревни вверх ударила ослепительная молния. За ней последовал белый дым. В долю секунды появился дымовой гриб ядерного взрыва средней величины.

Широко раскрытыми от ужаса глазами Спик уставился вниз.

* * *

Снаряд, должно быть, уже поймал цель, и его управляющий механизм был отключен, когда истребитель стартовал. Это было единственным возможным объяснением. Спик почувствовал, как мурашки побежали по его спине, когда он понял, насколько близко была смерть.

Ничто из того, что было перед ним, не внушало фальшивых иллюзий. Тефродеры знали, где он находился. Они все время знали

это — и только ждали подходящего момента, чтобы как можно удобнее и с минимумом затрат уничтожить его. То, что ему удалось ускользнуть, было лишь чистой случайностью. С этого момента он, кроме везения, должен полагаться и на свои способности пилота.

Недаром он столько лет тренировался.

Спик последний раз оглянулся назад. Дымовой гриб покрыл холмистую местность от подножия гор далеко на запад. Деревни больше не было видно. Спик подумал о старике и собаке. Такой спокойной и одинокой была их смерть, а похороны сопровождались вспышкой и грохотом.

Он перевел машину на горизонтальный полет, чтобы лучше видеть все вокруг. Истребитель со скоростью два «М» направился к горам. На пеленгационном экране появился рой точечных отражений. Спик сохранил прежний курс, а спустя полминуты обнаружил на экране эскадру кажущихся неуклюжими ботов, которая застыла в воздухе по краям вздымающейся вверх вершины горы.

«Они ждут меня»,— мелькнуло в его голове.

Секунду спустя его подозрения подтвердились. Вспыхнуло защитное поле. От вражеской эскадры к нему устремилось более дюжины ярко-белых энергетических лучей.

Истребитель встал «на дыбы». Защитное поле выдержало энергетический удар залпа, но механический импульс передался через него. Спик устремился круто вверх. Второй залп бесполезно прошел в сотне метров над ним.

Тефродеры представляли себе это дело совсем не простым. Эскадрилья ботов расположилась в горной местности, вероятно, только затем, чтобы заставить Спика Снайдера изменить курс. Из страха перед превосходящими силами он должен был взять направление, на котором станет верной жертвой дистанционно управляемых снарядов тефродеров.

Спик перечеркнул этот замысел. Он напал на боты. Имея преимущество в двести метров высоты, Спик выстрелил по части эскадрильи, находящейся с северной стороны горы. Вершина ее представляла собой скальную массу значительной протяженности. Когда Спик оказался в десяти километрах от передних машин противника, гора прикрыла его от оружия южной части эскадры.

Потом он налетел на тефродеров, как ястреб на цыплят. Фыркнула тяжелая термопушка, жестко вделанная в корпус истребителя. Спик нацелил нос своей машины, и ярость, наполнившая его, сделала из него стрелка, какого тефродеры никогда еще не видели. Перед ним находилось около двадцати ботов. Прежде чем он сблизился с ними до расстояния в один километр и снова повел истребитель вверх, больше десяти из них превратились в гонимые ветром клубы дыма, быстро поднимающиеся вверх и рассеивающиеся.

Остатки северной части эскадрильи пустились наутек.

Спик заложил крутой вираж и обогнул вершину, оказавшись перед ждущими над южным склоном горы тефродерами. Неожиданное нападение со стороны одного-единственного вражеского истребителя привело противника в замешательство. Тефродеры на южной стороне горы сформировались для отлета, когда Спик на своем истребителе напал на них.

Он буйствовал, как бог мщения из древней саги. Перед его глазами были старый негр и собака, умершая на его руках; он ринулся на удивленных тефродеров и уничтожил десятерых из них, прежде чем они поняли, что произошло. По истребителю были произведены отдельные выстрелы, но они бесполезно разрядились в силовом защитном поле. Спик заложил петлю, которая чуть не продавила его сквозь сиденье, и полетел назад. Оставалось еще около десяти ботов тефродеров, которые ударились в дикое бегство в разных направлениях. Спик догнал двоих и уничтожил прежде, чем они укрылись в глубоких узких ущельях.

Дикое опьянение, охватившее его в начале сражения, постепенно прошло. Спик повел машину вверх, чтобы осмотреться. Он больше не был уверен, что ему стоит преследовать оставшиеся боты. Он не должен больше обращать на них внимания. Ему нужно лететь дальше. Те четыре или пять минут, во время которых длился бой, были временем, выигранным тефродерами. За это время они могли активировать свою защиту.

Спик был уверен, что где-то между этим местом и открытым космосом его ждут корабли тефродеров, сладить с которыми будет намного труднее, чем с маленькими ботами.

Он перешел на вертикальный полет. Машина поднималась отвесно во все более темнеющее небо. Вспыхнуло защитное поле, когда разреженный воздух верхних слоев атмосферы ионизировал его. Спик ввел данные о местоположении красного солнца в маленькую счетную машинку и рассчитал верный курс. Из щели выскользнула пластиковая лента. Спик взял ее, прочитал данные и кивнул самому себе. Потом нажал на зеленую кнопку ответа, и позитроника скормила полученные данные автопилоту.

Если ничего не произойдет непредвиденного, Спик может проделать остаток полета со сложенными руками. Он усмехнулся, когда ему в голову пришла эта мысль, так как был уверен, что за это время что-либо произойдет.

На высоте трехсот километров, когда мерцание защитного поля постепенно погасло, загудел пеленгатор. Спик рассчитывал на это. Он нагнулся вперед и посмотрел на появившиеся на светящемся зеленоватым светом экране пять ярко блестевших отражений, которые расположились кругом на небольшом расстоянии возле центра экрана. По силе их блеска он заключил, что это

должны быть объекты значительных размеров. Расстояние от них до истребителя в настоящее время составляло тысячу двести километров, но оно быстро сокращалось.

Спик усмехнулся про себя. Тефродеры направили космические корабли, чтобы поймать его.

Он не менял курс, пока не приблизился на шестьсот километров. Его мускулы непроизвольно напряглись, когда ему стало ясно, что он уже давно находится в зоне действия орудий врага. Каждая секунда, проходящая без выстрелов, ясно показывала, что он выбрал верную тактику. Тефродеры должны поверить, что он их не заметил, а иначе давно бы изменил курс. Итак, они ждали, пока он не окажется точно между ними, чтобы без помех схватить его.

До расстояния в шестьсот километров Спик позволил им верить в это. Истребитель тем временем летел со скоростью около тридцати километров в секунду. Еще двадцать секунд этим курсом, и он окажется точно в той точке, на которую тефродеры нацелили свои орудия.

И тут он рванулся в сторону. На пульте управления антигравом, который он включил несколько мгновений назад, появился красный предупреждающий сигнал, когда он, заложив невероятно крутую петлю, перешагнул предел нагрузки прибора. Спик почувствовал, как искусственное поле тяжести, снижающее влияние ускорения, внезапно подалось, и невидимая убийственная сила безжалостно прижала его к подлокотнику кресла.

Пять точек на пеленгационном экране поплыли от центра к краю. Круг их превратился в эллипс. Спик непроизвольно начал считать секунды.

— ... Семь... восемь...

Защитное поле вспыхнуло. Противник пришел в себя от удивления и открыл огонь. Спик облегченно вздохнул. Вспышка защитного экрана была слабой и красноватой. Залп только вскользь задел его. Тефродеры преодолели испуг, но автоматике прицела понадобится некоторое время, чтобы верно определить новый курс противника.

Скорость истребителя постоянно росла. Пятьдесят километров в секунду, семьдесят... Девяносто...

Второе попадание! На этот раз световые эффекты были сильнее и продолжительнее. Но Спик все еще смеялся. Он откорректировал прицелы, но расстояние за это время возросло настолько, что они едва ли могли причинить ему какой-нибудь вред. За вторым нападением сразу же последовало третье, но и его защитное поле поглотило без труда. Скорость истребителя достигла теперь ста тридцати километров в секунду. Пять вражеских кораблей исчезли с экрана пеленгатора.

Спик откинулся в кресле. Он избежал опасности, удрал от противника. Остальное было детской игрой.

Внезапно громовой удар сотряс обшивку корпуса. Болезненный рывок бросил тело Спика, опутанное ремнями, вперед и выгнал воздух из легких. Экран вспыхнул так ярко, что Спик закрыл ослепшие глаза. Несколько секунд он просидел неподвижно, парализованный страхом, потом открыл глаза и принудил их переносить слепящую яркость экрана. Взгляд его нашел пеленгатор. На рефлексном экране светилось пять новых точек, одна возле другой, расположившиеся возле центра экрана.

Спик не знал, как они попали туда. Это ни в коем случае не могли быть корабли, от которых он ускользнул. Значит, новые. Они выстроились перед ним так плотно, что он не видел ни малейшей возможности совершить маневр уклонения. Оставался только один путь — сквозь них!

Мощным движением он передвинул рычаг ускорения вперед до упора. Мягкое гудение двигателя под ним превратилось в гремящий рев. Замигали ряды красных предупреждающих лампочек. Агрегаты были перегружены. Но Спик больше не беспокоился об этом. Теперь больше не имело значения, вернется ли он к «Кресту» с исправным двигателем, или нет. Речь шла о его жизни.

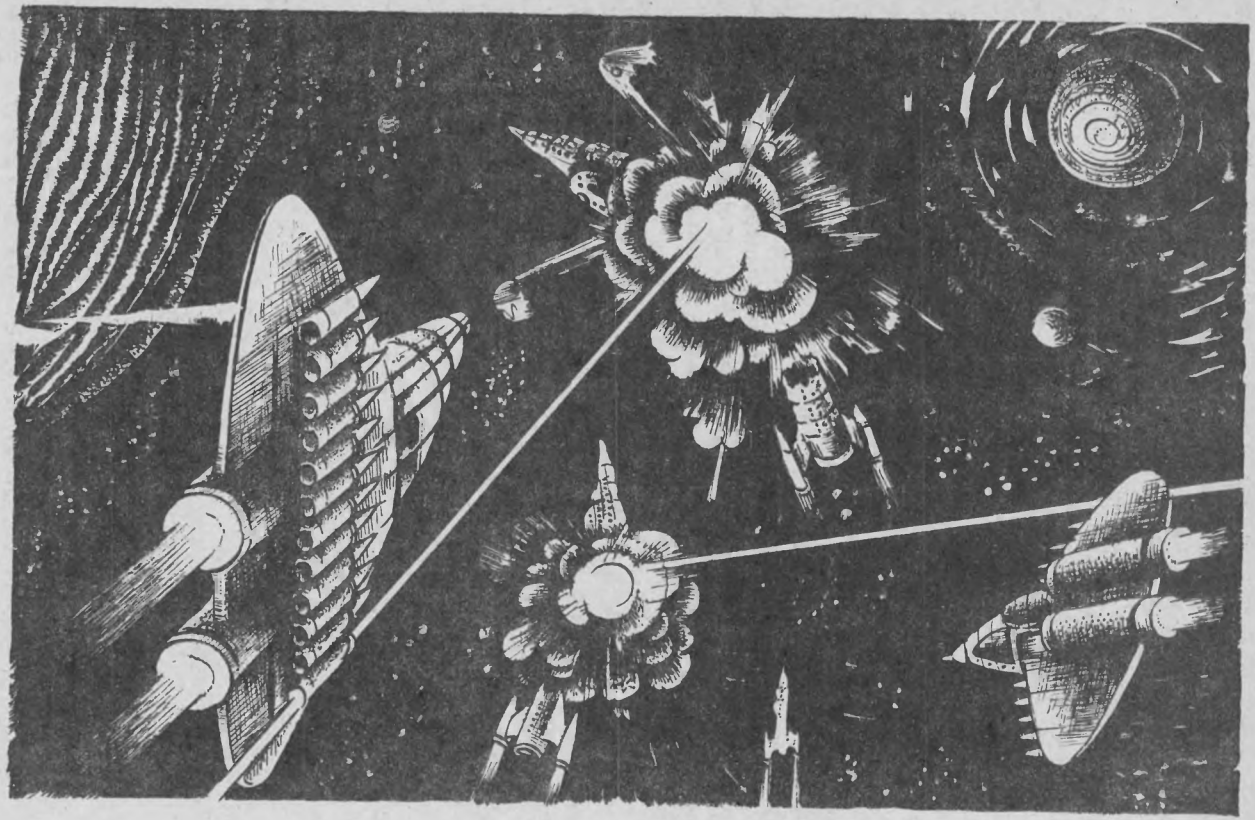
Светящиеся точки вражеских кораблей на экране пеленгатора с устрашающей скоростью приближались к нему. Спик озабоченно наблюдал, как падали показания измерителя напряженности защитного поля. Поле теряло энергию, потому что двигателю требовалось ее все больше и больше. В таком состоянии он был уязвим для орудийного огня больше, чем обычно, но надеялся на то, что высокая скорость скомпенсирует это.

Истребитель промчался сквозь линию вражеских кораблей. За несколько секунд, прошедших со времени первого попадания, скорость истребителя возросла до более чем тысячи километров в секунду. У Спика появилась надежда. За первым залпом второго не последовало. Сдались ли тефродеры? Или они применят новую тактику?

Пять световых точек на рефлексном экране снова поплыли в сторону. Вражеские корабли остались позади бешено мчащегося истребителя. Лицо Спика исказилось от напряжения гримасой усмешки. Еще три или четыре секунды, и он это сделает!

Но этого ему не удалось.

Сухой лопающийся треск наполнил кабину. Спика швырнуло вверх так, что лопнули ремни. Он ударился о потолок и в полубессознательном состоянии рухнул вниз. Свет померк. Спик лежал на полу возле кресла. Внешние микрофоны его шлема доносили треск и скрежет. Он оглушенно поднял голову и попытался посмотреть на экран. Но его огромная плоскость была темной. Ухватив-



шись за подлокотники кресла, он подтянулся и уставился на пульт. Лампочки погасли, флуоресцентные указатели стояли на нулях. Должно быть, второе попадание превратило истребитель в обломки.

Только антиграв все еще продолжал функционировать. Здесь была привычная тяжесть, которая помогла Спику ориентироваться в темноте.

Он был уверен, что тефродеры не успокоятся, пока полностью не уничтожат истребитель. В любую секунду надо было ожидать нового залпа. Вражеские механизмы прицела захватили свою жертву. Третий залп превратит истребитель в пылающее облако газа.

Спик на ощупь пробирался в темноте, не думая о себе. Позади пять лет обучения, и эти пять лет упорных и непрерывных тренировок научили молодого мужчину в минуту опасности думать о том, что предписывали директивы, и больше ни о чем.

Действуя чисто механически, он пытался нащупать в наполняющем кабину хаосе маленький аварийный передатчик, работающий от крохотной термоядерной батарейки и всегда готовый к использованию на случай, если все другие приборы на борту выйдут из строя.

«Крест» должен быть предупрежден. Никто на борту флагманского корабля не знал, что на Истории находятся вражеские корабли. Руководство корабля должно узнать, что на этой планете есть по меньшей мере десять кораблей тефродеров.

Наконец он нашел передатчик. Маленькая коробочка с пультом полуопрокинувшись лежала между двумя обломками, закинутыми сюда взрывом. Спик нажал на главную клавишу и с облегчением увидел загоревшуюся зеленую контрольную лампочку. Он поднял микрофон и сунул его в держатель у основания шлема. Таким образом акустические колебания его слов передадутся через стенки шлема мембране микрофона.

Он включил передатчик на полную мощность и начал говорить:

— П-2-II-П — руководителю. П-2-II-П — руководителю. Мэйдей. Мэйдей. Десять вражеских единиц в непосредственной близости от цели. Повторяю...

Больше он ничего не успел сказать.

Что-то сбило его с ног и швырнуло о стенку с такой силой, что Спик сразу же потерял сознание.

3

Зонд, который по указанию Перри Родана приблизился к Истории на расстояние в двадцать миллионов километров, сообщил

о необычайной энергетической активности вблизи планеты. Руководство корабля обратило на это внимание. Перри Родан появился в командной централи и стал отдавать приказы. С небольшого возвышения у пульта управления, на месте командира корабля, он руководил кипучей, лихорадочной деятельностью, наполнившей гигантское помещение. Здесь сходились все нервные пути корабля, здесь находился мозг самого большого судна, которое когда-либо строило человечество.

Импульсы, принятые зондом, несомненно, исходили от корабельных двигателей. Перри Родан объявил тревогу и вызвал в централь управления халютера Ихо Толота. Через несколько минут Ихо Толот появился в централи. Ступени дрожали, когда его массивная фигура поднималась к центральному возвышению. Перри Родан почувствовал дрожание пола, когда Ихо Толот опустился на изготовленное специально для него кресло. Перри повернулся и бросил на халютера благодарный взгляд. Ихо Толот улыбнулся, открыв при этом рот, превратившийся в усаженное блестящими зубами отверстие, в котором свободно бы поместились две человеческие головы.

Перри Родан снова повернулся к пульту управления. Ему самому было неясно, почему он позвал халютера. Он действовал интуитивно. Его успокаивало, когда он знал, что это дружелюбное чудовище находится рядом. Или в этом было что-то еще?

Между халютерами и тефродерами или их хозяевами, которых называли «Хозяева Острова», сложились странные отношения, все еще неясные для Перри Родана — в основном потому, что первопричина этих отношений находилась так далеко в прошлом, что даже сам Ихо Толот не имел ни малейшего представления, в чем тут дело.

Фактом было то, что тефродеры ударялись в панику, как только видели халютера. В прошлом этот эффект наблюдался уже несколько раз. Как только Ихо Толот появлялся на экране, тефродеры ударялись в бегство. Трудно было себе представить, что лишь внешний вид наполнял их паникой — хотя Ихо Толот ни в малейшей мере не соответствовал ни земному, ни тефродерскому идеалам красоты.

Это было трудно объяснить, потому что тефродеры совершали дальние космические перелеты, во время которых встречались со множеством различных существ, и должны были давно уже научиться не впадать в столбняк от внешнего вида чужого существа.

Значит, дело тут было в чем-то другом. Перри Родан не знал точно в чем. Одно из убедительных объяснений заключалось в том, что когда-то в далеком прошлом тефродеры и халютеры встречались друг с другом, и последние произвели на тефродеров такое впечатление, что они и сегодня испытывают страх перед

ними. При таких обстоятельствах Ихо Толот мог быть чем-то вроде орудия защиты. И Перри Родан был наполовину убежден, что достаточно передать его изображение на телеприемник для командующего флотом тефродеров, чтобы весь флот обратить в дикое бегство. Он признался себе, что именно поэтому и позвал халютера в централь управления.

Поступило новое сообщение от зонда. За это время были зарегистрированы рассеянные импульсы энергетических орудий. Беспокойство Перри Родана возросло. На Истории не было ничего, во что бы стоило стрелять из бластерных пушек — разве только в одноместный истребитель лейтенанта Снайдера. Но он еще ничего не сообщил о себе. Ему было приказано передать сигнал о помощи, если возникнет опасность и ему помешают вернуться на «Крест».

Перри Родан включил двигатели гигантского корабля. За секунду термоядерные реакторы подскочили с нулевой отметки до полной мощности. Поток энергии был направлен в наполнители. «Крест» все еще висел на месте в состоянии покоя, но был готов в любую секунду стартовать с максимальным ускорением.

Потом был принят аварийный сигнал от Спика. Услышав первые слова, главный радист передал полученное сообщение по системе бортового интеркома. Каждый мог слышать хриплый, возбужденный голос Снайдера. Потом послышался сильный треск, и передача оборвалась на полуслове.

«Крест» рванулся с места.

Перри Родан надеялся еще какое-то время отодвинуть этот маневр, но положение было таково, что он ничего не выиграет, если и дальше будет выжидать. Аварийный сигнал Снайдера должен был обратить внимание тефродеров на то, что поблизости находится еще один вражеский корабль — если только они еще не знали об этом. Там, где были десять космических кораблей, несомненно, есть и еще. Вскоре начнутся поиски «Креста», а корабль величиной с флагман земного флота обнаружить было легко.

Быстрейшее бегство было надежным маневром. Но были два основания, по которым Перри Родан не воспользовался этой возможностью. Во-первых, он все еще не знал, что произошло на Истории, когда исчезла энергетическая оболочка, и, во-вторых, существовала вероятность, что он сможет подхватить космический истребитель где-нибудь вблизи планеты. Снайдер не должен был умереть, и нельзя было бросать на произвол судьбы одного из своих людей.

Через пятнадцать секунд после старта «Крест» исчез в линейном пространстве. Глубокая, сочная чернота открытого космоса на экране сменилась тусклой серостью. Изобилие пестрых звезд стало потухшей, бледной россыпью, просматривавшейся на ничего не говорящем фоне. Казалось, что законы природы, ответственные

за краски мира в зоне полупространства между двумя вселенными, теряли свое значение. Чернота эйнштейнова пространства, которое в действительности было совершенно бесцветным, сменилась этой серостью, потому что приемники изображения никак не могли решить: было ли бесцветным то, что они видели, или оно имело цвета. Световые точки звезд порождались не оптическим, а гиперизлучением, к которому камеры были чувствительны, но они, конечно, были неспособны различить гиперволны разной длины.

Призрачной картине, которую на экранах корабля порождало полупространство, можно было доверять. Она давала возможность ориентироваться и маневрировать, а это было все, что необходимо.

Через несколько секунд гигантский корабль нырнул в эйнштейново пространство в двадцати миллионах километров от Истории. В то же мгновение взревели сигналы тревоги. Пеленгаторы засекли десять объектов величиной с космический корабль — вражеские корабли, о которых говорил Спик Снайдер.

«Крест» устремился к небольшой красноватой планете. Все орудийные установки были наготове, но приказ открыть огонь до сих пор не поступил. Перри Родан ждал, проявят тефродеры враждебность или нет.

Приближаясь к Истории, могучий корабль уменьшал скорость. Десять тефродерских кораблей, двумя группами по пять, сохраняли свои позиции неизменными, хотя за это время они должны были заметить «Крест». Напряжение в централи управления росло. Как противник отреагирует на появление гигантского корабля?

Внезапно пеленгатор уловил крошечную, быстро движущуюся точку, которая намеревалась вот-вот исчезнуть за боковой гранью рефлексного экрана. Сообщение об этом было передано командиру корабля. Перри Родан приказал не спускать с точки глаз. Минутою позже было установлено, что это, судя по величине объекта, одноместный истребитель Спика Снайдера. Он перемещался со скоростью около двухсот тысяч километров в секунду по курсу, который вел к Исто. Детектор энергии не зарегистрировал никакого заметного излучения.

Перри Родан действовал уверенно. Слабая точка должна была быть истребителем Спика Снайдера. Вероятно, он был сильно поврежден, и сам Снайдер или мертв, или без сознания. Если ему не помочь, через полчаса он упадет на красное солнце.

«Крест» изменил курс. Он с огромным ускорением помчался вслед за истребителем. Расстояние между гигантским кораблем и истребителем Спика Снайдера быстро сокращалось. Наблюдатели в централи управления сконцентрировали свое внимание на десяти кораблях тефродеров. Сначала казалось, что они не обратили внимания на изменение курса гигантского корабля и оставались на месте, словно ожидая чего-то важного.

Истребитель Спика Снайдера появился на экране — крошечная, блестящая точка, отличающаяся от остальной россыпи звезд только потому, что двигалась. Движение становилось тем медленнее, чем больше скорость и направление полета «Креста» приближались к скорости и направлению полета останков истребителя. Массивный люк большого шлюза ангара открылся, и спасательный отряд встал наготове, чтобы принять на борт Спика Снайдера с его истребителем.

Но тут неожиданно произошло то, на что никто не рассчитывал. Десять кораблей тефродеров пришли в движение. С удивительно высоким ускорением они за несколько секунд набрали скорость и ринулись на «Крест». Они, должно быть, увидели спасательный маневр. Они знали, что земному гиганту понадобится, по крайней мере, двадцать минут, чтобы принять на борт расстрелянный истребитель, а это значит, что все это время он не сможет беспрепятственно двигаться и полностью использовать огневую мощь своих орудий.

Перри Родан спокойным голосом отдавал указания. Спасательная операция не прерывалась. Людям в шлюзе ангара было приказано работать как можно быстрее. Прицелы захватили точки приближающихся кораблей тефродеров, заработала позитроника аппаратуры прицела, отмечая показания пеленгатора и определяя курс кораблей противника, и десять трансформорудий нацелились на врага.

Расстояние сокращалось. Тефродеры на огромной скорости приблизились на расстояние в полмиллиона километров, потом затормозили и сгруппировались. Немного позже они широким кольцом окружили «Крест».

Перри Родан с озабоченностью следил за этими маневрами. Конечно, при обычных обстоятельствах «Крест» мог бы одним махом покончить с десятью и более кораблями противника такой величины, но в данное время это было невозможно.

Теперь, когда было уже почти слишком поздно, тактика тефродеров стала понятна. Они без труда могли бы уничтожить Спика Снайдера и таким образом помешать тому, чтобы его информация когда-нибудь попала к земному командованию. Но они не стали этого делать, потому что думали, что им удастся отхватить кусок пожирнее. Истребитель не мог своими силами добраться до этого сектора космоса, значит, где-то поблизости должен был находиться корабль-матка. Его можно было выманить из укрытия, если истребитель окажется в бедственном положении. Пилот должен передать сигнал SOS. Корабль-матка придет ему на помощь и попытается взять на борт его останки, так как оставалась возможность верить, что пилот еще жив.

Такова была тактика, и до сих пор тефродеры не отягощали

себя разработкой плана. «Крест» представлял для них мишень, поскольку его боевая мощь была ограничена спасательными работами.

Перри Родан обернулся и взглянул на халютера. Неподвижно сидящий в специальном кресле Ихо Толот наблюдал за панорамным экраном. Он не выказывал никакого возбуждения, хотя его планирующий мозг с удивительной точностью счетной машины уже оценил сложившуюся обстановку.

Заговорил интерком.

— Истребитель крепко захвачен всасывающим лучом, сэр,— произнес хриплый голос. Лицо мужчины на экране было ожесточенным и вспотевшим от напряжения.

— Хорошо. Когда эта штука будет на борту?

— Через восемь или десять минут, сэр.

— Великолепная работа,— похвалил Перри Родан.— Есть какие-нибудь признаки жизни пилота?

— Пока нет, сэр.

Перри Родан прервал разговор и взглянул на часы. Восемь минут! Тем временем тефродеры заняли позиции и больше не двигались. Все еще было неясно, что они намеревались предпринять. Сейчас был самый благоприятный момент для того, чтобы открыть огонь. Почему они этого не делают?

Ответ на этот вопрос оказался драматическим.

Большой квадратный экран приемника гиперкома над пультом управления внезапно засветился. Перри Родан инстинктивно нагнулся в сторону, чтобы не попасть в поле зрения передающей камеры. Это было неосознанное действие. За несколько столетий у него выработалась привычка держаться вне поля зрения камеры, пока он не узнавал, с кем говорит.

На большом экране появилась фигура мужчины. На нем был мундир тефродеров, но его внешность была такой поразительно человеческой, что только благодаря одежде можно было понять, что это не землянин. Перри Родан подробно рассмотрел его. Он увидел, как тот выпрямился, поняв, что находится в поле зрения камеры, и на его лице появилась надменно-торжествующая улыбка.

— Бросайте свою игру, халютеры! — заговорил он на родном языке Тефроды.— Вы от нас не ускользнете!

* * *

Потом события начали развиваться очень быстро. Перри Родан почувствовал, как непреодолимая сила грубо тащит его вверх и рвет на части. Он потерял равновесие и упал, а когда поднял взгляд,

его поле зрения заполнила гигантская масса тела халютера. Он откатился в сторону и теперь смог из-за Ихо Толота увидеть экран гиперкома, на котором с надменным тефродером происходили странные изменения. Ихо Толот появился на экране его приемника. Судя по его словам, он рассчитывал на то, что на борту гигантского корабля находятся халютеры, и все же вид Ихо Толота поверг его в панику, отразившуюся на его лице.

— Ты слишком много берешь на себя,— прогремел могучий голос халютера на тефродерском.— Мы так легко не сдадимся. Вы, наконец, должны понять, что здесь вы ничего не выиграете.

Экран погас. Тефродер не мог долго выносить вида гигантского существа с Халюта. Оглушенный и сбитый с толку, Перри Родан снова поднялся на ноги. Ихо Толот наблюдал за ним с беспомощной, неловкой зубастой улыбкой, исказившей его широкий рот.

— Мне очень жаль, друг,— сказал он, сдерживая голос,— но если он вас видел, теперь со всеми иллюзиями покончено.

Перри Родан понял его. Тефродеры испытывали перед халютерами первобытный страх. Во всяком случае будет лучше, если они поверят, что «Крест» — корабль халютеров.

Таковы были мысли, молниеносно пронесшиеся в голове Перри Родана. Потом он сконцентрировал свое внимание на окружающем. В сообщении, поступившем из шлюза, говорилось, что спасательная акция будет закончена через три минуты. В централи управления царило гнетущее молчание. Многие офицеры видели этот странный поединок. Тефродеры, может, и боялись халютеров, но то, что сказал человек с экрана, не походило на то, что их страх слишком велик, чтобы удержаться от враждебных действий.

С каждой прошедшей секундой шансы «Креста» увеличивались, но оставались еще две с половиной минуты, во время которых тефродеры могли открыть огонь.

В это мгновение наивысшей опасности могло быть только одно решение, и Перри Родан, не колеблясь, принял его.

«Крест» открыл огонь. Из пяти трансформорудий со сверхсветовой скоростью вырвались убийственные импульсы, попали в цель и материализовались в виде ядерных зарядов чудовищной мощности. В пустоте возникли пять новых солнц, и их чудовищная, ослепительная яркость заставила побледнеть звезды.

Перри Родан прищуренными глазами наблюдал за этим жутким зрелищем. По его приказу в течение нескольких секунд были убиты сотни людей. Знание того, что у него не было другого выбора, чтобы обеспечить безопасность собственного корабля, не утешало его. Он чувствовал себя опустошенным, но когда увидел, что остальные корабли тефродеров ударились в паническое бегство, испытал огромное облегчение. Таким образом, ему не пришлось уничтожать остальные пять кораблей.

А тем временем Спик Снайдер вместе со своим истребителем был взят на борт, и «Крест» снова получил полную свободу движения и ведения огня. Тефродеры не проявляли ни малейшего желания вступить в бой с гигантским кораблем землян.

Перри Родану показалось, что во всем этом было что-то фальшивое. Части мозаики не сходились друг с другом. Еще несколько минут назад он был уверен, что тефродеры хотели использовать истребитель Спика Снайдера как приманку, чтобы заманить «Крест» в ловушку. И это им удалось. Так почему же, дьявол их побери, они не напали, пока их жертва была в западне?

У них были минуты, в течение которых, несмотря на свою слабую огневую мощь, они имели превосходство, но бездействовали. Да, они уведомили экипаж по интеркому о том, что их корабль не сможет ускользнуть, другими словами, о том, что вскоре они обнаружат враждебность по отношению к «Кресту».

Они должны рассчитывать на то, что противник не оставит эту угрозу без внимания. Они буквально вызывали огонь на себя.

Пять из них были уничтожены одним мановением руки, пять других бежали сломя голову. Тут не чувствовалось ни плана, ни тактики. Тефродеры вели себя так, словно развитие событий было для них совершенно неожиданным.

Где-то в своих размышлениях он, должно быть, пропустил важный отправной пункт.

Какой?

Он повернулся к Ихо Толоту. Халютер снова сидел в своем специальном кресле и смотрел на него задумчиво и серьезно. Заметив взгляд Перри Родана, он поднял массивную голову.

— Я знаю, о чем вы думаете,— сказал он спокойно.— И мне кажется, я знаю, что происходит.

Да, Перри не напрасно повернулся к нему. Планирующий мозг халютера намного превосходил человеческий по способности логического мышления и комбинирования. По своей производительности он напоминал позитронную счетную машину и давал халютеру уверенность в достижении цели и реакцию, намного превосходящую человеческое понимание.

— Несомненно, ясно одно,— продолжал Ихо Толот.— Корабли тефродеров не были тем, что должно помешать нашему возвращению, как они сказали.

— Вы имеете в виду, что в пути находится другое соединение?

— Это было бы самым простым объяснением,— согласился халютер.— Но мне оно кажется *слишком* простым. Поисковые соединения тефродеров часто бывали здесь и никогда не позволяли себе роскоши обратить внимание на нашу судьбу.

Перри Родан внимательно слушал.

— А как насчет десяти кораблей, которые нас окружали? —

осведомился он.— Тефродеры что, послали на смерть несколько сот своих людей только для того, чтобы сообщить нам, что они помешают нашему возвращению — по крайней мере, по вашему мнению?

Ихо Толот улыбнулся. По крайней мере, на борту «Креста» искривление широкого рта с двумя прямыми рядами обнаженных чудовищных зубов понимали как улыбку.

— Это тоже звучит убедительно,— согласился он.— Мы знаем, что тефродеры ни во что не ставят человеческую жизнь. Может быть, это не настоящие тефродеры со своими моральными установками, а «хозяева Острова», правящие ими, хотя это не меняет дела. Установлено, что экипажи тефродерских кораблей иногда по непонятным причинам жертвуют собой.— Ихо Толот немного помолчал и добавил: — Несмотря на это, я не думаю, что тефродеры рассчитывали на то, что здесь произошло.

Перри Родан удивленно посмотрел на него.

— Вспомните о разговоре по гиперкому,— напомнил ему халютер.— Тефродеры приняли этот корабль за халютерский.

— Я знаю,— ответил землянин.— И что все это должно значить?

— Моя раса терпелива. Кроме того, она может быстро думать. По внешнему виду тефродерских кораблей халютер может легко рассчитать, что эти корабли не могут помешать возвращению земного корабля. Так что пока нет никакой непосредственной опасности. Корабль халютеров никогда по собственной воле не откроет огонь против десяти кораблей тефродеров, это им, конечно, хорошо известно. Внезапный обстрел, вероятно, был для них шоком.

Перри Родан бросил на халютера странный взгляд.

— Удивительно, как сильно отличается ваш образ мышления от нашего в этой точке. Даже ваш планирующий мозг лишь с некоторой долей истины может предсказать, что десять кораблей тефродеров не собирались нападать. Но если бы они это сделали — или, вернее, если бы они это сделали чуть раньше, наш корабль, вероятно, был бы облаком раскаленного газа. Командир корабля, если он землянин, не может положиться на такие расчеты. Он несет ответственность за безопасность своего корабля и должен сделать все, чтобы обеспечить ее.

Ихо Толот одарил его благосклонной улыбкой.

— Я знаю, поэтому и пришел сюда.

Перри Родан вновь повернулся к пульту.

— Я помню, что уже дюжину раз задавал вам один вопрос,— сказал он через плечо.— Вы не помните, при каких обстоятельствах в далеком прошлом халютеры и тефродеры столкнулись друг с другом и почему тефродеры питают к вашей расе такой суеверный страх?

Ихо Толот помедлил с ответом.

— Нет,— пробурчал он наконец.— Я обыскал свою память до последних уголков. Эти события, должно быть, произошли задолго до того, как начала записываться наша история.

— Как далеко простираются ваши исторические записи?

— Примерно на сорок тысяч лет по земному летоисчислению.

— Достаточно далеко,— больше для себя, чем для других, пробормотал Перри Родан и нагнулся над пультом.

Некоторое время он просматривал показания приборов. Затем поступило сообщение по интеркому. Лазарет сообщал, что лейтенант Снайдер получил легкие ожоги и сотрясение мозга, но через несколько часов снова будет на ногах.

— Что вы теперь намереваетесь делать? — осведомился Ихо Толот после того, как передача закончилась.

— Мы полетим назад,— ответил землянин.— Попытаемся прорваться к периферии этой Галактики. Мы достаточно долго блуждали здесь. У Спика Снайдера есть информация об Истории. Нам нужно только подождать, пока она не будет оценена.

Через несколько минут по пневматической почте поступило сообщение из научно-технической секции. Снимки, которые сделал Снайдер, были обработаны и размножены. Перри Родан вынул из футляра три большеформатных видеоленты. На двух первых была окруженная оградой деревня, снятая сверху, с различной высоты. На третьей были видны мертвый негр и мертвая собака. Снайдер, должно быть, был убежден, что третья лента в достаточной мере показывает положение вещей.

На заданные вопросы были получены ответы. Отключение защитного поля повлекло за собой гибель человеческого населения планеты История. Тефродеры побоялись убить тысячи невинных существ только потому, что на Истории был обнаружен земной зоопарк.

4

Спик проснулся быстро и без всякого перехода. Он вспомнил все, что произошло, и почувствовал себя окрепшим и отдохнувшим. Никакой боли он не испытывал. Осмотревшись, он увидел, что находится в одноместной палате корабельного лазарета.

Он чувствовал легкий зуд в кончиках пальцев. Его разбудили при помощи инъекции. При нормальных обстоятельствах он проснулся бы через несколько часов с гудящей головой и с трудом вспомнил бы, что с ним произошло.

Вероятно, произошло что-то необычное, иначе раненому дали бы время на отдых. Он спустил ноги с постели, встал и подошел к зер-

калу. На лбу у него был небольшой кусочек пластыря и чуть побольше — на тщательно выбритом участке кожи на виске. Казалось, что судьба довольно милостиво обошлась с ним. Он только слегка поранился о шлем. Он был жив, потому что шлем выдержал.

Он осмотрелся в поисках одежды и в это мгновение услышал сирену тревоги. Дверь открылась, и вошел маленький мужчина в белом кителе с нашивками санитарного корпуса на рукаве.

— Слава богу, вы встали,— выдохнул он.— Одевайтесь — и быстро. Общая тревога. Все люди из научно-технической секции должны быть на своих местах!

Пока Спик одевался, санитар стоял у двери. Когда Спик вышел наружу, он протянул ему бластер, отданный на сохранение.

— Закройте шлем! — крикнул он Спику вслед.

Спик удивленно повиновался и покинул лазарет. Снаружи, в главном коридоре палубы, его оглушил мощный рев сирен. Он поспешно переключил внешние микрофоны на пониженную громкость. В коридоре было мало людей, и на всех были закрытые скафандры.

Спик побежал к технической секции. Уже в главном коридоре он услышал непрерывный грохот системы оповещения, по которой всем людям приказывалось занять свои места. В случае всеобщей тревоги место Спика было в централи связи капитана Эрин Логана. И он побежал туда.

Логан стоял у пульта управления и отдавал приказы. Дюжина старших и младших офицеров стояла полукругом возле него. Увидев вошедшего Спика, он замолк и скривил лицо в насмешливой гримасе.

— Как мило с вашей стороны, что вы появились здесь, лейтенант! — воскликнул он с сарказмом.

Спик не ответил. Ему хотелось знать, что произошло. Логан снова начал отдавать приказы. Люди покидали помещение, как только получали задание, и в конце концов Спик остался последним.

— Для вас у меня есть кое-что особенно,— снова усмехнулся Логан.— Вы и пять младших офицеров останетесь со мной. Мы будем работать в измерительной лаборатории.

Спик спокойно кивнул.

— Можно мне спросить, что случилось, сэр?

— Нет, вам это не нужно. Вы так дьявольски хитры, что узнаете сами.

Спик улыбнулся ему.

— Другими словами — вы тоже этого не знаете!

Логан покраснел.

— Через три минуты увидимся в лаборатории Н! — крикнул он ему.— Непунктуальность будет рассматриваться как неповиновение.

Спику понадобилось лишь две минуты, чтобы добраться до лаборатории. На пути туда он ломал голову над причиной всей этой суматохи. Во время всеобщей тревоги сотрудники и офицеры научно-технической секции обычно были всего лишь наготове, чтобы как можно быстрее исправить возможные повреждения. Всю секцию призывали находиться на своих местах только тогда, когда проводился важный эксперимент. Но эксперименты, конечно, проводились не тогда, когда объявлялась всеобщая тревога.

Пять младших офицеров уже были на месте. Логан появился через несколько секунд после того, как Спик вошел в маленькое помещение. Пунктуальность Спика, казалось, разочаровывала его. Приборы, установленные на низких скамьях и пультах вдоль стен, были знакомы Спику. В основном это были измерительные приборы, являющиеся главными инструментами техников гиперкома.

Огромный экран на стене был пуст. Логан подошел к одному из пультов, вделанному в стену возле входной двери. Он нажал на две кнопки. Свет уменьшился до слабого свечения, и экран озарился.

Спик вздрогнул.

Гигантская плоскость светилась тусклым, однотонным серым светом. Звезды были крошечными, бесцветными точками. Спик не знал, что «Крест» находится в линейном пространстве.

* * *

Из полумрака к экрану выдвинулась указка. Она указала на одно из многих маленьких световых пятнышек. Голос Логана произнес:

— Наше внимание привлекают такие объекты, как этот. Если вы включите увеличение и подробнее рассмотрите его, вы заметите, что это не обычная круглая световая точка одной из звезд. Объект этот продолговатый, овальной формы. Мы уже сорок минут находимся в линейном пространстве. Тридцать пять минут назад был замечен первый чужой объект. К этому времени мы обнаружили их уже четыре. Нашим заданием является установить, сколько их существует вообще и что это такое. Принимайтесь за работу!

Спик обратился к нему:

— Капитан, сэр... можно мне взять двух из наших людей?

— Не возражаю,— сердито ответил Логан,— но остальные потребуются мне!

Спик улыбнулся самому себе. Логан знал, что он был лучшим техником гиперполя и что по крайней мере в настоящее время он должен дать ему свободу действий.

Спик взял двух людей и подошел с ними к одному из пультов на боковой стороне возле экрана. Сначала, как и предлагал Логан, они включили увеличение.

Он был прав. Четыре чужих объекта были яйцеобразными, и половина из них меньше диаметра звезды.

Тем временем Логан со своими тремя людьми продолжил поиски на экране среди других неидентифицированных световых пятен. Спустя десять минут он нашел пятый объект.

Спик и его люди перешли к анализу излучения, испускаемого овальными объектами. Два младших офицера читали показания приборов и сообщали результаты Спику. Тот скармливал их компьютеру, входившему в оборудование лаборатории. Машина идентифицировала излучения как относящиеся к категории возникающих вместе с переменными гравитационными полями. Одновременно с этим она рассчитала, что интенсивность излучения на два порядка выше гиперэнергетического рассеянного излучения звезд, окружающих «Крест».

Первые результаты недвусмысленно доказывали, что овальные световые пятнышки не являются звездами, хотя их было трудно отличить от первых.

Было ясно, что овальные объекты были, хотя и маленькими, но чрезвычайно насыщенными энергией, или то, что они находятся поблизости от «Креста».

Последнее казалось почти немыслимым. В линейном пространстве, зоне полупространства между эйнштейновым и гиперпространством, было только рассеянное излучение звезд, которое воспринимали оптические камеры и передавали на экраны. За исключением рассеянного излучения, линейное пространство было пусто — серая, неохватная человеческим разумом пустыня. Расстояние здесь невозможно было измерить, только интенсивность рассеянного излучения, которая давала астронавтам знать, когда они подойдут достаточно близко к цели.

Спик зажег сигарету и уставился на ленты с результатами расчетов, лежащих перед ним и освещенных светом маленькой лампочки на пульте.

— Ну, что у вас появилось? — крикнул Логан с другой стороны лаборатории.

Он был нетерпелив и хотел видеть результаты, чтобы все свести воедино. Спик развлекался. У него сложилось твердое мнение об этих пяти овальных объектах или световых пятнышках, и он знал, что воображение Логана было слишком слабо, чтобы все это понять.

Без всякой подготовки он выпалил свой ответ:

— По моему мнению, сэр, это пять вражеских кораблей, которые преследуют нас в линейном пространстве.

* * *

На мгновение воцарилась мертвая тишина. Потом Логан взорвался:

— Вы абсолютно не разбираетесь в этом! Можно ли вообразить что-то более сумасшедшее! Ни один корабль не может преследовать другой в полупространстве. Все, что можно видеть в линейном пространстве,— звезды.— Он тяжело дышал от возбуждения.— Лейтенант, ранение, вероятно, сказалось на вашем рассудке. Вы должны как можно быстрее вернуться в лазарет.

Спик встал. Его глаза за это время привыкли к полутьме, и он хорошо видел Логана.

— Вы ошибаетесь, сэр,— спокойно сказал он.— Овальные пятнышки возникают от излучения, которое связано с переменным гравитационным полем — или обычными защитными полями, если выразиться понятнее. Как мы видим, излучение защитных экранов имеет овальную форму. Тем не менее, ваше утверждение правильно, потому что никто еще не наблюдал в линейном пространстве ничего, кроме рассеянного излучения звезд. По моему мнению, все дело в том, что до сих пор корабли здесь еще никогда не подходили так близко друг к другу, как тефродеры к нам. Флот земного соединения всегда сохраняет во время линейного полета расстояние между отдельными кораблями. Тефродеры, напротив, идут впритирку к нам. Если вы все еще хотите отослать меня обратно в лазарет, сэр, я готов уйти.

— Конечно! — прервал Логан заикающимся голосом.

В это мгновение произошло нечто, на что он не рассчитывал. Одно из овальных пятнышек на большом экране, едва отличимое невооруженным глазом от точек других звезд, внезапно вздулось. За долю секунды оно увеличилось раз в десять, а потом снова сжалось. Спик уголком глаза наблюдал за этим феноменом.

Секундой позже вспыхнул весь экран. Яркая, огненная краснота захлестнула матовую поверхность, погасив слабые световые точки звезд. Мощный громовой удар сотряс корабль. Спика отшвырнуло в сторону, и он вцепился в один из пультов. Призрачный красноватый свет наполнил лабораторию. В первый раз экран земного корабля передал цветовой эффект в линейном пространстве.

Логан потерял равновесие и упал на пол.

— Что это? — истерически воскликнул он.

Спик горько усмехнулся.

— Они не только могут преследовать нас, но и стрелять в нас! — крикнул он в ответ.

— Вы сошли с ума! — взревел Логан.— Этого же не может быть!

В то же мгновение ожил интерком. Спокойный чистый голос сказал:

— Говорит командир корабля. Это сообщение предназначено для всех членов экипажа флагманского корабля. Перед нами новый феномен. Вражеские корабли не только преследуют нас в линейном пространстве, они еще и открыли по нам огонь. Такого раньше не было. До сих пор мы считали, что бой в линейном пространстве невозможен. Принимая во внимание сложившееся положение, руководство корабля приняло решение ответить на огонь врага. Мы совершенно уверены, что нам удастся использовать свои орудия так же, как и противнику. А вы знаете, что огневая мощь нашего корабля превосходит мощь кораблей тефродеров. Прошу всех оставаться на своих местах. Конец.

Спик тотчас же понял, что ему делать. Ему представилась возможность, какой он, вероятно, больше не получит до конца своей жизни.

— Всем людям быть на местах! — крикнул он, не беспокоясь о Логане.— Дайте увеличенное изображение всех пяти кораблей и спроецируйте их на нижнюю часть экрана. Быстрее!

Приказ был выполнен за несколько секунд. В нижней части экрана появились пять овальных световых пятен. Спик всматривался в них, пока у него не заболели глаза. За это время «Крест» должен был открыть огонь. Где результат? Не могло же линейное пространство поглотить энергию орудий?

Внезапно в центре экрана возникла фиолетовая точка. За долю секунды она раздулась в гигантский шар, занявший половину экрана и бешено вращающийся вокруг собственной оси. В течение четырех или пяти секунд он продолжал увеличиваться в объеме, а потом начал постепенно сжиматься. Пять увеличенных изображений давно уже были скрыты фиолетовым светом. Когда чуждые световые эффекты закончились, появилась тусклая серость полупространства. Корабли тефродеров исчезли. Остались лишь слабые точки звезд.

Фиолетовое сияние полностью исчезло, и экран на несколько мгновений стал таким же, как и всегда, и Спик был убежден, что самый головоломный эксперимент, в который когда-либо был вовлечен земной корабль, закончился.

Но тут экран начал разгораться снова. На этот раз это была яркая зелень, возникшая в центре экрана и сверкающими каскадами растекшаяся во все стороны. Она распространялась очень быстро. Это зрелище было таким захватывающим, что Спик оставил всю работу, неподвижно замер, зачарованно следя за странной игрой красок. Звезды исчезли. Сверкающая зелень наконец покрыла весь экран и наполнила лабораторию бледным, таинственным полусветом.

Один из присутствующих вскрикнул от ужаса.

И начался кошмар.

По кораблю прокатился громовой грохот. Пол ушел из-под ног Спика, и он упал, инстинктивно смягчив падение руками. Но второй, еще более сильный толчок оторвал его от пола и швырнул об пульт. От удара у него перехватило дыхание, и он каждой клеткой тела ощутил жгучую боль. Пару секунд Спик старался не потерять сознание.

Третий толчок снова швырнул Спика вперед. Он на животе проскользнул через лабораторию и ударился о стену возле двери. Корабль танцевал и мотался, как маленькая лодочка в штормовом море. Мощная обшивка стонала и скрипела от убийственной перегрузки. Приборы и агрегаты сорвало со своих мест, и они с грохотом носились по коридорам и залам.

Спик с трудом перевернулся и, опираясь на стену, приготовился подтянуться вверх. Экран все еще продолжал работать. Магический зеленый свет наполнял его, но, казалось, постепенно слабел. Спик осмотрелся и увидел скорчившиеся фигуры людей, лежащих на полу; нескольких из них зажало между пультами. Сотрясения зашвырнули их туда, и от удара они потеряли сознание. Темная куча далеко на заднем плане, вероятно, была Эрни Логаном. Кажется, ему пришлось не лучше, чем остальным.

Спик почувствовал непредолимое желание что-то делать, но что именно — об этом он не имел ни малейшего понятия. Корабль несколько успокоился, но было весьма возможно, что большая часть экипажа погибла или потеряла сознание от этого дьявольского сотрясения. Он понятия не имел о том, откуда появилось это зеленое сияние и что так трясло «Крест». Очень возможно, что там, снаружи, находились и другие вражеские корабли, которые открыли огонь по земному гиганту. Было также вероятно, что трансформорудия «Креста», произведшие залп в полупространстве, оказали необычное воздействие на корабль и чуть было не уничтожили его. Он этого не знал. И никто этого не знал. Поведение полупространства было феноменом, к изучению которого земная наука только что приступила.

Он с трудом пробрался к одному из пультов. Пол покрывали небольшие приборы, сорвавшиеся со стен во время чудовищных толчков. Кроме того, Спику казалось, что пол перекосило. Антиграв все еще функционировал, но вектор искусственного поля тяготения вроде бы изменился.

На стене рядом с пультом висел чудом не сорванный с креплений интерком. Спик протянул руку и взял трубку. В то же самое мгновение драма в линейном пространстве вступила в свой заключительный акт.

Зеленое свечение в течение секунды сменилось мрачной, крова-

вой краснотой. Спик инстинктивно напрягся и крепко ухватился за пульт. И интуиция не обманула его. Каждая смена красок на экране, казалось, означала новое нападение на «Крест». Только на этот раз было еще хуже, чем прежде. Громовое сотрясение превратило корпус корабля в колеблющийся колокол, и Спика рвануло назад. Но он все еще крепко держался за пульт. На секунду ему показалось, что руки его вот-вот будут вырваны из суставов, но тут поддался пульт. Непреодолимая сила вырвала его из креплений и швырнула вверх. Спика, все еще крепко вцепившегося в него, потащило по помещению. Он попытался разжать руки, но мускулы больше не повиновались ему.

С огромным треском пульт ударился о стену и разлетелся на тысячу обломков. Один из них попал Спику в висок.

* * *

Спик не знал, сколько времени он находился без сознания, но думал, что не больше двух секунд. В воздухе ясно ощущался смрад сгоревшей изоляции.

Он лежал на спине среди моря обломков. Скосив глаза по диагонали вверх, он увидел на внутреннем краю своего шлема зеленую лампочку, показывающую, что его скафандр функционирует безупречно. Тот факт, что он мог легко чувствовать окружающий его запах, указывал на то, что Спик, как и прежде, дышал наружным воздухом, подававшимся в шлем через жаброподобные устройства, расположенные по обеим сторонам основания шлема. Так что воздухоснабжение корабля все еще функционировало, иначе жабры автоматически закрылись бы.

Спик попытался выпрямиться, и тут взгляд его упал на экран. То, что он увидел, было так невероятно, что он застыл, не закончив движения и ощущая боль в растянутых мышцах.

Серость линейного пространства исчезла. С экрана светило пестрое море звезд, и там, где они не висели вплотную друг к другу, была видна чернота эйнштейнова пространства.

Некоторое время его разум отказывался принять невероятное. «Крест» вернулся в нормальное пространство! Бушующие световые эффекты линейного пространства не поглотили его!

Ему показалось, что он спит и поднимается вверх. Но понадобилось лишь одно движение, чтобы убедиться, что это не сон. Его тело болело так ужасно, что он почти терял сознание. Но, стиснув зубы, Спик преодолел боль, встал на ноги и ухватился за стену, чтобы не упасть. После этого он сконцентрировал свое внимание на экране, пробравшись к нему сквозь обломки. Он удивленно взирал на сверкающий ковер звезд, словно никогда их не видел.

Постепенно к нему вернулось чувство долга, и он осознал, что все еще находится в одиночестве. Повернувшись, он в призрачном свете, исходящем от экрана, увидел, как зашевелились две фигуры, которые были зажаты между пультами.

Он помог одному из мужчин подняться на ноги и ощутил легкое разочарование, обнаружив, что это был именно Эрни Логан.

Протерев глаза и подозрительно осмотревшись, Логан пробурчал:

— Что здесь произошло, черт побери?

Спик подвел его к одному из уцелевших пультов, чтобы тот ухватился за него, и ответил:

— Нам всем хотелось бы это знать.

Он оставил Логана стоять, а сам позаботился об остальных и ощутил огромное облегчение, когда установил, что никто из них серьезно не ранен. Они лишь потеряли сознание от удара головой.

Логан со своей обычной надменностью снова взял все в свои руки. Пока Спик помогал одному из мужчин подняться, он сердито пробурчал:

— Снайдер, почему вы не возьмете в руки интерком и не осведомитесь о том, что же здесь вообще произошло?

Спик подхватил одного из пришедших в себя младших офицеров под мышки и вытащил его из щели между двумя опрокинувшимися пультами.

— Вы же видите, что я занят, сэр,— невозмутимо ответил Спик.— Кроме того, вы стоите рядом с ним. Что будет, если вы сами воспользуетесь интеркомом?

Но Логан не отреагировал на это нарушение субординации и продолжал держаться за пульт, оглушенно глядя перед собой. Спик положил младшего офицера на пол, чтобы придать ему более удобное положение. Тем временем поднялись на ноги четверо из шести потерявших сознание.

С тех пор, как Спик в первый раз бросил взгляд на усеянный пестрыми звездами экран, прошло по меньшей мере десять минут. Он начал думать о том, что произошло с людьми в централи управления.

Но в этот момент, когда его беспокойство достигло наивысшей точки, зазвонил интерком. Изображение на маленьком экране было искажено — признак того, что мощные сотрясения не пощадили и систему всеобщего оповещения. Но, несмотря на это, он узнал лицо мужчины, который связался с ним. Это был Перри Родан. Должно быть, положение было достаточно серьезным, если самый главный администратор взял микрофон и обратился к своему экипажу.

— Говорит главный администратор,— произнес он чистым го-

лосом.— Корабль и его экипаж были на волосок от уничтожения в результате столкновения с неизвестным феноменом в линейном пространстве. Я не знаю, как обстоят дела у корабля снаружи, у дезинтеграторов, но корабль дорого заплатил за то, чтобы избежать опасности и ускользнуть. «Крест» почти не может маневрировать. Поверхностное исследование положения показывает, что при выходе из полупространства нас подхватил трансмиттерный канал и мы снова вышли в эйнштейново пространство в зоне действия этого трансмиттера. Мы находимся примерно в тридцати миллионах километров от точки равного притяжения двойной звезды, от которой нас отделяет не такое уж большое расстояние. В системе этой двойной звезды есть много планет, пять из них пока можно исключить. Чужая сила, кажется, тянет нас на третью планету. Как я уже сказал, мы не способны маневрировать и должны покориться тому, что с нами может произойти. Быстрая проверка показала, что бортовое вооружение все еще боеспособно. Как бы и кто не заставлял нас совершить посадку на третьей планете — я думаю, это тефродеры,— будет вынужден сначала преодолеть огонь наших орудий, прежде чем к нам приблизится.

Положение наше настолько серьезно, что не стоит тешить себя ложными надеждами. Но пока мы можем действовать скоординированно, значит еще не пропали. Все люди, способные на это, должны немедленно занять свои места, боевые места. Произведите проверку всего, что вас окружает, и сообщите об этом своему начальству.

И вот еще что: я не верю, что сюда нас послали тефродеры. Мне кажется, что причиной этой заброски являются неконтролируемые процессы в линейном пространстве. Наше появление в этом трансмиттере должно быть такой же неожиданностью для тефродеров, как и для нас. В этом и заключаются наши шансы.

Конец.

Экран погас. Спик осмотрелся. Эрини Логан все еще не совсем пришел в себя, шатаясь, как пьяный, хотя и держался за пульт.

— Вы слышали это, люди? — сказал Спик твердым голосом.— Поднимайтесь на ноги и шевелитесь. Я временно принимаю командование на себя, пока капитан Логан снова не придет в себя. Кто может ходить, отправится со мной в централь связи. Для тех, кто чувствует себя слишком слабым, будет лучше как можно быстрее подняться на ноги. А теперь пошли!

К нему присоединились четыре человека, среди них и Эрни Логан, который, однако, снова упал, как только они вышли в усеянный обломками коридор. Повсюду двигались фигуры в плотно застегнутых скафандрах. Гигантский корабль пробуждался к жизни.

Пока ему нечего было делать, только переставлять одну ногу

за другой, чтобы как можно быстрее продвигаться вперед, Спик ломал голову над событиями, происшедшими за последние несколько часов. Он пытался представить себе силы, которые, словно мячом, играли в линейном пространстве таким огромным кораблем, как «Крест».

За это время он убедил себя, что именно огонь их собственных орудий породил эту цепь событий. Залпы орудий тефродеров не могли быть опасными для гигантского корабля, но его собственный огонь — гиперэнергетические импульсы, сгущающиеся за мгновение в ядерную взрывчатку мощностью в тысячу гигатонн, образовали вокруг корабля зону нестабильности. Корабли противника были уничтожены, это казалось очевидным, но энергия трансформимпульсов не исчезла в этом процессе. То, что осталось — а это должна быть половина первоначальной энергии — разрядилось непосредственно в гиперпространство, обладающее лишь ограниченной способностью поглощения. Это и привело к эффекту перенасыщения. Вокруг «Креста» на короткое время образовалась энергетическая оболочка, которая была слишком насыщенной, чтобы линейное пространство могло поглотить ее. Трансформимпульсы без чьего-либо намерения породили тот же эффект, при помощи которого компьютеры контролируют линейные двигатели и который применяется при окончании линейного полета. Вообще-то *конвектор* Калука основан на этом принципе, когда летающий объект в результате недозарядки или перезарядки выбрасывается в полупространство или возвращается в эйнштейново пространство.

И все же здесь произошло нечто неожиданное. При разрядке энергетической оболочки, которая взрывообразно возникла во время перехода и при этом излучила мощный импульс, неподалеку находился приемник трансмиттера. Он принял «Крест» в свой транспортный канал и доставил его к выходу в эйнштейново пространство.

Теория звучала убедительно. Перри Родан был прав. Тефродеры, должно быть, были сильно удивлены, когда приемник их трансмиттера внезапно заработал и выплюнул самый огромный корабль, который когда-либо видели в этой части туманности Андромеды.

По антигравитационной шахте, которая еще до сих пор безупречно функционировала, Спик и его спутники добрались до палубы, где находилась централь связи капитана Логана. Опустошение здесь было гораздо меньше, чем в лаборатории. К тому времени Эрни Логан полностью пришел в себя и выпал из поля зрения. Спику больше нечего было беспокоиться о нем. Его наполнило жгучее рвение человека, оказавшегося в бедственном положении, в котором, казалось, все легло на него одного. Он направил людей к приборам, так как сейчас важнее всего было держать под наблю-

дением окружающее корабль пространство. Каждый самый слабый импульс должен был быть исследован и идентифицирован, так как система трансмиттера редко оставалась без охраны. Как только тефродеры оправятся от страха, они направят корабли охраны и насядут на вторгшегося чужака.

Спик сам обследовал оборудование централи и установил, что здесь все было цело, за исключением нескольких небольших приборов. Он провел пару поспешных переговоров по интеркому и узнал, что научно-техническая секция почти на девяносто процентов снова находится на своих ногах. Если в других секциях корабля положение не было значительно хуже, тогда надежда еще не потеряна.

На большом настенном экране теперь виднелось красновато-желтое пятно небесного тела, которое резко отличалось от мерцающих звезд. Двойное солнце находилось в поле зрения прибора, передающего изображение на экран. Желтое пятно должно было быть третьей планетой, засасывающее поле которой тащило «Крест». Спик оценил расстояние до нее в двадцать-двадцать пять миллионов километров — слишком далеко, чтобы различить подробности на ее поверхности. Но он был уверен, что в это мгновение дюжина глаз прижалась к окулярам телескопов, дающих высокое разрешение, и миля за милей исследует чужой мир.

Спик очнулся от размышлений, когда его окликнул один из его людей.

— Четкий импульс с 2°60′ фи, 10° тэта, сэр.

Показания пеленгационного экрана были однозначными. С указанного направления приближалась эскадра примерно из пятидесяти тяжелых вражеских кораблей, находящихся сейчас на расстоянии примерно десяти миллионов километров.

Спик включил сигнал тревоги.

* * *

Тефродеры со всей осторожностью принялись за работу. Они замерили рассеянное излучение «Креста» и установили, что двигатель его не функционирует и деятельность термоядерного реактора приостановлена. Они знали, что гигантский корабль больше не способен маневрировать, и, тем не менее, приняли все меры предосторожности.

Спик, находясь в централи связи, наблюдал, как они окружили «Крест». Они выстроились концентрическими кругами вокруг гигантского корабля, который с постоянной скоростью чуть больше двух тысяч километров в секунду приближался к чужой желтой планете. Круги постепенно становились все теснее, но не было сделано еще ни одного выстрела. «Крест» не подавал никаких призна-

ков жизни. Тефродеры должны поломать головы, остались на его борту живые существа или нет.

Прошел час. Круг сузился до диаметра в двадцать тысяч километров. В центре его находился земной корабль. Тефродеры, казалось, наконец приняли решение, и десять кораблей из пятидесяти, вырвавшись из круга, быстро помчались к «Кресту».

Это, должно быть, означало только одно: они сочли земной корабль легкой добычей!

Спик знал, что теперь должно произойти. Тефродеры считали, что они находятся в безопасности. Не было более благоприятного момента для удара, чем этот.

Экран вспыхнул, и централь наполнил бело-голубой свет. Руки Спика метнулись к стеклу шлема. Где-то глубоко в недрах корабля взвыли энергетические аккумуляторы бортовых орудий и наполнили гигантское судно грохочущим гулом.

Медленно проходили секунды, во время которых не было слышно никаких звуков, кроме этого гудения. Потом кто-то воскликнул:

— Они удирают! Смотрите!

Спик отнял руки от глаз.

За это время произошло два события.

Слабосветящиеся точки вражеских кораблей исчезли с экрана, а на экране пеленгатора была горсточка отражений, мчащихся к его краям.

Перед открытой дверью стоял снова пришедший в себя Эрни Логан. Его лицо покраснело от возбуждения. Он, очевидно, вообще не был согласен с ситуацией, обнаруженной здесь.

— Лейтенант Снайдер! — яростно взревел он.— Как только у нас будет время, мы отдадим вас под бортовой суд за вашу самодеятельность! А пока я удовлетворюсь тем, что снова возьму командование в свои руки.

Спик усмехнулся ему, так как не был готов принять его всерьез. Он только что видел, как «Крест», несмотря на неисправность, испугал превосходящую его по силе эскадру противника.

5

Спустя некоторое время «Крест» без дальнейших происшествий совершил посадку на поверхность чужой планеты. Таинственное силовое поле действовало до тех пор, пока посадка не была совершена — оно обращалось с гигантским кораблем, как с сырым яйцом. Когда «Крест» опустился на поверхность планеты, экипаж ощутил лишь слабый толчок.

За два часа до этого техникам удалось запустить реактор. Подача энергии к двигателям все еще была перекрыта, но ряд дру-

гих агрегатов снова заработал. И когда «Крест» совершил посадку, они снова были в порядке. Вокруг гигантского корпуса корабля появилось невидимое опорное поле, заменившее старомодные опоры, поддерживающие корабль в стабильном положении.

С тех пор, как Эрни Логан взял на себя командование централью связи, Спику почти нечего было делать. Обстрел охранной эскадры, казалось, глубоко потряс тефродеров. Не было больше видно ни одного вражеского корабля.

Насколько Спик мог судить, желтая планета была земноподобным миром. Под бледно-голубым небом, на котором сияли два солнца, раскинулась холмистая местность, поросшая травой, кустарником и лесом. Архитектура построек с большой высоты, казалось, выглядела тефродерской, но «Крест» совершил посадку в нетронутой, первобытной местности.

Логан был достаточно умен, чтобы позволить обмануть себя предательской тишиной. Он приказал своим людям искать рассеянные энергетические импульсы, испускаемые вооруженными базами и другими подобными местами. Казалось невероятным, что тефродеры так просто отказались от игры. Либо они ждали подкрепления извне, либо здесь, на планете, у них в руке имелся козырь, который они разыграют, когда придет время.

Спик Снайдер сидел за детектором и искал рассеянные импульсы. Он осторожно поворачивал встроенную в корму корабля антенну, наблюдая за маленьким рефлексным экраном, вделанным в пульт перед ним. Посторонние шумы, так называемый фон, устранялись сложным механизмом. Экран сиял спокойной темной синевой.

Через двадцать минут после посадки Спик уловил первое «блип». На темном фоне появилась слабо светящаяся светло-голубая искорка. Антенна повернулась еще на несколько градусов, и появилось еще большее количество отражений. Щелкая, заработал анализатор пульсации. Структура импульсов была исследована и записана на ленту. Спик оторвал первые десять сантиметров ленты и просмотрел записанное.

Логан услышал щелчки анализатора и обратил внимание на Спика, так что тому не пришлось его окликать.

— Это что-то странное, сэр,— тихо сказал Спик, чтобы не мешать другим.— Вот здесь и здесь,— он указал на два крутых зубца линии, которую начертил прибор.— Типичное излучение термоядерных реакторов. А эти маленькие пики — по обеим сторонам больших пиков?.. Здесь есть по меньшей мере два маленьких, что подтверждает присутствие машин.— Он посмотрел на Логана.— Это не военная база, сэр. Это фабрика.

— Чушь,— пробурчал Логан.— Дайте ее сюда!

Он вырвал ленту из рук Спика и пошел к интеркому. Держа

ленту перед камерой, он коротко поговорил с кем-то в командной централи. Разговор продолжался не более минуты, после чего Логан, отключился, скомкал ленту и бросил ее в утилизатор.

— Продолжайте поиск,— приказал он Спику.— Эта лента больше не имеет значения.

Спик улыбнулся сам себе. Централь управления подтвердила его анализ, и Логан был в ярости.

Спустя некоторое время один из младших офицеров обнаружил группу из пяти мощных отражений, недвусмысленно указывающих на орудия. Самым странным было то, что на этом месте уже искали и ничего не нашли. У Спика появилось неприятное чувство, и он повернул антенну на двадцать градусов к тому месту, где увидел рассеянные импульсы фабрики. Предчувствие не обмануло его. Рядом с дюжиной слабых отражений, исходящих от машин, он теперь видел около десятка мощных постоянных импульсов и сообщил о своем наблюдении Логану. Логан, очевидно, не знал, что ему теперь делать. И, пока он колебался, была обнаружена третья серия отражений и опять на том месте, которое они уже обыскивали. Спик сравнил направление антенн и обнаружил, что все найденные до сих пор отражения исходят из окрестностей фабрики.

Он встал.

— Сэр, у меня есть гипотеза,— повернулся он к Логану.

Логан насмешливо посмотрел на него.

— Это орудийные установки,— продолжил Спик без приглашения.— Тефродеры знают, что им так легко не удастся пробить наше защитное поле. Они должны сконцентрировать все свои орудия на одном месте, чтобы вообще достичь какого-либо результата. Для этого нужна координация. Они откроют огонь из своих орудий только тогда, когда все будут нацелены в одно место. Поэтому мы раньше их и не замечали.

Логан обеспокоился.

— Промедление опасно,— предупредил его Спик.— Если мое предположение верно, мы в любую секунду можем рассчитывать на концентрированный огонь. Я советую...

Но Логан, не дожидаясь, пока Спик договорит, в несколько прыжков снова оказался у интеркома. Не успел он установить связь, как на «Крест» обрушился огненный смерч. Логана сбило с ног, и он ударился головой о стену. Потеряв сознание, он сполз на пол.

Спик пробрался к интеркому сквозь ад скрежещущего шума и танцующих пультов. Тем временем связь была установлена. На него смотрел человек с побледневшим от страха лицом.

— Вражеские орудийные установки,— задыхаясь, произнес Спик.— Их целая дюжина. Я даю... координаты...

Он произнес ряд запомнившихся цифр, а огонь вражеских

орудий продолжал молотить по кораблю. Залп за залпом с дикой яростью били в обшивку «Креста». Защитное поле, вероятно, было пробито при первых же попаданиях. Огневая мощь наземных установок тефродеров превосходила всякое представление.

Один из пультов пролетел через всю централь, попал Спику в живот и швырнул его в сторону. Тот упал на пол, пытаясь руками и ногами защититься от обломков, которые с дикой яростью летели в него. Пульт весьма чувствительно ударил его. Спик с полминуты боролся с волнами боли и подступающей потерей сознания. Наконец он снова поднялся на ноги и как можно тверже уперся ими в пол, чтобы удержаться.

И тут до него вдруг дошло, что корабль больше не раскачивается. Дикий шум стих, и стало тихо. Централь превратилась в свалку обломков. Спик с трудом пробрался через завалы и обнаружил, что пеленгатор все еще работает. На экране светились выцветшие световые пятна мощных взрывов. «Крест» среагировал своевременно. Орудия тефродеров были выведены из строя.

Он осмотрелся и увидел двух младших офицеров, выбиравшихся из-под обломков. Он поискал Логана и обнаружил его лежащим без сознания в углу. Подняв его и прислонив спиной к стене, Спик отвесил ему пару крепких оплеух. Хотя он не испытывал к Логану совершенно никакой симпатии, эта процедура не доставила ему удовольствия, но зато привела Логана в сознание.

Он открыл глаза и, заикаясь, произнес:

— Ч-ч-что?!

— Обстрел «Креста»,— ответил Спик.— Мы своевременно отбили его, но все же понесли некоторый урон.

Не успел Логан подняться на ноги, как включился интерком. Кто-то из централи управления в нескольких словах объяснил, что корабль пока находится вне опасности. Были выпущены зонды, чтобы отыскать гнезда сопротивления врага, а пока необходимо как можно быстрее проникнуть на «фабрику», окруженную уничтоженными орудийными установками.

— Мы с уверенностью можем предположить,— услышал Спик,— что на этом предприятии выпускается чрезвычайно важная продукция, иначе тефродеры не стали бы окружать находящуюся в их владениях фабрику сотнями орудий. Мы должны во что бы то ни стало узнать, в чем тут дело.

Не совсем еще погасший экран вдруг вспыхнул снова. На этот раз у аппарата находился майор Олсон. От небрежного добродушия, которое Спик заметил у него еще во время их первой встречи, не оставалось ничего. Он осмотрелся и крикнул:

— Где же Логан, черт побери!

Логан подполз к аппарату.

— Самое время вам снова появиться на сцене,— сказал ему

Олсон.— Нашему отделу поручено подготовить боевую группу из четырех специалистов, которая займется фабрикой тефродеров. Возьмите Снайдера, Лангража и Хоппера, подберите снаряжение и как можно быстрее отправляйтесь к шлюзу 1-18. Через пятнадцать минут я жду вашего сообщения оттуда.

Логан хотел запротестовать, но экран погас прежде, чем первые слова сорвались с его губ. Спик позволил себе злорадно улыбнуться. Логан повернулся к нему и увидел усмешку.

— Я позабочусь о том, чтобы стереть ее с ваших губ! — прорычал он голосом, полным ярости.

* * *

В шлюзе 1-18 полным ходом шла работа по высадке десанта. Крад Хоппер и Поэм Ланграж уже прибыли и приветствовали вошедшего Спика.

В шлюзе царила оживленная атмосфера. Отряд состоял почти из тысячи человек под командованием Мельбара Казома. Специалист ОЗО стоял на временном возвышении в центре шлюза и мощным голосом дирижировал отдельными боевыми группами, усаживающимися в большие вооруженные машины и скользившими на них к внешнему люку. Спик заметил, что люди закрывали свои шлемы, хотя атмосфера к этому времени была проанализирована и найдена безвредной для человека.

Эрни Логан доложил о прибытии своих людей адъютанту Казома, старшему лейтенанту штаба флота. Молодой офицер сидел за пультом с пятью интеркомами. Когда Логан назвал свое имя, тот с насмешливой гримасой сделал ему знак подойти и протянул трубку. Спик увидел сбоку на экране лицо майора Олсона, который начал говорить. Логан услышал несколько не особенно дружелюбных слов. Положив трубку, Логан бросил на Спика взгляд, словно именно он был ответственен за эту особую операцию и плохое настроение майора Олсона.

Логан со своими людьми присоединился к одной из боевых групп и забрался в их машину. Четыре человека из технического отдела поднялись в нее последними. Их кроваво-красные нарукавные нашивки кололи глаза, выделяясь на фоне белых нашивок регулярных отрядов.

Машина выскользнула из шлюза, ревя двигателем, скользнула вниз по плавно изгибающейся обшивке корабля и низко над землей перешла на горизонтальный полет. Длинные хвосты пыли ясно показывали, куда направились другие машины. Их машина некоторое время двигалась с наивысшей скоростью, пока не настигла остальную колонну. Наконец «Крест» исчез за холмами.

— Примите инструкции! — прозвучал голос Казома по бортовой связи.— Обыщите местность, в которой, судя по нашим измерениям, находится фабрика. Исследования снимков показали, что в этой местности находятся четыре или пять наземных сооружений. Мы считаем, что сама фабрика находится под поверхностью. Ищите входы и держите глаза открытыми. Более чем вероятно, что вы наткнетесь на сопротивление. Ни в коем случае не проникайте на фабрику, пока не получите соответствующий приказ. Расположитесь возле входов и укройтесь.

Задание группе связи под командованием капитана Хоффмана: непрерывно держите связь с кораблем и со мной. У централи управления в любую секунду должны знать, что происходит во всех местах.

Задание технической группе под командованием капитана Логана: изучить оборудование фабрики и установить, почему тефродеры придают этому производству такое значение, что окружили его настоящей стеной из орудийных установок.

Конец.

Спик и его два товарища по каюте как можно удобнее устроились в заднем углу машины, гласситовый колпак которой позволял видеть все вокруг. Колонна двигалась по холмистой местности. На горизонте в направлении их движения виднелись темные полосы дыма, поднимающиеся отвесно вверх при полном отсутствии ветра. Вероятно, туда ударили залпы из термических орудий. Спику показалось, что отсюда до дымовой завесы по меньшей мере километров сорок, а то, что искали, находилось еще дальше.

Крад Коппер толкнул его в бок.

— Это ты заварил всю эту кашу,— пробормотал он с насмешливым выражением лица.— Логан в ярости на тебя, а так как он знает, что мы хорошо ладим друг с другом, втравил сюда и нас.

— Странная логика,— вмешался Поэм Ланграж своим гнусавым голосом,— по крайней мере, для человека, дослужившегося до капитана.

Спик пожал плечами.

— Я охотно оказался бы где-нибудь в другом месте,— согласился он.— Но Логан здесь ни при чем. Это Олсон приказал ему направить вас сюда. Вместо того, чтобы брюзжать, вы должны гордиться тем, что кто-то ставит вас так высоко, что посылает вместе с боевым отрядом на особое задание,— он усмехнулся.

— Гм,— хмыкнул Поэм и сморщил нос.— Мне известна моя квалификация и без того, чтобы мне свернули шею.

— О чем, собственно, речь? — спросил Крад.— Я все время сидел за своим прибором. Меня пару раз так тряхнуло, что я не запомнил, где был верх, а где низ. Теперь все мы внезапно оказались здесь. Что случилось?

Спик рассказал обо всем, что было ему известно, а также о своей теории относительно происшедшего в полупространстве. Крад почесал затылок и признал, что не понял ни слова.

— Вот смотри,— прогнусавил Поэм с награнной горячностью.— Робототехники — создатели новейшего, но они не имеют представления ни о чем, кроме своих громыхающих жестяных ящиков.

Но Крад был слишком добродушен, чтобы с ним согласиться.

— Вы, должно быть, впервые покидаете ваш научно-технический загон? — спросил у Поэма один из молодых офицеров боевой группы, слушавший их разговор.— Вы уверены, что знаете, где у бластера рукоятка, а где ствол?

Поэм с упреком посмотрел на него и совершенно серьезно, с ледяным спокойствием ответил:

— Мистер, мой друг Спик и я изобрели этот бластер. Разве вы не знаете? У вас есть еще какие-нибудь невежественные вопросы?

— Только один: как это у такого маленького человечка, как вы, может быть такая огромная пасть?

Крад подскочил вверх. Он был не высок, но в ширину выглядел весьма внушительно.

— Еще одно оскорбление, друг мой,— пробурчал он, вставая перед офицером,— и я врежу своим научно-техническим кулаком вам по зубам. Мы здесь потому, что птичий разум боевой группы не может разрешить проблем, которые ожидают нас. А если вам очень хочется ссориться, то поищите кого-нибудь другого.

Офицер отвернулся, а Поэм подбадривающе похлопал Крада по плечу.

— Великолепно, толстяк. Прекрасный ответ! Хотя при помощи оружия я легко бы вытряс из него душу, но не так изящно.

Спик бросил взгляд через гласситовую надстройку. Полосы дыма значительно приблизились. Самое позднее через полчаса у Крада и Поэма появятся другие заботы, кроме как устраивать ссоры.

* * *

Пять сооружений, о которых говорил Казом, были в беспорядке рассеяны по площади около двух квадратных километров. Казом приказал колонне окружить строения кольцом и изучить их. Спик, Крад и Поэм в группе из десяти человек занялись ближайшим строением. Эрни Логан остался в машине.

Колонны дыма остались у горизонта, и одна из боевых групп направилась туда, чтобы рассмотреть их вблизи. Она наткнулась

на установки, которые большей частью находились под землей и от которых остались одни обломки. По оценке одного из артиллеристов, там было по меньшей мере двадцать тефродерских орудий тяжелого калибра.

Сооружение, которое осматривала группа Спика формой напоминало куб с длиной ребра около четырнадцати метров. В каждом из его четырех сторон имелось по квадратному окну и подъезд в стене, к которой и направилась машина Спика. Группа широким фронтом приближалась к кубу. У боевых отрядов были тяжелые автоматические бластеры, а Спик и его спутники полагались на свое ручное оружие. Они находились здесь, чтобы изучать, а не сражаться.

Группа без происшествий добралась до строения, и Спик заглянул в боковое окно. То, что он увидел, было отнюдь не многообещающим. Внутренность строения состояла из одного-единственного помещения, которое, судя по тому, что в нем гулял ветер, было таких же размеров, как и внешние стены здания, и совершенно пустое. Не было никакого искусственного освещения, но через окно проникало достаточно света, чтобы осветить все внутри.

Руководитель отряда, старший лейтенант, настоял на том, чтобы, несмотря на это, внутренность строения была изучена. Ворота были заперты, механизма, открывающего их, они не нашли, и поэтому пришлось воспользоваться бластером. В течение минуты они прожгли отверстие, достаточно большое, чтобы пропустить даже машину. Как только материал охладился, люди проникли в здание.

Вид, открывшийся перед ними, подтвердил наблюдения Спика. Здание состояло из одних пустых стен и было из того же пластоцемента, какой использовали земляне. Материал этот был серо-белого цвета и чрезвычайно прочным. Пол также был из этого же вещества. Не было ни малейших признаков того, что здание когда-то было обитаемым или что его использовали.

Кто-то потянул Спика за рукав. Он оглянулся и увидел Поэма Лангража с серьезным выражением лица. Они отошли на пару шагов от остальных.

— Ты чувствуешь какой-нибудь запах? — прошептал Поэм.

Спик втянул в себя воздух.

— Да. Пахнет горелым пластоцементом.

— Чепуха. Он идет от ворот. И больше ничего?

Смрад, вызванный огнем бластера, был так силен, что Спик не смог почувствовать никакого другого, даже если бы и захотел.

— Тебе не помешал бы новый нос,— сердито прошипел Поэм.— Запах совершенно отчетлив. Пахнет новым пластоцементом.

Спик непонимающе посмотрел на него.

— Ну и что?

— Ну и что,— передразнил его Поэм.— Каждый ломает себе голову над тем, что же случилось с людьми, которые жили здесь. А люди здесь никогда не жили, потому что здание абсолютно новое и построено пару дней назад. Вероятно, его бы обставили завтра или послезавтра, если бы не появились мы.

Спик ощупал стену. Она казалась свежей, без единой пылинки и без единой царапины — ничего, что бы противоречило гипотезе Поэма. И, сочтя ее достаточно важной, спик решил доложить руководителю отряда. Старший лейтенант признал, что еще не смотрел на это дело под таким углом, и Спику показалось, что в общем и целом ему совершенно безразлично, было ли это строение новым или старым. Он хотел что-нибудь найти, а это не удавалось, поэтому отдал приказ возвращаться. На этот раз Спик, Крад и Поэм шли позади.

Снаружи Крад коснулся плеча Спика.

— Обернись! — таинственно произнес он.

Спик повиновался.

— Что ты видишь? — снова спросил Крад.

— Строение,— ответил Спик.

— Хорошо. А теперь будь внимателен. Каждый пытается объяснить мне, насколько тефродеры человекоподобны. Я отметил это. Может быть, и образ мышления у них подобен нашему? Что бы ты стал держать в этом кубе, если бы был на Земле?

Спик поискал сравнение, но не нашел.

— Подумай о большом космопорте! — подсказал ему Крад.

— Стой! Я знаю! — громко воскликнул Поэм, опережая Спика.

Спик вопросительно посмотрел на него.

— Космопорт Террании,— произнес Поэм.— Сектор грузовых кораблей. Корабли разгружаются через подземные коконы. Существует большой распределительный зал, в котором роботы сортируют груз по величине, весу, месту назначения и так далее. Из распределительного зала груз подается на поверхность, чтобы на небольших межконтинентальных ракетах отправить его дальше. Поэтому распределитель оснащен примерно двумястами гигантскими антигравитационными шахтами, по которым можно транспортировать любые партии груза. На поверхности шахты заканчиваются в большом контрольном помещении, где находятся механизмы управления гравитацией и генераторы силы тяжести. Типичная форма контрольного помещения — куб с длиной грани в восемь метров.

Спик уже ясно видел его перед глазами, так как достаточно часто бывал в космопорте Террании, чтобы знать, что имеет в виду Поэм.

— Теперь ты понимаешь, что я хочу сказать? — осведомился Крад.

Спик это понимал, поэтому рванулся вперед, чтобы догнать группу, от которой они отстали из-за беседы. Остановив отряд, Спик рассказал старшему лейтенанту о подозрениях Хоппера.

— Если Крад прав,— закончил он,— тогда нам нужно вернуться и найти грузовой лифт, ведущий с поверхности внутрь фабрики.

Офицер заколебался.

— А что нам терять? — настаивал Спик.— Нужно лишь прожечь отверстие в почве, чтобы убедиться в этом.

Доводы Спика показались офицеру убедительными, и он сдался. Группа вернулась к кубу. Крад и Поэм сразу же исчезли внутри строения. Заметив это, Спик побежал вперед и обнаружил их обоих стоящими на коленях у правой боковой стены. Поэм держал в руках маленькую металлическую коробочку и ощупывал ее. Заслышав шаги Спика, он выпрямился.

— Это простое соображение,— объяснил Поэм со смертельно серьезным лицом,— удовлетвориться одним-единственным открытием. Тефродеры построили здесь лифт, но управления им еще нет — иначе на стенах были бы пульты. Лифт же уже существует, в противном случае здесь не было бы здания. Нет ли здесь хотя бы временного пульта управления, которым они пользовались? — Он постучал указательным пальцем по лбу.— Полминуты раздумий, и я найду решение. Строительство этого куба еще не закончено, и если здесь есть управление лифтом, оно должно быть спрятано, чтобы профаны, которых на каждом строительстве имеется целая дюжина, не смогли бы им воспользоваться. Логичным укрытием может быть одна из стен. Краду и мне понадобилась не одна минута, чтобы это отыскать. Свободный кусок пластоцемента, за ним отверстие, в котором находится маленькая коробочка с пультом.

Он поднял прибор вверх так, что Спик мог его видеть. На верхней стороне находилось множество кнопок, а с отверстием в стене его связывал провод.

Тем временем к ним подошла остальная часть отряда. Старший лейтенант услышал лишь вторую половину объяснений Поэма.

— Мы все убедились в вашей гениальности,— насмешливо воскликнул он,— но зайдете ли вы настолько далеко, чтобы воспользоваться этой штукой?

На лице Поэма появилось выражение оскорбленного достоинства.

— Сомневаться в здравом разуме другого — признак примитивности,— прогнусавил он и нажал по очереди на все кнопки, находящиеся на верхней панели коробочки.

Успех был поразительным. Со скрежещущим звуком пол в огромном помещении разошелся по прямой линии от задней стены и почти до самых ворот. Раздвинувшиеся половинки пола образовали отверстие более метра шириной.

Крад и Поэм испытали видимое облегчение, когда раскрывшаяся плита наконец остановилась прямо перед ними и не дала им упасть вниз.

Шахта не имела освещения, но при дневном свете, падавшем из окон, были видны гладкие, лишенные швов и стыков стенки, терявшиеся в абсолютной темноте. Прежде чем остальные успели отреагировать, Спик вытащил из кармана скафандра монетку и бросил ее в широкое отверстие. Кусочек металла падал с нормальной скоростью, значит, в шахте не было антигравитационного поля. Опустившийся на колени Спик вслушивался в темноту, но через минуту снова выпрямился, так и не уловив звука падения монеты. Шахта была более двухсот метров глубиной.

Старший лейтенант бросил на него вопросительный взгляд, и Спик кивнул.

— Мы нашли вход в фабрику,— спокойно сказал он.

* * *

Другие поисковые группы вернулись назад без каких-либо результатов. Сооружения, которые они обследовали, имели мало сходства с лифтовыми сооружениями, найденными Спиком. Они тоже были недавно построены, и по их внешнему виду можно было заключить, что это — будущие склады.

Одна из групп обнаружила робота, двигающегося со значительной скоростью по кругу в одном из сооружений. Более подробное изучение его показало, что машина повреждена и свои движения больше не контролирует. После нескольких безуспешных попыток остановить ее и доставить на борт «Креста» руководитель группы уничтожил машину залпом из бластера. Можно было предположить, что робот принадлежал к обслуживающему персоналу уничтоженной орудийной установки и после полученных повреждений во время обстрела добрался сюда.

О находке Поэма Лангража тотчас же доложили Мельбару Казому, и он приказал подождать час, а потом, если не случится ничего особенного за это время, проникнуть через шахту в подземную фабрику.

Прошел час, но ничего не произошло. Оба солнца в бледно-голубом небе передвинулись чуть дальше. Поднявшийся легкий ветерок сдвинул с места теплый воздух над поросшей травой равниной. Нигде не было видно никаких животных. Казалось, что лихорадочное строительство тефродеров прогнало их отсюда.

Группа под предводительством майора Лукки состояла из тридцати пяти человек. Двое остались охранять машину, а остальные вошли в лифтовое помещение. На краю шахты был установлен

антигравитационный проектор, вырабатывающий мощное поле и обеспечивающий спуск. В руках у людей были лампы, чтобы освещать шахту. Кроме того, у них было тяжелое автоматическое оружие. Эрни Логан и три его лейтенанта полагались на свои ручные бластеры, таща на себе ранцы с инструментами и приборами, необходимыми им для изучения подземного производства.

Группами по четверо люди подходили к шахте и медленно спускались вниз в искусственном антигравитационном поле. Логан настоял на том, чтобы он и его люди начали спуск только тогда, когда на дне шахты соберутся, по крайней мере, двенадцать человек из боевого отряда. Майор Лукка с насмешливой улыбкой согласился на это, и Логан со своими людьми пошел четвертой группой.

Тем временем снизу поступило сообщение, что шахта выходит на косой пандус шириной около четырех метров, ведущий вниз. Лукка приказал своим людям ждать на дне шахты и ничего не предпринимать.

Шахта была глубиной в двести восемьдесят метров, так что свет ламп спустившихся туда людей сверху просматривался как слабое сияние.

Группа Логана потратила всего пять минут для того, чтобы достигнуть дна. Сам Логан был на редкость спокоен, и Спик подумал, что он размышляет о том, как лучше всего уязвить его. Он осмотрелся и заметил кое-что, что счел довольно примечательным. Например, на стенках шахты, хотя они и были сделаны из твердого, как сталь, пластоцемента, тут и там виднелись царапины, словно по этой шахте в большой спешке перемещали тяжелые предметы. Спик вспомнил слабые рассеянные отражения, виденные им на пеленгационном экране на борту «Креста». Тогда они казались свидетельством того, что на этой фабрике есть работающие машины, теперь, напротив, здесь все было тихо. И Спик почувствовал уверенность в том, что в это мгновение из подземелья фабрики не исходит ни одного рассеянного импульса. Что же произошло? Может быть, тефродеры, увидев заходящий на посадку земной корабль, в чудовищной спешке завершили последний монтаж? А если да — что это были за машины, которые они с такой поспешностью хотели установить в последнее мгновение?

Он пришел к заключению, что дело было совершенно не таким, каким его себе представляли в данное мгновение майор Лукка, а, может быть, даже и Мельбар Казом. После того, как он увидел царапины, убеждение в том, что фабрика остановлена не потому, что она еще не закончена, а потому, что тефродеры ждали благоприятного мгновения, чтобы запустить машины, окрепло.

Неожиданно он ощутил дуновение свежего ветерка, донесшееся из глубины. Итак, вентиляционная система функционирует. Его подозрения усилились.

Спик попытался осветить подножие шахты, пандус которой вел вниз от одной из стенок шахты. Наклон пандуса составлял около двенадцати процентов и казался очень крутым. Вероятно, у него был движущийся пол для транспортировки грузов. Но лампа Спика оказалась слишком слабой, чтобы пробить тьму. Один из младших офицеров Лукки насмешливо заметил, что другие люди уже проделывали этот эксперимент, но безуспешно. Тогда Спик достал из своего ранца небольшой прожектор. Яркий бело-голубоватый луч прорезал темноту и упал на стену на расстоянии более ста метров, где заканчивался пандус. Через центр стены отвесно проходила узенькая разделительная полоса.

Спик повернулся к младшему офицеру.

— Вы это видите? Если бы у вас был такой прожектор, вы сами обнаружили бы этот проход.

Мужчина угрюмо отвернулся. Спик сообщил Логану о своей находке, а тот, в свою очередь, проинформировал Лукка, спустившегося сюда со следующей группой. Майор со своей стороны тут же связался с Казомом и получил приказ немедля продвигаться вперед.

Группа начала спускаться по крутому пандусу. Крада Хоппера, имевшего опыт в таких делах, послали вперед, чтобы найти открывающийся механизм дверей. Ему потребовалось не более двух минут, чтобы обнаружить оптический глазок в боковой стене, реагирующий на инфракрасные излучения. Крад зажег зажигалку и поднес ее к глазку. Гигантские ворота разошлись посередине, обе створки бесшумно откатились в стороны и открыли вход в помещение, в котором было так же темно, как и во всех остальных.

Логан послал Спика вперед, чтобы он со своим прожектором выяснил ситуацию. Спик сделал пару шагов во тьму, затем резко свистнул и по слегка запоздавшему эху определил, что помещение, должно быть, имеет значительные размеры. И только тогда он включил прожектор. Тихо подрагивающий луч света пробил темноту и упал на странные образования, словно башни, возвышающиеся в высоту в сотнях метров от Спика.

Прожектор обрисовал контуры странной конструкции. Она покоилась на круглом основании диаметром метров двадцать. Металлическая обшивка, сначала гладкая и лишенная стыков, вздымалась вверх, а метрах в шести над полом выступала под прямым углом, образуя террасу, которая окружала верхнюю часть машины и была шириной около двух метров. Кроме того, там было великое множество маленьких выпуклостей и боковых башенок, ниш и углов, а центральная часть постепенно уменьшалась и на высоте тридцати метров заканчивалась острым шпилем. Все это напоминало готический собор в миниатюре. Спик никогда прежде не видел ничего подобного, но был убежден, что эта машина выполняет какие-

то определенные функции. Агрегат этот не был сделан из однородного металла. Центральная часть его состояла из серого металла, множество боковых выростов блестели, как стекло или кристалл, другие были золотисто-желтыми, а некоторые — аспидно-черными.

Спик направил прожектор вверх. Потолок гигантского помещения находился по меньшей мере в сотне метров над полом. Спик обнаружил ряд толстых пучков кабелей, бежавших по потолку в диком беспорядке и по стенам спускавшихся к полу. Здесь тоже все казалось сделанным наспех, временно — словно тефродеры в последние секунды перед прибытием землян использовали их, чтобы запустить подземную установку.

Кабели исчезали под полом. Они, вероятно, вели по скрытым панелям к башне подобной машины, обеспечивая ее энергией.

Он снова повел прожектором и обнаружил еще три машины того же вида. Вместе с первой они образовывали углы воображаемого квадрата со стороной в сто пятьдесят метров. Конус света был достаточно силен, чтобы достичь задней стены помещения, находящейся от Спика метрах в четырехстах.

Кроме этих машин, в помещении ничего не было. В стенах не было никаких признаков дверей, так что создавалось впечатление, что отсюда, кроме как через шахту, никакого выхода больше не было.

Спик выключил прожектор и повернулся. На него упал свет лампы. Он ослепленно прикрыл глаза. От источника света донесся неприятный голос Эрни Логана.

— Ну, Снайдер, что это за машина?

— Не могу сказать, сэр,— сердито ответил Спик.— Для этого я должен осмотреть ее вблизи, и даже тогда я еще не буду уверен. Все же это создание чужой технологии.

Логан презрительно усмехнулся.

— А я всегда думал, что вы самый лучший полевой техник в Корпусе.

Лампа погасла. В темноте прогремел голос майора Лукки.

— Десять человек вдоль левой стены и десять — вдоль правой! Остальные со мною по центру. Логан, вы и ваши люди — с последними! Я хочу знать, что это за машина!

Освещаемые лампами и прожекторами, люди двинулись вперед. Спик с чувством легкого неудобства приблизился к гигантской машине. Она казалась мертвой, и все же от нее исходило какое-то ощущение угрозы и опасности. Он почувствовал, что кто-то приблизился к нему. Это был Поэм Ланграж.

— Я рад, что Логан поручил это тебе,— прогнусавил он.— Я мог бы всю жизнь стоять перед этой машиной, но так и не узнал бы, что это такое.

Спик ощутил то же самое. Он не знал, для чего предназначена

эта машина. Он бросил вопросительный взгляд на Крада, но тот угрюмо покачал головой.

Тем временем они добрались до основания гигантского сооружения. Спик задрал голову и посмотрел на вершину башни. В то же мгновение он услышал неприятный, надменный голос Логана:

— Ну, лейтенант, что вы обнаружили?

Спик сцепил зубы.

— Ничего, сэр,— пробурчал он.— Эта штука для меня загадка.

Логан насмешливо улыбнулся.

— Хоппер, Ланграж — а что скажете вы?

Крад и Поэм решили промолчать. Логан громко рассмеялся.

— Этих людей, Лукка,— крикнул он, повернувшись к майору,— дали мне как великолепно обученных специалистов. Вы видите, как можно полагаться на людей нашего отдела.— Он широким жестом указал на машину.— Со своим не особенно выдающимся образованием я могу утверждать, что это всего лишь генератор, служащий для выработки энергии. Может быть, он термоядерный, может быть, нет — но во всяком случае он совершенно безопасен. Мы можем обратиться к другим.

Спик видел, что Лукка колеблется, и ему показалось, что он заметил, как тот бросил на него вопросительный взгляд из-под полуприкрытых век. Он быстро покачал головой, не уверенный в том, заметил ли это Лукка. Он хотел запротестовать вслух — даже подвергая себя опасности, что Логан в возбуждении назовет его ослом, потому что утверждение Логана было чистой бессмыслицей.

Но он ничего не успел сделать. В это мгновение произошло то, чего он опасался все это время.

Вспыхнул ярко слепящий свет и залил гигантский зал. Машины с громовым грохотом проснулись к жизни.

6

— Назад! Всем назад! — проревел голос Лукки.

Не сводя взгляда с машины, Спик начал отступать. Жесткий ствол бластера уперся ему в спину, и полный ненависти голос Эрни Логана прошептал:

— Не вы, Снайдер! Вы прикрываете отход.

Спик автоматически повиновался. То, что произошло с машиной, занимало его гораздо больше, чем ненависть Логана. Множество шпилей и башенок начали светиться, и пульсирующий свет тысячи оттенков, казалось, со всех сторон натекает на полосы и стекает с них. Звук, исходящий от колоссов, был теперь непрерывным низкочастотным грохотом, заставляющим вибрировать кости черепа.

Спик бросил взгляд в сторону. В слепяще-ярком свете были хорошо видны обе группы, которые майор Лукка послал вдоль стен зала и которые теперь направлялись к центру зала. Они остановились, очевидно, ожидая дальнейших указаний.

Скребущий звук слева заставил Спика обратить внимание на машину. В основании башни открылся четырехугольник, светящийся красным, и в центре красноватого полумрака он увидел очертания фигуры. Схватив оружие покрепче, Спик стал ждать. Фигура, появившаяся в отверстии, вышла на свет. Это был сильный и высокорослый мужчина, одетый в одежду, состоящую из свободно спускающейся рубашки без рукавов и тесных, спускающихся ниже колен брюк. В правой руке он держал оружие. Выйдя на свет, мужчина секунду стоял, осматриваясь, словно был поражен. Потом его подтолкнули сзади. Он неуклюже слегка шагнул вперед. За ним появился второй человек, выглядевший так же, как и первый, а потом — третий — отражение второго. И все, которые последовали за ними, были похожи друг на друга, словно сделанные по одному шаблону. Спик не поверил своим глазам, пока в его голове не возникла быстрая, как вспышка, мысль: «Дубликаторы!»

Машины перед ними были мультидубликаторами — аппаратами, которые «хозяева Острова» и их союзники использовали для изготовления андроидов по одному шаблону. Где-то в глубине гигантской башни находилось неподвижное тело настоящего тефродера, по образу которого из составных частей тел тефродеров в невероятно сложном, но быстро протекающем процессе создавались андроиды. Они обладали разумом и памятью своего прототипа. В мгновение своего выхода на свет они были идентичны неподвижному тефродеру, который вдохнул в них душу, и только потом, когда они достаточно долго будут идти своим путем, у них разовьется свое собственное сознание.

Эти мысли мелькнули в голове Спика, пока из основания машины выходило все больше и больше тефродеров — необозримая колонна, сориентировавшаяся и направившаяся к группе майора Лукки. Спик медленно отступил назад. Эрни Логана уже давно не было рядом, и бластер больше не упирался в спину Спика.

Он бросил быстрый взгляд в сторону. Из машины справа тоже выходила толпа тефродеров. То же самое было и у основания третьего дубликатора. Только четвертый, который находился тоже справа от него, но в глубине зала, все еще не работал.

Спик, колеблясь, отступал, так как передний тефродер находился в десяти шагах от него. Он увидел, как тот поднял оружие и направил ему в грудь. И тут Спик очнулся от охватившего было его оцепенения. С яростным криком он бросился в сторону. Фыркнул выстрел из бластера, но не попал в него, а в следующее мгновение зашипело его оружие.

Спик упал на пол и тут же услышал голос рядом с собой.

— Один ты ничего не сделаешь, парень! — пробурчал низкий голос Крада Хоппера.

Слева донесся гнусавый голос Поэма Лангража:

— Но втроем нам, может быть, и удастся что-то сделать!

Следующие секунды прошли, как в кошмаре. Спик стрелял с точностью машины. Вместе с Крадом и Поэмом он уничтожал андроидов быстрее, чем они появлялись из машины. Где-то далеко позади них майор Лукка яростно выкрикивал приказы. Уголком глаза Спик увидел, что обе группы давно уже отошли от стен и образовали фронт, защищаясь от тефродеров, выходящих из двух других дубликаторов.

Тем временем противник изменил свою тактику. Поток из основания дубликатора перед ним иссяк, и пару секунд казалось, что машина остановилась. Потом из красного свечения, пылавшего в четырехугольном отверстии, появилось качающееся ящикоподобное образование, а через мгновение оказалось снаружи — робот чудовищного вида, двигающийся на своем собственном антигравитационном поле. Со скоростью спортивного автомобиля он мчался к трем землянам. Из кубического тела робота высунулась дюжина хватательных манипуляторов. В каждом из них было зажато по оружию. Ливень раскаленных добела энергетических лучей прошел в волоске от Спика и его спутников.

— Прочь отсюда! — крикнул Спик прерывающимся голосом, бросился в сторону и поспешил удалиться, чтобы сохранить как можно большую дистанцию между собой и яростно стреляющим роботом. На бегу он обернулся и увидел, что Поэм Лангpаж тоже ударился в бегство. Он озабоченно поискал Крада Хоппера, и когда наконец увидел его, у него перехватило дыхание. Крад остался лежать. Неподвижно, вытянув руки перед собой, он лежал на полу, словно мертвый. Робот проскользнул мимо, охотясь за Поэмом. Спик вскрикнул:

— Поэм, берегись!

Внезапно Крад подскочил вверх. В два или три прыжка он настиг робота. Машина, все внимание которой было приковано к бегущему Поэму, не заметила его. С расстояния менее чем в два метра Крад разрядил поставленный на максимальную мощность бластер в металлическое тело. Робот взорвался. С лопающимся треском он разлетелся на тысячи осколков, с жужжанием пронизавших воздух. Тяжелое черное облако дыма поднялось над тем местом, где Крад совершил свой героический поступок.

Спик бросился к нему. Крад все еще стоял на ногах. Волосы его были опалены чудовищным жаром взрыва и гротескным ежиком топорщились на голове. Он лишился бровей, и лицо его было черно от копоти. Оно скривилось от напряжения, когда он увидел Спика.

— И все же мы это сделали! — выдохнул он.

Поэм повернулся и подбежал к ним.

— Ты непроходимый дурак! — крикнул он прежде всего.— Ты же мог погибнуть!

Спик увидел людей майора Лукки, которые отступали, когда машины взревели, а теперь широким фронтом приближались к дубликатору. Далеко позади, на левом фланге, благоразумно оставаясь позади других, двигался Эрни Логан. У Спика в голове мелькнуло, что все остальное, кажется, было счастливой случайностью.

Лукка подошел к нему.

— Я отдал приказ отступать! — проскрежетал он ему.— Какого же черта вы не подчиняетесь отданному мной приказу?

Спик встал по стойке смирно.

— Извините, сэр, но капитан Логан приказал мне прикрывать отступление.

Лукка повернулся. Логан все еще находился метрах в двадцати от них, но громовой голос майора перекрыл шум дубликторов:

— Логан, это вы несете ответственность за всю эту бессмыслицу!

Спик увидел, как Логан вздрогнул. Лукка отвернулся, словно уже забыл об этом происшествии. Он бросил оценивающий взгляд на светящееся красным отверстие в основании дубликатора. Там больше ничего не двигалось. Две другие группы также остановили и сломили наступление андроидов. Из двух других машин тоже появилось по роботу, но Лукка предупредил своих людей, и те открыли по механическим существам огонь из автоматического оружия, уничтожив их. В зале воцарилась тишина, если не считать гремящего гудения мультидубликатора.

Лукка принял решение.

— Эти машины могут быть важными и интересными,— сказал он резким чистым голосом, который услышали и обе другие группы,— но мы не можем рисковать, оставив их работающими. В любое мгновение они могут начать выплевывать новых андроидов, а у нас в тылу не должно быть ничего. Открывайте огонь по дубликаторам!

Стволы тяжелых автоматических орудий были направлены на блестящие башни. Словно бушующий, ревущий шторм, ярко-белые лучи энергии обрушились на могучие машины и окутали их сверкающим туманом солнечного жара. Спик увидел, как их силуэты расплываются, рушатся, раскаляются и исчезают, испаряяясь. Клубы дыма, смешанного с раскаленным воздухом, поплыли по залу и опалили лицо Спика. Через несколько минут дубликаторы превратились в жалкие пни оплавленного металла, окруженные быстро застывающими серыми лужами.

Только один дубликатор остался невредимым. Это был тот,

которые не работал. Ни одна из трех групп не подошла к нему достаточно близко, чтобы открыть огонь, а так как он молчал, Лукка послал к нему лишь двух человек.

Зал снова погрузился в прежнюю тишину, и только тихое шипение и потрескивание застывающего металла показывали, что здесь недавно произошло. Воздух был горячим и полным отвратительного смрада. Вокруг оснований уничтоженных дубликаторов лежали дюжины неподвижных тел — андроидов, которые не смогли быстро понять, что происходит. Команда же Лукки совсем не пострадала.

Майор отправил своих людей дальше, в глубь зала. Яркий свет, исходящий от квадратных осветительных панелей на потолке, высветил в задней стене зала огромные двери, похожие на ворота, ведущие, по всей вероятности, в другие помещения подземной фабрики. Спик вздрогнул при мысли, что существует много залов с дубликаторами, из которых могут устремиться толпы андроидов. Задолго до того, как оказаться на борту «Креста», отобранный комиссией, Спик слышал о том, что «хозяева Острова» могли изготавливать конвейерным способом искусственные разумные существа, если у них был для этого подходящий образец. Одна мысль об этом наполнила его тогда отвращением и ужасом, а теперь, когда он увидел все это наяву, отвращение его стало настолько сильным, что вызвало физическую дурноту.

Они прошли мимо расстрелянных дубликаторов. Лукка использовал мгновение покоя, чтобы коротко сообщить обо всем полковнику Казому. Эрни Логан продолжал держаться в стороне. Он казался подавленным. Замечание майора Лукки сделало свое дело. Спик думал, что тот будет кипеть от ярости, но Логан лишь укротил свою высокомерную надменность и превратился в маленького человека, предусмотрительно держащегося на заднем плане, чтобы никто не накликал на него никаких неприятностей. Внезапно Спику стало жаль его.

Проход в задней части зала находился в середине стены. Вновь сконцентрировавшаяся группа слегка отклонилась вправо, чтобы обогнуть раскаленные обломки дубликатора. При этом ее правый фланг, на котором находился Логан, приблизился к четвертому, неповрежденному дубликатору метров на двадцать. Спик с легким недоверием наблюдал за машиной. Казалось, никто больше не разделял его озабоченности. Внимание всех было приковано к выходу. Поэтому Спик был единственным, кто наблюдал за тем, что произошло в течение нескольких следующих секунд, и в результате чего планы майора Лукки совершенно изменились.

Основание гигантской машины раскрылось, и появилось четырехугольное отверстие, светившееся красным, какое Спик уже видел у других дубликаторов. Сама машина стояла спокойно, но из све-

тящегося отверстия вылетел угловатый робот и устремился к человеку, который двигался на крайнем правом фланге.

— Эрни Логан!

Спик предупреждающе крикнул — и это было все, на что были способны его легкие и голосовые связки в данное мгновение. Головы взметнулись вверх. Лукка остановился и осмотрелся ждущим взглядом. Только Логан, которому и предназначался крик, продолжал идти дальше.

Робот молнией подлетел к нему, четыре или пять клешнеподобных манипуляторов схватили землянина, прежде чем тот осознал, что с ним происходит. Он было закричал, но когда первый звук слетел с его губ, робот уже почти достиг основания башни. В воздухе сверкнул слепящий залп лучей.

Послышался громкий голос Лукки:

— Не стрелять!

Когда прозвучал этот приказ, робот вместе со своей жертвой уже исчез в машине.

Люди застыли. Даже Лукка не знал, что ему сказать. Спик ясно представил себе, что теперь должно произойти. Несмотря на это, он вздрогнул, когда дубликатор внезапно взвыл и на его башеннообразных пристройках засветились пестрые огоньки.

Не обращая внимания на остальных, Спик повернул в сторону и зашагал к машине. Он, не осознавая этого, слышал приказы, выкрикиваемые Луккой. Крад и Поэм внезапно оказались рядом с ним. Он услышал тихий голос Поэма:

— Ты знаешь, что теперь происходит, не так ли?

— Да,— выдохнул Спик сухим голосом.

— Мы должны попытаться вытащить его оттуда,— проговорил Крад.

Спик кивнул.

Они остановились в десяти метрах перед пылающим отверстием. Шли секунды. Спик затаил дыхание, надеясь, что ничего чудовищного не случится.

Потом он заметил движение в неверном красном свете и увидел фигуру, неуклюже продвигающуюся вперед. Гудение машины отдавалось в его ушах оглушающим грохотом. Позади первой фигуры двигались другие. Первая появилась в отверстии, и яркий свет потолочных пластин осветил ее. Спик застонал.

Это был Эрни Логан.

Эрни Логан — в свободно ниспадающей рубашке без рукавов, тесных брюках, штанины которых опускались чуть ниже колен. Эрни Логан в самом невероятном шествии, в котором его когда-либо видели.

Или, по крайней мере, андроид, который был похож на Эрни Логана, словно зеркальное отражение.

* * *

Андроиды осмотрелись. Передний увидел Спика, и в то же мгновение в нем произошла перемена. Из неуклюжего, только что «рожденного» существа, он превратился в неумолимого противника. Он объединил в себе сознание Эрни Логана и знания, которые дала ему машина. Сознанием Логана он ненавидел человека, которого видел перед собой, а от машины он знал, как вести себя, чтобы убить его.

Он выстрелил без предупреждения. Спик почувствовал сильный удар в плечо, и поднялась вонь от горелой одежды. Волна жара ударила ему в лицо, жгучая боль пронзила левую руку. Сознание его помутилось. Сквозь танцующие в глазах искры и звезды он увидел пол, приближающийся к нему с захватывающей дух скоростью.

Спик рухнул лицом вперед и, как ему показалось, бесконечно долгое время боролся с чернотой, грозившей окутать его. Падение оглушило Спика, но сознание беспомощности еще больше укрепило его волю к сопротивлению. Он не хотел сдаваться. Дикий гнев наполнил каждую клеточку тела Спика. Он должен защищаться, иначе они убьют его. Андроиды, которым передали ненависть Логана!

Слабость прошла. Внезапно Спик ясно увидел пол перед собой, затем услышал фыркающие звуки лучевых выстрелов, крики людей и торопливые шаги. Он попытался подняться. Дикая боль пронизала его левую руку, но Спик подавил ее.

Тем временем люди майора Лукки выстроились перед дубликатором полукругом и открыли огонь, непрерывный огонь. И тогда андроиды прибегли к новой тактике. Они больше не вываливались медленно и тяжело из четырехугольного отверстия, а выпрыгивали оттуда огромными молниеносными прыжками и бросались не вперед, а в стороны, так что люди Лукки боялись попасть в своих товарищей на другом краю полукруга, стреляя в андроидов.

Несмотря на это, они убили две трети этих невероятных существ, прежде чем те успели сделать первый выстрел. Вся проблема заключалась в том, что машина производила андроидов в таком темпе, что оставшаяся треть превратилась в боевую силу, и погибло несколько человек Лукки.

Спик лежал метрах в десяти от отверстия, из которого выпрыгивали андроиды. На таком же расстоянии позади него находился полукруг людей Лукки. Андроиды, должно быть, сочли его мертвым. Только этим можно было объяснить, почему они оставили его без наблюдения. На обоих концах полукруга теперь бушевал такой жаркий бой, что на него вообще никто не обращал внимания. И он должен был использовать этот шанс. Если бы ему удалось напасть на андроидов сбоку и привести их в замешательство, людям Лукки, может быть, удалось бы разбить и прогнать их. Это была

единственная возможность. Спик был уверен, что Лукка не будет атаковать дубликатор, пока Логан находится в нем.

Пригнувшись, он скользнул к основанию башни. Андроиды, выпрыгивающие из пылающего красным отверстия, его не замечали, так как их внимание было обращено направо и налево, где собрались люди майора Лукки, чтобы сдержать атаку.

Он добрался до широкого основания дубликатора и прижался к стенке возле самого отверстия. Когда из него выпрыгнул следующий андроид, Спик повернулся и уничтожил его прежде, чем тот осознал, что произошло. Затем он подобрал оружие убитого.

Тем временем андроиды, толпой наступающие на людей Лукка слева и справа, стали внимательнее и заметили Спика. Пара из них повернулась и ринулась к нему. Спик, продолжая стоять, прицелился и выстрелил по ним. Он сбил их. На помощь им бросились другие андроиды.

Спик повернулся. Он достиг своей цели. Андроиды были в замешательстве, и люди Лукки воспользовались этой возможностью, чтобы остановить наступление. Теперь Спику нужно было подыскать убежище — или разъяренные андроиды уничтожат его в несколько секунд.

Они наступали с обеих сторон, и он снова выстрелил несколько раз, пока не остановил их. Чем больше он их убивал, тем больше отсоединялось от обеих групп и бежало к нему. Был только один-единственный выход.

Он повернулся и побежал. Когда он добрался до отверстия в цоколе, оттуда выпрыгнул андроид. Спик застрелил его в прыжке, а затем ринулся в пылающую красным полутьму.

Первое, что он ощутил, была удушающая жара. Красный свет был тусклым и позволял увидеть лишь некоторые подробности окружающего. Он обнаружил, что стоит в кубической камере, из которой наискось вверх, внутрь машины ведет пандус. С пандуса доносилась мешанина звуков, голоса и щелчки приборов. Спик обнаружил, что по пандусу вниз каждые десять секунд спускается новый андроид.

Жара была угнетающей. Спик вытер пот со лба и бросил быстрый взгляд на выход. Было похоже, что люди Лукки сломали сопротивление андроидов и гнали их толпой перед собой. Пара людей пробралась мимо флангов противника и побежала к цоколю дубликатора. Нужно было отрезать андроидам возможность отступления к машине. Спик облегченно повернулся к пандусу на другой стороне камеры.

Звуки наверху стали четче. Он прошел еще пару шагов по наклонной плоскости и увидел, что пандус через несколько шагов поворачивает направо. Звуки доносились из-за поворота. Спик услышал шаги и мгновенно отступил в камеру. Сверху спускался

андроид. Он вел себя так, словно хорошо знал, что ему делать. Он направился прямо к выходу, не замечая Спика. Возле самого отверстия он слегка согнул колени, поколебался секунду, а потом огромным прыжком выскочил наружу.

Спика больше не беспокоило, что с ним произойдет дальше. Теперь пришло его время действовать. Прежде чем появится другой андроид, пройдет восемь-десять секунд, и за это время ему нужно найти укрытие получше.

Он поспешил вверх по пандусу и за поворотом замедлил шаги. Теперь он мог видеть намного дальше. Глаза его к тому времени привыкли к красному полумраку. В десяти метрах впереди он увидел вход в помещение, в котором возбужденно двигалось множество фигур. Голоса доносились оттуда. Они говорили на тефроде. Спик не понимал их, но ему достаточно было знать, что там, наверху, царит чудовищный гам и что он может еще немного пройти вперед.

Он осторожно скользнул вперед, пока уголком глаза не заметил движение. Он замер от ужаса. С огромным трудом ему удалось повернуться. Он был уверен, что увидит позади себя пару андроидов, которым, несмотря на тактику предупреждения Лукки, удалось вернуться в машину.

Перед ним из темноты выросли две фигуры — маленькая стройная и могучая коренастая. Чувство облегчения Спика было так сильно, что он почти забыл обо всякой осторожности, громко рассмеявшись. Крад Хоппер придвинулся к нему вплотную и прошептал:

— Не можем же мы оставить тебя одного, не так ли?

Спик указал вверх по пандусу и кончиками пальцев постучал по рту. Где-то там, наверху, должен был находиться робот, который утащил Эрни Логана. Его чувствительные органы могли расслышать посторонние звуки даже сквозь чудовищный гам наверху. Нужна была предельная осторожность. Он знал, что позади него находятся Крад Хоппер и Поэм Лангграж. Теперь его уверенность сильно окрепла.

В нескольких метрах от конца пандуса он остановился, прижавшись к стене как можно теснее, чтобы его не было видно сверху. Он заметил, что на пандусе в течение по крайней мере полминуты не появился ни один андроид. Что же произошло? Достигло ли сражение снаружи, у дубликатора, той стадии, когда поток андроидов иссяк и вместо них попытку прорыва должен совершить робот? У других трех машин было именно так — почему же тактика должна была измениться?

Спику едва удалось закончить эту мысль, когда в отверстие находящегося выше помещения появилось неуклюжее угловатое тело механического существа. Когда он выскользнул на пандус,

из него выдвинулась дюжина металлических рук. В каждой из них был зажат длинноствольный бластер.

Спик оттолкнулся от стены и перегородил путь роботу. В падении его пальцы нажали на курки обоих бластеров, которые послали в ящик два раскаленных добела луча энергии. Наполовину потеряв сознание, он услышал фырканье выстрелов, прошедших над ним. В трех-четырех метрах от него, впереди, что-то внезапно ослепительно вспыхнуло. Под сконцентрированным огнем четырех бластеров робот превратился в беспомощную болванку из раскаленного металла, с которой стекали ручейки расплавленной стали и, шипя, застывали на полу.

В нескольких шагах от пандуса он остановился. Спик подскочил вверх. Было так жарко, что он едва мог вдохнуть воздух.

— А теперь дальше! — крикнул он хриплым голосом и устремился вперед.

Расплавленный робот осел на бок, прислонясь к левой стенке пандуса. Справа от него появился проход шириной в метр. Спик протиснулся мимо раскаленных останков, повернувшись лицом к стене и подняв руки над головой, чтобы защитить их. Несмотря на это, у него было ощущение, словно он идет сквозь чистилище, когда жар раскаленного колосса затопил его.

Потом все кончилось. Перед ним было продолговатое, освещенное красным светом помещение, в котором находилась по меньшей мере дюжина андроидов. Он быстро осмотрел окружающее и оценил положение. На другом конце лишенного окон помещения находилось похожее на дверь отверстие, за которым стоял обнаженный андроид. Он, казалось, только что появился из дубликатора. Справа и слева стояли низкие столы и стойки, на которых была разложена одежда и развешено оружие. Справа, возле самого входа, находился маленький пульт управления с несколькими рычажками, кнопками и лампочками.

Андроиды застыли от страха. Пара из них была полуодетой. Другие стояли перед ними и, казалось, помогали им надеть непривычную одежду. Спик не стал ждать, пока они выйдут из оцепенения. Он убил двоих из них, стоявших поблизости; это были существа из реторты — произведения технологии, разгадавшей тайну жизни и утратившей чувство уважения к своим созданиям. На самом деле Спик не убивал. Он уничтожал искусственно созданные машины.

Другие андроиды ударились в панику и с криками бросились к заднему выходу. Но тут начали действовать Крад и Поэм. Они внезапно оказались среди этих искусственных существ и, прежде чем первое из них достигло спасительного выхода, направили на них дула бластеров.

Сражение закончилось. Андроиды, дрожа, столпились в центре

помещения. Все они выглядели так же, как Эрни Логан, и обладали сознанием Логана — и таким образом владели интеркосмо.

— Я хочу знать, где находится человек, по образу которого вы сделаны! — медленно и ясно сказал Спик.

Андроиды ожесточенно уставились на него. Тем временем Крад и Поэм собрали оружие.

— Нечего мне втирать очки,— пробурчал Спик.— Я знаю, что вы говорите на интеркосмо. Где человек, который послужил вам шаблоном?

Андроиды молчали. Спик разъярился и так близко придвинулся к ближайшему из них, что лицо его оказалось прямо перед лицом андроида. Надменное лицо Эрни Логана, несмотря на страх, который был в его глазах.

Гнев захлестнул его. Вся ярость на Эрни Логана, скопившаяся на протяжении последних дней, была вложена в удар, поразивший андроида в подбородок. Кулак с треском врезался в цель. Андроид поднялся на цыпочки, потом глаза его остекленели, и он опустился на пол.

— Где этот человек? — крикнул Спик.

Один из андроидов вышел вперед.

— Мы не знаем этого наверняка,— беспомощно ответил он.

— Чтобы это узнать, нужно что-то делать вот там,— и он указал на пульт возле входа.

— Это твоя область,— сказал Спик, поворачиваясь к Поэму.— Посмотри, как нам освободить Логана.

— Как будто я обязан это делать,— прогнусавил Поэм и протиснулся между двумя андроидами.

Он ловкими пальцами начал манипулировать переключателями, так как был специалистом в вопросах техники систем управления, основанных на принципе целесообразности, и нужно только проследить, куда ведут провода, чтобы за короткий срок понять систему управления, даже созданную чужой технологией.

Был ли это счастливый случай или доказательство правильности гипотезы Поэма — но уже через минуту двинулась часть левой стены, открывая освещенную синеватым светом нишу с корытообразным углублением, в котором находилось человеческое тело.

Тело Эрни Логана!

Логан был обнажен и без сознания. Ему, казалось, недавно давали искусственное питание, потому что к его коже приклеились капли желтой жидкости.

— Крад, подними его! — приказал Спик.

Крад недовольно поворчал, потом нагнулся, вытащил Логана и без труда перекинул его через плечо.

— Идем,— решил Спик.— Крад впереди, а мы с Поэмом погоним пленников. Вперед!

Обломки робота снаружи на пандусе за это время остыли. Людям не составило никакого труда пройти мимо них. На полпути вниз они встретили группу людей Лукки.

— Мы освободились! — крикнул один из них.— Сообщение с «Креста»! Сильное соединение кораблей тефродеров на подлете к планете.

* * *

Спешка превратилась в настоящее бегство, хотя и упорядоченными рядами. Люди Лукки уничтожили последний дубликатор. Через несколько минут пятеро из них вторглись в соседнее помещение и обнаружили там установку, которая заставила «Крест» совершить незапланированную посадку на совершенно чужую планету. Сверхмощные генераторы и проекторы, вырабатывающие засасывающее поле, были уничтожены.

Лукка со своими людьми снова вернулся на поверхность. Машины были уже наготове. Боевая команда на максимальной скорости вернулась на «Крест».

Тем временем повреждения, возникшие на борту корабля-гиганта во время турбулентных возмущений в линейном пространстве, были устранены. «Крест» снова обрел маневренность в полном объеме. Через несколько секунд после того, как машины оказались на борту, корабль поднялся и с огромным ускорением устремился в бледно-голубое небо.

Халютер Ихо Толот дал название планете, которую они оставили,— «Мультика».

Когда «Крест» устремился в открытый космос в стороне от обоих солнц трансмиттера, корабли тефродеров находились еще на расстоянии восьмидесяти миллионов километров. Характерный особенностью стратегии тефродеров было то, что они появились не из поля сгущения, образуемого двумя солнцами, а из ситуационного трансмиттера, который для этой цели был настроен на расстояние в две а. е. от Мультики. Но прежде, чем тефродеры приблизились на расстояние выстрела, «Крест» исчез в линейном пространстве.

ЭПИЛОГ

Перри Родан зарегистрировал операцию на Мультике как неожиданную, но принесшую заметный успех. Им впервые удалось по-настоящему удивить «хозяев Острова» и их охранников Центра, тефродеров.

Сражение в линейном пространстве было чем-то, что они не могли предсказать. Вместо того, чтобы уничтожить «Крест», агрессоры были уничтожены сами. «Крест», которого вышвырнуло в нормальное пространство, оказался там, где «хозяева» его меньше всего ждали, а потом совершил посадку на планете, где тефродеры только что основали новую базу.

Всасывающее поле, затянувшее «Крест» на Мультику, не было ловушкой. Это, вероятно, было просто вспомогательное средство для посадки, созданное тефродерами для своих собственных кораблей.

О положении на Мультике тотчас же стало известно. Как только «Крест» вынырнул из трансмиттера, тефродеры поняли, что имеют дело с противником. Вопросом было то, сколько времени им понадобится, чтобы поднять по тревоге ближайшую базу, и как долго они провозятся, информируя об этом «хозяев Острова»?

Очевидно, довольно долго. Поведение тефродеров на Мультике было нерешительным и беспомощным. Их план уничтожить земной корабль залпами своих орудий потерпел неудачу. Потом они решили вложить образцы в четыре мультидубликатора на подземной фабрике в надежде, что земляне проникнут туда и станут жертвами андроидов, хлынувших из машин. Но эта тактика тоже не сработала. Их планы повсюду кончались неудачей.

Ихо Толот был уверен, что дубликаторы были центром базы на Мультике. Он напомнил о предыдущих событиях, когда в дело вступали группы тефродеров одинаковой внешности. По его мнению, тефродеры комплектовали экипажи своих космических кораблей, в основном, из андроидов. С точки зрения тефродеров, это было совершенно естественно. В качестве шаблона для дубликатора использовался здоровый, образованный и умный человек. Все существа, которых продуцировал дубликатор, обладали физическими и психическими особенностями своего прототипа. Таким образом тефродеры или «хозяева Острова» обеспечили себя неистощимым резервуаром первоклассного персонала.

Дубликаторы, которые они нашли на Мультике, лишь отдаленно напоминали аппаратуру подобного же действия, которая была известна до сих пор. Перри Родан записал то обстоятельство, что все те устройства, которые земляне теперь увидели, время от времени размещались на кораблях или на наземных станциях, в то время как аппараты на Мультике представляли собой стационарные установки и должны были работать постоянно. Техника дублирования «хозяев», очевидно, продвинулась гораздо дальше, чем предполагалось до сих пор. Между мгновением, когда робот утащил Эрни Логана, и тем мгновением, когда первый андроид с его внешностью кинулся на людей майора Лукки, по показаниям участников, прошло, самое большее, две минуты. В этом дубликаторы на

Мультике существенно отличались от всех других самых совершенных аппаратов, которым требовались часы и дни, чтобы сначала изготовить шаблон, по которому потом формировать андроидов.

Десять пленных андроидов были доставлены группой майора Лукки на борт «Креста», где ими занялись врачи и психологи, получив устную информацию о психологии и образе мышления искусственных существ. Изучение было проведено со всей поспешностью, хотя и на хорошей базе. Каждый из андроидов, которые вместо имен получили отличительные номера, носил поверх основного энергетического приемника сзади приемник возбудимости, соединенный полубиологическим проводом с паражелезой. Этими приемниками можно было управлять снаружи. Из ранних встреч с отрядами тефродеров было известно, что они получают приказы сражаться или кончать с собой, против которых они не возражали.

Через пятьдесят минут после старта «Креста» поступили сигналы из приемников возбуждения андроидов. В паражелезу по проводу поступил мощный импульс и разрушил ее. Искусственные существа умирали одно за другим. «Хозяева Острова» отключали их, но слишком поздно.

Самым главным было то, что сигнал настиг андроидов, когда «Крест» уже находился в линейном пространстве. Передача сигналов извне в линейном пространстве была искусством, лежащим по ту сторону земной технологии. Это означало не только то, что «хозяев Острова» можно одурачить, но и то, что они обладали знаниями, о которых земная наука могла пока что только мечтать.

Капитан Эрни Логан тем временем снова пришел в себя, и ему сообщили, что произошло. Он отправился к лейтенанту Спику Снайдеру и имел с ним длинную беседу, в которой вел себя совсем иначе и извинялся за свое поведение в последние дни.

* * *

После восьмичасового сна Спик вернулся в свою тесную кабинку перед пультом пеленгатора. Он откинул спинку кресла, положил ноги на край пульта и раскрыл книгу. После коротких поисков он нашел место, на котором некоторое время назад прервал чтение.

Автор рассказывал о ценности некоторых прежних открытий и экстраполировал их в будущее. Одно из его высказываний заинтересовало Спика, и он вытащил карандаш, чтобы сделать пометку.

На полях книги на своем родном языке он написал: Say it again, Charlie!

ТЕЛЕПОРТЕРЫ,

ВНИМАНИЕ!

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ТОКО КАКУТА, РАС ЧУБАЙ и ГУККИ — телепортеры, прыгают в летающую крепость мааков

ПЕРРИ РОДАН — главный администратор Солнечной империи

МАРК ЛАЛЛЬЕ — пеленгатор, работающий на длинных волнах

ПРОФЕССОР АРНО КАЛУП — гиперфизик и руководитель защиты на Кахало

ЮЛИАН ТИФФЛОР — маршал Солнечной империи

АЛЛАН Д. МЕРКАНТ охраняет вход в трансмиттер

Десять тысяч лет назад — в то время, когда на Земле еще не существовало настоящей цивилизации, аркониды вели ожесточенные сражения с метанцами.

Эти войны потрясли основы арконидской империи. Они привели бы к полному уничтожению арконидов, тогдашних властителей Галактики, если бы в решающее мгновение им не удалось использовать против метанцев новое оружие.

Так и сражались бы метанцы и аркониды, во флоте которых Атлан был молодым капитаном одного из кораблей, если бы вдруг не появилась угроза со стороны негуманоидных существ, прекратившая все это.

Теперь, десять тысяч лет спустя, когда Солнечная империя Перри Родана давно уже получила наследство арконидов, кажется странным, что власть метанцев не была сломлена уже тогда.

Лорд-адмирал Атлан, друг и учитель Перри Родана, первым узнает о грозящей опасности. И когда гигантская летающая крепость метанцев появляется из приемника трансмиттера — а «Крест-2» тем временем вырос до нормальных размеров — Юлиан Тиффлор поднимает по тревоге флот охраны.

Летающая крепость угрожает трансмиттерной переброске в туманность Андромеды, и с ней невозможно справиться обычным оружием. Поэтому в дело приходится вмешаться трем лучшим мутантам Перри Родана...

Когда Рас Чубай, Тако Какута и Гукки вступают в действие, им отдается приказ: ТЕЛЕПОРТЕРЫ, ВНИМАНИЕ!

1

Помещение было небольшим, примерно четыре на четыре метра, с одной полукруглой и тремя прямыми стенами. Перед полукруглой стеной находился огромный пульт с четырьмя зеленоватыми светящимися рефлексными экранами пеленгатора. Потолочное освещение было выключено. Все, что видел Марк Лаллье — это маленькие яркие контрольные лампочки и мягкий зеленый свет четырех экранов. Однотонное гудение приборов усыпляло. Марк пытался не заснуть, изучая координатную сетку на одном из рефлексных экранов. Прошло уже три дня по земному времяисчислению с тех пор, как легкий крейсер «Уэльс» неподвижно застыл в пространстве примерно в трех миллионах километрах от Кахало. Уже три дня Марк Лаллье находился на этом посту. И за эти три дня не произошло абсолютно ничего, достойного упоминания.

Через пятьдесят три часа «Уэль» вернется на Кахало. Марк был уверен, что за эти пятьдесят три часа тоже не произойдет ничего необычного. Система Орбон с ее шестью планетами была самым спокойным местом во всем Млечном Пути.

Было пятнадцать часов десять минут по бортовому времени, когда такие мысли в десятый или в двадцатый раз пришли в голову Марку Лаллье. А в пятнадцать часов двенадцать минут он заметил кое-что интересное.

В верхнем правом углу одного из пеленгационных экранов внезапно появилась яркая точка. Одновременно прозвучал предупредительный сигнал. Марк вскочил. По опыту пеленгатора ему с самого начала стало ясно, что на его крючок попалась совершенно особая рыба. Неизвестный объект находился далеко, примерно в трех миллионах километрах. Но, несмотря на это, он давал сильное отражение и поэтому должен был быть довольно большим.

Марк включил приборы. Через несколько секунд у него в руках были результаты приблизительных измерений. Он прочитал их, и у него захватило дыхание. Чем бы ни был этот объект там, впереди, он был больше всего, что Марк Лаллье видел когда-нибудь до сих пор.

* * *

В пятнадцать часов двенадцать минут на одном из второстепенных экранов централи управления «Уэльса» появился тот же пеленгационный отблеск, который в то же мгновение двумя палубами ниже увидел Марк Лаллье. Однако никто не обратил на него внимания. На оптическом экране появилось нечто, что намного больше привлекло внимание дежурного офицера.

Над Кахало возник зеленовато светящийся шар, содержащий красные искорки. Он с быстротой и ослепительной яркостью молнии выпрыгнул из темноты, и Кахало потонула в его сиянии.

Майор Каттнер, командир «Уэльса», объявил тревогу по всему кораблю. В его задание не входило наблюдать за всем происходящим в непосредственной близости от Кахало. Красно-зеленый световой пузырь не имел к нему никакого отношения, но ему, конечно, было известно, что он означает. Пирамида трансмиттера сработала. Командование флота приказало командирам находящихся возле Кахало кораблей немедленно докладывать о всех передвижениях, а также о прибытии через трансмиттер новых соединений. Но эта штука, внезапно появившаяся над Кахало, была чем-то совсем иным. Каттнер был убежден, что это чужой корабль. Появление чужого корабля вблизи Кахало означало опасность.

В пятнадцать часов пятнадцать минут он получил сообщение из пеленгационного отсека. Голос Марка Лаллье звучал возбужденно, почти истерически:

— Пеленгация, сэр! — вскричал он.— Огромный предмет примерно в пяти тысячах километрах над Кахало. По предварительным оценкам, он не менее ста пятидесяти километров длиной!

Каттнер отреагировал так, как на его месте отреагировал бы любой другой. Он приказал Марку проверить все приборы. *Не существовало* корабля длиной в сто пятьдесят километров.

— Такова была моя первая реакция, сэр,— ответил Марк.— Приборы в порядке. Эта штука *на самом деле* так огромна.

Каттнер объявил на «Уэльсе» тревогу высшей степени. Теперь завыли сирены и поступило сообщение от командования флота. Оно гласило:

«Через трансмиттер вторгся чужой летающий объект. Всем соединениям быть готовыми действовать согласно указаниям командующего соединениями. Внимание: этот летающий объект невероятно огромен».

Тут Каттнер понял, что Марк Лаллье не ошибся.

Возле Кахало начался второй бой.

* * *

— Что такое?— пробурчал Арно Калуп, не поднимая взгляда от приборов.

Перед ним был сложный пульт, управляющий пирамидой трансмиттера. Пульт находился в куполообразном зале, который являлся центром огромного устройства. Зал был пуст, за исключением бесчисленных рядов гудящих приборов — а также Арно Калупа, который приказал не мешать ему работать.

— Случилось кое-что неожиданное, профессор,— произнес мягкий голос.— Трансмиттер выбросил...

Арно Калуп громогласно рассмеялся. Он поднял взгляд. С маленького экрана перед ним улыбалось лицо молодой женщины.

— Я сижу на самом источнике, девочка,— продолжал смеяться он.— Неужели вы думаете, что я этого не заметил? Трансмиттер сработал в пятнадцать часов двенадцать минут по местному времени, и с тех пор я выяснил, какие приборы здесь, внизу, сработали.

— Конечно, сэр,— ответила женщина. Что-то в ее голосе озадачило его.

— Ну? — спросил он.

— Это незапланированное вторжение, сэр. Корабль, прибывший в пятнадцать часов двенадцать минут, не из нашего флота.

Арно Калуп был не тем человеком, который легко выходит из себя. Со времени первого боя при Кахало, который закончился изгнанием вражеского штабного корабля и взятием пирамиды трансмиттера, он работал здесь, в центре управления, пытаясь разгадать тайны чужой техники. Он был ученым. Планы политиков и военных его не касались. С тех пор, как он начал работать здесь, через трансмиттер туда и обратно прошло много кораблей. Это приносило пользу Арно Калупу. Потому что каждый раз, когда трансмиттер срабатывал, он получал новую информацию о функционировании механизмов управления. Теперь он мог уже по своему желанию включить трансмиттер на передачу в обе стороны или устанавливать его только на отправку или на прием. Команда из пятидесяти ученых, к которой принадлежала и Джейн Кайзер, женщина с экрана, работала с оборудованием, находящимся вне зала управления. Арно Калуп рассчитал, что самое большее через два месяца они ознакомятся со всеми приборами и устройствами, так что он и его люди смогут пользоваться ими по своему усмотрению.

Когда Джейн сообщила ему о чужом корабле, он тотчас же понял, что время пришло. Противник предпринял новую попытку воспрепятствовать землянам пользоваться трансмиттером.

— Соедините меня с командованием флота, Джейн,— с серьезным выражением лица попросил он.

— Разговор заказан, профессор,— ответила Джейн.— Я соединю вас с «Наполеоном».

Изображение сменилось. Появилось дружески улыбающееся лицо мужчины средних лет. Маршал Солнечной империи Аллан Д. Меркант выглядел таким же беспомощным и незначительным, как и всегда.

— Профессор,— робко начал он.— Вы уже слышали о крепости, не так ли?

Калуп вспомнил описание гигантского космического корабля, с которым Перри Родан когда-то сражался в межгалактическом

пространстве. Меркант не стал ожидать ответа на свой вопрос.

— Она здесь! — произнес он.— Посмотрите на изображение! Мы отправили зонд, который сделал снимки с расстояния двенадцати тысяч километров. Взгляните на это!

Улыбающееся лицо Мерканта исчезло. На его месте появилась россыпь звезд, а на переднем плане было видно массивное, сверкающее, переливающееся тело, и дух захватывало от его чужеродности. Зонд сделал телескопические снимки. Арно Калуп видел чужой корабль так, словно он находился прямо перед ним.

Главной составной частью корабля была толстая цилиндрическая ось. Из центра оси выступали восемь спиц, и на каждой спице находилось по десять шаров. Угрожающая конструкция молча и неподвижно застыла в центре экрана телевизора. Арно Калуп всматривался в нее до тех пор, пока у него не заболели глаза.

Внезапно изображение разорвалось. Вспыхнула яркая молния, и секундой позже появилось лиц Аллана Д. Мерканта. На этот раз он не улыбался.

— Они обнаружили зонд и уничтожили его,— холодно произнес он.— Если вас это интересует, профессор, центральная ось двести километров длиной и более пятидесяти в диаметре. Каждая из спиц длиной тоже в пятьдесят километров, а шары имеют два километра в диаметре. Это самая большая штука, с которой нам когда-либо приходилось сталкиваться, профессор! Нет никакого сомнения в том, что у крепости задание или снова завладеть Кахало, или уничтожить ее. Я нападу на нее через десять минут со всем, что у меня есть. Шансы у меня не особенно велики. Но Кахало нужно удержать во что бы то ни стало. Сделайте все, что в ваших силах, чтобы защитить трансмиттер. У вас там внизу десять тысяч человек охраны. А теперь у меня больше нет времени. Сделайте все, что сможете!

У Арно Калупа не было времени даже на то, чтобы подтвердить получение приказа. Связь прервалась. Калуп встал. С проворством, которого никто не мог ожидать от его, казалось бы, чисто технического разума, он начал давать указания. Отрядам охраны было приказано занять оборону и отгонять или уничтожать каждого чужака, который попытается проникнуть в область пирамиды трансмиттера. Собственная команда Калупа подготовила к старту пару телезондов и запустила их в космос, так что теперь профессор мог получить информацию самостоятельно, а не из третьих рук.

Сам он остался в зале управления трансмиттером. Он позвал к себе Джейн Кайзер и пару ассистентов. Они вместе стали наблюдать за маленьким экраном, на котором зонды, один за другим, проецировали свои снимки.

Положение выглядело совсем не в розовом свете. Прежде, чем маршал Солнечной империи сможет нанести удар, крепость, со своей стороны, перейдет в нападение. Вид чудовищного корабля из-

менился. Он окутался защитным полем. Эллипсоидное зеленовато светящееся покрывало поля скрыло очертания гигантского сооружения. Словно бледные призрачные пальцы, фантомные спирали пронизывали тьму космоса, и одна из них попала в земной корабль, который был почти беззащитен против могущественного оружия врага. Тот вспыхнул и взорвался.

Крепость находилась далеко вне зоны действия энергетических полей трансмиттера. Арно Калуп намеревался как можно быстрее отправить гигантский корабль туда, откуда он прибыл. Однако теперь его план был неосуществим. Крепость все больше удалялась от зоны действия трансмиттера, и каждый третий залп ее орудий уничтожал один из кораблей Аллана Д. Мерканта.

Потом положение внезапно изменилось. Крепость легла на новый курс. Арно Калуп не заметил этого, потому что зонды постоянно находились на одном и том же расстоянии от вражеского корабля. На это обратила внимание Джейн.

— Зонды приближаются, профессор,— воскликнула она.— Похоже, что крепость направляется к Кахало!

Арно Калуп прикусил губу. Враг собирался сомкнуть пальцы в захвате. Его защитное поле могли пробить только земные орудия большого калибра. Но в непосредственной близости от планеты такие орудия использовать было нельзя. Кроме того, крепость совершала этот маневр в непосредственной близости от шестиугольного трансмиттера. Теперь Арно Калуп в любую секунду мог ждать нападения на пирамиду.

Арно Калуп спросил себя, как ему продержаться с его десятью тысячами человек, когда Аллан Д. Меркант со своими двумя тысячами кораблей не смог напугать противника.

Крепость остановилась в пяти тысячах километров над Кахало, однако далеко вне зоны действия трансмиттера. Зонды наблюдения показали, как от расположенных вдоль спиц шаров отделились крошечные летающие предметы. Они чудовищным облаком сначала ринулись вниз, потом взяли курс на шестиугольник трансмиттера.

Это было величайшее мгновение для Арно Калупа. Никто еще не видел его в таком возбужденном состоянии. Его сильные костистые пальцы, казалось, приросли к переключателям огромного пульта управления. Затаив дыхание, профессор следил за курсом армады крошечных летающих объектов.

Эти предметы не имели никакого представления об опасности, которая им угрожала. Они без колебаний влетели в зону действия трансмиттера. В это мгновение Арно Калуп нажал на два переключателя. На экране сверкнула яркая, пестрая вспышка. Когда поле зрения снова прояснилось, маленькие летающие предметы исчезли. Арно Калуп отправил их туда, откуда они прибыли — в систему Твин.

Но никто в огромном зале управления не питал никаких иллюзий насчет этого успеха. Противник не рассчитывал на то, что трансмиттер будет захвачен. Теперь он знал, как ему планировать свои будущие действия. Крепость все еще висела неподвижно, окруженная зеленым защитным экраном, в пяти тысячах километров над Кахало. Арно Калуп не был уверен, не решится ли враг просто уничтожить пирамиду трансмиттера, если решит, что захват ее невозможен.

Положение было безрадостным. Потому что против фантомных спиралей у Арно Калупа такая же слабая защита, как у всех остальных во флоте Солнечной империи.

2

Второй бой при Кахало, собственно, начался уже задолго до этого, хотя и в девятистах тысячах световых лет от места наиболее ожесточенного сражения.

На огромном панорамном экране «Креста-2» Перри Родан увидел яркую вспышку в самом центре трансмитера у двойного солнца. На секунду желтоватые кружки обоих солнц системы Твина исчезли в яркой вспышке разряда, сопровождающего процесс переноса.

То, что исчезло, было гигантской космической крепостью дышащих метаном существ, самым гигантским сооружением из всех какое когда-либо видели люди со времени начала их путешествий по Вселенной. Сражение было закончено. Соединения понесшего большие потери флота землян собрались под командованием Юлиана Тиффлора. «Крест-2» пока держался в стороне.

Возле Перри Родана за исчезновением крепости наблюдали арконид Атлан и халютер Ихо Толот, гигантская фигура которого неподвижно застыла в центре помещения. У пультов управления спокойно сидели офицеры, управляющие гигантским кораблем.

Перри Родан почувствовал облегчение. Он в первый раз смог выиграть чудовищный бой в космическом пространстве. Противник бежал. А бежавший противник означает победу.

Или, может быть, нет?..

Мысли роились у него в голове. Что, если крепость покинула поле боя по тактическим соображениям? Что, если метанцы, движимые тайными соображениями, на самом деле не бежали, а всего лишь прибегли к новому варианту нападения?

Он не успел обдумать это.

Халютер Ихо Толот издал трубный крик. С внезапностью, которой никто не мог ожидать от его массивного тела, он пришел в движение и ринулся к главному пульту управления, за которым следил за приборами Карт Рудо. Действия Ихо Толота были неожи-

данными для всех, кроме Перри Родана. На ступенях, ведущих к главному пульту управления, стояли два офицера. Халютер одной из могучих рук отмел их в сторону, прежде чем они успели осознать опасность. Ихо Толот ринулся вверх по ступеням. Карт Рудо, увидев его приближение, вскочил. Он хотел что-то сказать, но первые слова еще не слетели с его языка, когда халютер схватил его и поставил по другую сторону пульта, словно он был игрушкой. Ихо Толот с неописуемой скоростью начал манипулировать рычажками и кнопками. Взревели сирены предупреждения. Голос робота, включенного Ихо, проревел из динамика:

— Внимание, тревога высшей степени! Максимальное ускорение. Всем людям по местам боевой готовности...

На все это понадобилась лишь пара секунд. Никто, кроме Перри Родана, не понял, что произошло. Родан осознал опасность в ту же секунду, что и халютер, но у Ихо Толота была более быстрая реакция.

Бой при Кахало позволил землянам взять трансмиттер в свои руки. Вектор трансмиттера был зафиксирован непосредственно на системе Твин. Тело, оказавшееся между солнцами этой системы в поле действия трансмиттера, могло материализоваться лишь в *одном* месте.

Над Кахало.

Аллан Д. Меркант устроил свою штаб-квартиру на Кахало. Он был одним из самых талантливых членов руководства Солнечной империи. Но против этой крепости Меркант был бессилен. Даже если бы против этого чудовищного вражеского корабля существовала защита, неожиданность появления крепости в первые секунды настолько ослабит соединения флота Мерканта, что нечего будет думать об успешном сопротивлении.

Существовала только одна возможность. «Крест» должен был как можно быстрее последовать за крепостью. Ихо Толот понял это. Повинуясь его действиям, двигатели корабля заработали на полных оборотах и направили огромный флагман в центр поля трансмиттера. Через несколько секунд «Крест» достигнет точки переноса и одним гигантским прыжком в гиперпространство покроет девятьсот тысяч световых лет, отделяющих его от Кахало. Шок от переноса будет намного сильнее, чем могло бы выдержать незащищенное тело человека.

Перри Родан бросился к ближайшему пульту. По внутренней связи он поднял по тревоге медицинский отдел. Начало разворачиваться то, что должно было развернуться при катастрофических ситуациях. Каждый человек получил указание сделать себе инъекцию из приготовленных на этот случай медикаментов и лечь на ближайшую койку или в кресло. Через пять минут, повинуясь приказу Перри Родана, более половины экипажа уже лежало в искусствен-

ном анабиосне. Другие уже держали инъекторы наготове, ложась и делая последнее движение рукой. Единственным, кто хотел перенести этот страшный прыжок в полном сознании, был халютер Ихо Толот. В результате своей способности изменять молекулярную структуру клеток тела по своему желанию, он почти без труда мог переносить любые неудобства.

Перри Родан коротко переговорил с Юлианом Тиффлором и объяснил значение неожиданного маневра. Тиффлору было приказано ждать, заняв место командира эскадры флота в системе Твин, пока не поступят дальнейшие указания.

Тем временем «Крест» с постоянно увеличивающейся скоростью мчался в центр между двумя солнцами. Один из пылающих протуберанцев выстрелил далеко в космос, словно хотел слизнуть чужой корабль, который в своем сумасшедшем полете приближался к центру равновесия двух звезд.

Перри Родан знал действие медикаментов. Он тянул время до тех пор, пока на экране не осталась лишь одна пылающая газовая масса. Потом он сделал себе инъекцию.

Результат был почти мгновенным. Главный администратор Солнечной империи почти без перехода погрузился в анабиосон, подобный потере сознания.

Он не видел крошечных образований, которые вынырнули из кипящего ядра трансмиттера почти в то мгновение, когда «Крест» совершил свой прыжок. Они были слишком малы и скорость их была слишком высока, чтобы даже исключительное зрение Ихо Толота могло заметить их.

«Крест» исчез в бесструктурной дали гиперпространства за ярко вспыхнувшим световым занавесом трансмиттера.

* * *

Юлиан Тиффлор пару минут отвечал на запросы капитанов кораблей соединения. Каждый из них хотел знать, куда это так внезапно отправился «Крест». Тем временем пылающее поле трансмиттера, находящееся между двух солнц, поглотило гигантский корабль.

Маршалу Тиффлору удалось успокоить своих офицеров. В состоящем примерно из четырех тысяч семисот кораблей соединении флота снова воцарилось спокойствие.

Юлиан Тиффлор на борту своего флагманского корабля «Распутин» собирался передать командование своему первому офицеру. В системе Твин все было спокойно. Противника прогнали, и незапланированная активность могла возникнуть только в том случае, если Перри Родан найдет время разработать новый план и передаст

дальнейшие указания. Юлиан Тиффлор находился на ногах в течение более чем тридцати часов. Ему нужно было отдохнуть хотя бы пару часов.

Но их у него не оказалось. Первый офицер все еще держал руку поднятой, отдавая честь, когда загудел интерком. Юлиан включил аппарат. На экране появилось лицо офицера, который нес вахту за кольцевым пультом в централи управления.

— Мы уловили серию странных отражений, сэр,— произнес спокойный голос.— Больше тысячи очень маленьких объектов, которые движутся от двух солнц сюда по планетарной орбите.

Тиффлор подавил зевок.

— Спасибо,— устало ответил он.— Держите меня в курсе всего происходящего!

Он отключился и со слабой усмешкой повернулся к первому офицеру.

— Займите свое место,— сказал он ему.— Похоже, что с отдыхом мне придется подождать еще некоторое время.

С возвышения перед главным пультом централь управления была великолепно видна во всех направлениях. Большинство офицеров у кольцевого пульта уже узнали о том, что неожиданно обнаружил пеленгационный отдел. Юлиан Тиффлор ощутил все возрастающее напряжение людей, находящихся в централи.

Он чувствовал себя слабым и разбитым и был убежден, что отдых-то он заслужил. Он разозлился на эти маленькие предметы, которые летели там, снаружи. Он не поверит в противника, пока не увидит его собственными глазами. Он чувствовал себя неуверенно, потому что не знал, что происходит.

Только через десять минут он получил от пеленгаторов следующее сообщение:

— Там примерно пять тысяч объектов, сэр. Они движутся с общей скоростью двадцать тысяч метров в секунду. Движение их веерообразное, начинается от центра трансмиттера. Величина объектов точно еще не определена, однако в среднем размеры каждого из них около десяти метров.

У Юлиана возник вопрос:

— Есть ли какие-нибудь признаки того, что их движение управляемо?

— Нет, сэр. Объекты движутся по инерции. Их скорость уменьшается под воздействием притяжения двух солнц.

Юлиан перевел переключатель вверх, на пару секунд положил голову на руки, потом снова переключил на интеркоме. Мужчина, появившийся на экране, был вахтенным офицером шлюза ангара. Юлиан приказал ему подготовить один из головастиков. Затем мимоходом приказал первому офицеру «Распутина» взять на себя командование соединением флота.

— Я хочу собственными глазами увидеть, что это там летит, снаружи,— коротко сказал он. Через несколько секунд он покинул централь управления и пустя десять минут уже находился в кабине подготовленного головастика, а пятьдесят человек набранного экипажа стояли по ту сторону люка шлюза «Распутина».

Он никогда не любил вида системы Твин, а теперь, когда он сидел в тесной кабинке головастика, он нравился ему еще меньше. Он привык к безграничной, усеянной звездами дали открытого пространства. Два пылающих глаза двойной звезды раздражали его. Он подсчитал, и оказалось, что его корабль находится недалеко от фокуса системы, как если бы, находясь в Солнечной системе, он двигался между орбитами Меркурия и Венеры. Пространства для маневров у него почти не было.

К счастью, крошечные неизвестные объекты двигались в противоположном направлении и казались безобидными. Вскоре Юлиану показалось, что они, должно быть, были обломками, возникшими в результате какого-то несчастного случая. Для носителей даже конкретного плана они двигались слишком медленно и беспомощно.

Несмотря на это, он был осторожен. Хотя маленькие летающие объекты двигались в разных направлениях, все они находились почти на одном и том же уровне. Юлиан отыскал одно из немногих, которое вылетело из общей плоскости и двигалось на высоте около десяти миллионов километров над уровнем плоскости орбиты.

Осторожно маневрируя, головастик направился к незнакомому объекту. Юлиан сам управлял ботом. Он напряженно вглядывался в передний экран, на котором пару секунд назад в первый раз появилась блестящая точка. В течение нескольких минут она обрела форму. В телескоп бота был виден сигарообразный предмет, который, по крайней мере, частично, состоял из полированного металла и был менее четырех метров длины. Диаметр его был около двух метров. Это была, как заметил один из офицеров, довольно толстая сигара.

Юлиан уравнял скорость бота со скоростью летящего тела, сохраняя расстояние в сто метров. Телескоп теперь позволял изучить неизвестный объект во всех подробностях. Экипаж головастика с каждой секундой чувствовал себя все увереннее. Если бы сигара представляла какую-то опасность, они давно заметили бы это. Летающее тело проявляло лишь слабые следы энергетической активности. Это было такое же рассеянное поле, какое порождали малые термоядерные реакторы.

Тело медленно вращалось вокруг продольной оси. Как сообщили Юлиану, каждый оборот оно совершало за двадцать минут. В телескоп теперь видна была лишь половина его поверхности. В

настоящее время в поле зрения с почти невыносимой медлительностью вплывала другая половина. Казалось, что другая сигара находится прямо перед камерой большого переднего экрана.

Конструкция продолжала медленно вращаться. На слое блестящего металла были крошечные, едва заметные следы, которые и позволяли наблюдать за вращением. Вероятно, это были царапины от микрометеоритов, с которыми сигара столкнулась на своем пути через космос.

На верхнем крае изображения появилась тень. Бормотание людей рядом с Тиффлором стихло. Все, затаив дыхание, стали наблюдать за большим экраном.

Миллиметр за миллиметром тень спускалась вниз. Она была похожа на кусок темного материала, вделанный в блестящую оболочку; кусок этот казался впаянным в металл, около тридцати сантиметров длиной и пока еще неизвестной ширины.

Тиффлор ломал голову, пытаясь найти решение этой загадки. Для чего предназначена эта сигара? Как она и ее спутницы попали в трансмиттер? Случайно или намеренно появились они в системе Твин?

Темная поверхность внезапно озарилась яркой вспышкой. Юлиан мгновенно пригнулся, но ничего не произошло. Он смущенно выпрямился и в то же мгновение получил ответ на свой вопрос. Эта вспышка была ни чем иным, как отражением. Темное пятно на металлической поверхности было куском стекла, казавшегося темным потому, что оно пропускало и поглощало больше света, чем полированный металл. А кусок стекла в металлической обшивке...

Было только одно логическое объяснение.

Верхняя часть стеклянного диска теперь оказалась в поле зрения. В течение двух или трех минут стекло было расположено перпендикулярно по отношению к камерам. Стекловидная субстанция затеняла то, что находилось внутри сигары, защищая его от яростного излучения обоих солнц. Окно казалось темным отверстием.

Из темноты наружу, в линзы камер, смотрели два больших, лишенных выражения, глаза. Юлиан Тиффлор почувствовал, как по спине у него побежали мурашки.

* * *

Минуту спустя они исчезли внутри сигары. Это был космический скафандр, в задней части которого находился термоядерный генератор, дюзы и механизмы управления полетом. Конструкция эта была несложная, той безошибочной простоты, какую может создать только высокоразвитая технология. Внутри скафандра поддерживалось давление в восемьдесят три атмосферы. Юлиан побо-

ялся просто так открыть этот летающий скафандр. Он дал указание подготовить шлюзовую камеру с соответствующим давлением и тем самым газовым составом, которым был наполнен скафандр. Анализаторы сообщили, что это была смесь метана, аммиака, водорода и гелия.

Неподвижное тело чужака поместили в подготовленную для него шлюзовую камеру. В ней, на борту своего собственного корабля, люди вынуждены были надеть скафандры, чтобы находиться в чужой, смертоносной атмосфере. Неизвестный был извлечен из скафандра и помещен на временное ложе. У единственного врача на борту головастика было слишком мало инструментов и приборов, при помощи которых он мог бы исследовать это серо-синее тело. Юлиан Тиффлор вместе с двумя офицерами транспорта внимательно наблюдал за чужаком. Врач наконец выпрямился и посмотрел на Тиффлора.

— Я никогда еще не слышал о таких существах,— прозвучал его сухой голос в динамиках шлемов.— Но я почти уверен, что чужак мертв.

Юлиан Тиффлор подошел к ложу. Тело чужака было человекоподобным, по крайней мере до некоторой степени. У него были две руки и две ноги. Общая длина его была больше двух метров. В странной пропорции к нему находилась ширина плеч. Она была около полутора метров. Тело было необычно длинным. Ноги были короткими, но толстыми и заканчивались четырехпалыми ступнями. По сравнению с ними руки были чрезмерно длинными. Сильные и толстые, они отходили от плеч. Они, очевидно, не имели суставов и оканчивались воронкообразными ладонями, из которых выступали шесть пальцев. Руки чужака, должно быть, доходили до колен.

Но самой необычной была голова. Лишенная шеи, она, как полусферический нарост, сидела прямо на плечах. Край этой полусферы был узким и ровным. Высшая точка этого полусферического серпа находилась примерно в пятнадцати сантиметрах над уровнем плеч. При этом края серпа шли от края правого плеча до края левого.

Глаза, которые Юлиан видел через стекло шлема, имели шесть сантиметров в диаметре. Зрачки были полукруглыми. Своеобразие их заключалось в том, что они были расположены поперек выпуклости головы. На задней ее части тоже находились глаза, так что чужак мог одновременно смотреть и вперед, и назад; это компенсировало неподвижность его головы.

Юлиан вспомнил короткое описание арконидом Атланом одного из метанцев. Десять тысяч лет назад, когда империя Аркон находилась в апогее своего развития, раса мааков поставила арконидов на грань исчезновения. Теперь, спустя десять тысяч лет, потомки этого ужасного противника появились снова и во второй раз вторглись в Галактику.

Юлиан не смог сдержать дрожь. Он наконец оторвал взгляд от серого, покрытого чешуей тела и повернулся к выходу из шлюзовой камеры. Врач и оба офицера последовали за ним. По другую сторону люка они со вздохом облегчения открыли шлемы и откинули их на плечи.

Юлиан вытер вспотевший лоб.

— У чужака четыре глаза,— с трудом произнес он.— Два спереди и два сзади. Почему же тогда у скафандра только одно стекло?

На это никто не обратил внимания. Врач смущенно посмотрел на остальных. Оба офицера, похоже, тоже глубоко задумались над этим.

— Сэр,— наконец, произнес один из них,— это, должно быть, скафандр высокого давления. Стекло уменьшает прочность стенок скафандра. Будь он больше по размерам или будь у него два стекла, он не смог бы выдержать этого чудовищного давления.

Он выжидательно посмотрел на Юлиана Тиффлора. Тот согласно кивнул.

— Я думаю, вы правы. Другого объяснения просто нет. Противник отказался от использования двух своих глаз из четырех, потому что это было связано с ненужным риском нарушения прочности транспортного скафандра. Впрочем, этот недостаток компенсировался тем, что скафандр был очень маневрен. Маак просто ускорит вращение, если захочет посмотреть в другую сторону.

Внезапно он улыбнулся. Три его спутника удивленно посмотрели на него.

— Вы знаете, почему я рад этому? — спросил он.— Приятно знать, что у технологии мааков тоже есть свои границы. Это увеличивает наши шансы, не так ли?

* * *

— Боже мой! — простонал Арно Калуп.

Еще секунду назад у него на экране был матово поблескивающий шар одного из земных кораблей, теперь же он исчез. На очень короткий промежуток времени казалось, что по экрану тянется бледно-голубой шлейф. Шлейф был достаточно четким, чтобы глаз мог заметить, где начинается и куда он тянется. Но, может быть, это был оптический обман.

Так или иначе, но корабль исчез.

У Калупа возникло ужасное подозрение. Он вспомнил разговор с арконидом Атланом. Атлан описал ему оружие, которое было использовано в кровавые времена империи Аркона. Это были трансмиттероподобные устройства, излучающие пятимерные поля. Та-

кое поле окружало цель на одну стотысячную секунды. Внутри поля возникала зона нестабильности, которая вырывала цель из нормальной Вселенной и выталкивала ее в виде пятимерного импульса, как только поле исчезало.

Описание Атлана подходило к тому, что только что наблюдал Калуп. Одна стотысячная секунды, даже если разряд был очень ярким, недостаточна для глаза, чтобы тот воспринял четкую картину. Пятимерный импульсный разряд, конечно, был невидим. Для обычного невооруженного глаза все должно было выглядеть так, словно объект просто исчез.

Калуп повернул зонды наблюдения и направил их объективы на другой корабль земного флота. Аллан Д. Меркант, как и обещал, перешел в генеральное наступление. Многого он, конечно, сделать не мог, так как крепость по-прежнему находилась в нескольких тысячах километров от поверхности Кахало и Меркант не отваживался использовать более мощное вооружение.

Второго нападения на пирамиду трансмиттера не последовало. Калуп был вынужден ничего не делая смотреть, как в окрестностях Кахало разворачивается ожесточенный бой, на развитие которого он не мог оказать ни малейшего влияния, хотя и находился среди чудес высокоразвитой технологии. Как и прежде, Джейн Кайзер и четыре ассистента оставались рядом с ним. До сих пор они почти ничего не сказали. Арно Калуп был занят зондами.

Внезапно с флагманского корабля поступило сообщение. Связь с «Наполеоном» автоматически обеспечивалась в первую очередь. Передача изображений с зондов прервалась. На экране появился Меркант.

— Мы не можем пробиться вперед,— возбужденно воскликнул он. Калуп слышал крики команды и вой перегруженных механизмов.— Противник использует новое оружие! К настоящему времени исчезли шесть малых кораблей. Я не могу использовать свои более мощные орудия, а легкие ничего не могут поделать с защитным экраном.

Он больше ничего не сказал, но было совершенно очевидно, что ему нужен был совет. Арно Калуп заставил себя успокоиться.

— Я боюсь,— ответил он,— что противник намеревается уничтожить пирамиду, если не сможет завладеть ею. Первую попытку захвата мы отразили. Я не знаю, на что мне теперь рассчитывать — на вторую попытку овладения трансмиттером или на град бомб. Во всяком случае, вы, кажется, отвлекли внимание врага. Оставайтесь и дальше человеком, который еще может чем-то помочь мне.

Он чувствовал себя усталым и опустошенным. Сколько бесстыдства нужно для того, чтобы из безопасности центра управления трансмиттером давать советы другим людям и постоянно помнить о неуязвимости крепости противника!

Меркант коротко кивнул.

— И я того же мнения,— подтвердил он.— Я не знаю, что произошло в системе Твин, но, может быть, мы получим подкрепление. А я тем временем попытаюсь загнать крепость в поле трансмиттера.

Он прервал связь. На экране снова появилось изображение, передаваемое зондами. Арно Калуп скривил лицо в болезненной гримасе. Загнать крепость в поле трансмиттера! С таким же успехом можно было попытаться сдвинуть пирамиду Хеопса голыми руками.

Сражение быстро достигло высшей точки. Две тысячи кораблей Мерканта непрерывно атаковали противника. Крепость уклонялась и увертывалась, и каждая атака стоила землянам одного или двух кораблей, которые распылялись спиралями или попадали в невидимое поле конвертерных пушек.

Калуп наклонился вперед и закрыл глаза. Он ломал голову в поисках выхода, но каждая его идея завершалась пониманием того, что не было ничего, что он мог бы сделать отсюда, снизу.

Внезапно раздавшийся голос Аллана Д. Мерканта оторвал его от размышлений. Он удивленно поднял взгляд. На экране появился круглый череп Мерканта, а на его лице была радостная улыбка, с которой он смотрел на людей, находящихся перед ним.

— «Крест»!..— воскликнул он изо всех сил.

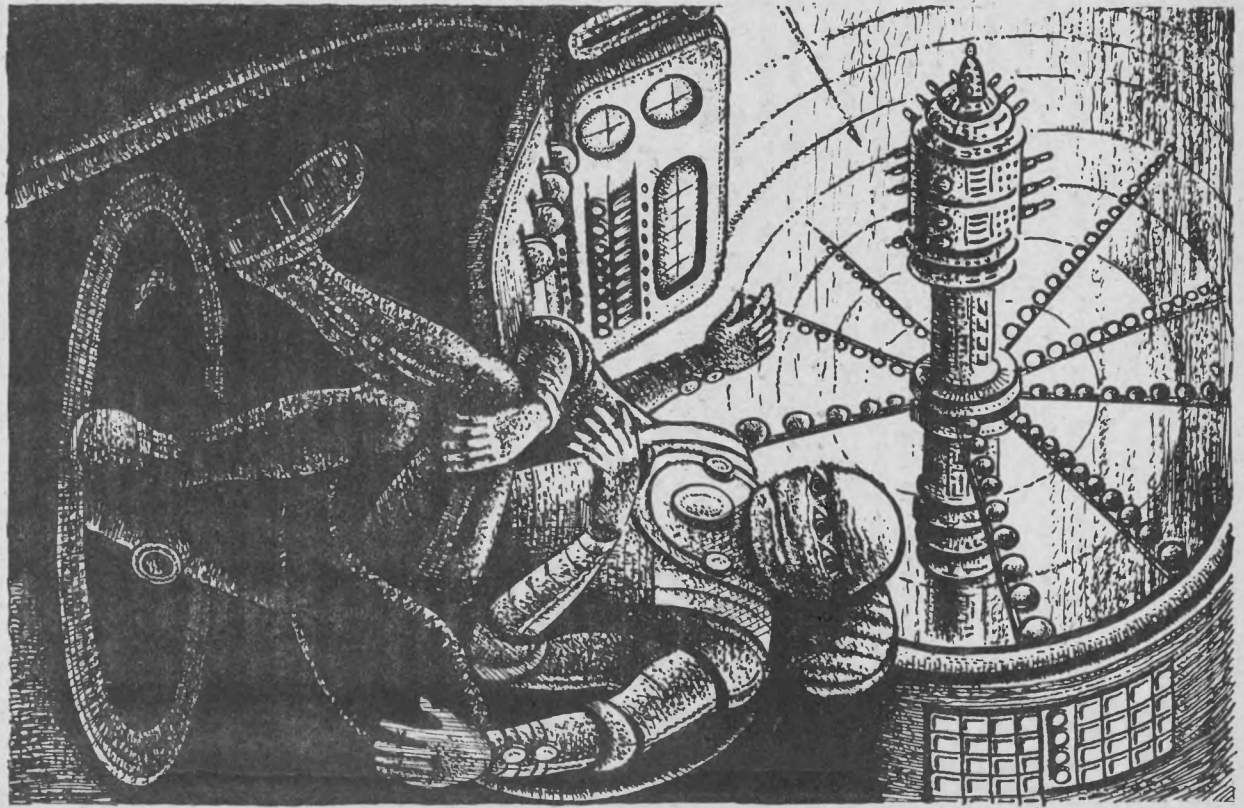
3

Перри Родан очнулся. У этих медикаментов были скверные побочные проявления их действия. Например, их действие начиналось быстро, а когда надобность в этом отпадала, очень медленно заканчивалось.

Автоматически двигая руками, Перри растегнул пояс, которым он был пристегнут к кресле во время перехода. Он, пошатываясь, поднялся на ноги и осмотрелся.

Офицеры за кольцевым пультом все еще спали. За главным пультом управления восседала могучая фигура Ихо Толота. В огромном корабле было необычно тихо. Внезапно Перри Родан вспомнил все. Они гнались за крепостью! Переход удался. Где же теперь крепость?

Он вздрогнул и посмотрел на панорамный экран. Плотный узор звезд покрывал черный фон открытого космоса. Он осознал, что не видел этой картины уже пять долгих месяцев. Важным было то, что среди тысяч звезд, казалось, не было ни одной, которая находилась бы ближе, чем в паре световых лет от них. А переход должен был закончиться поблизости от Кахало.



Где же находилась Кахало? Где была крепость?

Внезапно в темноте загремел голос Ихо Толота:

— Все это правильно, друг мой, ваше возбуждение понятно. Я сам удивляюсь, как мы здесь оказались. Я только что провел замеры. Желтая звезда находится не далее пятнадцати световых лет отсюда. Из системы этой звезды поступают рассеянные импульсы. Кажется, там идет бой. Трансмиттер почему-то выбросил нас вдали от Кахало.

Перри Родан повернулся и направился к возвышению у главного пульта управления.

— Вы знаете почему? — коротко спросил он.

— Существует ряд возможностей,— ответил халютер,— я еще только делаю выводы. Во всяком случае, нам неожиданно повезло. Нам, конечно, не улыбалось бы очутиться в эпицентре ожесточенной боевой схватки со спящим экипажем на борту.

Перри Родан был вынужден согласиться с ним. Преследуя крепость, они приняли слишком поспешное решение, и халютер тут же понял это. Если бы трансмиттер сработал как обычно, «Крест» теперь находился бы над поверхностью Кахало, в непосредственной близости от крепости, среди земных кораблей, которыми командовал Аллан Д. Меркант. Перри был благодарен за передышку, которую подарила им судьба.

Офицеры постепенно приходили в себя. Централь управления снова наполнялась движением и деятельностью. Почти непрерывно поступали сообщения о положении в других секциях гигантского корабля. Карт Рудо, уроженец Эпсала, на оружейной палубе позаботился о том, чтобы оружием «Креста» можно было воспользоваться в любое мгновение. Через сорок минут корабль снова был в полной боевой готовности. Все это время он неподвижно висел в пространстве. Бой при Кахало, энергетические следы которого можно было засечь даже на расстоянии пятнадцати световых лет, сильно обеспокоил Перри Родана. Несмотря на это, чтобы не обращать на себя внимание противника, он приказал соблюдать полную радиотишину.

Еще через сорок минут «Крест» двинулся с места. План Перри Родана, согласованный с Атланом и Ихо Толотом, был готов. Вражеская крепость из-за своих размеров представляла огромную опасность, так что ее необходимо было уничтожить. Но именно из-за ее опасности у нападавшего на нее были лишь ограниченные возможности воплотить в действительность свои намерения. Перри не думал, что ему удастся приблизиться к крепости на «Кресте» больше одного раза. Гигантский корабль быстро привлечет к себе внимание. При втором подлете он станет жертвой конвертерных пушек. Там было очень мало пространства для тактических маневров.

Пока гигантский корабль со все увеличивающейся скоростью мчался к Кахало, Перри Родан собрал совещание в своей каюте на главной палубе. Кроме арконида Атлана, в нем принимали участие мутанты Рас Чубай, Тако Какута и Гукки. Гукки все еще страдал от последствий шока, который он получил при внезапной переброске крепости от Хоррора к Твину. Однако он был готов принять участие в операции, и, когда узнал о том, что произошло, никакая сила в мире не смогла бы удержать его от этого.

Перри детально изложил свой план, и Атлан поддержал его, рассказав о природе и привычках противника. Перри не делал никакой тайны из того, что операция, которую должны провести три мутанта — это весьма отчаянное мероприятие.

— Но у нас нет другого выбора,— коротко закончил он.— И мы должны приложить все свои силы, чтобы вы все вернулись назад целыми и невредимыми.

Тем временем «Крест» в обычном пространстве, но со световой скоростью скользил к Кахало. Эффект сжатия времени сокращал продолжительность полета до двух часов. Рассеянные импульсы боя регистрировались, как и прежде. Аллан Д. Меркант не сдавался. Перри попытался представить себе положение на борту земных кораблей, которые уже в течение более чем пятнадцати часов вели непрерывные атаки.

Хотя он и знал, что радиосообщение с «Креста» поднимет боевой дух соединений флота, он до сих пор соблюдал радиотишину. Его план можно было осуществить лишь в том случае, если нападение на противника будет неожиданным. Достаточно одной небрежности, и противник заметит «Крест».

Корабль, по широкой дуге огибавший Кахало, заметил крепость над освещенной стороной планеты и перешел к нападению. Перри так же, как и Аллан Д. Меркант, знал, что позиция противника делает невозможным обстрел крепости из тяжелых орудий. Конечно, можно было частично устранить это затруднение. «Крест» нырнул вглубь атмосферы планеты и оказался под крепостью. Таким образом, действие оружия было направлено в сторону, противоположную поверхности Кахало. Промах уйдет в открытое пространство, вместо того, чтобы попасть в планету.

Когда «Крест» оказался на высоте пятнадцати километров над линией терминатора Кахало, корабли Аллана Д. Мерканта построились для новой атаки. С борта «Креста» велось наблюдение за перегруппировкой частей соединения. Корабли все еще не были готовы. Пространство вокруг Кахало было так забито энергетическими импульсами, что пеленгаторы земных кораблей, находящихся в этой каше, не могли дать точных показаний. Но даже если Мерканту и было известно о приближении «Креста», он не мог произвести маневр, чтобы в это мгновение напасть на противника.

«Крест» перешел в нападение. Он оставлял позади себя кипящий, светящийся вихрь ионизированного воздуха. На экранах, словно гигантское яйцо, сияло зеленое защитное поле крепости. В течение нескольких секунд оно вышло за края проекционных экранов. «Крест» приближался к выросшей до самого неба стене, и тот, кто до сих пор еще не сомневался в успехе этого предприятия, теперь начал колебаться.

Крепость, казалось, или не замечала приближающийся снизу корабль, или не обращала на него никакого внимания. «Крест» приблизился теперь к зеленому экрану на расстояние в триста километров и совершил поворот, который должен был привести его к краю поля. Хронометры обратного отсчета на орудийной палубе приблизились к нулевой точке. Люди, обслуживающие орудия, почти с невыносимым напряжением сидели в своих тесных креслах и смотрели на маленький экран над пультом управления, на котором распростерлось зеленое сияние вражеского защитного поля, и на циферблаты хронометров обратного отсчета.

«Крест» все еще следовал своим курсом, не вступая в бой. Светящийся шлейф ионизированного воздуха исчез, когда он вышел из верхних слоев атмосферы Кахало в безвоздушное пространство.

Перри Родан сам управлял кораблем. Часы на пульте управления были синхронизированы с часами орудийных установок. В этом нападении было важно, чтобы план во временном отношении развивался с точностью до миллисекунды. Малейшее промедление, незначительное проявление нерешительности могли вызвать катастрофические последствия.

Сбоку от главного пульта стояли мутанты Рас Чубай, Тако Какута и Гукки. На них были тяжелые защитные скафандры, оберегающие их от ядовитой атмосферы и чудовищного давления. Из-за толстых стекол шлемов на часы глядели три пары глаз. Не было произнесено ни слова. Все уже было обговорено.

Шли секунды. Казалось, световой указатель размышляет, когда же ему скользнуть на нулевую отметку. Потом белая точка на циферблате соединилась с красной. Завыли сигналы тревоги. Из орудийных люков наверху кольцевого выступа вылетели ярко светящиеся черточки антигравитационных бомб. Там, где они попали в зеленую стену вражеского защитного поля, взорвались гигантские вулканы, выплюнувшие в космос чудовищные подрагивающие энергетические разряды. На секунду показалось, что над поверхностью Кахало вспыхнуло второе солнце.

Сразу же после антигравитационного залпа «Крест» провел маневр, скользнув вплотную к зеленому защитному полю. Корабль взял курс на дневную сторону планеты. Перри Родан хотел обогнуть ее, чтобы, если это будет возможно, во второй раз атаковать крепость с другой стороны.

Антигравитационные взрывы должны были нарушить вражескую защиту. Крепость сдвинулась с места. Корабли Аллана Д. Мерканта лишь изредка обстреливали ее, когда она со все возрастающей скоростью начала удаляться от Кахало. Реакция противника была совершенно неожиданной. Враг, казалось бы, без малейшего повода отказывается от такого выгодного для него преимущества.

Когда спустя примерно десять секунд после нападения «Крест» снова вышел на стабильную орбиту, у Перри Родана появилось время осмотреться. Теперь возле пульта управления было много свободного места.

Три мутанта приступили к выполнению задания.

* * *

Соединение флота землян переформировывалось для преследования. Аллану Д. Мерканту давно уже сообщили о прибытии «Креста», и он передал командование Перри Родану. Бой был закончен. Все, что теперь оставалось, это надеяться на успех операции мутантов.

Тем временем планирующий мозг Ихо Толота выдал мотивировку страха, внезапно охватившего противника. Маакам должно быть известно действие антигравитационных бомб. Они знали, что даже их могучий зеленый защитный экран может поглотить лишь ограниченное количество попаданий. Кроме того, им было известно, что антигравитационные бомбы можно использовать с достаточной точностью лишь против неподвижной цели. Движение было единственным шансом врага избежать нового залпа антигравитационных бомб.

Объяснение казалось логичным. Кроме того, Перри Родан пришел к заключению, что противник ни в коем случае не бежал, а лишь совершает тактический маневр. Он в любую секунду может вернуться и снова напасть на преследующее его соединение. На этот раз он, конечно, будет находиться в менее благоприятном положении. Вдали от Кахало сами корабли соединения могли использовать тяжелые орудия. Одна-единственная гигатонная бомба, выпущенная из трансформорудия, ничего не может сделать с защитным полем крепости. Но события в системе Твин показали, что экран начинает сдавать, если в определенное место открывать точечный огонь из многих орудий.

Перри Родан надеялся, что боев больше не будет. Три мутанта находились на борту крепости. Если все пойдет хорошо, зеленый экран просуществует недолго, а без него противник будет довольно беспомощен.

Действия мутантов не были четко спланированы во времени.

Никто не знал, насколько легко или тяжело было находиться внутри гигантского вражеского корабля. При помощи своих способностей телепортеры, конечно, могли в течение секунды покрывать расстояние, на преодоление которого обычному человеку требовались часы.

Перри Родан рассчитывал на то, что успешного окончания предприятия можно будет ожидать через два-три часа после отбытия мутантов, а при благоприятных обстоятельствах и раньше.

Когда прошло пять часов и ничего не произошло, ему стало ясно, что мутанты, должно быть, попали в ловушку.

4

Рас Чубай ошеломленно огляделся. В первое мгновение ему показалось, что он спит. У него были довольно твердые представления о том, как должна выглядеть внутренность какого-либо корабля. Но внутренность *этого* корабля совершенно не соответствовала его представлениям.

Он убедился, что Тако Какута и Гукки прибыли целыми и невредимыми так же, как и он. Они стояли возле него и были поражены так же, как и он.

Они находились на вершине плоского холма, склоны которого со всех сторон спускались на желто-зеленую, покрытую естественными неровностями равнину. Равнина была усеяна синими образованиями странной формы. Далеко на заднем плане местность пересекали темно-синие полосы. Рас мог подумать, что это лес, если бы не их странный цвет.

Нигде не было видно никаких признаков жизни. Небо над ними было того же желто-зеленого цвета, что и равнина вокруг. У Раса появилось странное ощущение, что он плывет в безбрежном желто-зеленом море. Он закончил осмотр, повернувшись вокруг своей оси и запомнив детали ландшафта. Потом он вернулся к вещам, которые имели непосредственное значение.

При помощи приборов, размещенных в разных местах скафандра, он измерил давление и состав атмосферы. Анализатор зарегистрировал смесь аммиака, метана, водорода и гелия. И здесь были следы этана. Оптические особенности этой смеси сильно отличались от оптических особенностей земной атмосферы. При оценке расстояния это надо было принимать во внимание. Давление здесь составляло восемьдесят три атмосферы. Такое же давление было на Земле на глубине более ста пятидесяти метров.

Рас проверил свое снаряжение. Генератор кислорода работал безупречно. Маленькая атомная бомбочка, которая находилась в своеобразном кувшине, укрепленном у него на ноге, хорошо перенесла прыжок. Бластер был готов к стрельбе.

— Если ты уже насмотрелся на все это,— произнес гнусавый голос,— было бы очень мило, если бы ты объяснил нам, где мы, собственно, находимся.

Это был Гукки. Рас удивился тому, что он так долго молчал, не произнося ни слова.

— Проверьте свое снаряжение,— спокойно ответил он.

— Все в порядке,— тотчас же откликнулся Гукки.

— В порядке,— ответил Тако Какута.

— Итак, а что теперь?..— снова начал Гукки.— Я хочу...

— Лучше осмотрись,— посоветовал ему Рас,— тогда ты будешь знать столько же, сколько и я.

— Разгадка всего этого должна быть где-то здесь,— фыркнул мыше-бобер.

— Чего мы, собственно, ждем?— спросил мягкий голос Тако.— Крепость не обычный корабль, она — сооружение мааков. Их родина. Они живут не на планетах, они живут в кораблях. Этот корабль достаточно большой. Почему же им тогда не обставить его так, чтобы чувствовать себя в нем как дома?

Рас кивнул и тотчас же почувствовал, что жесты подобного рода ему лучше приберечь на будущее. Атмосфера была такой густой, что ему показалось, что он двигает шлемом, погрузившись в плотное холодное масло.

— Согласен с твоим мнением,— ответил он.— Ландшафт, который мы видим перед собой, очевидно, типичен для родного мира мааков. Я считаю, что эти синие образования являются растениями. По моему мнению...

— Кого это волнует? — прервал его Гукки.— Я за то, чтобы мы как можно быстрее нашли генераторы защитного поля, заложили бомбу и снова исчезли.

— Закрой рот,— приказал ему Рас.— Мы не имеем никакого представления, что нас ждет внутри крепости. Нет никаких оснований для спешки. Мы немного осмотримся здесь и привыкнем к миру мааков. Впоследствии это избавит нас от неприятных неожиданностей.

Они спустились с холма. Хотя встроенные антигравы защищали их от убийственного тяготения в три «g», в густой атмосфере двигаться было весьма трудно. Расу показалось, что он шагает по дну океана. Гукки жалобно предложил телепортироваться, но Рас отклонил его предложение. Было важно узнать окружающее. Они не знали, не попадут ли они в положение, когда телепортация будет невозможна, и им пригодится знание корабля.

У подножия холма их подстерегала первая неожиданность. До сих пор было похоже, что холмистая равнина тянется бесконечно далеко во всех направлениях. Ближайшее синее кустообразное растение, казалось, находится на расстоянии по меньшей мере

двух километров. Но, ступив на равнину, они поняли свою ошибку. Синий куст находился не более чем в пятидесяти метрах от них, и горизонт вдруг придвинулся пугающе близко. Из этого Рас сделал вывод, что атмосфера здесь имеет четко выраженный градиент давления. С высотой атмосферное давление быстро падало. Вследствие этого лучи света, движущиеся не параллельно почве, сильно изгибались. Лучи света, отражающиеся от предмета наискось, вверх по отношению к глазу, попадали в зрачок горизонтально и производили впечатление, что предмет находится далеко, у самого горизонта.

Растение было странным образованием. На первый взгляд оно казалось собранием синих сталагмитов, росших из почвы. Побеги были приблизительно толщиной в руку и имели круглое сечение. Они поднимались вверх метра на четыре и заканчивались острым коническим концом.

Рас с недоверием осмотрел растение. Потом перчаткой коснулся одного из побегов. Результат был поразительным. Синее образование сначала услужливо подалось под нажимком руки. Оно изогнулось и опустилось под давящим на него весом. Потом словно одумалось. Рас почувствовал, как эластичная до сих пор масса внезапно застыла. Стебель молниеносно выскочил из захвата и отшатнулся назад. Когда он, спружинив, снова устремился вперед, острый конец его нагнулся и нацелился в грудь Раса. Рас просто упал назад. Густой воздух затормозил падение, и опасное растительное копье прожужжало над ним.

Рас отполз на пару метров и ошеломленно поднялся на ноги.

— Ну так что? — пискнул Гукки.

— Оставь свои замечания,— предостерег его Рас.— На общепринятых представлениях здесь далеко не уедешь. Этот мир совершенно *иной*.

Они телепортировались в лесу, который Рас видел с вершины холма. Растения там были выше куста, который Рас только что осмотрел, и здесь было огромное разнообразие форм. Но, казалось, вся растительность этого искусственного мира имела одно общее свойство. У нее не было стволов. Отдельные побеги, отделенные друг от друга, поднимались из почвы, и только по общей реакции на внешнее воздействие можно было понять, принадлежит ли побег к этому или к другому растению. Наученный недавним происшествием, Рас взял один из блестящих камешков, которые были рассеяны повсюду, и швырнул его в чащу. Реакция была впечатляющей. Весь лес пришел в движение. Мясистые, вооруженные острыми концами растительные руки задрожали и начали хлестать, чтобы защититься от вторжения. Рас расценил это как некоторый признак разума. Синие растения были недоверчивы, они не верили в мирные намерения пришельцев.

Лес был совершенно непроходим. У Раса насчет этого уже был опыт. Гукки был другого мнения.

— Мы уже напрасно потеряли полчаса,— прогнусавил он.— Когда же мы, наконец, начнем искать генераторы защитного поля?

Рас испытующе глянул на желто-зеленое небо и всмотрелся в белый диск искусственного солнца, висящий в высоте и заливающий светом этот странный ландшафт.

— Мы используем этот край леса в качестве места встречи,— решил он.— Кто попадет в затруднительное положение, должен попытаться вернуться сюда. Чаща даст великолепное укрытие, по крайней мере, с одной стороны. Каждые два часа все мы будем появляться здесь — безразлично, найдем мы что-нибудь или нет. Таким образом мы будем поддерживать связь. Внутри космической крепости мааки, вероятно, используют что-то вроде микрома.

— Два часа!..— повторил Гукки.— Может быть, ты намереваешься осесть здесь?

— Если ты быстрее нас найдешь цель, дашь нам знать,— насмешливо произнес Рас. На языке у него было еще кое-что, но тут лес внезапно пришел в движение.

На этот раз все обстояло совершенно иначе. Теперь растения двигались не яростно, если вообще у них можно было различить проявление чувств, а мягко, со звенящим, почти мурлыкающим звуком, который, вероятно, возникал в результате структурных изменений вещества побегов. Было похоже, что растения, находящиеся в отдалении, на этот раз участвовали в движении, как тогда, когда перед ними находились три землянина. Рас заметил, что стебли наклоняются или вправо, или влево. В первоначальном хаосе появился порядок. Растения открыли проход, который шел прямо и вел далеко вглубь леса. Расу все еще был не совсем ясен смысл происходящего, как вдруг из сумрачной синевы чащи появилась странная фигура. Рас был так удивлен, что любая его реакция все равно запоздала бы. Чужак давно заметил его. Это было видно по его поведению. Он сначала остановился. Пару секунд, казалось, обдумывал, не убежать ли ему. Потом, очевидно, победило любопытство. Он снова двинулся вперед, к трем мутантам.

— Я за то, чтобы мы исчезли,— сказал Гукки.

— Слишком поздно,— ответил Рас.— И кроме того, нам может понадобиться пленный маак. Атлан утверждает, что некоторые из них говорят по-арконидски.

Теперь чужак достиг края леса. Его фигура соответствовала описанию Атлана. На коротких, сильных ногах высился тяжелый корпус. Руки, лишенные суставов, длинные, похожие на щупальца, свисали по обеим сторонам тела. Голова в форме серпообразного вздутия сидела на плечах. Оба глаза на передней ее стороне глядели холодно и, казалось, не выражали никаких чувств. Маак был одет

в светло-серую одежду, тесно облегающую тело. Она закрывала часть плеч, оставляя открытым рот, и доходила до половины могучих колонноподобных ног, на которых было что-то вроде брюк.

На такой оборот Рас, конечно, не рассчитывал. Вид чужака был так захватывающ, что он совершенно упустил из виду нечто очень важное.

Мааки в среднем были два метра двадцать сантиметров ростом. Этот же едва достигал полутора метров. Понадобилась целая секунда, чтобы Расу стало ясно, что это означает.

* * *

— Ребенок,— удивленно воскликнул он.— Ребенок мааков!

Прежде чем кто-либо успел что-нибудь ответить, маленький маак сделал несколько шагов к Расу. Движения его выглядели такими доверчивыми и безбоязненными, что это смутило Раса. Он увидел, как рот в центре плеч открылся. Блеснули светлые зубы, и юный маак спросил по-арконидски:

— Вы враги, не так ли?

Очарование мгновения, казалось, никак не затронуло Гукки.

— Он обладает разумом, не так ли? — саркастически прокомментировал он.

— Да, мы чужаки,— ответил Рас на том же языке. В шлеме его скафандра были микрофоны, а также маленький динамик. Голос маленького маака звучал громко и четко. Рас был уверен, что и его голос слышен не хуже. Чужая атмосфера весьма своеобразно передавала звук.

— Что вам здесь нужно? — спросил малыш.

— Осмотреться,— дипломатично ответил Рас.— Мы еще никогда не были на борту такого корабля.

Малыш не понял его.

— Корабль?— Левая рука его поднялась вверх и сделала своеобразное всеохватывающее движение.

— Вы считаете, что это корабль?

— Да, и если ты так не считаешь, тогда *ты* обманщик,— с насмешкой сказал Гукки на интеркоме.

— Спокойно! — прошипел Рас. Все это начало нервировать его. Ему надо было сосредоточиться на малыше, и ему не нужны были посторонние разговоры.

— Мы считаем, что это корабль,— мягко ответил он,— может быть, мы ошибаемся. Ты живешь здесь, в этой местности?

Юный маак указал рукой назад.

— Мы живем в лесу,— с готовностью ответил он.— Я уверен, что мои близкие охотно пригласят вас,— с наивностью ребенка добавил он,— когда узнают, что вы здесь.

— Может быть, нам самим посетить вас? — предложил Рас.

Малыш ничего не имел против этого.

— Конечно, все заключается в том,— объяснил он,— захочет ли Верховный жрец видеть вас. Если нет, тогда... ну, вы же знаете.

Рас нашел это интересным. Он признался, что не знает.

— Как обычно,— ответил маленький маак.— Они набросают кучи камней среди растений... и вас бросят вслед за ними.

— Это действительно дружелюбные существа,— произнес Тако. Он заговорил в первый раз.

— Тогда нам лучше пойти своим собственным путем,— ответил Рас.— Может быть, у Верховного жреца и есть что-нибудь против нас.

Складчатый рот малыша слегка скривился.

— Ты знаешь, это вполне может быть,— согласился он.— Вы выглядите совершенно иначе, чем мы.

Разум Раса лихорадочно работал. Все его внимание занимал только один вопрос: как ему не причинить вреда малышу. Если просто оставить его здесь, он расскажет своим людям, что наткнулся на трех чужаков. Мааки тотчас же устроят всеобщий поиск. По отношению к взрослому мааку он не испытывал бы никаких угрызений совести. Но перед ребенком он чувствовал себя беспомощным.

— Почему,— спросил он у маленького маака,— растения не причиняют тебе никакого вреда?

— Я им тоже ничего не делаю,— ответил малыш.— Почему же они должны мне делать что-то?

Рас вспомнил свой первый эксперимент с кустом на равнине и теперь не был уверен, дало ли ему что-нибудь это объяснение. Он охотно побеседовал бы об этом еще, но не знал, ответит ли малыш.

— Ты говоришь на языке, который мы оба понимаем,— продолжил он.— Говоришь ли ты на нем так же и со своими близкими?

Юный маак не понял, о чем идет речь.

— Ты имеешь в виду различные слова для одной и той же вещи? — осведомился он.— О да, мы используем слова, которые в данный момент приходят нам в голову. Это растение вон там?— мруук, пт'айи, клонг, хахрайт... смотря по тому, о чем я сейчас думаю.

Слова были произнесены очень тщательно. Каждое имело свою собственную тональность. Из этого Рас сделал вывод, что малыш, кроме своего собственного, владеет по крайней мере еще четырьмя языками. Арконидский язык был знаком Расу. У каких чужих рас они выучили остальные?

— Теперь мы тебя понимаем,— сказал африканец,— было очень интересно побеседовать с тобой.

— Да,— подтвердил малыш с детской самоуверенностью.—

Мне тоже. Может быть, с вашей стороны будет разумнее не посещать моих близких. У меня почти нет предубеждений. А у Верховного жреца они есть. Он в первое же мгновение испугается вас и примет неверное решение. А вы действительно непохожи на нас.

Рас отдал Тако и Гукки короткую команду на английском. Они поняли. Малыш хотел обрушить на них очередной поток слов. Рас закрыл глаза и телепортировался.

Болтовня малыша мгновенно оборвалась.

* * *

Обстановка помещения, в котором они оказались, была совершенно чужой. Но после поразительного зрелища искусственного ландшафта с его синими растениями она казалась прямо-таки родной. Это было нечто вроде склада запасных частей. Здесь прямыми рядами стояли стеллажи, шкафы, кресла для сидения, пульты управления и гигантские экраны. Вдоль потолка тянулись две линии люминесцентных ламп, которые испускали такой же белый свет, как и искусственное солнце над равниной. Помещение было около пятидесяти метров в длину и тридцати в ширину. Стены были около пяти метров высотой. Состав воздуха здесь был примерно таким же, как и там, где они только что были; гравитация тоже не изменилась. Самым удивительным было изменение температуры. На лесистой равнине Рас замерил сто четыре градуса по Цельсию. Здесь же было только десять. Он не мог этого объяснить. Если это была температура, которую мааки считали приемлемой, тогда было неясно, почему эта температура не распространялась по всему кораблю.

Он удостоверился, что в огромном помещении нет ни одного маака. Только когда он убедился в этом, он осмелился воспользоваться внутришлемной связью.

— Это произошло совершенно неожиданно,— сказал он.— Малыш...

— ...через несколько минут натравит на нас весь корабль,— сразу же вмешался Гукки. Мыше-бобер стоял, равнодушно облокотившись на один из пультов. Казалось, он был рассержен.

— Я не так уж в этом уверен,— вмешался Тако.— Представьте себе: малыш где-нибудь на Земле бежит к своим родителям и рассказывает, что он встретил пару чужаков, а после того, как он с ними поговорил, они растворились в ничто.

— Именно об этом я и подумал,— согласился Рас.— Мы можем только надеяться, что логика родителей-землян не отличается от логики родителей-мааков. Малыш показался мне довольно разумным. Может быть, его близкие поверят ему. А может быть, и нет. Мы это скоро узнаем.

Гукки ничего больше не сказал. Рас начал развивать свой план. Самым важным было узнать, где они, собственно, находятся. До сих пор они знали только, что они находятся внутри крепости. Вполне логично было предположить, что важнейшие приборы и механизмы гигантского корабля находятся внутри втулки и расположены недалеко от того места, в котором из втулки выступает десять спиц, образуя странное колесо с шарами. Любой конструктор в Галактике поместил бы их там, а Атлан вспомнил, что логика мааков не слишком отличается от логики других галактических рас.

Процедура ориентации, даже для телепортера — довольно трудный процесс. При помощи своих способностей телепортер может определить место, которого он никогда до этого не видел. Все, что ему требуется для этого — это координаты цели относительно исходной точки прыжка. При прыжке с «Креста» целью была крепость. Прыжок этот был удачен. Теперь нужно было установить, где они находятся внутри крепости.

Рас телепортировался на пятьдесят километров дальше по плоскости, параллельной полу помещения со стеллажами и приборами. Он был вполне уверен, что таким образом попадет из корабля в пустое пространство, и его предположение оказалось верным. Он находился во тьме космоса, примерно в двадцати километрах над шарами, находящимися на спицах корабля, и примерно в сорока семи километрах от пятнадцатикилометровой толщины стенки ступицы. Далеко впереди виднелось размытое туманное свечение. Это было защитное поле. Оно выглядело отсюда иначе, чем снаружи. Рас запомнил то, что он увидел, и вернулся обратно к своим спутникам.

— Мы находимся в двадцати-двадцати пяти километрах внутри кольца спиц,— сказал он.— Теперь мы можем попытаться исследовать окружающее пространство. После каждого прыжка мы будем возвращаться назад. Уровень леса отпадает. Вероятно, малыш все еще находится там. Никто не должен исчезать из этого помещения более чем на четверть часа — если только ему не будет грозить опасность. Понятно?

Не последовало никаких возражений. Даже Гукки, который никогда не упускал возможности высказать свое мнение, стоял молча. Они прыгнули друг за другом: сначала мыше-бобер, потом Тако и наконец сам Рас.

Рас сконцентрировался и, закрыв глаза, мысленно оттолкнулся. Правая рука судорожно сжала рукоятку бластера. На долю секунды серый туман закрыл поле зрения, потом сцена снова прояснилась. Рас оказался в длинном широком коридоре. Сначала он убедился, что вокруг пусто. Потом начал изучать окружающее пространство.

Ширина коридора была примерно восемь метров. В четырех

метрах от каждой стены, точно в центре, вдоль коридора тянулась светящаяся лента, излучающая яркий бело-голубой свет. Рас не видел никаких других источников света, но обнаружил, что эта лента, кроме освещения, выполняет и другую функцию. Он направился к светящейся ленте и почувствовал, как пол под ним пришел в движение. Прежде чем Рас пришел в себя от удивления, он уже был протащен пару метров вдоль коридора. Он поспешно отскочил и был рад снова ощутить под ногами твердый пол. Светящаяся лента была одновременно освещением и транспортером. Технология, позволившая изобрести такую комбинацию, была целесообразной.

Теперь он стал держаться подальше от ленты, потому что не знал, куда она занесет его, и пошел по коридору пешком. Стены его были гладкими, лишенными швов и стыков. Рас нигде не видел никаких приборов, которые были обычны в коридорах земных кораблей. И он не встретил ни одного живого существа. Казалось, эта часть крепости была совершенно пуста.

Он искал двери. Но нигде не видел ни одной. Рас провел вытянутыми пальцами по стене сверху вниз, но прошло некоторое время, прежде чем эта процедура увенчалась успехом. Он хотел уже отказаться от нее, но тут перед ним внезапно открылась щель, которая быстро расширилась и превратилась в отверстие трехметровой высоты и двухметровой ширины. За ним находилось помещение довольно внушительных размеров, пустое и темное.

Рас начал верить в свою гипотезу. Эта часть крепости действительно была покинутой. Он шагнул в помещение и обнаружил на полу слабые следы пыли. Он подумал, что через эту дверь никто не входил в помещение в течение по крайней мере двух-трех земных дней — если считать, что система кондиционирования воздуха мааков работала с такой же производительностью, как и земная. Это было странно. Атлан, впервые увидев крепость мааков в полную величину, предположил, что это корабль поколений. Раса мааков больше не жила на планетах. Малыш там, внизу, на лесном уровне, подтвердил теорию Атлана. Он вместе со своими родственниками жил в лесу, как он сам сказал. Сколько же поколений мааков жили таким образом? Тем удивительнее было то, что часть уровня была эвакуирована. Уменьшилось число мааков? Или раса, вследствие неестественного образа жизни, начала вымирать? Или война так уменьшила количество населения, что жилые помещения крепости больше не использовались?

Рас этого не знал. Проблема была интересной, и множество людей в земном флоте провели бы не один год, решая ее. Но у Раса не было времени беспокоиться об этом. В этой части крепости он не найдет того, что ищет. Он телепортировался обратно, к месту встречи.

Гукки и Тако вернулись раньше него. Гукки оказался посреди

машинного зала, в котором царила оживленная деятельность, и тотчас же вернулся обратно. Эти машины, несомненно, не были генераторами, и зал этот был совсем не там, где Рас мог бы заложить бомбу. Тако телепортировался с несколько меньшим возбуждением. Его прыжок привел его в ту часть корабля, которая была так же пуста и покинута, как и та, в которой оказался Рас. Тако нашел больше дверей, чем Рас, и он осмотрел три различных помещения. Все три были одинаковыми. Освещение было выключено, а на полу скопилась пыль. Тако тоже не нашел этому никакого объяснения.

Рас решил, что они должны телепортироваться только в том направлении, куда телепортировался Гукки. Оно было наиболее перспективным. Его успокаивало то, что внутри крепости, как и прежде, было тихо. Итак, их вторжение все еще не было замечено. Или малыш все еще не вернулся к своим родственникам, или они ему не поверили. Поэтому мутанты не стали спешить.

Теперь все они прыгнули в одном направлении, но Рас определил для каждого разное расстояние, чтобы они не материализовывались по двое в одном и том же месте. Гукки получил задание прыгнуть еще на километр вперед в обнаруженный им машинный зал. Тако Какута должен был телепортироваться на два километра дальше Гукки, а сам Рас намеревался продвинуться на два километра дальше, чем Тако.

Сразу же после прыжка Рас понял, что на этот раз ему повезло больше. Он оказался в довольно неудобном положении в тесной темной штольне, в которой бушевала буря, пронизанная желтоватым чадом. Но он почувствовал сильную вибрацию мощных машин, находящихся где-то поблизости. Штольня была настолько узка, что он едва мог в нее протиснуться. Ураган дул ему навстречу. Перед ним накапливался мутный воздух, пытаясь оттеснить его назад. Он отталкивался коленями, и каждый сантиметр стоил ему таких же усилий, как десятиминутная ходьба на Земле.

Ураган, как установил Рас, дул снизу. И по мере приближения вибрация становилась все сильнее. Внешние микрофоны доносили глухой грохот и удары. Наконец он увидел впереди нечто вроде решетки. Перед ней он остановился. Затем протянул руку, но едва она миновала край решетки, как он ощутил снизу сильный удар, и руку подбросило вверх. Он понял, что материализовался в вентиляционной шахте. О более благоприятном месте не мог и мечтать. Через решетку он мог заглянуть далеко вниз, и пока он оставался в шахте, ни один маак не мог неожиданно появиться у него на пути.

Он с некоторыми усилиями перебрался на другую сторону решетки. Что за механизмы могли использовать мааки, чтобы засасывать воздух в шахту? Они были намного более производительными, чем самые мощные насосы землян.

На другой стороне условия были гораздо лучше. Буря здесь была не такой сильной. Рас старался не высовывать голову слишком далеко за край решетки. Сила ветра тут была вполне достаточной, чтобы сломать ему шею.

Под собой, на глубине около сорока метров, он увидел длинные ряды огромных незнакомых машин. Стены зала находились вне поля зрения. Он видел площадь примерно в шесть тысяч квадратных метров. По интенсивности вибрации можно было понять, что помещение там, внизу, должно было быть намного больше.

Машины были ему совершенно не знакомы. Он не видел никаких движущихся частей. Все было скрыто под расположенными ровными рядами кожухами из серого материала, похожего на металл. Кожухи были похожи друг на друга как две капли воды, и все это напомнило Расу Чубаю старый полигон, на котором солдаты рядами выстроили грузовики одного и того же типа. При небольшой фантазии эти машины действительно можно было принять за закованные в металл грузовики.

Нигде не было видно ни одного живого существа. Желтоватый чад, который Рас видел в вентиляционной шахте, казалось, поднимался от машин, и в воздухе зала висела тонкая туманная дымка. Расу пришло в голову, что этот желтоватый газ мог быть для мааков ядовитым, и поэтому машины там, внизу, работали полностью автоматически. Что это могут быть за машины, которые вырабатывают ядовитый газ и гремят как древние токарные станки? Рас был уверен, что среди продуктов технологии мааков, которые он видел до сих пор, не было ничего, напоминающего эти машины.

Это значило, что он не нашел того, что искал. Генераторы, производящие зеленое защитное поле, он сразу же узнал бы. Но его одолело любопытство. Он хотел знать, для чего служат эти машины. Он подумал, не стоит ли ему телепортироваться вниз и посмотреть на эти установки вблизи.

Тут к стуку и грохоту примешался новый своеобразный звук. Казалось, кто-то тяжелым пестом ударил в гигантский гонг. Низкое гудение за долю секунды поднялось до вызывающей боль громкости, которая, казалось, заставляла череп резонировать. Перед глазами у него все поплыло. Потом гул стих, но спустя три или четыре секунды появился снова. Рас выключил внешние микрофоны, опасаясь, что его барабанные перепонки могут лопнуть. Он не имел никакого представления, что означает этот новый звук. Звук казался ему угрожающим. Может быть, он возникал при выстрелах вражеских орудий или при попадании в защитное поле?

В машинном зале внезапно возникло движение. Рас осторожно отодвинулся от края решетки и посмотрел наискось вниз. Колонна тяжело вооруженных, одетых в скафандры мааков двигалась в проходах между машинами.

Тревога!..

Была только одна-единственная причина, по которой группа вооруженных мааков могла по сигналу тревоги обыскивать машинный зал.

Присутствие трех мутантов было обнаружено. «Малыш,— сердито подумал Рас.— Значит, кое-кто ему поверил».

Он должен вернуться назад. Может быть, Гукки или Тако находятся в опасности. Он не знал точно, чего ему ждать от группы внизу, в зале. Почему мааки пришли именно сюда. Невозможно представить, что они знают о том, что он находится здесь. Эта мысль обеспокоила Раса, но он отбросил ее побыстрее. Вероятно, они обыскивают всю крепость.

Он закрыл глаза и прыгнул обратно, на склад запасных частей. Первое, что он увидел, был Тако Какута, стоявший перед ним неестественно прямо и смотревший на него огромными пустыми глазами. Рас обернулся. Позади себя наискосок он увидел бесформенную фигуру маака и бросился в сторону, под прикрытие одного из стоявших здесь механизмов, который теперь оказался между ним и его противником.

Его реакция запоздала. В прыжке его охватила волна жгучей боли, и он мгновенно потерял сознание.

5

Крепость не отказалась от боя. Перри Родану и его офицерам это вскоре стало ясно. Хотя сам космический гигант не вступал в бой, но в течение тридцати—сорока минут на пеленгационном экране «Креста» неожиданно появлялись быстрые крохотные отражения, с огромной скоростью мчащиеся к кораблям земного флота. Отражения эти порождали маленькие продолговатые космические корабли, которых на борту крепости, казалось, были сотни. Они пронеслись сквозь ряды земных кораблей и выстрелили своими фантомными спиралями по защитным экранам шарообразных земных крейсеров. Земляне в свою очередь дали по ним залп из трансформорудий, и им, как обычно, удалось выбить из этой стаи один-два продолговатых кораблика.

Вражеские корабли исчезли так же быстро, как и появились. Единственным намерением противника, очевидно, было внести замешательство в ряды землян. Родан был убежден, что это всего лишь разведывательный маневр. Если замешательство будет достаточно сильным, крепость атакует сама.

Он был обеспокоен. С момента отправки мутантов прошло уже восемь часов, но все еще ничего не произошло. Теперь крепость изменила свой курс и огибала систему Орбон за орбитой внешней

планеты. Земные корабли следовали за ней. Родан отказался от любого нападения на крепость, чтобы не навредить мутантам.

Атлан сидел возле него за пультом управления. Они обсуждали планы своих следующих шагов, когда им сообщили о новой группе продолговатых корабликов. Игра повторилась. Кораблики пронеслись сквозь соединение, повредили один крейсер среднего класса и сами понесли потери. Было уничтожено два кораблика. Потом они вернулись в крепость.

Атлан смотрел, как на пеленгационном экране постепенно гаснут точки отражений.

— Мне хотелось бы знать вот что,— пробурчал он.— Они покидают крепость все вместе. Мне кажется, что мааки держат их в огромных ангарах. Но как они ухитряются действовать с такой слаженностью?

Перри ничего не ответил ему. Были другие вещи, которые занимали его намного больше. Только много позже ему стало известно, что вопрос Атлана касался феномена, который играл важную роль в развитии этих событий.

* * *

Рас медленно приходил в себя. Он чувствовал себя, как пьяный. Все вокруг него расплывалось. Предметы двоились. Он мог двигаться, но когда он делал это поспешно, ему становилось дурно.

Он закрыл глаза, потом снова открыл их, но размытость окружающего не исчезла. Он понял, что мааки специально сделали с ним что-то, чтобы он оставался в этом состоянии. Память его работала безупречно. Он хорошо помнил, что произошло.

Он попытался сориентироваться. Серые тени на заднем плане были стенами помещения, в котором он находился. Помещение было прямоугольным, как осознал Рас, около пяти метров в длину и трех — в ширину. Потолок состоял из одной светящейся панели, излучающей яркий белый свет. Он лежал на чем-то вроде постели, а вокруг постели стояли ряды приборов. Все это было похоже на операционный зал.

Поблизости, казалось, не было никого: ни мааков, ни Гукки, ни Тако. Рас медленно поднялся. Когда он двигался осторожно, ему было не так уж и плохо. Его скафандр, казалось, был совершенно цел. Но тут ему в голову пришла новая мысль. Он поспешно схватился за бедро. Коробочка с бомбой исчезла.

От шока он почти потерял сознание. Без бомбы вся эта головоломная операция не стоила и ломаного гроша. Мааки должны были немедленно исследовать коробочку с бомбой и понять ее назначение. Только небу было известно, куда они унесли бомбу.

Рас медленно соскользнул с кровати на пол. Он осторожно сделал пару шагов и отметил, что дурнота постепенно проходит. Однако картина перед его глазами продолжала расплываться. Он пошел вдоль стены и попытался сориентироваться. В одном месте он обнаружил контуры двери. Он попробовал открыть ее обычным образом, но дверь была заперта и не поддалась. В этом помещении не было никакой мебели, кроме кровати и приборов, установленных вокруг нее.

Наконец он вернулся назад к постели и присел на ее край. Он постарался навести порядок в своих перепутанных мыслях. Итак, мааки взяли его в плен. Это, казалось, было единственным, что он мог установить наверняка. Как они это сделали, ему было совершенно не ясно. То, что они подняли тревогу после рассказа малыша, было совершенно понятно. Но откуда они узнали, что вторгшихся чужаков можно поймать именно на складе запасных частей? Непонятно.

Неясно было также, что стало с Тако и Гукки. Рас вспомнил, что он видел Тако, когда материализовался после последнего прыжка. Вероятно, его тоже схватили. Но что стало с Гукки?

Было ясно, что мааки оставили своих пленников в живых потому, что хотели допросить их. С другой стороны, они должны рассчитывать на то, что члены тайного отряда вторжения, которые каждую секунду должны быть готовыми к тому, что потерпят неудачу своей миссии, не будут обладать новейшей и секретнейшей информацией. Кроме того, мааки сейчас были по уши заняты защитой крепости от нападения земных кораблей. Рас был убежден, что пройдет много времени, прежде чем кто-либо придет сюда, чтобы позаботиться о нем.

Пока что руки у него были свободны. Он должен позаботиться о трех вещах. Во-первых, о том, как вернуть себе бомбу. Пока она находится в руках у противника, у него нет возможности выполнить задание. Во-вторых, он должен найти Тако и Гукки и освободить их, если они попали в плен. В-третьих, он должен установить бомбу в зале с генераторами зеленого защитного поля, чтобы уничтожить последнее. Только после этого у трех мутантов появится возможность снова вернуться на борт их собственного корабля.

Все три пункта были одинаково трудновыполнимы. Тем временем Рас понял, что значит находиться в одном из помещений внутри космического корабля двухсоткилометровой длины. Перри Родану казалось, что все обстоит значительно проще. Они много слышали, но мало знали. Только оказавшись здесь, можно было понять, что скрывается за всем этим.

Несмотря на это, Рас решил немедленно приняться за дело. У него не было никакого определенного плана. Он должен устано-

вить, в каком месте внутри крепости он находится. Может быть, ему удастся вернуться на склад запасных частей. Это было очень опасно, но, может быть, Гукки спрятался где-нибудь там. Если он будет предельно внимателен, он сможет прыгнуть обратно в том случае, если маак все еще находится там.

Он закрыл глаза и сконцентрировался на предстоящем прыжке. И в это время он сделал самое неприятное свое открытие: он утратил свою способность к телепортации.

* * *

Внезапно ему стало все ясно.

Мааки знали о способностях, которыми обладали три мутанта. Они знали о пси-способностях — или по опыту других рас, или потому, что сами обладали ими. И не только это. У них были средства, при помощи которых они блокировали эти способности у других, делая их одновременно небоеспособными.

Вероятно, решил Рас, они также обладали способностью объективно отличать мутантов от других существ, не обладающих такими способностями. Великолепным объяснением того, что они так быстро вышли на склад запасных частей, было, например, то, что у них были приборы, при помощи которых они могли проследить прыжки телепортеров и определить их исходный и конечный пункты.

То, что обнаружил Рас, проливало новый свет на сложившуюся ситуацию. Размытость перед его глазами, должно быть, возникла от того, что мааки отключили пси-зону его сознания. Он должен узнать, что это было за влияние. Может быть, он сможет найти его источник и освободиться. Было ясно, что он не сможет спастись, если не сделает этого.

Сначала он изучил приборы вокруг кровати. Он ощупал их и прослушал. Ни один из них, казалось, не действовал, но, когда речь идет о чужой технике, никогда ничего не известно наверняка. Рас установил, что приборы были сделаны из довольно легкого металлопластика. Он опрокинул пару из них и начал топтать, пока они не помялись и не распались на отдельные части. Размытость перед его глазами не уменьшилась — этого не произошло даже тогда, когда он опрокинул все приборы и, как смог, разбил их.

Итак, это было не то. Влияние на него оказывалось из другого помещения, или это был наркотик, которым его напичкали.

Он снова попытался воспользоваться своими пси-способностями. Закрыв глаза, он заблокировал поток мыслей, пока не загнал себя в тесную капсулу, отделенную от остальной Вселенной. Не было больше ничего, что могло бы ему помешать. Он был один в мире, который не знал ни звуков, ни изображений, ни мыслей.

Никаких мыслей, кроме одной: я хочу *туда!*

Его разум прокрутил эту мысль во второй раз, потом в третий... и так далее, пока темнота, казалось, не стала колебаться в ритме импульсов его мозга. Он почувствовал, как хлынул поток энергии, раздвигая стенки капсулы, в которой, как казалось Расу, он был подвешен. Он знал, что с таким количеством энергии он может прыгнуть до самых границ своих возможностей, если бы ему не мешало чужое влияние и зеленый защитный экран.

Он достиг той точки, когда накопленная энергия начала причинять ему боль и мешать ритму мыслей. Он освободился от нее — но не ото всей сразу, потому что иначе поток ее уничтожил бы его — а по частям, маленькими порциями, как это необходимо делать при прыжке. И внезапно он кое-что почувствовал.

Он не мог прыгнуть туда, куда хотел. Но другое направление было для него открыто. Он обнаружил застывшую оболочку вокруг своей капсулы после того, как взорвал эту капсулу, но в оболочке была дыра.

Он вернулся к действительности и подумал, стоит ли ему идти этим путем. На первый взгляд, он нашел выход из ловушки. Потом он спросил себя, что надеялись выиграть мааки, устраивая эту ловушку. Казалось невероятным, что они взяли его в плен, дав ему крошечную возможность освободиться, только для того, чтобы потом снова его поймать.

Конечно, ему были неизвестны основы логики мааков. Но по логике любых мыслящих существ создание такой ловушки было чистой бессмыслицей.

Следовательно, это была не ловушка. Это был недосмотр — ошибка, вкравшаяся в расчеты противника. Рас решил воспользоваться этим выходом. Он снова сконцентрировался на прыжке. Хотя подготовка и была тщательной и длительной, он обратил внимание на то, что часть его обычного сознания осталась активной. Он решил тотчас же вернуться, если у цели обнаружит грозящую ему опасность.

Потом он прыгнул.

Он, казалось, необычно долго падал в черную шахту. Потом он достиг цели и в следующее мгновение пожалел, что совершил этот прыжок.

* * *

До известного мгновения судьба Гукки ничем не отличалась от судьбы Раса Чубая и если уж на то пошло, то и Тако Какуты. Вернувшись после своего второго прыжка, он попал прямо под дуло маакского шокера и долю секунды спустя потерял сознание.

Но с этого мгновения его судьба изменилась. Когда Гукки снова пришел в себя, он обнаружил, что пристегнут к ложу и на нем нет скафандра. Сначала он испугался, но потом увидел, что ему не о чем беспокоиться, потому что он был все еще жив. Воздух, которым он дышал, имел странный запах, но легкие воспринимали его без особых сложностей. Вокруг ложа стояли шесть бесформенных фигур, и Гукки понял и оценил заботу, которую проявили по отношению к нему, когда заметил, что чужаки были в скафандрах. Их огромные глаза смотрели через стекла наростоподобных шлемов. Видимо, мааки решили основательно изучить своих пленников. Для этого они создали в одном из помещений кислородную атмосферу, а сами надели скафандры, чтобы защититься от ядовитого для них воздуха. Гукки отнюдь не радовался своему положению, но его разум реагировал на неприятные неожиданности иначе, чем разум людей. Он нашел развитие событий интересным и был совершенно убежден, что сможет улизнуть, когда это будет необходимо.

Мааки разговаривали друг с другом при помощи внутришлемной связи. Гукки не слышал звуков, но он воспринимал их бормочущие мысли. Сначала чуждый образ мышления мааков был ему непонятен, но, напрягшись, он постепенно начал понимать, что означают их импульсы мыслей.

— ...так отличается от двух других,— подумал один из мааков.— Абсолютно никакого сходства. Вероятно, это какое-то неразумное существо.

Возле ложа стояла пара приборов. Гукки почувствовал желание телекинетически поднять один из этих приборов и стукнуть им маака, сделавшего о нем такое оскорбительное замечание. Но он совладал с собой. Пока они считают его неразумным, он многое сможет узнать.

— Это не имеет никакого смысла,— запротестовал другой маак.— Зачем им понадобилось тащить с собой на такую, как эта, операцию неразумное существо?

— Не может быть и речи о том, что они тащили его,— вмешался третий.— Животное может телепортироваться, как и двое других. Вероятно, оно выдрессировано для выполнения определенных операций.

— Мы должны узнать, что это за операции,— вставил первый маак.

— Анализ психики,— подумали два мозга одновременно.

— Хорошо. Подготовь его. Двое из нас останутся здесь и не будут спускать глаз с животного.

— Не стоит ли нам воспользоваться запирающим полем?— прозвучала мысль.

— Это излишне,— решил первый маак.— Это создание, вероятно, действует только по прямому приказу, и ему даже в голову

не придет мысль телепортироваться самостоятельно. Кроме того, нельзя больше отвлекать ни один проектор катапультирующего поля. Все они приготовлены для наступления. До генерального нападения на врага нам нельзя терять больше ни одного корабля. И нам нужны все проекторы.

Гукки смог повернуть голову, чтобы увидеть, как первый маак покинул помещение. Трое оставшихся занялись приборами, стоящими вокруг ложа. Временами то один, то другой из них покидал помещение через тот же шлюз, которым воспользовался первый маак. Возвращаясь, каждый из них приносил с собой новый прибор, который ставил к уже имеющимся и подсоединял его. Два маака неподвижно стояли по обеим сторонам ложа, не спуская взгляда с Гукки.

Под влиянием нелестного мнения, сложившегося о нем у мааков, он вертел головой во все стороны и наконец обнаружил свой скафандр, который мааки оставили в углу. Он подумал о том, сколько времени могут занять приготовления мааков. Он ни в коем случае не должен позволять подвергать себя проверке. Импульсы подсознания мозга разумного существа сильно отличаются от импульсов мозга неразумного существа. Мааки тотчас же поймут, с кем они имеют дело. Он должен исчезнуть отсюда прежде, чем они наложат на него электроды или воспользуются чем-нибудь другим.

Ему нужно было время, чтобы надеть скафандр. Мааки не будут стоять и безучастно смотреть, как он встает с ложа. Он должен придумать очень действенный способ отвлечь их внимание. Он ломал себе голову над тем, как ему перехватить необходимый импульс мысли.

— ...не совсем уверен. Я считаю, что он тоже должен быть заперт катапультирующим полем, даже если он всего лишь животное.

— Все уже решено,— ответил другой.— Два генератора уже использованы, чтобы сковать действия двух других чужаков. Это все, что мы могли сделать.

— Но этот, в отличие от других пленников, находится в самом опасном месте. Другие находятся где-то далеко внизу. Даже если они освободятся, им потребуется время, чтобы найти путь сюда. Что, если бомба, которую мы отобрали у одного из них, испускает какое-то излучение, связанное с этим животным? Ему нужно только по-настоящему осмотреться, и оно тут же...

— Хватит! — раздраженно воскликнул второй маак.— Как может животное само надеть скафандр? Если даже оно сможет это сделать — мы не спускаем с него глаз! Занимайся своим делом и успокойся.

Затем, за исключением расплывчатых импульсов, которые Гукки не смог понять, воцарилась тишина. То, что он узнал, было невероятно важно. Итак, они забрали бомбу у Раса. Рас и Тако были

взяты в плен, и их способность телепортироваться была блокирована, они находились в катапультирующем поле. Гукки не знал, что означает этот термин. Но, в любом случае, бомба должна находиться поблизости. Но не в этом помещении, иначе замечания о скафандре не потребовалось бы.

Он снова осмотрелся и обнаружил прибор, стоявший вплотную у его ложа и напоминавший излучатель света искусственного горного солнца. Вогнутое металлическое зеркало этого прибора было укреплено на штанге высотой метра в два. Вверху штанга заканчивалась довольно острым концом. Гукки в голову пришла идея.

Он сконцентрировал свои телекинетические способности на штанге. Прибор поднялся с пола, некоторое время повисел в воздухе, а потом с грохотом упал, когда Гукки отпустил его. Буря удивленных мыслей, обрушившихся на него, была почти болезненной.

— Что это было?

— Животное!

— Нет, оно лежало неподвижно!

— Но ведь...— Гукки не понял этого слова.— Упало!

— Это может означать, что...

Кому-то в голову пришла правильная догадка. Это был кульминационный пункт. Прибор горного солнца снова поднялся и отлетел к противоположной стороне. Повиснув в воздухе, он изменил свое положение таким образом, что двухметровая штанга оказалась параллельной полу. Мааки отпрянули к двери шлюза. Мысли их были неидентифицируемой смесью страха и удивления.

Гукки привел штангу в движение. Мощная сила его пси-мозга разогнала ее на этом коротком расстоянии до скорости снаряда, выпущенного из катапульты. Словно обладая собственным разумом, штанга острым концом ударила одного из мааков в чувствительное место — складчатую выпуклость между плечами и головой.

Успех превзошел ожидания Гукки. Мааки были вне себя.

— Мой скафандр поврежден! — завопил раненый.

— Осторожно! Отступаем назад. Возможно...

— Эвакуируемся! — крикнул третий маак.— Нужно как можно быстрее убраться отсюда!

— Стойте! — прозвучал суровый приказ.— Один из вас отнесет...— имя было непонятно,— наружу. Все остальные останутся здесь. Во всем происшедшем виновато это животное. Но мы не должны причинять ему вреда.

Гнев захлестнул Гукки. Когда дверь шлюза открылась и маак вывел своего товарища в поврежденном скафандре, он сконцентрировал все свое внимание на том, кто отдал приказ. Тот подошел к ложу, а остальные в это время испуганно ждали возле двери. Гукки позволил ему приблизиться на два-три шага. Затем он выпустил все еще висящий в воздухе прибор горного солнца из телекинети-

ческого захвата. Лампа с грохотом упала на пол. Маак испуганно повернулся.

Тут Гукки телекинетически схватил его и поднял вверх. Барахтаясь, размахивая руками и ногами, маак поднялся к потолку. Мысли его было невозможно понять. Лишь одна только мысль повторялась через короткие промежутки времени: «катапультирующее поле». Два других маака, не шевелясь, застыли от страха. Гукки мощным толчком отправил висящего под потолком маака на пол. Удар был так силен, что маак тут же потерял сознание. Гукки заметил это по тому, что поток истерических мыслей внезапно прервался.

Для двух других мааков это было уже слишком. Они повернулись и помчались через шлюз, словно за ними гнались фурии. Гукки остался один. Он поспешно спрыгнул с койки и надел скафандр. Затем прочитал показания важнейших приборов и увидел, что скафандр все еще был цел. Даже маленький бластер находился на месте. Вероятно, мааки сочли, что он носил его в качестве запасного оружия для одного из своих спутников. Он запомнил детали этого помещения. Потом прыгнул, как он думал, на расстояние более ста метров. Пока он не ориентировался, было благоразумнее оставаться поблизости от своей тюрьмы. Через некоторое время до него донеслись крики испуганных мааков.

Он находился на широком спуске, образующем переход с одной палубы гигантского корабля на другую. Спуск был около ста метров длиной, и разница между его верхним и нижним концами составляла метров пятнадцать. Гукки опустился возле стены. Прямо перед ним находилась светящаяся лента, служащая здесь в качестве транспортного средства. Метрах в двадцати от него, на противоположном краю спуска, пол круто уходил вниз. Снизу доносились звуки, однако верхняя часть спуска казалась пустой. Гукки поднялся на пару шагов вверх и заглянул в коридор, который выходил на спуск. Далеко на заднем плане двигалась пара мааков. Они не заметили его.

Он присел в углу, образованном полом и стеной, и сконцентрировался на воображаемой точке, находящейся недалеко от его тюрьмы, но не в коридоре. Когда ему показалось, что он прицелился достаточно точно, он прыгнул.

Разочарование было почти болезненным. Мааки отреагировали быстрее, чем он ожидал. Помещение, в котором он теперь находился, буквально кишело ими. У Гукки не было времени осматриваться. Мааки тотчас же заметили его. Четверо из них бросились вперед, пытаясь его схватить. Он проворно отскочил, и, прежде чем щупальцеобразные руки вытянулись полностью, их обладатели против своей воли поднялись с пола и повисли в воздухе. Через внешние микрофоны донеслись их яростные, резкие крики, когда их вдруг

швырнуло на первый ряд других мааков, и весь боевой отряд покатился по полу клубком из рук, ног и массивных тел. Гукки не удовлетворился этим. Он телекинетически подхватил этот клубок и размазал его по полу до противоположной стены. Четыре из семи мааков остались лежать неподвижно. Остальных Гукки поднял еще раз и снова бросил на пол. После этого он успокоился.

Единственной мебелью в этом помещении были два низких широких стола, какие используются для демонстрации ценных экспонатов. На одном из них лежали два бластера, аккуратно положенные друг возле друга, словно мааки только что осмотрели их. Гукки взял оружие. На втором столе одиноко лежал похожий на кувшин футляр с бомбой. Мыше-бобер поспешно повесил его себе на пояс. Не заботясь о потерявших сознание, а возможно, и раненых мааках, он исчез, сделав гигантский прыжок, который перенес его более чем на два километра от этого опасного места. Он оказался в огромном куполообразном зале, в котором от подобия гигантской арены к краю купола поднимались ряды скамей. Сначала он испугался, оказавшись на одной из скамей, и чуть было не потерял равновесие. Потом увидел, что зал был совершенно пуст, и успокоился.

Он предположил, что мааки использовали этот зал для особых мероприятий и что он довольно долгое время будет здесь в безопасности. Кроме того, у него тут был великолепный обзор. Если мааки захотят схватить его, им придется пройти через двери. Слабые контуры этих дверей, хорошо видимые в ярком свете, лившемся с купола от искусственного солнца, находились на стенах зала. Сам он находился почти посредине между ареной и стеной, и, так как зал был около восьмисот метров в диаметре, до ближайшей двери отсюда было добрых двести метров.

Он стал думать, что ему делать дальше.

У него зародилась слабая догадка о том, где могли находиться Тако и Рас. Он счел бессмысленным искать их. Лучше ему самому отнести бомбу в нужное место и положиться на ее действие, которое уничтожит механизмы, препятствующие их прыжкам. Оба они должны будут сразу же заметить, что путь перед ними свободен.

Гукки счел свой план достаточно искусным. Ему понадобилась лишь пара минут отдыха, потом он взялся за работу.

Он обнаружил, что может сделать все необходимые вычисления без посторонней помощи, и уже готов был принять решение, как вдруг, почти одновременно, произошли две удивительные вещи.

Во-первых, словно по команде открылись все двери гигантского зала, и через них вторгся огромный отряд тяжеловооруженных мааков.

Во-вторых, когда Гукки готов был уже прыгнуть, заквакал микроком. Мааки не обратили внимания на этот прибор. Он, как и прежде, был засунут в карман скафандра.

Гукки вытащил серую коробочку и включил прием. Почти мгновенно раздался голос Раса:

— Мне нужна помощь и немедленно. Тот, кто слышит меня, должен немедленно прийти на помощь. Общее направление...

Гукки прислушался, наблюдая за мааками. Когда их первые ряды оказались метрах в сорока от него, Рас закончил описание. Сразу же после этого крохотная фигурка растворилась на глазах у противника.

6

Мальстрем потащил его за собой, грозя раздавить. Вокруг было темно. Он не имел никакого представления о том, где находится. Было ясно только то, что он должен немедленно убраться отсюда, если хочет остаться в живых.

Сначала его охватил страх. Только почувствовав, что пока не происходит ничего плохого, он стал размышлять.

То, против чего он боролся, очевидно, было влиянием какого-то механизма. Он попал сюда случайно — мааки не заметили, что в стене клетки, в которой он находился, было отверстие. В результате подчинившего его влияния у него оставался открытым только один-единственный путь для прыжка. Другими словами: это должно было быть нечто вроде поля, воздействующего на пси-область его мозга.

Он не чувствовал своего тела. И не знал, стоит он, сидит или лежит. В эти минуты, казавшиеся ему вечностью, существовал только его дух. Разум искал отправную точку, которая помогла бы понять положение, в котором он оказался. Но давление непрерывно росло, приближаясь к точке, когда никакой разум не мог больше искать впотьмах.

Он попытался расслабиться. В это мгновение перемалывающая боль скачкообразно усилилась. Он вернулся в состояние наивысшей концентрации и почувствовал облегчение, когда боль утихла. Но одновременно в голову ему пришла идея. Во время всех этих неудачных попыток у него появилось странное чувство, словно пришедшее издалека. Ему показалось, что он знает, что это было. Может быть, ему удастся использовать это «нечто», но он должен повторить попытку, что и сделал.

Секунда за секундой он все больше ослаблял бег своих мыслей. Боль мгновенно усилилась. В какое-то мгновение его до сих пор ясный разум затмило мешаниной расплывчатых, бессистемных импульсов мыслей. Рас понял опасность. Еще пара секунд — и он сойдет с ума. Он больше не мог отступать. У него больше не было сил упорядочивать мысли.

Внезапно снова появилось прежнее ощущение. Оно исходило оттуда, что Рас небезосновательно считал низом. Остатками разума он пытался понять, что это значит... и внезапно понял.

Болела правая нога! Спустя полвечности душевных мучений он в первый раз ощутил свое тело. Он попытался пошевелить ногой. Разум его был затуманен на три четверти, но бессознательные импульсы, которыми мозг приводил в движение мышцы, возникали сами собой. Нога двигалась. Рас чувствовал, что ее ступня во что-то упирается.

Потребовалось всего лишь одно это движение, и боль внезапно отступила. Давление исчезло. Теперь он мог мыслить ясно. Он открыл глаза и увидел, что вокруг него все еще темно. Откуда-то доносилось громкое гудение. Это был сигнал тревоги его скафандра. Что-то было не в порядке. Он вспотел при мысли, что в скафандре образовался разрыв.

Он выпрямился, потянулся, и что-то подалось. Что-то треснуло и щелкнуло. Внезапно вверху появился желто-красный свет. Гудение сигнала тревоги стало громче. Он должен выбраться отсюда, иначе все усилия будут напрасны.

Рас рванулся вперед, к свету. Ударился обо что-то твердое, что с треском подалось и освободило ему дорогу. Шлем скафандра лизнул язык пламени и ослепил Раса.

Когда зрение к нему снова вернулось, все уже было кончено. Он стоял в гигантском зале, полном машин. Сам он только что был заключен в одну из этих машин. Она находилась позади него, часть ее металлической обшивки была разорвана и оплавлена, и из рваного отверстия вырывались дым и пламя.

Рас не знал, как он это сделал. Но в данное мгновение это было неважно. Важным было то, что он узнал этот зал. Это было то, что он видел незадолго до своего пленения через зарешеченное отверстие вентиляционной шахты.

Позади него останки машины, из которой Рас только что выбрался, с лязгом и грохотом превращались в груду обломков. Рас задумчиво вглядывался в серый дым, который поднимался отвесно вверх и смешивался с желтым маревом. Он не знал функций этой машины. Однако не было никакого сомнения, что она излучала что-то, влияющее на деятельность пси-отдела его мозга. Он был неспособен телепортироваться, пока находился в зоне действия этой машины. Мааки знали об этом эффекте и использовали его, чтобы связать мутантов более действенно, нежели при помощи наркотиков или каких-нибудь других средств. Но они просмотрели одно. Для телепортера был открыт путь *в машину*. Ему повезло, что его тут же не перемололо внутри этого аппарата. Это и решило все дело. Присутствие чужого тела нарушило функционирование машины. Энергия, которая раньше полностью рассеивалась, теперь скопилась

внутри механизма и разогрела его. Расу повезло во второй раз. Вместо того, чтобы убить его, смертоносный жар дал ему возможность бежать, расплавив кожух. Его скафандр без повреждений вынес эту нагрузку.

Он осмотрелся и нигде не нашел и следов мааков, которые, как он видел, обшаривали зал. Вероятно, они ушли, думая, что он надежно пленен. Он спросил себя, обнаружили ли они бегство, или нет. Потом он почувствовал, насколько события прошедших минут утомили его, и присел на пол недалеко от дымящейся кучи обломков.

Положение казалось безнадежным. Чем дальше он раздумывал об этом, тем яснее ему становилось, что разумному человеку в такой ситуации не остается ничего иного, как сдаться на милость мааков. Он предпринял неуверенную попытку телепортироваться из зала. Но это ему не удалось. Хотя он больше не находился под непосредственным воздействием машины, но созданное ею поле все еще было достаточно сильным, чтобы нейтрализовать его пси-способности.

Если он хочет убраться отсюда, ему придется воспользоваться ногами.

Он рассеянно нащупал в кармане скафандра микроком, который мааки почему-то не забрали у него — почему, он не имел никакого понятия. Он подумал о том, кого ему вызвать: Тако или Гукки. Вероятно, оба они находятся в плену и не в состоянии помочь ему. Однако было бы полезно поговорить с ними. Может быть, они слышали, видели или узнали что-то, чем он мог бы воспользоваться. С другой стороны, он должен считаться с тем, что мааки могут перехватить их разговор и обратить внимание на его бегство.

Он еще не принял никакого решения, когда случилось нечто, что заставило его прервать размышления. Сквозь хлопки и треск машин он внезапно услышал новый звук. Он был похож на топот стада слонов.

Рас поднял взгляд и обнаружил светло-серый ряд приближающихся мааков, находящийся через ряд машин от него.

Он поспешно отступил под прикрытие ближайшей машины. Рас не знал, пришли ли мааки сюда из-за него, или нет. Может быть, они засекли выход из строя машины и хотели узнать, что здесь произошло.

Потом он увидел, как они обошли кучу обломков с двух сторон и направились в его сторону. Он еще глубже вжался в свое укрытие и включил микроком. Не ожидая автоматического подтверждения связи, он крикнул:

— Мне нужна помощь, и немедленно. Тот, кто меня слышит, должен немедленно прийти...

* * *

Сначала Гукки показалось, что его прыжок не удался. Но он не стал задумываться над этим. События влекли его за собой. Прямо перед ним двигался длинный, плотный ряд мааков, одетых в бесформенные скафандры. Повсюду находились странные, покрытые обтекаемыми кожухами аппараты, расположенные рядами, один за другим. Это, должно быть, были машины, издающие стучащие, громыхающие звуки.

Мааки повернулись к нему спинами. Было нетрудно догадаться, что они охотятся за Расом, Рас позвал на помощь. Где же ему удалось укрыться?

Гукки переключил связь скафандра на самый малый радиус действия и тихо спросил:

— Рас... ты здесь?

Тотчас же раздался ответ:

— Мааки окружили меня. Ты их видишь?

Гукки их видел! Они двигались от него, и их намерения подтверждало то, что ни один из них до сих пор так и не обернулся.

— Еще кое-что,— услышал он голос Раса.— Ты не можешь прыгнуть отсюда. Машины не дадут тебе этого сделать. Так что не приближайся!

— Спасибо,— прошептал Гукки и бросил недоверчивый взгляд на машины.

— Теперь они переформировываются,— продолжал Рас.— Вероятно, через пару секунд они нападут. Если у тебя нет оружия, удирай отсюда...

— Помолчи, дружище! — сердито прошептал Гукки.— Я пришел не с пустыми руками.

Рас больше ничего не сказал. Теперь мааки исчезли из поля зрения Гукки, и он сделал попытку телепортироваться. Но это ему не удалось. Рас был прав. Машины излучали что-то, что парализовало его способности телепортера. Он отстегнул бомбу с пояса и положил ее на пол перед собой. Он телекинетически секунду подержал ее на месте, затем она покатилась и ударилась о станину одной из машин. Гукки был удовлетворен. Он все еще владел телекинезом. Затем он подобрал бомбу и снова спрятал ее в сосуд на поясе...

Тут он услышал чей-то крик. Это, должно быть, был Рас, потому что крик донесся из внутришлемного динамика. Сквозь грохот машин он услышал тяжелое, натужное дыхание, и слабый голос произнес:

— Шоковый излучатель... быстрее!

Гукки понял. Машины для мааков были важнее. Они не могли использовать тяжелое оружие. Шокеры были менее опасными, чем бластеры или даже дезинтеграторы. Но это зависело от того,

на какую мощность они были установлены. Гукки старался оставаться в укрытии, подкрадываясь к маакам, окружившим Раса.

У него не было никакого плана. Он даже сомневался в том, что возможно было одолеть тридцать мааков, и чем дальше он пробирался, тем яснее ему становилось, что дело принимает скверный оборот. Несмотря на это, он продолжал двигаться дальше. Сознание того, что он впутался в безнадежное предприятие, вызывало у него гнев. Гнев придал ему дополнительную решимость, и, когда он наконец забрался на широкую станину одной из машин и увидел метрах в четырех впереди от себя маака, лежавшего у основания другого агрегата, он выстрелил без всякого колебания.

Гукки прополз мимо еще одного ряда машин и обнаружил двух других мааков, которые с поднятым оружием ждали, когда Рас покинет укрытие.

Гукки прикончил первого. Второй бросился плашмя на пол и стал бесцельно стрелять из излучателя. Гукки отпрянул назад, но это ему не помогло. Поднявшийся дым и крики о помощи третьего маака всполошили остальной отряд. Мааки отвернулись от своей первоначальной жертвы и сконцентрировали внимание на Гукки. Мыше-бобер вывел из строя трех из них. Но этим он только усилил решимость остальных. Выстрел из шокового излучателя попал Гукки в плечо, и он был вынужден взять бластер в другую руку, потому что правая рука внезапно перестала ему повиноваться.

Перед лицом превосходящих сил он в конце концов начал отступать. Он как можно быстрее постарался оставить между собой и преследователями три-четыре ряда машин. Каждый раз, когда он пересекал открытое пространство, позади него свистели залпы шокеров. Однако в него больше не попадали, и, когда он наконец увидел с безопасного расстояния преследователя, он поднял его вверх метров на десять и уронил на металлический кожух одной из машин.

После этого мааки стали осторожнее. Гукки больше не видел ни одного из них, и только через некоторое время, когда в него выстрелили сзади, он обнаружил, что его тоже окружили, как Раса несколькими минутами раньше.

Он сунул бластер в кобуру и осмотрел машину, перед которой стоял. Когда пси-часть его мозга достаточно четко восприняла гладкие, обтекаемые очертания, он попытался сдвинуть этот агретат. Он сконцентрировал на нем все свое внимание, на некоторое время совершенно забыл о мааках. Словно зная об этом, они приблизились, и Гукки получил попадание из шокера в левую ногу. Он откатился в сторону, не спуская глаз с машины. Напряжение затуманило его взор. Иногда ему казалось, что машина начинает двигаться. Но упрямое сопротивление мертвого металла оставалось. Он начал сомневаться, сможет ли вообще сдвинуть с места эту тум-

бу. За это время кольцо мааков вокруг него сомкнулось еще теснее. Если ему в течение ближайших секунд не удастся отвлечь их внимание, он погибнет.

Потом внезапно, толчком, словно его мозг что-то сломал в ней, машина поддалась. С треском и скрежетом она сползла с фундамента и проползла некоторое расстояние по полу, прежде чем подняться вверх. Языки пламени ударили из оборванных кабелей, поднялся густой дым. Гукки повернулся на бок, чтобы не упустить машину из виду. Теперь, когда она больше не была на полу, ничто не мешало Гукки направить ее туда, где в своих убежищах скрывались мааки. Гукки поднял ее еще на пару метров и ослабил телекинетический захват. Влекомый чудовищной силой тяжести огромный металлический блок, словно бомба, рухнул вниз. Он с грохотом ударил в один из рядов машин. Куски металла и части машин швырнуло вверх, и фонтаны обломков захлестнули все в радиусе более чем ста метров от места удара.

Гукки вжался в свое укрытие. Осколок металла более чем метровой длины вонзился в пол перед самым его носом и теперь торчал там, раскаленный и потрескивающий.

В течение минуты в зале звучал грохот быстро следующих друг за другом взрывов. Когда град обломков наконец прекратился, Гукки отважился выглянуть из своего укрытия и осмотреться. Тут и там в чаду были видны желто-красные вспышки пламени. Не было видно и следа мааков.

Из дыма появилась шатающаяся фигура Раса Чубая.

— Все в порядке? — спокойным голосом спросил он.

— Насколько я могу чувствовать, да,— ответил Гукки.— А где мааки?

— Разбежались. Они побежали со всех ног, когда машина поднялась вверх.

Гукки был поражен.

— Просто так?

— Просто так. Они побежали, словно за ними гнался сам дьявол.

— Гм,— хмыкнул Гукки.

Они некоторое время помолчали.

— Я все время думаю вот о чем,— снова начал Рас.— Эти машины, должно быть, очень важны для мааков. Они бежали только потому, что не хотели, чтобы мы причинили этим машинам еще больший вред. Мне очень хотелось бы знать, что это за машины.

— Как ты попал сюда? — спросил Гукки, отклоняясь от темы.— Я думал, они заперли вас обоих.

Рас в нескольких словах сообщил ему о последних событиях. Гукки был необычно малчалив — даже после того, как Рас закончил свой рассказ. Он связал рассказанное Расом с тем, что он сам

узнал о мааках, и в общую картину внезапно добавились новые подробности. Хорошее настроение вновь вернулось к нему. Теперь он больше не блуждал в потемках. Он улыбнулся Расу сквозь стекло шлема, обнажив свой широкий зуб.

— Я знаю больше, чем ты, землянин! — усмехнулся он Расу.— Машины производят так называемое катапультирующее поле. Я не имею ни малейшего представления, зачем оно нужно. Но в любом случае это должно быть транспортирующее поле, подобное тому, что используется в трансмиттерах. Если мне не изменяет память, меня учили, что пси-часть мозга телепортера производит поле той же структуры. Мааки, по-видимому, умеют связать поле машин с полем пси-части мозга таким образом, что возникает интерференция и телепортер не может больше использовать свою способность. Они только упустили из виду... но это ты уже знаешь.

Он махнул рукой.

— И не только это,— продолжил Рас его монолог.— Машины, кроме всего прочего, в состоянии проецировать произведенное ими поле. Помещение, в котором меня заперли, должно находиться по меньшей мере в пяти километрах отсюда...

— Я слышал, как они говорили,— прервал его Гукки,— что они поместили вас глубоко в недрах корабля.

— Именно. Итак, машины являются генераторами и проекторами одновременно. Спрашивается только...

Он прервал свое предложение посреди фразы и вопросительно посмотрел на Гукки.

— Они называют их катапультирующими полями, так?

— Мысль была не особенно четкой. Импульс гласил: нечто, что может выталкивать другое нечто, меньшее, с высокой скоростью, но не так быстро, как из орудий.

— Великолепно! — воодушевленно воскликнул Рас.— У тебя есть бомба? Дай ее сюда!

Гукки отстегнул футляр от пояса. Протянув его Расу, он пробурчал:

— Я нахожу бомбу, которую ты теряешь... в корабле, который слишком велик, чтобы пересечь его пешком даже за неделю... примерно с пятью тысячами различных помещений и всем, что в них находится. Мне хотелось бы...

— Каждый знает, что ты гений,— насмешливо заметил Рас.— Тебе, наверно, уже действует на нервы, когда ты это слышишь.

Он вытащил бомбу из футляра и нажал на крохотный выключатель, выступающий из донца цилиндра. Затем осторожно, с задумчивым видом, поместил бомбу у основания машины, которая уцелела под дождем обломков при серии взрывов. Потом отступил назад.

— Этим ты мало что можешь сделать с зеленым защитным экра-

ном,— заметил Гукки.— Здесь нет генераторов защитного поля.

— Я это знаю,— ответил Рас, не сводя взгляда с бомбы.— Но то, что здесь произойдет, понравится маакам еще меньше, чем внезапное исчезновение защитного экрана,— он повернулся к Гукки.— Внимание! Бомба сработает через пятнадцать минут! До этого времени мы должны исчезнуть отсюда. Мы не можем прыгнуть, так что должны идти пешком. Мааки не перестанут охотиться на нас. Я уверен, что они окружили зал, чтобы схватить нас, как только мы появимся. Если мы будем предусмотрительны, нам, может быть, удастся найти место, откуда мы можем прыгнуть, прежде чем мааки схватят нас. Встретимся на лесном уровне, там, где мы встретили молодого маака, ясно?

Гукки был согласен. Он не знал планов Раса, но мог понять, почему тот хотел исчезнуть отсюда. Они повернулись к ближайшей стене зала и побежали как можно быстрее. Менее чем через четверть часа бомба взорвется и вызовет цепную реакцию, которая сначала охватит машины в зале, потом окружающие помещения и наконец всю гигантскую крепость. Где-то там будут уничтожены генераторы защитного поля, а потом придет время вернуться на «Крест».

А пока им не оставалось ничего другого, как ждать.

Они прошли по залу без всяких происшествий. До вздымающейся вверх стены было еще около сотни метров, когда Гукки заметил возле себя молниеносное движение. Он инстинктивно отскочил в сторону и в падении выхватил оба бластера. Однако, прежде чем он успел выстрелить, в динамике его шлема раздался громкий голос:

— Не стрелять!

Гукки осмотрелся. В трех метрах перед ним стояла приземистая фигура в скафандре той же модели, что носил Рас. Гукки встал. Это был Тако Какута.

— Когда вы не побеспокоились обо мне,— быстро произнес он,— мне самому пришлось прийти к вам.

— Ради всего святого, как *ты* попал сюда? — спросил Гукки, шепелявя от возбуждения.

История Тако была отнюдь не сенсационной. Его взяли в плен так же, как Раса и Гукки, поместив в маленькое помещение одного. Так же, как и Рас, он пытался освободиться при помощи телепортации, но обнаружил, что пси-часть его мозга больше не функционирует должным образом. Он тоже обнаружил отверстие в катапультирующем поле, через которое мог бы вырваться из помещения, но эта попытка показалась ему слишком рискованной. *Он стал* ждать. Наконец внезапно чужое влияние полностью исчезло. Это произошло тогда, когда Гукки своими храбрыми действиями разрушил ряд машин и мааки ударились в паническое бегство. Один из

разрушенных генераторов, очевидно, производил катапультирующее поле, удерживающее Какуту. Тем временем Тако охватило любопытство. Он захотел увидеть место, откуда исходило это странное влияние. Он засек направление, расстояние и телепортировался. Это было все.

Рас в нескольких словах описал японцу то, что с ними произошло. Сам Тако больше ничего сообщить не мог. С тех пор, как Рас видел его стоящим, словно кукла, на складе запасных частей, тот больше не видел ни одного маака.

Они остановились возле одной из дверей, ведущих из зала, Рас осмотрелся.

— Я думаю, открыть ее будет нетрудно,— сказал он.— Но держу пари, что снаружи нас ждут мааки. Дым немного поможет нам. Под его прикрытием мы успеем сделать три или четыре шага, прежде чем они смогут достаточно ясно увидеть нас, чтобы стрелять. Этого должно хватить. Три шага по ту сторону двери достаточно сильно ослабят влияние полей генераторов, и у нас не будет больше помех. Как только это произойдет, мы прыгнем. Место встречи — лесной уровень!

Он не стал ждать ответа, подошел к стыку, где сходились, заходя друг в друга, две массивные створки двери, и прижал обе ладони к светло-серому пластметаллу, подняв их как можно выше.

Дверь тотчас же отреагировала. Стык разошелся, превратившись в щель. Рас глубоко вдохнул воздух и выскочил наружу.

7

Прошло более пятнадцати часов с момента отбытия мутантов, и Перри Родан давно уже потерял надежду на успех этого предприятия, наблюдая с «Креста» за странными событиями, разыгрывающимися за зеленым защитным экраном гигантской космической крепости. По своему прошлому опыту он знал, что это защитное поле было совершенно непроницаемо. Однако теперь в телескоп были видны вспышки света, которые, несомненно, возникали за силовым полем. Одновременно пеленгаторы регистрировали большое количество коротких энергетических разрядов, следовавших друг за другом через неравные промежутки времени.

Перри Родану не надо было ждать оценки позитроники, чтобы понять значение всего этого. На борту крепости произошел ряд мощных взрывов. Пока не было никаких признаков действия атомной бомбы, которая находилась у Раса Чубая. Но Перри Родан ни на секунду не сомневался, что три мутанта начали действовать.

В нем вспыхнула новая надежда. Все шло совсем не так, как он ожидал. Но телерепортеры, казалось, снова взялись за дело.

Минутой позже произошла новая неожиданность. Крепость опять выпустила из себя группку жезлообразных кораблей, которые устремились на сближение с кораблями земного флота. На этот раз там было всего лишь около двадцати штук против ста, из которых состояла первая группа.

Кроме того, эти корабли не появились на пеленгационных экранах. Они исчезли один за другим.

Перри Родан вспомнил вопрос, который Атлан задал семь часов назад, и он больше не показался ему второстепенным.

* * *

Прорыв чуть было не стоил им головы. Мааки оказались искусными тактиками. Как только гигантская дверь распахнулась, они открыли огонь. Теперь они не обращали внимания ни на что. Промахи больше не могли повредить драгоценные машины. Первое, что увидел Рас, выпрыгнув из-под защиты вырывающегося наружу дыма, был бледно-зеленый луч, ударивший в пол возле него, и покрытие пола мгновенно превратилось в дым. Рас отскочил в сторону, выхватил бластер и, не целясь, выстрелил туда, откуда велся огонь.

Он услышал ругань Тако и проклятия Гукки. Затем увидел яркие вспышки залпа их бластеров. Затем попытался уклониться от пляшущего в дыму зеленого энергетического луча.

Он сконцентрировался на предстоящем прыжке и обнаружил, что поля генераторов почти не мешают ему. Понадобился лишь слабый толчок — и внезапно дым, шум, выстрелы из оружия и вспышки лучей остались где-то далеко позади него.

Со вздохом облегчения он увидел знакомое окружение. Прямо перед ним находилась чаща, из которой появился молодой маак. Спокойная, широкая равнина была залита ярким светом искусственного солнца. Не было слышно ни звука.

Гукки и Тако появились почти одновременно. На правом плече скафандра Гукки было черное пятно ожога. Потом они опустились на землю на краю чащи и стали решать, что им делать дальше.

Тако предложил подождать, пока цепная реакция от взрыва бомбы не достигнет генераторов зеленого защитного поля и не уничтожит его. Ни Рас, ни Гукки не согласились с этим.

— Мааки могли проследить наши прыжки,— сказал Рас.— Но, вероятно, у них будет забот невпроворот, когда они обнаружат, что мы заложили в их гнездо бомбу. Хотя вполне возможно, что их так много, что парочка из них, вполне вероятно, сидит у пеленгаторов и следит за тем, где мы находимся. Думаю, самое большее через четверть часа они появятся здесь, чтобы отыскать нас.

Гукки в голову пришла сумасшедшая идея. Он предложил найти поселение, в котором жил молодой маак, и взять его в плен вместе с другими жителями деревни. С пленными в качестве заложников он предложит маакам дать им возможность уйти отсюда.

— Мы не знаем их образа мышления,— ответил Рас.— При таких обстоятельствах они могут вообще не обратить внимания на жизнь тридцати или сорока своих товарищей и нападут, как только увидят нас. Я не верю, что они выпустят нас просто так. Нет, я предлагаю...

Он начал излагать свой план.

Сначала план его показался сумасшедшим и невыполнимым. Но чем дальше они продумывали его, тем им становилось яснее, что у них нет другого выбора. Это не делало план менее отважным, но помогло понять, что в их положении не стоит быть слишком разборчивым. Должна была быть использована любая тактика, у которой были шансы на успех.

— Ну хорошо,— решил Рас, убедив их,— мы снова начнем поиски. Я убежден, что генераторы применяются именно для того, на что я указывал. Так как машины постоянно работают, я предполагаю, что множество соединений жезлообразных кораблей мааков находится в непрерывном движении. Наша единственная задача заключается в том, чтобы найти место, откуда они стартуют. Если нам это удастся и мааки нас не схватят, остальное будет детской забавой.

Тако посмотрел на него, и на его круглом, дружелюбном лице появилась печальная улыбка.

— Итак, мы сами загнали себя в сквернейшее положение. Как только бомба уничтожит все генераторы, мы...

— Верно,— прервал его Рас.— Я думаю, цепной реакции с момента взрыва потребуется часа два, чтобы уничтожить все генераторы. Это значит, что самое большее через час мы должны быть на месте, чтобы получить свой шанс.

Гукки вскочил.

— Чего же мы ждем? — воскликнул он резким, возбужденным голосом.

* * *

Рас прикрыл глаза, потом снова открыл их. Картина осталась прежней. Он, должно быть, ошибся в выборе направления.

Он поднял руку и посмотрел на датчик на запястье. Красная точка дрожала в центре шкалы. Все было ясно. Где-то поблизости вырабатывалось рассеянное силовое поле, такое же, какое производили двигатели космического корабля.

Рас удивленно осмотрелся. Он стоял на вершине одного из плоских холмов в центре бесконечно огромного открытого пространства. Почва здесь была того же желто-зеленого цвета, как и на лесном уровне. Однако растительность здесь была гуще. Большая часть склонов этого и других холмов была покрыта сплошным лесом, а ущелья между холмами были заполнены растениями всех видов. Высоко в зеленом небе белым шаром висело яркое солнце. Казалось, что холмистая местность где-то вдалеке переходит в горную цепь. Расу показалось, что он находится на чужой планете, куда его неожиданно забросило. Но он хорошо сознавал, что они находятся на борту гигантского космического корабля, и все это совсем не то, чем кажется.

Минут пять назад он, Тако и Гукки разделились, потому что их приборы не показывали однозначных результатов. Арконидская бомба, которую они поместили в зале генераторов, тем временем должна была взорваться на полную мощность, и ее излучение отразилось бы на показаниях чувствительных приборов. Каждый из телепортеров должен был направиться в свою сторону, а сам Рас оказался в холмистой местности. Его приборы показали, что она наполнена энергетическими полями. Что же касается его самого — он не мог понять, откуда взялись здесь эти поля, и ему казалось сомнительным, что он здесь что-либо обнаружит. Он искал ангары, из которых стартовали жезлообразные корабли. Но эта местность была совсем не похожа на ангар, и его приборы тоже подтверждали это.

Внезапно возле него появился Тако Какута.

— Там, где я был, нет ничего,— произнес он.— А что здесь?

Рас молча указал рукой.

— Посмотри сам. И не забывай смотреть на показания приборов.

Тако посмотрел на шкалы и удивленно присвистнул. Прежде, чем он успел что-нибудь сказать, материализовался Гукки.

— Эй! — крикнул он.— Здесь, кажется, по-настоящему удобно!

— Как у тебя дела? — спросил Рас.

— Ложные показания. Повсюду одно и то же. Везде рассеянное излучение. И здесь...

Он не стал ждать ответа, просто посмотрел на свои приборы.

— Ну,— прошептал он,— мы это сделали!

— Конечно,— насмешливо ответил Тако.— Мааки построили корабельные ангары, похожие на мирный холмистый ландшафт.

Гукки молчал.

— Вообще-то, они это могли,— задумчиво произнес Рас.

— Могли *что?*

— Мы не знаем образа их мышления,— объяснил Рас.— Им не нужны шлюзы ангаров, потому что у них есть катапультирующее

поле. Нет оснований предполагать, что ангар мааков имеет какое-то сходство с ангаром на борту одного из земных кораблей. Показания приборов довольно однозначны. Мы просто должны преодолеть наши предубеждения и продолжить поиски; это все, Гукки...

Он замолк. Гукки больше не было рядом с ним. Через пару секунд он появился снова.

— Все в порядке,— сказал он.— Ближайший жезлообразный корабль находится там, в той стороне.

Он вытянутой рукой указал на поросший лесом склон ближайшего холма.

* * *

Гукки оказался прав. По ту сторону поросшего лесом холма местность прорезала широкая, глубокая выемка. В этой выемке находился жезлоообразный корабль километровой длины и ста метров в диаметре. Его черная блестящая обшивка придавала ему таинственный и угрожающий вид.

Три мутанта стояли на поляне вблизи вершины холма. Склон перед ними сначала полого, потом все более круто спускался к выемке. Обшивка корабля была совершенно гладкой, и на ней не было никаких выпуклостей. Нигде не видно было ни одного маака.

— Я не доверяю всему этому,— сказал Гукки.— Уж слишком все спокойно. Вероятно, на борту корабля никого нет. Только небу известно, сколько времени нам придется ждать, пока эта штука стартует.

— Посмотри еще раз на свои приборы,— посоветовал ему Рас.— Показания их достаточно ясны, не так ли?

Гукки не склонен был считать этот довод решающим. Он был за то, чтобы немедленно отправиться на борт корабля и посмотреть, как там обстоят дела. Рас удержал его. Хотя время поджимало, но, прежде чем отважиться на подобный прыжок, нужно было сделать пару важных вещей. Они все вместе короткими прыжками направились вдоль края выемки, пытаясь найти место, где показания приборов были наиболее интенсивными. Таким образом они могли засечь приблизительное местоположение корабельных двигателей. Это было важно, потому что двигательная установка могла порождать помехи, которые погасят их пси-способности. Так что нужно будет избегать окрестностей машинного отделения, когда они попадут на борт. Их разведывательная вылазка прошла не без трудностей. Во-первых, они должны были стараться остаться вне поля зрения мааков, которые, возможно, наблюдали за окружающим изнутри корабля. Во-вторых, им надо было остерегаться растений, которые яростно реагировали на каждое их дви-

жение. Несколько раз Рас думал о молодом мааке, которого они встретили на лесном уровне. Растения расступались перед ним в стороны, освобождая путь. Между странной синей растительностью и мааками, казалось, было что-то вроде соглашения. Чужаков, напротив, растения старались прикончить как можно быстрее, словно знали, что они являются врагами их друзей-мааков.

«Может быть,— подумал Рас,— они действительно это знают».

В конце концов телепортеры снова вернулись на то же место, с которого они впервые увидели жезлообразный корабль. Сценарий не изменился. В пятидесяти километрах отсюда бушевал неудержимо разрастающийся атомный пожар, но здесь, внизу, пока что ничего не было заметно.

Теперь они знали, где находится машинное отделение корабля и что корабль этот готов к старту. Об этом недвусмысленно свидетельствовали показания приборов. А пока телепортерам надо было найти безопасное место на борту этого корабля и быть уверенными, что он стартует прежде, чем атомный пожар доберется до генераторов катапультирующего поля и уничтожит их. Потому что ни один из мутантов не мог представить себе, как жезлообразный корабль покинет гигантское помещение с искусственными холмами без помощи катапультирующего поля.

Рас уже хотел отдать приказ прыгать, когда произошло нечто, что мгновенно разрушило все их планы.

Точно так же, как несколько часов назад на лесном уровне, переплетение растений внезапно раздалось в стороны, окружив поляну и проделав проход, через который можно было почти беспрепятственно заглянуть в глубину выемки. Единственным препятствием для этого были могучие массивные фигуры пятерых мааков, которые внезапно появились перед телепортерами на этом конце прохода, метрах в десяти от них, и в их намерениях нельзя было сомневаться. Потому что в своих шестипалых руках они держали оружие со спиральными стволами, которые были направлены на троих чужаков.

— Проклятье! — простонал Гукки.

Рас секунду колебался, и этого было достаточно, чтобы положение кардинально изменилось. Тако внезапно вскрикнул и неподвижно застыл на земле. Гукки подскочил, словно стрела из лука, взвился вверх, потом упал. С беспомощно болтающимися руками и ногами он откатился на метр и остался лежать неподвижно.

Рас бросился в сторону. Оружие мааков не издавало звуков, и выстрелы из него были невидимыми. На поляне не было никакого укрытия, а в глубь растительности он проникнуть не осмеливался. Он вскочил, пробежал пару шагов и снова упал, лихорадочно пытаясь прицелиться из бластера. Затем еще раз прыгнул в сторону, чтобы не быть для мааков великолепной мишенью. На долю се-

кунды он вынужден был отпустить оружие, чтобы обеими руками принять удар при падении. При этом он вывихнул сустав левой руки, когда его ладонь соскользнула с круглого камня величиной с кулак.

В его голове мелькнула отчаянная мысль. Почти инстинктивно он схватил камень другой рукой и швырнул его в мааков. У него не было времени прицелиться. Камень пролетел возле головы одного из мааков и исчез в гуще синих растений.

То, что произошло потом, было так невероятно, что Рас все еще не мог поверить, когда все это закончилось.

Какое бы соглашение ни заключили растения с мааками, камень нарушил все его пункты. С пугающей внезапностью и неслыханной мощью лес пробудился к жизни. Узловые руки-ветки растений начали бешено хлестать воздух. Лес, казалось, буквально встал на дыбы. Менее чем через секунду проход, через который пришли мааки, исчез, и мааки вместе с ним. Рас слышал их испуганные крики через внешние микрофоны. Он видел, как одну из массивных фигур подняло вверх. Она поддерживалась по крайней мере полудюжиной острых ветвей, которые глубоко вонзились в ее тело.

Рас тяжеловесно выпрямился, все еще находясь под впечатлением того, что он увидел. В двух метрах от него лежал Гукки. Он был без сознания, но, казалось, с ним не произошло ничего непоправимого. Тако был в таком же состоянии. Итак, оружие со спиральным стволом было шоковым излучателем. Мааки все еще хотели, чтобы чужаки попали им в руки живыми.

Рас взвалил Гукки на спину. За пару секунд он сконцентрировался на одном из концов огромного черного корабля, потом прыгнул.

Ему повезло. Помещение, в котором он оказался, было небольшим шлюзом. Оно было ярко освещено, и, кроме тяжелых металлических дверей на обоих его концах, был еще ряд дверец в боковых стенках. Положив Гукки на пол, Рас открыл одну из них. Его предположение подтвердилось. За дверцей находилось крохотное помещение с четырьмя скафандрами, которые мааки носили на планетах с ядовитой атмосферой. Скафандры были легкими и эластичными. Рас сдвинул их в сторону и положил потерявшего сознание мышебобра на пол кабинки. Потом вернулся на поляну, чтобы подобрать Тако. Через полминуты он снова оказался в шлюзовом помещении и спрятал японца в другой кабинке. Сам он остался в помещении шлюза, не спуская глаз с обеих массивных дверей. Во второй раз мааки не застанут его врасплох!

Он посмотрел на часы и обнаружил, что из часа, который он дал себе, прошло уже сорок пять минут. Если корабль в самое ближайшее время не стартует, потом он сделать этого больше уже не сможет. Рас подумал, что инцидент на поляне может задержать

отлет корабля. Возможно было, что капитан начнет поиски пятерых исчезнувших членов экипажа. Но Рас также считал весьма вероятным и то, что существует подробно разработанный план полета, которого необходимо придерживаться. Катапультирующее поле, скорее всего, включается автоматически, и под воздействием этого поля корабль стартует.

Он сел на пол возле внешней двери и стал ждать. Ему не оставалось ничего другого.

8

Примерно через час после первых взрывов, которые наблюдали с «Креста», стало ясно, что гигантская космическая крепость мааков находится в процессе распада. Снова и снова, со все более короткими промежутками, сквозь зеленое защитное поле были видны вспышки мощных взрывов. Пара жезлообразных кораблей, пробивших это поле, превратилась в раскаленные обломки, бесцельно дрейфующие в пространстве. Другие корабли, не привыкшие к новой тактике, становились легкой жертвой земных крейсеров, которые теперь первые перешли в наступление. По самым осторожным оценкам, на борту крепости находилось около трехсот жезлообразных кораблей. Половине из них, одному за другим, удалось вырваться на свободу из горящего корабля-гиганта. Многие из них превратились в обломки прежде, чем у земных кораблей появилась возможность обстрелять их. Потом внутри защитного экрана произошел новый взрыв, и специалисты по пеленгации утверждали, что он был одним из самых мощных.

После этого больше не появилось ни одного жезлообразного корабля.

Пока продолжался процесс распада, крепость все еще придерживалась своего прежнего курса. Корабли земного флота охотились за ста пятьюдесятью жезлообразными кораблями, которые не были разрушены при старте, и уничтожали их.

Только горстке из них удалось ускользнуть из плотной сети земных кораблей.

Защитное поле все еще, как и прежде, находилось на прежнем месте, и в его энергетической структуре не появилось ни малейшей слабины.

Атомный пожар должен был давно уже уничтожить генераторы этого поля.

Но пока поле было на месте, на возвращение трех мутантов нечего было рассчитывать.

Перри Родан во второй раз был близок к тому, чтобы потерять всякую надежду.

* * *

Прошел почти час, прежде чем Тако и Гукки снова пришли в себя. У Раса не было времени для объяснений. Заверив их, что с ними обоими больше ничего не случится, он тотчас же отправился на поиски убежища, в котором они смогли бы дождаться отправки корабля.

Сначала он передвигался осторожными прыжками вокруг шлюза. В одном из узких ходов он издали увидел группу мааков, которые были очень заняты. Раса они не заметили.

Затем африканец оказался в помещении, напоминающем странно обставленную жилую комнату. У одной из стен стояло низкое широкое ложе. Вокруг были сгруппированы напоминающие кресла предметы, стоящие на низких ножках, с широкими сиденьями, приспособленными по своей форме для тел мааков. Нечто, похожее на большую подушку в центре группы сидений, очевидно, служило в качестве стола. В одном из углов стоял причудливо изогнутый сосуд, из которого выступали контуры трех веероподобных растений. Напротив на стене находился экран, на котором виднелся покрытый синим лесом склон холма и часть горы позади него. Две двери вели или в другие помещения, или в один из коридоров.

Рас пораженно осмотрелся. Здесь все было подчинено образу мышления мааков, которым все это принадлежало, и казалось, что помещения боевого космического корабля были обставлены с удобствами туристского судна. Как будто здесь не хватало только соответствующей музыки и пары стаканов с напитками на подушкообразном столе. Все здесь было так поразительно по-домашнему, что Расу даже почудилось, что мааки становятся ему чем-то симпатичны.

Он вовремя взял себя в руки. Прежде чем вернуться к Тако и Гукки, он совершенно случайно обнаружил небольшой прибор, горизонтально установленный на стене под экраном. Он был похож на термометр. Шкала его через равные промежутки была разделена черточками. На верхнем конце неподвижно застыла маленькая светящаяся красная точка. Вместо ртути там была тонкая полоска света, которая, как заметил Рас, внимательно посмотрев на нее, медленно продвигалась в сторону красной точки. Это не могло быть термометром. С тех пор, как Рас попал на этот корабль, температура внутри оставалась постоянной, это показывали датчики. Это скорее...

Внезапно его озарило. Он проследил за удлинением полоски света, несколько раз посмотрел на собственный хронометр. Он обнаружил, что полоска света продвинулась на одно деление шкалы почти за сорок секунд. Подождав, когда полоска пройдет три деления, он увидел, что она движется с постоянной скоростью. До

красной точки осталось четырнадцать делений. Через четырнадцать раз по сорок секунд световая полоска достигнет красной точки.

А что потом?

Конечно, старт. Это индикатор, сообщающий находящимся на борту, сколько времени осталось до ближайшего важнейшего события: старта ли, посадки или изменения курса, смотря по обстоятельствам. В данное время речь шла о старте.

Рас был вполне уверен в правильности своего предположения. В первый раз за долгое время он почувствовал облегчение, и настроение у него поднялось. Жезлообразный корабль стартует менее чем через десять минут. До этого времени, вероятно, уцелеет достаточно генераторов катапультирующего поля, чтобы обеспечить старт корабля. Рас чувствовал себя как человек, которому удалось спастись, покинув окруженный врагами город.

Он поспешно вернулся в шлюз. В нескольких словах он рассказал Тако и Гукки о своем открытии. После того, как он подробно описал обстановку странного помещения, они все вместе телепортировались туда.

Рас был так захвачен своим открытием, что не думал больше о настоящих хозяевах этого корабля. Теперь он вспомнил об этом упущении. Материализовавшись возле Тако и Гукки, он тотчас же заметил, что местоположение необычного стола изменилось. Кто-то отодвинул его примерно на метр в сторону, и теперь он стоял в ногах ложа.

Он быстрым скользящим движением выхватил бластер и поднял его. Гукки и Тако поняли его жест без объяснений. Едва оружие оказалось в их руках, открылась одна из двух дверей.

— Не стрелять! — прошипел Рас.

В дверном проеме появился маленький маак. Он был самое большее полтора метра ростом, и на его покрытой серо-синей чешуей коже почти не было одежды. Конечно, ни один землянин после менее чем однодневного знакомства не мог отличить одного маака от другого, но у Раса внезапно появилось странное ощущение.

Маленький маак остановился в дверях, словно наткнувшись на невидимую стенку. Потом он сказал по-арконидски:

— Я думал, вас давно уже схватили... но вы снова тут!

* * *

Рас сделал знак Тако. Японец протиснулся мимо маака в соседнее помещение. Рас держал малыша под прицелом. Гукки встал у другой двери.

Тако вышел на связь по рации. Голос его звучал странно.

— Если вы не возражаете, мне нужна будет помощь.

— Возвращайтесь назад! — приказал Рас малышу.

Маак тотчас же повиновался. В нескольких шагах по ту сторону двери стоял Тако и водил бластером взад и вперед, словно в руках у него был садовый шланг. Помещение было впечатляюще огромным и странно обставленным. На разнообразных сиденьях и ложах сидело и лежало около пятнадцати мааков всех размеров, и глаза их холодно и враждебно уставились на пришельцев.

Рас приказал Гукки оставаться на своем посту. Потом повернулся к малышу.

— Это твои близкие?

В глазах-трубках малыша, казалось, блеснул триумф.

— Да, и они вас убьют!

Рас осмотрелся. Враждебность мааков была настолько явной, что можно было ее осязать. Безусловно, чего же он мог ожидать?

Помещение это было наполовину зимним садом, наполовину — жилым помещением. На заднем плане в бесформенный бассейн бил фонтан зеленоватой дымящейся жидкости. Из искусственно уложенной почвы поднималось множество приземистых растений. Здесь тоже был похожий на окно экран. На довольно значительном расстоянии от бассейна была расставлена мебель, на которой, насколько мог видеть Рас, несколько мааков предавались блаженному ничегонеделанию.

Рас внезапно понял. Теперь он знал, почему в других частях крепости он видел так много покинутых помещений. Мааки находились на борту жезлообразных кораблей. Маак-солдат, поступая на службу в жезлообразный корабль, брал с собой и семью. Было также возможно, что каждый корабль принадлежал одному роду, как у шпрингеров.

Враждебность мааков была фактором, который он был обязан принять во внимание. Они не выглядели существами, которых можно было сдерживать при помощи двух или трех бластеров. Рас не имел никакого представления о том, какими возможностями они обладали, чтобы связаться с остальными кораблями. Может быть, среди них были даже телепаты.

Он попытался узнать, сколько мааков говорит по-арконидски. Но никто, кроме малыша, не ответил ему. Тем временем малыш тоже начал проявлять враждебность. Непосредственности, с которой он встретил троих чужаков на лесном уровне, давно не было. Он стал таким же непокорным, как и его семья. Но все же Рас узнал от него, что корабль в скором времени стартует, и все «жалкие, трусливые, коварные враги», болтающиеся вокруг крепости, будут уничтожены.

Рас приказал мааками составить все ложа и сиденья в один ряд, чтобы он мог лучше следить за ними. Они медленно, неохотно повиновались. Тем временем Тако сменил Гукки, и мыше-бобер теле-

кинетически навел полный порядок, «помогая» некоторым маакам.

— Сколько делений шкалы еще осталось? — спросил Рас.

— Около двух!

Рас вздохнул. Еще около восьмидесяти секунд — а потом они окажутся снаружи. Хотя жезлообразный корабль тоже снабжен зеленым защитным экраном, нужно считаться с тем, что он попадет под мощный обстрел земных орудий. При этом в защитном поле возникнут разрывы, через которые они смогут улизнуть.

Но они должны вовремя убраться отсюда.

Он с отвращением наблюдал за маааками. К их внешности он давно уже привык. Щупальцеобразные руки так же мало беспокоили его, как и их почти бесцветная, покрытая чешуей кожа. Их огромный рост больше не впечатлял его, после того, как он убедился, что они так же уязвимы, как и он сам; и пристальный взгляд их трубчатых глаз больше не действовал на него. Его бесила их непримиримая враждебность. Он буквально ощущал, как они ищут способ схватить трех чужаков. Гукки, уловив из путаницы мыслей несколько понятных, подтвердил это.

«Только бы нам оказаться снаружи»,— с тоской подумал Рас.

Внезапно с экрана брызнул яркий белый свет и в мгновенье ока наполнил огромное помещение слепящей белизной. В следующее мгновенье пол внезапно взлетел вверх, и Рас чуть было не потерял равновесие. Пораженный, он повернулся к экрану, но в то же мгновение заметил, как один из мааков поднялся со своего сиденья и приготовился прыгнуть. Рас поднял бластер вверх и сделал предупреждающий выстрел над головой нападающего.

Выстрел ударил в противоположную стену, и часть металлопластикового покрытия закипела. Маак снова опустился в свое кресло.

— Что-то взорвалось,— сообщил Гукки.— По-моему, это другой жезлообразный корабль.

Мышцы живота Раса судорожно сжались. Было ли это результатом успешного нападения на генераторы катапультирующего поля? Может быть, катапультирующее поле не может больше функционировать должным образом и уничтожает корабли, которые должно выбрасывать?

Он поспешно посмотрел на часы. Еще сорок секунд. Слишком поздно, чтобы предпринять что-либо еще.

В огромном зале прогремел еще один взрыв. На этот раз Рас остался на месте. Он повернулся к Гукки.

— Это, несомненно, жезлообразный корабль. Я...

Третий взрыв прервал Гукки посреди фразы. Рас отступил к стене, чтобы найти опору. Теперь яркие вспышки непрерывно следовали одна за другой. Жезлообразный корабль содрогался, словно находился на склоне проснувшегося вулкана.

— Это настоящее светопреставление! — прокричал Гукки

сквозь раскатистый грохот, доносящийся через внешние микрофоны.— Все холмы взлетают на воздух!

«В этом виноваты мы!»— в отчаянии подумал Рас. Он имел очень слабое представление о том, сколько энергии заключается в катапультирующем поле. Теперь, несдерживаемое и неуправляемое, продуцируемое полуразрушенными генераторами, это гигантское количество энергии вырывается наружу.

— Солнце! — вскричал Гукки.— Искусственное солнце... оно падает!..

Больше он не смог сказать ничего. Чудовищный грохот перекрыл все звуки. Экран еще раз вспыхнул ярко-белым светом, потом погас. Корабль встал на дыбы. Рас потерял равновесие и упал.

Почти потеряв сознание, он услышал фырканье бластера. Он с трудом приподнялся. Прямо перед смотровым окном его шлема была толкотня коренастых, покрытых чешуей ног. Временами вспыхивало что-то красно-коричневое, словно широкий хвост чудовищного бобра.

Он снова поднялся на ноги.

— Я иду! — крикнул он.

С короткого расстояния он выстрелил из бластера в одного из мааков, который бросился на Гукки. Бесцветное тело встало во весь рост. Внешние микрофоны донесли трубный крик, и гигантское существо с грохотом упало.

Гнев Раса больше не знал границ. Мааки, казалось, задавили Гукки до смерти. Он больше его не видел. Рас вслепую выстрелил в столпившиеся тела. Он сам не заметил, что кричит, как сумасшедший, и мааки повернулись, чтобы напасть на нового врага. Рас кричал и стрелял, пока что-то не надавило ему на грудь с такой силой, что он потерял сознание.

* * *

Первое, что он заметил, была тишина, царящая вокруг. Второе было менее приятным. Он не мог двигаться. Он чувствовал легкую боль в груди. Все остальное, кажется, было в порядке. Он обнаружил, что не может двинуть ни руками, ни ногами. Они, очевидно, были связаны.

Сориентировавшись таким образом, он открыл глаза.

Человек может привыкнуть ко многому. Но взгляд двух гигантских неподвижных трубчатых глаз, находящихся возле самого шлема, смотрящих прямо ему в глаза — к этому привыкнуть почти невозможно. По крайней мере, так думал Рас Чубай.

Он испуганно вскрикнул и снова закрыл глаза.

Этим он, казалось, хотел оставить последнее слово за собой.

Вокруг него слышался шум работающих мааков. Рас почувствовал, как его подняли и положили на мягкое ложе. Преодолев первоначальный страх, он снова отважился осмотреться. Он все еще находился в том же помещении, где потерял сознание. В одном из углов лежали неподвижные тела мааков, которых он застрелил. Сам он находился в одном из кресел с широким сиденьем, связанный таким толстым беловатым шнуром, что ему показалось, что никогда нельзя будет освободиться без посторонней помощи. В кресле напротив был Тако Какута, очевидно, потерявший сознание. Рас предположил, что Гукки тоже где-то поблизости. Но шнур доходил до подбородка его шлема, и он не мог повернуть голову и посмотреть на мышебобра.

Среди мааков, которые занимались чем-то поблизости, теперь находился один, одетый в нечто вроде мундира. Семья малыша, вероятно, по тревоге связалась с командиром корабля. Теперь мааки говорили на языке, которого Рас не знал. Маак в мундире отдавал приказы, а остальные выполняли их.

Слева, на краю поля зрения Раса, находился большой экран. Ему показалось, что он видит на его матовой поверхности слабое свечение, и он удивился. Рас помнил, что этот экран вышел из строя. Может быть, Рас так долго пролежал без сознания, что мааки за это время отремонтировали экран?

Он попытался содрать шнур с подбородка шлема, и ему наконец, удалось повернуть голову немного в сторону. Этого было достаточно, чтобы видеть большую часть экрана.

Сначала он не мог поверить в то, что увидел. На черном фоне блестело множество ярких белых и желтых точек света. В некоторых местах они находились так плотно друг к другу, что сливались в туманные пятна.

«Нам это все же удалось!»— было его первой мыслью. Гигантский зал с искусственными горами, где жезлообразные корабли ждали катапультирования, несомненно, был разрушен. Он видел это своими собственными глазами. Но корабль, на котором он находился, покинул крепость целым и невредимым. Или генератор, вырабатывающий катапультирующее поле для этого корабля, продержался до последнего, решающего мгновения, или капитан вывел свой корабль через пролом в разваливающейся стене зала.

Он никогда не узнает, что произошло на самом деле. В сущности, это было неважно. Главным было только одно: они находились снаружи — в открытом пространстве. Они оставили горящую крепость позади.

Все, что теперь было необходимо, это земной корабль, который приблизился бы на расстояние, достаточное для прыжка в него.

Облегчение Раса было таким огромным, что он с трудом смог сконцентрироваться на их теперешнем положении, которое давало

мало поводов для оптимизма. Конечно, он в любое время мог исчезнуть из этого помещения. На борту жезлообразного корабля не было генераторов катапультирующего поля, которое могло бы помешать ему. С другой стороны, такой маневр был бы неблагоразумным. Он ничего не знал на борту этого корабля, не имел никакого представления, где он может оказаться. Рас был связан и останется связанным, пока не найдет возможности освободиться от этих крепких пут. Кроме того, может быть, Тако и Гукки будут нуждаться в его помощи. Так что он должен оставаться здесь до тех пор, пока мааки не станут покушаться на его жизнь.

Он еще раз потер шлемом верхние кольца пут, и наконец его голова смогла повернуться на четверть круга. Теперь экран был полностью в его поле зрения. На нем появились признаки, по которым можно было понять, где сейчас находится крепость. Но нигде не было видно типичного зеленого свечения, исходящего от защитного экрана гигантского космического корабля. Жезлообразный корабль, по-видимому, отлетел слишком далеко. На мгновение Раса обеспокоила мысль, что корабль уже покинул систему Орбон, ускользнув от земных кораблей.

Он предпочел не ломать над этим голову. В поле его зрения появился Гукки. Мыше-бобер был без сознания. Один из мааков подхватил его щупальцеобразной рукой, понес в одно из кресел и равнодушно бросил на сиденье.

Одетый в мундир маак тотчас же подошел к этому креслу и твердым, ясным голосом отдал несколько указаний. По два маака встали слева и справа от Гукки таким образом, что Рас мог видеть, что там происходит.

Он был так напряжен и одновременно озабочен, что не заметил, как кто-то подошел и уставился на него. Только слабый голос привлек внимание Раса.

— Животное обманывает нас. Оно намного хитрее, чем вы оба вместе взятые.— Рас с трудом повернул голову и увидел, что перед ним стоит молодой маак.— Теперь мы посмотрим, насколько оно хитро на самом деле,— с ненавистью закончил он.

Рас не обратил на малыша никакого внимания. Он увидел, что один из мааков начал дергать за магнитную застежку скафандра Гукки. Рас яростно вскричал:

— Прекратите!

Но, хотя он и говорил по-арконидски, ни один из мааков даже на секунду не обратил на него внимания. Рас знал, что застежка не откроется, пока датчики на наружной стороне скафандра регистрируют опасные для жизни условия. Но если мааки, несмотря ни на что, решат освободить Гукки от его скафандра, они тем или иным способом сделают это.

Маак некоторое время пытался безуспешно открыть застежку,

потом отошел назад и сделал жест, во время которого выпуклость его головы прокатилась по плечам туда-сюда. Одетый в мундир маак отдал новый приказ. К Гукки подошел другой маак. В его руке блеснул маленький металлический предмет.

Рас оперся о кресло. Но путы были такими плотными, что не подались ни на миллиметр.

— Это не имеет никакого смысла,— сказал спокойный голос на интеркосмо.

Рас подскочил. Он почти забыл о Тако.

— Я снова тут,— сказал японец.— Мы должны что-то сделать, иначе потеряем Гукки.

Рас согласно пробормотал. Маленький инструмент в руке маака брызнул искрами. Поток искр сконцентрировался на том месте, где магнитная застежка шлема Гукки соединялась с остальным скафандром.

— Они, несомненно, вскроют шов! — сказал Тако.

Рас нагнулся вперед. Страх за Гукки, казалось, обострил его зрение. Он ясно виелл, как правая сторона запорного шва начала постепенно выгибаться. Маак продолжал работу, словно вскрывая бандероль. Его не смущало то обстоятельство, что он убьет мыше-бобра, если добьется успеха.

Расу в голову пришла отчаянная мысль. Он видел только одну-единственную возможность помочь Гукки. Это может отсрочить ужасную судьбу мыше-бобра. Как только магнитная застежка откроется, Гукки задохнется в смеси ядовитых газов, если чудовищное давление не убьет его раньше. Но и отсрочка была ценна. Может быть, мааки осознают наконец, что они делают. Может быть...

Шов начал открываться. Теперь нельзя было терять ни секунды. Рас раскрыл глаза, сцена достаточно полно запечатлелась в его мозгу, и прыгнул.

* * *

Он приземлился среди мааков. Его рематериализация, словно шок мощного взрыва, разметала их во все стороны. Но и он тоже не уберегся. Он вскрикнул от боли, изо всех сил ударив в тяжелое, массивное тело маака.

Рас удерживался на ногах всего лишь несколько секунд. Путы не позволили ему сохранить равновесие. Он упал лицом вниз и ударился так сильно, что испугался за целостность стекла шлема.

— Великолепно сделано, Рас! — услышал он голос Тако, доносящийся словно издалека.— Теперь нужно идти... *Я тоже буду тут!*

Рас попытался перекатиться на бок, и это в конце концов ему

удалось. Мааки медленно поднимались на ноги. Только один из них продолжал лежать. Он, вероятно, потерял сознание.

Остальные стали подступать к Расу, который беспомощно смотрел на них. В их больших неподвижных глазах не было заметно никаких чувств, но он достаточно ясно ощущал, что их невозможно переубедить. Казалось, самым худшим является для них то, что кто-то все время хочет их одурачить. Гукки одурачил их, поэтому они сначала принялись за него. Рас сам одурачил их. Теперь все дело было в том, за кого они примутся *теперь* — за Гукки или за него?

Могучая нога толщиной со ствол среднего дерева приблизилась вплотную к стеклу его шлема. Он услышал, как мааки говорят между собой. Голоса их были полны возмущения и гнева. Рас спросил себя, должен ли он немедленно убраться отсюда, чтобы спасти свою жизнь или остаться здесь, чтобы помочь Гукки?

Он увидел, как нога с могучей подошвой поднялась и повисла над ним. Затем увидел, как носок чего-то похожего на сапог приближается к стеклу его шлема. Он знал нечеловеческую силу мускулатуры мааков и в ужасе закрыл глаза, ожидая удара.

Ожидаемого треска стекла не последовало. Рас мгновенно подключил все запасы своих сил для спасительного прыжка. Не было никакого смысла оставаться здесь. Даже если сапог не разобьет стекла шлема, мааки другим способом убьют его.

И тут внезапно в динамиках шлема послышался голос Тако:

— Рас! Космический корабль! Земной...

Рас открыл глаза. Мааки ударились в бегство.

Через три секунды в помещении не осталось никого, за исключением трех пришельцев. Рас повернулся и увидел Гукки. Мышебобер все еще оставался без сознания.

— Тако?..

— Я здесь, Рас!

Через четыре или пять секунд японец оказался возле Раса.

— Откуда ты знаешь, что это земной корабль?

На лице Тако, за прозрачным смотровым стеклом шлема появилась улыбка.

— Единственное, что я видел,— это бело-голубые полоски света. Ты же знаешь, что это свет, вылетающий из корпускулярных дюз верньерных двигателей. Там находятся по меньшей мере два корабля, и они теперь изменили курс, чтобы обстрелять нас из своих орудий.

— Этого вполне достаточно! — пробормотал Рас.— Приступим!

Они поднялись на ноги и встали по обеим сторонам кресла, в котором полусидел-полулежал Гукки. Его ноги свисали через передний край сиденья мааков. Телепортеры сдвинули плечи таким образом, чтобы получился тесный контакт. Потом они двинулись назад

и вытащили Гукки из кресла. Он довольно сильно ударился об пол, но это было для него гораздо менее опасно, чем то, что угрожало ему две минуты назад. Мутанты поползли вперед, пока вялое тело мыше-бобра не оказалось между ними.

— Теперь подождем, пока...— начал Рас.

Тут пол под ними внезапно встал на дыбы. Корабль лег на бок, прежде чем антиграв смог нейтрализовать это молниеносное движение. Рас и Тако вместе с мыше-бобром соскользнули к боковой стене помещения возле бассейна. На экране были видны мигающие, пестрые огоньки.

Рас вздохнул. Он не верил, что кто-то мог быть рад тому, что корабль, в котором он находится, получил прямое попадание. Но он засмеялся. Второй толчок подбросил его вверх и снова швырнул на пол. Он все еще смеялся. Третье попадание бросило его на тело Гукки, и он снова соскользнул вниз.

— Внимание! — прошипел Тако.— Защитное поле может исчезнуть в любое мгновение!

Улыбка Раса пропала так же быстро, как и появилась. Он ощутил лежащее на нем тяжкое бремя ответственности. *Он* должен позаботиться о том, чтобы Гукки и Тако оказались на борту земного корабля.

— Сначала мы прыгнем назад,— сухо сказал он,— на расстояние по крайней мере пятисот километров. А там посмотрим, что делать дальше. Мы будем рассчитывать на то, что нам довольно быстро удастся обнаружить один из этих двух земных кораблей. Мы должны обязательно оказаться внутри него, прежде чем он улетит.

Они стали ждать. Попадания все чаще извергали потоки света с экрана. Рас считал секунды. Он довольно часто оказывался в кораблях, которые находились под плотным огнем противника. Пока что ни одно попадание серьезно не повредило зеленый защитный экран жезлообразного корабля. Мутанты должны были ждать благоприятного мгновения.

Рас закрыл глаза и сконцентрировался. Неведомыми путями транспортировочное поле, которое он образовал вокруг себя, встретилось с полем, генерируемым пси-частью мозга Тако. Пока жезлообразный корабль сотрясался от мощных попаданий, оба поля слились в одно и заключили в себе тело потерявшего сознание мыше-бобра.

Потом наступило мгновение, которого они так долго ждали.

Жезлообразный корабль мааков буквально встал на нос. Оба мутанта внезапно оказались на боковой части края бассейна. Фонтан зеленой дымящейся жидкости под ними лениво изгибался в сторону и разбивался о стену помещения. Оглушительный грохот заставил вздрогнуть массивный корпус корабля, и в динамиках

шлемов мутантов раздались скрежет и стон перенапряженного металла.

«Сейчас!»— подумал Рас.

В следующее мгновение весь этот шум внезапно стих. Тишина воцарилась так неожиданно, что на несколько секунд сбила Раса с толку. Он осмотрелся.

В четырех метрах от него дрейфовал Тако Какута. Они с Тако двигались с одной и той же скоростью одним и тем же курсом. Это было очень хорошо. Гукки висел между ними. Вокруг была темнота пустого пространства, только в бесконечной дали галактического пространства холодно и скудно светили тысячи неподвижных звезд.

Рас осторожно сделал пол-оборота вокруг собственной оси. Теперь он должен быть очень осторожен. Каждое необдуманное движение могло сбить его с курса.

Как он и ожидал, вращение ему великолепно удалось. Далеко позади себя он обнаружил продолговатое облачко светящегося газа. В этом газе, казалось, возникли турбулентные возмущения. Оно быстро расширялось, теряя светимость и меняя цвет. Через пару минут там больше ничего уже не будет видно. Все рассеется в пространстве.

Но теперь это ничего уже не значило. Форма облака с самого начала была примерно такой же продолговатой — жезлообразной! Вражеский корабль был уничтожен! Последнее попадание, должно быть, было решающим.

Рас вздрогнул. Он хорошо знал, что сделает командир земного корабля сразу же после того, как превратит противника в облако раскаленных газов.

Он улетит!

И как можно скорее вернется назад, к месту, откуда он прилетел.

Рас осмотрелся. Теперь он больше не следил так внимательно за своим курсом. Желтая звездочка Орбон блестела вдали, почти не отличимая от других звезд.

Но того, что он хотел увидеть, не было.

Было горько признать, что теперь игра была проиграна окончательно.

9

Сияющее солнце плыло по орбите далеко по ту сторону орбит внешних планет системы Орбон. Крепость мааков окончательно пала.

Час назад исчез зеленый защитный экран. Полчаса назад контуры огромного корабля расплылись, и изнутри вырвался жар ядерного огня.

На кораблях земного флота люди, рыдая от радости, падали друг другу в объятия.

Они на мгновение забыли о муках долгой войны. На секунду забыли даже о жертвах, потребовавшихся для этого. Забыли об убитых, разрушенных кораблях, голоде и убийственной жаре орудийных отсеков.

Крепость пала.

Корабли флота отступили в направлении Кахало. Они возвращались с половиной своих экипажей, а некоторые даже в аварийном состояния.

Многие люди погибли, выполняя свой последний долг, и лишь немногие очнулись от этого страшного беспамятства.

Только на борту «Креста» не разделяли всеобщего воодушевления.

Мутанты не вернулись. Несколько поисковых кораблей до конца оставались вблизи крепости, чтобы обеспечить быстрейшее возвращение мутантов.

Но Рас Чубай, Гукки и Тако Какута исчезли.

Два крейсера сообщили, что далеко за пределами системы Орбон они перехватили один из сбежавших жезлообразных кораблей и уничтожили его. И как можно быстрее вернулись назад, к Кахало. Итак, теперь оставалось всего пять вражеских кораблей, в диком бегстве ускользнувших куда-то в глубины Вселенной.

Но кого это беспокоило?

Флот одержал пиррову победу. Кто знал историю корпуса мутантов, знал также, что Солнечная империя никогда еще в своей истории не понесла такого чудовищного урона, как сегодня.

Пропали три лучших мутанта.

* * *

На Кахало Арно Калупу передали сообщение, что пара Мааков в бесформенных скафандрах выпрыгнула из крепости, несмотря на то, что трансмиттер был нацелен на планету, где они и оказались.

Теперь отряд защиты схватил их.

Арно Калуп сидел за пультом управления более тридцати часов. Он облегченно вздохнул.

* * *

В девятистах тысячах световых лет отсюда, в системе Твин соединения земного флота под командованием маршала Тифлора

приняли на борт последние сорок девять тысяч и еще пару тел мааков, которых более чем день назад по еще не выясненным причинам выбросило из трансмиттера двойного солнца. Хотя тела мааков находились в мощных, управляемых скафандрах, ни одного из них не было уже в живых.

Маршал Тиффлор решил, что должен переправить этот неприятный груз на планету Квинта...

* * *

Примерно в семь часов в ста астрономических единицах от Кахало Гукки наконец снова пришел в себя и приветствовал своих спутников словами:

— Здесь воняет!

Тако и Рас с воодушевлением наблюдали за первыми его признаками жизни. После многочасовых совместных усилий им удалось освободиться от пут. Они использовали шнур, чтобы связаться друг с другом.

Таким образом, они были уверены, что ни один из них не потеряется.

Оказалось, что в результате грубых действий мааков в систему кондиционирования воздуха скафандра Гукки попали следы метана и аммиака. Тако и Рас, еще в то время, когда мыше-бобер находился в бессознательном состоянии, убедились в том, что его скафандр цел.

Чужие газы, должно быть, абсорбировались различными поверхностями скафандра, и даже при действенной системе кондиционирования воздуха их было трудно удалить.

Гукки равнодушно принял это к сведению. Три мутанта висели в межзвездном пространстве далеко за пределами системы Орбон. Нечего было рассчитывать на то, что где-то здесь крейсируют земные корабли. Несмотря на это, оставалась возможность при помощи ряда быстро следующих друг за другом телепортационных прыжков приблизиться к ближайшей звезде и найти планету, где можно будет дождаться помощи. Их бронированные скафандры были снабжены всем необходимым для этого. Самым критическим местом был генератор кислорода. Примерно через десять дней он выйдет из строя.

Но до этого времени им, конечно, удастся встать ногами на твердую почву, и вокруг них будет пригодная для дыхания, богатая кислородом и другими необходимыми газами атмосфера.

Но здесь заключались две основные трудности, которые они за это время осознали, и теперь справедливость их оптимизма была под вопросом.

Во-первых, вблизи окраин системы Орбон проходил гравитационный шторм, порожденный звездным облаком вблизи центра Галактики. Этот шторм погасит их пси-способности и сделает невозможным возвращение на Кахало. Так что их целью должна быть соседняя звезда. Это значило, что при помощи телепортационных прыжков им придется покрыть расстояние в половину светового года.

Во-вторых, мааки отобрали у них все приборы и оружие, которое они носили на скафандрах. На чужой планете уцелеть будет нелегко, признался себе Рас. В общем и целом, их шансы на спасение были мизерными.

ОБЕЛИСКИ БЕЗ ТЕНЕЙ

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАЙОР ОРИН ЭЛЛСМЕРЕ — командир большого транспортного корабля УСТ-3048

КИНГ ПОЛЛАК, РОБЕРТ К. ХОЛЛИНГСУОРТ и *ЭЛИЗА КАЙН-ХЕН* — члены команды по поискам разума

ПЕРШ ХЭНКОЛОР и *МАРТ ХУН-ЧУИН* — два ученых, верят в духа леса

ДЖЕФФРИ АБЕЛЬ ВАРИНГЕР — шеф проекта на Мире ста солнц

На Земле и других человеческих мирах конец июля 2442 года.

В то время как Перри Родан с «Марко Поло» и его вспомогательными кораблями продолжает действовать внутри Звездного роя, а «Интерсолар» с Реджинальдом Буллем на борту несет вахту поблизости от этого роя, впрямую или косвенно делается многое, чтобы предотвратить опасность для народов Млечного Пути, исходящую от этого роя.

Этим же занимается и профессор Джеффри Абель Варингер со своими десятью тысячами ученых. Живя на Мире ста солнц, посбио, вне зоны торможения разума, он лихорадочно ищет пути и средства вернуть человечеству и другим народам прежний уровень разума.

И вот команда по поискам разума, возглавляемая Чеборпаркзетом Файнибретом, странным существом со странным именем, члены которой были собраны воедино и прошли специальное обучение, приступила к поискам.

Один из отрядов КПР проводит поиски на планете под названием Обелиск, там, где СОЛНЦЕ НЕ ОТБРАСЫВАЕТ ТЕНЕЙ...

1

Громкое пение двигателя позади них смолкло. Воздух мерцал от жары. Абсолютная тишина каменистой пустыни была угнетающей. Солнце висело почти в зените бездонно синего неба.

Полдень, подумал Орин Эллсмере, час призраков Эллады. Это место было похоже на классический греческий ландшафт. Тут и там из хаоса скал поднимались пиниеподобные деревья. Под немилосердными потоками света солнца они отбрасывали короткие аспидно-черные тени.

Только обелиск не отбрасывал теней.

Он возвышался в нескольких шагах от Эллсмере, метрах в пяти или шести, сооруженный из гладкого серого камня. Его основание образовывало квадрат со стороной в метр длиной. Кверху он сужался, и вершина его была острой.

Солнце освещало его с юга, но Эллсмере, обойдя обелиск, обнаружил, что солнце освещает его со всех четырех сторон, а не только с южной. Серый камень на ощупь был твердым и горячим. Он не поддавался нажиму пальца.

Но не солнечному свету. Свет проникал сквозь него, словно здесь вообще ничего не было, и обелиск не отбрасывал никакой тени. Почва там, где должна была быть тень, была такой же горячей, как и везде.

Сержант Поллак откашлялся:

— Мне это не нравится,— пожаловался он.— Мне больше нравятся вещи, которые я могу понять!

Роберт К. Холлингсуорт, лейтенант и признанный корифей в любовных делах, не упустил такую возможность. Он, смеясь, заметил: — Я вижу, тебе нравится очень малое количество вещей.

— Ах так?! — возмущенно воскликнул Кинг Поллак.— А кто держит рекорд по духовной узости, ограниченной лишь девушками, женщинами и тому подобным?

Эллсмере не стал вмешиваться. Поллак и Холлингсуорт за годы совместной работы выработали привычку подкалывать друг друга при каждой удобной возможности. И один не уступал другому во взаимных упреках и подначках.

— Узость — не импотенция,— стал защищаться лейтенант. Потом он, казалось, потерял к этому интерес и повернулся к своему начальнику.— Почему эта штука не отбрасывает тени? Что это значит?

Эллсмере разочарованно ответил:

— Я знаю об этом столько же, сколько и ты. Эти обелиски — совершенно новое явление. Никто до сих пор детально не изучал их. За исключением, может быть, Хун-Чуина. Из-за него мы и оказались здесь. Если мы его найдем, он, возможно, ответит на твой вопрос.

Он повернулся, и взгляд его скользнул по плоскогорью. Пустынный ландшафт с трех сторон был окружен плавно изгибающимися горными цепями. На юге плато обрывалось крутым каменистым склоном. У подножия склона находилось поселение Пойнт-Чуин,

шесть лет назад основанное группой ученых. В Пойнт-Чуине был космопорт, который мог принимать корабли размерами с боевой крейсер. Но для Орина Эллсмере и его супертранспорта двух с половиной километров в диаметре — УСТ-3048 — он был слишком мал.

Корабль находился в двенадцати километрах на восток от того места, где стоял обелиск. Эллсмере увидел этот странный камень во время посадки, но не стал терять ни секунды, чтобы рассмотреть странное образование повнимательнее. После посадки он со своими спутниками прибыл к нему на маленьком глайдере. Осмотр камня никак не прояснил его природу. Эллсмере решил оставить эту странную штуку специалистам и повернулся к своему кораблю, который с расстояния в двенадцать километров являл собой импозантное зрелище.

— Какие странные горы,— сказал стоявший позади него лейтенант Холлингсуорт.— На Земле подобные редки. Это пракембрийская порода, и ей по меньшей мере полтора миллиарда лет!

— И какие выводы из этого можно сделать? — спросил Поллак.

— Многие,— ответил лейтенант.— К примеру, можно с уверенностью сказать, что в этой местности нет вулканической деятельности. Нет и землетрясений. Эта местность слишком стара для них.

Эллсмере направился к глайдеру.

— Мы возвращаемся,— сказал он.

Поллак с кряхтеньем забрался на место водителя. Кинг Поллак был уроженцем Марса. С тех пор как он ребенком первый раз попал на Землю с ее плотной атмосферой и почти невыносимой силой тяжести, он каждый раз пыхтел и стонал, когда ему приходилось двигаться. Даже когда он давно уже привык к дополнительным усилиям, стоны и кряхтенье уже вошли у него в привычку.

Эллсмере залез в машину последним. Его левая нога все еще стояла на земле, когда у него внезапно появилось ощущение, что он находится в быстро поднимающемся вверх лифте. Это было мимолетное ощущение. Оно исчезло так быстро, что он не знал, действительно ли что-нибудь почувствовал, или это только показалось ему. Удивление, должно быть, отразилось на его лице. Холлингсуорт осведомился:

— Что случилось?

Эллсмере усмехнулся и покачал головой.

— Если бы ты мне не объяснил, что здесь не может быть землетрясений, я мог бы подумать, что почувствовал легкийй толчок.

— Господин лейтенант ошибается весьма часто,— с ненавистью заметил сержант Поллак.

Холлингсоурт хотел ответить на это, но в это мгновение ожил динамик бортовой связи. Он прокаркал:

— Капитан к майору Эллсмере!

Эллсмере нагнулся к микрофону.

— Эллсмере слушает, что случилось, Кохем?

— Пару мгновений назад мы зарегистрировали подземный толчок средней силы, майор.

* * *

— Вперед! — приказал Эллсмере.

Всего лишь одно слово, и машина рванулась вперед. Кинг Поллак добавил мощности двигательной установке, и за устремившимся вверх глайдером взвился столб пыли. Мотор громко загудел, но сквозь этот шум внезапно донесся глухой, грозный звук.

— Горы! — крикнул Поллак.— Посмотрите на горы!

Эллсмере посмотрел в направлении полета. На севере, по ту сторону места посадки УСТ-3048, до сих пор неподвижная цепь гор внезапно пришла в движение. В отшлифованном бурями каменном склоне одной из куполообразных вершин появился разрыв, протянувшийся от подножия на высокогорье до плоского верха. Спустя долю секунды разрыв расширился, превратившись в зияющую щель. Северная половина горы начала раскачиваться. От нее открывались и разбивались в пыль массивные каменные блоки. Вверх поднялось гигантское облако пыли. Внезапно посвежевший ветер донес до летящего глайдера треск и грохот.

Корабль приблизился. Эллсмере глянул вниз. На поверхности равнины тоже появились трещины. Мертвая масса камней внезапно ожила. Деревья, потерявшие опору, наклонялись и с треском падали. Появились пропасти, которые в течение нескольких секунд проглатывали сотни тонн камней и скальных обломков. Ветер превратился в ураган. Глайдер начало бросать.

Эллсмере во второй раз нагнулся к микрофону:

— Кохем?..

— Сэр?

— Вы готовы к старту?

— Готовимся!

— Откройте шлюз номер четырнадцать!

— Он открыт!

— Подготовиться к аварийному старту. Включите защитный экран на полную мощность, как только мы влетим в шлюз номер четырнадцать, и действуйте так, словно за вами гонятся все черти!

— Понятно, сэр, будет сделано!

— Мы будем на месте через тридцать-сорок секунд. Всего хорошего, Кохем!

Не успел он выключить прибор, как раздался чудовищный грохот. Эллсмере с силой швырнуло в кресло. Холлингсуорт, ударившийся плечом о потолок кабины, яростно выругался.

— Прямое попадание! — крикнул Поллак.— Кто-то запустил в нас огромным камнем!

Эллсмере осмотрелся. Окружающее исчезло за стеной клубящейся пыли. Его внимание привлекло красноватое пятно.

Оно находилось наискосок впереди них, в паре сотен метров на север от того места, где в пылевой завесе исчез корпус гигантского корабля.

Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы осознать, что он видит перед собой. Огонь! Земля лопнула. Изнутри планеты хлынула раскаленная магма. И это в местности, в которой, как несколькими минутами раньше утверждал лейтенант Холлингсуорт, невозможны никакие землетрясения!

— Ты держишь курс? — осведомился он у Поллака. Ему пришлось кричать, чтобы его поняли. Грохот выведенной из равновесия природы был оглушающим.

Поллак ожесточенно кивнул.

— У меня это рефлекс! — проревел он.— Нужно надеяться. что он доведет нас до шлюза номер четырнадцать!

Стало темно, хотя красный отблеск огня быстро расширялся. Облако пыли с каждой секундой становилось все гуще. Эллсмере подумал, что они могут и не успеть прибыть вовремя. Как далеко находится край плато на тот случай, если корабль вынужден будет стартовать прежде, чем они доберутся до шлюза? Была ли высота полета глайдера достаточной, чтобы преодолеть горы?

Его во второй раз швырнуло в бок. Рядом с машиной вспыхнуло что-то кроваво-красное. Внутренность глайдера внезапно наполнил жгучий жар. Поллак закричал:

— Если это нас захватит, мы пропали! Нас сплавит в один ком!

Эллсмере воспринял это с ледяным спокойствием. Они летели на высоте двухсот метров. Какие же чудовищные силы бушевали там, внизу, если они так легко забросили раскаленную магму на такую высоту?

Потом это внезапно возникло перед ними — гигантская, бесформенная тень, темная, как ночь. У Эллсмере едва хватило времени затаить дыхание в ожидании кажущегося неизбежным столкновения, как все уже закончилось. Вспыхнул яркий бело-голубой свет. Появились покрытые приборами стены шлюза космического корабля. Кинг Поллак резко затормозил. Глайдер с жестяным скрежетом опустился на пол.

Эллсмере оглянулся назад. Капитан Кохем среагировал мгновенно.

Внешняя дверь шлюза закрылась. Обе дверцы глайдера поднялись вверх, и в то же мгновение взвыли сирены. Это был сигнал немедленного аварийного старта.

Эллсмере он показался чарующей музыкой.

2

Заданием большого космического транспорта УСТ-3048 было добраться до системы Пунторон-Шин, и это вывело его экипаж, насчитывающий пятнадцать членов, из состояния мрачной летаргии и вызвало у него восторг. Со времени первой операции корабля, который в результате интриг неведомого гибридного расчетчика оказался на волосок от катастрофы, УСТ-3048 отправился во второй полет — на этот раз на одну из отдаленных планет — с заданием найти существа земного происхождения, которым в силу их особых способностей или чисто случайно удалось избежать тормозящего разум влияния таинственного поля, которым Повелители роя накрыли Галактику.

Они совершили две высадки, и обе они потерпели неудачу. На планетах этой системы не было найдено и следа разумной жизни. Настроение экипажа, отдавшего этому полету свои последние силы, чтобы довести гигантский корабль с таким небольшим экипажем до цели и вернуться обратно, было хуже некуда. Люди не только жалели затраченные впустую силы, они начали сомневаться, стоит ли вообще весь этот проект по поискам разума тех усилий и средств, которые были затрачены на подготовку и тренировку экипажа корабля.

Команду по поискам разума возглавлял потомок по мышлению Чеборпарнера — Чеборпаркзет Файнибрет, которого в виду трудно-произносимости его имени называли просто Чеф. С экипажем невосприимчивых к тормозящему влиянию поля людей он поселился на тренировочной планете 030 Устраки, используя почти все многочисленные обучающие средства этой планеты, превратил своих людей в универсальных гениев. Мужчины и женщины обучались до тех пор, пока черепа их, казалось, вот-вот лопнут от знаний, и когда обучение наконец было закончено, люди прежде всего овладели двумя вещами: искусством управлять кораблем, когда на нем находится всего лишь небольшая часть экипажа, и искусством выживания.

Когда они закончили тренировки, их отправили в экспедицию. Группа майора Эллсмере была первой из отважившихся отправиться в космос на корабле лишь с незначительной частью экипажа. Тогда все еще испытывали душевный подъем, и люди буквально рвались в бой. Но две полные неудачи не только убили их воодушевление, но была также частично утрачена надежда на будущий успех. 25 июля 3442 года началась третья экспедиция. На этот раз речь шла не только о том, чтобы найти невосприимчивых к действию поля разумных существ. В ее задание входило еще кое-что. Чеф собрал пятнадцать членов экипажа УСТ-3048 и объяснил им, что имеет в виду. Целью экспедиции была планета Обелиск в системе

Пунторон-Шин. Солнце этой системы, желтая звезда класса G, находилось примерно в семнадцати тысячах световых лет от Устрака. У нее было восемь планет. Обелиск был третьей.

За прошедшие десятилетия, а может быть, и столетия, Обелиск, внешне кажущийся райским миром, много раз становился целью небольшого флота кораблей поселенцев. Однако на этой райской планете и сегодня не было никаких постоянных поселенцев-землян. Обелиск не приносил счастья поселенцам. Едва их корабли совершали посадку, как природа этого странного мира восставала против них. Происходили несчастные случаи, которые никто не мог объяснить. Исчезали вещи, терялись люди, выходили из строя важнейшие приборы и аппараты. В двух экспедициях, когда люди покидали Обелиск, оставалось меньше половины их первоначального состава. В других экспедициях человеческих потерь было немного, зато жертвой разбушевавшихся сил природы становились машины, посевной материал и домашние животные.

Что же на самом деле происходило на Обелиске, так и не выяснили. Рассказы противоречили друг другу. С людьми происходило невероятное. Они не могли пожаловаться, что чем-то разочарованы. Но было ясно: на Обелиске было нечисто. Главный администратор наложил запрет на заселение планеты.

В своих путаных рассказах несчастные поселенцы все время возвращались к одному и тому же: рассеянным по всей планете странным менгироподобным объектам. Их было около трех миллионов. Тот, кто увидел их первым, назвал их обелисками, и из-за них планета и получила такое название. Обелиски были всех мыслимых форм, самых разных размеров, и сделаны они были из самых разных материалов. Большинство были из камня. Но были и из железа и имели странное сходство с древней колонной, находящейся на Земле, в Индии. Хотя возраст обелисков, вероятно, исчислялся тысячелетиями, на них не было ни малейших следов разрушений. Все обелиски, из камня ли или из железа, всегда имели правильную форму и ни в коем случае не могли иметь естественного происхождения. Кто их сделал, разумеется, было вопросом, ответа на который никто не знал. Однако поселенцы были твердо убеждены, что все их неудачи имеют прямую связь с обелисками. Если слушать их, то все несчастья исходят от этих странных образований, хотя никто не мог объяснить, как именно обелиски могли повлиять на судьбу экспедиций.

Шесть лет назад Перри Родан решил окончательно разгадать тайну обелисков. Команда из четырехсот девятнадцати ученых под руководством гениального гиперфизика профессора Хун-Чуина отправилась на Обелиск, чтобы подробно изучить этот странный мир и взять под контроль таинственные силы, оказывающие пагубное воздействие на людей.

Исследовательская экспедиция снаряжалась в расчете на многолетнее пребывание на Обелиске. Для ее переброски были использованы четыре большегрузных корабля. Сначала исследователи подготовили себе место, где они могли бы жить со всеми удобствами и чувствовать себя цивилизованными людьми. Свой маленький город они назвали Пойнт-Чуин. Кроме жилых зданий, в нем были исследовательские лаборатории, административный центр и мощный гиперком-передатчик для связи с Землей и другими мирами Империи.

Какие результаты получила команда профессора Чуина на Обелиске, общественности известно не было. В информационных сообщениях это предприятие сначала называли выдающимся, потом оно постепенно отошло на второй план, пока о нем, в конце концов, не позабыли вообще. Затем, после того как Хун-Чуин со своими людьми провел на Обелиске почти пять лет, разразилась величайшая катастрофа в истории Млечного Пути, и даже самые любознательные теперь ломали головы над другими вопросами, забыв об исследованиях на Обелиске.

Так обстояли дела, когда странные события на Обелиске привлекли внимание некоторых ответственных лиц Империи, хотя общественности ничего об этом не было известно. Примерно месяц назад на Мире ста солнц, родине Центральной плазмы в межгалактическом пространстве, были обнаружены четыре пирамидообразных образования, которые были, несомненно, похожими на обелиски на третьей планете системы Пунторон-Шин. Их идентичность стала очевидной, когда было установлено, что образования на Мире ста солнц так же не отбрасывают теней, как и обелиски.

Появились новые, чрезвычайно странные обстоятельства, всполошившие фантазию общественности, приугасшую со времени неудачных экспедиций поселенцев на Обелиск. Каменные и металлические колонны даже при самом ярком свете не отбрасывали теней — об этом сообщали многие поселенцы. Другие, наоборот, утверждали, что не замечали ничего подобного. Наука относила сообщения о не отбрасывающих теней обелисках к области фантазии, а общественность, которая всегда без труда делала выбор между сенсацией и трезвым подходом, твердо верила в то, что загадочные менгиры-обелиски и в самом деле были прозрачны для света местного солнца.

Когда сообщение о происшедшем на Мире ста солнц достигло Устрака, шеф принял быстрое решение. В информации из межгалактического пространства содержалось точное описание происшедшего до того мгновения, когда четыре обелиска были замечены в первый раз в том месте, где, как было доказано, еще недавно не было ничего примечательного. Это значило, что на борту одного из земных кораблей на Мир ста солнц пробрались четыре пред-

ставителя народа циносов. Как только их присутствие было обнаружено, началась охота за ними. Это привело к сражению. Но прежде, чем их успели схватить, они исчезли.

Вскоре после этого были обнаружены четыре обелиска. Никто не мог доказать, что они имеют какую-то связь с четверкой бесследно исчезнувших циносов, но подозрение осталось.

Чеборпаркзет Файнибрет поставил перед майором Эллсмере и его людьми дополнительную задачу: спасти Хун-Чуина и его команду на Обелиске. Кроме того, они должны были провести детальное изучение хотя бы части из трех миллионов обелисков планеты, если этого еще не сделала команда Чуина, и обратить особое внимание на парапсихическое изучение менгиров.

Так что, даже если команду Хун-Чуина не надо было спасать, экипаж УСТ-3048 ждала работа, требующая значительных усилий и вносящая свой вклад в раскрытие тайны, окружающей циносов.

При таких обстоятельствах приподнятое настроение пятнадцати мужчин и женщин было вполне понятным. Гигантский транспорт был готов к старту. Отлет произошел менее чем через десять секунд после получения приказа от Чеборпаркзета. Полет к системе Пунторон-Шин прошел без приключений — не считая того, что у пятнадцати человек не было ни секунды отдыха, потому что они должны были выполнять работу по управлению кораблем и контролю, которую обычно выполнял экипаж из более чем сотни специалистов. УСТ-3048 вынырнул из линейного пространства на периферии системы и сразу же попытался установить связь с командой Хун-Чуина, находящейся на Обелиске. Но все было тщетно. Транспорт вышел на орбиту вокруг планеты. Было установлено, что Пойнт-Чуин, город исследователей, был не только покинут, но и разрушен. Люди постоянно дежурили у радио и гиперрадиопередатчика корабля. На этой райской планете был настоящий барьер из радиопомех.

Обелиск молчал.

Не было никакого сомнения в том, что большинство ученых Чуина, возможно, даже все, стали жертвой тормозящего разум поля, являющегося результатом манипуляций хозяев роя с гравитационной постоянной Галактики. Конечно, уже в течение многих месяцев, по крайней мере, у существ земного происхождения, наблюдалось постепенное пробуждение так внезапно погасшего разума, и Орин Эллсмере так же, как и Чеф, надеялся, что у людей Чуина, по крайней мере, достаточно хитрости, чтобы воспользоваться хотя бы простейшим, самым обычным радиопередатчиком.

Но надежда эта оказалась несбыточной. Хотя Пойнт-Чуин и был разрушен, Эллсмере решил произвести посадку не слишком далеко от города, между двумя цепями гор. Посадка удалась. При поверхностном осмотре окружающей местности Эллсмере обнаружил на западном краю плато обелиск примерно шестиметровой высоты.

Короткая экскурсия к нему для удовлетворения любопытства казалась безопасной. Он взял с собой Холлингсуорта и Поллака. УСТ-3048 остался под командованием Кохема.

Потом произошло землетрясение и прорыв вулкана в местности, которая, по утверждению Холлингсуорта, была так же лишена вулканической деятельности, как и Восточно-Сибирская низменность. Гигантский корабль, особенно после того, как Кохем включил защитный экран, без труда укрылся от буйства сил природы. Теперь он висел на синхронной орбите на высоте тысячи километров над тем местом, где разыгрались эти необъяснимые события, и позитроника была занята обсчетом данных и анализом положения.

Тем временем на высокогорье, казалось, все успокоилось. По первым наблюдениям автоматических приборов было видно, что на месте посадки УСТ-3048 образовался кратер двухкилометрового диаметра. Максимальная его глубина была восемьсот метров, температура в самом глубоком месте — тысяча двести градусов.

Утверждение лейтенанта Холлингсуорта было подтверждено бортовой позитроникой. Обе горных цепи и лежащее между ними высокогорье состояли из древних геологических пород, и в отношении вулканической деятельности их можно было считать абсолютно «надежными».

— Что ты на это скажешь? — осведомился лейтенант, который вместе с Эллсмере просматривал полученные от приборов данные.

— Я думаю о рассказах поселенцев,— поколебавшись, ответил майор.— Точность, с которой возник под нашим кораблем этот кратер, почти невероятна.

Холлингсуорт присвистнул сквозь зубы.

— Не думаешь же ты...

— Да, я думаю, что это нацеленная акция. Что кратер возник не сам по себе, а был создан, чтобы уничтожить корабль.

3

Холлингсуорту понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя от удивления.

— Это же не имеет никакого смысла,— запротестовал он.— Каждому известно, что магма и обломки не могут пробить защитный экран.

— Это, может быть, и верно — с твоей точки зрения,— задумчиво ответил Эллсмере.— Но что, если наш таинственный противник ничего не понимает в защитных полях и тому подобных вещах? Полторы тысячи лет назад во время первой мировой войны танки обстреливали из артиллерии и карабинов, потому что не понимали, что крепость брони была выше пробивной силы снарядов и пуль.

Холлингсуорт молчал, рассматривая изображение, автоматически двигавшееся на столе. Это был западный край плато, видимый при сильном увеличении. Лейтенант вздрогнул.

— Посмотри на это!

Он пальцем ткнул в одно из мест у подножия западной цепи гор.

— Каменный обломок высотой с небоскреб зашвырнуло на несколько сот метров вглубь плато, а наш маленький обелиск все еще стоит на своем месте.

Эллсмере усмехнулся.

— Тебя это удивляет? Мне кажется, что небольшой камень труднее вырвать из почвы при землетрясении.

Часом позже УСТ-3048 снова совершил посадку. Один Эллсмере пересмотрел свое прежнее решение. Вторая посадка была произведена на космодроме Пойнт-Чуина. Считалось, что во время посадки включенное опорное поле может повредить здания находящегося по соседству города. Но так как город был покинут, на это больше не стоило обращать внимания. Эллсмере теперь не думал, что профессор Чуин и его люди когда-нибудь вернутся в город.

Над маленьким городком и находящимся с северной стороны каменистым склоном сияло яркое послеполуденное солнце, когда огромный УСТ-3048 опустился на маленькую посадочную площадку. Эллсмере следил за посадкой по экрану автоматического монитора, разрабатывая вместе с Холлингсуортом, Кохемом и Поллаком план поисков.

Внезапно раздался хватающий за душу вой сигнала тревоги. Взгляды всех находящихся в централи управления устремились на огромный экран монитора.

Эллсмере вскочил. По его приказу оптика внешнего наблюдения была направлена на простирающуюся вокруг идущего на посадку корабля местность. Изменения, происшедшие на ней со времени последнего наблюдения, не оставляли никаких сомнений.

Местность из залитого солнцем ландшафта превратилась в пыльную пустыню. Яростный шторм хлестал посадочное поле и соседствующий с ним город. Поврежденные здания едва ли могли оказать какое-нибудь сопротивление тайфуноподобным порывам ветра и постепенно разрушались, камень за камнем, стена за стеной.

Изображение на экране монитора изменилось.

Эллсмере бросил на Холлингсуорта многозначительный взгляд.

— Наш таинственный противник снова начал действовать,— вполголоса сказал он.

— Я этого не понимаю,— пожаловался Кохем.— Пять минут назад сияло яркое солнце, а теперь...

Эллсмере ничего на это не ответил.

— Продолжим посадку, как и планировали,— сказал он.

Через несколько минут УСТ-3048 погрузился в шторм. Тем вре-

менем средняя скорость ветра поднялась почти до трехсот километров в час. Корабль включил защитное поле на половинную мощность и легко, словно падающий лист, стал опускаться при убийственных порывах ветра. Толчок при соприкосновении с почвой был неощутим.

В то же мгновение шторм внезапно прекратился. Пылевая буря ослабла. Чуть позже снова появилось солнце, скрытое до этого поднятыми массами пыли, и через десять минут после посадки местность снаружи казалась такой же райской, как и до начала шторма.

В Пойнт-Чуине шторм, конечно, вызвал огромные разрушения.

Затем неизвестный враг нанес второй удар. Почву сильно тряхнуло. Снова, как и в первый раз, поражало невежество противника, который, очевидно, не имел ни малейшего представления о защитных средствах земного корабля.

Несмотря на это, Орин Эллсмере был озабочен.

Через некоторое время враг поймет это.

А если он почему-либо не научится — здесь, внутри корабля, люди были в безопасности от вулканических извержений и диких штормов. Но что будет, когда они отправятся на поиски Чуина и его ученых?

Проходили секунды, и опасность предстоящих действий вырисовывалась перед майором Эллсмере в новом свете.

* * *

Важнейший вопрос заключался в том, куда направились Хун-Чуин и его люди после того, как город был разрушен.

При всем этом причина его разрушения была совершенно неясна. Изображение, переданное автоматическим телескопом УСТ-3048 перед посадкой, вдобавок к причиненным тайфуном опустошениям показало, что повреждения зданий вряд ли могли быть результатом воздействия на них сил природы.

От города мало что осталось, и у них не было отправного пункта, с которого они могли бы начать поиски следов исчезнувших. Орин Эллсмере сказал, что, после их приключения у обелиска, корабль при любых обстоятельствах нужно было тщательно обезопасить. Незадолго до посадки он отдал соответствующие указания, и на борту транспорта все время должно было находиться по меньшей мере десять человек. Так что он мог образовать поисковую группу лишь из пяти человек. В одну из групп вошел он сам и сержант Поллак. Вторая группа состояла из Роберта К. Холлингсуорта и специалиста второго класса Кайнхен.

Элизы Кайнхен. Особые обстоятельства вынудили Эллсмере

дать Холлингсуорту в спутницы женщину. Элиза была известна тем, что развила в себе способности великолепного следопыта. Кроме того, в ее внешности было что-то от базарной торговки — обстоятельство, которое должно было помочь Холлингсуорту сконцентрировать свое внимание на необходимых вещах, а именно, на поисках исчезнувших.

Орин Эллсмере как неприятную превратность судьбы принял то, что ближние и дальние окрестности Пойнт-Чуина почти во всех направлениях могли использовать в качестве укрытия люди, которые, несомненно, во время первого шока торможения разума испугались цивилизованного окружения и бежали сломя голову. Лишь крутой склон примерно пятьдесяти километров шириной, ведущий на простирающееся между горными цепями высокогорье, казалось, можно было сразу же исключить из числа возможных путей бегства. Это не значило, что Хун-Чуин и его люди не могли укрыться где-то на плато. Горы, окружавшие равнину с востока и запада, легко можно было пересечь. Восточнее и западнее обеих горных цепей тянулась открытая саванна. Она была преимущественно ровной и покрыта растительностью двухметровой высоты. Конечно, кустарник представлял из себя великолепное укрытие, в котором можно было скрываться целую вечность. И все же саванна была более доступна для поисков, чем джунгли, в которые постепенно переходила саванна в южном направлении. На юг от Пойнт-Чуина простиралась почти километровой ширины впадина, которая возле побережья континента переходила в плодородную низменность и болото. Высота растительности в джунглях была метров десять. Эллсмере становилось не по себе при мысли, что Хун-Чуин и его люди могли найти убежище в чаще джунглей.

Среди экипажа УСТ-3048 не было ни одного мутанта, который мог бы помочь в поисках своими парапсихическими способностями. Орин Эллсмере мог надеяться лишь на способности своих людей и на несколько приборов, регистрирующих излучения мыслящего мозга — но лишь на расстоянии не более пары сотен метров.

Когда обе группы отправились на поиск, желтое солнце Обелиска исчезло за северо-западным краем горизонта. Капитан Кохем позаботился о том, чтобы смонтировать на внешней обшивке корабля батарею мощных излучателей-прожекторов, которые залили опустошенный город ярким, подобным дневному, светом. Пойнт-Чуин занимал площадь примерно в пятьдесят квадратных километров. Было решено, что Холлингсуорт и Кайнхен начнут поиски на западном краю города, а Эллсмере и Поллак — на восточном. Орин рассчитывал на то, что им понадобится четыре или пять часов, чтобы встретиться в центре города.

На восточном краю Пойнт-Чуина тайфун не был таким убийственным, как дальше, к центру города. У первых зданий, которые

осмотрели Эллсмере и Поллак, стены не были повреждены, хотя крыши, конечно, поддались натиску штормов. Внимание Эллсмере привлекло плоское продолговатое строение, в котором, казалось, находилась одна из лабораторий. И действительно, они нашли там почти неповрежденные лабораторные столы с останками бывших бесценных приборов, которые оставили здесь люди Хун-Чуина. В основании двух столов Кинг Поллак нашел электрические розетки. Проверка показала, что напряжения в них не было. Это тоже указывало на то, что Пойнт-Чуин был покинут намеренно. Генераторы все еще подавали слабые признаки жизни. Понадобились бы столетия, чтобы силы природы вывели из строя термоядерные генераторы.

Эллсмере сконцентрировал поиски таким образом, что они с Поллаком облетели на глайдере, стартовав с УСТ-3048, сначала здания наименьшей высоты. Как только майор видел что-то достойное внимания, он тут же приказывал сержанту идти на посадку. С запада к лабораторным зданиям примыкали руины более мелких строений, которые Эллсмере считал жилыми зданиями. В каждом из них было не больше пяти помещений. Тут и там были видны полусгнившие обломки мебели, которые штормы почему-то пощадили. Но люди Чуина не оставили никаких следов, указывающих на их настоящее местопребывание. Время от времени Эллсмере говорил по радиокому с Холлингсуортом. Пока что он тоже не нашел ничего интересного.

По ту сторону маленького жилого здания находилась небольшая незастроенная площадка, где, судя по пням и кучам обломанных ветвей, вероятно, был сквер. Поллак пролетел над этим местом по широкой дуге.

На западной стороне сквера было кое-что интересное. Там стояла коробка одинокого трехэтажного строения. Эллсмере предположил, что ученые размещали там свою администрацию. Может быть, там найдется какой-нибудь их след?

Поллак совершил посадку. Он посадил глайдер у восточной стороны здания. Ни здесь, ни на южной стороне входа не было. Единственное отверстие в коробке находилось на северной стороне. Но с этой стороны было темно. Под потоком света прожекторов УСТ-3048 здание отбрасывало угольно-черную тень. Поллак вытащил из кармана фонарик. Тонкий бело-голубой луч скользнул по иссеченной непогодой стене. Стало видно отверстие. Это была трехметровой ширины брешь, которая раньше, вероятно, была порталом. Свет фонарика Поллака проникал во тьму бреши не далее, чем на пару метров.

Эллсмере направился к отверстию. Поллак следовал вплотную за ним.

— Что-то здесь не то,— пробурчал он.

Эллсмере коснулся восточного края бреши и ощутил твердость стены. Пластоцемент не поддавался. Майор направился вперед, карабкаясь на гору обломков, накопившуюся в отверстии за многие годы.

Тут перед ним вспыхнул свет. Эллсмере инстинктивно бросился в сторону. Жуткий шипящий треск, словно кто-то разорвал кусок грубой материи, нарушил тишину ночи. Эллсмере почувствовал поток горячего воздуха, ударивший в край пролома в стене. Он упал, больно ударившись плечом. Наполовину потеряв сознание, он услышал крик Кинга Поллака.

— Погоди, я сейчас доберусь до тебя, паразит!

Загремели обломки. Поллак застонал, как подстреленный буйвол. Вспыхнуло во второй раз, Шипящий треск донесся с западного угла здания. Тут же раздался визгливый вой, который быстро удалился и стих. Все это произошло с захватывающей дух быстротой. Эллсмере не успел еще подняться на ноги, как в разрушенном городе все стало так же тихо, как и раньше.

Кинг Поллак, подволакивая ноги, подошел к Эллсмере.

— Мне кажется, я в него попал,— с недовольством в голосе произнес он.— Но, несмотря на это, он убежал.

— Кто «он»?

— Ну, парень, который стрелял в вас.

Поллак скосил глаза в сторону входа.

— Ты его узнал?

— Мрррм,— хмыкнул сержант.

— Что?

— Я думаю... да,— жалобно произнес он.

— Как он выглядел? Это один из людей Чуина?

Поллак все еще косился на вход. Эллсмере показалось, что он избегает смотреть на него. Тут было что-то не так.

— Как он выглядел? — повторил майор свой вопрос.— Это был один из людей Чуина?

Кинг решительно поднял голову.

— Это был нечеловек! — яростно ответил он.

— Нечеловек?

— Нет. Его лучше всего сравнить с кенгуру-переростком; это все, что я могу сказать.

Эллсмере понадобилось некоторое время, чтобы переварить это.

— Кенгуру стрелял в нас? — он посмотрел на сержанта изучающим взглядом.— Если об этом узнают на борту корабля, прощай твоя порция выпивки, Кинг.

— Я знаю,— ответил Поллак.— Но, несмотря на это, это был кенгуру!

— Хорошо. Посмотрим.

Во второй раз они шли через пролом гораздо медленнее.

Поллак подобрал пару камней и бросил их внутрь разрушенного здания. Они громко громыхнули, ударившись обо что-то жестяное и вызвав ужасный шум. Потом снова воцарилась тишина. Они бегом пересекли брешь и через несколько шагов оказались в помещении, которое раньше, должно быть, было внутренним двориком. По крайней мере, на это указывал пол, выложенный пестрой плиткой. В углу стоял металлический ящик. Крышка его была открыта. Они подошли к нему, и Поллак постарался направить внутрь ящика свет фонарика.

— Оружие,— вполголоса сказал Эллсмере.— Ручные бластеры!

В металлическом ящике было около двух дюжин термопистолетов. Некоторые из них все еще были в упаковке. Упаковка с других была сорвана. Пара упаковок была пуста. Поверх лежал бластер, вероятно, брошенный туда в спешке. Эллсмере взял его. Он казался теплым. Это было оружие, из которого несколько минут назад кенгуру стрелял в Эллсмере.

Эллсмере посмотрел вверх.

— Кинг, ты сможешь ввести глайдер внутрь здания?

— В любой момент.

Сержант устремился наружу. В следующую минуту вверху раздалось гудение мотора глайдера. Ярко освещенная прожекторами УСТ-3048, маленькая машина осторожно влетела внутрь здания, и стены заслонили ее от света корабельных прожекторов.

Поллак выскочил из кабины. Они вместе погрузили тяжелый ящик в багажник и тщательно закрепили его там. В то же мгновение включился радиоком. Послышался голос Холлингсуорта.

— Я обязан доложить об этом,— сказал он.

— Что это значит? — спросил Эллсмере.— Тебе есть что сказать или нет?

— Кое-что есть,— с убитым видом произнес Холли и повернулся.— Сообщение это мне совершенно не нравится, но я должен сделать его.

— Давай!

— Мы обнаружили женщину!

В наступившей тишине послышался третий голос — прерывающийся, дрожащий. Голос Элизы Кайнхен. Она, по-видимому, находилась возле радиокома Холли.

— Из-за нас! Она сама откопалась!

— Это я обнаружил ее,— сообщил Холлингсуорт.

— Женщину?

— Женщину. Совершенно незнакомую, одетую весьма скудно. Молодую и высокую. Здесь, среди руин. Она, должно быть, пряталась здесь. Мы, видимо, слишком быстро подошли к ее убежищу. Она внезапно появилась из-за кучи обломков и побежала прочь. Я позвал ее. Но она не услышала.

Эллсмере глубоко вздохнул.

— Холли?

— Да?

— Отправляйся домой.

— Ты не можешь поступать так! Клянусь тебе, я действительно...

— Я знаю. Мы тоже.

— Вы тоже? Что?!

— Нас обстрелял кенгуру.

На мгновение воцарилась тишина. Потом послышалось хихиканье Холлингсуорта.

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Но все это всерьез: моя история нравится мне больше, чем твоя. А что там насчет этого кенгуру?

— Через десять минут увидимся на борту.

— Повинуюсь, господин майор. Кенгуру...

* * *

На борту корабля обе поисковые группы ждала неожиданность. Как убегающая женщина, так и кенгуруподобное существо были засечены и сняты автоматическими камерами. Когда Эллсмере вошел в централь управления, снимки были уже на столе.

Женщина, как верно заметил Холлингсуорт, была скудно одета. Ее одежда, несомненно, состояла из остатков комбинезона, ранее почти полностью закрывавшего все тело. По некоторым признакам можно было понять, что это стандартное тропическое обмундирование флота. Из этого и того, что женщина, насколько было видно на снимках, была абсолютным гуманоидом, можно было сделать вывод, что она принадлежит к команде Хун-Чуина.

С кенгуру все было намного сложнее. Животное было около двух метров высотой и передвигалось на сильно развитых задних ногах, приспособленных для прыжков. По снимкам было видно, что дальность прыжков составляла около восьми метров. Однако, в отличие от земных кенгуру, у этого существа передние лапы тоже были хорошо развиты. И форма головы была не такой, как у сумчатых животных Австралии. Череп его был почти шарообразным, а хорошо развитые челюсти были снабжены двумя рядами острых тонких зубов.

Выстрел, сделанный в Эллсмере, не был виден с корабля, однако регистрирующие приборы именно в это мгновение засекли слабый электрический разряд. Залп Поллака, напротив, был великолепно виден. На снимках виднелась яркая световая точка у основания трехэтажного здания, в котором все это произошло. На снимках, конечно, тоже было видно, что Поллак в возбуждении промахнулся.

Кенгуру умчался примерно в том же направлении, что и женщина. Но было непохоже, что между ними есть какая-то связь. Оба они в общем повернули на юг, но женщина выбрала юго-западное направление, а животное — юго-восточное, чтобы не попасть на край космопорта.

На обратном пути к кораблю Эллсмере подумал о том, что на Обелиске могли быть разные виды животных, которые были в состоянии научиться обращаться с новейшим оружием. Гипотеза была не особенно очевидной, потому что животные, если они обладали разумом, так же должны были попасть под влияние тормозящего разум поля, как и другие разумные существа. На некоторое время Эллсмере готов был признать, что кенгуру были невосприимчивы к тормозящему эффекту. Однако теперь, увидев снимки, он отбросил эту теорию. Животное выглядело слишком примитивным, если не сказать глупым.

И все же пока не было другого объяснения тому, что кенгуру обстрелял Эллсмере. Оружие, лежавшее сверху в металлическом ящике, было тщательно обследовано. На нем были найдены следы мехоподобного вещества. Кенгуру держал этот бластер в лапах.

Исследование остального оружия дало результаты, которые после предыдущих событий едва ли могли показаться удивительными. Кастайра Эллиса, признанного космобиолога и первого специалиста на борту УСТ-3048, попросили сказать об этом несколько слов.

— Во-первых, некоторых бластеров, по крайней мере, лежащих сверху, касались недавно. Я нашел с полдюжины отпечатков пальцев людей. Затем я сравнил их с картотекой, в которой находятся отпечатки пальцев людей команды Хун-Чуина. Один из отпечатков принадлежит самому Хун-Чуину. Два других — специалисту по парапсихологии по фамилии Маранна. Сью Маранна. Остальные три нечетки, и их нельзя идентифицировать.

— Вы можете сказать, сколько времени этим отпечаткам? — осведомился Эллсмере.

— Не менее десяти дней, это я могу утверждать. И не более пятнадцати.

Эллсмере кивнул.

— Что еще?

— У людей были грязные руки. Особенно много красноватой пыльцы собралось под ногтями. Такая же пыльца найдена нами на почве вне корабля, а также частично в воздухе. Она очень свежая, ей не больше половины дня.

— Ее принес сюда шторм?

— Я тоже так думаю. Ветер дует с юга. При помощи зонда я сделал пару проб воздуха над саванной. Там есть лишь следы пыльцы. Эту пыльцу, несомненно, приносит из джунглей.

Эллсмере вздохнул.

— Вы не слишком ободрили меня!

— Мне очень жаль, майор. Но я обнаружил кое-что, что может облегчить вам дальнейшие поиски.— Он вытащил маленькую гласситовую пластинку. На ней был крошечный нитеобразный кусочек черной субстанции. Он был прикреплен к пластинке для более удобного изучения под микроскопом и в середине слегка надломлен.— Это тычинка,— объяснил Эллис,— стеблеподобное окончание на завязи цветка.

Эллсмере понимающе кивнул.

— Трудно сказать о форме цветка, от которого осталась лишь одна тычинка,— продолжал Эллис.— Но существует такая вещь, как сравнительная физиология. Эта ниточка содержит некоторые особенности, по которым можно сделать вывод, что цветок этот похож на орхидею. В данном случае цветок, вероятно, тоже черного цвета, глубина его от восьми до десяти сантиметров,— он снова убрал пластинку в карман.— Чуин и его люди находятся где-то в таком месте, где есть большие черные орхидеи. Это должно вам помочь.

Эллис повернулся, чтобы уйти. Но не успел он покинуть централь управления, как в голову Эллсмера пришла мысль.

— Подождите минутку! — крикнул он вслед космобиологу.— Эта Сью Маранна! Как она выглядит!?

Эллис усмехнулся.

— Вы попали в самую точку. Примерно так же, как женщина на фотографии.

4

Утром следующего дня поиски Хун-Чуина и его пропавших ученых были продолжены. Обе поисковые группы были теми же самыми.

Для поисков были снаряжены два глайдера средних размеров. По оценкам Эллсмере, они могли пробыть в пути много дней, если не недель. Поиски предстояло вести на площади примерно в восемьсот тысяч квадратных километров. Даже с новейшими поисковыми средствами на осмотр подобной площади потребуется значительное время. Хотя экипажи обоих глайдеров в любое время могли выбрать, сделать ли им перерыв для отдыха или вернуться на борт корабля для оценки полученных результатов, план Эллсмере предусматривал, что обе группы, действуя независимо друг от друга, будут поддерживать более или менее постоянную связь с УСТ-3048.

Устанавливая приблизительное направление поисков, они решили направиться в ту сторону, куда прошлой ночью убежала женщина. Придавать значение направлению бегства кенгуруподобного

животного оказалось бессмысленным. Глайдер Эллсмере двигался с восточной стороны вдоль линии бегства женщины приблизительно в юго-западном направлении, а глайдер Холлингсуорта держался западнее, курсом на запад-юго-запад.

Обе команды были снабжены аэрофотоснимками, снятыми автоматическими камерами при подлете, и у них было точное описание членов команды Чуина. Провианта было вполне достаточно, а на случай любых самых скверных обстоятельств имелось оружие. Кроме того, в каждом глайдере было множество измерительных и поисковых приборов, а также компьютер.

Капитан Кохем снова принял на себя командование кораблем. В его обязанности входила защита УСТ-3048 от внешних влияний и оказание обеим поисковым группам немедленной помощи.

* * *

Поллак держал глайдер на высоте двух метров. После короткого экспериментирования Эллсмере обнаружил, что таким образом они получают наилучший обзор. Крыша из крон деревьев лишь изредка прерывалась полянами или лентой реки и находилась примерно в ста девяноста метрах под ними. Эллсмере надеялся, что увидит вблизи места нахождения людей просеку или поднимающуюся вверх ниточку дыма. И то, и другое с такой высоты нельзя было не заметить.

На находящихся перед ними аэрофотоснимках было видно, что большинство рек в этой местности находились примерно на равном расстоянии друг от друга и текли по покрытой джунглями равнине. Не стоило рассчитывать, что Чуин и его люди забрались именно в эту область, пронизанную реками. Таким образом Эллсмере избавлялся от поисков на большой площади, которая уже в первый день перевалила за несколько тысяч километров.

Целью первого дня была одна из горных цепей, протянувшаяся с запада на восток примерно на двести километров южнее Пойнт-Чуина. Цепь была так длинна, что Холлингсуорт, выбравший конечным пунктом точку, находящуюся далеко к западу, тоже, вероятно, упрется в нее. Эллсмере поговорил с ним об этом по радиокому, и они оба сошлись на том, что горы скорее могли дать пропавшим ученым надежное убежище, чем влажная, болотистая равнина.

Было около четырех часов пополудни, когда глайдер Эллсмере добрался до предгорий. День, как и опасался Эллсмере, прошел без всяких происшествий. Они не только не нашли следов исчезнувших, но и природа тоже вела себя тихо и спокойно. Период развития пернатых на Обелиске, вероятно, был очень коротким. Над кронами деревьев лишь изредка были видны отдельные птицы.

Возле гор Кинг Поллак поднял машину на высоту восьмисот метров. По аэрофотоснимкам и по сравнению с другими ориентирами Эллсмере оценил высоту находящихся перед ними гор от двух с половиной до трех тысяч метров. Они от основания до вершин были покрыты густой растительностью, только цвет листвы с высотой, казалось, становился светлее. Он указал Поллаку на плавно вырезанную седловину, находящуюся примерно на высоте пятисот метров между двумя круто вздымающимися скальными стенами: Поллак перешел на скользящий спуск, и через несколько минут глайдер опустился в центре седловины. Заросли деревьев здесь были менее густыми, чем где-либо еще; это, вероятно, было связано с качеством почвы. Поэтому горный ландшафт отсюда был виден лучше, чем Эллсмере мог этого ожидать. Седловина переходила в нечто вроде горной долины километровой ширины, зажатой между двумя горными склонами. На южном конце она переходила в пологий склон, спускающийся в воронкообразную впадину. Казалось, что в незапамятные времена здесь упал метеорит значительных размеров. После более подробного осмотра ландшафта Эллсмере решил провести ночь у южного конца седловины. Кинг Поллак получил задание приготовить ужин из взятых с собой продуктов.

Едва он занялся этим, как на находящейся с западной стороны стене что-то зашуршало. Ливень мелких и средней величины камней обрушился на импровизированный лагерь, и Поллак, ругаясь и проклиная все на свете, убрал пожитки под надежное укрытие глайдера и укрылся сам.

Он взглянул вверх, на каменную стену, и то, что он увидел, мгновенно рассеяло его гнев. На уступе скалы, метрах в ста от подножия стены, стояло изящное антилопообразное животное и с любопытством смотрело вниз, на глайдер. Создание это было вооружено парой причудливо изогнутых рогов, а метрах в двух позади него Поллак увидел острия еще пары рогов, выступающих над уступом. Там, вверху, было по меньшей мере два антилопообразных животных.

Бросив косой взгляд на банку саморазогревающихся консервов, с которой он возился несколько минут назад, Поллак принял решение. Сегодня на ужин будет жаркое из антилопы. Он размахивал руками до тех пор, пока его странное поведение не привлекло внимания Эллсмере.

— Как вы насчет свежей дичи? — спросил он, указывая вверх.

Эллсмере проследил за его жестом.

— Ничего не имею против,— улыбаясь, произнес он.— Но как нам добыть ее?

Поллак взял бластер. Но не успел он вытянуть руку, как маленькая антилопа издала блеющий звук и исчезла.

— Проклятье! — выругался сержант.

— Не сдавайся слишком рано,— подбодрил его Эллсмере.— Каменный уступ тянется далеко вдоль горы. Я думаю, что существа отправятся в котловину.

Они добрались до выхода из седловины. Предположение Эллсмере оправдалось. Примерно в сотне метров справа четыре маленькие антилопы карабкались на крутую скальную стену. Несмотря на труднопроходимую местность, они двигались легко и элегантно.

— Я их вижу,— прошептал Поллак.— Как только они спустятся со склона в подлесок, я проскользну вслед за ними. А вы обойдите их по широкой дуге слева и идите вперед. Я погоню животных к вам.

Эллсмере согласился. Он предвкушал свежее жаркое. Уже со времени первых попыток заселения этой планеты было известно, что на Обелиске нет съедобной дичи.

Эллсмере отправился в путь. Через несколько шагов кустарник стал настолько густым, что он потерял из виду Поллака, который тем временем застыл на своем посту. Эллсмере отклонился дальше влево.

Наконец он достиг дна воронки. Западная стена котловины была менее крутой, чем остальные. Поэтому солнце, несмотря на позднее время, все еще светило у края впадины. Эллсмере ожесточенно продирался сквозь кустарник и надеялся, что вскоре выберется на открытую местность, потому что иначе тщательно разработанный план Поллака рухнет, так как он не увидит ни сержанта, ни антилоп.

Надежда его быстро исполнилась, хотя и не так, как он ожидал. Кустарник внезапно раздался в стороны. Он оказался на краю поляны, казалось, занимающей всю западную половину дна воронки. Его взгляд беспрепятственно скользил во всех направлениях.

Но это было совсем не то, на что рассчитывал Эллсмере: он стоял, уставившись на ландшафт, словно взятый из сюрреалистического фильма.

Тут было нечто совсем другое. Это были обелиски всех форм и размеров, стоящие вплотную друг к другу и покрывающие дно впадины. Сотни обелисков!

И ни один из них не отбрасывал тени.

* * *

Кинг Поллак подождал, пока антилопы не удалятся на достаточное расстояние, потом скользнул вслед за ними. Он мог проследить за ними еще пару метров, когда они ступили на пологую часть склона, и был уверен, что они намереваются спуститься на дно воронки.

Как раньше майор Эллсмере, Поллак теперь пробирался сквозь кустарник. Он старался производить как можно меньше шума, но не был уверен, удавалось ли это ему. Через пару метров он остановился, чтобы сориентироваться. Он двигался слишком быстро. Голова у него кружилась, и он боялся, что заблудится. Тут впереди он услышал легкий шорох и понял, что выбрал верное направление.

Он снова начал пробираться вперед. Когда же кончится этот проклятый подлесок!

Желание его исполнилось так быстро, что он чуть было не потерял равновесие. В следующую секунду лес внезапно расступился. Перед ним находился обширный луг, покрытый свежей, сочной травой. Трава эта и являлась целью антилоп. Их след тянулся от края леса через море полуметровых стеблей, и примерно в ста метрах впереди Поллак увидел пару рогов, выступающих из травы.

Он продолжил осмотр и увидел майора Эллсмере, который только что вышел из леса на противоположный край луга и махнул ему рукой. Поллак помахал ему в ответ. Охота должна быть успешной. Антилопы, казалось, до сих пор не заметили ни одного из двух преследователей. Поллак верил, что со своего места он может подстрелить по крайней мере одну из них; но ему не хотелось портить удовольствие Эллсмере.

Он ни на мгновение не обратил внимания на грызущую мысль, гнездящуюся где-то в глубине сознания:

«Где же была воронка?»

* * *

Прошло некоторое время, прежде чем Эллсмере преодолел первое удивление. Потом он посмотрел вверх, на северную сторону впадины. Он увидел крутой, почти голый склон и одну из антилоп, которая снова исчезла в кустарнике. Секундой позже он обнаружил Кинга Поллака, который, казалось, наступал животным на пятки. Поллак двигался со своеобразной непринужденностью, почти легкомысленностью. Он, очевидно, вообще не обращал внимания на труднопроходимость местности. Он шел по узкому каменному карнизу, словно находился на широкой, хорошо ухоженной садовой дорожке, и при этом примерно в полуметре от него находилась пропасть метров пятнадцати глубиной.

Эллсмере возбужденно замахал руками.

— Смотри, куда ступаешь! — крикнул он через всю впадину, и ему было безразлично, что в результате этой неосторожности он распугает всех антилоп.

Поллак, должно быть, увидел его. Он замахал руками. Но это было не только приветствие. Он лишь чудом сохранил равновесие.

Несколькими метрами дальше каменный карниз кончался. Антилопы своевременно покинули его и теперь находились над парой узких каменных выступов, на которых не мог бы удержаться даже самый опытный альпинист. Теперь они карабкались дальше. Но Кинг Поллак храбро продолжал идти вперед, словно карниз этот без всяких препятствий вел до самого края мира. Через несколько секунд он достигнет места, где карниз сливается со стеной. При падении он разобьется насмерть.

Эллсмере побежал. Он, тяжело дыша, пробирался между обелисками, спотыкался, падал, потом снова поднимался и кричал изо всех сил. До Поллака было примерно метров двести. Метров со ста сержант должен был услышать его. Но сделает ли он это вовремя? Казалось, что Поллаку осталось всего три-четыре шага до того места, откуда он неизбежно сорвется и упадет вниз. Как же вовремя предупредить его, пока не случилось несчастья?

Эллсмере попал ногой в яму, которую он не заметил. На мгновение он потерял равновесие, пошатнулся, полетел вперед и на полной скорости врезался в один из обелисков. От удара у него перехватило дыхание. И одновременно он понял, что здесь происходит.

Почему же он сразу не осознал этого? Как от него могло ускользнуть, что поведение Поллака можно объяснить гипнозом, и он не видит грозящей опасности, потому что перед глазами у него безобидная картинка? Почему он никогда не сомневался в правильности гипотезы, что обелиски с их пси-способностями не могут влиять на сознание и стабильность психики?

Все эти вопросы молнией пронеслись в его голове. У него не было времени искать на них ответы. Он должен действовать, если хочет спасти Кинга Поллака, и так как словами он гипноз разрушить не может, оставалась только одна возможность — напасть на гипнотизера.

Он выпустил обелиск, за который держался, и вытащил оружие. Затем с пяти метров открыл огонь по одному из каменных образований. Бросив молниеносный взгляд направо, он увидел, что Поллак через одну или две секунды упадет вниз и разобьется.

Перед ним что-то ярко сверкнуло. Фиолетовая вспышка залила котловину слепящим ярким светом. Она длилась лишь долю секунды. Сквозь танцующие точки и огненные круги, плывущие перед его глазами, Орин Эллсмере увидел, что обелиск бесследно исчез.

Он не колебался. Шипящий луч бластера ударил в ближайшее образование, и то тоже исчезло в фиолетовой вспышке. Потом третий обелиск, четвертый, пятый...

Он стрелял до тех пор, пока вокруг него в радиусе сорока метров не осталось больше ни одного обелиска. Он не двигался с места, но, несмотря на это, чувствовал себя таким уставшим, словно боролся с противником, используя всю силу своих мускулов.

В воздухе висел странный запах, и едва заметный голубоватый туман плыл по котловине. Колеблясь, полный страха перед зрелищем, которое, как он думал, должно было открыться перед ним, Эллсмере посмотрел направо, на подножие каменной стены, где, по его предположениям, должен был лежать разбившийся Кинг Поллак.

Но он не обнаружил ничего. Затем он посмотрел вверх и увидел в конце уступа серый ком. Серый, как стандартный комбинезон № 08/386 космического флота.

Эллсмере двинулся вперед. Несмотря на усталость, он побежал со всех ног, пока не добрался до стены. Затем он закинул голову и крикнул:

— Поллак, ты глупец с выжженными мозгами! Эй ты, там, наверху!

Слабый голос ответил ему:

— Я тебя не слышу! Раскрой пасть пошире!

Поллак был спасен. Эллсмере не помнил, когда он чувствовал себя так счастливо и легко, как в это мгновение.

— Я не могу двигаться,— беспомощно донеслось сверху.— Мне плохо!

— Соберись, Поллак! Встань и иди назад, туда, откуда ты пришел. Ты можешь это сделать?

Прошла минута. Потом сверху стон, кряхтение, затем ответ:

— Я пытаюсь это сделать. Кажется, мне удается. Ооох!..

Эллсмере поспешил назад, через котловину, по собственному следу вернулся к краю воронки. По пути он пробежал в нескольких сантиметрах от одной из антилоп, которая своевременно не убралась из опасного места. Он усмехнулся сам себе. Странно, как быстро исчез у него аппетит к жаркому из антилопы.

Он как раз вовремя добрался до края воронки, чтобы протянуть руку Поллаку и помочь ему преодолеть последние метры до безопасного места. Сержант вспотел, его лицо под слоем пота побледнело и осунулось. В глазах его был неприкрытый страх.

Он хотел что-то сказать, но потребовалось некоторое время, чтобы дар речи снова вернулся к нему и он смог произнести понятные звуки.

— Вы... вы спасли мне жизнь,— сказал он дрожа.— Это было... так ужасно!

5

Наконец они поужинали саморазогревающимися консервами. Жаркого из антилопы им больше не хотелось.

— Итак, в нашей основополагающей теории сегодняшнего дня

появилась брешь,— заметил Орин Эллсмере. Мы считали себя невосприимчивыми. Мы психически стабильные, как нас иногда называют. Мы противостоим всеобщему торможению сознания и, согласно последним сообщениям, невосприимчивы к влиянию на нас пси-сил циносов и обелисков. По крайней мере, мы так думали. Но только сегодня вечером мы узнали, что это не так.

Кинг Поллак, все еще не полностью преодолевший шок, сказал, словно самому себе:

— Луг. Чудесный луг. Ровный и гладкий. По нему так приятно идти.

— В котловине первоначально находились три-четыре сотни обелисков,— продолжил Эллсмере свои мысли.— Я думаю, что отдельные каменные или металлические образования не в состоянии повлиять на сознание стабилизированных. Но если они будут действовать совместно, все, очевидно, будет совсем по-другому. Кинг, что произошло в первые секунды, когда ты внезапно обнаружил, что никакого луга на самом деле нет?

Сержант вздрогнул, услышав свое имя.

— Мм?..

Эллсмере повторил вопрос.

— Я увидел, как луг внезапно пошатнулся и закачался,— ответил Поллак так медленно, словно ему приходилось обдумывать каждое слово в отдельности.— Он становился все более нечетким. В поле зрения появились скалы. Внезапно я увидел, что передо мною разверзлась пропасть. Я уже почти сделал шаг, после которого должен был рухнуть вниз. Но тут меня охватил жуткий страх. Я оттолкнулся и, по-видимому, своевременно упал назад,— он беспомощно улыбнулся.— Иначе меня не было бы здесь.

Эллсмере задумался.

— Но вы ясно видели опасность, не так ли? — осведомился Кинг Поллак.

— Да. Совершенно ясно. Я с самого начала должен был догадаться, что с тобой сыграли грязный трюк.

— Странно, что вас оставили,— задумчиво произнес сержант.

— Да, странно,— согласился Эллсмере.— Но этому можно придумать пару объяснений.

— Например?

— Нужно исходить из того, что пси-способности обелисков могут оказывать на стабилизированных лишь ограниченное действие. Как уже сказано, до сих пор мы думали, что они вообще не могут оказать на нас никакого действия. Только если сотни обелисков соединят вместе свои силы, они могут сделать нечто осязаемое. К примеру, возможно, что даже сил объединенных обелисков хватает только на то, чтобы повлиять лишь на одного из нас. Выбор пал

на того, кто двигался по опасной дороге, потому что к нему было легче подступиться. Но есть также и другая точка зрения. Чтобы загипнотизировать двух людей настолько, чтобы их опыт, взгляды и все остальное не противоречили тому, что они видят, нужна значительная координация. Может быть, именно это и превосходит возможности обелисков? И, наконец, есть еще и третье объяснение.

— Третье?

— Да. Никто не знает, как функционируют органы восприятия обелисков. У них нет ясно выраженных органов чувств. Но они, конечно, существуют; эти камни сами очень таинственные образования, и у них должны быть такие же таинственные механизмы восприятия. Но этого не может быть. Только представь себе, что их зрительные органы функционируют на той же оптической базе, что и наши — тогда обелиски не могли меня видеть, пока я не вышел из подлеска, а ты карабкался по стене и все время находился в поле их зрения.

— Почему, как вы думаете, они прекратили свое воздействие? — спросил Поллак.— Вы уничтожили, скажем, сотню обелисков. Что, первоначальное их количество минус сотня — слишком мало, чтобы поддерживать влияние?

— Не имею никакого представления,— поколебавшись, ответил Эллсмере.— В котловине первоначально находилось около четырехсот обелисков. Теперь их здесь штук триста. Может быть, триста — это слишком мало. Возможно также, что мое нападение поразило их и нарушило их координацию. Кто это может знать? Но меня больше смущает не это.

— А что?

— Если наши гипотезы верны, то обелиски — это материализация одной из форм существования циносов. Другими словами, обелиски — это живые, разумные существа, может быть, в состоянии анабиоза, а может быть, и нет. Таким образом, я несколькими движениями рук уничтожил сотню циносов... это мучает меня.

Кинг Поллак неодобрительно пробурчал:

— Ваша деликатность достойна всяческого уважения, но, в конце концов, дело приняло для нас скверный оборот. Вы действовали по необходимости.

— Да, это *одно* из того, что утешает меня.

— Одно из *того*, что утешает? Разве есть еще и второе?

— Я не уверен, что циносы на самом деле уничтожены. Обелиски исчезли очень странным образом. Не было грохота, камень не расплавился. Была лишь яркая вспышка света... а потом обелиск исчезал,— заметил Эллсмере.

— Гм,— как-то неуютно хмыкнул Поллак и почесал за ухом.— Действительно, странно. А теперь, с вашего разрешения, я лучше лягу, прежде чем мне внушат еще парочку кошмаров.

Внутренность глайдера превратилась в импровизированный лагерь. Прежде чем лечь отдохнуть, Орин Эллсмере связался с УСТ-3048 и лейтенантом Холлингсуортом и сообщил о том, что произошло сегодня вечером. Было важно, чтобы каждый знал, что случилось с обелисками.

* * *

Было темно, хоть выколи глаз, когда Эллсмере пробудился от легкого, беспокойного сна. В другом конце глайдера храпел Кинг Поллак. Все это было совершенно нормально. Эллсмере спросил себя, что же его разбудило.

Потом он услышал это.

Многотоновое гудение, гармоничное, глубокое, словно издаваемое гигантским мужским хором. Оно доносилось из-под земли или, по крайней мере, так казалось. Эллсмере открыл люк и выбрался наружу. Поллак продолжал храпеть. Снаружи звук был громче и четче. Он, казалось, заполнял весь погруженный в ночь мир и отдавался в каждом камешке, в каждой молекуле воздуха. Было невозможно понять, откуда он исходит.

Тут небо над горами на юго-западе внезапно посветлело. Фиолетовое сияние скользнуло по черному ночному небу, и на его фоне ясно проступили силуэты покрытых джунглями гигантских гор. Одновременно вокруг ожил животный мир. Вопли, крики, громкий хрип, судорожный кашель — оглушающая мешанина голосов животных внезапно обрушилась на него.

Эллсмере одним прыжком вновь оказался в машине. Он потряс Поллака за плечо. Коренастый сержант сонно пробормотал:

— Э-э... что?..

— Вызови по радиокому Холли,— приказал Эллсмере.— Мне нужно немедленно поговорить с ним.

И пока сержант собирался с силами, он взял подставку с теодолитами и снова выбрался наружу. Теодолит, как и компас, автоматически ориентировался на естественное магнитное поле планеты. Эллсмере с растущим нетерпением ожидал, пока прибор не самонастроится, потом припал глазами к окулярам и начал поворачивать искатель, пока перекрестье нитей не оказалось на том месте, где фиолетовое сияние было самым интенсивным.

В люке появился Поллак.

— Лейтенант Холлингсуорт у аппарата! — сообщил он.— Он сказал, что знает, что вам нужно.— Затем он спрыгнул вниз и тихо произнес: — Мне тоже хотелось бы это знать.

Эллсмере ничего не ответил. Мгновением позже в руке у него оказался микрофон.

— Холли?.

— Да, я уже знаю. Фиолетовый световой эффект. Где-то за горами.

— Ты его замерил?

— Наша несравненная Элиза занимается этим,— ответил Холлингсуорт.

— Я уверен, что это связано с происшествием в котловине,— произнес Эллсмере.— Я хочу поближе ознакомиться с этим. Мы должны при помощи пеленгатора определить точку свечения по крайней мере с точностью до двух километров.

— Ясно,— ответил Холлингсуорт.— Я подготовлю машину. Передай мне данные.

— Минутку, Поллак должен...

Он повернулся, чтобы отдать приказ сержанту, и обнаружил, что свечение исчезло.

— Скорость — мать гоночного автомобиля,— насмешливо произнес Холлингсуорт.— Мы были недостаточно быстры, господин майор.

Животный мир снаружи начал успокаиваться. Крики и вопли смолкли. Эллсмере напряг слух, но гармоничное гудение тоже исчезло.

— Лучше теперь, чем тогда, когда мы были на пути туда,— ответил он.— Утром мы позаботимся об этом. Может быть, при дневном свете мы что-нибудь обнаружим.

Они обменялись данными замеров, потом Эллсмере отключил связь. Поллак продолжил свой прерванный концерт, захрапев протяжными руладами. Только Эллсмере никак не мог успокоиться. Он взял в руки аэрофотокарту и провел от своего и Холлингсуорта местоположения линии, замеренные с помощью теодолитов. Они пересеклись в точке, находящейся в шестидесяти километрах на юго-запад от Эллсмере и семидесяти километрах на юг от места ночевки Холли. Карта показывала, что эта точка находится в гористой местности.

* * *

Рано утром глайдер сразу же отправился в путь. Орина Эллсмере охватило беспокойство. Котловина с обелисками осталась далеко позади. Кинг Поллак вел машину на высоте трех тысяч метров, чтобы не маневрировать слишком часто среди становящихся все более высокими горных вершин.

Эллсмере отметил, что свечение так же, как и вспышки исчезающих обелисков в котловине, было фиолетового цвета. Была ли между ними какая-то связь?

В девять часов по местному времени на связь вышел Холлингсуорт. Он тоже стартовал и теперь с умеренной скоростью двигался на юг. Местность под его машиной, судя по его описанию, была сильно пересеченной и плохо просматривалась. Поэтому он не мог продвигаться вперед так быстро, как ему хотелось бы.

Тем временем УСТ-3048 был проинформирован о ночном происшествии. Кохем получил координаты места, которое Эллсмере и Холлингсуорт засекли этой ночью. Таким образом, поиски можно было не прерывать даже в том случае, если обе команды снова наткнутся на что-то неожиданное.

Было около одиннадцати часов, когда Поллак внезапно без предупреждения повел свой глайдер на косой спуск, чтобы можно было видеть панораму, открывающуюся на западе. Он молча указал на какую-то точку на южном склоне горы средней высоты, где джунгли тут и там прерывались блестящей поверхностью узкой реки.

Эллсмере тотчас же понял, что тот имел в виду. С этого места на северном берегу реки поднималась тонкая синеватая ниточка дыма. Было совершенно тихо. Дым поднимался отвесно вверх и был виден издалека.

Глайдер устремился вниз с такой скоростью, что желудок Эллсмере подкатился к горлу. Через несколько минут он достиг дна долины, северную сторону которой образовывал склон горы, где и поднималась ниточка дыма. Скользнув над самыми вершинами деревьев, майор с сержантом без труда обнаружили место, где маленькая речка серией стремительных пенных водопадов низвергалась со склона горы. Место, с которого между деревьями поднимался дым, находилось примерно в двух километрах вверх по течению реки и примерно в ста метрах над дном долины. Поллак повел глайдер на высокой скорости вверх по реке. Огромные стволы деревьев первобытных джунглей доходили до самой воды по обеим сторонам реки. Только изредка чащу прерывали узкие щели, вероятно, звериные тропы, ведущие к водопою.

Эллсмере рассказал Кохему и Холлингсуорту о том, что они обнаружили, и описал полет вверх по реке, пока глайдер не оказался примерно в километре от того места, где горел костер. Поллак обнаружил просеку в джунглях севернее реки и направил глайдер туда.

Оттуда они полетели дальше, к реке. Там, где лес был почти непроницаем, они остановились у берега и продолжили путь вверх по реке, вброд, со всей возможной скоростью пробираясь сквозь чащу джунглей.

В шестистах или семистах метрах от места посадки глайдера река делала изгиб. Они осторожно шли по плоской прибрежной полосе, лишь чуть прикрытой водой. Когда, пройдя по плавно изгибающемуся южному берегу реки, заглянули за поворот, они сразу же увидели костер.

Он горел на маленькой полянке, почему-то свободной от джунглей. Перед ним, спиной к Эллсмере и Поллаку, сидел мужчина. Насколько Эллсмере мог видеть, на нем была такая же одежда, что и на женщине, которая позапрошлой ночью убежала от Холлингсуорта в руинах Пойнт-Чуина — старый, обтрепанный мундир звездного флота. Мужчина сидел на корточках и жарил на костре кусок мяса маленького зайцеподобного существа, который он насадил на примитивный шампур и поворачивал над пламенем, превращая сырое мясо в съедобное жаркое.

Эллсмере осмотрел окружающее пространство. На реке был довольно большой водопад, производящий постоянный шум, который скроет звуки их приближения, если они будут осторожны. Несмотря на это, он взял в руки бластер. События прошедших дней ясно показали ему, что этот мир может выкинуть любой трюк. Он сделал знак Поллаку, потом стал красться дальше, к костру.

Эллсмере мысленно перебирал фотографии людей из группы Хун-Чуина. Мужчина перед ним был среднего роста, с узкими плечами. У него был большой череп с сильно выступающим затылком. Волосы его были каштановыми. Это описание подходило к полудюжине людей группы Чуина, но, скорее всего, соответствовало Теренсу Халлу, парафизику и, как всем людям, сопровождавшим Чуина, корифею своей профессии.

Они находились еще метрах в тридцати от костра, когда мужчина внезапно встал и положил жареное мясо на камень так, чтобы оно не касалось почвы. Когда Эллсмере увидел его тонкие костлявые ноги, колени которых образовывали гротескные узловатые утолщения, он еще больше уверился, что перед ним доктор Халл.

Ученый внезапно обернулся. Эллсмере и Поллак замерли посреди движения, и майор немного виновато опустил руку с зажатым в ней готовым к стрельбе оружием.

Доктор Халл улыбнулся непосредственной улыбкой слабоумного.

— О! — воскликнул он.— А я уж думал, что мне придется обедать в одиночестве.

* * *

Тем временем глайдер Холлингсуорта, оставив позади себя большую часть местности, с большой скоростью двигался на юг. Потом на связь вышел Эллсмере и описал полет к одинокому костру в джунглях.

Когда приемник замолк, Элиза Кайнхен громко вздохнула.

— Что такое? — осведомился Холли.

— Я хочу есть,— ответила Элиза.

Элиза была около полутора метров ростом и почти такой же толщины. Ее телосложение, казалось, указывало на то, что она никогда не оставляла мысли о том, как бы ей поесть чего-нибудь.

— Вы уже третий раз за это утро хотите есть,— упрекнул ее Холлингсуорт.

— Это так. Но у меня во рту все время должно быть что-нибудь существенное.

— Три рациона на завтрак,— ответил Холли.— По одному каждый раз, когда вам хотелось есть.

— И это вы называете существенным?

Элиза была явно разочарована.

— Может быть, вы скажете, что было бы для вас достаточным? — спросил Холли.

— Ну, хорошо. Я думаю, будет достаточно тихого местечка, душистой травы, солнечного света и полной корзинки вкусных вещей. А также бутылочки вина...

Холлингсуорт со смехом прервал ее.

— Вы должны побывать на Странствующей Птице. Там есть все. Вплоть до вина.

Элиза не ошиблась.

— Я думала, что у нас есть для этого время. Теперь мы продвинулись далеко вперед, и нет никакого смысла прибывать к цели раньше майора Эллсмере.

Холли посмотрел на ландшафт, проплывающий под ними.

— Знаете, что?— произнес он.— Ваша идея, возможно, не так уж и плоха. С этого плато там, внизу, у нас должен быть вполне приличный обзор. Так что не будем терять времени. Снижаемся!

Элиза расплылась в улыбке.

— Я знала, что у вас доброе сердце! Вы вообще один из самых приятных офицеров, каких я до сих пор встречала.

Холлингсуорт недоверчиво посмотрел на нее. Не хватало еще, чтобы Элиза Кайнхен строила ему глазки. Какими бы ни были намерения Элизы, в настоящий момент она хотела лишь удовлетворить свой голод. Она посадила глайдер на круто обрывающемся южном краю плато, с которого открывался далекий вид на покрытые джунглями горы.

Тем временем специалист Кайнхен достала продукты и отобрала часть из них. Порция, которую она проглотила, могла бы легко утолить голод крупной лошади. Элизе понадобилась примерно четверть часа, чтобы присоединить к ней содержимое разных консервных банок. После этого она сообщила, что давно уже не ела так «основательно».

За это время Холли обследовал окрестности места посадки и обнаружил узкую расщелину, идущую по поверхности плато с севера на юг и, казалось, разделяющую массивный каменный колосс до

самого основания. Расщелина была не больше метра шириной. Ее гладкие стенки отвесно уходили в глубину, и камень, который Холлингсуорт осторожно бросил в щель, не издал никакого звука, свидетельствующего о том, что он достиг дна.

Элизу, закончившую свой обильный обед, одолело любопытство, и она подошла к нему.

— Что вы тут рассматриваете, господин лейтенант? — осведомилась она, с наслаждением вытирая рот тыльной стороной ладони.

Щель впечатлила ее.

— Она выглядит так, словно здесь поработало гигантское лезвие.

Сравнение было верным. Холли было трудно себе представить, что щель эта имеет естественное происхождение. Он отправил Элизу к глайдеру и велел ей подготовить ультразвуковой зонд. Прибор был небольшим. Холли поставил его на нуль. Потом осторожно вытянул руку с зондом через край щели. Нажав кнопку, он послал импульс. Потом, подержав прибор пару секунд неподвижно, убрал руку. На цифровой шкале появилось число 0036.

— Тридцать шесть метров! — удивилась Элиза.— Это же дьявольски глубоко!

— К тому же, это не обязательно глубина щели,— сказал Холли.— Импульс мог отразиться от уступа.

Он подумал, стоит ли щель того, чтобы подробнее изучить ее, но тут внезапно раздался скрипящий, скрежещущий звук, и ему показалось, что почва под ним заколебалась. Память о происшедшем на высокогорье севернее Пойнт-Чуина была еще настолько свежа, что он начал действовать инстинктивно.

— Назад, к глайдеру! — крикнул он Элизе.

Потом повернулся и огромными прыжками помчался к машине. По пути ему пришло в голову, что Элиза не сможет поспеть за ним. Он остановился и подождал несчастную женщину, которой во время бега, кроме малоприспособленных к этому инструментов, приходилось нести еще и дополнительный груз обильного обеда.

Почва под ними действительно начала дрожать. Скрип и скрежет становились громче. Поднялась пыль. Все было так же, как и на высокогорье. В почве плато образовался разрыв и прошел мимо Элизы. Холли отпрыгнул в сторону, чтобы не потерять равновесия. Разрыв быстро расширялся, и лейтенант с ужасом обнаружил, что он отрезал их с Элизой от глайдера. Он прошел по камню прямо перед носом машины и через секунду расширился метров до пяти.

Элиза споткнулась и упала. Холли подхватив ее под мышки и снова поставил на ноги.

— Не сдавайся! — тяжело дыша, произнес он.

Таща за собой Эллизу, он со всей скоростью помчался к разрыву. Может быть, у них еще был шанс. Если только ему удастся пере-

браться через разрыв, он поднимет глайдер и пересечет трещину! Он оценил расстояние до противоположной стороны. Примерно шесть метров. Если он возьмет достаточный разбег, может быть, ему удастся...

Тут позади него раздался полный смертельного страха крик Элизы. Вплотную позади них образовалась вторая трещина. Теперь почва под ними окончательно утратила опору: она начала крошиться и осыпаться. Кусок скалы со стоящими на нем Холли и Элизой пришел в движение и со все возрастающей скоростью заскользил к вновь образованному разрыву.

«Это конец!» — мелькнуло в голове у Холлингсуорта. В инстинктивном защитном жесте он обхватил Элизу за плечи и притянул ее к себе. Потом мир потонул в грозном скрежете и грохоте. Облако удушливой пыли окутало сцену катаклизма. Холли больше не мог дышать. Он задыхался и кашлял. Камни градом падали вокруг него. Подхваченный гигантской каменной лавиной, он с захватывающей дух скоростью заскользил в глубину.

Потом он ударился о какое-то препятствие. Измученное тело сдалось. Он потерял сознание.

6

Полное отсутствие удивления со стороны мужчины у костра казалось поразительным. Эллсмере окончательно засунул бластер за пояс. Он подошел к дружески улыбающемуся мужчине и протянул руку. Мужчина с любопытством посмотрел на нее, однако не сделал никакой попытки пожать ее.

Он забыл этот жест, решил Эллсмере.

— Я Орин Эллсмере,— представился он.— С Земли. А это Кинг Поллак.

Он снова протянул руку в дружеском жесте. Мужчина, которого он считал доктором Халлом, слегка хихикнул.

— Так, так, вы Орин и Кинг. А я Терри.

— Теренс Халл? — осведомился Эллсмере.

— Кто это?

Боже мой, он забыл даже собственное имя, мелькнуло в голове у майора. Он бросил быстрый взгляд на Поллака. Сержант скривил лицо, словно у него болел живот.

— Откуда ты пришел? — спросил мужчину Эллсмере, решив, что неформальное обращение будет более приятно этому человек.

— Оттуда,— ответил Терри и указал вверх по течению реки.

— Ты здесь живешь?

— Нет! — снова это жалкое хихиканье.— Конечно, нет. Я живу у Перши.

— У Перши? Перш Хэнколор, логик-математик из самых талантливых членов группы Хун-Чуина.

— Перши живет далеко отсюда?

— Нет, недалеко. У красных камней.

— Как долго туда идти?

Вопрос этот, казалось, озадачил Терри.

— Пока не дойдешь туда, конечно.

Поллак яростно проворчал.

— Мне его потрясти? — вполголоса осведомился он.

Эллсмере махнул рукой. Этот человек находился под чужим влиянием, полностью лишившим его собственного разума. Его мыслительные способности были на уровне человека каменного века. Он никому не хотел подавать руки, и он отвечал на вопросы соответственно со своим разумом.

Майор указал на жаркое.

— Лучше его съесть,— посоветовал он.— Иначе мясо остынет.

Терри прищелкнул языком.

— О, да, я почти забыл о нем. Хотите кусочек?

— Твое первое разумное слово,— с готовностью ответил Поллак, но Эллсмере снова удержал его.

— Нет, спасибо, у нас есть свои продукты. Кинг, приведи сюда глайдер.

Кинг Поллак послушно отправился в путь. У Эллсмере для этого были свои причины. Он хотел понаблюдать за реакцией Терри, когда тот увидит глайдер. Кроме того, он хотел попытаться предложить ему на пробу бортовой провиант. Терри раньше знал, что существуют глайдеры, и ему был знаком вкус пищи на кораблях флота Солнечной империи. Было возможно, что к нему вернется часть его воспоминаний, когда он снова попробует и увидит некогда знакомые вещи.

А пока ученый, несомненно, потерял всякий интерес к окружающему. Он сидел на корточках возле костра и с видимым наслаждением ел жареное мясо.

— Посмотри, Кинг возвращается! — крикнул Эллсмере, когда из-за излучины реки появился глайдер.

Терри обернулся через плечо, что-то пробурчал, потом снова вернулся к жареному мясу. Кинг Поллак подвел глайдер к поляне и посадил его. Но ничто не могло отвлечь внимание Терри от его обеда. Поллак высунул голову из открытого люка и стал ждать дальнейший указаний.

— Принеси папку рационов,— крикнул ему Эллсмере.— По возможности с более сильным запахом!

Терри обглодал кусок дичи до кости. Он довольно рыгнул и бросил кость в реку.

— Теперь я пойду дальше,— сказал он.— Перши, конечно, уже ждет меня. Нельзя заставлять Духа ждать.

Он встал.

— Духа? Какого Духа?

— Духа леса. Он показал нам свет своего гнева. Он хочет, чтобы мы собрались в долине Духов.

Кинг Поллак притащил три рациона. Эллсмере взял один из них и вынул из него саморазогревающуюся пластиковую банку с надписью «Сераф». Сераф был синтетической пищей в виде пудинга. Чтобы сделать его более аппетитным, ему придали не только приятный вид, но и сильный аромат, напоминающий аромат ванили. Эллсмере открыл крышку банки, и сильный запах ванили распространился по поляне. Терри принюхался.

— Ммм, пахнет хорошо!

Эллсмере протянул ему пластиковую банку.

— Вот, возьми. Это тебе.

Терри взял. Используя палец в качестве ложки, он опустошил банку менее чем за минуту. Потом осмотрел ее, решил, что она несъедобна и швырнул ее в реку.

— Вкусно? — спросил Эллсмере.

— Вкусно,— ответил Терри.

— У нас есть много еще более вкусных вещей,— произнес Эллсмере.— Расскажи нам побольше о Духе леса и долине Духов.

— Дух всемогущ,— ответил Терри. Голос его звучал механически, словно он читал наизусть выученную речь.— Мы его дети и должны повиноваться ему. Он защищает нас.

— Красные камни. Они находятся возле долины Духов?

— Да, совсем близко от нее.

— А что это за свет гнева? Как он выглядит? Когда ты его видел?

— Он выглядит ужасно,— прошептал Терри.— Убийственный гнев. Он покрывает все небо, и ужас пробирает до костей. Я видел его в последнюю ночь, ужасно!..

Он закрыл лицо руками, словно испугавшись чего-то. Некоторое время он стоял неподвижно, потом внезапно вздрогнул. Руки упали вниз. Глаза расширились и наполнились ужасом.

— Что?..— спросил Эллсмере.

Терри одной рукой схватился за живот.

— Ооох!..— простонал он.

Затем согнулся. Прижимая обе руки к животу, он, спотыкаясь, пересек поляну и исчез в подлеске. Эллсмере и Поллак услышали звук рвоты, потом стало тихо.

Сержант засмеялся.

— Думаю, пудинг не особенно подошел ему.

Это, подумал Эллсмере, убедительнейшие объяснения. Кто знает, с каких пор Терри не употреблял цивилизованную пищу. Его желудок перестроился.

Тишина была гнетущей.

— Терри? — крикнул Эллсмере.— Терри, где ты?

Из леса не донеслось никакого ответа. Поллак двинулся с места.

— Я посмотрю.

Он нашел место, где бывший ученый изверг из себя пудинг. Вокруг рос густой, переплетенный подлесок. В некоторых местах виднелись проходы, достаточно большие, чтобы пропустить человека. Поллак протиснулся в один из них, сделал десять-двенадцать шагов и наткнулся на непреодолимое препятствие в виде сухого колючего кустарника. Он остановился и прислушался. В лесу было тихо. Издалека доносился шорох реки.

Он позвал Терри по имени. Но в лесу не раздалось ни звука. Он вернулся назад и обследовал несколько других троп, которые, казалось, вели с поляны вглубь джунглей. Все они заканчивались уже через несколько шагов. Терри исчез без следа.

* * *

То, что рассказал Терри, заставило Орина Эллсмере задуматься. Во-первых, тот факт, что Терри считает человека по имени Перши, вероятно, Перша Хэнколора, своим вожаком. А что стало с Мартом Хун-Чуином?

Красные камни, местопребывание Хэнколора, вероятно, было названо по какой-то особенности местности. Это могли быть обелиски, но Эллсмере был не особенно уверен в этом. Если эти Красные камни были достаточно велики, их легко было отыскать. В этой местности не должно быть много таких красных камней.

Во-вторых, долина Духов. Эллсмере казалось вполне вероятным, что Терри подразумевает под этим названием место, которое они с Холлингсуортом засекли сегодня ночью. Место, из которого исходило фиолетовое свечение. Терри говорил также о свете гнева. Имел ли он в виду это свечение? По тому, как выразился Терри, вполне мог быть и другой свет. Чем он отличался от этого фиолетового сияния? Может быть, цветом или чем-то другим?

В таком случае, обозначение места «Красные камни» может быть не особенно надежным. «Красный» могло означать признак, а не цвет. Может быть, «красным» называлось безопасное место?

Все вместе взятое, в том числе и встреча с Терри, было удовлетворительным лишь в одном отношении: кроме женщины, которую они спугнули в Пойнт-Чуине и которая, вероятно, была Сью Маранна, в настоящее время в живых были еще по крайней мере два члена группы Хун-Чуина: Терри и Перши.

Эллсмере разработал план. Теперь он больше не будет заниматься бесполезными поисками. Нужно было как можно быстрее

добраться до цели. Он не мог избавиться от впечатления, что наиболее важные события еще впереди. Он хотел быть на месте, когда они произойдут.

Но сначала он вызвал лейтенанта Холлингсуорта, чтобы рассказать ему о том, что произошло за последние минуты.

И тут его в первый раз постигло жестокое разочарование.

Холли не ответил.

7

Запрос на УСТ-3048 дал первый намек на возможную судьбу Холли. Чувствительные приборы корабля зарегистрировали сильные подземные толчки на месте, соответствующем курсу Холлингсуорта, километрах в двадцати к югу от той точки, с которой он в последний раз вышел на связь. После того, как попытки вызвать Холли по радиокому оказались безрезультатными, капитан Кохем попытался связаться с ним по гиперкому. Но и это ему не удалось, хотя приборы показывали, что гиперприемник Холли функционирует безупречно. Глайдер Холли тоже был в порядке. Что же могло случиться с самим Холлингсуортом и его спутницей?

Орин Эллсмере быстро принял решение. Он все больше уверялся в том, что Роберт К. Холлингсуорт, уже три года являющийся его другом, товарищем и соратником, погиб во время атаки обелисков, скрывающихся в джунглях. Но, с другой стороны, он, Эллсмере, выполняет на этой планете особое задание. Поиски Холли можно поручить другим. А для него самого более важным было найти людей Хун-Чуина.

Он приказал Кохему направить на предполагаемое место исчезновения снаряженный на все возможные случаи глайдер с экипажем из трех человек и осмотреть там все основательно. Сам он, информируя Кохема обо всех подробностях, постарается как можно быстрее достичь места возникновения фиолетового сияния и все там исследовать. Кроме того, он сократил до получаса интервал между двумя следующими друг за другом стандартными сообщениями, которые он до сих пор делал через час.

На этот раз он взял управление глайдером в свои руки. Огорчение и гнев охватили его. Он ни мгновение не сомневался в том, что Холли и его спутница пострадали по вине обелисков. Как только он найдет Хун-Чуина и его людей и доставит их на борт транспорта, он сделает все, чтобы отплатить за гибель друзей.

Он некоторое время летел на высоте тысячи двухсот метров над рекой, на берегу которой они наткнулись на Терри, то есть Теренса Халла. Река отклонялась к югу, встречая препятствие в виде плавно поднимающегося вверх склона шириной в дюжину миль. Подъ-

ем склона с точностью до десятой доли градуса совпадал с направлением полета Эллсмере. Майор придерживался прежней высоты, что привело к тому, что, когда подъем наконец закончился и склон перешел в высокое плоское плато, он оказался всего лишь в сотне метров над вершинами деревьев. По его расчетам, цель находилась примерно в тридцати пяти километрах от него. Если Перши и его люди прятались по эту сторону долины Духов, тогда через пару минут они увидят машину. В последние полчаса Эллсмере напряженно думал об исчезнувшем ученом — и особенно о высказывании Терри о том, что Дух рассматривает землян как своих детей и требует от них послушания. Не нужно было никакой особой фантазии, чтобы предположить, что Дух и обелиски были одним и тем же — вероятно, не отдельные из них, а скорее группа обелисков или даже все вместе существующие на этой планете каменные и металлические образования. В таком случае можно было предположить, что Перши, Терри и все, кто находятся вместе с ними, будут рассматривать поисковую группу как врагов.

Поэтому Эллсмере не хотел, чтобы люди Перши увидели глайдер раньше, чем это будет необходимо. Он опустил машину так низко, что ее полозья почти касались крон деревьев, и Кинг Поллак что-то предупреждающе пробурчал. В таком положении он с головоломной скоростью помчался дальше на запад и минут через двадцать обнаружил первые признаки того, что находится недалеко от цели.

Внезапно появилась поляна. Она, несомненно, была искусственной. Нужно было использовать огонь, чтобы удалить деревья и подлесок. Хотя плодовитые джунгли уже возвели новый полог растительности, но тут и там все еще была видна обожженная почва.

Эллсмере уменьшил скорость. Теперь глайдер полз почти со скоростью пешехода. Эллсмере не знал, для чего нужна была эта поляна, но возможно было, что она устроена для того, чтобы бывшие ученые могли возвести на ней свое поселение. В таком случае убежище не могло находиться слишком далеко.

Кинг Поллак выпрямился и указал направо.

— Там!

Это было первое слово, произнесенное им за последние несколько часов, и его голос был хриплым и грубым. Орин Эллсмере с удивлением отметил, что судьба Холли для сержанта, который во время их совместного проживания все время ссорился с ним, так же не безразлична, как и для него самого.

От вершин деревьев поднималось какое-то испарение. Не дым, а дрожащий воздух, словно там поддерживался бездымный огонь, нагревающий этот воздух, который поднимался вверх. Эллсмере остановил глайдер. Теперь он неподвижно повис над самыми деревьями. Нигде не было видно никакого просвета. Он мог направить

машину вниз и при помощи двигателя преодолеть сопротивление крон деревьев. Но тогда не обойдется без шума, а шума как раз нужно было избегать. В их положении надо было пользоваться бесшумным оружием. У них было такое оружие, однако оно испускало излучение, которое засекут приборы на борту УСТ-3048, и будет автоматически поднята тревога, как только оружие это будет пущено в ход. Поэтому Эллсмере нужно было время, чтобы проинформировать капитана Кохема о предстоящем использовании дезинтегратора. Потом он приказал Кингу Поллаку открыть люк и обстрелять переплетение ветвей.

Дезинтегратор выбросил рассеянный бледно-зеленый светящийся луч, под воздействием которого молекулярная структура листвы и ветвей распалась. Лес под глайдером буквально испарился без всякого жара. Поллаку потребовалось около сорока секунд, чтобы проделать отверстие достаточно большое, чтобы в него прошел глайдер.

Эллсмере осторожно совершил посадку. Они вышли наружу и закрепили машину так, чтобы никто посторонний не смог ничего с ней сделать. В джунглях не было никаких звуков, казалось, вся планета страдала от недостатка их. Но приборы, которыми они пользовались, недвусмысленно показывали наличие высокоразвитой животной жизни. Показания были интенсивными, если сенсоры приборов были направлены туда, где Кинг Поллак недавно видел дрожащий поток поднимающегося вверх горячего воздуха.

Они осторожно двинулись вперед. Поллак пристегнул к себе тяжелый дезинтегратор, и там, где кустарник становился гуще, он без колебаний уничтожал его. Таким образом они быстро продвигались вперед. Не прошли они и десяти минут, как воздух заметно потеплел. Они приблизились к месту, откуда поднимался горячий воздух.

Наконец они оказались на краю чего-то вроде полянки. Она не заслуживала такого названия, потому что листва и ветви деревьев образовывали над ней такой же покров без всяких отверстий, как и над остальной частью джунглей. Но подлесок здесь был удален, так что под находящимися на двадцатиметровой высоте кронами деревьев была площадка, по которой можно было свободно двигаться.

Посреди площадки была куча массивных камней. От них исходил жар, гонящий вверх мерцающий воздух. Тепловое излучение кучи камней было настолько интенсивным, что, когда Эллсмере немного высунул голову из подлеска, чтобы лучше осмотреть поляну, кожу на его лице обожгло.

На другом краю площадки находилось защищающее от ветра переплетение прутьев, привязанное к стволам деревьев-гигантов. Оно напомнило Эллсмере плетеные щиты туземцев центральных

областей Австралии, которые они используют во время ночлега, чтобы защититься от непогоды. Примерно такого же уровня развития должны были быть и существа, живущие на этой поляне. Два из них сидели недалеко от кучи камней. Эллсмере было непонятно, как они могут выносить эту чудовищную жару, но они сидели там и смотрели на камни, по-видимому, чувствуя себя весьма уютно.

Они были одеты так же, как и Терри. Эллсмере показалось, что он опознал в них Абдуррахмана и Дас Гупту, двух индийцев, членов исследовательской группы.

Тем временем Кинг Поллак посмотрел на них с другой стороны.

— Мне кажется, я знаю, что они делают,— прошептал он.

— Что?

— Куча камней — это их очаг. На обратной стороне наискось идет штольня. Вероятно, они разводят под камнями сильный огонь, и те раскаляются чуть ли не докрасна. Потом дежурные приносят мясо и жарят его, просто бросая на горячие камни.

— Тогда мы увидели бы дым! — возразил Эллсмере.

— Смотря по тому, какое топливо они используют,— объяснил Поллак,— кроме того, может быть, огонь давно погас. Вероятно, остальные члены отряда на охоте.

Эллсмере вспомнил Терри, то есть Теренса Халла. Хотя этот вопрос все время находился в самой глубине его сознания и он не позволял своему разуму выдвигать его, теперь он в первый раз выплыл на передний план: как Терри убил зайцеподобное животное? У него не было никакого оружия. Вместо вертела он использовал ветку, которую, несомненно, подобрал где-то на поляне, и при том уровне разума, на котором он находился, было маловероятно, что он смог бы сделать силки.

Его раздумья были нарушены. По ту сторону поляны под деревьями внезапно возникло оживление. Послышались возбужденные голоса. Кустарник зашелестел и затрещал, и наконец на площадку, словно прогуливаясь, вышла группа мужчин и женщин, которых здесь было около сотни.

«Прогуливаясь» было не совсем верным выражением. Они двигались преувеличенно важно. При этом они смотрели на почву, словно на свете не было ничего более важного, как только правильно переставлять ноги, одну за другой.

Один из двух индийцев поднял взгляд.

— Жар великолепен,— услышал Эллсмере его голос. Мужчины и женщины расположились полукругом возле кучи камней. Эллсмере узнал пару лиц, которые были известны ему по снимкам в деле группы Хун-Чуина. Прежде всего он обнаружил Перша Хэнколора, африканца, который, казалось, играл роль вождя. Тем временем из джунглей вышли другие мужчины и женщины. Группа постоянно росла, пока наконец на поляне не собралось человек трис-

та. Эллсмере искал Марта Хун-Чуина, но нигде не видел его. Насчет Сью Маранна он не был так уверен, но в случае чего мог бы поклясться, что ее среди присутствующих не было. Группа Хун-Чуина первоначально состояла из четырехсот девятнадцати членов. Перед майором находилось около трехсот человек, и приток их из леса, казалось, прекратился.

Где же были остальные?

Его прервали в первый раз. Приемник радиокома тихо заквакал.

У аппарата был Кохем.

— У нас есть первые сообщения с места, где произошел несчастный случай,— произнес он.— Все это очень и очень странно.

— Что вы имеете в виду?

Эллсмере приглушил свой голос до тихого бормотания, чтобы снаружи, на поляне, ничего не было слышно. Но он не был уверен, услышали ли находящиеся на площадке кваканье радиокома, или нет.

— Глайдер Холлингсуорта стоит на краю массивного каменного блока. Блок напоминает месу * в мексиканском смысле этого слова, если вы знаете, что я имею в виду.

— Я знаю,— нетерпеливо ответил Эллсмере.

— Если я говорю на краю, значит, я имею в виду именно это. Еще пара сантиметров, и машина упала бы в пропасть. Конечно, мы предполагаем, что еще пару часов назад она стояла на твердой почве. Обвал перед ее носом совсем недавнего происхождения. Холли и Элиза, должно быть, находились на южном конце месы, когда произошел обвал. Каменная лавина увлекла их в глубину.

Майор с трудом сглотнул.

— Мне кажется, у подножия горы возникла новая осыпь. Вы осмотрели ее?

— Да, конечно. И при этом было найдено кое-что интересное.

— Не подвергайте меня такой пытке!

— И не думаю. Похоже, что меса отломилась от огромного каменного массива. Гора обломков, скопившихся у подножия скального массива, полна пустот. Впрочем, замеры показали, что под поверхностью плато тоже полно огромных пещер.

— Да переходите же к делу! — потребовал Эллсмере.— Найдены ли какие-нибудь следы Холли и его спутницы?

Кохем с облегчением в голосе сказал:

— Никаких, сэр. Мы уверены, что по крайней мере под кучей обломков их нет.

Майор вздохнул. Его облегчение было таким всеобъемлющим,

---

* Меса — (здесь) плоский каменный блок на краю пропасти.

что позже он не мог вспомнить, как выключил приемник. Он только заметил, что его кто-то внезапно схватил за плечи и потряс.

— Осторожнее! — прошипел голос Кинга Поллака около его уха.— Вы привлечете к нам внимание всей этой толпы... о-о, уже поздно!

Эллсмере в своем возбуждении двигался слишком резко. Кусты на краю поляны предательски зашелестели. Несмотря на видимую апатию, пара людей по ту сторону кучи камней обратила на это внимание. Трое мужчин под предводительством Перша Хэнколора направились к подозрительному месту. Могучий африканец раздвинул кустарник и обнаружил обоих наблюдателей.

Он без малейших признаков удивления дружески улыбнулся и низким голосом сообщил:

— О, да здесь гости! Мы приветствуем их!

* * *

Эллсмере и Поллак немного виновато вышли из своего убежища. Кажется, подумал майор, они приходят в себя после торможения разума. Внешне он вел себя дружески. Он ответил улыбкой на улыбку Хэнколора и представился:

— Я Орин,— произнес он, вспомнив, что у этих людей имели значения только имена.— А это Кинг.

Хэнколор воодушевленно произнес:

— Орин и Кинг, будьте нашими гостями. Будет обед, вы должны принять в нем участие.

Они пересекли полянку и оказались среди остальных, полукругом расположившихся возле кучи камней. Никто не обращал на них особого внимания. Перш Хэнколор представил их, пригласил в качестве гостей и, казалось, удовлетворился этим.

Орин Эллсмере остался стоять возле Хэнколора. Как и остальные, африканец сосредоточил все внимание исключительно на горячих камнях, словно ожидая, что в следующую секунду они выдадут обед, о котором он говорил.

— Здесь все твои люди? — спросил Эллсмере чернокожего.

Хэнколор с трудом оторвался от созерцания камней. Он, казалось, был растерян.

— Мои люди? Они не мои люди. Мы здесь все — дети Духа леса.

— Ну, хорошо,— уступил Эллсмере.— Есть еще дети Духа, или они здесь все?

— Все существа в этом мире — дети Духа,— ответил Хэнколор.

Эллсмере подумал, что таким образом он не продвинется далеко. Он должен взяться за это дело с другой стороны. Затем он поду-

мал, под каким именем Хун-Чуин известен среди этой банды полудикарей. Его звали Мартом, или, почти всегда, коротко — Марти. Перш-Перши, Теренс-Терри, Март-Марти? Нужно попытаться.

— Мужчина по имени Марти тоже дитя Духа?

— Марти тоже дитя Духа,— невозмутимо ответил ему Хэнколор.

— Где он?

— Я не знаю.

— Он часто приходит сюда?

— Я давно уже его не видел.

Эллсмере задумался над этим. Казалось, люди Хун-Чуина разделились на две группы — одна под руководством Перша Хэнколора, а другая, вероятно, под руководством Хун-Чуина. Группа Хэнколора состояла примерно из трехсот членов, что составляло приблизительно две трети общего количества людей. Было бы интересно узнать причину этого разделения; но Эллсмере сомневался, что его техника задавания вопросов была достаточно развита, чтобы получать от Перша Хэколора осмысленные ответы. Но, тем не менее, он был готов сделать попытку. Однако, прежде чем он успел начать, события стали развиваться по-новому.

Откуда-то внезапно донесся тихий, шелестящий звук. Хэнколор, по-видимому, тоже услышал его. Он поднял голову и радостно сообщил:

— Обед уже близко!

Звук усилился. Эллсмере попытался идентифицировать его, но лишь через несколько секунд, когда его источник оказался на виду, он наконец добился успеха. Потом он услышал треск сотен ветвей, хруст и шорох дюжин кустов.

Затем они появились из подлеска — множество незнакомых животных, маленькие зайцы с короткими ушами и длинными хвостами, собакообразные существа с треугольными ушами и длинными бакенбардами, пернатая дичь, давно уже разучившаяся махать крыльями, миниатюрные подобия коров и быков, газелеподобные создания — целый зоопарк, состоящий из множества видов животных, и каждый вид был представлен двумя-тремя отдельными особями.

Они выбежали из кустарника и помчались к горячим камням. Но перед тем, как добежать до них, они падали и замирали.

Прежде чем Эллсмере и Поллак пришли в себя от изумления, оба индийца, так и не изменив своего положения, взялись за упавших животных.

Вооруженные двумя металлическими лезвиями, которые, несомненно, были взяты из прежнего снаряжения экспедиции, они подбирали неподвижные создания, отрубали им головы, парой искусных движений снимали шкуры, удаляли внутренности и кидали

пригодные для жарения куски на огромную кучу раскаленных камней.

Толпа была возбуждена. Все взгляды были устремлены на камни, от которых начал исходить запах жареного мяса. Все еще сбитый с толку Эллсмере сделал пару шагов вперед и внимательно осмотрел одно из животных, которому пока что удалось избежать ножа одного из невероятно ловких индийцев. Он обследовал его. Потом решил, что с уверенностью может утверждать, что это незнакомое животное было мертво.

Итак, животных пригнали сюда, чтобы обеспечить провиантом Хэнколора и его людей! Все это, казалось, происходило не в первый раз, потому что Хэнколор все время знал о том, что животные обязательно придут. Он их ждал.

Может быть, эти люди постоянно питались именно таким образом?

Эллсмере отступил назад, к ожидающим, и увидел Кинга Поллака. Сержант широко открытыми глазами смотрел на быстро уменьшающееся количество жертв.

Через несколько минут Перш Хэнколор первым подошел к куче камней. Он ловким движением подхватил сочный красно-коричневый кусок жареного мяса и начал перебрасывать его с руки на руку, пока тот не остыл настолько, что его можно было держать пальцами. Он великодушным жестом протянул этот кусок ароматного мяса Эллсмере и крикнул:

— Обед начинается!

Толпа кинулась к камням. Куски мяса подхватывались с раскаленных почти докрасна обломков каменных глыб. Искусство жонглирования бывших ученых было удивительным. Затем оскаленные зубы впились в сочное мясо. Пиршество началось.

Самым странным было то, что сцена эта была почти беззвучной. Никто не проронил ни слова. Нигде не было слышно возгласов нетерпения или наслаждения, обычных при таком пиршестве.

Эллсмере недолго смог сопротивляться соблазну. Он сделал то же, что и остальные. Хотя мясо и было совершенно несоленым, его вкус был великолепен. Кроме того, майор был голоден. Он забыл об окружающем и вспомнил только тогда, когда в руках у него остались лишь ребра да мелкие косточки незнакомого ему животного.

Кинг Поллак с сияющими глазами направился к нему. Жир капал у него с подбородка.

— Я мечтал об этом всю жизнь! — с воодушевлением воскликнул он.— Когда все закончится, я поселюсь здесь и открою ресторан.

— Удачи тебе,— насмешливо произнес Эллсмере.— Только чем тебе будут платить посетители?

Поллак повернулся и посмотрел на толпу.

— Да, это действительно проблема,— согласился он и вытер рот руками и рукавом комбинезона.— И как только они это делают?

— Спроси у Хэнколора,— посоветовал Эллсмере.— Он, конечно, сможет ответить тебе.

Кинг Поллак угрюмо посмотрел на него.

— Я слышал, как вы говорили с Терри, а здесь с Перши,— ответил он.— И, если быть честным, оба эти разговора не вызвали у меня впечатления, что я смогу услышать от этих парней хоть одно разумное слово.

Лицо Эллсмере стало серьезным.

— Это правда. И удивительно.

— Удивительно?

— Хэнколор и его люди, очевидно, как и прежде, находятся в стадии глубокого торможения разума. Но с недавних пор повсюду в Галактике торможение это начало ослабевать. Люди, полностью утратившие разум, внезапно снова начали обретать его. Они стали понимать вещи, в которых недавно были тупой деревенщиной. Мы на Устраке всемерно способствовали этому. Те, кто до сих пор были беспомощными, слабоумными, уже могут выполнять простейшие подсобные работы, а иногда и более сложные. А здесь, на Обелиске? Здесь все еще по-старому?

— Гм,— хмыкнул Кинг. Он во второй раз посмотрел на толпу, окружившую кучу горячих камней и посвятившую все свое внимание пиршеству. Он усмехнулся.— Может быть, эти люди настолько привыкли к райской жизни, что просто отказываются возвращаться к цивилизации?

— Группа выдающихся ученых? — с сомнением произнес Эллсмере.

— Гм, да, это верно,— согласился Поллак.— Конечно, это была не особенно блестящая мысль.

— Что-то здесь не так,— с нажимом произнес Эллсмере,— и держу пари, что это связано с так называемым Духом леса.

— На след которого мы, надеюсь, скоро нападем.

К ним подошел Перш Хэнколор.

— Вам понравился обед, друзья? — осведомился он.

Эллсмере высказал ему комплимент. Потом он спросил у африканца:

— Как часто вы устраиваете здесь такой пир?

— Каждый раз, когда мы голодны,— прозвучал непринужденный ответ.

— Тогда вы разогреваете эти камни?

— Разогреваем камни? — Хэнколор был озадачен.— О, нет, камни всегда горячие.

— Ну, хорошо,— вы просто собираетесь здесь?

— Да. Когда мы голодны, мы собираемся здесь.

— А потом приходят животные?

— Потом приходят животные.

— Откуда они приходят?

— Из леса.

— Нет, я имею в виду совсем не это. Почему они сюда приходят?

Африканец во второй раз не понял вопроса.

— Потому что мы голодны,— ответил он тоном человека, которого спрашивают, почему вода сырая.

— Кто посылает вам этих животных — Дух леса? — спросил Эллсмере.

На лице Хэнколора не дрогнул ни один мускул, но, когда он ответил, голос его звучал рассерженно.

— Ты ничего не знаешь о Духе леса! Так что не говори о Духе леса!

Он повернулся и пошел прочь.

— Тут вы ступили куда-то не туда,— весело сказал Кинг Поллак.

— Да, по-видимому. Я спрашиваю себя, почему он так чувствителен к этому?

Он наблюдал за Хэнколором. Африканец смешался с толпой, тут и там разговаривая со своими людьми. Эллсмере не мог знать, о чем шел разговор. Он рассчитывал на то, что разговор этот касался его и его последнего высказывания, но при такой всеобщей летаргии установить это было трудно. Когда Хэнколор заговаривал с людьми, они даже не поворачивали к нему свои головы.

— Если вы меня спросите,— снова начал Кинг Поллак,— я за то, чтобы мы немедленно исчезли отсюда. Все это мне не нравится.

— Я с тобой согласен,— ответил Эллсмере.— Если мы уйдем немедленно, они, возможно, вообще ничего не заметят и не будут нас преследовать.

Осторожно, казалось, ведя оживленную дискуссию, они прошли вдоль края полянки к тому месту, где их обнаружил Хэнколор. Оба они украдкой наблюдали за Хэнколором и его людьми. Толпа, казалось, не обратила на них никакого внимания. Эллсмере пошел немного быстрее. Представлялось, что он не обращает никакого внимания на чащу джунглей справа от него.

Тем больше было его удивление.

Они находились всего лишь в паре шагов от того места, где начиналась пробитая дезинтегратором тропа, и тут Поллак внезапно вскрикнул.

Эллсмере обернулся.

Там, где они только что хотели незаметно исчезнуть в подлеске,

через кустарник проламывалось стадо животных, которые были выше роста человека. Они, должно быть, подкрались очень осторожно, потому что ни Эллсмере, ни Поллак не слышали ни малейшего подозрительного звука. Но теперь животные двигались с такой скоростью, на которую только были способны. Это были такие же кенгуру, каких Кинг Поллак видел в Пойнт-Чуине. В их намерениях не было ни малейшего сомнения. Они пришли, чтобы убивать. Раскрыв пасти, они ринулись на мужчин.

8

Обретение сознания было трудным и болезненным делом. Последней мыслью Роберта К. Холлингсуорта, прежде чем он потерял сознание, было, что это конец. Принявшему такую гипотезу разуму было трудно осознать, что неизбежного все-таки удалось избежать.

Первой мыслью, скользнувшей во тьме его сознания, было то, что он все еще жив.

Он напряг мускулы. Это ему удалось и одновременно показало, что он лежит на чем-то очень неудобном. Что-то острое, жесткое кололо его тело во многих местах.

Он оперся ладонями. Затем развел руки, пока локти его не разошлись как можно шире. Потом он одним движением приподнял верхнюю часть тела. Несколько секунд он боялся, что его голова лопнет от боли. Но волна боли схлынула, не уменьшив деятельности Холли.

Слух его внезапно восстановился вновь. Он слышал тяжелое дыхание. Оно через короткие промежутки времени прерывалось скрежещущим хрипом, словно у дышащего что-то попало в легкие. «Элиза! — мелькнуло в голове Холли.— Она тоже уцелела в этой катастрофе!»

Он ощупал почву вокруг себя и нашел камень подходящих размеров. Затем ощупал самого себя и обнаружил в нагрудном кармане контуры маленького, с авторучку, фонарика. Внезапно рука его задрожала. Колеблясь, словно боясь этого, он спустя несколько секунд вытащил фонарик. Полная темнота, окружающая его — была ли она на самом деле?

Или он потерял зрение?

Холли нажал на выключатель. Он тихо щелкнул.

Тьма осталась такой же, как и прежде.

Тут лейтенант потерял мужество. Он опрокинулся на бок, словно мускулы его тела утратили свою силу. Маленький фонарик упал на камень и щелкнул во второй раз.

В пыльном воздухе появился небольшой, слепяще яркий конус света.

У Холли вырвался крик радости. Это был слабый, хриплый крик. Казалось, он проглотил целый фунт пыли. Его горло было словно терка и болело, когда язык касался нёба. Несмотря на это, это был крик триумфа при виде успеха. Там, куда не доставал свет фонарика, хриплое дыхание внезапно прекратилось и раздался слабый голос:

— Что... что случилось? Кто... кто кричит?..

Хооли направил свет фонарика вверх. Таким образом, у него теперь было достаточно света не только для того, чтобы Элиза Кайнхен могла сориентироваться, но и для того, чтобы увидеть, что пещера, в которой они оба оказались, была около трех метров высотой. Сразу же за тем местом, где лежала Элиза, грубая галька и обломки камней образовывали косую стену, закрывающую выход. Но в другом направлении, насколько было видно в свете фонарика, уходила штольня.

Тем временем лейтенант Холлингсуорт полностью пришел в себя и, мягко выражаясь, удивился, что он и его спутница остались в живых. Сам он, если не считать небольших ушибов и царапин, был цел и невредим, да и у Элизы, которая в это мгновение поднималась с пола, тоже, казалось, не было ничего серьезного. Каким образом им могло так повезти, Холли в данный момент не имел никакого представления. Однако он установил, что они выдержали путешествие на спине огромной лавины.

Когда он подумал об этом, ему стало ясно, что все их везение будет ни к чему, если он не позаботится о том, чтобы как можно быстрее покинуть это негостеприимное место. Он ощупал карманы своего комбинезона и нашел маленький радиоком. Нажав на кнопку, он включил его. Вспыхнул зеленый индикатор. Радиоком был готов к передаче.

Холли вышел на связь, описал свое положение и последовательность событий, благодаря которым оказался в этом положении. Потом он стал ждать. Из маленького прибора не доносилось ни звука, за исключением тихого жужжания, издаваемого электронной начинкой. Холли повторил свое сообщение, и, когда во второй раз не получил никакого ответа, он понял, что падение, во время которого он уцелел, на самом деле было гораздо глубже, чем он считал несколько минут назад.

Флот использовал дешевые радиокомы, когда применение значительно более дорогих гиперкомов было излишним — например, при операциях на поверхности относительно безопасных миров, если радиус действия этих операций был незначительным. Радиокомы, хотя и были основаны на древнем принципе, были эффективными и надежными приборами. Они работали на большом количестве частот, а если использовать УКВ-диапазон, то можно было осуществлять и межпланетную связь. Конечно, твердые вещества,

как, например, почва, да и вообще любая твердая субстанция на планете не были абсолютно прозрачными для электромагнитных волн. Холли, к примеру, знал, что сигналы его радиокома не могут преодолеть слой толщиной более двухсот метров. Если предположить, что поверхность Обелиска состоит примерно из того же вещества, что и кора Земли, эта пещера находится примерно на глубине двухсот метров. Они с Элизой были не просто погребены под лавиной — потому что у лавины, какой бы мощной она ни была, недостаточно массы, чтобы преобразовать ровное место в гору щебня высотой в двести метров. Они каким-то образом попали в подземный мир Обелиска. Лавина, должно быть, затащила их в эту пещеру через какой-то колодец.

Элиза тем временем уже поднялась на ноги.

— У вас все в порядке? — спросил ее Холли.

— Насколько я могу судить, да,— ответила женщина.— Куда мы попали?

— За кого вы меня принимаете? За туристского гида, за специалиста по пещерам?

— Ну, вам не могло бы повредить, если бы вы были одним из них,— ответила Элиза.

— По-видимому, мы попали сюда вот этим путем,— сказал Холли и указал на галечный склон.— По-моему, нет смысла искать там выход. Мы можем попытаться выжечь гальку бластерами, но я не думаю, что у нас хватит на это терпения. Кроме того, здесь будет дьявольски жарко,— он направил свет фонарика туда, где узкая пещера терялась в темноте.— Лучше испытаем свое счастье, пойдя в этом направлении.

Элиза не имела ничего против этого. Холли взял руководство на себя. Чем дальше они уходили от места обвала, тем ровнее становился пол. Пол был горизонтальным или, по крайней мере, почти ровным. Ширина пещеры колебалась от двух до четырех метров, а потолок опускался иногда так низко, что Холли вынужден был наклоняться, в других же случаях он поднимался так высоко, что свет фонарика едва достигал его или совсем терялся в вышине.

Они шли уже полчаса, когда Холли заметил, что воздух внезапно стал влажным. При этом он в первый раз обратил внимание на то, что воздух, которым они все это время дышали, был свежим и прохладным, словно штольня где-то сообщалась с поверхностью. Теперь все это изменилось. На стенах пещеры впервые появились капли. С влажностью пришло и тепло, а с теплом — странный запах тлена, словно от старого, влажного валежника. Одновременно с этим пещера начала расширяться, и, когда Холли наконец остановился, он услышал вдали равномерный плеск падающих капель, которые, казалось, падали в какое-то озеро.

Теперь они стали двигаться с большой осторожностью. Влаж-

ный воздух и гнилостный запах странным, необъяснимым образом производили впечатление подстерегающей их опасности. Звук капель стал четче. Он эхом отдавался от стен, которые теперь разошлись так широко, что свет фонарика больше не достигал их. Внезапно перед Холли что-то блеснуло. Он вздрогнул и непроизвольно схватился за оружие. Потом до него дошло, что он испугался отражения света своего фонарика. В десяти шагах от него находился край непроницаемо черной поверхности воды. Она отразила свет фонарика, а затем его отразила также и противоположная стена пещеры. Холли произвел фонариком круговое движение. Подземное озеро, у которого оканчивалась штольня, казалось, было шириной около ста метров. Насколько далеко оно протянулось направо и налево, определить при таком слабом освещении было невозможно. Однако стало видно еще кое-что. В противоположной стене были нишеподобные углубления. Холли направил свет фонарика в одно из них, чтобы узнать, не продолжается ли пещера там дальше. Свет фонарика был слишком слаб, чтобы на таком расстоянии различить какие-нибудь детали. Однако стало слышно шипение, которое раздалось в то мгновение, когда слабый луч света упал в нишу. Одновременно с этим у Холли появилось впечатление, что на противоположном берегу озера что-то движется.

— Вы это слышали? — выдохнула Элиза.

— Да. Но что это такое?

— Почти как... кошка. Могут здесь, внизу, быть какие-нибудь животные?

Холли не знал ответа. Почему бы и нет? Влажные пещеры и черное озеро казались ему достаточно таинственными. Только небу известно, какие неожиданности они им готовят.

Элиза принюхалась.

— Вы чувствуете какой-нибудь запах?

В то же мгновение Холли тоже почувствовал его. Резкий, едкий запах, который почти сразу же вызвал легкое чувство дурноты и головокружения. Холли обернулся и посмотрел в штольню, по которой они только что прошли. В худшем случае они вернутся туда. Когда он поворачивался, свет фонарика скользнул по стене по эту сторону озера, и Холли с удивлением обнаружил, что здесь тоже были нишеподобные углубления. Он указал на них Элизе, сделал пару шагов в направлении штольни, потом осторожно направился к ближайшей нише. Он не хотел идти на риск: в правой руке у него был бластер, а в левой фонарик... Луч света фонарика сначала скользнул по полу. Только когда лейтенант оказался перед нишей, он поднял миниатюрный фонарик и направил весь свет в отверстие в стене.

Результат был поразительный. На долю секунды он увидел быст-

рое шевеление перепутанной массы щупалец или лиан. Потом снова, на этот раз намного громче, прозвучало ужасное шипение, и из ниши вылетело серое облако дыма.

В тот же момент Холли окутала едкая вонь. Его затошнило. Он инстинктивно бросился прочь. Зажмурив глаза, потому что их невыносимо жгло, он определял направление по крику, доносящемуся с того места, где осталась Элиза. Он спотыкался и тяжело дышал, пока удивительно сильная рука не схватила его за ворот и не потащила за собой.

Мгновение спустя он уже снова мог свободно дышать. Он вытер слезящиеся глаза и увидел, что снова находится в штольне. Возле него сидела Элиза, прижав руки ко рту, с выражением безграничного ужаса. Он понял ее невысказанный вопрос.

— Какое-то животное,— ответил он, все еще преодолевая тошноту...— Оно возбуждается, когда его осветишь, и выбрасывает какой-то ядовитый газ.

Говоря это, он задумался. Действительно ли это было животное? Почему же оно не напало? У него были сотни щупалец. Оно находилось от него всего лишь в нескольких метрах. Почему же оно не бросилось и не схватило его?

У него внезапно зародилось подозрение.

— Элиза, я попробую еще раз,— сказал он.

Элиза протестующе замахала руками, но он не дал ей сказать ни слова.

— На этот раз я, кажется, знаю, в чем тут дело. Я буду задерживать дыхание, находясь вблизи ниши. Увидимся на этом месте.

Он вернулся в большую пещеру. Теперь он направился ко второй нише. Он заверил себя, что ничего не произойдет, пока свет фонарика направлен вниз. Потом он набрал полные легкие воздуха. Затем, как и в первый раз, поднял маленький фонарик и посветил в нишу.

Результат был тем же, что и в первый раз. Вздрагивая, извиваясь и шипя, зашевелилась отвратительная масса перепутанных щупалец. Поднялся дым, но на этот раз лейтенант Холлингсуорт знал, на чем нужно акцентировать внимание. Теперь от него не ускользнуло ничего, и его подозрения немедленно подтвердились.

Увиденное им не было животным. То, что он первоначально принял за щупальцы, было стеблями растений, растущих в темноте. Они не выносили света. Когда свет падал на них, они умирали и превращались в серый дым. Он увидел это собственными глазами. Уничтожающее воздействие света его фонарика, словно жуткая эпидемия, распространялось почти мгновенно. Он сквозь плотный дым видел, как все глубже в нише бьется в агонии переплетение растений.

Растения эти не были бесцветными, как растительность, вырос-

шая без света. Они были черными, как смола, и на концах стеблей находились такие же черные цветы странной формы.

Холли повернулся и побежал. Грудь его резало. Через пару секунд он должен будет сделать вдох. Но до этого он хотел оказаться в штольне. Он нашел черные орхидеи!

* * *

Эллсмере выстрелил не целясь. Одно из чудовищ упало прямо перед ним. В падении оно выбросило лапу вперед и рвануло его за правый рукав. Руку обожгло, словно огнем. Он услышал возле себя гудение дезинтегратора Кинга Поллака. У него не было времени повернуться к сержанту. Слишком много кенгуруподобных существ наступало на него со всех сторон. Движения его были ограничены, и он не мог использовать оружие на полную мощность. Если Кинг Поллак не поможет ему дезинтегратором, он пропал.

Тут он заметил, как джунгли внезапно превратились в ничто, и с двумя чудовищами, которые прыгнули на него, произошло то же самое. Это был Поллак! Это была помощь в самую критическую минуту! Огненный луч бластера попал в кенгуру при прыжке и превратил его в смолянисто-черное облако. Эллсмере перевел дух. Не все еще потеряно! Пока что есть возможность выиграть бой!

Эллсмере услышал яростный крик Поллака. Он хотел повернуться к нему, чтобы посмотреть, что там произошло. Он сделал это как раз вовремя, чтобы уголком глаза заметить мимолетное движение и очертания человеческой фигуры.

Потом он получил оглушающий удар по голове и потерял сознание.

Когда он снова пришел в себя, было темно. Но не совсем. Откуда-то просачивался мутный красный свет. Эллсмере хотел подняться, чтобы посмотреть на источник этого света, но обнаружил, что связан. Кроме того, все его тело болело, особенно голова, словно он целый час лежал под молотящими копытами несущегося галопом табуна лошадей.

И все же он смог повернуть голову. Он увидел перед собой очертания сидящего на корточках мужчины, повернувшегося к нему спиной, а за ним силуэт кучи горящих камней, которая теперь, в ночи, испускала слабое красное свечение и волны жара.

Не то что ему это очень уж помогло, но теперь он по крайней мере знал, почему место, где живет Перш Хэнколор, называется «Красные камни».

Он повернул голову в другую сторону и увидел неподвижную фигуру Кинга Поллака. Тот тоже был связан и, по-видимому, находился без сознания.

— Эй! — крикнул Орин неподвижному человеку.— Что это за обман? Почему вы нас оглушили?

Мужчина не спеша повернулся. Было слишком темно, чтобы увидеть его лицо, но этот низкий голос нельзя было не узнать.

— Животные ненавидят вас,— произнес Перш Хэнколор таким тоном, словно читал молитву.— И вы произнесли недружественные слова в адрес Духа леса.

Справа из темноты донесся всхлип. Кинг Поллак пришел в себя.

— Проклятье и...

— Что вы намереваетесь делать с нами? — осведомился Эллсмере.

— Это решит Дух.

— Когда?

— Когда пожелает.

— Тут ты ошибаешься, дружок,— прогремел голос Кинга Поллака.— Мы не одни. Нас уже ищут. Они знают, где мы. И когда наши люди найдут нас, пусть бог пощадит твоего разлюбезного Духа.

— Никто не имеет власти над Духом леса,— ответил африканец спокойно, почти равнодушно.— Никто не сможет освободить вас. Потому что завтра утром мы доставим вас в долину Духов, а оттуда еще никто не ускользал.

* * *

Холли рассказал о том, что он видел; Элиза так же, как и он, была знакома с предположением, которое высказал Эллис, ксенобиолог, обследовав тычинку цветка.

— Это может значить,— сказала она,— что сюда временами приходят люди.

— Или что орхидеи эти растут и в других местах,— возразил Холли, который старался не поддаваться излишнему оптимизму.

— Возможно. Но нам не стоит всегда рассчитывать на самое худшее.

Тошнотворный запах в конце концов проник и в штольню. Конечно, здесь он не достиг такой интенсивности, чтобы причинить серьезные неудобства Холли и его спутнице. И все же он был достаточно силен, чтобы вызвать у Холли ощущение, что он слишком много выпил. В следующий раз они должны обогнуть подземное озеро и, если возможно, найти продолжение штольни, по которой они пришли сюда. Перспектива эта не вызывала никакого воодушевления. Орхидеи были совершенно незнакомы Холли. Если он по ошибке попадет в такое место, где воздух не будет так продуваться, как здесь, то, когда свет упадет на эти странные растения, они оба мо-

гут погибнуть. Он не хотел, чтобы газ перекрыл им путь, и он изложил Элизе свой план. Но не успели они пройти и двух шагов, как Элиза положила свою руку на его, призывая к молчанию. Он напряг слух, но слух Элизы, вероятно, был тоньше, чем его. Она улыбнулась.

— Итак, я все же права,— прошептала она и взяла фонарик из его руки, чтобы выключить его.— Кто-то идет. Я слышу шаги и тихие голоса.

Осторожно, стараясь не издавать ни звука, они стали на ощупь пробираться в темноте к выходу из штольни. Ядовитый дым тем временем большей частью уже рассеялся. Только теперь Холли услышал тихое, ритмичное шлепанье голых ног по гладкому камню и изредка раздающиеся звуки человеческих голосов.

— Четыре или пять человек,— шепотом сообщила Элиза.— Они идут по этой стороне озера к штольне.

Холли дрожал от напряжения. Это должны были быть люди Хун-Чуина. И там, где они спустились вниз, они с Элизой могли подняться на спасительную поверхность. Звуки шагов приблизились. Холли уже начал бояться, что эти люди свернут в штольню, как вдруг услышал громкий чистый голос:

— Здесь мы начнем!

Шаги смолкли. Послышался стук, словно на землю поставили деревянный сосуд. Потом раздалось журчание. У Холли дыбом встали волосы, когда он представил себе, что люди в полной темноте вдруг наткнутся на одно из переплетений черных орхидей. Было неясно, как они ориентируются в темноте. Они, по-видимому, узнали, что подземная растительность не выносит света. Но что им надо было здесь, внизу?

Он услышал тихие щелчки, треск, журчание и иногда неясный возглас одного из присутствующих. Все это было так странно, что Холлингсуорт не мог уловить в этом никакого смысла. Он решил не терять больше времени.

Он вышел из штольни и шагнул туда, откуда доносились звуки. Люди были слишком заняты своей работой, чтобы заметить его. По его расчетам он находился примерно в десяти метрах от них. Он остановился и включил фонарик, тщательно направив луч света в пол.

Все звуки перед ним на секунду замерли. В отраженном свете фонарика он увидел пятерых людей, скудно одетых и вооруженных мачете. Несмотря на скудное освещение, он без труда узнал одного из членов группы: Март Хун-Чуин. На полу, недалеко от отверстия одной из ниш, стояли два плоских деревянных ящика. Они казались примитивными, сделанными в спешке. Из ящиков поднимался серый дым. Холли мгновенно понял, что здесь произошло.

Чуин и его люди пришли сюда, чтобы нарвать орхидей. Собран-

ные цветы они складывали в ящики. Они знали, что растения не переносят света, поэтому и не пользовались им. А он, хотя и прилагал все усилия, чтобы направить свет фонарика туда, где он не мог причинить вреда, уничтожил все-таки результаты их трудов.

Один из мужчин яростно взревел. Он, пригнувшись, пошел к Холли. Другие последовали за ним. Холли выключил фонарик и сунул его в карман. В этот момент первый нападающий добрался до него. Холли получил сильный удар в грудь и ответил косым свингом в челюсть, что швырнуло нападающего наземь. Другие тут же оказались рядом с ним. Холли многому научился на Устраке и, среди прочего, самозащите и ближнему бою. Его враги, напротив, казалось, долгое время не имели возможности поупражняться в кулачном бою. Холли получил много ударов, но те, которые он раздавал сам, были намного более эффективны.

Через пару минут он стал хозяином положения. Он снова вытащил фонарик и включил его. Возле самых его ног лежал профессор Хун-Чуин и моргал от непривычно яркого света. Вокруг него лежали, сидели или стояли на четвереньках четыре спутника профессора — один с быстро распухавшим синяком под глазом, второй — с кровоточащей царапиной на щеке, третьего тошнило, и он прижимал руки к животу, а четвертый лежал совершенно неподвижно, потеряв сознание или даже, может быть, мертвый.

Холли подхватил Чуина под мышки и поставил на ноги. Ящики с нарванными орхидеями находились довольно далеко. Они все еще дымились, но при опущенном вниз фонарике процесс разложения, очевидно, протекал так медленно, что опасной концентрации ядовитых газов не было.

— Я не хочу ссориться с вами, Чуин,— серьезно произнес Холли и выпрямился.— Я вам не противник.

Чуин удивленно посмотрел на него. Он, как и большинство азиатов, был на добрую голову ниже Холлингсуорта, коренастый и казался необычайно молодым.

— Кто вы? — недоверчиво осведомился он.

Холли представился. Его ответ заставил Хун-Чуина задуматься.

— Вы здесь... с космическим кораблем? С Земли?

— Не с самой Земли,— поправил его Холли.— Мы прибыли с Устрака, чтобы найти вас и ваших людей.

— Меня... и моих людей? Зачем?

— Чтобы доставить вас в безопасное место.

— В безопасное место? Но и здесь, где мы находимся, тоже безопасное место!

Холли покачал головой.

— Боюсь, вы не можете трезво судить об этом.

Чуин улыбнулся.

— Вы хотите увезти нас отсюда?

— Да.

— Куда?

— На Мир ста солнц.

Чуин задумался над этим. Название, казалось, пробудило в нем воспоминания. Прежде чем манипулирование с гравитационной постоянной Галактики затормозило его разум, он, конечно, хорошо знал, что такое Мир ста солнц и что он из себя представляет. В состоянии полной заторможенности все эти знания были полностью утеряны. Но вновь проснувшиеся воспоминания доказывали, что он, как и все земляне, в результате постепенно уменьшающегося влияния тормозящего поля, снова начал обретать разум.

Чуин поднял взгляд. Он все еще улыбался.

— Мы охотно отправимся с вами,— заверил он.

— Хорошо. Тогда пошли. Прежде всего мы должны выбраться на поверхность, чтобы поговорить с моим непосредственным начальством.

— Но мы ведь не будем так спешить, не правда ли? Сначала мы должны нарвать два полных ящика орхидей. А вы лучше выключите фонарик.

Холли несколько мгновений недоверчиво колебался. Но потом сказал себе, что сможет в любое время включить его снова. Кроме того, у него был бластер, а у Чуина и его людей, казалось, не было другого оружия, кроме мачете.

— Ладно,— согласился он.— Куда нужно доставить орхидеи?

Чуин продолжал улыбаться.

— Мы приносим их в жертву.

— Кому?

— Тому, кто помогает, учит, а иногда и наказывает. Духу леса.

9

Ночью Терри вернулся в лагерь. Он доложил о своем приходе Першу Хэнколору. Африканец указал на пленных.

— Ты знаешь их? — спросил он.— Они утверждают, что говорили с тобой.

— Да... мне кажется— произнес он.— О да, теперь я вспомнил. Я встретил их у горного ручья. Они дали мне съесть что-то, от чего мне стало плохо. Я знаю, что они хотели сделать мне зло. Я уже тогда подозревал это.

— Почему?

— Они легкомысленно отзывались о Духе леса.

Хэнколор веско кивнул.

— Они и здесь делали это. Поэтому на рассвете мы должны отвести их в долину.

Лицо Терри осветилось.

— О, конечно! — по-детски воскликнул он.— Духу еще никогда не приносились такие жертвы. Будет ли это сделано торжественно?

— Это будет сделано очень торжественно,— пообещал Хэнколор.— Чуинистам будет сообщено об этом. Они тоже принесут жертву.

Кинг Поллак давно уже снова заснул. Но Орин Эллсмере не спал и слышал весь разговор. Он не понимал его смысла, но теперь глубоко задумался над этим.

* * *

Орхидеи были нарваны. Казалось, уборка урожая орхидей была привычным делом для этих людей, потому что они справились с этим с удивительной ловкостью и гораздо быстрее, чем ожидал Холли. Наконец Чуин сказал, что он может включить свой фонарик.

Осмотрев ящики вблизи и без возбуждения, которое наполняло его в первые минуты встречи, Холли увидел, что они были совсем не примитивны, как ему показалось сначала. Они были грубыми, но абсолютно светонепроницаемыми. Он мог направить луч фонарика прямо на ящик, не причинив никакого вреда орхидеям.

Тем временем Элиза Кайнхен появилась из своего укрытия. Холли познакомил ее с Хун-Чуином, а тот со своей стороны представил ей остальных членов его группы. Холли с облегчением увидел, что никто из мужчин не обижается на него.

— Мы готовы идти! — сообщил Хун-Чуин.

Оказалось, что у людей Чуина были великолепные осветительные приборы. Они взяли с собой фонари, входящие в снаряжение экспедиции, и теперь пользовались ими. На пути сюда они их не включали, чтобы не причинить вреда светочувствительным орхидеям. Обратный путь пролегал вдоль берега озера. Холли увидел, что ниши, в которых росли орхидеи, находились лишь на ограниченном участке берега озера. Возможно было, что они нуждались в свежем воздухе, струящемся из штольни. Озеро становилось все уже и заканчивалось заливчиком шириной не более двух метров, от которого вглубь каменного массива уходила штольня. Штольня эта была метров двести длиной и заканчивалась обширной шахтой, в верхнем конце которой был виден дневной свет. В шахту спускался примитивный канат толщиной в руку, к нижнему концу которого была прикреплена широкая плоская корзина почти трех метров в диаметре. Сначала в корзину были погружены оба ящика. Затем Хун-Чуин потянул за трос, и мгновение спустя корзина рывками

пошла вверх. По-видимому, там, наверху, находилась группа людей, которые приводили в движение этот первобытный лифт.

Прошло некоторое время, и пустая корзина вернулась вниз. Следующими поднялись Элиза и один из людей Хун-Чуина. Холли был обеспокоен. Он не имел никакого представления, как чувствует себя Элиза наверху. Затем пришел черед подниматься ему и Чуину. Подъем, казалось, длился целую вечность. Когда они, наконец, поднялись над краем шахты, Холли увидел Элизу, оживленно разговаривающую с группой мужчин, которые вращали рукоять огромных размеров. Рукоять приводила в движение колесо странной машины, похожей на неподвижно закрепленную лебедку. Колеса и шестерни ее были из дерева, а все это сооружение напоминало музейный экспонат. Но, несмотря на это, она произвела на Холли глубокое впечатление. Чуин и его люди за короткое время обрели достаточно разума.

Пока корзина опустошалась и снова спускалась в шахту, чтобы забрать последних сборщиков орхидей, Элиза широким шагом подошла к Холли.

— Я пыталась объяснить этим твердолобым,— воскликнула она,— что мы пришли сюда для того, чтобы отвезти их в безопасное место. Но они лишь усмехаются и утверждают, что они здесь в полной безопасности.

— Это понятно,— ответил лейтенант.— Они еще не осознают необычности своего положения и поэтому чувствуют себя совершенно нормально. На вашем месте я не говорил бы с ними об этом.

Существовала опасность, что в своем излишнем усердии Элиза вредно повлияет на людей. Этого нужно было избежать. Холли приказал ей оставаться возле него. Таким образом ему было легче наблюдать за ней. Четыре человека, обслуживающих древнюю лебедку, теперь взялись за транспортировку ящиков. Группа под руководством Хун-Чуина медленно двинулась вперед. Они находились в широкой долине, окруженной довольно крутыми горами. Нигде не было видно характерных очертаний месы, на которой с ним и Элизой произошел несчастный случай. О ней ему нечего было сказать. Холли не имел никакого представления, как выглядела меса после обвала; возможно, она полностью исчезла. Солнце стояло довольно низко. На траве сверкали капли росы. Было утро. По положению солнца Холли определил, что они движутся в юго-западном направлении. Долина поросла лесом и редким кустарником. Группа Хун-Чуина быстро продвигалась вперед.

Холли вытащил из кармана радиоком. Не делая из своего намерения никакой тайны, он поднес аппарат ко рту и стал говорить. На борту УСТ-3048 удивились и одновременно обрадовались его внезапному появлению в эфире. Поисковая группа, осматривавшая то место, где они были раньше, была тотчас же отозвана на корабль.

Его радиосообщение запеленговали и сообщили ему, где он находится в настоящее время. Он, судя по этому сообщению, находился километрах в двадцати от того места, где с ним произошло несчастье. Это объясняло, почему он не видел месы. Вероятно, она находилась где-то за горами.

Потом он узнал, что Эллсмере и Кинг Поллак с раннего полудня прошлого дня не подавали о себе никаких вестей. Как и в случае с Холли гиперком, находящийся в глайдере, был в полной исправности, только не было никого, кто мог бы им воспользоваться. Но, в отличие от случая с Холли, оба радиокома, которые обычно имели при себе Эллсмере и Поллак, хотя и были в порядке, не отвечали. Капитан Кохем решил после полудня начать активные поиски, если Эллсмере не отзовется до тех пор. Холли посоветовал ему немного подождать, и Кохем последовал его совету.

Во время движения по берегу подземного озера у Холли не было возможности побеседовать с Хун-Чуином или с кем-то из его людей. Они находились в постоянном движении, и его любопытство пока что оставалось неудовлетворенным. Теперь же он хотел удовлетворить его. Не отпуская от себя Элизу, он зашагал быстрее, пока не нагнал Чуина, шедшего во главе группы. Он сразу перешел к делу:

— Два моих товарища, такие же люди, как и я, тоже ищут вас. Мне сообщили, что они исчезли. Вы что-нибудь знаете об этом?

Кореанец улыбнулся непостижимой улыбкой.

— Я уже начал удивляться, почему эти нейтринисты приносят жертву в такое необычное время,— ответил он.— Возможно, они взяли в плен ваших товарищей.

— Нейтринисты?

— Да, на этой планете есть две группы людей — нейтринисты и чуинисты. Последние — мы сами. Мы находимся на пути к свету, в то время как нейтринисты решили остаться во тьме примитивной жизни. Мы не знаем, почему это так, и считаем наш образ жизни единственно правильным. Но перед Духом, очевидно, обе группы равны, потому что он защищает нейтринистов так же, как и нас.

— Когда мы сможем выяснить, действительно ли нейтринисты взяли в плен двух наших людей?

— В ближайшее время. Мы не будем долго задерживаться в деревне и сразу же отправимся в долину Духов.

— Она далеко?

Хун-Чуин поднял взгляд и определил положение солнца на небе.

— Солнце будет еще видно, когда мы доберемся до долины Духов.

— Как приносятся жертвы? — спросил Холли.

— Наши люди приносят оба ящика к центру камней и оставляют их там.

— Камней?

— Да, долина Духов полна камней. Их там тысячи. В центре находится свободная площадка из блестящего камня, на которой не растет ни один стебелек. Наши люди там ставят ящики. Потом они уходят оттуда, потому что мы, чуинисты, наблюдаем за жертвоприношением со склонов долины. Нейтринисты, напротив, открывают крышки ящиков. Они стоят неподвижно, пока дым не развеется. Потом они возвращаются в лес. Они думают, что регулярные жертвоприношения обеспечат им милость и защиту Духа леса.

— А что произойдет с двумя нашими людьми, которых они принесут в жертву? — осведомился Холли.

— Нейтринисты предложат их в качестве особого подношения. Я уверен, что Дух примет от нейтринистов обе эти жертвы.

— Что-нибудь подобное уже происходило?

— Нет, никогда. Но я знаю действие орхидей,— он подмигнул Холли.— Я убежден, что нейтринисты настолько глупы только потому, что непрерывно нюхают дым этих орхидей. Совершенно ясно, что они привяжут обоих пленников вблизи этих ящиков.

— Я должен предотвратить это,— серьезно произнес Холли.

Чуин отрицательно покачал головой.

— Я не знаю, каким образом вам удастся это сделать. Никто еще ничего не мог поделать против воли Духа.

— Вы меня не понимаете. Мы прибыли сюда, чтобы спасти вас. Даже если вы в данный момент не можете представить себе, что вас необходимо спасать. Мы прибыли, чтобы забрать вас с этой планеты. Вас, ваших людей и нейтринистов в том числе. Мы должны торопиться. У нас нет времени смотреть на всякие фокусы, когда наши товарищи находятся в опасности. Я позабочусь о том...

Хун-Чуин остановился, повернулся и положил свою руку на его.

— Я понимаю вас,— серьезно ответил он.— Но так же, как вы хотите спасти нас, вы хотите многое узнать об этом мире, не так ли? Что вы узнаете, если вторгнетесь сюда с грубой силой? Ничего, потому что Дух избегает насилия. Идемте с нами. Посмотрите, что происходит в долине Духов. Потом решите, что вам делать.

Он говорил настойчиво, и Холлингсуорт наконец позволил себя убедить.

Они пошли дальше. За час до полудня они добрались до деревни. Она состояла из четырнадцати-пятнадцати хижин, сделанных из стволов деревьев и крытых травой. Все казалось очень примитивным и в то же время аккуратным. В деревне жили сто двадцать человек, это было общее количество чуинистов. Чуин остановился там лишь ненадолго. Он собрал своих подчиненных и сообщил им, что он с группой из десяти человек отправится в долину Духов. На

прибытие двух чужаков, казалось, почти никто не обратил никакого внимания. Была пара любопытных взглядов, но никто не отваживался задавать вопросы. Среди собравшихся Холли увидел женщину, которая две ночи назад убежала от него в руинах Пойнт-Чуина.

В полдень они отправились дальше. Около трех часов пополудни они достигли края долины. Затем преодолели узкий перевал. В конце перевала Холли увидел, что долина на самом деле была высокогорьем. Местность перед ними спускалась, переходя в равнину, покрытую джунглями, над которыми поднимались испарения.

Он достал радиоком.

— Кохем?

— Да. Что случилось?

— Полная готовность! Мы на пути в долину Духов. Теперь я буду выходить на связь каждые десять минут. Если не будет связи, идите мне на помощь!

— Понятно,— ответил Кохем и отключил связь.

Лишь через некоторое время Холли стало ясно, что он отдал приказ своему начальнику, старшему по званию.

* * *

Около полудня лагерь на краю полянки вновь пробудился к жизни. Только что все здесь сладко дремали, теперь же, без всякой команды, все внезапно оказались на ногах. Перш Хэнколор заснул незадолго до восхода солнца, но, по-видимому, выспался и теперь был одним из самых активных мужчин в лагере — но никто не мог себе представить, на что была направлена его активность.

Однако Эллсмере был рад еще и тому, что так плотно поел во время вчерашнего пира. Он все еще не испытывал голода, но его постепенно начала мучить жажда. У Кинга Поллака было то же самое. Он выругался.

Наконец к пленникам подошел Хэнколор в сопровождении пяти мужчин и развязал их настолько, что теперь они могли встать.

— Мы отправляемся в долину Духов,— коротко сообщил он.

— Я не сделаю ни шага, пока вы меня не напоите! — громко сказал Кинг Поллак.

Кто-то принес им попить. Это была теплая, несвежая вода, но у них не было другого выбора. Потом они отправились в путь. Отправилась вся группа. Очевидно, людям хорошо была знакома эта дорога, потому что они легко находили тропинки и отверстия в подлеске, где Эллсмере видел только густые, переплетенные лианами джунгли. Поэтому они довольно быстро продвигались вперед. Сначала местность была ровной. Потом начала опускаться, и джунгли стали реже.

Эллсмере спросил себя, когда же вмешается Кохем. До сих пор его промедление не особенно беспокоило майора. Теперь положение стало неприятным. Из последних сообщений, поступивших на УСТ-3048 Кохему, было известно, что они вот-вот вступят в контакт с теми, кого они искали. Так что пройдет некоторое время, прежде чем отсутствие дальнейших сообщений будет расценено как сигнал о помощи, и попавшим в беду она будет оказана. Но с того времени, как их взяли в плен, прошло уже двадцать четыре часа, и Эллсмере начал удивляться терпению Кохема.

Он несколько раз пытался втянуть в разговор Перша Хэнколора. Но африканец сторонился его, а когда однажды Эллсмере неожиданно оказался поблизости, он был неразговорчив, и в его словах не было ничего существенного. Все же майору удалось узнать, что Хэнколор несет с собой аппаратуру и оружие, отобранные у пленников, чтобы принести все это в жертву Духу леса. На глайдер он, по-видимому, не обратил внимания. Упоминание Эллсмере о машине не вызвало у него никакой особой реакции.

До захода солнца оставалось два часа, когда джунгли внезапно кончились, и перед глазами людей открылась находящаяся перед ними местность. Наклон почвы стал круче. Эллсмере, шедший вместе с Кингом Поллаком во главе группы, увидел склон, который через полкилометра переходил в широкую, гладкую равнину, которую покрывала трава и редкие кусты. Но это было не то, от чего застыла кровь в жилах Эллсмере. Если вид котловины, в которой они охотились на антилоп, впечатлил его, то от того, что он увидел здесь, у него перехватило дыхание.

Дно долины, насколько хватало глаз, было покрыто обелисками. Они стояли вплотную друг к другу, а долина была раза в четыре больше, чем воронка, в которой Эллсмере спас жизнь Кингу Поллаку.

Здесь были тысячи обелисков. Все дно долины было сплошь усеяно ими.

Орина Эллсмере охватил озноб, несмотря на жару и палящее солнце, повисшее над долиной.

Перш Хэнколор и его люди тоже на некоторое время остановились, выйдя из джунглей, когда перед ними открылся этот фантастический вид. Они стояли неподвижно, устремив взгляд в почву, словно молясь про себя. Потом они отправились дальше. Африканец вел своих людей среди обелисков. Они прошли больше километра, и Орин Эллсмере уже было подумал, что он недооценил количество обелисков, их здесь, должно быть, было много тысяч.

И ни один из них не отбрасывал тени.

В конце концов стена обелисков раздалась в стороны. Стала видна круглая, чистая площадка. Насколько Эллсмере мог видеть, она находилась примерно в центре долины. Площадка была до-

статочно большой, чтобы принять всех трехсот приверженцев Хэнколора. Перш упал и вытянулся на траве. Его люди сделали то же самое. Не было никакого сомнения: цель была достигнута.

Увидев, что с ними, а также вокруг пока что не происходит ничего особенного, Орин Эллсмере сел на траву. Поллак уселся рядом с ним.

— Что теперь? — спросил он хриплым голосом.

— Будем ждать. Когда-нибудь Кохем даст знать о себе.

Поллак что-то мрачно пробурчал. Потом заметил совершенно другим тоном:

— Вероятно, я не должен говорить этого в открытую — но мне здесь жутко.

Эллсмере усмехнулся.

— Ты не одинок, Кинг. Я чувствую то же самое.

Он осмотрелся. Один из людей Перша Хэнколора, постоянно находящихся поблизости от пленников, притащил с собой сплетенную из лыка сумку. Теперь она лежала на траве возле него. Больше ни у кого не было такой сумки. Можно было предположить, что в этой сумке находятся оба бластера, дезинтегратор Кинга и оба радиокома. Если бы только добраться до них! Орин рванул путы, которыми его руки были привязаны к телу, но ему удалось лишь немного ослабить их.

Прошел час. Потом Хэнколор внезапно поднялся. Его люди, словно марионетки, последовали за ним. Все взгляды были направлены туда, откуда они пришли. Затем Эллсмере и Поллак услышали шелест травы. На краю площадки появились четыре человека, которые, по-видимому, не принадлежали к группе Хэнколора. Они несли два плоских продолговатых ящика и при виде расположившихся здесь людей, казалось, заколебались. Перш Хэнколор встал сам и поднял своих людей. Он жестом предложил вновь прибывшим подойти:

— Несите жертву сюда!

Мужчины повиновались. Оба ящика были поставлены в центре площади. Принесшие их обменялись с африканцем парой слов, потом поспешили прочь, и было видно, что им неохота задерживаться здесь дольше, чем нужно. Хэнколор смотрел на принесенные ящики почти с благоговением. Потом повернулся и воздел руки вверх.

— Жертвоприношение начинается! — воскликнул он.

Он нагнулся и схватился за крышку первого ящика. Мощный рывок, и крышка легко отскочила. Эллсмере услышал громкий шипящий звук и увидел серый дым, поднимающийся из деревянного сосуда. Хэнколор подскочил ко второму ящику. Он открыл и его. В нем тоже зашипело, и поднялся серый дым.

Эллсмере втянул этот дым в нос, и у него почти мгновенно за-

кружилась голова. Его затошнило. Перш Хэнколор, который стоял между ящиков и первым вдыхал поднимающийся из них дым, казалось, не испытывал никакого вредного воздействия. На его лице появилось выражение высшего удовлетворения. Он начал ритмично притопывать ногами. Затем запел. Это был монотонный, тягучий напев, слов и смысла которого Эллсмере не понимал, хотя слушал внимательно.

Тем временем дым окутал всю площадку. Эллсмере затошнило еще сильнее. Голова его закружилась так, что он едва мог удержаться на ногах. Кинг Поллак закричал, как раненый лось. Люди Хэнколора теперь тоже приняли участие в этом притопывающем танце, и их монотонный напев слился с монотонным напевом их вожака.

Это была впечатляющая сцена, гротескность которой Орин Эллсмере смог бы оценить намного лучше, если бы ему не было так дурно: триста земных ученых, предающихся ритуалу идолопоклонства!

Он больше не мог выносить запаха этого дыма. Кингу Поллаку, насколько он мог видеть самым краешком глаза, было не лучше. Теперь Эллсмере казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Он почувствовал, как оно начинает улетучиваться, уступая место чужому, настойчивому влиянию. Он чувствовал, как чужой дух порабощает его душу, и этот процесс настолько захватил его, что он на мгновение даже забыл приказ, который дал самому себе:

Он должен защищаться!

С быстротой и силой удара молнии сознание вновь вернулось к нему. В эту секунду он с болезненной ясностью понял, что речь идет о его жизни, о жизни Кинга Поллака и всех этих людей.

Он тотчас же начал действовать, в отчаянной попытке разорвав путы.

Одним прыжком он добрался до сумки, владелец которой вместе с остальными своими товарищами самозабвенно извивался в культовом танце, и открыл ее. Затем засунул в нее руку. Первое, что он нащупал там, была металлическая рукоятка дезинтегратора.

Он выхватил оружие и тут же нажал на спуск. Веерное, мерцающее зеленоватое свечение пожрало первый ближайший обелиск. Все было так же, как вчера вечером, в котловине. Едва оружие начало действовать, как камень исчез в фиолетовой вспышке.

Орин Эллсмере на этом не остановился. Рассеянный луч дезинтегратора пожрал второй обелиск, затем третий... Площадка ярко осветилась и стала намного шире. В диком триумфе Эллсмере повернулся вокруг собственной оси. Танцоры попадали на землю, сопровождая движения своих тел бешеными движениями сумасшедших, потускневших глаз. Луч дезинтегратора пролетал над ними, выгрызая каменные образования по обеим сторонам площадки. Это было так просто, что сначала ускользнуло от сознания Орина Элл-

смере. Оба ящика все еще дымились, но дым больше не мешал ему. Теперь это был не только дым, грозящий отобрать у него разум — этот дым смешивался с дымом обелисков, становясь совершенно безопасным.

Тут по долине внезапно пронесся чудовищный порыв ветра. Поднялись клубы пыли, и дым из ящиков унесло на юг. Затем последовал второй порыв ветра, еще сильнее первого. Эллсмере слышал вой ветра в бесконечных аллеях, образованных рядами обелисков.

Песок и трава хлестали его лицо. Но он держался прямо, и луч дезинтегратора, пробивая густые облака пыли, продолжал хлестать передние ряды обелисков, уничтожая их один за другим.

Третий порыв ветра сбил Эллсмере с ног. Он успел вовремя выключить оружие, чтобы не пострадали невинные. Теперь ему стало ясно, что здесь происходит. Он недооценил противника. На этот раз было недостаточно вывести из строя пару обелисков. Количество их здесь было так велико, что он не сможет обезвредить их все. Они, напротив, смогут защититься от опасности, которую представляет для них его оружие. Ураган, который сейчас бушевал в долине, не мог иметь естественного происхождения.

Это был ураган, вызванный обелисками!

10

Ко времени, названному Хун-Чуином, отряд добрался до края долины Духов. Кореанец повернулся к своим гостям и сказал:

— Нейтринисты и оба ваших товарища уже в долине. Что вы хотите делать?

Холли бросил взгляд мимо него и увидел широкий след, тянувшийся по траве в западном направлении.

— Подождем,— решил он.

— Хорошо. А теперь мои люди должны отнести эти ящики вниз.

Он подал знак. Четыре человека взяли оба ящика и быстрыми шагами направились вниз, в долину. Не прошло и двадцати минут, как они вернулись назад.

Хун-Чуин указал в долину:

— Жертвоприношение сейчас начнется! — громко произнес он.

Над морем обелисков поднялся серый дым. Холлингсуорт зачарованно смотрел на обширную долину. Взгляд его искал Эллсмере и Поллака, но их нигде не было видно.

Тут внизу что-то ярко вспыхнуло. В дыму, сгустившемся в облако, фиолетово вспыхнуло. Затем вторая вспышка, потом третья...

Хун-Чуин побледнел.

— Дух сердится! — с трудом выдохнул он.— Кто-то оскорбил его!

Холли включил радиоком.

— Кохем, это Холлингсуорт. Идите сюда со всем, что у вас есть! Это становится серьезным!

Он не имел никакого представления, что означают эти фиолетовые вспышки, но было самое время вызволять Эллсмере и Поллака из их бедственного положения. Он сообщил Хун-Чуину о своем решении.

— Вы не должны ходить туда! — горячо запротестовал кореанец.— Вы там обязательно погибнете! Тогда все увидят, каков гнев Духа...

— Дух меня совершенно не беспокоит! — грубо прервал его Холлингсуорт.— Там, внизу, два моих товарища находятся в опасности!

Он помчался прочь. Кто-то окликнул его по имени. Он оглянулся и увидел Элизу Кайнхен, бегущую по склону. Он хотел остановить ее, но теперь у него совершенно не было времени спорить.

Они уже преодолели половину склона, когда начался ураган. Он, казалось, зародился в центре долины и теперь быстро распространялся во все стороны. Он гнал перед собой пыль и обрывки растений, и вскоре вся долина была погружена в гигантское облако пыли. К счастью, сами обелиски представляли из себя хоть и слабое, но укрытие. Прыгая от одного обелиска к другому, каждый раз задерживаясь с их подветренной стороны, Холлингсуорт удивительно быстро продвигался вперед, хотя урагану пару раз удалось сбить его с ног. Элиза была достаточно умна, чтобы все время держаться рядом с ним, тоже под прикрытием обелисков.

Холли не знал, сколько времени ему придется бороться с ураганом, но тут внезапно прямо перед ним вспыхнула фиолетовая молния. Он бросился на землю, но не из-за молнии, а из-за бледно-зеленого сияния, расходящегося веером, которое он увидел за долю секунды до того, как молния ослепила его. Он крикнул изо всех сил:

— Не стреляйте! Эллсмере, Поллак... не стреляйте! Это же я!

Сквозь бешено мчащуюся пыль проступило круглое лицо. Кинг Поллак. Он указывал в том направлении, откуда пришел, и хрипел:

— Эллсмере... там... лежит... без сознания. Около трехсот человек...

Потом он поднял оружие и снова начал обрабатывать обелиски. Каждый раз, когда бледно-зеленый веерный луч касался ка-

менного образования, оно растворялось, исчезая в фиолетовой вспышке.

Холли все понял! Теперь он знал, что ему делать. Не обращая внимания на просьбу Кинга Поллака, он вызвал УСТ-3048. Капитан Кохем тотчас же отозвался.

— Мы видим вас в визир! — сообщил он.— Корабль находится в стороне, над восточным краем долины, на высоте десяти тысяч метров. У нас все готово!

Холли прижал крошечный аппарат к губам, чтобы его можно было услышать сквозь вой урагана.

— На северном краю долины находится профессор Хун-Чуин, а с ним чуть более сотни человек. Подберите их всех, прежде чем они удерут!

— Уже сделано. Люди сильно испугались при виде корабля, но мы послали два глайдера и с минуты на минуту ожидаем их возвращения.

— Хорошо. Ураган, по-видимому, вызывается обелисками. Эллсмере в опасности, а вместе с ним и триста человек из бывшей команды Хун-Чуина. Есть только одно-единственное решение: обелиски должны быть уничтожены. Лучше всего для этого подходят дезинтеграторы. Начинайте с краев долины и продвигайтесь к ее центру. Только не забывайте, что мы тоже прячемся среди обелисков.

— Будет сделано! — подтвердил Кохем.

Холли снова начал пробиваться сквозь пыль. Ураган, казалось, с каждой секундой набирал силу. Холли было трудно дышать. Глаза, уши, рот и нос были забиты пылью. Он едва мог видеть и чуть было не наткнулся на неподвижное тело Эллсмере. Возле него присела Элиза.

— Удар камнем! — крикнула она.— Его ударили камнем по голове!

Холли кивнул и нагнулся, чтобы поднять Эллсмере. В это мгновение ураган разразился с новой яростью. Холлингсуорта сбило с ног посреди движения. Ураган поднял его и понес с собой. Его убийственной силой швырнуло на один из обелисков, и он мгновенно потерял сознание.

* * *

Когда он пришел в себя, вокруг было пугающе тихо. Его наполняло странное чувство удовлетворения. Он вспомнил свое ужасное падение и удивился, почему же он не чувствует никакой боли. Он осмотрелся и обнаружил, что лежит в корабельной каюте.

Открылась дверь. Орин Эллсмере, улыбаясь, посмотрел на пациента.

— У тебя пара царапин и небольшое сотрясение мозга. И больше ничего,— внезапно он стал серьезным.— Мне все это не доставляет никакого удовольствия. Хотел бы я, чтобы нас вырубило каким-нибудь другим способом. Я пришел в себя как раз вовремя, чтобы увидеть конец урагана. Хэнколор и его люди частью были без сознания, частью наполовину обезумели от ужаса. Нам не составило никакого труда взять их и перенести на борт корабля.

Через несколько минут лейтенант Холлингсуорт вошел в централь управления гигантского транспорта. Кроме него там находились лишь Орин Эллсмере и капитан Кохем. При крошечном экипаже такого космического гиганта люди должны были быть распределены по всему кораблю, чтобы как можно лучше выполнять свои многочисленные обязанности.

Внезапно раздалось гудение зуммера. Эллсмере был явно удивлен. Он не ожидал от этого забытого богом мира больше никаких неожиданностей. Майор подошел к пульту управления и заметил на экране, связанном с детектором, крошечную черную точку.

— Кохем?

— Я здесь!

— К нам посетители. Маленький быстрый глайдер направляется прямо к нам. Я не думаю, что нам грозит какая-то опасность. Но, на всякий случай, подготовьте парочку лучевых пушек.

Кохем тотчас же принялся за работу. Чужой глайдер находился еще на расстоянии двухсот километров от корабля, а оба орудия уже были готовы. Глайдер приближался со значительной скоростью. Совершив головоломный маневр, привлекший внимание Эллсмере, глайдер влетел в долину с юга. Теперь он стал виден в оптике. Он имел форму чрезвычайно плоского диска.

Глайдер совершил посадку на расстоянии километра от нижней точки УСТ-3048, но внутри зоны, ограниченной экваториальной выпуклостью космического транспорта. Открылся люк, и в нем появилась фигура гуманоида. Это был мужчина среднего роста, одетый в плотно облегающий тело черный комбинезон. Он приблизился к нижней точке гигантского корабля на сотню метров и остановился.

— Мне кажется, он хочет что-то сказать,— крикнул Эллсмере.— Внешние микрофоны!

Щелкнуло несколько переключателей. Через секунду раздался глубокий, сочный голос чужака:

— Миллионы нашли здесь свой мир! Они пришли в интересах всех. Почему вы им мешаете?

Затем он внезапно повернулся и направился к своему глай-

деру. Вскоре диск снова пришел в движение. Он со значительным ускорением устремился в безоблачное небо и, спустя минуту, стал абсолютно невидим даже для самых чувствительнейших приборов.

Эллсмере повернулся и задумчиво произнес:

— Это была короткая проповедь морали — сообщение о вреде, который мы причинили обелискам.

Через двадцать минут УСТ-3048 стартовал. Курс — Мир ста солнц.

И тут произошло чудо, которого до сих пор никто не видел. Как только гигантский корабль нырнул в линейное пространство, у профессора Хун-Чуина и его более чем четырехсот ученых вновь проснулся их прежний разум.

В централи управления состоялось первое совещание, в котором приняли участие Эллсмере, Холлингсуорт, Хун-Чуин и Перш Хэнколор.

— Я могу все это объяснить только тем,— начал Хун-Чуин,— что обелиски, или что там скрывается за ними, использовали нас в качестве подопытных кроликов. Мы были разделены на две неравные группы. Чуинисты должны были развиваться естественным путем, и со временем к ним вернулась бы небольшая часть их первоначального разума. Нейтринистов, напротив, держали в состоянии глубочайшего торможения разума. При этом орхидеи должны были играть важную роль. Дым цветов в сочетании с присутствием обелисков оказывал тормозящее воздействие на разум нейтринистов. Одновременно усиливалась зависимость от Духа леса. Влияние это было ограниченной продолжительности. Поэтому так называемые жертвоприношения должны были проводиться через равные промежутки времени.

— А кто такой, как вы думаете, Дух леса?

— Все обелиски вместе взятые,— без колебаний ответил Хэнколор.— Они врастили нам в мозг это название, потому что его легко было запомнить.

— Я убежден,— добавил Хун-Чуин,— что в то мгновение, когда мы вновь обретем свои мыслительные способности, к нам вернется множество воспоминаний, полученных во время пребывания на Обелиске. Мы находимся на корабле всего лишь пару часов, а мне кажется, что эпизод с приключениями на Обелиске произошел в далеком прошлом, много лет назад. В любом случае, твердо установлено, что нейтринисты так же, как и чуинисты, находились с Духом леса — или с обелисками — в постоянном парапсихическом контакте.

— Когда вы сейчас пытаетесь вспомнить прошедшие годы,— сказал Эллсмере,— то кем вам кажутся обелиски — врагами, друзьями или они вам безразличны?

Чуин некоторое время обдумывал вопрос.

— Они не были нашими врагами,— ответил он наконец.— Они могли уничтожить нас в любое время. Вместо этого они заботились о нас. Они пригоняли из леса животных, заставляли их падать мертвыми перед нами, так что нам оставалось всего лишь освежевать и приготовить их. Нет, они, конечно, не были и друзьями. Как я уже говорил, их интерес к нам был интересом к подопытным животным.

— И я того же мнения,— неожиданно вмешался Роберт К. Холлингсуорт.— При этом я думаю о несчастном случае, произошедшем со мной и Элизой.

Эллсмере веско кивнул.

— Вы доставляете мне все больше трудностей, господа. Чем больше мы говорим об обелисках, тем более в дружественном свете они предстают, и мне приходится только сожалеть, что я так грубо обошелся с ними.

* * *

Четырнадцатого августа 3442 года по всеобщему времени УСТ-3048 совершил посадку на Мире ста солнц. Так как эта планета находилась за пределами Млечного Пути, в межгалактическом пространстве, здесь не ощущалось ни следа влияния тормозящего разум поля. Хун-Чуин и его люди вновь обрели свой прежний разум сразу же после того, как корабль покинул линейное пространство.

Хун-Чуина принял Джеффри Варингер. Он целый час информировал его о недавних событиях в Галактике и на Мире ста солнц. Он сообщил также о своих безуспешных попытках разработать аппарат, который мог бы нейтрализовать тормозящее влияние поля, возникшего в результате манипуляций с гравитационной постоянной Галактики.

Хун-Чуин молча слушал его. Потом он выразил желание посмотреть на четыре обелиска, недавно материализовавшихся на Мире ста солнц. Оба мужчины без сопровождения отправились в путь.

Хун-Чуина охватило странное чувство, когда он, находясь в тысячах световых лет от Обелиска, в первый раз оказался перед одним из представителей чужого народа. Он чувствовал, как это каменное образование, не отбрасывающее теней под светом солнц, странным образом притягивает его.

И внезапно произошло чудо.

В его мозгу сформулировалась мысль, картинка, впечатление...

— Чужак, пришедший от наших братьев... Друг...

— Почти час Хун-Чуин стоял перед обелисками, неподвижно, не обращая внимания на окружающее.

Затем он улыбнулся.

— Я знаю, почему вам не удается сконструировать аппарат для нейтрализации тормозящего разум поля.

Варингеру не удалось скрыть своего удивления.

— Вам это известно?

Хун-Чуин кивнул. А потом сказал то, что часто вспоминалось Джеффри Варингеру в следующие недели и месяцы:

— Камень знаний есть не только на Земле. Он есть также и здесь, на вашем Мире ста солнц.

СОДЕРЖАНИЕ

ТУМАН ПОЖРЕТ ИХ ВСЕХ 3
ТРИ ДЕЗЕРТИРА 111
ИДОЛ ПАССЫ 191
ФАБРИКА ДЬЯВОЛА 269
ТЕЛЕПОРТЕРЫ, ВНИМАНИЕ! 345
ОБЕЛИСКИ БЕЗ ТЕНЕЙ 421

Литературно-художественное издание

КУРТ МААР

ФАБРИКА ДЬЯВОЛА

Фантастические романы

Редактор *Н. А. Воронова*
Художественный редактор *А. В. Гришин*
Технический редактор *Г. В. Стачева*
Корректор *Е. А. Кокорина*

Сдано в набор 24.02.93. Подписано в печать 20.08.93. Формат 60×84 1/16. Бумага книжно-журнальная и газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 28,83. Уч. изд. л. 31,92. Усл. кр.-отт. 30,22. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4048. С 017.

Издательство «Флокс». 603000. Н. Новгород, ул. Костина, 20.

ГИПП «Нижполиграф». 603006. Н. Новгород, ул. Варварская, 32.

